This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

517

Одиц. Ук. 111/55

Ч.ч.

Л-1
3284

X
8440

Putevye ocherki.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ.

---

1. **Афонская гора** . . . . . *N.*
2. **Скорпіоны Закавказья** . . . . . *Свиридовъ.*
3. **Льды и степи** . . . . . *Диксонъ.*
4. **Мерзлый край** . . . . . *Лебедевъ и Норъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧ., № 39.
1878.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 декабря 1877 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Аѳонская гора	1
Скорпіоны Закавказья	47
Льды и степи	107
Мерзлый край	175

АѲОНСКАЯ ГОРА

(Изъ воспоминаній путешественника).

Кому изъ историковъ, рѣшая какую нибудь трудную историческую задачу, не приходило на мысль, хотя на часъ, переселиться самому въ тотъ отдаленный періодъ, который онъ описываетъ, для того чтобы со всею истиною возстановить его прежнюю физіономію, его нравы и образъ мысли людей того времени. Писатель торжествуетъ, когда ему удается взглянуть яснымъ современнымъ взглядомъ на одну изъ эпохъ, память о которой дошла до насъ искаженная невѣжествомъ, и если при томъ всѣ усилія критики возстановить истину, оставались тщетными. Въ большей части случаевъ приходится обращаться къ тому принципу, при помощи котораго исправлено уже много историческихъ ошибокъ, а именно: что различныя фазы исторіи человѣчества имѣютъ между собою много тождественнаго. Поискавъ пристально вокругъ себя, историкъ въ этомъ обширномъ мірѣ всегда найдетъ среди позднѣйшихъ расъ еще живые типы отжившаго уже общества. Въ этомъ отношеніи, широкое поле для разработки представляетъ Востокъ,—эти страны богатыя всевозможными неожиданностями.

Ему мы обязаны рѣшеніемъ многихъ историческихъ задачъ; къ одной изъ его удивительнѣйшихъ реликвій мы и теперь обратимся съ тѣмъ, чтобы она открыла намъ завѣсу весьма мало еще извѣстной эпохи среднихъ вѣковъ Византіи. Въ настоящемъ очеркѣ монахи Аѳона постараются удовлетворить нашему желанію. Уже съ давнихъ временъ, эта Богомъ управляемая республика, этотъ пощаженный вѣками уголокъ на забытомъ берегу Эгейскаго моря, не переставалъ возбуждать къ себѣ всеобщій интересъ. Аѳонскіе монасты

ри, какъ нѣкіе музеи, намъ представятъ во всеоружіи вѣкъ Византіи, свидѣтельства о которомъ съ трудомъ отыскиваются по своей рѣдкости. Цѣною нѣсколькихъ дней жизни аскета, намъ удалось поближе ознакомиться съ самымъ нѣдромъ XII вѣка. Долго ожидаемый случай представился наконецъ, и въ іюлѣ мѣсяцѣ мы сѣли на одинъ изъ турецкихъ пароходовъ, который, отправляясь съ пилигримами, долженъ былъ насъ доставить на Святую Гору, вообще рѣдко посѣщаемую обыкновенными срочными пакетботами.

Едва мы разстались съ меркантильною суетностью Золотаго Рога и вошли на палубу отходящаго судна, какъ вдругъ очутились совершенно въ другомъ мірѣ. Съ капитаномъ генуэзцомъ и нѣсколькими матросами, турками, управлявшими ходомъ тяжелой машины, мы одни только были свѣтскіе люди, среди многочисленной толпы духовенства. Высшія духовныя особы заняли корму парохода и тамъ какъ бы раздѣлились на двѣ группы. Одну составляли Никейскій митрополитъ и архіепископъ города Лариссы съ своими многочисленными прислужниками, отправляющіеся по дѣламъ на Аѳонъ; другую незнатное духовенство русскаго монастыря Св. Пантелеймона. Сначала отношенія между обѣими группами были довольно натянутыя; впослѣдствіе же, когда всѣ спустились въ каюту и сѣли за столъ, разговоръ мало по малу сталъ оживляться, далматское вино сблизило сердца, и даже самъ старикъ митрополитъ неоднократно поднималъ свой стаканъ за наше здоровье, сопровождая всякій тостъ свой словами апостола: «Мы всѣ братія». Возвратясь послѣ ужина на палубу, духовенство заняло свои мѣста и вновь приняло на себя внѣшній видъ набожности и пластическаго величія. Размѣстившись другъ возлѣ друга по скамейкамъ, съ четками въ рукахъ, въ высокихъ черныхъ шапкахъ, освѣщенные съ низу свѣтомъ проникающимъ сквозь палубные люки, величественно вырѣзались на южномъ ночномъ небѣ силуэты этихъ старцевъ съ длинными сѣдыми бородами. При взглядѣ на эту черную фреску расположенную по борту парохода, казалось, что она гдѣ то, во времена Византіи, составляла украшеніе церкви, находясь высоко надъ алтаремъ, освѣщаемая снизу тусклымъ свѣтомъ запрестольныхъ лампадъ. На другомъ концѣ судна гнѣздились пилигримы низшихъ степенёй. «Какихъ племенъ и нарѣчій тутъ не было; русскіе, греки, албанцы, болгары, попы и простые монахи, всѣ живописно расположились на полу, подобно отдыхающему стаду овецъ; заснувъ какъ попало, одинъ на одномъ, они пред-

ставляли какую то невѣроятную массу различныхъ членовъ и одеждъ. При слабомъ свѣтѣ едва мерцающихъ фонарей, нѣкоторые въ бѣлыхъ одеждахъ, будто саванахъ, распростертые въ безпорядкѣ посреди своихъ ружей и мѣшковъ, эти неподвижныя тѣла, давали палубѣ видъ какого то вечерняго поля смерти, только что оставленнаго обѣими сражавшимися сторонами. По временамъ нѣкоторые подымались для того, чтобы полюбоваться величіемъ природы и, созерцая небо, едва слышно прославляли его, тихо напѣвая духовныя пѣсни. Востокъ начиналъ загораться на горизонтѣ, освѣщая золотыми блестками подымающіяся подъ пароходомъ волны; но пароходъ все быстрѣе и быстрѣе бѣжалъ отъ восходящаго свѣтила, какъ бы не желая разстаться съ прелестями морской ночи, ночи наводящей такъ много думъ и грезъ, возвышающей душу, и возобновляющей въ памяти всевозможныя перипетіи, пройденной человѣкомъ жизни.

На слѣдующее утро, между островами Имбросъ и Лемносъ мы стали различать пирамиду Аѳона, въ теченіи цѣлаго дня все болѣе и болѣе увеличивающуюся передъ нами. Эта вершина господствующая надъ горизонтомъ почти всего Архипелага, какъ то обаятельно дѣйствуетъ на воображеніе путешественника. Древніе полагали, что тѣнь его при закатѣ солнца достигаетъ острова Лемноса, т. е. ложится на пространствѣ ста миль. Проницательный Плиній повторяетъ эту басню сказанную Геродотомъ; пилигримъ Нюрембергъ, отецъ Фаберъ и тѣ съ благоговѣніемъ упоминаютъ о ней въ своихъ запискахъ. Подумаешь, сколько вѣковъ необходимо было разуму человѣческому для того, чтобы посягнуть на разоблаченіе истины и самому лично провѣрить легенду не ссылаясь на преданіе.

Къ ночи пароходъ началъ огибать мысъ, на которомъ находится самая высокая точка Аѳона, и по склонамъ котораго постепенно стали обозначаться бѣлыми пятнами главы церквей, освѣщенныя блескомъ луны. Около двухъ часовъ утра мы бросили якорь противъ одного изъ самыхъ значительныхъ по наружному виду монастырей. Мы пріѣхали къ русскому монастырю Св. Пантелеймона. Тутъ намъ представилась совершенно своеобразная картина, переселявшая насъ въ какой то иной миръ. Береговыя лодки, управляемыя какими то тѣнями въ высокихъ черныхъ шапкахъ, съ развѣвающимися волосами, устремились въ полумракѣ къ пароходу и стали цѣпляться за его борты. Фантастическіе гребцы безмолвно пересаживали пассажировъ къ себѣ на лодки и перевозили къ берегу. Другіе же, собравшись

толпою на небольшомъ молѣ, ожидали путешественниковъ. Безпрестанно, двигаясь съ небольшими ручными фонариками въ рукахъ, толпа эта еще болѣе походила на толпу привидѣній. Когда всѣ переѣхали на берегъ, монахи пошли впереди насъ, и мы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ подымались въ гору по узкой извилистой дорогѣ, окруженной высокими стѣнами. Пройдя сводчатыя ворота, глубокія на подобіе входа въ крѣпость, сверху которыхъ таинственно улыбались намъ иконы сквозь рѣшетки своихъ рамъ освѣщенныхъ лампадами, мы взошли на обширный дворъ, окаймленный со всѣхъ сторонъ церквами и жилыми строеніями, въ безпорядкѣ разбросаными по склонамъ покатости и уходившими далеко отъ насъ въ вышину. Монахи на подобіе черныхъ призраковъ безмолвно скользили взадъ и впередъ по гладко вымощенному двору, ярко освѣщенному луною, и понемногу всѣ куда то разбрелись. Жизнь исчезла передъ нами въ ночной тишинѣ, и только тамъ на верху, поднявъ глаза, мы увидали гдѣ то далеко, должно быть въ послѣднемъ ярусѣ этихъ разбросанныхъ по горѣ построекъ, ярко освѣщенный фасадъ церкви. Волны свѣта и тихое церковное пѣніе, вырываясь изъ оконъ, какъ бы съ небесъ ниспадало къ намъ въ глубину. И вотъ мы находимся среди чего то чудеснаго, какъ бы по волшебству перенесенные въ самыя нѣдра среднихъ вѣковъ. Постараемся ближе ознакомиться съ ихъ исторіею и лучше приглядѣться къ открывающемуся передъ нашими взорами зрѣлищу.

I.

Небольшой полуостровъ, находящійся на сѣверномъ берегу Архипелага между заливами Салоникскимъ и Контесса, оканчивается на югѣ тремя длинными полосами земли, вдавшимися въ море и раздѣленными глубокими бухтами Кассандра и Монте-Санто. Самая восточная коса, которую древніе называли Актэ, состоитъ изъ узкой горной цѣпи, длиною около 60 километровъ, безпрерывно тянущейся отъ самаго полуострова, гдѣ она начинается, до вершины Афонской горы, на 6560 футовъ возвышающейся надъ уровнемъ моря. Ея *неприступныя* вершины и непроходимые лѣса, покрывающіе склоны

горъ, слишкомъ рано сдѣлались второю Ѳиваидою для христіанскихъ отшельниковъ. Въ бурную эпоху среднихъ вѣковъ Востока, скрывающіеся отъ гоненій европейскіе и азіятскіе греки не могли найти лучшаго убѣжища. Одаренный великолѣпнымъ климатомъ, и роскошною растительностью, этотъ уединенный полуостровъ, самою природою обращенный въ неприступную крѣпость, могъ служить надежною защитою среди всеобщей тираніи тогдашней Имперіи. Съ начала IX-го столѣтія отшельники уже стали стекаться сюда небольшими группами. Тогда же, составивъ монашескія общины, управляющіяся своими собственными законами, они образовали республику и понынѣ еще существующую совершенно независимо. Впослѣдствіи ревность монаховъ отшельниковъ, а также различныя льготы и привилегіи, дарованныя этому небольшому государству Византійскими императорами, изъ которыхъ иные сами приходили сюда оканчивать свои дни, упрочили за Святою Горою первенство и скоро обогатили ее. Отсюда не труденъ переходъ къ религіозному благоговѣнію, среди мистическихъ восточныхъ народовъ. Это то благовѣніе и вызываемый имъ постоянный притокъ пилигримовъ ставятъ ее и въ наше даже время почти на одинаковую степень съ святыми мѣстами Палестины.

Уже въ X вѣкѣ императорскія буллы признаютъ оффиціально существованіе четырехъ древнѣйшихъ монастырей: Лавра, Ватопеди, Ивиронъ и Ксерапотамо. Немного позднѣе на Аѳонъ пріѣзжаютъ славянскіе князья и соперничаютъ щедротами съ Комненами. Стефанъ Неманія, великій жупанъ Сербіи перестроиваетъ въ 1197 году сербскій монастырь Шиляндари. Его сынъ Саба, легендарная личность древней византійской горы, принимаетъ постриженіе въ Руссиконѣ и дѣлается игуменомъ Ватопеди. Приношенія со всѣхъ сторонъ начинаютъ смѣняться съ приходомъ этихъ знаменитыхъ неофитовъ, и монастырское имущество безпрерывно увеличивается вслѣдствіе новыхъ пожертвованій и новыхъ покупокъ земли внѣ предѣловъ монастыря; гора же Аѳонъ постепенно начинаетъ украшаться новыми церквами и кельями. Не долго однако суждено было продолжаться этому быстрому развитію. Побѣды латинянъ въ первой половинѣ XIII вѣка наносятъ неожиданный ударъ этому благоденствію. Сподвижники Балдуина получили Румелію въ видѣ леннаго владѣнія; одинъ изъ нихъ выстроилъ даже для себя укрѣпленный замокъ на Святой Горѣ, по всей вѣроятности одинъ изъ тѣхъ, которые и понынѣ еще печально смотрятся въ воды Архипелага, на сѣверо-за-

падномъ склонѣ горы. Варвары запада, вообще мало чувствительные къ заунывному пѣнію этихъ схизматиковъ, долгое время продолжали грабить монастыри, часто облагая монаховъ чрезмѣрными выкупами. Въ то же время, по наущенію Иннокентія III, была сдѣлана попытка латинизировать самый важный центръ православнаго монашества. Амальфитяне, эти неустанные піонеры, находящіеся во главѣ всѣхъ предпріятій запада на востокѣ, основали католическій монастырь Оморфоно, развалины котораго еще и теперь виднѣются въ самой живописной мѣстности полуострова.

Тѣмъ не менѣе гроза миновала, и православіе вновь восторжествовало. Набожные Палеологи мало уступали Комненамъ въ великодушіи, и отеческой заботливости относительно монаховъ. Слишкомъ двѣсти лѣтъ съ XIII-го и по XV-й вѣкъ монастыри Аѳона процвѣтали. Всѣ слои разстроеннаго и совращеннаго съ истиннаго пути византійскаго общества снабжали ихъ неофитами, ищущими покоя и уединенія. Расположеніе императоровъ и новыя льготы дали возможность выстроить еще три монастыря: Симопетра, Аγіосъ-Діонисіосъ и Кастомонити. Щедро надѣляемые владыками Византіи, монахи нисколько не менѣе были обогащаемы деспотами съ береговъ Дуная; они умѣли обращаться съ этими варварами, безпрерывно раздиравшими имперію Константина на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. На фрескахъ этой эпохи императорская пурпуровая мантія и орелъ съ распростертыми крыльями зачастую дружески смѣшивается съ мѣховыми одѣяніями и остроконечными шапками королей Болгаріи, Сербіи и воеводъ Венгро-Валахіи. Внизу золотыхъ буллъ, сохранившихся въ архивахъ и закрѣплявшихъ за монастырями имѣнія и деревни, и даровавшихъ имъ различныя регаліи, печать императорская братается съ славянскимъ престоломъ. У дверей собора прибита хартія, написаная на двухъ языкахъ; съ одной стороны шрифтъ греческій съ подписью повелителя, съ другой же кирилловское писаніе подписанное именемъ царя. Вещественныя свидѣтельства, оставленныя здѣсь временемъ, даютъ вѣрную картину царствовавшей въ имперіи анархіи и того смѣшенія властей, которымъ такъ удачно умѣло воспользоваться монашеское благоразуміе. Вліяніе отшельниковъ отражалось далеко за предѣлами ихъ убѣжища, а съ XIV-го вѣка они уже становятся нравственною силою монархіи,—примирителями въ раздорахъ ея властителей. Мы встрѣтили здѣсь карьеры *монаховъ,* возможныя развѣ только во времена нашихъ Феодовъ въ

первыхъ вѣкахъ. Монахъ отправляется въ Византію съ посохомъ въ рукахъ; святость его гремитъ на соборѣ; съ помощью хитрости и интриги прокладываетъ онъ себѣ дорогу въ покои императорскіе; отъ управленія монастыремъ онъ переходитъ къ управленію своею восточною церковью и оканчиваетъ жизнь на патріаршемъ тронѣ Святой Софіи, если только, наскучивъ властію, не удалится снова на свою гору, гдѣ, выстроивъ монастырь, подобно патріарху Нееміи, основавшему Ставроникитскую обитель, умретъ вторично для свѣта подъ черною рясой монаха.

Между тѣмъ, пока Аѳонская республика расширялась и дѣлалась болѣе и болѣе независимою въ этомъ византійскомъ хаосѣ, откуда она продолжала привлекать къ себѣ все, что оставалось еще спокойнымъ и довольнымъ, все что носило еще отпечатокъ интелектуальный —имперія быстро разрушалась. И вотъ насталъ день, когда сторожъ передовой башни, защищавшей съ моря Лаврскую обитель, замѣтилъ на горизонтѣ вмѣсто трехмачтоваго красиваго судна, идущаго съ дарами императора, неуклюжую тартану *) съ двурогою луною на мѣстѣ флага. Къ несчастію это были не морскіе пираты, которыхъ не одинъ разъ удавалось отражать въ теченіи послѣднихъ трехъ вѣковъ; это былъ адмиралъ Магомета, идущій водворить законъ побѣдителя Византіи. Еще разъ тонкая дипломатія вывела отшельниковъ изъ затруднительнаго положенія. Хорошій пріемъ, оказанный новымъ властителямъ Востока, имѣлъ результатомъ подтвержденіе всѣхъ прежнихъ привилегій. Живя въ мирѣ съ султанами, покровительствуемые нѣкоторыми изъ нихъ, какъ напримѣръ Селимомъ Прекраснымъ, перестроившимъ заново монастырь Ксеропотамо, они продолжали искать поддержки сначала у князей сербскихъ и валахскихъ, впослѣдствіи же все болѣе и болѣе начали обращаться къ царямъ московскимъ. Такимъ образомъ они продолжали существовать до начала текущаго столѣтія, и въ эту эпоху благоденствія число монаховъ достигало почти до десяти тысячъ. Но въ это время счастіе имъ начало измѣнять. Озлобленіе Порты, вслѣдствіе борьбы за независимость, отразилось и на монахахъ Аѳона. Религіозная ревность уменьшилась, неофиты стали появляться рѣже и рѣже, а вмѣстѣ съ ними сократились и приношенія. Все это на первыхъ порахъ уже невыгодно отразилось на богатствѣ монасты-

*) Мореходное судно въ Средиземномъ морѣ.

рей, а за тѣмъ и самая община начала быстро упадать. Отнятіе церковныхъ помѣстій, завѣщанныхъ изстари различными воеводами въ Молдо-Валахіи, откуда монастыри извлекали наибольшую часть своихъ доходовъ, нанесло имъ окончательный ударъ; наконецъ самый духъ вѣка, такъ мало повліявшій на Востокъ, коснулся этой святыни. Мы еще будемъ имѣть случай ближе ознакомиться съ причинами разслабленія этого умирающаго благочестиваго народа, когда будемъ дѣлать оцѣнку его современнаго значенія. Во всякомъ случаѣ мы нашли его въ числѣ никакъ не болѣе 5 или 6 тысячъ душъ.

Жители Аѳонской горы преимущественно состоятъ изъ монашествующей братіи, придерживающейся службы Василія Великаго. Употребленіе мяса, табаку и бань имъ неизвѣстно. Всѣ они носятъ черную шерстяную рясу и высокій цилиндрическій клобукъ изъ грубой ткани; волосы на бородѣ и головѣ заплетаютъ въ небольшія косички, причемъ всѣ головные волосы подбираютъ подъ клобукъ. Восточная церковь сохранила древнее назаретское вѣрованіе о томъ, что желѣзо не должно касаться головы того, который посвятилъ себя служенію Всевышняго: non tanget caput novacula, говорили родственники Самсона. Впрочемъ, монахамъ нечего опасаться нижницъ Далилы; одна изъ самыхъ странныхъ особенностій жизни этого монастыря есть безусловное запрещеніе женщинѣ, дѣтямъ и вообще всѣмъ животнымъ женскаго пола появляться на территоріи Аѳона. Обычай этотъ никогда не нарушался за послѣдніе десять вѣковъ, и какъ нельзя болѣе выражаетъ странный характеръ этого уголка земли, отвергающаго законъ природы на столько, какъ далеко можетъ дойти безмѣрная ревность аскета.

Намъ остается теперь изложить федеральную организацію и представительство монашеской республики. Двадцать главныхъ монастырей раздѣляютъ между собою всю землю полуострова, всѣ скиты *) или малыя викарныя обители, а также и всѣ пустыни населенныя отшельниками. Каждый изъ главныхъ монастырей посылаетъ по одному депутату въ общее собраніе, имѣющее свое мѣстопребываніе въ небольшомъ городкѣ Кариэсѣ, главномъ городѣ округа. Собраніе изъ среды себя избираетъ пять уполномоченныхъ составляющихъ

*) Подъ этимъ словомъ (отъ коптскаго schiet) разумѣютъ безразлично монастырь, пустыню и отшельниковъ въ нихъ живущихъ.

эпистатію, или исполнительный совѣтъ, на обязанность котораго возложено отправленіе общественныхъ дѣлъ; совѣтъ этотъ назначаетъ на одинъ годъ по очереди отъ каждаго монастыря *протатосъ* т. е. высшую инстанцію монастырскаго управленія, обязанную обнародовать и примѣнять постановленія общаго собранія и совѣта. Подать, уплачиваемая монастырями въ размѣрѣ одного турецкаго фунта (23 франка) съ каждаго жителя, составляетъ такъ сказать бюджетъ федераціи, отдаваемый въ распоряженіе этого правительства. Прибавимъ здѣсь, что правительство это функціонируетъ подъ властью вселенскаго патріарха, какъ верховнаго судьи во всѣхъ спорныхъ вопросахъ относительно измѣненій древнихъ постановленій церкви. Что касается до отношеній общины къ Портѣ, то онѣ ограничиваются уплатою незначительной ежегодной подати, около 600 турецкихъ ливровъ или 13,800 франковъ. Каймакамъ, собирающій эту подать, живетъ также въ Кариэсѣ, и только по названію напоминаетъ собою какую то власть. Этотъ чиновникъ съ нѣсколькими жандармами изъ христіанъ албанцевъ, суть единственные свѣтскіе обитатели полуострова, впрочемъ также допущенные сюда подъ условіемъ запрещенія пола, приводящаго въ ужасъ весь Аѳонъ, начиная съ женщины и кончая курицею.

Главные монастыри съ ихъ скитами неравномѣрно распредѣлены по обоимъ склонамъ горнаго хребта. Большая часть ихъ омываютъ въ морѣ свои древнія стѣны у подножія болѣе отлогихъ возвышенностей восточнаго склона; другіе господствуютъ съ высоты, находясь на вершинахъ отвѣсныхъ скалъ, обращенныхъ къ западному склону самые же пустынные скрываются въ лѣсистыхъ ущельяхъ средины полуострова. Прежде чѣмъ отправиться путешествовать по монастырямъ, путешественникъ обязанъ предъявить письмо патріарха, которое есть ничто иное, какъ пропускъ на Св. Гору, и обмѣнять его на письменное дозволеніе *протатоса* въ Кариэсѣ, куда мы отправились.

Монастырь Св. Пантелеймона расположенъ на западномъ склонѣ у берега залива Гагіонъ-Оросъ; трехъ часовъ достаточно чтобы на мулахъ подняться на гряду, возвышающуюся надъ нимъ, и опуститься вновь на другую сторону въ Кариэсъ, гнѣздящійся въ складкахъ восточной отлогости. Подымаясь при помощи веревочныхъ перилъ мы наконецъ взошли на площадку, откуда открывается необыкновенный видъ; тощую растительность южнаго склона, состоящую изъ лавров-

го кустарника, невысокаго дубняка и толокнянки, вдругъ смѣнили могучія породы нашихъ странъ: дубъ, кленъ, каштаны и сосна. Шумъ невидимыхъ потоковъ долетаетъ изъ глубины ущелій, глухо раздаваясь подъ вѣковыми сводами. Тропинка то извивается вдоль ущелій переходя по камнямъ черезъ потоки, то наконецъ подымается вверхъ по ступенямъ, высѣченнымъ въ камнѣ для муловъ и вновь скрывается въ лѣсной чащѣ. Подойдя къ краю площадки, мы увидали внизу далеко подъ нами, въ концѣ ущелья, расширяющагося къ берегу, ярко освѣщенную солнцемъ гладкую поверхность моря, рѣзко выдающуюся среди общаго темнаго колорита картины.

Нигдѣ въ мрачныхъ странахъ Леванта природа не раскинула такого великолѣпнаго ковра, нигдѣ она не выказала такой растительной силы какъ здѣсь, какъ бы нарочно для того, чтобы составить вѣчный контрастъ съ тѣмъ трупомъ человѣчества, которое избрало здѣсь себѣ могилу. Мѣстами проглядываютъ на горахъ сѣроватыя хижины и клочки обработанныхъ полей. Повсюду, и въ полѣ, и у воротъ хижинъ виднѣется черная ряса; она же пересѣкаетъ намъ путь, ведя въ поводу навьюченное животное, или же сопровождая идущее на пастбище стадо; въ черномъ же одѣяніи и нищій влачитъ свою суму и посохъ. На западномъ склонѣ, въ долинахъ, гдѣ преимущественно сосредоточиваются воздѣланныя земли и пастбища, эти живыя тѣни попадаются чаще. Сверху, вся панорама, разстилающаяся подъ нашими ногами къ морю, кажется населенною и съ виду довольно оживленною. Справа надъ нею господствуетъ голая пирамидальная вершина Аѳона, позлащаемая полуденнымъ солнцемъ. Подъ нею сосны и клены одни только оспариваютъ другъ у друга верхній поясъ горы. На отрогахъ горы, спускающихся къ морскому берегу, одинокіе домики, хижины и монастыри молчаливо выглядываютъ бѣлыми пятнами среди зелени. На самомъ берегу картина мѣняется: здѣсь открывается непрерывная цѣпь монастырей, то гнѣздящихся на каменныхъ утесахъ, то уходящихъ въ долины, то, наконецъ, отражающихъ силуэты своихъ феодальныхъ башенъ въ морѣ, окаймленномъ съ другой стороны, тремя, въ какомъ то блестящемъ туманѣ сквозящими, вершинами острововъ Тазоса Лемноса и Самоѳракіи.

Спустясь вдоль виноградниковъ и пройдя орѣшниковый лѣсъ, плоды котораго, идущіе на приготовленіе водки, составляютъ важнѣйшій продуктъ страны, мы достигли, наконецъ, Кариэса. Это большая деревня, живописно раскинутая среди зелени. Всюду слышится глухой

шумъ падающей воды; мельницы спокойно побрякиваютъ своими колесами на каналахъ, длинныя деревянныя галлереи, по турецкому обычаю у каждаго домика, хотятъ какъ бы укрыться подъ густою листвою лозы и бузинника. Положительно думается, что находишся въ какомъ нибудь Тирольскомъ мѣстечкѣ. Красивую картинку представлялъ бы этотъ городокъ, если бы общій фонъ его оживлялся, или молодою матерью, прядущею у порога своей хижины, или же веселымъ крикомъ дѣтей, рѣзвящихся по мягкой муравѣ улицъ, щебетаніемъ куръ, или лаемъ собаки; но ничего этаго нѣтъ; изъ всѣхъ оконъ, при шумѣ нашего каравана, показывались однѣ только исхудалыя лица съ потускнѣвшими, унылыми взорами и въ неизбѣжныхъ черныхъ клобукахъ. По мѣрѣ того, какъ подвигаешся къ центру мѣстечка, по единственной улицѣ, съ обѣихъ сторонъ установленной непрерывнымъ рядомъ лавочныхъ навѣсовъ, невольно поддаешся какому то странному чувству, какой то невыносимой скукѣ среди этого города, не воспитавшаго ни одной колыбели, не пріютившаго на своей улицѣ ни одной мастерской. Сидя въ жалкихъ лавченкахъ, монахи предлагаютъ прохожимъ разныя православныя бездѣлушки, если можно такъ выразиться, разныя шапочки, жемчужные крестики, образки, вырѣзанные изъ дерева, грубыя ксилографіи, изображающія во всевозможныхъ видахъ золотую легенду Аѳона. Нѣсколько лавокъ съ мануфактурнымъ товаромъ и хозяйственными принадлежностями и лари съ фруктами завершаютъ разнообразіе этого рынка.

Миновавъ старый храмъ, каѳедральный соборъ всей обители, къ описанію котораго мы еще разъ вернемся при удобномъ случаѣ, мы незамѣтно подошли къ дому съ бревенчатыми галлереями, довольно некрасивой наружности. Это *конакъ*, или правительственное присутственное мѣсто. Каймакамъ встрѣтилъ насъ, окруженный полудюжиною албанцевъ, отдавшихъ намъ при входѣ нашемъ честь старинными кремневыми ружьями. Мусульманинъ, родомъ изъ Эпира, онъ говоритъ по гречески охотнѣе, нежели по турецки, живетъ въ полномъ согласіи съ своими сосѣдями *эпистатами*, и воображаетъ себя начальникомъ округа; на самомъ же дѣлѣ проводитъ дни въ своемъ диванѣ, куря вѣчную трубку, сдѣлавшуюся для путешественника какъ бы символомъ оттоманской власти. Нашъ каймакамъ, впрочемъ, повидимому самый снисходительный, одинъ изъ безполезнѣйшихъ и, въ то же время, одинъ изъ самыхъ невзрачныхъ представителей власти имперіи. Истощивъ весь словарь обычныхъ оффиціаль-

ныхъ привѣтствій, неизбѣжныхъ въ Турціи, поговоривъ о доброкачественности воды, прекрасномъ климатѣ, красотѣ лѣсовъ и хорошемъ табакѣ въ его округѣ, мы попросили его провести насъ въ совѣтъ святой горы, помѣщающійся въ сосѣдней комнатѣ.

Двери отворились и насъ ввели въ святую храмину; никогда въ жизни мы, можетъ быть, не испытывали въ такой степени ощущенія быстраго перехода къ прошлому, даже спускаясь въ подземныя пещеры Египта и древнихъ Θивъ, гдѣ муміи встрѣчаютъ васъ среди своей обыденной обстановки, существовавшей около шести тысячъ лѣтъ тому назадъ. Эпистаты сидятъ чинно вдоль стѣнъ; во главѣ ихъ, на возвышеніи, возсѣдаетъ подъ образомъ Панагіи самъ *протатосъ*, имѣя съ правой стороны своего секретаря. Все черно на этихъ угрюмыхъ личностяхъ, за исключеніемъ длинной сѣдой бороды, одинаково у всѣхъ спускающейся на грудь, и восковаго лица, никогда въ жизни не озабоченнаго какою либо мыслью. На всѣхъ лицахъ выражался отпечатокъ полнаго невозмутимаго спокойствія, какой то апатіи. Взоръ неопредѣленный, безъучастный ко всѣмъ тревогамъ тѣла и души, еще болѣе усиливаетъ общее непріятное впечатлѣніе. Духовныя особы говорили съ нами тихо, какимъ то мертвеннымъ языкомъ, смѣсью древняго греческаго съ византійскимъ нарѣчіемъ. Разговоръ ограничился тѣми же безсодержательными привѣтствіями, какъ и съ каймакамомъ; чувствовалась невозможность извлечь изъ нашихъ собесѣдниковъ какую либо другую мысль, и въ тоже время какой то страхъ заставлялъ васъ уступить чувству глубокаго уваженія къ этому внѣшнему, вѣрнѣе сказать, вещественному величію. Объясняя себѣ всякій разъ причину такого уваженія, мы могли себѣ дать только одинъ отвѣтъ: что всѣмъ имъ вмѣстѣ было около восьми сотъ лѣтъ, а можетъ быть и болѣе. Не находимся ли мы въ Халкедоніи, или въ Эфесѣ, спрашивали мы себя, въ одномъ изъ комитетовъ совѣщательнаго собранія? Евтихій и Евсевій, Θотій, и Левъ могли бы войти, для того, чтобы развивать передъ этимъ собраніемъ свои младенческія мечты; костюмы, нарѣчіе и мысли ихъ мало отличались бы отъ того, что мы видимъ и слышимъ; они заговорили бы съ этимъ трибуналомъ и никакое разногласіе не выдало бы работу времени, положившаго неизмѣримую пропасть между ими и нами. Они лучше насъ соотвѣтствовали бы этому, живущему съ нами въ одно время, обществу, гдѣ ничего болѣе такъ не удивляло насъ, какъ только собственное наше въ немъ присутствіе.

Секретарь обмѣнилъ намъ патріаршее письмо на пропускъ, засвидѣтельствованный подписью и печатью протатоса, и вслѣдъ за этимъ дьяконъ внесъ въ комнату на большомъ подносѣ различныя сласти и кофе. Послѣ непродолжительнаго разговора въ томъ же духѣ, «первый человѣкъ Аѳона» всталъ; ему подали посохъ съ серебрянымъ наконечникомъ въ видѣ шара, на которомъ вырѣзаны были наименованія всѣхъ двадцати монастырей, и прежде чѣмъ отпустить насъ въ русскій скитъ во имя св. Андрея, назначенный нашимъ мѣстопребываніемъ, повелъ насъ торжественною процессіею въ храмъ Богоматери. По выходѣ изъ храма, мы распростились, и, въ сопровожденіи русскаго священника и одного албанца, въ экипажѣ, запряженномъ парою крѣпкихъ лошадей, отправились осматривать монастыри. Проѣзжая по извилистой дорогѣ, идущей вдоль гребня лѣсистыхъ холмовъ, пересѣченныхъ глубокими оврагами, мы безпрестанно останавливались у монастырей, то открывая ихъ среди густой чащи чинаръ и дубовъ, то подъѣзжая къ нимъ по открытой мѣстности, тихо спускающейся къ берегу. Такъ путешествовали странники XII-го вѣка, въ сообществѣ монаховъ и вооруженныхъ людей, отыскивая гостепріимство у аббатовъ, и платя имъ за него разсказами о войнахъ и политикѣ.

Мы употребили бы во зло вниманіе читателя, еслибъ подробно стали разсказывать о каждомъ днѣ, проведенномъ нами здѣсь, и похожемъ на вчерашній, или описывать отдѣльно каждый монастырь, составлявшій копію одинъ съ другаго. Вездѣ мы нашли одинъ и тотъ же планъ построекъ, тотъ же характеръ, и вездѣ встрѣтили одинаковый пріемъ. Не смотря, однако, на все однообразіе, наше пребываніе здѣсь имѣло свою долю интереса. Нѣсколько дней, проведенные среди этого общества, съ поразительною вѣрностью воспроизвели передъ нами давно минувшіе дни; ни одной привычки, ни одного обычая, который бы напомнилъ намъ, что мы живемъ въ XIX вѣкѣ; ни одной минуты не прошло, которая не была бы заимствована у вѣковъ, давно уже канувшихъ въ вѣчность. Какъ приняли насъ въ первомъ монастырѣ, такъ принимали и вездѣ. — Оставивъ Кариэсъ, нашъ экипажъ понесся по гладкой лѣсной дорогѣ, и, по прошествіи получаса ѣзды, сквозь прогалину лѣса, на поворотѣ дороги, мы замѣтили подножіе высокихъ стѣнъ и высокія главы монастыря. Албанецъ, по принятому обычаю, выстрѣломъ возвѣстилъ о пріѣзжихъ. Экипажъ остановился у самой стѣны главной ограды. Иногда, впро-

чемъ, къ входнымъ воротамъ велъ мостъ, перекинутый чрезъ проходящій у стѣны потокъ. Темный корридоръ со сводами, куда мы вошли чрезъ массивную чугунную дверь, освѣщаемый однѣми только лампадами, висящими передъ образами, извиваясь внутри передовой башни, привелъ насъ на внутренній дворъ. Здѣсь на дворѣ, усыпанномъ, въ честь пріѣзда гостей, лавровыми листьями, настоятель, окруженный своею братіею, ожидалъ насъ при входѣ въ свою священную крѣпость. Монахи въ черныхъ клобукахъ, покрытыхъ длинными вуалями, такъ называемыми *kalimafkon*, тѣснились около своего владыки, съ любопытствомъ разглядывая новопріѣзжихъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, всею толпою мы отправились, при колокольномъ звонѣ и съ пѣніемъ псалмовъ, въ церковь на служеніе. Всякій разъ, сопровождая подобную торжественную процессію, намъ казалось, что мы присутствуемъ на собственныхъ своихъ похоронахъ. Въ церкви для путешественниковъ отведено особое мѣсто, которое намъ и было указано. При началѣ службы игуменъ облачился въ свое священническое одѣяніе и прочелъ молитву, посвященную пріему гостей, молитву, повторенную затѣмъ нѣсколько разъ заунывнымъ пѣніемъ монашескаго хора. Она оканчивалась возгласомъ: *dia tîn gallikîn dîmokratian*, т. е. за республику французскую, помолимся Господу. Этотъ молебенъ продолжается обыкновенно не долго.

Изъ церкви все общество отправляется въ монастырскую пріемную, обыкновенно помѣщающуюся на верху, въ одной изъ деревянныхъ пристроекъ, которыми увѣнчана каменная стѣна, и откуда открывается великолѣпный видъ на море. Въ пріемной вдоль стѣнъ расположены диваны. Всѣ разсаживаются на нихъ по мѣрѣ возможности и братья-бѣльцы тотчасъ же приносятъ кофе, воду и *глико*, неизбѣжное варенье изъ розъ, играющее съ папиросою важнѣйшую роль во время пріемовъ на востокѣ. Съ игуменомъ обмѣниваются обязательными привѣтствіями, отвѣчаютъ на нѣкоторые, иногда довольно глупые политическіе вопросы, наивно вылетающіе изъ устъ этихъ большихъ дѣтей. Не безъ труда удавалось намъ на этихъ бесѣдахъ извлечь какія либо свѣдѣнія объ исторіи монастырей и ихъ сокровищахъ. Отдѣлываясь, наконецъ, отъ праздныхъ вопросовъ, въ сопровожденіи одного изъ монаховъ, мы отправлялись въ отводимое для гостей помѣщеніе. Проходя по безконечнымъ корридорамъ, намъ неоднократно хотѣлось остановить нашего спутника, чтобы распросить его объ интересныхъ фрескахъ часовенъ, мимо которыхъ мы

проходили, чтобы разсмотрѣть эти безчисленные томы стоящіе на пыльныхъ полкахъ библіотекъ, но всякій разъ получали въ отвѣтъ или упорное молчаніе, или же такія разъясненія, которыя ясно указывали на его полнѣйшее невѣдѣніе. Безпрекословно повинуясь и, молча, слѣдуя по лабиринту бѣдныхъ келій, съ гордостью открываемыхъ передъ нами нашимъ проводникомъ, безконечными ходами и корридорами мы пришли, наконецъ, въ монастырскую трапезу, куда монахи ежедневно собираются по два раза для того, чтобы съѣсть небольшой черный хлѣбецъ съ одною сардиною. Послѣ столовой мы осмотрѣли лазаретъ. Передъ наступленіемъ ночи, игуменъ пригласилъ насъ къ своему столу; предложенныя явства состояли изъ вареной въ водѣ тыквы, соленой рыбы, козьяго сыру и арбуза. Кушанья эти, въ высшей степени неудобоваримыя для желудка европейца, однако развеселили важную священную особу, оживили ее и сдѣлали гораздо словоохотливѣе. Пользуясь хорошимъ расположеніемъ духа нашего хозяина, и даже немного ребяческою его откровенностью, намъ удалось извлечь изъ этого разговора много интересныхъ данныхъ. Послѣ ужина, продолжавшагося около часу, насъ отвели въ приготовленную для насъ лучшую комнату во всемъ монастырѣ, чтобы судить о достоинствахъ которой, достаточно упомянуть, что всю мебель ея составлялъ одинъ только низкій диванъ, и тотъ оспаривался у насъ міріядами его невидимыхъ обитателей. На утренней зарѣ монахи проводили насъ съ тою же торжественностью, какъ и при встрѣчѣ наканунѣ; благословляя отъѣзжающихъ, они пожелали намъ счастливаго пути и, выразивъ надежду еще разъ увидѣться съ нами, обѣщали при новой встрѣчѣ принять также какъ и въ этотъ разъ. Не зная долго ли мы останемся на святой горѣ, мы не могли обѣщать еще разъ вернуться и распростились съ ними. Если когда нибудь судьба еще разъ привела бы въ эту обитель, то навѣрное все, только что описаное, мы нашли бы въ томъ же видѣ и всѣ эти друзья одного дня также встрѣтили и проводили бы насъ какъ теперь, конечно за исключеніемъ только тѣхъ, которые нечувствительно, какъ для самихъ себя, такъ и для всей братіи своей, переселились бы въ вѣчный покой.

Такъ мы путешествовали по всему полуострову, начавъ осмотръ со славянскихъ монастырей, расположенныхъ на сѣверѣ и во внутреннихъ горныхъ ущельяхъ. Скажемъ нѣсколько словъ о главнѣйшихъ изъ нихъ. Зографо—съ обширными зданіями новѣйшей кон-

струкціи, подъ сѣнью которыхъ нынѣ живутъ до 200 монаховъ болгаръ. Монастырь отличается довольно веселою внѣшностью и нѣкоторымъ довольствомъ, вообще рѣдкимъ въ этихъ мѣстахъ, довольствомъ, свидѣтельствующимъ о трудолюбіи и дѣятельной жизни населяющаго его племени. Киляндари, древняя сербская постройка, внѣшній видъ котораго, напротивъ того, перенесъ насъ въ самыя нѣдра XII вѣка. Построенный на средства *краля* (короля) Стефана Неманіи, онъ легко былъ бы узнанъ своимъ основателемъ, если бы тому вздумалось возстать изъ гроба, чтобы посмотрѣть на свое произведеніе. Нигдѣ въ такой степени не поражала насъ живописность мѣстности, какъ въ окрестностяхъ этого монастыря, нигдѣ въ такой цѣлости не сохранилось давно прошедшее время. — Въ глубокой впадинѣ темнаго ущелья, подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ, этотъ монастырь-крѣпость гнѣздится за высокими стѣнами съ зубчатыми башнями по угламъ. Громадныя зданія въ нѣсколько этажей, украшенныхъ арками, оканчиваются на верху крутыми, скатами густо покрытыми соломою. Въ самомъ центрѣ двора, среди гигантскихъ кипарисовъ, возвышается, на заросшей травою мостовой, старинная пятиглавая церковь, выстроенная изъ камня пополамъ съ кирпичемъ. Много поколѣній монаховъ смѣнилось, не положивъ въ нее ни одного новаго камня, ни одного новаго кирпича. Около шестидесяти монаховъ, пришедшихъ сюда изъ гористыхъ странъ Сербіи, бѣдныхъ и старыхъ, какъ самый монастырь, незамысловатыхъ въ понятіяхъ своихъ и привычкахъ, какъ ихъ самые отдаленные предки, бродятъ по этому пустынному аббатству, могущему пріютить ихъ до тысячи. Игуменъ, старый какъ и столѣтніе кипарисы, ростущіе посреди двора, весь сѣдой и сгорбленный, принялъ насъ въ рѣшетчатой галлереѣ, на верху своего терема; онъ сидѣлъ на хромоногой скамейкѣ передъ старинным образомъ, освѣщеннымъ трехрогой мѣдной лампадой, и гладилъ чернаго кота, грустно влачащаго свою холостую жизнь въ этихъ мѣстахъ. Уже сорокъ пять лѣтъ старецъ на этомъ самомъ мѣстѣ встрѣчаетъ вечернія сумерки, спускающіяся на сѣрыя и красныя массы монастыря съ его башнями, арками, и сквозными главами, его фантастическими силуэтами, отражающимися на черной зелени густыхъ лѣсовъ, окаймляющихъ горизонтъ. Морской вѣтеръ, врываясь съ силою въ ущелье, нерѣдко наноситъ страшныя грозы, глухіе раскаты которыхъ грозно раздаются, среди освѣщаемаго молніей *уединенія*. Тамъ на верху, на свѣтломъ еще клочкѣ неба, дале-

Засѣда

ТОВЪ.

кія звѣзды проходятъ между остроконечными верхушками сосенъ. Подобно имъ, время, цивилизація, различные перевороты быстрыми метеорами пронеслись надъ византійскимъ зданіемъ, не замѣтивъ его въ складкахъ лѣса, не нарушивъ покоя этой монашеской семьи, столь же первобытной, какъ и времена сербскихъ князей, дѣянія и подвиги которыхъ изображены на грубыхъ картинахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Единственный свидѣтель современной науки, перешагнувшій эту вѣковую ограду,—это небольшая деревянная рамка, какимъ то образомъ попавшая на стѣну пріемной комнаты, между изображеніемъ битвы при Коссово и картиною, представляющею смерть Марко-Кралевича. Въ рамкѣ повѣшено нѣсколько фотографическихъ карточекъ съ портретами, порядокъ которыхъ мы съ точностью приводимъ здѣсь: на первомъ планѣ императоръ Вильгельмъ, рядомъ съ нимъ султанъ Абд-ул-Азисъ и сербскій король Урошъ, а внизу князь Бисмаркъ и Гамбетта.

За Киліндари слѣдуетъ монастырь Сфигменонъ, у залива Контесса, откуда дорога поднимается вдоль восточнаго берега. На всемъ полуостровѣ это самая красивая мѣстность, и притомъ самая доступная часть берега. Холмы плавно спускаются здѣсь къ песчаному берегу; монастыри слѣдуютъ одинъ за другимъ на короткихъ разстояніяхъ, до самого подножія пика, отражая свои стѣны въ голубоватой поверхности небольшихъ бухточекъ, кишащихъ рыбачьими лодками монаховъ. На этомъ прибрежьѣ, къ которому вѣроятно и приставали первые отшельники, высятся самые древніе и самые важные греческіе монастыри Ватопеди, Ивиронъ и Лавра. Первый изъ нихъ обязанъ своимъ именемъ (Ватопеди означаетъ: дитя въ малинѣ) Аркадію, молодому сыну Ѳеодосія. Легенда повѣствуетъ, что Аркадій, возвращаясь изъ Италіи, потерпѣлъ крушеніе близъ береговъ Аѳона, и найденъ монахами цѣлымъ и невредимымъ въ одномъ изъ кустовъ малины, куда его принесла волна. Ивиронъ былъ основанъ въ X-мъ вѣкѣ иберійцами; въ настоящее время онъ еще насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ до трехъ сотъ монаховъ. Агія-Лавра (святое собраніе) это старѣйшина всей общины, первый монастырь всего Аѳона. Авраамій изъ Требизонда, въ монашествѣ святой Аѳанасій, поселился здѣсь въ 964 году. Это самая богатая обитель по своимъ сокровищамъ и чудесамъ искусства. Ея обширныя зданія расположены всѣ на вершинѣ скалы. Отъ Ивирона, гдѣ покидаютъ морской берегъ, тропинка ведетъ къ Лаврѣ, на разстояніи шести часовъ, въ

живописнѣйшей мѣстности, откуда безпрерывно открываются прелестные виды на море, между роскошнѣйшими дѣвственными лѣсами. Дорога, выложенная естественными мраморными плитами, уходитъ подъ своды ліанъ и плюща, соединяющихъ надъ нашими головами вѣтви вѣковыхъ дубовъ. Непроницаемая завѣса разрывается только надъ потоками, открывая на верху бѣлыя снѣговыя расщелины, дающія начало потокамъ, а еще выше—обнаженную вершину пика, уходящую въ облака..

Въ Лаврѣ мы должны были оставить лошадей. Чтобы обогнуть отвѣсныя скалы горы, оканчивающей полуостровъ, мы взяли каикъ и моремъ возвратились въ западный заливъ Монте-Санто. Общая картина быстро измѣнилась; лѣса вдругъ исчезли. Мы скользили по гладкой поверхности, среди сафировъ и бирюзы, въ тѣни утесовъ, вдоль подошвы стѣны, на тысячу футовъ возвышающейся надъ водою. Тѣмъ не менѣе стѣна эта обитаема, и мы, пораженные, едва довѣряли своимъ глазамъ. Отдѣльные скиты, подобно птичьимъ гнѣздамъ, лепятся на всѣхъ возможныхъ выступахъ скалы въ невѣроятныхъ положеніяхъ, которыя развѣ только точная кисть художника могла бы передать. Отчаянные троглодиты живущіе, въ этихъ каменныхъ норахъ подъ самыми небесами, спускаются оттуда по узкимъ колодцамъ, выбитымъ въ стѣнѣ, по лѣстницамъ и на веревкахъ къ поверхности воды, куда лаврскія барки привозятъ имъ дневное пропитаніе. Немного далѣе, гдѣ отвѣсная стѣна принимаетъ сравнительно наклонное положеніе, и гдѣ появляются слѣды растительности, скиты сотнями гнѣздятся одни надъ другими, начинаясь у самаго берега и кончаясь у сосенъ, окаймляющихъ вершину горы — одни, грѣясь на солнцѣ въ береговомъ пескѣ, другіе же, дрожа отъ холода на высотѣ снѣговъ. Это тѣ бѣлыя точки, которыя мы замѣтили при лунномъ свѣтѣ, подъѣзжая на пароходѣ къ святой горѣ. Этотъ подземный городъ, дающій такой отличительный характеръ южному скату Аѳона, называется Капсоколива и находится въ вѣдѣніи Лаврской обители. По мѣрѣ того, какъ наша каика подвигается къ сѣверо-востоку, два раза обогнувъ уже мысъ, виды вновь измѣняются: западный склонъ горы уходитъ отъ берега и весь усѣянъ потоками и каскадами, низвергающимися съ разныхъ высотъ. На трехъ выдавшихся утесахъ гордо смотрятся въ воду: Агіосъ-Діонисіосъ, Аріосъ-Павлосъ и Симопетра. Всѣ три господствуютъ надъ моремъ на высотѣ отъ 800 до 900 футовъ. Головы монаховъ, появля-

ющихся на площадкахъ своихъ башень, кажутся изъ лодки микроскопическими точками. Туда взбираются по крутой тропинкѣ, при помощи веревочныхъ перилъ, выходятъ къ заднему фасу, и, чтобы попасть въ монастырь, необходимо перейдти подъемный мостъ, переброшенный черезъ потокъ; пройдя подъ сводчатымъ корридоромъ, выходятъ на узкую площадку, гдѣ скученныя строенія какъ бы жмутся одно къ другому, боясь опрокинуться въ пропасть. Это тѣ же бурги на высокихъ берегахъ Рейна, съ тою только разницею, что всѣ они кажутся какими то правильными квадратами, прислоненными къ плоскимъ вершинамъ находящимся не на берегу рѣкъ, а на берегу безпредѣльнаго моря. Наконецъ монастырь Симопетра, который составлялъ нашу послѣднюю станцію передъ возвращеніемъ къ св. Пантелеймону, откуда мы начали свое странствованіе по святымъ мѣстамъ. Мы провели послѣднюю ночь въ ветхой пристройкѣ, какъ бы припаянной къ скалѣ, на высотѣ 1000 футовъ, куда тихо доносился къ намъ жалобный стонъ разбивающихся о скалу волнъ. Не звукамъ ли этого вѣчнаго убаюкиванія обязана своимъ непробуднымъ сномъ уснувшая мысль нашихъ хозяевъ.

II.

Прежде, однако, чѣмъ утвердиться въ нашемъ предположеніи, попробуемъ отыскать подтвержденія его въ той исторической рамкѣ, среди которой мысли этой приходилось непрестанно вращаться. Мы обратимся съ этою цѣлью къ искуству и языку обыкновенно лучше всѣхъ другихъ обязательствъ указывающимъ на всѣ достоинства и недостатки какой либо народности. Изученіе обширнаго музея древностей, только что нами пройденнаго и составляетъ самую привлекательную сторону путешествія на святую гору. — Между всѣми обломками, уцѣлѣвшими послѣ византійскаго періода, одинъ Аѳонъ сохранилъ только точныя свидѣтельства, объ искуствѣ живомъ, совершенномъ, вѣрномъ самому себѣ во всѣхъ его проявленіяхъ, архитектурѣ, живописи, золоченіи и книгопечатаніи. Всѣ эти отрасли человѣческихъ дѣяній, только что пронесшіяся передъ нашими взорами, объяснили намъ въ чемъ состояло это прошедшее, среди ко-

тораго они возникли, и тутъ же указали намъ до чего можетъ дойти настоящее, если оно будетъ слѣпо подражать ему.

Общій видъ главныхъ построекъ одинъ и тотъ же во всѣхъ монастыряхъ. Наружная ограда въ видѣ правильнаго четыреугольника или трапеціи, смотря потому какъ дозволяетъ мѣстность, окружая всѣ принадлежащія одному и тому же монастырю строенія, существуетъ или отдѣльно отъ нихъ, упираясь въ высокія угловыя башни, или же составляетъ съ наружными стѣнами зданій одну линію. Эти послѣднія, разбросанныя въ безпорядкѣ за высокими стѣнами ограды, окружаютъ внутренній дворъ, посреди котораго возвышается главный храмъ—*Католиконъ*. Мало заботясь о гармоніи первоначальнаго плана, каждое столѣтіе прибавляло что нибудь отъ себя къ общей массѣ: новый жилой корпусъ, новую церковь, новый камень, однимъ словомъ что нибудь вызванное потребностью времени. На высотѣ нижняго, а иногда и слѣдующихъ этажей, часто устроивались снаружи которой либо стѣны крытыя галлереи, выходящія своими круглыми арками, поддерживаемыми столбами въ византійскомъ стилѣ, на внутреній дворъ. Надъ этими ложами, стѣны жилыхъ зданій изрѣзаны узкими и неправильными окнами, расположенными безъ всякаго порядка и симметріи. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ жилыя строенія достигаютъ значительной высоты, какъ напримѣръ въ монастыряхъ Зографо, Киліндари, Ватопеди и Симопетра. На верхнемъ фронтонѣ высокихъ зданій начинается другой рядъ деревянныхъ прихотливыхъ балкончиковъ (chacnicims), которые составляютъ отличительный характеръ всѣхъ вообще турецкихъ построекъ. Они выступаютъ наружу, укрѣпленные на выступившихъ изъ стѣны балкахъ и, какъ бы повиснувъ на воздухѣ, тянутся вдоль всего верхняго фасада, соединенные между собою невысокимъ балюстрадомъ. Выкрашенные обыкновенно красною краскою, эти досчатыя клѣтки весело завершаютъ верхушки зданій, какъ бы смягчая угрюмый видъ этихъ крѣпостей. Куполы и кресты безпрерывно нарушаютъ общую линію крышъ. Древнѣйшія зданія относятся къ XI и XII вѣкамъ; другія опять, въ одной съ ними оградѣ, кажутся только вчера оконченными; смѣсь камня и кирпича, какъ обыкновенно строили первобытные каменьщики, практикуется и въ настоящее время. Кое-гдѣ въ стѣнахъ попадаются вмазанные эмалированные кирпичи, заимствованные исламизмомъ у Персіи для архитектурныхъ украшеній *своихъ построекъ*. Мягкость рисунка, яркій цвѣтъ красокъ этихъ

обломковъ, взятыхъ гдѣ нибудь изъ развалинъ древнихъ мечетей, нисколько не уступаютъ красотѣ узоровъ и нынѣ встрѣчающихся на зданіяхъ Константинополя, Бруссы и Іерусалима.

Посреди довольно обширнаго двора, оставленнаго между постройками, составляя какъ бы узелъ всей массы зданій, находится монастырская церковь, обыкновенно не высокая, какъ бы придавленная своими кирпичными куполами. Ничто такъ сильно не отличается отъ нашихъ величественныхъ соборовъ, съ ихъ огромнымъ вмѣстилищемъ, собирающимъ весь приходъ свой подъ высокіе своды, съ ихъ остроконечными шпицами и высоко вздымающимися горделивыми колокольнями, какъ православные церкви Востока. Весь этотъ sursum corda камней нашихъ церквей символизируетъ высшую религіозную мысль, меланхолическую, бѣгущую всего земнаго и вопрошающую небо, тогда какъ архитектура греческая никогда не преслѣдовала эту мысль; болѣе спокойная, она не стремится въ заоблачныя пространства, а ожидаетъ Бога на землѣ, довольствуясь иногда ширѳніемъ базилики, гдѣ жили въ довольствѣ великіе цезари, гдѣ ихъ отцы поклонялись Зевсу.

Каѳедральная церковь въ Кариэсѣ, во имя Богоматери, заступницы Аѳона, безпорно принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ полуострова; ее безошибочно можно отнести ко времени основанія первой общины въ XI или даже X вѣкѣ. Она въ малыхъ размѣрахъ точно воспроизводитъ храмъ святой Софіи. Пожаръ разрушилъ ея куполъ, впослѣдствіи замѣненный деревянною крышею. Въ одной только этой церкви внутренность ея составляетъ крестъ заключенный въ квадратъ, въ прочихъ же церквахъ, эпохи не столь отдаленной, квадратъ уже не употребляется, и концы крестовинъ, оканчиваясь закругленіями, покрываются сводами. Въ нѣкоторыхъ зданіяхъ, какъ напримѣръ въ церквѣ монастыря Ивиронъ, своды расположены между крестовинами. Впрочемъ, общій основной принципъ вездѣ одинъ и тотъ же: центральный куполъ виситъ на четырехъ полукруглыхъ аркахъ, поддерживаемыхъ такимъ же числомъ отдѣльныхъ устоевъ. Меньшіе куполы расположены по сторонамъ главнаго и, имѣя видъ цилиндрическихъ фонарей, какъ то неправильно лѣпятся снаружи. Во внутренности церквей чрезвычайно строго сохраняется раздѣленіе на три части: клиросъ, самая церковь и притворъ; впрочемъ иногда, какъ напримѣръ въ церквѣ Кипліндари, притворъ непосредственно соединяется съ самою церковью и надъ нимъ находится

шестой куполъ. Церковь въ монастырѣ Киліандари древнѣйшая послѣ церкви въ Кариэсѣ. Нѣкоторыя ея части можно также отнести къ XII вѣку и могутъ считаться современными основанію всей обители. Капители и консоли ея принадлежатъ къ древнѣйшей эпохѣ. Она имѣетъ не болѣе 28 метровъ въ длину, а вышины вмѣстѣ съ куполомъ едва насчитываетъ 15 метровъ. Размѣры трехъ внутреннихъ частей строго пропорціональны, какъ и въ другихъ церквяхъ; такъ что мнѣ даже кажется, что пропорціональность эта когда то была установлена особымъ канономъ. Большая часть остальныхъ, нами разсмотрѣнныхъ, церквей принадлежатъ къ эпохѣ между XIII и XVI вѣками. Время постройки нѣкоторыхъ обозначено на хартіи, выданной основателемъ и выбитой большими буквами на стѣнахъ церкви; въ другихъ—сохранился на внутренней стѣнѣ притвора портретъ основателя, написанный держащимъ въ рукахъ модель построенной имъ церкви. Такъ напримѣръ и до сихъ поръ еще сохранился портретъ господаря Молдавіи Св. Дениса, въ XIII вѣкѣ построившаго монастырь, или воеводы Матайесъ Бассарабы изъ Ксенопа, жившаго въ XVI вѣкѣ. Церкви Ивиронъ и Лавра построены вѣроятно не ранѣе XV столѣтія.

Конечно въ интересѣ исторіи необходимо было бы прежде всего опредѣлить точное время постройки всѣхъ этихъ памятниковъ и главныя ихъ черты, но во многихъ случаяхъ не представляется почти никакой возможности извлечь какія либо данныя. Опустившаяся отъ своей тяжести въ землю, тяжелая по внѣшнему виду, и въ то же время скученная въ одну нестройную массу, архитектура этихъ построекъ не имѣетъ ни одной прямой линіи, ни одной удачной пропорціи; ни внутри, ни съ наружи глаза не могутъ остановиться ни на одной профили, ни на одной подробности. Колонны и пилястры, какъ вообще онѣ устраивались въ старинную эпоху, слишкомъ низки для своихъ діаметровъ; находящіяся надъ ними капители выкупленныя снизу, къ верху же съуживающіяся—имѣютъ чрезвычайно непріятный видъ; оконныя отверстія очень узки, и вырѣзанные въ видѣ трефъ въ нижней цилиндрической части купола, слабо освѣщаютъ церковь, отчего вся внутренность ея погружена въ совершеннѣйшій мракъ. Но не станемъ строго относиться къ работѣ неискусныхъ аѳонскихъ каменьщиковъ. Архитектура прежде всего искуство синтетическое и не есть произведеніе ума тонкаго и аналитическаго. Памятникъ, какъ *первородный символъ*, скрытно передаетъ одну только мысль совре-

меннаго ему человѣка; впослѣдствіи искуство деталей украситъ его и дастъ возможность лучше высказать эту мысль. Въ этомъ то второстепенномъ искуствѣ, въ деталяхъ орнаментаціи и будемъ искать истинное призваніе изучаемыхъ нами художниковъ. Всѣ старанія ихъ заключались въ художественномъ исполненіи каѳедръ, царскихъ вратъ, иконостасовъ чудно изукрашенныхъ позолотою, всевозможными вазами и орнаментами, дѣлающими изъ каждой Аѳонской церкви музей византійской древности. Въ особенности въ нашихъ изъисканіяхъ могутъ послужить въ помощь тысячи изображеній святыхъ, мадоннъ, ученыхъ и князей безмолвно смотрящихъ съ церковныхъ стѣнъ, разсказывающихъ свое горделивое происхожденіе и въ тоже время съ грустью свидѣтельствующихъ объ упадкѣ священной живописи на Востокѣ.

Повсюду въ земляхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ Греческой Имперіи, лопатка *имама* погребла творенія древнихъ мастеровъ подъ покровомъ извести; даже въ Софіи цѣлые фрески отыскиваются еще теперь по неяснымъ контурамъ, обнаруживающимся иногда мѣстами подъ обвалившеюся штукатуркою. Одному Аѳону удалось избѣгнуть этой участи; здѣсь только картины прошлаго, нетронутыя вѣками, развертываются величественно передъ взоромъ наблюдателя по стѣнамъ церквей и трапезъ, занимая сотни квадратныхъ метровъ. Большая часть этихъ твореній, правда новѣйшихъ, не представляютъ ничего кромѣ жалкой копіи съ дорогихъ оригиналовъ, написанныхъ древними греческими живописцами; но за то, произведенія этихъ послѣднихъ, нерѣдко совершенно неожиданно для насъ, останавливали на долго наше вниманіе. Мы вступили на святую гору съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, предполагая встрѣтить тутъ развѣ одни только жалкіе остовы различныхъ святыхъ уже видѣнныхъ нами въ древнихъ монастыряхъ Греціи и Палестины; на самомъ же дѣлѣ мы встрѣтили школу по меньшей мѣрѣ столь же знаменитую, какъ и ея младшая сестра въ Италіи. Неточности, вкравшіяся въ канонъ византійскій, слѣпое подраженіе извѣстнымъ формамъ, неумѣніе позировать изображеніе, и неправильность рисунка безобразятъ ее; тѣмъ не менѣе во всѣхъ ея изображеніяхъ просвѣчиваетъ пламень жизни дѣйствительной и высокой. Какъ прежній, такъ и нынѣшній живописецъ этой школы знаетъ очень хорошо, что святой хотя и съ вѣнчикомъ на головѣ, и на золотомъ фонѣ изображенный, тѣмъ не менѣе, могъ тоже страдать, и также поклоняться Творцу,

шестой куполъ. Церковь въ монастырѣ Киліандарп древнѣйшая послѣ церкви въ Карпэсѣ. Нѣкоторыя ея части можно также отнести къ XII вѣку и могутъ считаться современными основанію всей обители. Капители и консоли ея принадлежатъ къ древнѣйшей эпохѣ. Она имѣетъ не болѣе 28 метровъ въ длину, а вышины вмѣстѣ съ куполомъ едва насчитываетъ 15 метровъ. Размѣры трехъ внутреннихъ частей строго пропорціональны, какъ и въ другихъ церквахъ; такъ что мнѣ даже кажется, что пропорціональность эта когда то была установлена особымъ канономъ. Большая часть остальныхъ, нами разсмотрѣнныхъ, церквей принадлежатъ къ эпохѣ между XIII и XVI вѣками. Время постройки нѣкоторыхъ обозначено на хартіи, выданной основателемъ и выбитой большими буквами на стѣнахъ церкви; въ другихъ—сохранился на внутренней стѣнѣ притвора портретъ основателя, написанный держащимъ въ рукахъ модель построенной имъ церкви. Такъ напримѣръ и до сихъ поръ еще сохранился портретъ господаря Молдавіи Св. Дениса, въ XIII вѣкѣ построившаго монастырь, или воеводы Матайесъ Бассарабы изъ Ксенопа, жившаго въ XVI вѣкѣ. Церкви Ивиронъ и Лавра построены вѣроятно не ранѣе XV столѣтія.

Конечно въ интересѣ исторіи необходимо было бы прежде всего опредѣлить точное время постройки всѣхъ этихъ памятниковъ и главныя ихъ черты, но во многихъ случаяхъ не представляется почти никакой возможности извлечь какія либо данныя. Опустившаяся отъ своей тяжести въ землю, тяжелая по внѣшнему виду, и въ то же время скученная въ одну нестройную массу, архитектура этихъ построекъ не имѣетъ ни одной прямой линіи, ни одной удачной пропорціи; ни внутри, ни съ наружи глаза не могутъ остановиться ни на одной профили, ни на одной подробности. Колонны и пилястры, какъ вообще онѣ устраивались въ старинную эпоху, слишкомъ низки для своихъ діаметровъ; находящіяся надъ ними капители выкупныя снизу, къ верху же съуживающіяся—имѣютъ чрезвычайно непріятный видъ; оконныя отверстія очень узки, и вырѣзанные въ видѣ трефъ въ нижней цилиндрической части купола, слабо освѣщаютъ церковь, отчего вся внутренность ея погружена въ совершеннѣйшій мракъ. Но не станемъ строго относиться къ работѣ неискусныхъ аѳонскихъ каменьщиковъ. Архитектура прежде всего искуство синтетическое и не есть произведеніе ума тонкаго и аналитическаго. Памятникъ, какъ *первородный символъ*, скрытно передаетъ одну только мысль совре-

меннаго ему человѣка; впослѣдствіи искуство деталей украситъ его и дастъ возможность лучше высказать эту мысль. Въ этомъ то второстепенномъ искуствѣ, въ деталяхъ орнаментаціи и будемъ искать истинное призваніе изучаемыхъ нами художниковъ. Всѣ старанія ихъ заключались въ художественномъ исполненіи каѳедръ, царскихъ вратъ, иконостасовъ чудно изукрашенныхъ позолотою, всевозможными вазами и орнаментами, дѣлающими изъ каждой Аѳонской церкви музей византійской древности. Въ особенности въ нашихъ изъисканіяхъ могутъ послужить въ помощь тысячи изображеній святыхъ, мадоннъ, ученыхъ и князей безмолвно смотрящихъ съ церковныхъ стѣнъ, разсказывающихъ свое горделивое происхожденіе и въ тоже время съ грустью свидѣтельствующихъ объ упадкѣ священной живописи на Востокѣ.

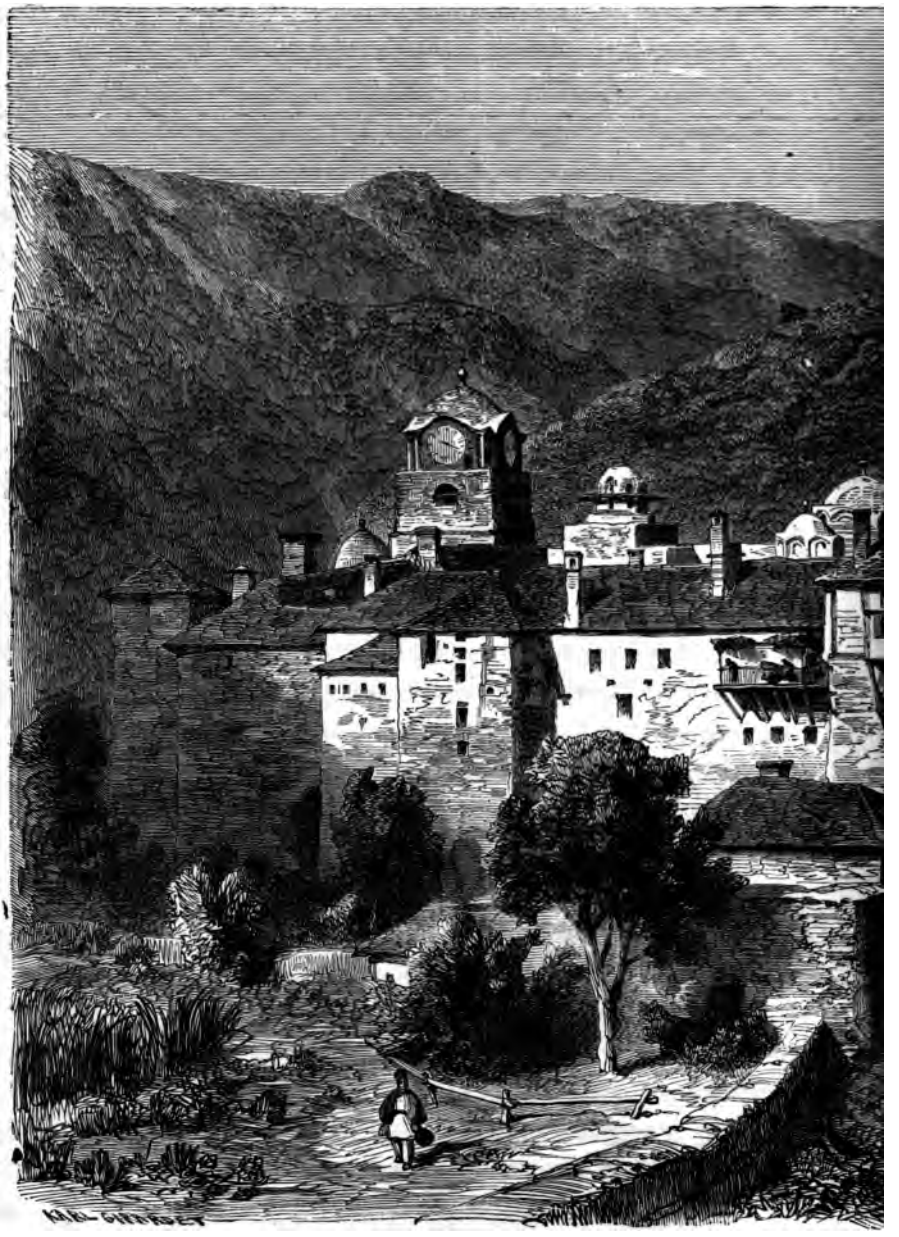
Повсюду въ земляхъ, нѣкогда входившихъ въ составъ Греческой Имперіи, лопатка *имама* погребла творенія древнихъ мастеровъ подъ покровомъ извести; даже въ Софіи цѣлые фрески отыскиваются еще теперь по неяснымъ контурамъ, обнаруживающимся иногда мѣстами подъ обвалившеюся штукатуркою. Одному Аѳону удалось избѣгнуть этой участи; здѣсь только картины прошлаго, нетронутыя вѣками, развертываются величественно передъ взоромъ наблюдателя по стѣнамъ церквей и трапезъ, занимая сотни квадратныхъ метровъ. Большая часть этихъ твореній, правда новѣйшихъ, не представляютъ ничего кромѣ жалкой копіи съ дорогихъ оригиналовъ, написанныхъ древними греческими живописцами; но за то, произведенія этихъ послѣднихъ, нерѣдко совершенно неожиданно для насъ, останавливали на долго наше вниманіе. Мы вступили на святую гору съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, предполагая встрѣтить тутъ развѣ одни только жалкіе остовы различныхъ святыхъ уже видѣнныхъ нами въ древнихъ монастыряхъ Греціи и Палестины; на самомъ же дѣлѣ мы встрѣтили школу по меньшей мѣрѣ столь же знаменитую, какъ и ея младшая сестра въ Италіи. Неточности, вкравшіяся въ канонъ византійскій, слѣпое подраженіе извѣстнымъ формамъ, неумѣніе позировать изображеніе, и неправильность рисунка безобразятъ ее; тѣмъ не менѣе во всѣхъ ея изображеніяхъ просвѣчиваетъ пламень жизни дѣйствительной и высокой. Какъ прежній, такъ и нынѣшній живописецъ этой школы знаетъ очень хорошо, что святой хотя и съ вѣнчикомъ на головѣ, и на золотомъ фонѣ изображенный, тѣмъ не менѣе, могъ тоже страдать, и также поклоняться Творцу,

какъ и всякій смертный. Правда, ихъ Христосъ, ихъ Николай Чудотворецъ, ихъ св. Андрей, не могутъ похвастаться своею позировкою, но за то они полны жизни, въ нихъ живетъ душа.

Количество образовъ и сюжеты, ими изображенные, во всѣхъ церквахъ опредѣлены постановленіями литургіи. Посреди купола гигантское изображеніе Вседержителя устремляетъ свой неподвижный взоръ на вѣрующихъ; его окружаетъ вѣнецъ изъ ангеловъ и апостоловъ. На четырехъ боковыхъ склонахъ купола крестообразно расположены четыре евангелиста; противъ хоровъ непзбѣжный образъ успѣнія Богоматери. На прочихъ стѣнахъ, на сводахъ и между колоннами по голубому фону, изображены прочіе святые и сцены изъ священнаго писанія. Передняя часть церкви преимущественно предназначена для изображенія соборовъ, жизни монашеской, послѣдняго суда, сценъ изъ апокалипсиса и вообще для аллегорическихъ изображеній. Императоры, воеводы и другіе благодѣтели монастырей смиренно пріютились по обѣ стороны входныхъ дверей, или же робко скрываются на нижнихъ частяхъ среднихъ столбовъ. Изъ всѣхъ фресковъ, видѣнныхъ нами на св. горѣ, лучшіе находятся въ небольшой и темной церкви въ Кариэсѣ. Позднѣйшее реставрированіе обезобразило большую часть ихъ; но три или четыре картины, единственныя чѣмъ только можетъ гордиться эта церковь, есть произведеніе кисти великаго художника. Чудная головка Христа младенца, благовѣщеніе Божіей Матери, и еще двѣ, три—свидѣтельствуютъ о глубокомъ знаніи искусства, о тщательномъ изученіи изображаемаго, и умѣніи группировать лица. Послѣ Кариэса, лучшія произведенія аѳонскаго искусства находятся въ Лаврѣ, Ватопеди, Дохарейонъ и въ монастырѣ во имя св. Діонисія; но посредственность этихъ произведеній изобличаетъ уже второе поколѣніе художниковъ. При всемъ томъ сколько прелести и правды въ изображеніяхъ исторіи четырехъ Евангелистовъ, на стѣнахъ Лаврской церкви: Іисусъ проповѣдующій передъ народомъ, Іисусъ прощающій грѣшницу, ученика изъ Эммауса, удавленіе Іуды и т. д. Эти сокровища, которыми такъ гордятся главные монастыри, по моему мнѣнію уступаютъ въ достоинствахъ малоизвѣстной живописи небольшой церкви въ незначительномъ монастырѣ Дохарейонъ, послѣднемъ на западной сторонѣ. Какая простота, и въ то же время сколько величія во всѣхъ этихъ сценахъ: бракъ въ Канѣ галилейской, излеченіе параличнаго, Христосъ на баркѣ и др. Три головки мадоннъ, долгое время останавливали насъ

какъ и всякій смертный. Правда, ихъ Христосъ, ихъ Николай Чудотворецъ, ихъ св. Андрей, не могутъ похвастаться своею позировкою, но за то они полны жизни, въ нихъ живетъ душа.

Количество образовъ и сюжеты, ими изображенные, во всѣхъ церквахъ опредѣлены постановленіями литургіи. Посреди купола гигантское изображеніе Вседержителя устремляетъ свой неподвижный взоръ на вѣрующихъ; его окружаетъ вѣнецъ изъ ангеловъ и апостоловъ. На четырехъ боковыхъ склонахъ купола крестообразно расположены четыре евангелиста; противъ хоровъ неизбѣжный образъ успѣнія Богоматери. На прочихъ стѣнахъ, на сводахъ и между колоннами по голубому фону, изображены прочіе святые и сцены изъ священнаго писанія. Передняя часть церкви преимущественно предназначена для изображенія соборовъ, жизни монашеской, послѣдняго суда, сценъ изъ апокалипсиса и вообще для аллегорическихъ изображеній. Императоры, воеводы и другіе благодѣтели монастырей смиренно пріютились по обѣ стороны входныхъ дверей, или же робко скрываются на нижнихъ частяхъ среднихъ столбовъ. Изъ всѣхъ фресковъ, видѣнныхъ нами на св. горѣ, лучшіе находятся въ небольшой и темной церкви въ Кариэсѣ. Позднѣйшее реставрированіе обезобразило большую часть ихъ; но три или четыре картины, единственныя чѣмъ только можетъ гордиться эта церковь, есть произведеніе кисти великаго художника. Чудная головка Христа младенца, благовѣщеніе Божіей Матери, и еще двѣ, три—свидѣтельствуютъ о глубокомъ знаніи искусства, о тщательномъ изученіи изображаемаго, и умѣніи группировать лица. Послѣ Кариэса, лучшія произведенія аѳонскаго искусства находятся въ Лаврѣ, Ватопеди, Дохарейонъ и въ монастырѣ во имя св. Діонисія; но посредственность этихъ произведеній изобличаетъ уже второе поколѣніе художниковъ. При всемъ томъ сколько прелести и правды въ изображеніяхъ исторіи четырехъ Евангелистовъ, на стѣнахъ Лаврской церкви: Іисусъ проповѣдующій передъ народомъ, Іисусъ прощающій грѣшницу, ученика изъ Эммауса, удавленіе Іуды и т. д. Эти сокровища, которыми такъ гордятся главные монастыри, по моему мнѣнію уступаютъ въ достоинствахъ малоизвѣстной живописи небольшой церкви въ незначительномъ монастырѣ Дохарейонъ, послѣднемъ на западной сторонѣ. Какая простота, и въ то же время сколько величія во всѣхъ этихъ сценахъ: бракъ въ Канѣ галилейской, изліеніе параличнаго, Христосъ на баркѣ и др. Три головки мадоннъ, долгое время останавливали насъ



Сфигмено

рь.

своимъ выраженіемъ какой то неисповѣдимой грусти; еще одинъ образъ Панагіи изображенной въ полъ оборота, замѣчательный по своей необыкновенной рельефности, напоминающій сивиллу Сикстинскую. Однимъ словомъ изъ всей массы произведеній, мы указали на лучшіе экземпляры, чтобы какъ нибудь вывести общее заключеніе, чтобы хотя сколько нибудь набросить свѣта на многія замѣчательныя произведенія скрывающіяся во мракѣ.

Отъ монаховъ здѣсь невозможно получить какихъ либо разъясненій относительно той или другой картины; они повидимому одинъ разъ навсегда условились всѣ лучшія свои произведенія живописи приписывать знаменитому Панселиносу, этому аѳонскому Рафаэлю, процвѣтавшему по всему вѣроятію во время основанія первой общины. Подобно итальянскому чичероне, который самыя посредственныя копіи съ различныхъ живописцевъ, безразлично приписываетъ знаменитому Урбино, такъ и сопровождавшій насъ монахъ съ умиленіемъ восклицалъ передъ каждою картиною: Панселиносъ! Панселиносъ! Одинъ только настоятель иверонскаго монастыря, старецъ до нѣкоторой степени ученый, могущій отдать себѣ отчетъ въ различіи стилей всѣхъ этихъ не похожихъ одно на другое произведеній, сообщилъ намъ болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія. По его увѣреніямъ, кисти Панселиноса принадлежатъ, по истинѣ, одни только фрески Кариэса; тѣ же, которыя находятся въ монастырях Лавра, Ватопеди и Дохарейонъ, слѣдуетъ приписать его ученикамъ. Согласно нашимъ личнымъ впечатлѣніямъ, мы вполнѣ согласились съ этимъ преданіемъ, вѣроятно самымъ правдоподобнымъ. И дѣйствительно, всматриваясь повнимательнѣе въ лучшія картины, именно тѣ, которыя находятся въ Кариэсѣ, приходишь къ заключенію, что только онѣ имѣютъ на себѣ отпечатокъ самой отдаленной древности и могутъ принадлежать лучшему художнику, кто бы онъ ни былъ, но который вполнѣ владѣлъ своею кистью. Художникъ этотъ долженъ былъ жить въ XI, XII или же XIII столѣтіи. Вторая эпоха аѳонской живописи, именно живопись Лавры, Ватопеди и другихъ монастырей, принадлежитъ его ученикамъ; она занимаетъ собою слѣдующіе три вѣка,—до конца XIV; сохраняетъ тотъ же стиль, съ нѣкоторыми однако уклоненіями и даже съ замѣтною неточностью красокъ и неправильностью линій. Третій періодъ, съ XVI вѣка и до нашихъ дней, есть быстрый упадокъ художественности, въ которой нѣтъ уже и признаковъ прежнихъ традицій; отъ посредственныхъ картинъ

Ивирона она быстро переходитъ къ китайскимъ тѣнямъ, украшающимъ стѣны новаго храма въ Зографо.

Сравнивая греческое искусство съ современною ему итальянскою живописью, мы и въ ней находимъ тоже быстрое развитіе въ самомъ началѣ, и затѣмъ—тѣ же признаки упадка; сходство этихъ двухъ близнецовъ во все время развитія и упадка поразительно. Имя Панселиноса должно соотвѣтствовать имени итальянскаго художника Джіотто; нѣтъ произведеній двухъ первоклассныхъ художниковъ, которыя имѣли бы столько сходства какъ въ общемъ, такъ и въ деталяхъ, и мы нисколько не удивимся, узнавъ, что между флорентинскими и аѳонскими художниками были постоянныя прямыя сношенія. Всякая картина, взятая съ Аѳона, могла бы быть помѣщена въ Кармінской капеллѣ, нисколько не нарушая ея общаго стиля, и никто не могъ бы указать, что она попала сюда совершенно изъ другой школы. Въ Италіи, какъ и на Востокѣ, одна только мозаика осталась на одинаковой степени совершенства; мозаичные образа, встрѣчающіеся еще и понынѣ въ небольшомъ количествѣ на Аѳонской горѣ, нисколько не отличаются по достоинству отъ тѣхъ, которые оставлены на Аппенинскомъ полуостровѣ мастерами древней Греціи. Но мозаика была одно время заброшена; еще Цимабуэ, ученикъ греческой школы, былъ въ нерѣшимости перехода отъ мозаики къ живописи, какъ вдругъ совершенно неожиданно является Джіотто, уже въ самомъ началѣ поставивъ это искусство на высшую степень. Тоже было и въ Кариэсѣ: Панселиносъ вѣроятно также имѣлъ своею Цимабуэ. Отсутствіе какихъ бы то ни было документовъ предшествовавшихъ Панселиносу не позволяетъ намъ опредѣлить продолжительность этого перехода; полнѣйшее крушеніе византійской цивилизаціи отнимаетъ у насъ возможность указать на положеніе искуства въ Константинополѣ въ этомъ періодѣ. Еслы бы время уничтожило всѣ несовершенныя произведенія первыхъ художниковъ Италіи, то Джіотто, какъ и его восточный современникъ, явился бы во всемъ величіи, но также безъ предшественниковъ. И такъ начало было тождественно какъ во Флоренціи, такъ и въ Кариэсѣ; искуство флорентинское съ искуствомъ аѳонскимъ имѣютъ общій источникъ, и только въ послѣдствіяхъ разнятся такъ же, какъ разнится и темпераментъ обоихъ народовъ. Геній Запада, преобладая юностью и молодыми силами, овладѣвалъ традиціями изобрѣтателя и непрестанно старался ихъ обновлять при помощи натурализма, начиная съ Орканья

до Мазаччіо, отъ Мазаччіо до Винчи, отъ Винчи до Санціо, тогда какъ духъ Византіи, полуистраченный и полуокаменѣлый, напротивъ того останавливалъ развитіе своихъ традицій, подчинивъ ихъ всевозможнымъ догматамъ. Ослѣпленные великимъ свѣтомъ своего учителя, но не возбуждаемые имъ, ученики Панселиноса, рабски копировали цвѣта его красокъ, держались его размѣровъ, даже считали его штрихи. Одинъ изъ нихъ Денисъ Аграфскій дошелъ до того, что составилъ сводъ этихъ красокъ, обратившійся впослѣдствіи въ нѣкотораго рода законъ. Благодаря необыкновенной способности сохраняться, восточный геній неизмѣнно и во всемъ блескѣ могъ существовать въ теченіи трехъ столѣтій; но насталъ наконецъ день, когда это набальзамированное искуство должно было подвергнуться общему закону смерти и разложенія. Искаженное канономъ, оно дошло до насъ уже въ смѣшномъ видѣ; мы видимъ теперь какъ бы одинъ пепелъ растенія, давшаго нѣкогда великолѣпные цвѣты, но не бывшаго въ состояніи возродиться, находясь на высохшей почвѣ.

Мы довольно долго остановились на стѣнной живописи, на этомъ лучшемъ произведеніи, которымъ могутъ по справедливости гордиться Аѳонскіе монахи. Все высказанное только что о живописи будетъ справедливо и относительно прочихъ отраслей искуства святой горы. Многочисленые образа, писанные на деревѣ, и крытые воскомъ или лакомъ, сплошь покрывающіе стѣны и иконостасы, большею частію слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ двумъ столѣтіямъ; всѣ они ничѣмъ особенно не отличаются, кромѣ мелочнаго подражанія древнимъ типамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, а въ особенности Панагія, въ матерьяльномъ отношеніи находятся въ весьма плачевномъ состояніи. Извѣстно, что византійскіе образа, обнажая только голову и руки, цѣликомъ покрыты серебряными вычеканенными, или филиграновыми ризами. Отъ дѣйствія времени и сырости, воскъ на деревѣ ссѣлся и покоробился, слюда же почернѣла, такъ что изъ подъ этой землеобразной оболочки глядятъ, какъ бы изъ глубины, большіе глаза на поблекшихъ лицахъ, обрамленныхъ металлическимъ украшеніемъ. Къ счастію, не всѣ еще образа дошли до такого состоянія; передъ нѣкоторыми, не столь древни ими лучше сохранившимися Панагіями, насъ невольно останавливали прелесть и правдивость выраженія ихъ лицъ. Особый темноватый блескъ, придаваемый временемъ энкавстикѣ *),

*) Живопись красками смѣшанными съ воскомъ.

дѣлаетъ эти лица сходными, по внѣшности, съ мадоннами Леонардо. Изъ числа ихъ, мы укажемъ на двѣ Панагіи въ монастырѣ Ватопеди. Эти древнія реликвіи имѣютъ почти всегда свои собственныя легенды; преданіе говоритъ, что обѣ иконы были спасены изъ воды, куда онѣ были брошены морскими разбойниками, и возвращены на Аѳонъ изъ Палестины, послѣ долгаго плѣна у Сарациновъ. Онѣ истекаютъ кровью, пронзенныя копьемъ турка, и нерѣдко слеза орошаетъ ихъ вѣки, въ воспоминаніе этого святотатства. Монахи питаютъ къ нимъ особенное благоговѣніе. Оба образа висятъ въ тѣни колонны, освѣщенные лампадой, тускло бросающей свои лучи на таинственные облики. Ихъ можно отнести къ второму періоду стѣнной живописи.

Но болѣе всего образа эти заслуживаютъ вниманія по своимъ золотымъ покровамъ, по своимъ мантіямъ изъ выпуклаго серебра, по художественной филиграновой работѣ своихъ вѣнчиковъ, нерѣдко украшенныхъ эмалью или драгоцѣнными камнями. Можно съ увѣренностью утверждать, что эмалированіе введено довольно поздно; на ризѣ одного образа въ Лаврѣ, на эмали вѣнчика, обозначенъ 1608 годъ; ранѣе этого года мы не видали. Искусство орнаментаціи, вотъ истинный удѣлъ древнихъ мастеровъ, этихъ прилежныхъ и мелочныхъ труженниковъ, одаренныхъ терпѣніемъ китайца, но лишенныхъ ихъ необузданнаго воображенія. Хотя наибольшая часть богатствъ Аѳонскихъ монастырей разсѣяна, распродана, или уничтожена, пронесшеюся надъ Аѳономъ грозою, во время войны за независимость, но въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, особенно въ Лаврѣ и Ватопеди, хранятся и теперь еще такія сокровища, передъ которыми бы поблѣднѣли сокровища нашихъ аббатствъ. Мы видѣли евангелія въ тяжелыхъ, серебряныхъ съ позолотою, покрышкахъ, различные ящики, ковчежцы съ мощами, кресты, священные сосуды,— все рѣзной работы, могущей назваться верхомъ искусства, усыпанные алмазами, драгоцѣнными камнями и покрытые эмалью. Но и въ этихъ предметахъ замѣчается тотъ же упадокъ искусства по мѣрѣ того, какъ оно подвигается къ нашему времени. Передъ нами распятіе, содержащее съ себѣ древо креста, и покрышка евангелія, даръ Ѳоки и Цимисхія (X вѣкъ); переплетъ книги, временъ Ѳеодоры, съ эмальированнымъ изображеніемъ Христа и Богоматери; работа этихъ драгоцѣнностей сходна съ золотыми вещами эпохи Каролинговъ. Въ церкви Ватопеди есть чаша изъ прозрачнаго камня, съ ручками изъ золотыхъ,

украшенныхъ эмалью драконовъ, напоминающая итальянскій стиль возрожденія; въ Ксеропотамо—*патерица* (восточный жезлъ, имѣющій видъ пастушескаго посоха) изъ янтаря и эмали, подаренный валахскимъ воеводою въ XVI столѣтіи. Позднѣе, рѣзчики Аѳона изощряются въ микроскопической рѣзьбѣ на деревѣ, въ вырѣзываніи сложныхъ эпизодовъ изъ священной исторіи по узкой оконечности креста. Всѣ запрещенія—украшать иконостасы въ церквахъ, нарушены скульпторами со времени Исаврійской династіи; повсюду львы, поддерживающіе рѣзныя рамы, птицы скрывающіяся въ золотой листвѣ и на вѣткахъ, украшающихъ сверху до низу иконостасы. Упомянемъ еще о красивой наборной работѣ изъ чешуи и жемчужныхъ раковинъ, орнаментаціи, заимствованной турками у византійцевъ, украшающей обыкновенно каѳедру, или же площадки, находящійся по обѣ стороны хоровъ. Достойны примѣчанія выбитые молоткомъ бронзовыя двери, лампады и особыя паникадила нигдѣ нами не виданныя на Востокѣ, кромѣ монастырскихъ церквей Аѳона. Огромная, вычеканенная изъ мѣди корона, обсаженная свѣчами, съ помощью нѣсколькихъ цѣпей прикрѣпляется къ своду. Двойной византійскій орелъ окружаетъ ее; воспроизведенный на ровныхъ промежуткахъ, онъ держитъ въ лапахъ своихъ цѣпь изъ арабесковъ различныхъ въ каждомъ монастырѣ, смотря по фантазіи художника. Это украшеніе составляетъ неизбѣжную принадлежность каждой церкви; оно очень величественно, и напоминаетъ короны для свѣчей въ Ахенѣ и Гильдесгеймѣ.

Для того, чтобы перечислить всѣ богатства, необходимо было бы составить цѣлые каталоги; но, не желая утомлять читателя, мы старались указать только на главныя, выдающіяся особенности аѳонскаго искусства.—Уже было сказано, что искусство святой горы находилось на высшей степени развитія только при началѣ своемъ; община основалась въ моментъ великаго могущества Византіи; она употребила для украшенія своихъ монастырей все, что только можно было найдти лучшаго при дворѣ Комнэновъ. Художественныя произведенія первыхъ дней стали вдругъ выше всѣхъ прочихъ школъ того времени; но духъ востока, подобно тому источнику, въ которомъ всѣ погруженные предметы обращаются въ камень, не далъ ему развиться. Непосредственные преемники первыхъ мастеровъ продолжали ихъ искусство, мало заботясь о его развитіи; далѣе, искусство обращается въ какое то дѣтское подражаніе, и наконецъ, современ-

ные его представители окончательно и безвозвратно теряютъ его. Входя въ церковь, вчера реставрированную, можно подумать, что возвратился къ временамъ Андроника и Ооки, трудами которыхъ украшенъ новый храмъ. — Византіи мы обязаны прекраснымъ урокомъ; она доказала намъ, что искусство, которое не развивается, есть искусство, осужденное на неминуемую гибель. Добродушные монахи повидимому отживаютъ свои дни. Валахи въ своемъ монастырѣ покрываютъ свои стѣны уже изображеніями мертвыхъ, а слѣдовательно избѣгаютъ, такимъ образомъ, упрековъ въ неточности своихъ произведеній. Лаврскіе монахи ухитряются еще вырѣзывать тысячи фигурокъ на небольшомъ клочкѣ дерева; въ Кариэсѣ и Ивиронѣ продолжаютъ еще, при помощи грубой ксиллографіи, воспроизводить легенды о своихъ монастыряхъ, и раскрашиваютъ по бумагѣ образа Панагіи;—но тѣмъ и ограничиваются всѣ способности послѣдователей могущественнаго Мануэля Пенселиноса.

Кончая обзоръ аѳонскихъ сокровищъ, обратимъ еще вниманіе на библіотеки, можно сказать не имѣющія цѣны. Долгое время никѣмъ не изслѣдованныя, онѣ потеряли множество драгоцѣнностей. Владѣльцы ихъ неоднократно цѣлые шкафы рукописей продавали туркамъ, которые употребляли бумагу для дѣланія патроновъ старинные путешественники разсказываютъ, что монахи-рыболовы въ свернутые толстые листы манускриптовъ собирали червяковъ для своихъ удочекъ. Уже тридцать лѣтъ склады эти открыты европейской наукѣ, употребившей всѣ усилія для охраненія этихъ драгоцѣнностей отъ невѣжества монаховъ. Благодаря изслѣдованіямъ Миноида Миноса, Ланглоа и Севастьянова, благодаря великолѣпнымъ каталогамъ, составленнымъ Миллеромъ, монастырскія библіотеки раскрыли теперь ученымъ свои тайны. Въ двадцати монастыряхъ найдено до 10,000 рукописей, принадлежащихъ къ X и XVI столѣтіямъ. Древнѣйшія изъ нихъ, безъ исключенія, суть только копіи съ евангелія и псалмовъ, написанныя на всѣхъ восточныхъ нарѣчіяхъ: греческомъ, русскомъ, кирилловскомъ, горскомъ, армянскомъ, арабскомъ и др. Въ монастырѣ Зографо найдена библія, писанная глаголическими буквами, нынѣ находящаяся въ С.-Петербургѣ. Нерѣдко попадаются манускрипты X и даже IX-го вѣковъ, отличающіеся своими магистральными писменами. Нѣкоторые изъ нихъ украшены миніатюрными рисунками, интересными для изученія древнихъ одѣяній; но чаще всего въ заголовкѣ изображены четыре еван-

гелиста, окруженные обычными аттрибутами. Не столь древнія рукописи содержатъ творенія греческихъ отцовъ и византійскія хроники. Долгое время предполагали, что въ этихъ книгохранилищахъ можно будетъ отыскать какіе либо остатки классической мудрости; но, за исключеніемъ географіи Птоломея, найденной въ Ватопеди, нынѣ изданной уже Ланглоа, не найдено ничего, кромѣ снимковъ, относительно очень недавнихъ, съ языческихъ авторовъ. Самую цѣнную и любопытную коллекцію въ этомъ родѣ, мы нашли въ монастырѣ Ксеропотамо; очень не мудрено, что одинъ изъ ученыхъ, бѣжавшихъ отъ нашествія мусульманъ, поселился въ этомъ монастырѣ оканчивать свои дни, завѣщавъ ему свою библіотеку. Рядомъ съ нею, мы открыли рѣдкія сочиненія XVI вѣка на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, заключающія въ себѣ протестантскій споръ Агриппы, Меланхтона и Лютера; первый, попавшійся намъ въ руки томъ, былъ Новый Завѣтъ, изданный Эразмомъ, съ угрожающею надписью на заглавномъ листѣ: scritamini scripturas. Странно видѣть этотъ маленькій томикъ, объявившій нѣкогда вызовъ доктора Саксоніи, возвѣстившій реформацію, воспламенившій все европейское общество, нынѣ мирно кончающимъ свои дни здѣсь на полкѣ, среди византійскаго праха.

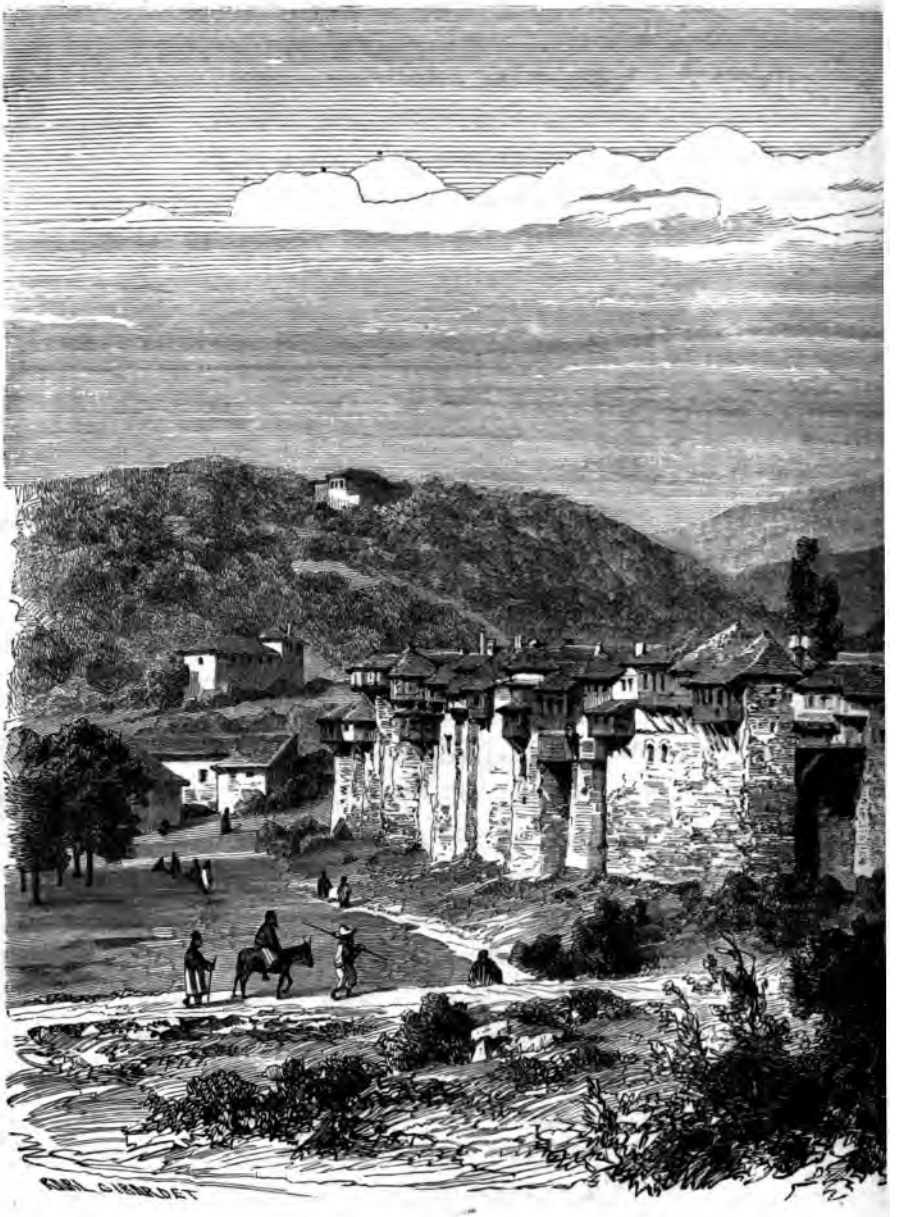
III.

Постараемся однако, не смотря на оцѣпенѣніе, въ которомъ находится это общество, глубже проникнуть въ его жизнь, ближе ознакомиться съ призваніемъ этихъ, въ высшей степени своеобразныхъ людей. Какъ ни интересна та рамка, въ которую какъ бы замкнулась монастырская община, тѣмъ болѣе должны представлять интереса самыя личности, вращающіяся въ ней. Эта семья, устроившаяся внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ, должна намъ дать подробный отчетъ о своемъ историческомъ и соціальномъ бытіи, и если ея современные представители не въ состояніи будутъ отвѣчать на наши вопросы, то постараемся узнать, каковъ былъ основной принципъ жизни ея основателей по тому, что осталось, или по тому, чего недостаетъ этимъ современникамъ. По очертаніямъ ихъ отцвѣтшихъ

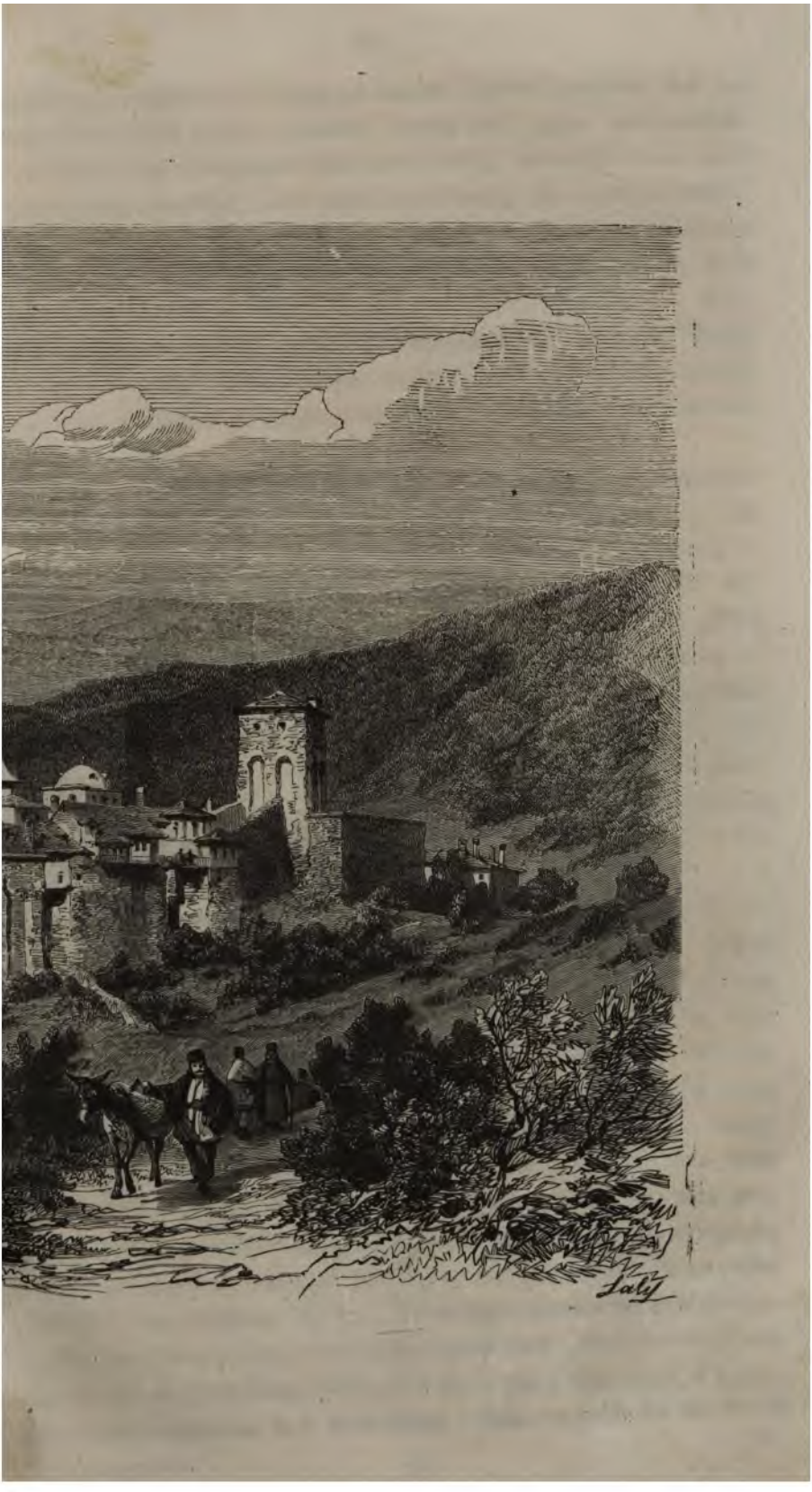
физіономій, мы будемъ имѣть возможность воспроизвести болѣе энергичныя личности прошедшаго. Впрочемъ, оцѣнивая нравственныя и интелектуальныя качества этихъ добродушныхъ братій, мы будемъ снисходительнѣе къ нимъ за оказанное намъ гостепріимство, за ту радость, съ которою привѣтствовали насъ эти старцы. Характеристики отдѣльныхъ личностей не будетъ въ настоящемъ очеркѣ по той причинѣ, что въ настоящее время не существуетъ личностей, сколько нибудь выдающихся изъ общаго уровня; въ немъ изобразится картина цѣлаго общества, которое, какъ и всякое другое, подлежитъ исторической критикѣ.

Дѣло весьма не легкое заставить говорить монаха. Важнѣйшими препятствіями къ тому служатъ: во первыхъ ихъ врожденное недовѣріе къ путешественнику, на котораго они смотрятъ, какъ на политическаго эмиссара, или же какъ на похитителя манускриптовъ; во вторыхъ ихъ полнѣйшее незнаніе европейскихъ языковъ, и наконецъ, что всего главнѣе, это ихъ крайняя неразвитость. Мы уже видѣли, какою банальною темою исчерпывался разговоръ во время кофе, въ пріемной, когда мы представлялись, по пріѣздѣ нашемъ, совѣту. Когда, удовлетворивъ дѣтскому любопытству нашихъ хозяевъ, мы, въ свою очередь, обращались къ нимъ съ вопросами о ихъ прошедшемъ, ихъ искусствѣ, или доходахъ, то они, или уклонялись отъ прямыхъ отвѣтовъ, или же отвѣчали сбивчиво; по большей части отъ нихъ не дождешся ничего, кромѣ молчаливаго качанія головы, выражающаго на востокѣ какое то неопредѣленное отнѣкиваніе, краснорѣчиво подтверждающее ихъ неспособность ума, осужденнаго на безусловное невѣдѣніе. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ большихъ монастыряхъ при разговорѣ съ настоятелями, мы встрѣчали въ нихъ болѣе образованныхъ людей; такъ, настоятель Ивирона говорилъ съ нами съ полнымъ знаніемъ дѣла о древнемъ искусствѣ и о его современномъ упадкѣ; настоятель Лавры, старецъ съ тонкимъ и энергическимъ выраженіемъ лица, съ ясностью излагалъ намъ довольно вѣрный взглядъ на положеніе страны. Вообще можно сказать, что между русскими монахами чаще встрѣчаются люди болѣе толковые, но во всякомъ случаѣ такія исключенія рѣдки.

Самая жизнь ихъ, какъ намъ удалось ее разсмотрѣть, выяснила намъ гораздо болѣе, нежели мы могли узнать изъ разговоровъ съ ними. За исключеніемъ небольшаго числа новичковъ, обработывающихъ монастырскія поля и занимающихся рыбною ловлею, жизнь



Ивиронск



остальныхъ монаховъ ни чѣмъ не занята. Кромѣ литургіи, они ничего не читаютъ; мы не замѣтили, чтобы хотя одинъ изъ владѣльцевъ этихъ великолѣпныхъ библіотекъ имѣлъ въ рукахъ какую либо книгу; только однажды, во все наше пребываніе, при насъ разсматривали въ пріемной книгу; это были *Картины Парижа*, изданныя Гранвиллемъ въ 1840 г. Сами библіотекари, вводя насъ въ свои святилища, показывали намъ рукописи съ такою неловкостью, которая ясно выказывала ихъ полнѣйшее незнакомство съ ними. Одинъ изъ этихъ стражей, торжественно именуя себя *scévophylax*, храбро намъ подалъ, вмѣсто турецкаго, евангеліе, написанное на горскомъ нарѣчіи.

Работа мысли, имѣющая столь важное примѣненіе въ монастыряхъ Запада, здѣсь столь же неизвѣстна, какъ и чтеніе книгъ; ее они не могли бы даже понять. Грекъ, по преимуществу, не мистикъ, въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову. Не слѣдуетъ забывать, что онъ сынъ тѣхъ эллиновъ, которые не умѣли отдавать отчета въ своихъ чувствованіяхъ, которые относились къ своему Богу, не иначе, какъ только съ благодарностью за дарованную имъ землю. Христіанское ученіе никогда не отражалось глубоко въ этихъ счастливыхъ натурахъ. Въ эпоху самой сильной религіозной пропаганды, умъ востока расходовался на апокалипсисъ и на простыя толкованія словъ; *Исповѣдь Св. Августина* была бы для него мертвою буквою; скорѣе *Θεογονία* Гезіода, разсуждающая о происхожденіи языческихъ боговъ, была бы для него понятнѣе, нежели *Геній Христіанства*. Духовный или свѣтскій, грекъ всегда доволенъ своею жизнью, и наслаждается своимъ солнцемъ; порывы рвенія, уносящіе мистика на небо, ему столь же неизвѣстны, какъ сплинъ, или самоубійство, эти два мрачные недуга людей сѣвера. Потребуйте отъ него, чтобы онъ уединился въ келью, и вы рискуете найти его тамъ объятымъ глубокимъ сномъ; ему необходимо созерцаніе яснаго неба среди роскошной природы, которую онъ мало отдѣляетъ отъ Творца ея. А потому вы видите монаховъ, весь день лѣниво и съ набожнымъ видомъ блуждающихъ по полямъ и горамъ, или же по двору монастыря, ни о чемъ не думающихъ, и притомъ всѣмъ восхищающихся. Правила монастыря далеко не стѣснительныя; въ началѣ онѣ еще состояли изъ множества мельчайшихъ обрядностей, но, со временемъ, многія изъ нихъ были оставлены, и теперь одна только *агрипнія*, т. е. всенощное бдѣніе съ субботы на воскре-

сенье, да еще *симандръ**) по временамъ слышатся то въ томъ то въ другомъ мѣстѣ, нарушая своимъ звукомъ всеобщее оцѣпенѣніе и непробудную тишину. Наиболѣе всего монахи строги относительно пищи и прочихъ матеріальныхъ лишеній; но и съ этой стороны восточный монахъ чрезвычайно равнодушно относится къ ихъ нарушеніямъ. Всѣ усилія разума и воли исключены изъ этой жизни; права интеллигенціи здѣсь не извѣстны; но лучше ли сохраняются здѣсь права нравственности? Внѣшнее достоинство этихъ важныхъ лицъ и ревностное стараніе выполнить всѣ странныя запрещенія, о которыхъ мы уже говорили, заставляютъ задуматься относительно этого обстоятельства, не смотря на злые толки, распространяемые на ихъ счетъ. Разскажемъ одну встрѣчу, которая намъ всего лучше разъяснила наши предположенія.

Однажды вечеромъ, когда мы остановились у воротъ монастыря, гдѣ приходилось провести ночь, насъ привѣтствовалъ, по итальянски, старецъ, весь согнувшійся подъ бременемъ лѣтъ. Хотя одѣяніе его ничѣмъ не отличалось отъ одежды прочихъ обитателей общины, но необыкновенная, не смотря на столь преклонный возрастъ, живость его физіономіи, непринужденность въ обращеніи и въ разговорахъ, наконецъ книга, которую онъ держалъ въ рукахъ, съ перваго же взгляда изобличали въ немъ человѣка, не похожаго на остальныхъ монаховъ. Онъ исчезъ на время, пока происходила обычная формальность пріема, и появился снова, когда мы уже были одни въ нашей кельѣ. Согнувшись въ три погибели на своемъ посохѣ, который касался его сѣдой бороды, со взоромъ, ярко блестящимъ изъ подъ чернаго клобука, онъ былъ похожъ на одного изъ алхимиковъ у Рембрандта; въ свое время его могли бы принять за монастырскаго астролога. Онъ былъ здѣсь въ качествѣ медика. Обрадовавшись, въ первый разъ услыхавъ на Аѳонѣ человѣка, говорящаго на европейскихъ языкахъ, мы его забросали вопросами. Сначала сдержанный, мало по малу онъ болѣе и болѣе открывался передъ нами и разсказалъ всю свою интересную біографію, оговорившись, что платье у него не означаетъ еще монаха. Этотъ восьмидесятилѣтній анахоретъ провелъ почти всю свою жизнь, скитаясь по бѣлому свѣту, для служенія свободѣ мысли. Родившись въ одной изъ греческихъ

*) Небольшой деревянный дискъ, звавшій первыхъ христіанъ на молитву, и замѣняющій, нерѣдко и въ настоящее время, колоколъ во многихъ бѣдныхъ *церквахъ*.

провинцій Турціи, до энтузіазма преданной Греціи, онъ принялъ участіе въ возстаніи въ легіонахъ Ипсиланти, но, изгнанный изъ своего отечества, переселился въ Австрію. Высланный и оттуда, за свое свободомысліе, онъ ушелъ въ Италію, гдѣ изучалъ медицину въ Болоньѣ и Римѣ и наконецъ, снова замѣшанный въ событіяхъ 1848 года, онъ принужденъ былъ возвратиться въ Турцію. Недостатокъ средствъ, и, въ тоже время, необходимость мирно окончить столь бурную жизненную карьеру, заставили его рѣшиться принять предложенное ему въ этомъ монастырѣ мѣсто доктора; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ онъ носитъ это платье и раздѣляетъ жизнь и привычки монаховъ, въ надеждѣ, какъ онъ самъ говоритъ, принести имъ какую либо пользу. Но старанія эти, по его словамъ, оказываются совершенно напрасными; ничто не можетъ сравниться съ дряхлостью, невѣжествомъ и безнравственностью того міра, въ которомъ ему пришлось оканчивать свой вѣкъ. Онъ говорилъ съ сильнымъ негодованіемъ и горько жаловался на свое умственное одиночество. Въ высшей степени интересно было смотрѣть на этого древняго пророка, воспитавшагося въ горнилѣ итальянскаго переворота 1848 года, и вырваннаго съ того времени у жизни, ученика Жакопо Ортиса, этого человѣка въ высшей степени гуманнаго, прогрессиста наизусть цитирующаго всего Вико и Беккаріа, готоваго, еще и теперь, постоять, со всѣми силами своей души, за правое дѣло, нынѣ же заживо погребеннаго въ этой мрачной могилѣ. Пламенная рѣчь, нынѣ столь рѣдкая и въ нашемъ свѣтѣ, намъ показалось еще болѣе привлекательною въ этой обстановкѣ. Какая неожиданность, встрѣтить этого монаха революціонера и философа, монаха читающаго Волтера, разбирающаго Моисея, наконецъ проповѣдующаго освобожденіе народовъ, и гдѣ же, на Аѳонѣ, среди глубокой Византіи! Какая при этомъ страшная поучительная разница между этимъ человѣкомъ, продуктомъ Европы и его соотечественниками, сохранившими на себѣ отпечатокъ востока. Вопросовъ нашему собесѣднику задавать не приходилось; онъ говорилъ, говорилъ безъ умолку, и голосъ началъ уже измѣнять ему, когда онъ оканчивалъ намъ картину нравственнаго убожества своихъ отстальныхъ братій. Время уже было далеко за полночь, когда мы разстались съ нимъ; еще немного, и этотъ святой отшельникъ договорился бы до того, что высказалъ бы даже сомнѣніе свое о томъ: существуетъ ли на самомъ дѣлѣ Богъ на свѣтѣ, или нѣтъ.

Безъ сомнѣнія его строгая критическая оцѣнка была слишкомъ преувеличена. Онъ не могъ простить этой низшей средѣ, этимъ взрослымъ младенцамъ, ихъ простоты, ихъ подавляющей ограниченности. И дѣйствительно, изъ всего что мы видѣли, выяснилось общество крайне несовершенное, не способное ни выработать человѣка, ни создать какое либо произведеніе ума, общество существующее безъ всякой необходимости, наконецъ такое, какъ скажутъ другіе, которое и не должно бы было существовать. Но прежде чѣмъ произнести какой либо приговоръ надъ нимъ, слѣдуетъ отыскать тотъ импульсъ, который далъ ему жизнь, ту причину, которая его поддерживаетъ въ настоящее время.

Сильно ошибутся тѣ, которые захотятъ объяснить эти скопища монаховъ на востокѣ тѣми же причинами, которыя легли въ основу нашихъ монастырей, справедливо какимъ то мудрецомъ названныхъ «походными больницами воющей арміи». Полныя и улыбающіяся физіономіи монаховъ много говорятъ въ пользу того, что не драмы человѣческой жизни способствовали наполненію этихъ убѣжищъ. Большинство привлечено сюда какимъ то идеаломъ безгласности, жизни безъ труда и въ нѣкоторомъ довольствѣ, такъ какъ всего этого не могло ему дать общество востока. Безъ сомнѣнія въ идеѣ основанія общины слѣдуетъ искать болѣе высшихъ религіозныхъ цѣлей, которыя слишкомъ рано на востокѣ приняли отшельническую форму. Еще и понынѣ небольшая часть избраннѣйшихъ, стоящихъ во главѣ важнѣйшихъ монастырей, правда, составляютъ личности явившіяся сюда единственно съ цѣлью посвятить себя служенію Богу; другихъ опять привело сюда обаяніе власти, честолюбивая надежда достигнуть игуменства, но за то всѣ второстепенные монахи, всѣ эти отшельники, гнѣздящіеся въ скитахъ и живущіе подаяніемъ, искали здѣсь богатой жизни и покоя. И дѣйствительно главными причинами, заставлявшими искать убѣжище — было непрочное и разстроенное состояніе народовъ на востокѣ, начиная съ X-го вѣка и вплоть до нашего времени, тѣже причины которыя и у насъ произвели монастырское движеніе въ эпоху Феодовъ. Значительная часть первыхъ поселенцевъ на Аѳонѣ были жертвы византійской неурядицы; это были удалившіеся отъ дѣлъ вельможи, жертвы придворныхъ интригъ и заговоровъ, изгнанники, непризнанные ученые, вожди, побѣжденные въ самомъ началѣ. Около этихъ людей, нѣкогда владѣвшихъ судьбами *человѣчества*, и посвятившихъ себя затворничеству, не бывъ въ со-

стоянiи ужиться съ пороками человѣчества, стекались богатства со всѣхъ концовъ мира, съ каждымъ днемъ возростало благоговѣнiе; ихъ тихая участь соблазняла цѣлыя толпы людей, изнемогшихъ въ постоянной борьбѣ. Болѣе тихiе и покорные новобранцы монастыря появились изъ провинцiй самыхъ отдаленныхъ, съ тѣхъ границъ гдѣ война, разбой и раззореніе были единственнымъ удѣломъ поселенца; крестьянинъ, бѣжавшiй изъ своей хижины, разрушенной набѣгами болгарскихъ татарскихъ и персидскихъ ордъ, устроивалъ свой очагъ на веселой горѣ, счастливый тѣмъ, что можетъ промѣнять свой безполезный трудъ на хорошо вознаграждающее прошеніе милостыни. Набѣги, доходившiе до самого сердца имперiи, дали новыхъ неофитовъ святой горѣ, и съ той поры эти послѣдніе постоянно притекали къ Афону до побѣды мусульманства надъ христiанами, которая дала монастырю самый большой контингентъ. Извѣстно всякому, что еще и въ настоящее время личность на востокѣ не безопасна отъ раззоренія; но съ тѣхъ поръ, однако, какъ каждый сталъ болѣе увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, съ тѣхъ поръ какъ монастыри лишились значительной доли богатства,—безпрерывный, въ теченiи почти десяти вѣковъ прибывающiй потокъ, вдругъ остановился. Остаются только тѣ, которые въ поискахъ за приключеніями, утвердились здѣсь случайно, съ тою удивительною легкостью, съ которою житель востока перемѣняетъ свою родину, жилище, свои наконецъ привычки, и поселяется какъ птица небесная тамъ, гдѣ кормъ хорошъ, безъ особыхъ побудительныхъ причинъ, чисто въ слѣдствiе праздности ума, вслѣдствiе равнодушiя ко всему. Странники, приходя на Аѳонъ, по большей части остаются здѣсь и дѣлаются монахами. Сколько разъ приходилось задавать вопросы этимъ нищимъ, бродящимъ по горнымъ тропинкамъ, и жалобно выпрашивающимъ милостыню; отвѣты были у всѣхъ почти одни и тѣ же. Вотъ примѣръ подобнаго разговора.—Подайте милостыню, эфенди *)!—Зачѣмъ я буду подавать тебѣ? Ты молодъ, силенъ; отчего не хочешь ты работать?—Я живу въ скитѣ; отцы заставляютъ меня просить подаянiе.—Откуда ты родомъ? Изъ Смирны, изъ Салоники, изъ Стамбула, изъ Требизонда. Зачѣмъ ты остался здѣсь? Ахъ, я пришелъ.... мнѣ понравилось здѣсь.... это угодно Богу.—Но почему же ты не вернулся домой? У тебя вѣрно есть семья, домъ; ты, вѣроятно какой нибудь ремесленникъ? Ахъ

*) Господинъ.

господинъ! Дома надо было много работать, чтобы заработать мало; здѣсь лучше. Подайте милостыню, господинъ! И такъ эти бѣдняки наивно выдавали намъ свой секретъ, рѣшали передъ нами великую задачу этого учрежденія; позоръ востоку за его тяжесть труда. Эти слабыя личности готовы на все, чтобы только какъ нибудь избѣжать труда.

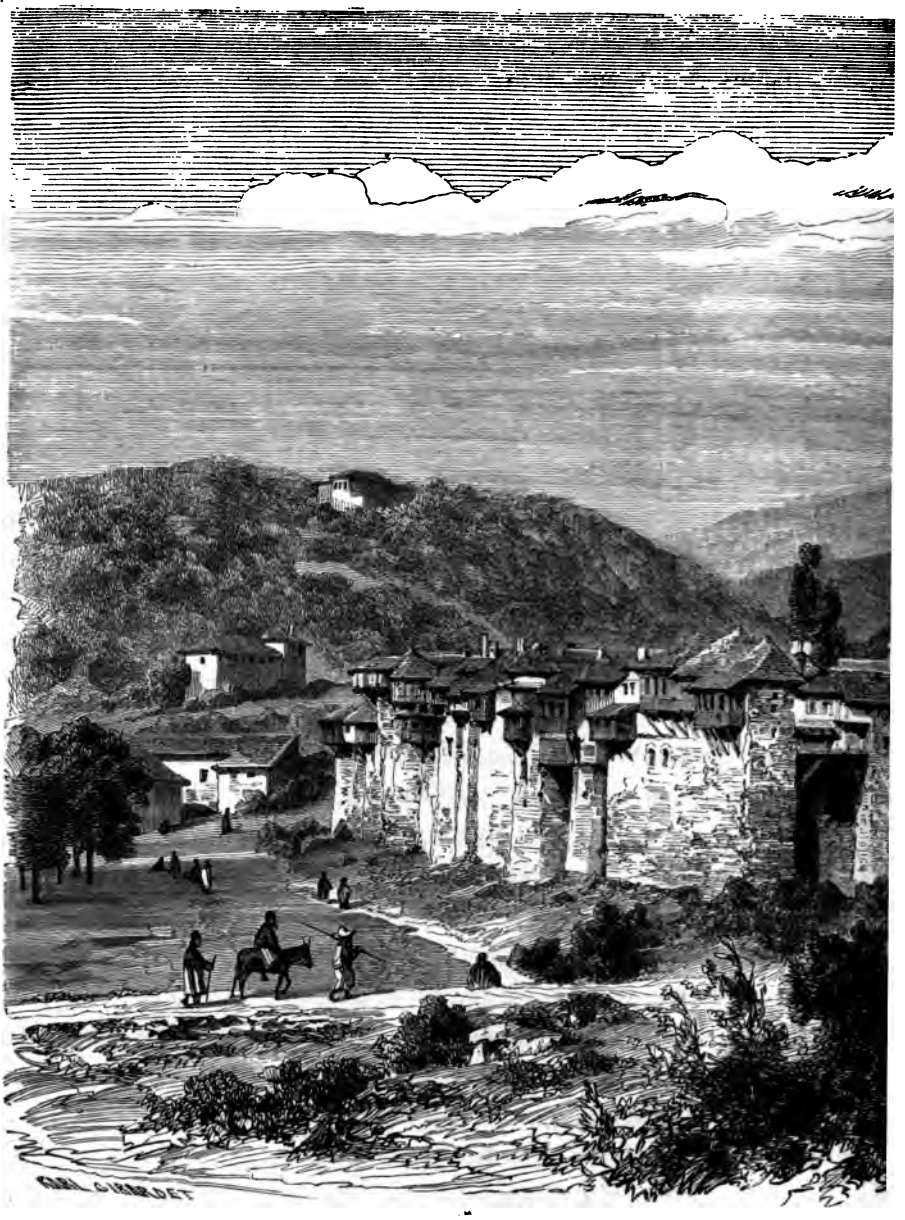
Ихъ послѣднее воплощеніе, высшій типъ аѳонскаго монаха однажды представился намъ чрезвычайно рельефно. Мы огибали въ каикѣ южный скатъ горы. Проѣхавъ Капсокаливу, у подошвы одного изъ самыхъ изолированныхъ и неприступныхъ утесовъ, въ образовавшейся въ самой скалѣ нишѣ, въ ту минуту ярко освященной августовскимъ солнцемъ, мы издали замѣтили какую то чернѣющуюся массу, помѣстившуюся на самомъ обрывѣ скалы. Сначала мы приняли эту массу за человѣка удящаго рыбу и, желая узнать какимъ образомъ ему удалось достигнуть этой террасы, не имѣющей ни всхода, ни выхода, мы приблизились къ нему. Это оказался монахъ, удящій только не рыбу, а милостыню, отшельникъ живущій въ скитѣ, пещера котораго, въ видѣ небольшаго отверстія виднѣлась надъ нимъ въ нѣсколькихъ сотняхъ футовъ отъ подошвы скалы. Отъ самой пещеры спускалась веревочная лѣстница, дававшая ему возможность, съ опасностью сломать себѣ шею, спуститься на свой наблюдательный постъ. Неподвижный, въ своемъ черномъ клобукѣ, сидящемъ у него на затылкѣ, онъ наблюдалъ холщевой мѣшокъ, привязанный къ концу длинной палки и ждалъ пока кто-либо, проѣзжая на баркѣ изъ лавры къ западному берегу, не бросить ему туда нѣсколько оливъ или кусокъ хлѣба. Такъ велъ онъ свою жизнь ежедневно, съ ранней утренней зари спускаясь на свой постъ. Расправивъ нависшіе на лобъ волосы, онъ посмотрѣлъ какъ то неопредѣленно на насъ съ высоты своей обсерваторіи и не отвѣтилъ на шутки, отпускаемыя на его счетъ нашими гребцами. Смущенные этимъ невѣроятнымъ явленіемъ, невольно какъ то спросили мы себя, что осталось человѣческаго въ этомъ черномъ термитѣ; не дѣятельнѣе ли его индусскій факиръ, всю свою жизнь проводящій въ сидячемъ положеніи, грѣясь на солнцѣ.

Трудно составить себѣ ясное понятіе, когда захочешь глубже проникнуть задачу жизни населенія Аѳона. Начинаешь наконецъ сомнѣваться, да одно ли у нихъ съ нами тѣло, одинъ ли мозгъ управляетъ *ими*. Наши отшельники и схимники, тѣ покрайней мѣрѣ воодушев-

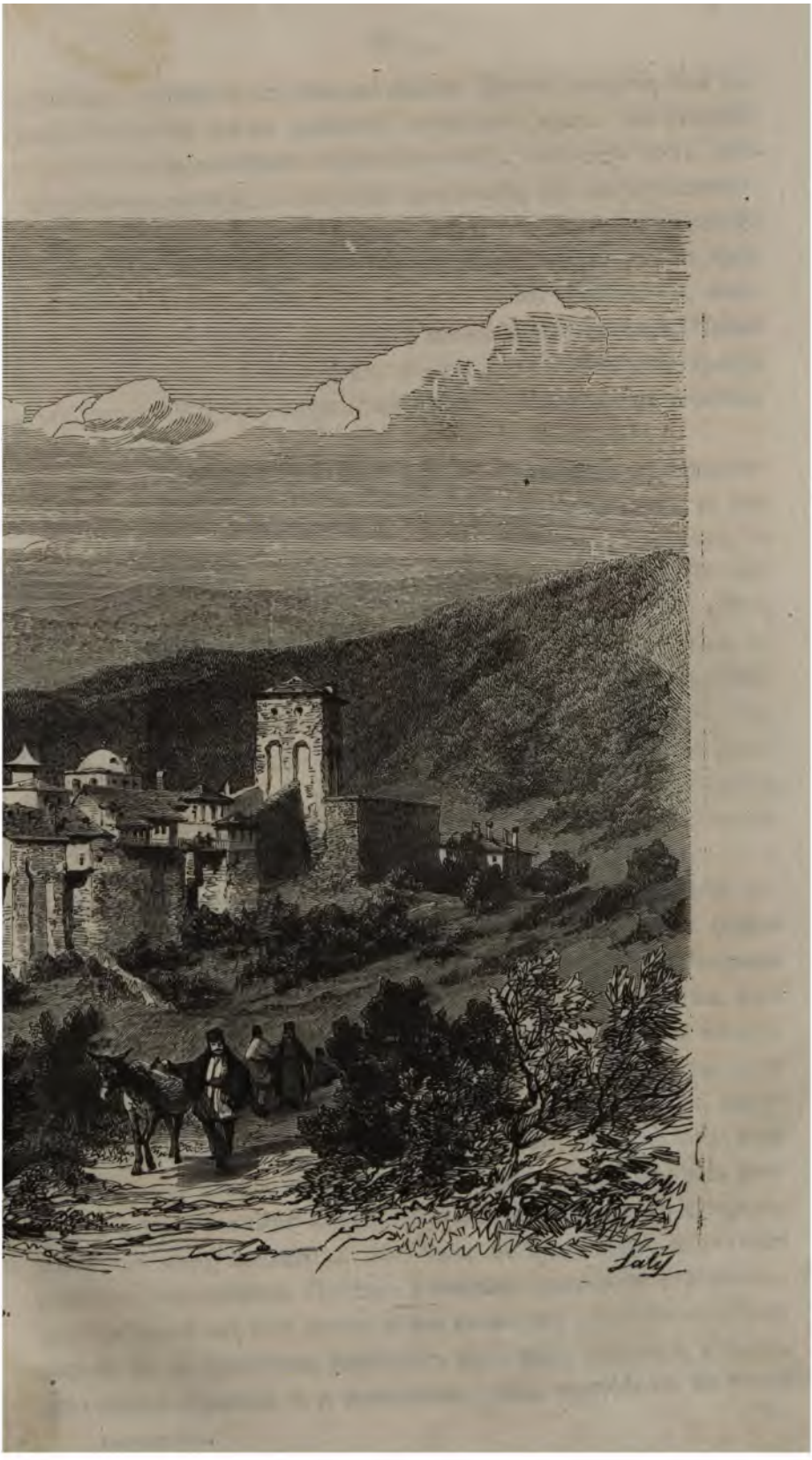
лены стремленіями сходными съ нашими; цѣль жизни ихъ намъ хорошо извѣстна: это высокое самопожертвованіе, трудъ, добровольное отреченіе отъ всѣхъ соблазновъ, умерщвленіе своей плоти; но спрашивается эти—поступая въ число монаховъ двадцати лѣтъ, могутъ ли они выполнить эту задачу, въ состояніи ли они умереть плотью? Ни одна пламенная мысль не волновала ихъ душу, никогда сила воли не подчиняла ее, ни одна минута забвенія не овладѣвала ею; они даже не подозрѣваютъ, что можно хорошо жить, страдая быть здоровыми, бороться и въ то же время быть великимъ. Сколько разъ во время чудныхъ вечеровъ, облокотясь на перила верхнихъ монастырскихъ галлерей, въ этой роскошной мѣстности, теряющейся въ безконечной дали, мы спрашивали себя, неужели созерцаніе этой безпредѣльности не навѣяло никогда чувства сожалѣнія о своемъ заключеніи, въ этихъ молодыхъ людяхъ безцѣльно бродящихъ вокругъ насъ? Дальній парусъ, весело скользящій по горизонту моря, неужели никогда не возбуждалъ въ нихъ желанія унестись вмѣстѣ съ нимъ? Нѣтъ, они живутъ на востокѣ, среди общаго непробуднаго сна. Кто никогда не жилъ на Востокѣ, и потому не знаетъ его, тотъ строго отнесется къ этому безполезному обществу, картину съ котораго мы пытались набросать. Насъ можетъ быть упрекнутъ за то, что мы такъ долго останавливались надъ этой могилой, что мы слишкомъ много дали себѣ труда, чтобы изучить это чистилище, сходное съ тѣмъ, гдѣ Дантъ встрѣтилъ толпу «мрачныхъ душъ, нѣкогда жившихъ не въ почестяхъ и не въ безчестьѣ»; тѣ можетъ быть найдутъ достаточными слова поэта, гдѣ онъ говоритъ:

Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.

Между тѣмъ, если это общество мало заслуживаетъ теперь интереса, если оно лишено въ настоящее время жизненности, то во всякомъ случаѣ оно хранитъ въ себѣ тайну прошедшаго, имѣвшаго свою долю, и именно въ этомъ то смыслѣ оно и заслуживаетъ нашего вниманія. Мѣстность, нравы, общій характеръ, съ такою мелочною вѣрностью передаютъ намъ картину прошлыхъ вѣковъ, что намъ самимъ не одинъ разъ хотѣлось пережить эти былыя времена; одни люди только измѣнились. Это похоже на тотъ спектакль, гдѣ все: декораціи, костюмы, аксессуары и даже игра безупречны, но гдѣ актеры не способны болѣе передать вѣрно тѣ чувства, которыя ими изображаются. Безъ сомнѣнія всѣ эти памятники, переданные намъ Аѳономъ среднихъ вѣковъ, заставляютъ предполагать могучую



Ивпронскі



остальныхъ монаховъ ни чѣмъ не занята. Кромѣ литургіи, они ничего не читаютъ; мы не замѣтили, чтобы хотя одинъ изъ владѣльцевъ этихъ великолѣпныхъ библіотекъ имѣлъ въ рукахъ какую либо книгу; только однажды, во все наше пребываніе, при насъ разсматривали въ пріемной книгу; это были *Картины Парижа*, изданныя Гранвиллемъ въ 1840 г. Сами библіотекари, вводя насъ въ свои святилища, показывали намъ рукописи съ такою неловкостью, которая ясно выказывала ихъ полнѣйшее незнакомство съ ними. Одинъ изъ этихъ стражей, торжественно именуя себя *scévophylax*, храбро намъ подалъ, вмѣсто турецкаго, евангеліе, написанное на горскомъ нарѣчіи.

Работа мысли, имѣющая столь важное примѣненіе въ монастыряхъ Запада, здѣсь столь же неизвѣстна, какъ и чтеніе книгъ; ее они не могли бы даже понять. Грекъ, по преимуществу, не мистикъ, въ томъ смыслѣ, какой мы обыкновенно придаемъ этому слову. Не слѣдуетъ забывать, что онъ сынъ тѣхъ эллиновъ, которые не умѣли отдавать отчета въ своихъ чувствованіяхъ, которые относились къ своему Богу, не иначе, какъ только съ благодарностью за дарованную имъ землю. Христіанское ученіе никогда не отражалось глубоко въ этихъ счастливыхъ натурахъ. Въ эпоху самой сильной религіозной пропаганды, умъ востока расходовался на апокалипсисъ и на простыя толкованія словъ; *Исповѣдь Св. Августина* была бы для него мертвою буквою; скорѣе *Θεογονία* Гезіода, разсуждающая о происхожденіи языческихъ боговъ, была бы для него понятнѣе, нежели *Геній Христіанства*. Духовный или свѣтскій, грекъ всегда доволенъ своею жизнью, и наслаждается своимъ солнцемъ; порывы рвенія, уносящіе мистика на небо, ему столь же неизвѣстны, какъ сплинъ, или самоубійство, эти два мрачные недуга людей сѣвера. Потребуйте отъ него, чтобы онъ уединился въ келью, и вы рискуете найти его тамъ объятымъ глубокимъ сномъ; ему необходимо созерцаніе яснаго неба среди роскошной природы, которую онъ мало отдѣляетъ отъ Творца ея. А потому вы видите монаховъ, весь день лѣниво и съ набожнымъ видомъ блуждающихъ по полямъ и горамъ, или же по двору монастыря, ни о чемъ не думающихъ, и притомъ всѣмъ восхищающихся. Правила монастыря далеко не стѣснительныя; въ началѣ онѣ еще состояли изъ множества мельчайшихъ обрядностей, но, со временемъ, многія изъ нихъ были оставлены, и теперь одна только *агрипніа*, т. е. всенощное бдѣніе съ субботы на воскре-

сенье, да еще *симандръ**) по временамъ слышатся то въ томъ то въ другомъ мѣстѣ, нарушая своимъ звукомъ всеобщее оцѣпенѣніе и непробудную тишину. Наиболѣе всего монахи строги относительно пищи и прочихъ матеріальныхъ лишеній; но и съ этой стороны восточный монахъ чрезвычайно равнодушно относится къ ихъ нарушеніямъ. Всѣ усилія разума и воли исключены изъ этой жизни; права интеллигенціи здѣсь не извѣстны; но лучше ли сохраняются здѣсь права нравственности? Внѣшнее достоинство этихъ важныхъ лицъ и ревностное стараніе выполнить всѣ странныя запрещенія, о которыхъ мы уже говорили, заставляютъ задуматься относительно этого обстоятельства, не смотря на злые толки, распространяемые на ихъ счетъ. Разскажемъ одну встрѣчу, которая намъ всего лучше разъяснила наши предположенія.

Однажды вечеромъ, когда мы остановились у воротъ монастыря, гдѣ приходилось провести ночь, насъ привѣтствовалъ, по итальянски, старецъ, весь согнувшійся подъ бременемъ лѣтъ. Хотя одѣяніе его ничѣмъ не отличалось отъ одежды прочихъ обитателей общины, но необыкновенная, не смотря на столь преклонный возрастъ, живость его физіономіи, непринужденность въ обращеніи и въ разговорахъ, наконецъ книга, которую онъ держалъ въ рукахъ, съ перваго же взгляда изобличали въ немъ человѣка, не похожаго на остальныхъ монаховъ. Онъ исчезъ на время, пока происходила обычная формальность пріема, и появился снова, когда мы уже были одни въ нашей кельѣ. Согнувшись въ три погибели на своемъ посохѣ, который касался его сѣдой бороды, со взоромъ, ярко блестящимъ изъ подъ чернаго клобука, онъ былъ похожъ на одного изъ алхимиковъ у Рембрандта; въ свое время его могли бы принять за монастырскаго астролога. Онъ былъ здѣсь въ качествѣ медика. Обрадовавшись, въ первый разъ услыхавъ на Аѳонѣ человѣка, говорящаго на европейскихъ языкахъ, мы его забросали вопросами. Сначала сдержанный, мало по малу онъ болѣе и болѣе открывался передъ нами и разсказалъ всю свою интересную біографію, оговорившись, что платье у него не означаетъ еще монаха. Этотъ восьмидесятилѣтній анахоретъ провелъ почти всю свою жизнь, скитаясь по бѣлому свѣту, для служенія свободѣ мысли. Родившись въ одной изъ греческихъ

*) Небольшой деревянный дискъ, звавшій первыхъ христіанъ на молитву, и замѣняющій, нерѣдко и въ настоящее время, колоколъ во многихъ бѣдныхъ *церквахъ*.

провинцій Турціи, до энтузіазма преданной Греціи, онъ принялъ участіе въ возстаніи въ легіонахъ Ипсиланти, но, изгнанный изъ своего отечества, переселился въ Австрію. Высланный и оттуда, за свое свободомысліе, онъ ушелъ въ Италію, гдѣ изучалъ медицину въ Болоньѣ и Римѣ и наконецъ, снова замѣшанный въ событіяхъ 1848 года, онъ принужденъ былъ возвратиться въ Турцію. Недостатокъ средствъ, и, въ тоже время, необходимость мирно окончить столь бурную жизненную карьеру, заставили его рѣшиться принять предложенное ему въ этомъ монастырѣ мѣсто доктора; вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ онъ носитъ это платье и раздѣляетъ жизнь и привычки монаховъ, въ надеждѣ, какъ онъ самъ говоритъ, принести имъ какую либо пользу. Но старанія эти, по его словамъ, оказываются совершенно напрасными; ничто не можетъ сравниться съ дряхлостью, невѣжествомъ и безнравственностью того міра, въ которомъ ему пришлось оканчивать свой вѣкъ. Онъ говорилъ съ сильнымъ негодованіемъ и горько жаловался на свое умственное одиночество. Въ высшей степени интересно было смотрѣть на этого древняго пророка, воспитавшагося въ горнилѣ итальянскаго переворота 1848 года, и вырваннаго съ того времени у жизни, ученика Жакопо Ортиса, этого человѣка въ высшей степени гуманнаго, прогрессиста наизусть цитирующаго всего Вико и Беккаріа, готоваго, еще и теперь, постоять, со всѣми силами своей души, за правое дѣло, нынѣ же заживо погребеннаго въ этой мрачной могилѣ. Пламенная рѣчь, нынѣ столь рѣдкая и въ нашемъ свѣтѣ, намъ показалось еще болѣе привлекательною въ этой обстановкѣ. Какая неожиданность, встрѣтить этого монаха революціонера и философа, монаха читающаго Волтера, разбирающаго Моисея, наконецъ проповѣдующаго освобожденіе народовъ, и гдѣ же, на Аѳонѣ, среди глубокой Византіи! Какая при этомъ страшная поучительная разница между этимъ человѣкомъ, продуктомъ Европы и его соотечественниками, сохранившими на себѣ отпечатокъ востока. Вопросовъ нашему собесѣднику задавать не приходилось; онъ говорилъ, говорилъ безъ умолку, и голосъ началъ уже измѣнять ему, когда онъ оканчивалъ намъ картину нравственнаго убожества своихъ отстальныхъ братій. Время уже было далеко за полночь, когда мы разстались съ нимъ; еще немного, и этотъ святой отшельникъ договорился бы до того, что высказалъ бы даже сомнѣніе свое о томъ: существуетъ ли на самомъ дѣлѣ Богъ на свѣтѣ, или нѣтъ.

Безъ сомнѣнія его строгая критическая оцѣнка была слишкомъ преувеличена. Онъ не могъ простить этой низшей средѣ, этимъ взрослымъ младенцамъ, ихъ простоты, ихъ подавляющей ограниченности. И дѣйствительно, изъ всего что мы видѣли, выяснилось общество крайне несовершенное, не способное ни выработать человѣка, ни создать какое либо произведеніе ума, общество существующее безъ всякой необходимости, наконецъ такое, какъ скажутъ другіе, которое и не должно бы было существовать. Но прежде чѣмъ произнести какой либо приговоръ надъ нимъ, слѣдуетъ отыскать тотъ импульсъ, который далъ ему жизнь, ту причину, которая его поддерживаетъ въ настоящее время.

Сильно ошибутся тѣ, которые захотятъ объяснить эти скопища монаховъ на востокѣ тѣми же причинами, которыя легли въ основу нашихъ монастырей, справедливо какимъ то мудрецомъ названныхъ «походными больницами воюющей арміи». Полныя и улыбающіяся физіономіи монаховъ много говорятъ въ пользу того, что не драмы человѣческой жизни способствовали наполненію этихъ убѣжищъ. Большинство привлечено сюда какимъ то идеаломъ безгласности, жизни безъ труда и въ нѣкоторомъ довольствѣ, такъ какъ всего этого не могло ему дать общество востока. Безъ сомнѣнія въ идеѣ основанія общины слѣдуетъ искать болѣе высшихъ религіозныхъ цѣлей, которыя слишкомъ рано на востокѣ приняли отшельническую форму. Еще и понынѣ небольшая часть избраннѣйшихъ, стоящихъ во главѣ важнѣйшихъ монастырей, правда, составляютъ личности явившіяся сюда единственно съ цѣлью посвятить себя служенію Богу; другихъ опять привело сюда обаяніе власти, честолюбивая надежда достигнуть игуменства, но за то всѣ второстепенные монахи, всѣ эти отшельники, гнѣздящіеся въ скитахъ и живущіе подаяніемъ, искали здѣсь богатой жизни и покоя. И дѣйствительно главными причинами, заставлявшими искать убѣжище — было непрочное и разстроенное состояніе народовъ на востокѣ, начиная съ X-го вѣка и вплоть до нашего времени, тѣже причины которыя и у насъ произвели монастырское движеніе въ эпоху Феодовъ. Значительная часть первыхъ поселенцевъ на Аѳонѣ были жертвы византійской неурядицы; это были удалившіеся отъ дѣлъ вельможи, жертвы придворныхъ интригъ и заговоровъ, изгнанники, непризнанные ученые, вожди, побѣжденные въ самомъ началѣ. Около этихъ людей, нѣкогда владѣвшихъ судьбами *человѣчества*, и посвятившихъ себя затворничеству, не бывъ въ со-

стояніи ужиться съ пороками человѣчества, стекались богатства со всѣхъ концовъ мира, съ каждымъ днемъ возростало благоговѣніе; ихъ тихая участь соблазняла цѣлыя толпы людей, изнемогшихъ въ постоянной борьбѣ. Болѣе тихіе и покорные новобранцы монастыря появились изъ провинцій самыхъ отдаленныхъ, съ тѣхъ границъ гдѣ война, разбой и раззореніе были единственнымъ удѣломъ поселенца; крестьянинъ, бѣжавшій изъ своей хижины, разрушенной набѣгами болгарскихъ татарскихъ и персидскихъ ордъ, устроивалъ свой очагъ на веселой горѣ, счастливый тѣмъ, что можетъ промѣнять свой безполезный трудъ на хорошо вознаграждающее прошеніе милостыни. Набѣги, доходившіе до самого сердца имперіи, дали новыхъ неофитовъ святой горѣ, и съ той поры эти послѣдніе постоянно притекали къ Афону до побѣды мусульманства надъ христіанами, которая дала монастырю самый большой контингентъ. Извѣстно всякому, что еще и въ настоящее время личность на востокѣ не безопасна отъ раззоренія; но съ тѣхъ поръ, однако, какъ каждый сталъ болѣе увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, съ тѣхъ поръ какъ монастыри лишились значительной доли богатства,—безпрерывный, въ теченіи почти десяти вѣковъ прибывающій потокъ, вдругъ остановился. Остаются только тѣ, которые въ поискахъ за приключеніями, утвердились здѣсь случайно, съ тою удивительною легкостью, съ которою житель востока перемѣняетъ свою родину, жилище, свои наконецъ привычки, и поселяется какъ птица небесная тамъ, гдѣ кормъ хорошъ, безъ особыхъ побудительныхъ причинъ, чисто въ слѣдствіе праздности ума, вслѣствіе равнодушія ко всему. Странники, приходя на Аѳонъ, по большей части остаются здѣсь и дѣлаются монахами. Сколько разъ приходилось задавать вопросы этимъ нищимъ, бродящимъ по горнымъ тропинкамъ, и жалобно выпрашивающимъ милостыню; отвѣты были у всѣхъ почти одни и тѣ же. Вотъ примѣръ подобнаго разговора.—Подайте милостыню, эфенди *)!—Зачѣмъ я буду подавать тебѣ? Ты молодъ, силенъ; отчего не хочешь ты работать?—Я живу въ скитѣ; отцы заставляютъ меня просить подаяніе.—Откуда ты родомъ? Изъ Смирны, изъ Салоники, изъ Стамбула, изъ Требизонда. Зачѣмъ ты остался здѣсь? Ахъ, я пришелъ.... мнѣ понравилось здѣсь.... это угодно Богу.—Но почему же ты не вернулся домой? У тебя вѣрно есть семья, домъ; ты, вѣроятно какой нибудь ремесленникъ? Ахъ

*) Господинъ.

господинъ! Дома надо было много работать, чтобы заработать мало; здѣсь лучше. Подайте милостыню, господинъ! И такъ эти бѣдняки наивно выдавали намъ свой секретъ, рѣшали передъ нами великую задачу этого учрежденія; позоръ востоку за его тяжесть труда. Эти слабыя личности готовы на все, чтобы только какъ нибудь избѣжать труда.

Ихъ послѣднее воплощеніе, высшій типъ аѳонскаго монаха однажды представился намъ чрезвычайно рельефно. Мы огибали въ каикѣ южный скатъ горы. Проѣхавъ Капсокаливу, у подошвы одного изъ самыхъ изолированныхъ и неприступныхъ утесовъ, въ образовавшейся въ самой скалѣ нишѣ, въ ту минуту ярко освященной августовскимъ солнцемъ, мы издали замѣтили какую то чернѣющуюся массу, помѣстившуюся на самомъ обрывѣ скалы. Сначала мы приняли эту массу за человѣка удящаго рыбу и, желая узнать какимъ образомъ ему удалось достигнуть этой террасы, не имѣющей ни всхода, ни выхода, мы приблизились къ нему. Это оказался монахъ, удящій только не рыбу, а милостыню, отшельникъ живущій въ скитѣ, пещера котораго, въ видѣ небольшаго отверстія виднѣлась надъ нимъ въ нѣсколькихъ сотняхъ футовъ отъ подошвы скалы. Отъ самой пещеры спускалась веревочная лѣстница, дававшая ему возможность, съ опасностью сломать себѣ шею, спуститься на свой наблюдательный постъ. Неподвижный, въ своемъ черномъ клобукѣ, сидящемъ у него на затылкѣ, онъ наблюдалъ холщевой мѣшокъ, привязанный къ концу длинной палки и ждалъ пока кто-либо, проѣзжая на баркѣ изъ лавры къ западному берегу, не бросить ему туда нѣсколько оливъ или кусокъ хлѣба. Такъ велъ онъ свою жизнь ежедневно, съ ранней утренней зари спускаясь на свой постъ. Расправивъ нависшіе на лобъ волосы, онъ посмотрѣлъ какъ то неопредѣленно на насъ съ высоты своей обсерваторіи и не отвѣтилъ на шутки, отпускаемыя на его счетъ нашими гребцами. Смущенные этимъ невѣроятнымъ явленіемъ, невольно какъ то спросили мы себя, что осталось человѣческаго въ этомъ черномъ термитѣ; не дѣятельнѣе ли его индусскій факиръ, всю свою жизнь проводящій въ сидячемъ положеніи, грѣясь на солнцѣ.

Трудно составить себѣ ясное понятіе, когда захочешь глубже проникнуть задачу жизни населенія Аѳона. Начинаешь наконецъ сомнѣваться, да одно ли у нихъ съ нами тѣло, одинъ ли мозгъ управляетъ *ими*. Наши отшельники и схимники, тѣ покрайней мѣрѣ воодушев-

лены стремленіями сходными съ нашими; цѣль жизни ихъ намъ хорошо извѣстна: это высокое самопожертвованіе, трудъ, добровольное отреченіе отъ всѣхъ соблазновъ, умерщвленіе своей плоти; но спрашивается эти—поступая въ число монаховъ двадцати лѣтъ, могутъ ли они выполнить эту задачу, въ состояніи ли они умереть плотью? Ни одна пламенная мысль не волновала ихъ душу, никогда сила воли не подчиняла ее, ни одна минута забвенія не овладѣвала ею; они даже не подозрѣваютъ, что можно хорошо жить, страдая быть здоровыми, бороться и въ то же время быть великимъ. Сколько разъ во время чудныхъ вечеровъ, облокотясь на перила верхнихъ монастырскихъ галлерей, въ этой роскошной мѣстности, теряющейся въ безконечной дали, мы спрашивали себя, неужели созерцаніе этой безпредѣльности не навѣяло никогда чувства сожалѣнія о своемъ заключеніи, въ этихъ молодыхъ людяхъ безцѣльно бродящихъ вокругъ насъ? Дальній парусъ, весело скользящій по горизонту моря, неужели никогда не возбуждалъ въ нихъ желанія унестись вмѣстѣ съ нимъ? Нѣтъ, они живутъ на востокѣ, среди общаго непробуднаго сна. Кто никогда не жилъ на Востокѣ, и потому не знаетъ его, тотъ строго отнесется къ этому безполезному обществу, картину съ котораго мы пытались набросать. Насъ можетъ быть упрекнутъ за то, что мы такъ долго останавливались надъ этой могилой, что мы слишкомъ много дали себѣ труда, чтобы изучить это чистилище, сходное съ тѣмъ, гдѣ Дантъ встрѣтилъ толпу «мрачныхъ душъ, нѣкогда жившихъ не въ почестяхъ и не въ безчестьѣ»; тѣ можетъ быть найдутъ достаточными слова поэта, гдѣ онъ говоритъ:

Non ragioniam di lor, ma guarda e passa.

Между тѣмъ, если это общество мало заслуживаетъ теперь интереса, если оно лишено въ настоящее время жизненности, то во всякомъ случаѣ оно хранитъ въ себѣ тайну прошедшаго, имѣвшаго свою долю, и именно въ этомъ то смыслѣ оно и заслуживаетъ нашего вниманія. Мѣстность, нравы, общій характеръ, съ такою мелочною вѣрностью передаютъ намъ картину прошлыхъ вѣковъ, что намъ самимъ не одинъ разъ хотѣлось пережить эти былыя времена; одни люди только измѣнились. Это похоже на тотъ спектакль, гдѣ все: декораціи, костюмы, аксессуары и даже игра безупречны, но гдѣ актеры не способны болѣе передать вѣрно тѣ чувства, которыя ими изображаются. Безъ сомнѣнія всѣ эти памятники, переданные намъ Аѳономъ среднихъ вѣковъ, заставляютъ предполагать могучую

ческую силу ихъ воздвигшую, которой нынѣ болѣе уже не существуетъ; люди, собиравшіе эти библіотеки, читали же ихъ и знали ихъ; когда нибудь люди, которые писали Христа для кариэсской церкви, или Богоматерь Дохарейона навѣрно сами чувствовали и сами испытывали тѣ страданія, которыя они воплощали въ своихъ твореніяхъ. Ревность первыхъ отшельниковъ, великая рѣшимость поселиться въ одиночествѣ послѣ витанія въ высшихъ слояхъ византійскаго общества, страшныя несчастія, наполнявшія ихъ сердца до принятія схимы, вотъ тѣ нравственныя и интеллектуальныя преимущества, которыми они отличались отъ своихъ преемниковъ. Съ самой колыбели учрежденія, мы видимъ уже въ немъ зародышъ зла, которое въ будущемъ подточитъ его существованіе; мы видимъ медленное, логическое развитіе зла съ начала до нашихъ дней. Прослѣдимъ и людей, точно также какъ мы слѣдили за ихъ изображеніями, за этою длинною вереницею фигуръ молчаливо смотрѣвшихъ на насъ со стѣнъ аѳонскихъ церквей, и идушихъ непрерывнымъ рядомъ, начиная съ произведенія вчерашняго снимателя копіи, и восходя до сада Понселиноса. Новѣйшія, точно также какъ и самыя древнія, на разстояніи слишкомъ восьми вѣковъ, имѣють тѣ же длину и ширину и даже однѣ и тѣ же краски: при бѣгломъ взглядѣ онѣ смѣшиваются; но, разсматривая ихъ со вниманіемъ, видно, какъ, при тождественныхъ почти очертаніяхъ, живость изображенія постепенно возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Точно такая же послѣдовательность замѣтна и въ самыхъ оригиналахъ этихъ рисунковъ; чтобы воспроизвести современниковъ св. Анастасія или св. Саввы, разсмотримъ нашихъ современниковъ, начиная съ игумена какого либо изъ главныхъ двадцати монастырей и кончая сборщикомъ оливъ на Капсокаливѣ; отдѣлимъ античныя линіи ихъ физіономій отъ родныхъ новѣйшихъ оттѣнковъ, возобновимъ поблекшій фонъ, придадимъ болѣе рельефности, ослабивъ тѣни, и мы вдохнемъ тогда въ этихъ мертвецовъ мысль и страсти, отъ которыхъ они оживутъ. Попробуйте по лицу старца узнать чѣмъ онъ былъ въ двадцать лѣтъ, и вамъ придется употребить почти тѣ же пріемы. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, какое употребленіе могъ бы сдѣлать историкъ, изучая эти драгоцѣнные остатки; передъ нимъ въ полномъ свѣтѣ предстало бы монашество первыхъ вѣковъ, которое на востокѣ играло такую важную роль въ развитіи христіанства; онъ увидалъ бы тѣхъ аскетовъ, которые во множествѣ населяли Ѳиваиду того времени. Од-

нимъ словомъ, въ образѣ этихъ монаховъ предстали бы отдаленныя поколѣнія разныхъ Пахомовъ, Антоніевъ, Макаровъ, Иларіоновъ.

Прежде чѣмъ покинуть этотъ миръ, гдѣ все намъ говоритъ о прошедшемъ, не слѣдуетъ ли проникнуть тайну его будущаго. Послѣ сказаннаго, намъ не трудно предсказать эту будущность: разложеніе медленное, безъ сомнѣнія очень медленное, такъ какъ ему придется преодолѣть какъ обаяніе религіозное, сопряженное съ этими учрежденіями, такъ и духъ востока, все еще парящій надъ ними, но разложеніе все таки неизбѣжное. Впрочемъ, такой смертный приговоръ былъ бы правдивѣе, если бы можно было умолчать объ одномъ новомъ элементѣ, входящемъ постепенно въ составъ этого разлагающагося тѣла. Элементъ этотъ такъ еще малъ, онъ до того стушевывается при общемъ взглядѣ на общину, что мы даже не упомянули о немъ въ нашемъ экскизѣ. Я говорю объ элементѣ славянскомъ, о группѣ русскихъ, которые въ числѣ семи или восьми сотъ монаховъ населяютъ одинъ изъ наибольшихъ монастырей на Аѳонѣ, именно монастырь св. Пантелеймона и два скита во имя св. Андрея и пророка Иліи. Здѣсь нѣтъ и рѣчи о какомъ нибудь упадкѣ силъ, о разложеніи; напротивъ того приходится имѣть дѣло съ поколѣніемъ новымъ, нетронутымъ, которое хотя и уноситъ насъ въ средніе вѣка но въ средніе вѣка Запада. Должно быть были важныя причины, заставившія этихъ неофитовъ переселиться сюда изъ своихъ степей; всѣ монастырскіе уставы они исполняютъ со всею строгостью и съ охотою предаются нѣкоторымъ работамъ. Эти русскіе монахи составляютъ одну тѣсную семью, повинующуюся и горячо любящую свое отечество; это покорное орудіе находится въ рукахъ нѣсколькихъ настоятелей, одаренныхъ рѣдкими административными способностями. Группа эта быстро развивается, будучи вполнѣ обезпечена въ матеріальномъ отношеніи. Извѣстно какъ ревностно Россія оберегаетъ свои религіозныя учрежденія въ Палестинѣ; съ тѣми же чувствами, если еще и не въ сильнѣйшей степени, она относится къ своимъ Аѳонскимъ дѣтищамъ. Благодаря обильнымъ приношеніямъ своей матери-родины, всѣ русскія постройки въ монастырѣ процвѣтаютъ и улучшаются въ той мѣрѣ, какъ греческія ветшаютъ и бѣднѣютъ; русскіе покупаютъ здѣсь земли, постоянно строятъ новыя кельи, возобновляютъ громадные храмы, величественно украшая ихъ. За неимѣніемъ здѣсь на мѣстѣ учрежденной школы живописи, русскіе на Аѳонѣ получаютъ свои образа, о

достоинствахъ и объ оригинальности которыхъ мы уже напоминали, изъ Россіи; но за то они имѣютъ свою типографію, свои собственныя мастерскія гравировальныя и фотографическія, которыя во всевозможныхъ видахъ и произведеніяхъ распространяютъ ихъ понятія по Святой горѣ.

Едва ли намъ нужно объяснять значеніе этой небольшой кучки людей, тѣсно связанныхъ между собою, дѣятельныхъ, богатыхъ и въ тоже время владѣющихъ землею среди общества разобщеннаго, предоставленнаго своимъ собственнымъ средствамъ. Вліяніе этой группы и уваженіе чувствуемое къ ней въ такой средѣ какъ Аѳонъ, находящейся почти въ самомъ центрѣ Востока, превосходитъ все, что только можно вообразить, исходя изъ нашихъ общественныхъ привычекъ. Вліяніе это обусловливается богатствомъ, независимостью и энергіею, т. е. тѣми условіями жизни, которыя обыкновенно сильно уважаются въ странѣ, гдѣ ихъ не существуетъ. Не трудно угадать, послѣ того, тотъ страшный антагонизмъ, который долженъ былъ вогнкнуть между прежними обладателями горы и новыми пришельцами, явившимися съ такимъ сильнымъ апетитомъ къ ихъ скудной трапезѣ. Вся жизнь, на которую только способенъ Аѳонъ, нынѣ сосредоточилась въ этой борьбѣ. Невольныя опасенія, внушаемыя отжившему поколѣнію монаховъ необыкновенною дѣятельностью руководителей русской общины, ихъ явнымъ превосходствомъ, составляютъ одно изъ самыхъ интересныхъ зрѣлищъ, уцѣлѣвшихъ еще для путешественниковъ. Заставая за дѣломъ этихъ суровыхъ апостоловъ, намъ казалось, что передъ нами предстали древніе франконскіе и саксонскіе монахи такъ удачно разрушившіе нѣкогда феодальное зданіе. Всегда въ дорогѣ или пѣшкомъ, или на кораблѣ, на пути или въ Кариэсъ, или въ Стамбулъ, не чувствительные къ физической усталости, не знающіе покоя, проповѣдующіе и дома, и съ высоты своего сѣдла, изъ всѣхъ страстей сего міра сохранившіе одну только любовь къ своей народности,—они напоминали намъ собою апостоловъ XII вѣка Бернарда и Арнольда Брешіанскаго.

Въ настоящее время поле раздора составляетъ монастырь св. Пантелеймона, который оспаривается обѣими партіями на основаніи древнихъ, довольно неопредѣленныхъ правъ. Изъ 500 монаховъ, его обитающихъ, четыре пятыхъ составляютъ подданные Царя. Греки и русскіе живутъ двумя лагерями, отправляя службу каждые въ своей церкви на родномъ языкѣ. Недавно умеръ игуменъ, грекъ, старецъ ста

четырехъ лѣтъ; русскіе на мѣсто его выбрали одного изъ своихъ. Собраніе въ Кариэсѣ отказало въ утвержденіи этого выбора. Чтобы положить конецъ безпорядкамъ, взволновавшимъ миръ священства Константинопольскій Патріархатъ благоразумно уступилъ необходимости и предписалъ произвести новые выборы, которыхъ нельзя уже будетъ оспаривать. Къ счастію мы прибыли въ монастырь св. Пантелеймона именно въ тотъ день когда должно было произойти новое собраніе; никогда въ жизни намъ не случалось присутствовать ни выборахъ, которые имѣли бы такой своеобразный характеръ. День былъ воскресный; любопытство заставило насъ всю ночь провести въ церкви, чтобы присутствовать при торжественнымъ православномъ богослуженіи, чтобы слышать это великолѣпное пѣніе и наблюдать выраженіе лицъ, такъ горячо возносящія передъ алтаремъ молитвы за своего царя. Цѣлую ночь блѣднолицые монахи провелу на ногахъ освѣщенные блестящею мглою отъ восковыхъ свѣчъ; ни какой печали кромѣ печали неба не отражалось на ихъ физіономіяхъ. Мы заснули, когда занималась заря, а раннимъ утромъ были разбужены колокольнымъ звономъ. Мы уже стали собираться, чтобы присуствовать при новой церемоніи, какъ намъ объявили что звонъ этотъ, призываетъ монаховъ на «ихъ совѣщанія». Событіе столь долго ожидаемое, долженствовавшее громко разразиться по всей восточной церкви, событіе около котораго сгруппировалось всѐ, что осталось страстнаго въ мірѣ духовномъ, совершалось передъ нашими глазами тихо, мирно такъ что нельзя было замѣтить даже малѣйшаго призвука. Никакого волненія не замѣтно было, никакой подозрительный звукъ не нарушалъ тишины монастырской жизни. Развѣ только на нѣкоторыхъ лицахъ видна была какая то необыкновенная озабоченность, да кое-гдѣ по угламъ длинныхъ корридоровъ слышалось тихое шептаніе. Человѣкъ не предувѣдомленный, могъ бы подумать, что монахи собираются по обыкновенію къ утреннему служенію. Между тѣмъ подъ этой маской спокойствія бушевало гораздо болѣе страстей. надежды. и гнѣва, чѣмъ на многихъ нашихъ бурныхъ собраніяхъ Греки заперли Каталиконъ, находящійся еще въ ихъ владѣніи, привѣсили къ дверямъ замки, и такимъ образомъ, молча заявили свой протестъ, удалившись въ свой кварталъ. Тогда русскіе всѣ отправились въ свою церковь, на самой вершинѣ горы и, спустя нѣсколько минутъ, 400 голосовъ вновь подтвердили свое прежнее избраніе, выбравъ игуменомъ одного изъ своихъ архимандритовъ. Побѣда была такъ

же тиха, какъ и самая борьба: подъ обычною суровостью, они старались скрыть тщеславную радость, проглядывавшую невольно на ихъ лицахъ.

Безучастные зрители только что разыгравшейся передъ нами нѣмой драмы, мы не могли не отнестись къ ней съ философской точки зрѣнія. Мы спросили себя, стоило ли запираться въ монастырь для того, чтобы тамъ снести съ собою въ могилу свою политическую борбу; въ одеждѣ инока, подъ личиною аскета, мы нашли человѣка съ тѣмъ же тщеславіемъ, съ тѣми же не покинувшими его страстями и малодушіемъ.—Новая встрѣча еще болѣе утвердила насъ въ этихъ мысляхъ.—Въ то время какъ намъ передавали о результатѣ новыхъ выборовъ, на сосѣднемъ дворѣ произошло какое то особое движеніе, одновременно раздался заунывный звонъ всѣхъ колоколовъ, — и на дворѣ вытянулась процессія, поющихъ литанію монаховъ съ головами, покрытыми черными крепомъ и со свѣчами въ рукахъ. Всѣ торжественныя процессіи имѣютъ на Аѳонѣ похоронный оттѣнокъ, а потому не вполнѣ знакомые съ мѣстными нравами, мы думали, что монастырь празднуетъ избраніе новаго игумена, и уже приготовились было увидѣть его выходящимъ въ слѣдъ за своей паствой. Но вмѣсто избранника мира, изъ дверей показался избранникъ смерти, бѣдняга монахъ, котораго, нѣсколько дней тому назадъ, мы видѣли въ госпиталѣ почти умирающаго. Точно такая же процессія, которая выходила теперь со двора по направленію къ малому кладбищу, сопровождаемая тѣмъ же пѣніемъ, тѣмъ же похоронным звономъ, нѣсколько минутъ ранѣе должна была сопровождаетъ другаго товарища на его игуменскій тронъ. Такимъ образомъ въ эту ночь, спустившуюся на монастырь, сама судьба произвела свой выборъ, выхватила на удачу изъ цѣлаго ряда этихъ отшельниковъ, двухъ человѣкъ совершенно равныхъ передъ жизнью и смертью, обративъ одного въ трупъ, изъ друга же сдѣлавъ могущественнаго аббата, земнаго властителя монастыря. Кто же изъ нихъ былъ ближе къ своему избранію? Не былъ ли это тотъ, который являлся такъ къ стати, чтобы своему брату, находящемуся на верху славы и побѣды, дать хорошій урокъ, чтобы указать ему чѣмъ оканчиваются всѣ почести мира сего, какой путь предпримутъ онѣ завтра?

Намъ также въ ту минуту, когда мы оставляли Аѳонъ, этотъ бѣдняга монахъ, можетъ быть много сказалъ: онъ какъ бы подтвердилъ наши предположенія относительно судьбы древней византійской го-

ры. Если ей и остается какая либо надежда на жизнь, то надежда эта заключается единственно только въ развитіи небольшой славянской группы; но и эта послѣдняя не иначе можетъ упрочить судьбу Аѳона, какъ разбивъ совершенно эту вѣковую раковину, гдѣ задыхается ея могучая молодость. Вспомнивъ однако слова Евангелія, гдѣ сказано: «не наливайте новое вино въ старые сосуды», мы приходили къ тому заключенію, что въ тотъ день, когда наивныя мечты православія перестроятъ по своему эти зданія, они достигнутъ своей будущности. Будущности! какъ странно звучитъ это слово въ томъ мірѣ, гдѣ все говоритъ объ одномъ только прошедшемъ. Не будемъ впрочемъ теряться въ догадкахъ относительно будущей судьбы монастыря. Отшельники разсказали намъ свою вѣковую исторію и теперь имъ остается только съ Гамлетомъ воскликнуть; «остальное это есть молчаніе».

Прошедшее и молчаніе! Однако, человѣкъ не живетъ этими только двумя отрицаніями, что невольно приходитъ на мысль послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія на Аѳонѣ. Откровенно сказать, это короткое пребываніе здѣсь навѣяло на насъ тяжелое впечатлѣніе; какая то хандра овладѣла нами среди этой искуственной жизни; умъ нашъ сталъ цѣпенѣть отъ постояннаго хожденія посреди кладбищъ. По всей окружающей природѣ, столь могучей и богатой, незамѣтно разстилается какой то мрачный покровъ; глазъ, куда бы онъ ни повернулся, всюду встрѣчаетъ черный цвѣтъ; весь воздухъ насквозь пропитанъ ладономъ; даже въ кельи, среди глубокой ночи, привидѣнія этихъ живыхъ мертвецовъ, съ блуждающими взорами, являются безпрерывно, невольно прерывая сонъ. Напрасно искали мы здѣсь какого либо намека на жизнь; неутѣшная грусть проглядывала во всемъ, даже лавръ, и тотъ какъ то грустно покоилъ свои томящіеся цвѣты на сѣрыхъ стѣнахъ монастыря. Большую часть вечеровъ мы проводили на галлереяхъ верхнихъ этажей, откуда разстилался передъ нами роскошный видъ на море, какъ бы въ насмѣшку брошенный этимъ затворникомъ. Однажды вечеромъ небольшая лодка, приставшая къ берегу съ грузомъ рыбы для монастыря, предложила намъ свои услуги ночью перевезти насъ на противуположный берегъ залива Монте-Санто, откуда пѣшкомъ можно было добраться до Солоникъ. Мы тотчасъ воспользовались этимъ предложеніемъ и, сложивъ свои походные чемоданы, покинули Аѳонскую гору. Это ночное бѣгство было достойнымъ эпилогомъ нашему здѣсь пребыванію. Съ

трудомъ размѣстившись въ полу-лежачемъ положеніи въ узкой кормѣ небольшой тартаны, мы тихо поплыли по гладкой поверхности залива объятаго еще полумракомъ ночи. Когда, наскучивъ слѣдить за блестящими звѣздами медленно проходящими мимо вершины нашей мачты, мы поднимались на узкой скамейкѣ, нашимъ взорамъ представлялись молчаливыя тѣни троихъ монаховъ нашихъ гребцовъ, автоматическія движенія которыхъ сопровождались едва слышными всплесками воды. Казалось, что мы вовсе не двигались; и въ нашей памяти стало одно за другимъ проходить все видѣнное въ послѣдніе дни; недоставало только чтобы въ нашемъ воображеніи тартана вдругъ не превратилась бы въ какую нибудь адскую барку, перевозящую насъ на землю изъ страны смерти. Вскорѣ однако первый лучъ зари, освѣтившій противуположный берегъ, разсѣялъ мрачное настроеніе этой фантастической поѣздки. На лодкахъ, живописно разбросанныхъ вдоль берега, началось уже движеніе. Дѣти и женщины собрались въ общій хоръ для утренней молитвы, которою рыбаки Архипелага обыкновенно встрѣчаютъ лучи восходящаго солнца. Они пѣли греческую пѣснь: Та matia, ta gramména....

Ахъ, пробудись и открой
Твои очи, чудная книга,
Которую Творецъ создалъ
Не для того, чтобы она была закрыта.
Ахъ, проснись, поклонись
Твоему другу зарѣ,
Чтобы возсіяло небо
Чтобы улыбнулась земля!

Эта чудная пѣснь напомнила намъ, что мы опять возвращаемся къ жизни. Мы спросили себя не во снѣ ли намъ представилось все это химерическое путешествіе въ отдаленные вѣка, въ древнюю Византію, въ эту, такъ сказать, живую могилу. Мало довѣряя дѣйствительности, мы, чтобы провѣрить себя, еще разъ обратили наши взоры назадъ, чтобы взглянуть на святую гору: черная масса Аѳона опускалась въ морскую глубь вмѣстѣ съ своимъ населеніемъ, медленно отходящимъ въ вѣчность.

СКОРПІОНЫ ЗАКАВКАЗЬЯ.

I.

Скорпіоны принадлежатъ къ числу самыхъ древнихъ паукообразныхъ: это доказывается большею, сравнительно съ другими легочными пауками, расчлененностью ихъ органовъ, равно какъ и нахожденіемъ слѣдовъ ихъ (отпечатковъ тѣла) въ каменно-угольной формаціи.

Оригинальная форма тѣла, уединенный образъ жизни, а главное, страшное орудіе нападенія и защиты—ядоносный хвостъ и мучительныя, иногда смертельныя послѣдствія, ихъ ужаленія, все это, такъ или иначе, должно было обратить особое вниманіе человѣка на скорпіоновъ, тѣмъ болѣе что районъ распространенія ихъ довольно обширенъ, а количество встрѣчающихся особей мѣстами очень значительно. Дѣйствительно, этими животными люди интересовались уже издавна: о скорпіонахъ болѣе или менѣе подробно разсказываютъ Плутархъ, Плиній, Аристотель и др. древніе писатели; послѣ нихъ значительное число путешественниковъ и натуралистовъ собирали свѣдѣнія объ этихъ животныхъ, сами наблюдали и изучали ихъ. Несмотря однакоже на такое давнее знакомство, на значительное количество лицъ, писавшихъ о скорпіонахъ, долгое время обстоятельной естественной исторіи ихъ почти не существовало. Путешественники, посѣщавшіе страны, въ которыхъ жили скорпіоны, рѣдко производили самостоятельныя и точныя наблюденія надъ этими животными; въ большинствѣ случаевъ они ограничивались разспросами туземцевъ. Но что могли сказать туземцы про животное, имъ самимъ почти неизвѣстное, или, лучше сказать, извѣстное лишь своими худыми качествами? Туземцы считли скорпіона какимъ-то стран-

нымъ существомъ, неизвѣстно откуда появляющимся, неожиданно наносящимъ иногда смертельныя, почти всегда мучительныя раны, и затѣмъ также неизвѣстно куда скрывающимся. Немудрено, что суевѣрнымъ дикарямъ, или полу-дикарямъ скорпіонъ казался какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ, одинъ видъ котораго приводилъ ихъ въ трепетъ. При болѣе чѣмъ неспокойномъ, отношеніи къ скорпіону, немыслимо было и сколько нибудь основательное знакомство съ его нравами и образомъ жизни. Недостаточность знаній туземцы, впрочемъ безъ затрудненій, восполняли вымыслами своей неудержимой фантазіи и не скупились на сообщеніе ихъ любознательнымъ путешественникамъ. Эти послѣдніе, въ свою очередь, рѣдко когда ограничивались добросовѣстною передачею видѣннаго и слышаннаго, а напротивъ дополняли и исправляли, сообразно собственнымъ взглядамъ, повѣствованія туземцевъ объ этомъ оригинальномъ животномъ. Большинство ученыхъ и правдивыхъ натуралистовъ, не имѣя возможности наблюдать скорпіона, принимали на вѣру и воспроизводили въ своихъ сочиненіяхъ отзывы и взгляды путешественниковъ. Составленныя, на основаніи такихъ данныхъ, описанія и характеристика скорпіоновъ не отличались полнотою и точностью, а иногда были почти сплошною серіею выдумокъ, одна другой курьезнѣе и чудеснѣе. Такъ напримѣръ, тогдашнихъ ученыхъ очень занимала мысль о происхожденіи скорпіона, и вотъ явился цѣлый рядъ оригинальнѣйшихъ предположеній: по мнѣнію нѣкоторыхъ греческихъ философовъ, скорпіоны происходятъ изъ гніющихъ крокодиловъ; Плиній полагаетъ, что они происходятъ изъ зарытыхъ морскихъ раковъ, зарытыхъ въ то время, когда солнце проходитъ черезъ знакъ Рака; Парацельзъ учитъ, что скорпіонъ происходитъ изъ гніющихъ скорпіоновъ, такъ какъ они сами себя убиваютъ [1]). При описаніи наружности скорпіона также не стѣснялись: нѣкоторые описывали его съ двумя хвостами, другіе даже съ крыльями. Нѣкто Ноде весьма серьезно сообщалъ что въ Италіи встрѣчается одинъ, легко приручаемый видъ скорпіона; этихъ скорпіоновъ, по словамъ Наде, во время сильныхъ жаровъ, догадливые обитатели тѣхъ мѣстъ кладутъ подъ простыни, для охлажденія постели [2]), утилизируя такимъ образомъ холодноватость скорпіона на ощупь. Съ развитіемъ естествознанія вообще и накопленіемъ болѣе точныхъ наблюденій, естественная исторія

---

[1]) Брэмъ, Иллюстр. жизнь жив. Т. VI—1876, изд. Ковалевскаго, стр. 551.
[2]) *Kyrby и Spence.* Einleit. in d. Entomologie S. 346.

скорпіоновъ мало по малу освобождалась отъ той массы разнаго вздора, которымъ уснастили ее древніе, а съ ихъ легкой руки и нѣкоторые позднѣйшіе писатели, но тѣмъ не менѣе и теперь еще въ ней, преимущественно въ описаніи нрава и образа жизни этихъ животныхъ, существуетъ не мало пробѣловъ или сомнительныхъ, требующихъ тщательной провѣрки, данныхъ. Самое число описанныхъ видовъ скорпіоновъ (до ста), по всей вѣроятности, гораздо ниже дѣйствительно существующихъ на землѣ, такъ какъ далеко не всѣ мѣстности на земномъ шарѣ, гдѣ можно предполагать существованіе скорпіоновъ, посѣщены натуралистами, а нѣкоторыя, изъ числа посѣщенныхъ уже, нуждаются въ болѣе основательномъ изслѣдованіи. Къ числу такихъ мѣстностей можно съ полнымъ правомъ отнести и Закавказскій край, разнообразная и оригинальная фауна котораго очень мало изучена, въ особенности ея низшіе по организаціи представители—безпозвоночныя. Въ ряду этихъ послѣднихъ одно изъ первыхъ мѣстъ должны занимать скорпіоны, распространенные въ Закавказьи въ довольно значительномъ количествѣ. Объ этихъ животныхъ не только заграницею, но и у насъ въ Россіи почти ничего не извѣстно; они до сихъ поръ, если не ошибаюсь, даже не опредѣлены научнымъ образомъ.

Въ Закавказскомъ краѣ встрѣчается два, рѣзко отличающихся другъ отъ друга, вида скорпіоновъ: сѣро-желтый и темно-бурый. Оба эти вида несомнѣнно принадлежатъ къ азіатскимъ представителямъ семейства скорпіоновъ, отличаясь отъ обыкновеннаго Scorpio Europeus не только величиною и окраскою, но и формою отдѣльныхъ частей тѣла [1]).

Сѣро-желтый скорпіонъ, по обширности района его мѣстообитанія и количеству встрѣчающихся тамъ особей, значительно превосходящему число темно-бурыхъ скорпіоновъ, долженъ быть поставленъ на первый планъ. Этотъ скорпіонъ (ахрапъ—по татарски), начиная отъ южной подошвы хребта Большаго Кавказа, распространяется почти по всему Закавказью. На сѣверѣ, въ губерніяхъ Тифлисской и отчасти Кутаисской, онъ встрѣчается въ небольшемъ количествѣ; но южнѣе, по мѣрѣ приближенія къ нашей турецко-персидской границѣ, количество особей постепенно и довольно значительно возрастаетъ. Собственно говоря,

---

[1]) У крымскаго скорпіона напримѣръ, такъ называемый хвостъ короче остальнаго туловища, у скорпіоновъ Закавказья наоборотъ; форма клешней, хвоста, жала у крымскаго скорпіона иная, чѣмъ у закавказскихъ скорпіоновъ, то же можно сказать про количество глазъ, очертаніе и величину рельефныхъ частей наружныхъ покрововъ тѣла.

между небольшими сѣро-желтыми скорпіонами, водящимися на сѣверѣ Закавказья, и крупными животными того же семейства, исключительно попадающимися на югѣ Закавказья, существуетъ нѣкоторая разница: первые блѣднѣе окрашены, рельефныя части ихъ наружныхъ покрововъ не такъ явственны, они стройнѣе и гораздо меньше вторыхъ, но эти незначительныя различія, въ виду полнѣйшаго сходства во всемъ остальномъ, не позволяютъ считать ихъ даже разновидностью, не только отдѣльнымъ видомъ. На югѣ Закавказья, въ горахъ, я находилъ сѣро-желтыхъ скорпіоновъ, очень похожихъ на скорпіоновъ сѣвера. Къ сожалѣнію, я не имѣю основательныхъ данныхъ для опредѣленія границы вертикальнаго распространенія этихъ животныхъ. Вполнѣ завися, какъ мнѣ кажется, отъ границы вѣчнаго снѣга, оно, подобно ей, измѣняется въ разныхъ мѣстностяхъ края. На сѣверѣ мнѣ неудавалось уже находить скорпіоновъ на высотѣ 1,000 футовъ между тѣмъ какъ въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, по теченію небольшой горной рѣченки Тандурекъ, я встрѣчалъ ихъ на горѣ, возвышающейся minimum на 3,000 футовъ надъ поверхностью моря (впрочемъ только на солнечной сторонѣ горы). Строго говоря, цвѣтъ этихъ скорпіоновъ называемыхъ обыкновенно въ Закавказьи «желтыми скорпіонами», не совсѣмъ сѣро-желтый: унихъ голова, грудь и брюшко сѣраго, даже грязно-сѣраго цвѣта, ножки блѣдно желтаго, такъ называемый хвостъ [1]) и клешни зеленовато-грязно-желтаго цвѣта. Вообще, окраска этихъ животныхъ измѣняется сообразно положенію обитаемой ими мѣстности времени года, возрасту и даже полу. Ростъ сѣро-желтыхъ скорпіоновъ находится также въ зависимости отъ климата и высоты занимаемой ими мѣстности; на сухихъ, низменныхъ мѣстностяхъ юго Закавказья они достигаютъ наибольшей величины. Мнѣ не случалось видѣть животныхъ болѣе 11 сентиметровъ длины; но многіе туземцы увѣряли, что встрѣчаются экземпляры гораздо большей величины. На сѣверѣ, также какъ и въ горахъ юга Закавказья, большинство скорпіоновъ бываетъ не длиннѣе 3, 4, много 5 сент.; обыкновенная, чаще всего встрѣчающаяся величина крупнаго сѣро-желтаго скорпіона—восемь, девять сентиметровъ.

---

[1]) У скорпіоновъ настоящаго хвоста совсѣмъ нѣтъ; часть же тѣла, называемая этимъ именемъ, есть въ сущности, суженное, суставчатое продолженіе брюшка, въ немъ проходитъ пищеварительный каналъ, открывающійся *наружу* въ предпослѣднемъ суставѣ. Но такъ какъ названіе хвоста утвердилось *за этою частью* тѣла то и я буду уже называть ее хвостомъ.

Сѣро-желтый скорпіонъ, какъ и остальные его собратья, имѣетъ далеко не привлекательную внѣшность: издали не то ракъ, не то большой паукъ; уже не говоря о некрасивомъ матовомъ, сѣро-желтомъ цвѣтѣ, его, почти сплюснутое, длинное тѣло,—все въ складкахъ и морщинахъ—внушаетъ отвращеніе многимъ.

Верхняя часть тѣла его покрыта бороздками, бугорками и зубчиками разной величины и формы; мѣстами его тѣло усѣяно небольшими бородавочками и едва замѣтными (особенно на мелкихъ экземплярахъ) щетинками или волосками. Кожа скорпіоновъ вообще плотная и довольно твердая на хвостѣ и клешняхъ, болѣе мягка на брюшкѣ; это послѣднее, также какъ и верхняя часть головогруди, немного выпукло, снизу почти плоско; хвостъ же, наоборотъ, снизу выпуклый, а сверху вогнутый. Головогрудь, спереди сжатая, постепенно расширяется по направленію къ брюшку. Почти у передняго ея края, немного сбоку, на каждой ея сторонѣ находится по три небольшихъ глаза; выше ихъ на головогруди же, но ближе къ брюшку, подъ двумя небольшими возвышеніями, расположенными вдоль головогруди, помѣщается еще два глаза, гораздо большихъ, матово-чернаго цвѣта, хорошо различаемыхъ невооруженнымъ глазомъ [1]). Брюшко скорпіона явственно раздѣлено на семь суставовъ, разной длины и ширины, расположенныхъ другъ подлѣ друга черепицеобразно и соединенныхъ между собою тонкою и немного эластичною кожицею. Каждый суставъ брюшка состоитъ изъ двухъ частей—верхней и нижней, соединенныхъ на боковой сторонѣ брюшка также тонкою и эластичною кожицею. Такое устройство покрововъ брюшка даетъ животному возможность, смотря по необходимости, вытягивать, сокращать брюшко, или сжимать его, проползая въ щели и трещины, отверстія, которыя чуть не вдвое уже толщины его тѣла. На верхней части каждаго сустава брюшка замѣчается три небольшихъ ребрышка, длина и объемъ которыхъ, начиная отъ головогруди, на каждомъ послѣдующемъ суставѣ брюшка, постепенно увеличивается;—на послѣднемъ суставѣ такихъ ребрышекъ пять, почти параллельные на первыхъ шести суставахъ,

---

[1]) Разсматривая черезъ довольно слабую лупу головогрудь нѣкоторыхъ сѣро-желтыхъ скорпіоновъ, я насчитывалъ у нихъ неодинаковое количество переднихъ глазъ: въ большинствѣ случаевъ ихъ оказывалось шесть, иногда бывало семь, даже восемь; но такъ какъ нѣкоторые глаза совсѣмъ не отличались отъ такой же величины и цвѣта бородавочекъ, находившихся подлѣ, а хорошей лупы, къ сожалѣнію, въ то время я не имѣлъ, то быть можетъ я принялъ бородавочки за глаза или наоборотъ. Болѣе восьми глазъ у скорпіоновъ мнѣ не встрѣчалось.

они съуживаются на седьмомъ, у основанія хвоста. Хвостъ раздѣляется на шесть суставовъ, неодинаковой длины и ширины (самый длинный предпослѣдній, самый короткій—первый, а самый широкій—средній). Наружный видъ пяти первыхъ суставовъ хвоста, почти одинаковый: также какъ и суставы брюшка, даже болѣе ихъ, они шероховаты, покрыты разными бугорками, бороздками и волосками; отличаются они отъ суставовъ брюшка тѣмъ, что ограничены симетрично расположенными гранями, ребра которыхъ явственно выдѣляются. Суставы эти соединяются другъ съ другомъ тонкою кожицею, скрытою подъ выдающимися впереди зубчатыми краями ихъ. Послѣдній, ядоносный, суставъ хвоста отличается отъ остальныхъ формою, величиною и цвѣтомъ. Своею формою онъ напоминаетъ половинку разрѣзаниой вдоль груши съ загнутымъ хвостикомъ. Онъ гораздо меньше другихъ суставовъ хвоста и свѣтлѣе окрашенъ. Съ предпослѣднимъ суставомъ онъ соединяется небольшимъ цилиндрической формы короткимъ втулкомъ. Массивная часть ядоноснаго состава, съ одной стороны, оканчивающаяся этимъ втулкомъ значительно меньше предпослѣдняго сустава, края котораго охватываютъ весь втулокъ и даже отчасти массивную часть ядоноснаго сустава. Другая часть этого сустава вытягивается постепенно въ отростокъ, къ концу утончающійся въ жало или шипъ скорпіона. Нижняя сторона ядоноснаго сустава (исключая жала) выпуклая, раздѣлена на двѣ ровныя части рядомъ небольшихъ бородавочекъ, тѣсно сидящихъ другъ возлѣ друга;—верхняя же, довольно ровная, имѣетъ только посрединѣ небольшое углубленіе. На обѣихъ этихъ сторонахъ суставъ покрытъ короткими и рѣденькими волосками. Жало, или шипъ скорпіона, составляетъ, какъ я уже сказалъ, непосредственное продолженіе массивной части сустава. У сѣро-желтаго скорпіона оно совершенно гладкое, довольно значительной длины (до $5^1/_2$ и 6 милиметровъ) и сильно загнуто книзу. Посрединѣ нижней стороны жала, начиная отъ основанія его, проходитъ небольшой желобокъ, по которому ядъ, выдѣляемый ядоносными желѣзами, стекаетъ къ острію жала.

На нижней сторонѣ головогруди расположены восемъ, пяти членистыхъ, желтоватаго цвѣта, длинныхъ ногъ; нижніе три членика ихъ усѣяны густыми волосками, послѣдній членикъ, кромѣ того, вооруженъ двумя небольшими зацѣпками, или коготками, дающими скорпіону возможность лазить по гладкимъ, отвѣснымъ стѣнамъ зданій и скалъ, по потолкамъ и деревянымъ столбамъ, даже по полированной поверхности мебели. *Ноги у скорпіоновъ* довольно слабо прикрѣплены къ туловищу и ино-

гда отрываются; мнѣ случалось схватывать скорпіоновъ пинцетомъ за ноги,—почти всегда животное убѣгало, оставляя въ пинцетѣ одну или двѣ ноги. У этихъ животныхъ, также какъ и у другихъ пауковъ, потерянныя оконечности возстановляются [1]) Я встрѣчалъ скорпіоновъ съ семью ногами и только зачаткомъ восьмой; иногда попадались экземпляры, у которыхъ нога возстановлена была вполнѣ,-это были всегда молодыя животныя и притомъ самцы. Возстановленную ногу легко отличить отъ другихъ ногъ: она свѣтлѣе окрашена и даже какъ будто короче.

На передней сторонѣ головогруди скорпіона помѣщается небольшой ротъ, надъ нимъ немного выдающіеся роговые отростки, играющіе роль челюстей (настоящихъ челюстей у этихъ животныхъ нѣтъ). Эти отростки очень напоминаютъ клешни рака; они вооружены тремя твердыми и острыми бугорками, весьма подвижны; скорпіонъ ими наноситъ раны пойманной добычѣ, разрываетъ ее на кусочки, а при высасываніи добычи (скорпіонъ иногда съѣдаетъ, иногда только высасываетъ добычу) помогаетъ ими клешнямъ поддерживать пойманное животное у рта. Ниже рта, на головогруди, ближе къ боковымъ ея краямъ, находится пара длинныхъ щупалецъ, или клешней скорпіона, они дѣлятся на четыре сустава, изъ которыхъ первые три (отъ основанія клешни) наружнымъ видомъ походятъ на суставы хвоста (исключая ядоноснаго), отличаясь отъ нихъ, помимо величины, еще и тѣмъ, что почти выпуклы со всѣхъ сторонъ; четвертый суставъ совсѣмъ не похожъ на остальные онъ состоитъ изъ широкой, овальной формы, массивной части и двухъ довольно длинныхъ (почти въ $1^1/_2$ раза длиннѣе массивной части) и узкихъ отростковъ. Одинъ изъ этихъ отростковъ составляетъ непосредственное продолженіе массивной части клешни, другой, напротивъ, подвижной. На внѣшней своей сторонѣ отростки имѣютъ гладкую поверхность внутренняя же сторона ихъ на-половину гладкая (отъ основанія отростка, гдѣ находится выемка съ небольшимъ бугоркомъ), на-половину усажена небольшими, крѣпкими зубчиками и волосками, которые служатъ для задерживанія схваченнаго клешнями предмета. Четвертый суставъ клешни можотъ раскрываться и сжиматься по волѣ животнаго когда скорпіонъ находится въ спокойномъ состояніи, то его клешни прижаты къ туловищу, а послѣдній ихъ суставъ сжатъ (при этомъ зубчики по-

[1]) Исключая впрочемъ хвоста, который никогда не возстановляется. Если у закавказскаго скорпіона отрѣзать ядоносный суставъ или весь хвостъ, то онъ очень скоро издыхаетъ.

движнаго отростка входятъ въ промежутки зубчиковъ неподвижнаго а эти послѣдніе занимаютъ такое же положеніе между зубчиками перваго). Если животное бѣжитъ отъ нападенія или приготовляется схватить добычу, напасть на врага, то клешни его въ это время немного выдвинуты впередъ, а послѣдній суставъ полураскрытъ. Схватывая добычу, или защищаясь, скорпіонъ вытягиваетъ клешни во всю длину и раскрываетъ вполнѣ послѣдній ея суставъ.

На нижней сторонѣ головогруди, подлѣ мѣста прикрѣпленія послѣдней пары ногъ, почти параллельно имъ, расположены двѣ небольшія, тонкія пластинки (по большой части около 2-2$^1/_2$мил. ширины и 8-8$^1/_2$ мил. длины), усаженныхъ гребнеобразно, на внутреннемъ своемъ краѣ, почти цилиндрическими, весьма подвижными зубчиками:—это гребневидные органы скорпіопа, или, какъ ихъ чаще зовутъ, гребешки; у сѣро желтыхъ скорпіоновъ гребешки имѣютъ до 26 зубчиковъ; однажды, впрочемъ, мнѣ попалось животное съ 24 зубчиками на пластинкахъ, иногда я находилъ 22, даже 20 зубчиковъ, въ послѣднемъ случаѣ пластинка имѣла ясные слѣды поломки. Назначеніе гребневидныхъ органовъ до сихъ поръ еще точно не опредѣлено: одни думаютъ, что гребешки играютъ роль при размноженіи скорпіоновъ, другіе—что эти органы служатъ пособіемъ ногамъ, поддерживая тѣло скорпіона при вращеніи и во время ползанья по гладкимъ, отвѣснымъ поверхностямъ; наконецъ, иные смотрятъ на нихъ какъ на особые осязательные органы. Всѣ эти гипотезы основаны на довольно шаткихъ данныхъ и требуютъ еще подтвержденія [1]). Еще Дюфуръ, изучая внутреннее строеніе скорпіоновъ,

---

[1]) Крайне сомнительно, напримѣръ, участіе гребневидныхъ органовъ въ размноженіи скорпіоновъ. При рожденіи потомства, эти органы не могутъ играть никакой роли; способности привлеченія одного пола къ другому, напр. свѣченія запаха или издаванія звуковъ, гребешки не имѣютъ. Остается предположить что они необходимы при самомъ актѣ спариванія для удержанія пары въ извѣстномъ положеніи *) или для возбужденія нервнаго раздраженія, что быть можетъ достигается взаимнымъ соприкосновеніемъ зубчиковъ. Что касается до второй гипотезы, то она еще труднѣе допустима. Едва ли гребешки могутъ помогать ногамъ, поддерживая скорпіона—при движеніи скорпіонъ настолько приподымается на своихъ длинныхъ ногахъ, что сравнительно короткіе и неустойчивые гребешки не могутъ оказать ему помощи, да эта помощь и не необходима. Если скорпіонъ ухитряется свободно лазить по потолкамъ, гдѣ гребешки уже, разумѣется, не могутъ подпирать его тѣла, то къ чему же ему помощь гребешковъ, въ другихъ случаяхъ, гдѣ ему гораздо легче держаться? Наконецъ присутствіе зубчиковъ подлѣ самаго мѣста прикрѣпленія несущей ихъ

(*) По наблюденіямъ Массачу, при спариваньи, самка скорпіоновъ ложится на спину. Такой способъ сближенія обусловливается нахожденіемъ у скорпіоновъ половыхъ *отверстій на нижней* сторонѣ перваго членика брюшка.

убѣдился въ значительномъ развитіи мускульной системы скорпіоновъ; особенно сильно развиты мускулы, находящіеся въ послѣднемъ суставѣ, собственно брюшка, и управляющіе разнообразными движеніями хвоста. У сѣро-желтыхъ скорпіоновъ Закавказья эти мускулы дѣйствительно оченъ развиты мнѣ передавали очевидцы, что крупный сѣро-желтый скорпіонъ (по всей вѣроятности и темно-бурый также, потому что онъ еще сильнѣе сѣро-желтаго), съ размаха ударяя хвостомъ, въ состояніи проколоть жаломъ даже тонкую кожу носка сапога. Если схватить скорпіона пинцетомъ за хвостъ и приподнять отъ пола, то животное чрезвычайно быстро и ловко изгибается на вѣсу и, приподымаясь вверхъ переднею частію тѣла, схватываетъ держащіе его кончики пинцета.

Мускулы, управляющіе движеніемъ клешней, также значительно развиты: скорпіоны по видимому безъ особаго труда приподымаются и не-

---

пластинки, т. е. тамъ, гдѣ они никоимъ образомъ не могутъ приносить даже незначительную пользу при передвиженіи животнаго-тогда трудно объяснимо. Болѣе вѣроятно третье предположеніе; присутствіе значительной толщины нерва въ пластинкѣ и большое количество вѣточекъ его, идущихъ къ осязательнымъ сосками, расположеннымъ на верхушкахъ зубчиковъ, даютъ право отчасти считать гребешки за осязательные органы, хотя, съ другой стороны мѣсто-нахожденіе гребешковъ почти подъ срединою тѣла скорпіона представляется довольно страннымъ для органовъ осязанія: какую пользу могутъ они принести животному находясь тамъ? Мнѣ кажется, что гребешки, въ насоящее время не играютъ никакой роли, если только не способствуютъ прямо илитковсвенно дыханію животнаго; по всей вѣроятности, они просто остатки когда, то дѣятельныхъ органовъ скорпіона—жаберъ.

Професоръ Ганинъ, наблюдая развитіе скорпіоновъ «Ист. (раз. скорп.). открылъ, что въ извѣстную пору зародышевой жизни скорпіона, на его тѣлѣ, образуются нѣсколько паръ отростковъ, т. н. ложныхъ брюшныхъ ногъ; по его ноблюденіямъ третья, четвертая, пятая и шестая пары этихъ ногъ, подъ конецъ зародышевой жизни скорпіона, матеморфозируются въ легкія, а вторая пара ихъ превращается въ гребневидные органы, такимъ образомъ гребешки и легкія имѣютъ въ началѣ одну и ту же форму, и структуру и расположены другъвозлѣ друга. — Это обстоятельство, въ связи съ фактомъ существованія скорпіоновъ еще въ каменно-угольный періодъ, отчасти объясняетъ существованія скорпіоновъ ихъ прямое назначеніе. Въ то время, когда земля и воздухъ были насыщены громаднымъ количествомъ влаги, скорпіоны не могли жить, обладая тѣми дыхательными органами, какими они снабжены въ настоящее время, когда малѣйшаго количества воды, попавшаго въ дыхательные органы скорпіона, достаточно для лишенія его жизни. Очевидно, что они тогда обладали иными органами дыханія, болѣе приспособленными къ окружавшей ихъ влажности; такими органами являются жабры, которыя вѣроятно и были у древнихъ скорпіоновъ. Съ теченіемъ времени влажность на землѣ уменьшилась постепенно, суша принимала другой видъ, воздухъ освобождался отъ насыщавшихъ его паровъ, вмѣстѣ съ этимъ измѣнялись и дыхательные органы скорпіона, превращаясь мало по малу изъ жабръ въ легочные органы Гребешки, игравшіе въ то время быть можетъ роль жаберныхъ отростковъ, постепенно теряли свое значеніе и наконецъ нынѣ фигурируютъ лишь въ качествѣ остатковъ прошлаго, едва ли не вполнѣ безполезныхъ для животнаго.

суть клешнями изрядной величины суставчатыхъ, пойманныхъ ими; при устройствѣ убѣжищъ эти животныя клешнями роютъ въ довольно крѣпкомъ слоѣ щекатурки или сухой земли основательной длины ходы. Схваченный клешнею предметъ держится ею такъ сильно, что его трудно высвободить оттуда; я долженъ былъ употреблять не разъ довольно значительное усиліе, чтобы раскрыть клешню скорпіона, вцѣпившагося ею въ мой пинцетъ.

Другой видъ скорпіоновъ Закавказья—темнобурый скорпіонъ, настоящій житель жаркаго климата, встрѣчается только на крайнемъ югѣ Закавказья, и притомъ только въ сухихъ, каменистыхъ или песчаныхъ низменностяхъ, нагрѣваемыхъ лѣтомъ почти тропическимъ солнцемъ; на болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ или на горахъ онъ уступаетъ мѣсто сѣро-желтому скорпіону. Въ Эриванской губерніи темнобурый скорпіонъ встрѣчается, если не ошибаюсь, только по долинѣ рѣки Аракса (начиная отъ урочища Агдашъ,-Сурмалинскаго уѣзда) въ Сурмалинскомъ и Нахичеванскомъ уѣздахъ, но и въ этихъ уѣздахъ онъ попадается въ небольшемъ числѣ. Площадь его распространенія не велика:—она тянется узкою полосою, прилегающею къ Араксу и его притоку, нижнему Карасу (подлѣ подошвы большаго Арарата). Далѣе въ южной части Бакинской губерніи и сопредѣльныхъ съ нею провинціямъ Персіи районъ его мѣстообитанія и количество особей значительно увеличивается. Нѣкоторые туземцы разсказывали мнѣ, что этого скорпіона находили и въ Елисаветпольской губерніи, другіе, тоже туземцы, впрочемъ, оспаривали это.

Въ Закавказьи темно-бураго скорпіона называютъ чернымъ скорпіономъ (Кара Ахрапъ—по татарски), но это названіе также не точно, какъ и названіе сѣро-желтаго—желтымъ. Цвѣтъ его вообще блестяще-бурый,—у нѣкоторыхъ особей онъ бываетъ темно-бурымъ, у другихъ красно-бурымъ; чаще попадаются первые.—Окраска тѣла темно-бураго скорпіона гораздо однообразнѣе окраски сѣро-желтаго, головогрудь и верхняя часть брюшка одинаковаго цвѣта, а клешни, хвостъ, ноги и нижняя часть всего туловища немного свѣтлѣе. Поверхность тѣла его совершенно сходна съ поверхностью тѣла сѣро-желтаго скорпіона,—тѣ же и такимъ же образомъ расположенныя бороздки, углубленія, возвышенія, шипы, но все это рѣзче, явственнѣе и значительно крупнѣе. Грани хвоста также шире, ихъ ребра болѣе выступаютъ; бородавочки, находящіяся на нихъ, толще, длиннѣе въ вышину, такъ что образуютъ рядъ *зубчиковъ*, явственно различаемыхъ простымъ глазомъ.

Наружные покровы этого скорпіона гораздо плотнѣе и тверже на туловищѣ, чѣмъ у сѣро-желтаго въ особенности на хвостѣ, гдѣ они такъ тверды, что не могутъ быть проколоты толстою и острою булавкою; суставы хвоста сѣро-желтаго скорпіона можно раздавить, сжавъ ихъ между двумя пальцами, а такой же суставъ темно-бураго скорпіона даже не подается при усиленномъ сдавливаніи.

Темно-бурый скорпіонъ гораздо массивнѣе сѣро-желтаго, верхняя часть туловища его выпуклѣе; головогрудь и брюшко длиннѣе. Особенно рѣзко различаются эти два вида хвостами: у темно-бураго хвостъ относительно короче, но почти вдвое толще и шире; затѣмъ, у сѣро-желтаго скорпіона отдѣльные суставы хвоста (первые пять) мало различаются между собою толщиною и шириною, у темно-бураго же ширина и толщина этихъ суставовъ постепенно, но довольно значительно увеличиваются къ концу хвоста, такъ что четвертый и пятый суставы едва-ли не вдвое толще и шире перваго; ядоносный суставъ темно-бураго скорпіона почти такой же величины и формы, какъ и у сѣро-желтаго, только основаніе жала немного толще, а само жало немного короче и не такъ сильно загнуто.

У темно-бураго скорпіона восемь глазъ, расположенныхъ такъ же, какъ и у сѣро-желтаго. Число зубчиковъ на гребешкахъ у нихъ колеблется отъ 30 до 32, у большинства я находилъ по 32-ти.

Вообще темно-бурый скорпіонъ величиною превосходитъ сѣро-желтаго; говорятъ, что въ г. г. Нахичевани, Джульфахъ и въ Бакинской губерніи находили экземпляры до 18 сентиметровъ длины; самый большій экземпляръ, видѣнный мною, имѣлъ около 12 сентиметровъ; преимущественно же попадались животныя въ 8—9 сентиметровъ длины.

Во всемъ остальномъ, исключая дѣйствія яда, темно-бурый скорпіонъ, повидимому, мало отличается отъ своего сѣро-желтаго сосѣда.—Такое сходство не мѣшаетъ, впрочемъ, этимъ видамъ быть непримиримыми врагами. Если посадить сѣро-желтаго скорпіона съ темно-бурымъ въ одно помѣщеніе, то ожесточенная драка между ними неминуема, при чемъ темно-бурый всегда одолѣваетъ и почти всегда съѣдаетъ своего противника. По всей вѣроятности, то же самое повторяется и въ естественномъ ихъ быту. Это отчасти подтверждается тѣмъ, что оба вида не встрѣчаются вмѣстѣ; напротивъ, присутствіе одного обусловливаетъ отсутствіе другаго.—Въ зданіи, обитаемомъ темно-бурыми скорпіонами, сѣро-желтыхъ уже не встрѣчается; на открытыхъ мѣстностяхъ эти послѣдніе также держатся на извѣстномъ разстояніи отъ убѣжища

темно-бурыхъ скорпіоновъ. Бывалые казаки Аралыхской Кордонной линіи разсказывали мнѣ, что въ нѣкоторыхъ казачьихъ постахъ прежде встрѣчались только сѣро-желтые скорпіоны, теперь же ихъ нѣтъ, а попадаются только темно-бурые. Въ штабъ-квартирѣ Аралыхъ я находилъ въ нѣкоторыхъ зданіяхъ только темно-бурыхъ, въ другихъ, впрочемъ значительно удаленныхъ отъ первыхъ, сѣро-желтыхъ, но число этихъ послѣднихъ было не велико; мѣстные обитатели увѣряли, что прежде ихъ было гораздо больше, что темно-бурый скорпіонъ «выгналъ» сѣро-желтаго. Всѣ эти данныя, какъ мнѣ кажется, даютъ поводъ предположить, что темно-бурый скорпіонъ, населяя какую нибудь мѣстность, какъ болѣе сильный, вытѣсняетъ оттуда мало по малу или истребляетъ, сѣро-желтаго. По видимому, темно-бурый скорпіонъ не исконный обитатель Эриванской губерніи—по крайней мѣрѣ Сурмалинскаго уѣзда; какъ я уже сказалъ,—онъ занимаетъ тамъ полосу мѣстности по долинѣ Аракса и его притока Нижняго Карасу, не встрѣчаясь далѣе въ Эчміадинскомъ уѣздѣ; хотя по мѣстности и климату этотъ уѣздъ мало чѣмъ рознится отъ низменностей Сурмалинскаго. Вѣроятнѣе всего, что этотъ скорпіонъ былъ занесенъ или завезенъ туда изъ Персіи или по крайней мѣрѣ изъ Бакинской губерніи, а можетъ быть и самъ распространился постепенно поднимаясь вверхъ по теченію Аракса.

II.

Не вынося солнечнаго свѣта, скорпіоны Закавказья въ продолженіе дня скрываются въ своихъ темныхъ убѣжищахъ, оставляя ихъ вскорѣ послѣ заката солнца.

Убѣжища эти очень разнообразны, и при выборѣ ихъ скорпіоны не отличаются прихотливостью, стараясь только отыскать сухое и защищенное отъ солнечныхъ лучей мѣсто. Скорпіоны Закавказья опасаются влаги не менѣе солнечнаго свѣта, и никогда не встрѣчаются въ мѣстахъ легко доступныхъ водъ. Они живутъ подъ свалившимся сухимъ деревомъ, подъ щебнемъ, камнями, въ трещинахъ скалъ, даже просто въ трещинахъ земли, но всѣмъ этимъ убѣжищамъ предпочитаютъ постройки туземцевъ, въ особенности ихъ сакли. При внимательномъ *изслѣдованіи окрестностей* туземнаго селенія, въ садахъ и огородахъ его

съ трудомъ можно отыскать скорпіоновъ, тогда какъ въ рѣдкой саклѣ, при тщательномъ обыскѣ ея, не найдется десятка-другаго этихъ животныхъ, особенно на югѣ Закавказья. Стоитъ туземцу выстроить жилье въ мѣстности—гдѣ водятся скорпіоны, какъ значительная часть ихъ въ скоромъ времени перебирается во вновь отстроенное зданіе. Сакли представляютъ для скорпіоновъ многія удобства: подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца, влага быстро испаряется изъ стѣнъ сакли, глина и грязь, высыхая, сжимаются, вывѣтриваются; по всѣмъ направленіямъ образуются разной величины трещины, щели, дыры и пустоты, постепенно расширяющіяся и удлиняющіяся:—все это готовыя, вполнѣ пригодныя убѣжища для этихъ животныхъ. Кромѣ этого, сакли всегда изобилуютъ разными мелкими суставчатыми, преимущественно двукрылыми, которыхъ скорпіоны могутъ ловить легче и быстрѣе чѣмъ на открытомъ воздухѣ.

Въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ, выстроенныхъ на европейскій манеръ, сѣро-желтые скорпіоны встрѣчаются не такъ часто и не въ такомъ количествѣ; иногда, особенно на сѣверѣ Закавказья, ихъ даже совсѣмъ не встрѣчаютъ тамъ. По большей части скорпіоны не встрѣчаются въ вновь выстроенныхъ большихъ домахъ—такіе дома еще не изобилуютъ разными трещинами и щелями; но черезъ нѣсколько лѣтъ, съ образованіемъ щелей, появляются и скорпіоны. На югѣ Закавказья, напр. въ Эривани, многіе двухъ-этажные дома частенько изобилуютъ скорпіонами, прокладывающими себѣ ходы подъ обоями, между штукатуркою, подъ плинтусами оконъ и дверей; они селятся безразлично, какъ въ первомъ такъ и во второмъ этажахъ. Скорпіоны селятся также и въ пристройкахъ, кладовыхъ, лавкахъ, заброшенныхъ сараяхъ и т. д. Одного говорятъ, они не выносятъ, — это аммоніакальнаго запаха, выдѣляемаго испражненіями скота, поэтому ихъ рѣдко можно найти въ конюшняхъ и сараяхъ, служащихъ зимнимъ помѣщеніемъ домашнихъ животныхъ и даже туземцевъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ Эриванской и Елисаветпольской губерній. Любимыя убѣжища темно-бураго скорпіона тѣ же, что и сѣро-желтаго (впрочемъ, въ двухъ-этажныхъ домахъ онъ не встрѣчается), только съ тою разницею, что черно-бурый скорпіонъ избираетъ болѣе уединенныя убѣжища, изъ которыхъ выходитъ только ночью, такъ что днемъ его не такъ легко найти. Въ нѣкоторыхъ татарскихъ селеніяхъ, а также въ г. Нахичевани онъ водится на туземныхъ кладбищахъ, устраивая себѣ ходы подъ могильными камнями,

чѣмъ и внушаетъ, какъ говорятъ, правовѣрнымъ, благоговѣйный ужасъ [1]). Подобно своему сѣро-желтому собрату, онъ любитъ жить въ разсѣлинахъ и трещинахъ стѣнъ, половъ и крышъ.

По словамъ Вуда, скорпіоны принадлежатъ къ роющимъ норы животнымъ; норы эти роются, какъ онъ увѣряетъ, скорпіонами вездѣ, гдѣ только почва представляетъ удобство для рытья, такъ что въ Индіи, напримѣръ, на небольшомъ пространствѣ случалось находить множество скорпіоновыхъ норъ. Норы эти имѣютъ входы пололунной формы, соотвѣтствующей формѣ самаго животнаго [2]). Желая провѣрить это я тщательно изслѣдывалъ нѣсколько разъ, подходящія мѣстности, гдѣ встрѣчалось много скорпіоновъ и гдѣ могли бы встрѣтиться норы, но никогда, къ сожалѣнію, не находилъ норъ, спеціально устроенныхъ скорпіономъ въ почвѣ. Судя по силѣ ихъ клешней, скорпіоны, безъ сомнѣнія, въ состояніи вырыть нору, даже въ относительно твердой почвѣ, но, по всей вѣроятности, они дѣлаютъ это только при отсутствіи кругомъ какого либо, соотвѣтствующаго ихъ требованіямъ убѣжища. Въ большинствѣ же случаевъ, они предпочитаютъ пользоваться разными готовыми уже убѣжищами, только приспособляя ихъ для своихъ цѣлей. Убѣжища скорпіоновъ бываютъ временныя и постоянныя. Въ теплое время года, скорпіоны, отыскивая для себя кормъ, удаляются иногда довольно далеко отъ своего гнѣзда; если съ наступленіемъ дня, они не успѣютъ возвратиться въ свое гнѣздо, то уже спѣшатъ укрыться въ первое, попавшееся имъ углубленіе или щель, гдѣ и проводятъ весь день до наступленія темноты, когда они возвращаются въ свои гнѣзда. Эти времена убѣжища, занимаемыя животнымъ только на время, вслѣдствіе необходимости, остаются (если не обращаются въ постоянныя) въ томъ же видѣ, въ какомъ были и до появленія въ нихъ скорпіона. Постоянное убѣжище, или гнѣздо скорпіона, уже носитъ на себѣ слѣды ра-

---

[1]) Мнѣ разсказывали, впрочемъ, другое про нѣкоего мусульманина Кирима, обитателя Нахичевани. Этотъ Кяримъ, не въ примѣръ прочимъ правовѣрнымъ, сильно испивалъ, но отсутствіе денегъ не позволяло ему наслаждаться, изобрѣтенною урусомъ-гяуромъ сивухою такъ часто, какъ бы хотѣлось. — И вотъ, чтобы добыть два, три, шаура на выпивку (шауръ — пять копѣекъ), Кяримъ охотно соглашался доставлять любителямъ черныхъ скорпіоновъ и, не стѣсняясь святостью мѣста, частенько нарушалъ покой усопшихъ поклонниковъ пророка. Онъ бродилъ ночью съ фонаремъ по кладбищу, разыскивая скорпіоновъ и приподымая для этого, къ вящему соблазну мусульманъ, могильные камни и плиты. Иногда онъ быстро налавливалъ изрядное количество «кара-ахраповъ», иногда же съ трудомъ находилъ двухъ, трехъ.

[2]) *Вудъ*, Гнѣзда, норы и логовища. Спб. 1867 г. изд. Вольфа, стр. 107.

боты животнаго. Края отверстія гнѣзда бываютъ сглажены, вѣроятно, отъ частаго ползанія скорпіона; самое отверстіе, если это не длинная щель, расширяется, но лишь настолько, чтобы животное могло пролѣзть; отверстіе иногда такъ не велико, что скорпіонъ пролазитъ въ него только благодаря плосковатой формѣ своего тѣла и способности его сжиматься. Отъ входнаго отверстія идетъ болѣе или менѣе длинный каналъ, ведущій въ камеру, или пещеру, въ которой и помѣщается животное.—Эта камера всегда лежитъ выше входнаго отверстія.—Каналъ рѣдко идетъ прямо отъ отверстія, большею частію онъ уклоняется въ бокъ, дѣлая иногда нѣсколько извилинъ;часто этотъ каналъ начинается не тотчасъ отъ наружнаго отверстія, а немного далѣе внутри широкой щели или разсѣлины. Случается, что такая разсѣлина, имѣетъ нѣсколько отверстій, отъ которыхъ идутъ нѣсколько каналовъ, ведущихъ въ другія камеры, также занятыя скорпіонами. Самая камера скорпіона не велика, въ ней хватаетъ мѣста только для одного скорпіона; эти животныя, впрочемъ, всегда живутъ въ одиночку.

Камера содержится довольно чисто, хотя иногда въ ней попадаются крылья и ножки мухъ, надкрылья жуковъ и, наконецъ, шкурки самаго владѣльца, сброшенныя во время линьки.

Жоссе де Беллемъ утверждаетъ, что Scorpio Occitanus, не найдя себѣ какой-нибудь «природной «ямки», ограничивается прорытіемъ простаго неглубокаго желобка, который иногда и выстилаетъ тканью, похожею на паутину [1]). Мнѣ въ Закавказьи ни разу не приходилось находить въ постоянныхъ убѣжищахъ скорпіона какой либо ткани, похожей на паутину. Приподнимая небольшія камни, я находилъ подъ ними скорпіоновъ, свернувшихся въ клубокъ или сидѣвшихъ въ углубленіяхъ, и не вдалекѣ отъ нихъ небольшіе желобки, устланные довольно плотною паутиною; иногда на такой паутинѣ сидѣли и творцы ея—небольшіе сѣренькіе паучки. Едва ли не вѣрнѣе предположить, что усмотрѣнная де Беллемомъ паутина, была произведеніемъ какого нибудь обыкновеннаго паука, котораго скорпіонъ согналъ съ нея, или съѣлъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не было найдено у скорпіоновъ органовъ, производящихъ паутину, и никѣмъ не замѣчено, чтобы скорпіонъ когда либо ткалъ ее.

Всѣ видѣнныя мною гнѣзда скорпіоновъ были расположены въ стѣ-

---

[1]) Сборникъ—«Природа» 1876 года, № 1. Ядъ скорпіоновъ, по ст. Ж. де Беллема, стр. 36.

чѣмъ и внушаетъ, какъ говорятъ, правовѣрнымъ, благоговѣйный ужасъ [1]). Подобно своему сѣро-желтому собрату, онъ любитъ жить въ разсѣлинахъ и трещинахъ стѣнъ, половъ и крышъ.

По словамъ Вуда, скорпіоны принадлежатъ къ роющимъ норы животнымъ; норы эти роются, какъ онъ увѣряетъ, скорпіонами вездѣ, гдѣ только почва представляетъ удобство для рытья, такъ что въ Индіи, напримѣръ, на небольшомъ пространствѣ случалось находить множество скорпіоновыхъ норъ. Норы эти имѣютъ входы пололунной формы, соотвѣтствующей формѣ самаго животнаго [2]). Желая провѣрить это я тщательно изслѣдывалъ нѣсколько разъ, подходящія мѣстности, гдѣ встрѣчалось много скорпіоновъ и гдѣ могли бы встрѣтиться норы, но никогда, къ сожалѣнію, не находилъ норъ, спеціально устроенныхъ скорпіономъ въ почвѣ. Судя по силѣ ихъ клешней, скорпіоны, безъ сомнѣнія, въ состояніи вырыть нору, даже въ относительно твердой почвѣ, но, по всей вѣроятности, они дѣлаютъ это только при отсутствіи кругомъ какого либо, соотвѣтствующаго ихъ требованіямъ убѣжища. Въ большинствѣ же случаевъ, они предпочитаютъ пользоваться разными готовыми уже убѣжищами, только приспособляя ихъ для своихъ цѣлей. Убѣжища скорпіоновъ бываютъ временныя и постоянныя. Въ теплое время года, скорпіоны, отыскивая для себя кормъ, удаляются иногда довольно далеко отъ своего гнѣзда; если съ наступленіемъ дня, они не успѣютъ возвратиться въ свое гнѣздо, то уже спѣшатъ укрыться въ первое, попавшееся имъ углубленіе или щель, гдѣ и проводятъ весь день до наступленія темноты, когда они возвращаются въ свои гнѣзда. Эти времена убѣжища, занимаемыя животнымъ только на время, вслѣдствіе необходимости, остаются (если не обращаются въ постоянныя) въ томъ же видѣ, въ какомъ были и до появленія въ нихъ скорпіона. Постоянное убѣжище, или гнѣздо скорпіона, уже носитъ на себѣ слѣды ра-

---

[1]) Мнѣ разсказывали, впрочемъ, другое про нѣкоего мусульманина Кирима, обитателя Нахичевани. Этотъ Кяримъ, не въ примѣръ прочимъ правовѣрнымъ, сильно испивалъ, но отсутствіе денегъ не позволяло ему наслаждаться, изобрѣтенною урусомъ-гяуромъ сивухою такъ часто, какъ бы хотѣлось. — И вотъ, чтобы добыть два, три, шаура на выпивку (шауръ — пять копѣекъ), Кяримъ охотно соглашался доставлять любителямъ черныхъ скорпіоновъ и, не стѣсняясь святостью мѣста, частенько нарушалъ покой усопшихъ поклонниковъ пророка. Онъ бродилъ ночью съ фонаремъ по кладбищу, разыскивая скорпіоновъ и приподымая для этого, къ вящему соблазну мусульманъ, могильные камни и плиты. Иногда онъ быстро налавливалъ изрядное количество «кара-ахраповъ», иногда же съ трудомъ находилъ двухъ, трехъ.

[2]) Вудъ, Гнѣзда, норы и логовища. Спб. 1867 г. изд. Вольфа, стр. 107.

боты животнаго. Края отверстія гнѣзда бываютъ сглажены, вѣроятно, отъ частаго ползанія скорпіона; самое отверстіе, если это не длинная щель, расширяется, но лишь настолько, чтобы животное могло пролѣзть; отверстіе иногда такъ не велико, что скорпіонъ пролазитъ въ него только благодаря плосковатой формѣ своего тѣла и способности его сжиматься. Отъ входнаго отверстія идетъ болѣе или менѣе длинный каналъ, ведущій въ камеру, или пещеру, въ которой и помѣщается животное.—Эта камера всегда лежитъ выше входнаго отверстія.—Каналъ рѣдко идетъ прямо отъ отверстія, большею частію онъ уклоняется въ бокъ, дѣлая иногда нѣсколько извилинъ;часто этотъ каналъ начинается не тотчасъ отъ наружнаго отверстія, а немного далѣе внутри широкой щели или разсѣлины. Случается, что такая разсѣлина, имѣетъ нѣсколько отверстій, отъ которыхъ идутъ нѣсколько каналовъ, ведущихъ въ другія камеры, также занятыя скорпіонами. Самая камера скорпіона не велика, въ ней хватаетъ мѣста только для одного скорпіона; эти животныя, впрочемъ, всегда живутъ въ одиночку.

Камера содержится довольно чисто, хотя иногда въ ней попадаются крылья и ножки мухъ, надкрылья жуковъ и, наконецъ, шкурки самаго владѣльца, сброшенныя во время линьки.

Жоссе де Беллемъ утверждаетъ, что Scorpio Occitanus, не найдя себѣ какой-нибудь «природной «ямки», ограничивается прорытіемъ простаго неглубокаго желобка, который иногда и выстилаетъ тканью, похожею на паутину [1]). Мнѣ въ Закавказьи ни разу не приходилось находить въ постоянныхъ убѣжищахъ скорпіона какой либо ткани, похожей на паутину. Приподнимая небольшія камни, я находилъ подъ ними скорпіоновъ, свернувшихся въ клубокъ или сидѣвшихъ въ углубленіяхъ, и не вдалекѣ отъ нихъ небольшіе желобки, устланные довольно плотною паутиною; иногда на такой паутинѣ сидѣли и творцы ея—небольшіе сѣренькіе паучки. Едва ли не вѣрнѣе предположить, что усмотрѣнная де Беллемомъ паутина, была произведеніемъ какого нибудь обыкновеннаго паука, котораго скорпіонъ согналъ съ нея, или съѣлъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что до сихъ поръ, если не ошибаюсь, не было найдено у скорпіоновъ органовъ, производящихъ паутину, и никѣмъ не замѣчено, чтобы скорпіонъ когда либо ткалъ ее.

Всѣ видѣнныя мною гнѣзда скорпіоновъ были расположены въ стѣ-

---

[1]) Сборникъ—«Природа» 1876 года, № 1. Ядъ скорпіоновъ, по ст. Ж. де Беллема, стр. 36.

нахъ, земляныхъ крышахъ и фундаментахъ; на открытомъ воздухѣ такихъ гнѣздъ мнѣ не удавалось находить.

Разъ избранное убѣжище скорпіонъ покидаетъ не охотно, только въ виду неминуемой опасности, отсутствія добычи въ окрестностяхъ его, или окончательнаго разрушенія гнѣзда, вслѣдствіе какихъ либо случайныхъ причинъ. Изъ временныхъ убѣжищъ онъ торопится убѣжать при первой тревогѣ, между тѣмъ какъ въ постоянномъ гнѣздѣ онъ при нападеніи только пятится и старается, растопыривъ свои вытянутыя клешни, защищаться. Онъ не оставляетъ гнѣзда даже если его побезпокоютъ нѣсколько разъ; въ этихъ случаяхъ скорпіонъ скрывается въ гнѣздо, долго не выходитъ изъ него, отправляясь на фуражировку только поздней ночью, и то только когда кругомъ его настаетъ полная тишина [1]).

---

[1]) Въ одной изъ комнатъ моей небольшой квартирки въ старомъ, туземной постройки домѣ, была устроена ниша въ капитальной стѣнѣ, если можно назвать капитальною—земляную стѣну такой же толщины какъ и остальныя. Эта ниша изобиловала по всѣмъ ее угламъ небольшими трещинами и щелями. Ничего не подозрѣвая, я помѣстилъ подлѣ нея свою кровать, въ нишѣ приладилъ полку, на которую и ставилъ, ложась въ постель, зажженую свѣчу, читая нѣкоторое время въ постели. Это дѣлалось ежедневно въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, и вѣроятно продолжалось бы и долѣе, если бы однажды я не нарушилъ совершенно случайно своей привычки и, ложась въ постель, не поставилъ бы свѣчи съ другой стороны кровати, при чемъ ниша была только слабо освѣщена. Не успѣлъ я прочесть страницы, какъ услыхалъ сзади себя характеристичный шорохъ, который производятъ скорпіоны при ползаньи по стѣнѣ. Я живо обернулся со свѣчею въ рукахъ и, къ моему глубокому удивленію, увидалъ крупнаго сѣро-желтаго скорпіона, сидѣвшаго въ одной изъ щелей. Онъ сидѣлъ у самаго края щели, такъ что клешни его выставлялись наружу. Нечего и говорить, что такое сосѣдство мнѣ было совсѣмъ не то нутру, я переставить кровать въ противуположный уголъ, а затѣмъ съ пинцетомъ въ рукахъ вернулся, желая изловить скорпіона, но онъ уже скрылся. Болѣе часу поджидалъ я его, но онъ не показывался; время было по зднее и я рѣшился оставить его въ покоѣ до слѣдующаго дня. На другой день въ сумерки я осторожно подкрался къ нишѣ; скорпіонъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, но какъ только я освѣтилъ занимаемую имъ щель, онъ немедленно убѣжалъ въ глубь, и это повторялось нѣсколько дней къ ряду; я, разумѣется, настойчиво старался уничтожить врага, но этотъ послѣдній, вѣроятно умудренный опытомъ, не давался мнѣ какъ кладъ. Однажды мнѣ удалось захватить пинцетомъ одну изъ его клешень, но она схвачена была неловко, и животное успѣло высвободить ее и убѣжать; нѣсколько дней послѣ этого скорпіонъ не показывался. Я уже думалъ, что онъ переселился куда нибудь въ другое мѣсто, но ошибся: дней черезъ пять я увидалъ его тамъ же. Желая, во чтобы то ни стало изловить нахала, я попытался добраться до его гнѣзда, но и это мнѣ не удалось: щель была глубоко въ стѣну, нужно было разломать изрядный кусокъ стѣны, чтобы достать гнѣздо, а этого нельзя было сдѣлать. Къ счастью скорпіона, мнѣ вскорѣ пришлось переселиться въ другую деревню и оставить такимъ образомъ это животное въ покоѣ. Другой скорпіонъ, захваченный мною пинцетомъ въ гнѣздѣ, цѣплялся ногами и клешнями за стѣну, такъ что мнѣ съ *трудомъ* удалось его вытащить.

Иногда, въ отсутствіе хозяина, гнѣздомъ овладѣваетъ другой скорпіонъ; къ немалому гнѣву возвратившагося владѣльца, пришлецъ безъ боя не уступаетъ своей позиціи; бой буквально ведется на жизнь и на смерть и не всегда правый остается побѣдителемъ.

Такъ какъ зданія, обитаемыя человѣкомъ, привлекаютъ скорпіоновъ главнымъ образомъ изобиліемъ встрѣчающихся тамъ разныхъ мелкихъ суставчатыхъ, то, въ случаѣ сильнаго уменьшенія этихъ послѣднихъ по какому нибудь случаю, скорпіоны, не находя себѣ такимъ образомъ достаточной пищи, оставляютъ оказавшееся для нихъ непригоднымъ мѣсто и переселяются на другое. Переселенія эти совершаются ночью и постепенно, число скорпіоновъ мало по малу уменьшается и наконецъ въ зданіи, гдѣ они встрѣчались десятками, не остается ни одного. Мѣстные обыватели разсказывали мнѣ, что знаютъ нѣсколько домовъ, въ которыхъ сначала было много скорпіоновъ, а затѣмъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, эти животныя, неизвѣстно почему совершенно исчезли оттуда. Но въ этомъ случаѣ причина исчезновенія скорпіоновъ скоро выяснилась: сначала въ нихъ жили туземцы, не отличавшіеся любовью къ опрятности и мало обращавшіе вниманіе на массу насѣкомыхъ, гнѣздившихся въ разныхъ частяхъ дома, затѣмъ эти дома были отданы въ наемъ европейцамъ, которые истребляли насѣкомыхъ всячески; кромѣ того, что значительное количество скорпіоновъ было уничтожено, вмѣстѣ съ ними уничтожена была и масса ихъ всегдашней добычи—мелкихъ суставчатыхъ. По всей вѣроятности, оставшіеся въ живыхъ скорпіоны, не находя себѣ достаточнаго количества пищи,—эмигрировали. Впрочемъ, нельзя вполнѣ полагаться на отзывы туземцевъ о присутствіи или отсутствіи въ ихъ домахъ скорпіоновъ: нѣкоторые туземцы сознательно обманываютъ, чтобы не напугать новичка нанимателя, увѣряя, что скорпіоновъ въ ихъ домѣ нѣтъ; другіе проживъ въ своемъ домѣ лѣтъ десять, иногда ни разу ни видятъ у себя скорпіона и добросовѣстно увѣряютъ что ихъ нѣтъ.

Въ неволѣ скорпіоны довольствуются какимъ нибудь защищеннымъ отъ влаги и свѣта помѣщеніемъ, устроеннымъ изъ камней, кусковъ земли и пр. У меня они жили по нѣсколько недѣль въ широкихъ стеклянныхъ банкахъ и стаканахъ.

Только яркій солнечный свѣтъ невыносимъ для скорпіоновъ; свѣтъ луны, зажженной свѣчи или керосиновой лампы, по видимому, совсѣмъ не безпокоятъ ихъ; при такомъ свѣтѣ они преспокойно разгуливаютъ себѣ по разнымъ направленіямъ, а иногда даже бѣгутъ на свѣтъ лампы

или свѣчи, питая основательную надежду найти на освѣщенномъ пространствѣ разныхъ мелкихъ суставчатыхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Закавказья туземные старожилы совѣтуютъ не читать въ постели ночью, при свѣчѣ или лампѣ, потому что скорпіоны, привлекаемые свѣтомъ, вползаютъ на кровать и легко могутъ ужалить не замѣтившаго ихъ чтеца. Не знаю, насколько это справедливо вообще; въ продолженіи моего почти шестилѣтняго житья въ мѣстностяхъ, болѣе или менѣе изобиловавшихъ скорпіонами, я всегда читалъ въ постели подолгу, и не разу не былъ ужаленъ; только однажды утромъ, приподнявъ случайно свою подушку, я нашелъ большаго сѣро-желтаго скорпіона, сидѣвшаго подъ нею. Скорпіонъ, разумѣется, немедленно обратился въ бѣгство, но былъ пойманъ и торжественно положенъ въ спиртъ.

Что скорпіоны любятъ приходить на свѣтъ — это не подлежитъ сомнѣнію; но если подлѣ освѣщеннаго мѣста находятся люди, то скорпіоны держатся въ почтительномъ отдаленіи, подползая ближе только при полнѣйшей тишинѣ. Привычка скорпіоновъ приходить на свѣтъ послужила поводомъ къ одной баснѣ, весьма распространенной въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Закавказья. Увѣряютъ, что скорпіоны любятъ игру на скрипкѣ: стоитъ только заиграть кому нибудь на этомъ инструментѣ, вечеромъ или ночью, какъ немедленно ядоносные меломаны сползаются со всѣхъ сторонъ и, держась не вдалекѣ отъ музыканта, довольно долго слушаютъ музыку. Эту басню передавалъ мнѣ, между прочимъ, одинъ знакомый офицеръ-туземецъ, увѣрявшій, что онъ собственными глазами видѣлъ это неоднократно, бывая у своего товарища, хорошо игравшаго на скрипкѣ.

Но любовь скорпіоновъ къ музыкѣ объяснилась въ данномъ случаѣ очень просто: офицеръ, большой любитель музыки и страстный игрокъ на скрипкѣ, проживалъ, за неимѣніемъ другаго помѣщенія, въ простой туземной саклѣ, изобиловавшей разными насѣкомыми и пауками, въ томъ числѣ и скорпіонами. Въ саклѣ мебели было немного: столъ, два стула и неизбѣжная тахта [1]). Вечеромъ являлись къ офицеру-скрипачу пріятели, и такъ какъ онъ игралъ недурно, то просили его играть и со вниманіемъ слушали музыку. Дѣло было лѣтомъ, окна и двери сакли отворяли настежь, чтобы воспользоваться хоть слабымъ токомъ воз-

[1]) Тахта—общераспространенная туземная мебель. Это широкая, низенькая деревянная скамья, покрытая ковромъ.

духа; въ саклѣ горѣли свѣчи; множество разныхъ насѣкомыхъ, врываясь черезъ окна и двери въ саклю, налетали на горѣвшія свѣчи, обжигались и падали внизъ на столъ, на полъ. Разумѣется, скорпіоны, въ изобиліи водившіеся въ щеляхъ и трещинахъ стѣнъ и потолка сакли, не упускали такого удобнаго случая поживиться легко добытою наживою и привыкнувъ къ звукамъ скрипки подползали весьма близко къ сидѣвшимъ спокойно слушателямъ, за что и прослыли меломанами.

У меня въ кабинетѣ, вечеромъ освѣщаемомъ довольно большою лампою, скорпіоны разгуливали совершенно свободно по полу (ихъ было впрочемъ очень мало), но только когда въ комнатѣ было тихо; при малѣйшемъ движеніи моемъ скорпіоны тотчасъ обращались въ поспѣшное бѣгство.

Ночью, во время яркаго луннаго свѣта, можно видѣть скорпіоновъ ползающихъ по карнизамъ сакль, кровлямъ или просто по камнямъ. За то солнечнаго свѣта они не долюбливаютъ; онъ, по видимому, сильно дѣйствуетъ на ихъ нервную систему: если выставить, находящагося въ банкѣ скорпіона изъ темнаго мѣста на освѣщенное яркимъ солнечнымъ свѣтомъ пространство, то онъ очень скоро начинаетъ судорожно метаться въ разныя стороны, стараясь куда нибудь укрыться отъ ненавистныхъ ему лучей; если это ему не удается, то мало по малу энергія его и силы слабѣютъ, прежде приподнятые клешни и хвостъ опускаются книзу, движенія его дѣлаются медленными, вялыми; послѣ нѣсколькихъ слабыхъ уже попытокъ убѣжать или спрятаться, онъ остается неподвижнымъ, съ прижатыми къ брюшку ногами и висящимъ какъ плеть хвостомъ. Если въ такомъ состояніи скорпіона перемѣстить опять въ темный уголъ, то черезъ нѣсколько времени онъ оживаетъ и на другой день держитъ себя бодро; въ противномъ случаѣ, пробывъ подъ яркими лучами солнца два, три часа, скорпіонъ умираетъ [1]). Въ этомъ случаѣ его убиваетъ не теплота солнечныхъ лучей, потому что въ душныхъ сакляхъ туземцевъ, во время лѣтняго зноя, скорпіоны выдерживаютъ гораздо сильнѣйшій жаръ. Въ пасмурные дни скорпіоны легче переносятъ дневной

[1]) Мальчишки въ Желѣзноводскѣ и Пятигорскѣ отлично знаютъ это дѣйствіе солнечныхъ лучей на нѣкоторыхъ сумеречныхъ и ночныхъ насѣкомыхъ. Поймавъ большую Procerus Caucasicus (которую охотно покупаютъ у нихъ туристы, ради ея прелестныхъ сине-зеленыхъ надкрылій), они, чтобы поскорѣе убить это животное, выставляютъ его подъ банками или стаканами на солнце: по прошествіи нѣсколькихъ часовъ животное умираетъ.

свѣтъ. Помѣщая нѣкоторыхъ изъ числа жившихъ у меня скорпіоновъ на окна въ пасмурную погоду, я не замѣчалъ, чтобы они впадали въ оцѣпенѣніе, хотя они при этомъ все-таки теряли живость и сидѣли на одномъ мѣстѣ, почти не двигаясь. Впрочемъ, даже находясь въ темномъ помѣщеніи, мои скорпіоны днемъ почти не двигались, предлагаемой пищи не брали и большею частью спали. Обыкновенно ночныя животныя плохо видятъ днемъ и теряются, очутившись внезапно на яркомъ свѣтѣ; скорпіоны, повидимому, составляютъ въ этомъ случаѣ исключеніе; мнѣ случалось днемъ, поднявъ камень, находить подъ нимъ лежавшаго скорпіона; обезпокоенный внезапно нахлынувшимъ свѣтомъ, онъ сейчасъ же обращался въ бѣгство, но при этомъ никогда не наталкивался на встрѣчавшіяся ему по пути препятствія, напротивъ обходилъ или перелѣзалъ черезъ нихъ; вообще бѣжалъ какъ будто сознательно, и никогда не упускалъ представлявшейся возможности уйти въ первую попавшуюся трещину или щель. Ночью разумѣется скорпіоны видятъ превосходно.

Вскорѣ послѣ захожденія солнца, въ сумеркахъ, при быстро наступающей темнотѣ, скорпіоны оставляютъ свои убѣжища и выходятъ разыскивать кормъ. Пища скорпіоновъ очень разнообразна: разныя насѣкомыя и ихъ гусеницы (я находилъ въ ихъ гнѣздахъ даже надкрылья мягкокрылыхъ жуковъ), небольшіе пауки и дождевые черви — поѣдаются ими безъ разбора. Скорпіоны ловятъ добычу своими сильными клешнями. Если пойманное или преслѣдуемое животное не обладаетъ достаточною силою и не сопротивляется, то скорпіоны съѣдаютъ его заживо; въ противномъ случаѣ они предварительно убиваютъ его своимъ ядомъ.

Небольшую добычу скорпіонъ схвативъ клешнями, приподымаетъ немного выше головы и поражаетъ ее жаломъ, загибая хвостъ надъ головою; болѣе крупныхъ суставчатыхъ: Dectucus, Mantis, Friganea и др., которыя ему не подъ силу приподнять къ верху, онъ или жалитъ ударяя хвостомъ по нимъ сверху внизъ, или же охватывая хвостомъ пойманное животное и нанося уколъ снизу вверхъ.

Нѣкоторые натуралисты увѣряютъ, что скорпіоны жалятъ всегда, всякую добычу, прежде чѣмъ начинаютъ ее ѣсть. Это едва ли вполнѣ вѣрно. Сколько я могъ замѣтить, скорпіоны Закавказья жалятъ только энергически сопротивляющуюся имъ, сильную и крупную добычу. Мнѣ удалось всего два раза присутствовать при охотѣ скорпіона за насѣкомыми. Однажды вечеромъ, при свѣтѣ горѣвшей у меня въ каби-

нетѣ лампы, я замѣтилъ на дальней полуосвѣщенной стѣнѣ комнаты скорпіона, ползущаго вверхъ. Сначала онъ подвигался довольно медленно, какъ бы въ нерѣшительности, часто останавливался, поворачивался въ разныя стороны, видимо высматривая добычу. Его клешни были полураскрыты и немного выставлены впередъ, хвостъ слабо приподнятъ и загнутъ надъ послѣднимъ суставомъ брюшка. На стѣнѣ, въ разныхъ мѣстахъ, сидѣло нѣсколько мухъ и поденокъ, на далекомъ одна отъ другой разстояніи, и скорпіонъ вѣроятно не видалъ ихъ. Наконецъ онъ замѣтилъ сидѣвшую вблизи его на стѣнѣ муху и направился къ ней; когда между нимъ и мухою остался небольшой промежутокъ, онъ на мгновеніе пріостановился, прижался къ стѣнѣ и, выждавъ немного, началъ медленно подвигаться къ добычѣ. Еще нѣсколько шаговъ — и муха была бы схвачена, но она во-время разглядѣла опасность и жужжа перелетѣла на противоположную стѣну. Скорпіонъ вновь прижался къ стѣнѣ, нѣкоторое время оставался неподвижнымъ, какъ бы поджидая не вернется ли муха назадъ и затѣмъ побѣжалъ дальше. Скоро онъ замѣтилъ другую муху, къ которой немедленно и направился. Тутъ охота была удачнѣе: скорпіону посчастливилось подойти близко и зазѣвавшаяся жертва была схвачена сзади быстро выдвинутыми впередъ клешнями ловца. Схвативъ муху, скорпіонъ нѣсколько разъ взмахнулъ хвостомъ, немного попятился въ бокъ, вѣроятно принимая болѣе удобную для ѣды позу, затѣмъ поднесъ добычу ко рту и вонзилъ въ нее свои челюсти. Жужжавшая до того муха затихла, хотя и двигала крыльями и ножками. Скорпіонъ опустилъ клешни съ мухою, повременилъ нѣсколько и принялся за ѣду. Пойманная муха еще не была съѣдена, какъ недалеко отъ скорпіона сѣла другая. Эта послѣдняя видимо не подозрѣвала, присутствія врага и безмятежно принялась умываться, поглаживая ножками голову и крылья. Между тѣмъ скорпіонъ бросилъ не доѣденные остатки и началъ подкрадываться къ вновь прилетѣвшей; но ни эта, ни слѣдующая, сидѣвшая подлѣ, не попались прожорливому хищнику въ клешни, а вслѣдъ за тѣмъ я схватилъ его пинцетомъ. Въ другой разъ я видѣлъ, какъ сѣро-желтый скорпіонъ послѣдовательно схватилъ на стѣнѣ двухъ небольшихъ Ephemera и обоихъ съѣлъ. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаяхъ, скорпіонъ начиналъ ѣду, не прибѣгая къ жалу, хотя и билъ хвостомъ по сторонамъ. Сѣро-желтый и темно-бурый скорпіоны, жившіе у меня въ банкахъ, поступали такъ же, когда я кормилъ ихъ небольшими паучками

(сѣнокосцами) и двукрылыми; такъ что мнѣ ни разу не удавалось видѣть, чтобы скорпіоны жалили мелкую и слабую добычу.

Мнѣ кажется, что постоянное ужаленіе всякой схваченной скорпіономъ добычи, едва-ли можетъ имѣть мѣсто уже потому, что оно вовсе не необходимо ему. Скорпіону тогда только нужно предварительно убить пойманное животное, если иначе онъ не въ состояніи одолѣть и спокойно съѣсть его или же рискуетъ, вслѣдствіе энергической защиты жертвы, упустить ее изъ клешень или даже потерпѣть отъ ея укусовъ. Скорпіоны Закавказья рѣдко нападаютъ на крупныхъ и сильныхъ суставчатыхъ; преимущественная добыча ихъ — небольшіе двукрылыя и нѣкоторыя другія, почти всегда средней величины, насѣкомыя и паучки. Такой величины животныя рѣшительно не въ силахъ оказывать серьезнаго сопротивленія скорпіону, даже находясь на свободѣ, а не въ тискахъ его сильныхъ клешней; сила мускуловъ этихъ послѣднихъ настолько велика, что никакому двукрылому или паучку не одолѣть ее. Однажды, во время кормленія скорпіоновъ, я пододвинулъ въ пинцетѣ одному темно-бурому скорпіону небольшаго Oedipoda; скорпіонъ схватилъ его клешнею за голову; когда мнѣ удалось освободить ее изъ клешней, она была положительно скомкана. Гдѣ же какой нибудь мухѣ, поденкѣ или небольшому паучку, сопротивляться такой силѣ? Кстати о паукахъ: нѣкоторые натуралисты утверждаютъ, что пауки составляютъ любимую пищу скорпіоновъ, а такъ какъ пауки эти могутъ сопротивляться энергично и даже нанести опасныя раны скорпіону, то послѣднему и необходимо, будто бы, поймавъ ихъ, предварительне убить ихъ, а затѣмъ уже ѣсть. Прежде всего я сомнѣваюсь, чтобы пауки составляли любимую пищу скорпіоновъ; скорпіоны боятся паутины, избѣгаютъ ея и, слѣдовательно, только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ ловить пауковъ, ткущихъ ее; другіе пауки, ловящіе добычу безъ паутины, слишкомъ проворны, чтобы достаться неуклюжему скорпіону, при томъ во время поисковъ скорпіона за добычею, въ сумеркахъ и ночью, они прячутся большею частью въ такія мѣста, куда скорпіоны не легко забираются, остаются пауки, ведущіе ночной образъ жизни, но число ихъ не велико. Очевидно, ему не приходится часто лакомиться этимъ блюдомъ. Я не замѣчалъ, чтобы жившіе у меня въ неволѣ скорпіоны предпочитали пауковъ другой пищѣ; напротивъ, помнится, они охотнѣе схватывали Ephemera и крупныхъ Culicidae и не трогали пауковъ, во множествѣ попадавшихся у меня въ комнатахъ. Но даже допустивъ *что скорпіонъ* питается небольшими паучками, трудно вѣрить въ воз-

можность причиненія вреда ему паучкомъ, даже обладающимъ сильными челюстями; эти челюсти вѣдь только относительно сильны и паучки едва-ли въ состояніи прокусить наружные покровы тѣла скорпіоне, не только вырваться изъ клешней. Если такіе казусы и бывали, то, вѣроятно очень рѣдко. Во всякомъ случаѣ, предварительное ужаленіе добычи не всегда можетъ гарантировать скорпіону безопасное пользованіе, ею. Для ужаленіи снорпіону все-таки необходимо нѣкоторое время хотя бы и нѣсколько мгновеній, а въ продолженіе ихъ схваченная не ловко жертва легко можетъ укусить схватившаго ее скорпіопа. Очевидцемъ такого случая былъ де-Беллемъ [1]). У него жилъ въ неволѣ *очень большой* скорпіонъ, котораго и кормили мухами; для разнообразія пищи, де-Беллемъ далъ ему *небольшаго садоваго паучка съ горошину*, да послѣ и самъ былъ не радъ. «Онъ живо схватилъ его (паука) и поразилъ въ грудь; но капля крови, выступившая изъ раны, вѣроятно, помѣшала привитію яда (?). Паукъ, находясь въ клешняхъ скорпіона, притворился мертвымъ, какъ вообще эти животныя имѣютъ привычку дѣлать, но въ ту минуту, когда скорпіонъ, обманутый его неподвижностью, подносилъ его ко рту, паукъ быстро вонзилъ свои челюсти въ основаніе клешни скорпіона. Этотъ послѣдній быстро кинулъ его, потомъ опять схватилъ, снова ужалилъ, и на этотъ разъ паукъ палъ окончательно. Но побѣдитель не имѣлъ времени насладиться своею побѣдою: черезъ нѣсколько мгновеній онъ съежился и, видимо, чувствовалъ себя неладно. Часъ спустя онъ лежалъ *на боку* (?); лапки его были *прижаты* къ брюху и конвульсивно подергивались, хвостъ *протянулся* и задняя часть туловища *загнулась* (?). Наконецъ, въ немъ показались признаки оцѣпенѣнія. Это было въ 6 часовъ вечера, и онъ въ такомъ положеніи оставался цѣлую ночь (!)». де-Беллемъ очень боялся лишиться этого скорпіона, но больной на слѣдующее утро оправился, получилъ способность двигаться и, на радостяхъ, вѣроятно, забывъ, что дневной свѣтъ плохо выносится животными его семейства, въ адмиральскій часъ, по завѣренію де-Беллема, «съ большимъ аппетитомъ» позавтракалъ мухою.

Только что приведенный случай, разумѣется, носитъ на себѣ печать исключительности: очень большой скорпіонъ жалитъ паучка съ горошину, а тотъ и не думаетъ умирать, благодаря удивительному выступленію крови изъ ранки, мѣшающему привитію яда; удерживаемый двумя

[1]) «Природа», 1876 г. № 1, «Ядъ скорпіоновъ», стр. 38.

клешнями (если скорпіонъ былъ крупный Scorpio Occitanus, то каждая его клешня порознь больше горошины, а слѣдовательно и паучка ея величины), паучекъ, раненый, прокусываетъ основаніе одной клешни (а клешня такъ тверда, что едва-ли уступитъ укушенію втрое сильнѣйшихъ челюстей). Самъ скорпіонъ, ошеломленный, вѣроятно, этимъ укусомъ, принимаетъ позу, весьма удобную для многихъ больныхъ, только не для него, ибо нужно особое искусство, чтобы при почти плоскомъ, да еще съуженномъ по бокамъ, чѣмъ скорпіона, ухитриться лечь на бокъ, прижавъ ноги къ туловищу и вытянувъ хвостъ.

Какъ бы тамъ ни было, но и разсказъ де-Беллема подтверждаетъ, что предварительное ужаленіе не всегда предоставляетъ тотчасъ добычу во власть скорпіона, а слѣдовательно и не составляетъ условія sine qua non пользованія добычею.

Самый способъ ужаленія скорпіономъ небольшихъ насѣкомыхъ и паучковъ—загибая хвостъ чрезъ голову—вѣроятно, довольно затруднителенъ для животнаго: чтобы жало очутилось надъ головою (иначе не произойдетъ ужаленія), скорпіону необходимо изогнуть не только хвостъ, но и брюшко, и въ такомъ положеніи еще употребить значительную силу, чтобы проколоть иногда довольно плотные покровы тѣла добычи, между тѣмъ принятое имъ въ тотъ моментъ положеніе отчасти парализуетъ развитіе такой силы. Крымскому скорпіону, у котораго хвостъ короче остальнаго туловища, это должно быть особенно трудно.

Скорпіонъ по большей части съѣдаетъ добычу на мѣстѣ поимки, не унося въ гнѣздо, но если его побезпокоитъ что нибудь, то онъ старается укрыться въ какую нибудь щель и убѣгаетъ, не выпуская изъ клешней добычи, если въ состояніи нести ее. Скорпіонъ обыкновенно ѣстъ урывками, всегда поднося пищу ко рту. Укусивъ разъ, два, онъ останавливается, наблюдаетъ ворочающуюся въ его клешняхъ жертву, потомъ вновь принимается сосать или грызть ее. Болѣе твердыя части тѣла, ножки, усики, крылья, роговые покровы тѣла, бросаются ими, остальное съѣдается безъ остатка. Небольшихъ суставчатыхъ во время ѣды скорпіонъ держитъ иногда одною клешнею.

Сѣро-желтый скорпіонъ никогда не употребляетъ въ пищу мертвыхъ или притворяющихся мертвыми животныхъ, какъ настоящій хищникъ, онъ питается только живою добычею. Я нарочно пробовалъ кормить ихъ предварительно убитыми мухами и поденками, но мои скорпіоны даже и не прикасались къ положеннымъ передъ ними трупамъ. Желая заставить ихъ ѣсть мертвыхъ, я въ продолженіе четырехъ дней не

давалъ имъ живаго корма — скорпіоны голодали, но выдержали характеръ и мертвыхъ не ѣли.

Судя по жившимъ у меня въ неволѣ скорпіонамъ, я полагаю, что для насыщенія этихъ животныхъ необходимо довольно значительное число небольшихъ суставчатыхъ. Мои плѣнники, все взрослыя животныя, съѣдали ежедневно до 18 штукъ разныхъ двукрылыхъ; я не ручаюсь впрочемъ, что въ ихъ открытыя стеклянныя помѣщенія не попадало ночью еще нѣсколько штукъ какой нибудь съѣдобной дичи. Такой аппетитъ развивается у скорпіоновъ среди лѣта, во время изобилія разныхъ суставчатыхъ; позднею осенью и раннею весною, когда число насѣкомыхъ значительно меньше, скорпіоны вѣроятно довольствуются и малымъ, оставаясь, безъ особаго вреда для ихъ здоровья, по нѣсколько дней даже совсѣмъ безъ пищи. Скорпіонъ вообще очень выносливое животное: мнѣ привозили темно-бурыхъ скорпіоновъ, пойманныхъ дней за пять до того и посаженныхъ въ коробку отъ спичекъ Въ такомъ неудобномъ помѣщеніи татары везли ихъ верхомъ, иногда верстъ пятьдесятъ и болѣе; привезенныя живыми и здоровыми, эти животныя жили потомъ у меня еще болѣе мѣсяца. Г. Ганинъ, въ своей «Исторіи развитія скорпіона», приводитъ еще болѣе поразительный примѣръ живучести этихъ животныхъ. Взятые имъ на южномъ берегу Крыма, мѣстные скорпіоны были привезены имъ на почтовыхъ въ гор. Харьковъ, и нетолько прожили у него нѣсколько мѣсяцевъ, не получая пищи, но изъ числа ихъ большая часть беременныхъ самокъ родила здоровыхъ и нормально развитыхъ дѣтенышей [1]).

У меня въ неволѣ скорпіоны, даже при аккуратномъ кормленіи (я ихъ кормилъ всегда вечеромъ) выживали не болѣе 2 мѣсяцевъ. Съ наступленіемъ довольно сильныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья холодовъ, обусловливающихъ исчезаніе большинства суставчатыхъ, а слѣдовательно и недостатокъ корма скорпіонамъ, эти послѣдніе на открытыхъ и возвышенныхъ мѣстахъ ранѣе, на низменностяхъ позднѣе, уходятъ въ избранныя ими зимнія убѣжища, гдѣ и впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Въ ноябрѣ съ трудомъ можно отыскать скорпіона подъ камнемъ. Животныя, поселившіяся въ обитаемыхъ зданіяхъ, впадаютъ въ оцѣпенѣніе на весьма короткій срокъ; но вообще число ихъ уже осенью значительно уменьшается, вѣроятно вслѣдствіе смертности, поводомъ къ которой служитъ между прочимъ и голодъ.—Остающіеся въ живыхъ

[1]) М. С. Ганинъ, «Ист. разв. скорп.», Харьковъ, 1867 г.

скорпіоны позднею осенью до спячки тощаютъ и теряютъ живость движеній, цвѣтъ ихъ наружныхъ покрововъ тускнѣетъ.

Въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, я ловилъ у себя въ квартирѣ скорпіоновъ еще въ началѣ декабря, но затѣмъ до конца января мнѣ неудавалось встрѣчать ихъ; они появлялись только въ началѣ февраля, и то изрѣдка, въ небольшомъ числѣ, и преимущественно молодыя животныя.

Погруженный въ оцѣпенѣніе, скорпіонъ лежитъ съежившись на брюшкѣ, клешни его и ноги притиснуты къ тѣлу, хвостъ завороченъ параллельно туловищу и прижатъ къ правому или лѣвому боку его.—Если такого скорпіона взять пинцетомъ за хвостъ и приподнять, то онъ вытягивается во всю длину (даже клешни вытягиваются), но все-таки не показываетъ признаковъ жизни. Принесенный въ теплую комнату, онъ оживаетъ мало по малу, начинаетъ двигаться, бѣгать, даже принимаетъ пищу. Въ это время солнечный свѣтъ по видимому дѣйствуетъ на него слабѣе. Если его опять вынести на холодъ, то онъ быстро обмираетъ, но перемѣщенный въ теплое мѣсто опять оживаетъ. Продолжительность обмиранія или спячки скорпіоновъ на открытомъ воздухѣ также различна, сообразно обитаемой животными мѣстности, и колеблется между 3 и 5 мѣсяцами.—Въ началѣ весны скорпіоны начинаютъ оживать; оживленіе совершается постепенно: въ мартѣ мѣсяцѣ, среди дня, на мѣстахъ, освѣщенныхъ солнцемъ, я находилъ иногда подъ камнями скорпіоновъ, показывавшихъ признаки жизни, даже порывавшихся обратиться въ бѣгство, когда я ихъ безпокоилъ пинцетомъ; осматривая этихъ же животныхъ на другой день рано утромъ, я находилъ ихъ опять въ оцѣпенѣніи. Очевидно, что, нагрѣтые уже довольно жаркими лучами солнца, камни давали возможность, пріютившимся подъ ними, скорпіонамъ ожить, но наступающее затѣмъ къ вечеру охлажденіе температуры, вновь повергало ихъ въ оцѣпенѣніе. Въ концѣ марта и началѣ апрѣля скорпіоны на невысокихъ мѣстахъ и низменностяхъ пробуждаются окончательно и вскорѣ линяютъ. Въ это время и осенью чаще всего попадаются сброшенныя этими животными шкурки разной величины.

Въ апрѣлѣ же, а въ мѣстахъ болѣе холодныхъ—въ началѣ мая, послѣ вскорѣ бывающаго линянія скорпіоновъ, настаетъ для нихъ пора любви, пора частыхъ треволненій, пора безпрерывнаго страха за свою жизнь. Этотъ страхъ вполнѣ основателенъ. — Въ началѣ весны ночи еще довольно прохладны и съ наступленіемъ темноты насѣкомыя *еще прячутся* отъ холода въ разныя укромныя мѣста. Между

тѣмъ скорпіоны, отощавшіе послѣ своего обмиранія, въ это время года почти всегда голодны и бросаются на всякое суставчатое, съ которымъ они только въ состояніи справиться. — Голодъ дѣлаетъ ихъ раздражительными и неразборчивыми на пищу, а при такомъ настроеніи они не стѣсняются нападать на своихъ же собратій и при случаѣ поѣдать ихъ. Лучше было бы имъ въ это время сторонится другъ отъ друга, но неизбѣжный законъ природы влечетъ ихъ, напротивъ, къ сближенію: полуголодный, тощій самецъ, побуждаемый жаждою любви, стремится отыскать себѣ подругу сердца и сталкивается съ другими самцами, преслѣдующими тѣ же цѣли. Между соперниками возникаетъ ожесточенная драка, и благо еще, если одинъ изъ бойцевъ отдѣлается потерянымъ суставомъ клешни, или, уйдя съ боя, не досчитается одной, двухъ ногъ; это вещь поправимая: утерянные въ бою члены скоро возстановляются; большею частью бываетъ гораздо хуже: одолѣвшій врагъ немедленно утилизируетъ свою побѣду и съѣдаетъ побѣжденнаго на мѣстѣ борьбы, хотя послѣ этого недалеко оттуда и самъ иногда умираетъ отъ полученныхъ въ бою ранъ.

Мнѣ никогда не удавалось наблюдать сѣро-желтыхъ скорпіоновъ, во время ихъ любовныхъ похожденій; по словамъ H. Lucas [1]), самцы скорпіоны въ это время подвергаются такой же опасности, какъ и самцы и нѣкоторыхъ другихъ пауковъ. Недостаточно побѣдить, устранить соискателей и приблизиться къ самкѣ — необходимо еще смягчить ея суровость и склонить къ любви; это нужно дѣлать умѣя, иначе предметъ любви ни мало не стѣснится скушать непонравившагося воздыхателя, что, къ сожалѣнію, нерѣдко и случается съ довѣрчивыми волокитами. Преодолѣвъ разныя препятствія и достигнувъ наконецъ осуществленія своихъ стремленій, скорпіонъ-самецъ, подобно самцамъ нѣкоторыхъ видовъ пауковъ, спѣшитъ оставить предметъ своихъ ухаживаній и укрыться отъ него въ какое нибудь безопасное мѣсто, ибо всякое промедленіе или разсѣянность опять-таки можетъ ему стоить жизни; самки скорпіоновъ не затрудняются закончить свой романъ съѣданіемъ своего возлюбленнаго. Впрочемъ, самцу во всякомъ случаѣ остается недолго жить: по большей части къ осени онъ умираетъ, исполнивъ свое назначеніе Если же ему въ настоящій годъ не удалось найти себѣ самку, то онъ живетъ до зимы и затѣмъ впадаетъ въ спячку. Скорпіоны, какъ извѣстно, не несутъ яичекъ,

[1]) H. Lucas, Les Scorpion ides. Dict. univ, de sc. nat. d'Orbigny.

рождаютъ живыхъ дѣтенышей [1]), Молодь появляется разновременно: въ Закавказьи по видимому самки сѣро-желтоватыхъ скорпіоновъ преимущественно производятъ потомство въ августѣ мѣсяцѣ; въ концѣ этого мѣсяца встрѣчается особенно много маленькихъ скорпіоновъ на низменностяхъ. Но, по всей вѣроятности, помет бываетъ также въ апрѣлѣ и маѣ, іюнѣ и іюлѣ, смотря по мѣстности, климату и времени спариванія. Въ продолженіе всего теплаго времени въ Закавказьи можно находить молодыхъ скорпіоновъ разнаго возраста, что указываетъ на разновременность ихъ рожденія. Мнѣ ни разу не случалось находить очень молодыхъ темно-бурыхъ скорпіоновъ, ни беременныхъ самокъ этого вида, такъ что о нихъ ничего не могутъ сказать. Число рождаемыхъ дѣтей бываетъ различно, но сравнительно съ другими пауками не очень велико. Изучая развитіе зародыша скорпіоновъ, г. Ганинъ пришелъ къ заключенію, что оплодотворенныя яички развиваются въ тѣлѣ самокъ разновременно, зародыши достигаютъ зрѣлости постепенно; самка рождаетъ также постепенно. Періодовъ этихъ четыре, число рождаемыхъ дѣтенышей приблизительно одинаково въ каждый періодъ и колеблется между 25 и 32, такъ что каждая самка можетъ родить отъ 100 до 130 штукъ дѣтвы. Въ виду того что, развитіе яйца, а затѣмъ зародыша скорпіоновъ продолжается довольно долго, г. Ганинъ думаетъ, что самка

---

[1]) Не имѣвъ случая наблюдать рожденіе и первые дни жизни молодаго скорпіона, считаю не лишнимъ упомянуть здѣсь объ интересныхъ наблюденіяхъ профессора Ганина надъ крымскимъ скорпіономъ *), въ этомъ отношеніи вѣроятно не отличающимся отъ скорпіона Закавказья. По словамъ г. Ганина, молодое животное выходитъ изъ тѣла матери заключеннымъ въ нѣсколькихъ оболочкахъ. Отъ быстрыхъ сокращеній тѣла и движеній въ разныя стороны, совершаемыхъ молодымъ животнымъ, оболочки лопаются, и маленькій скорпіонъ, оставляя ихъ, спѣшитъ взобраться на тѣло матери, такъ какъ самостоятельно жить онъ еще не можетъ. Въ эту пору жизни онъ даже не вполнѣ похожъ на своихъ родителей; кромѣ нѣкоторыхъ не окончательно развитыхъ органовъ (легочныхъ мѣшковъ, яичниковъ и сѣмянныхъ желѣзъ) животное лишено, характерныхъ взрослымъ скорпіонамъ, возвышеній, отростковъ на наружныхъ покровахъ тѣла и зацѣпокъ на концахъ ногъ; даже не существуетъ еще наружныхъ признаковъ половъ, по которымъ обыкновенно распознаютъ самцовъ и самокъ взрослаго скорпіона.

На тѣлѣ матери молодые скорпіоны остаются довольно долгое время до окончательнаго развитія вышеупомянутыхъ органовъ. Во время пребыванія на тѣлѣ матери, молодое животное не принимаетъ пищи. По прошествіи десяти дней молодые скорпіоны оставляютъ мать, начинаютъ вести самостоятельную жизнь, линяютъ и только тогда, сбросивъ старую кожу, получаютъ окончательное сходство съ радителями, на новой кожѣ ихъ являются возвышенія, зубчики, отростки и зацѣпки на концахъ ногъ.

---

*) М. С. Ганинъ, Ист. раз. скорп.

крымскаго скорпіона можетъ родить только одинъ разъ въ годъ. (Исторія развитія скорпіоновъ М. С. Ганина. Харьковъ„ 1867 г. стр. 8.)

Продолжительность жизни скорпіоновъ Закавказья мнѣ не извѣстна. Судя по тому, что эти животныя растутъ довольно медленно нужно думать, что самки скорпіоновъ живутъ отъ 3 до 4 лѣтъ. Мнѣ случалось находить беременныхъ самокъ оцѣпенѣлыми въ январѣ и февралѣ. Самцы по всей вѣроятности живутъ не болѣе 2, лѣтъ и умираютъ вскорѣ послѣ спариванія; это подтверждается отчасти и тѣмъ, что взрослые старые самцы-скорпіоны рѣдко попадаются въ оцѣпенѣломъ состояніи. Молодые скорпіоны, въ началѣ своей самостоятельной жизни, окружены со всѣхъ сторонъ опасностью.—Даже родная мать опасна для нихъ, ибо родительское чувство развито у скорпіоновъ весьма слабо. Выносивъ извѣстное время на спинѣ дѣтей, самка скорпіона считаетъ выполненными свои родительскія обязанности и какъ только дѣти оставляютъ ея спину, она становится для нихъ чужою, вполнѣ игнорируетъ ихъ, а при случаѣ преспокойно ловитъ и съѣдаетъ ихъ. Если уже мать не задумывается съѣсть свое дѣтище, то объ остальныхъ взрослыхъ скорпіонахъ нечего и говорить, они преслѣдуютъ молодыхъ животныхъ наравнѣ со всякою другою своею добычею.

Вслѣдствіе этого молодые скорпіоны, оставляя тѣло матери и разбѣгаясь въ разныя стороны, всегда держатся на почтительномъ разстояніи отъ взрослыхъ скорпіоновъ, при случайной встрѣчѣ съ ними спасаются поспѣшнымъ бѣгствомъ, и избирая дневное убѣжище, стараются избѣжать опаснаго сосѣдства. Молодыя животныя сначала нѣкоторое время держатся вмѣстѣ по двѣ, три и четыре штуки и въ противоположность старикамъ между собою по видимому ладятъ. Они вмѣстѣ отправляются добывать пищу, вмѣстѣ возвращаются обратно. На югѣ Закавказья мнѣ удавалось находить въ одномъ гнѣздѣ два три молодыхъ животныхъ, мирно помѣщавшихся рядомъ. Однажды, за дверью у себя въ полутемной передней, я нашелъ двухъ молодыхъ скорпіоновъ, сидѣвшихъ близко одинъ возлѣ другаго—оба были самцы около 2 сан. длины.

Молодые скорпіоны линяютъ нѣсколько разъ, пока достигнутъ величины взрослаго животнаго; весною и осенью часто попадаются шкурки скорпіоновъ разныхъ объемовъ и длины, что указываетъ на различный возрастъ линявшихъ. При линяніи наружные покровы лопаются, на верхней части головогруди и вдоль клешней, такъ что сначала освобождается передняя часть тѣла, а потомъ задняя. Выливав-

шее животное отличается болѣе яркимъ цвѣтомъ наружныхъ покрововъ тѣла; кожа его, сначала тонкая, очень нѣжная, твердѣетъ постепенно.

Казалось бы что, при изобиліи пищи и легкости ея добыванія, скорпіоны должны были выростать довольно скоро, между тѣмъ они растутъ медленно: я находилъ въ домахъ, въ февралѣ мѣсяцѣ пробудившихся отъ оцѣпенѣнія молодыхъ особей большаго сѣро-желтаго скорпіона отъ $2^1/_2$ до 4 сен. длины. Молодые скорпіоны гораздо смѣлѣе или лучше сказать, неосторожнѣе старыхъ. Они раньше оставляютъ свои дневныя убѣжища и позже отправляются обратно въ свое гнѣздо. Вслѣдствіе такого запаздыванія, ихъ иногда застигаетъ дневный свѣтъ далеко отъ гнѣзда; тогда, опасаясь продолжать путь, они забираются въ первое попавшееся темное мѣстечко.—Мнѣ часто удавалось находить такую молодежь въ темныхъ углахъ, за дверьми, подъ карнизомъ; напротивъ, старыхъ животныхъ (умѣющихъ уже оріентироваться и распоряжаться временемъ) я никогда не находилъ днемъ внѣ ихъ убѣжищъ.

Какъ молодые, такъ и старые скорпіоны отличные бѣгуны, въ случаѣ необходимости бѣгаютъ скоро и неутомимо; спасаясь отъ преслѣдованія, умѣютъ притомъ отлично пользоваться удобствами мѣстности, быстро скрываясь въ первую попавшуюся щель или трещину. Во время охоты за насѣкомыми, скорпіоны двигаются не только впередъ по прямому направленію (скорпіоны бѣгутъ или ползутъ почти всегда по прямой линіи), но и бокомъ, вправо или влѣво, смотря по надобности; въ случаѣ необходимости, они довольно быстро пятятся задомъ.

Вообще, скорпіоны, не смотря на свою способность быстро бѣгать, не отличаются живостью и подворностью; они любятъ сидѣть подолгу на одномъ мѣстѣ, по временамъ передвигаться на другое и опять сидѣть. Только испугъ, преслѣдованіе убѣгающей добычи во время голода или угрожающая опасность заставляютъ этихъ флегматиковъ забыть свою восточную лѣнь и быстро бѣжать. На бѣгу скорпіонъ держитъ свои клешни немного вытянутыми впередъ и полураскрытыми, туловище его въ это время значительно преподнято на длинныхъ ногахъ, хвостъ слегка загнутъ. Если животное раздражено или испугано, то оно быстро и часто машетъ хвостомъ сверху внизъ, напротивъ, утомленный преслѣдованіемъ или раненый скорпіонъ, спасаясь бѣгствомъ тащитъ хвостъ по землѣ, плетью.

Благодаря своимъ цѣпкимъ ногамъ, скорпіоны легко взбираются на гладкіе предметы, и свободно лазятъ по потолку. Случается при *этомъ*, что они обрываются и падаютъ, но высота паденія не играетъ

для нихъ никакой роли: упадя съ высоты трехъ, четырехъ саженъ въ скорпіонъ тотчасъ же вскакиваетъ и убѣгаетъ. Въ Закавказьи, въ какой нибудь туземной квартирѣ можно, проснувшись ночью, слышать иногда характеристичный шумъ, видимо похожій на шлепанье объ полъ упавшихъ съ потолка таракановъ; почти всегда оказывается, что это скорпіонъ, увлекшись преслѣдованіемъ или дракою, оборвался съ потолка. Густо усаженныя волосками и снабженныя зацѣпками ноги скорпіона затрудняютъ его бѣгство по песку, равно какъ и по вещамъ, сдѣланнымъ изъ шерсти или мѣха, почему скорпіоны и избѣгаютъ ихъ.

Въ виду значительнаго числа рождаемыхъ самкою скорпіона дѣтей, выносливости этихъ животныхъ и ихъ относительно продолжительной жизни, весьма вѣроятно, что, при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, скорпіоны могутъ размножиться до чрезвычайности. Еще Плиній сообщалъ, что обитатели нѣкоторыхъ селеній въ Африкѣ, вслѣдствіе множества скорпіоновъ, встрѣчавшихся тамъ принуждены были бросать свои селенія и переселяться въ другія мѣста. Другой древній писатель, Аристотель, упоминаетъ о персидскихъ владыкахъ, посылавшихъ цѣлыя арміи для истребленія непомѣрно размножившихся скорпіоновъ. Еще и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, какъ передавали мнѣ тамошніе уроженцы, скорпіоновъ чрезвычайно много и они будто бы мучатъ жителей частыми ужаленіями, что, впрочемъ, не вызываетъ командировки цѣлыхъ армій, какъ бывало въ старину. Въ нашемъ, сосѣднемъ съ Персіею, Закавказьи, скорпіоновъ не мало, особенно на низменностяхъ; но нельзя сказать, чтобы они причиняли кому либо чувствительный вредъ. Ихъ даже меньше, чѣмъ можно предполагать, основываясь на ихъ плодовитости.

Большому размноженію скорпіоновъ Закавказья препятствуетъ ежегодная гибель значительнаго числа этихъ животныхъ. Особенно много погибаетъ ихъ преимущественно въ молодомъ возрастѣ, просто отъ климатическихъ условій края. Быстро наступающее весеннее тепло вызываетъ усиленное таяніе снѣговъ; образуемая этимъ таяніемъ, громадная масса воды стремится съ горъ на низменности, частью по старымъ рускамъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ, частью просто по склонамъ горъ, прокладывая себѣ съ ужасною силою и быстротою новые пути; такой потокъ размываетъ почву, подмываетъ камни, громадныя скалы, снося внизъ цѣлые пласты земли, массу камней и скалъ; часто, громадные куски горъ, размытые водою обрушиваются внизъ, увлекая съ собою все встрѣчающееся имъ на дорогѣ: разумѣется при этомъ погибаетъ мно-

шее животное отличается болѣе яркимъ цвѣтомъ наружныхъ покрововъ тѣла; кожа его, сначала тонкая, очень нѣжная, твердѣетъ постепенно.

Казалось бы что, при изобиліи пищи и легкости ея добыванія, скорпіоны должны были выростать довольно скоро, между тѣмъ они растутъ медленно: я находилъ въ домахъ, въ февралѣ мѣсяцѣ пробудившихся отъ оцѣпенѣнія молодыхъ особей большаго сѣро-желтаго скорпіона отъ $2^1/_2$ до 4 сен. длины. Молодые скорпіоны гораздо смѣлѣе или лучше сказать, неосторожнѣе старыхъ. Они раньше оставляютъ свои дневныя убѣжища и позже отправляются обратно въ свое гнѣздо. Вслѣдствіе такого запаздыванія, ихъ иногда застигаетъ дневный свѣтъ далеко отъ гнѣзда; тогда, опасаясь продолжать путь, они забираются въ первое попавшееся темное мѣстечко.—Мнѣ часто удавалось находить такую молодежь въ темныхъ углахъ, за дверьми, подъ карнизомъ; напротивъ, старыхъ животныхъ (умѣющихъ уже оріентироваться и распоряжаться временемъ) я никогда не находилъ днемъ внѣ ихъ убѣжищъ.

Какъ молодые, такъ и старые скорпіоны отличные бѣгуны, въ случаѣ необходимости бѣгаютъ скоро и неутомимо; спасаясь отъ преслѣдованія, умѣютъ притомъ отлично пользоваться удобствами мѣстности, быстро скрываясь въ первую попавшуюся щель или трещину. Во время охоты за насѣкомыми, скорпіоны двигаются не только впередъ по прямому направленію (скорпіоны бѣгутъ или ползутъ почти всегда по прямой линіи), но и бокомъ, вправо или влѣво, смотря по надобности; въ случаѣ необходимости, они довольно быстро пятятся задомъ.

Вообще, скорпіоны, не смотря на свою способность быстро бѣгать, не отличаются живостью и подворностью; они любятъ сидѣть подолгу на одномъ мѣстѣ, по временамъ передвигаться на другое и опять сидѣть. Только испугъ, преслѣдованіе убѣгающей добычи во время голода или угрожающая опасность заставляютъ этихъ флегматиковъ забыть свою восточную лѣнь и быстро бѣжать. На бѣгу скорпіонъ держитъ свои клешни немного вытянутыми впередъ и полураскрытыми, туловище его въ это время значительно преподнято на длинныхъ ногахъ, хвостъ слегка загнутъ. Если животное раздражено или испугано, то оно быстро и часто машетъ хвостомъ сверху внизъ, напротивъ, утомленный преслѣдованіемъ или раненый скорпіонъ, спасаясь бѣгствомъ тащитъ хвостъ по землѣ, плетью.

Благодаря своимъ цѣпкимъ ногамъ, скорпіоны легко взбираются на гладкіе предметы, и свободно лазятъ по потолку. Случается при этомъ, что они обрываются и падаютъ, но высота паденія не играетъ

для нихъ никакой роли: упадя съ высоты трехъ, четырехъ саженъ въ скорпіонъ тотчасъ же вскакиваетъ и убѣгаетъ. Въ Закавказьи, въ какой нибудь туземной квартирѣ можно, проснувшись ночью, слышать иногда характеристичный шумъ, видимо похожій на шлепанье объ полъ упавшихъ съ потолка таракановъ; почти всегда оказывается, что это скорпіонъ, увлекшись преслѣдованіемъ или дракою, оборвался съ потолка. Густо усаженныя волосками и снабженныя зацѣпками ноги скорпіона затрудняютъ его бѣгство по песку, равно какъ и по вещамъ, сдѣланнымъ изъ шерсти или мѣха, почему скорпіоны и избѣгаютъ ихъ.

Въ виду значительнаго числа рождаемыхъ самкою скорпіона дѣтей, выносливости этихъ животныхъ и ихъ относительно продолжительной жизни, весьма вѣроятно, что, при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, скорпіоны могутъ размножиться до чрезвычайности. Еще Плиній сообщалъ, что обитатели нѣкоторыхъ селеній въ Африкѣ, вслѣдствіе множества скорпіоновъ, встрѣчавшихся тамъ принуждены были бросать свои селенія и переселяться въ другія мѣста. Другой древній писатель, Аристотель, упоминаетъ о персидскихъ владыкахъ, посылавшихъ цѣлыя арміи для истребленія непомѣрно размножившихся скорпіоновъ. Еще и въ настоящее время въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, какъ передавали мнѣ тамошніе уроженцы, скорпіоновъ чрезвычайно много и они будто бы мучатъ жителей частыми ужаленіями, что, впрочемъ, не вызываетъ командировки цѣлыхъ армій, какъ бывало въ старину. Въ нашемъ, сосѣднемъ съ Персіею, Закавказьи, скорпіоновъ не мало, особенно на низменностяхъ; но нельзя сказать, чтобы они причиняли кому либо чувствительный вредъ. Ихъ даже меньше, чѣмъ можно предполагать, основываясь на ихъ плодовитости.

Большому размноженію скорпіоновъ Закавказья препятствуетъ ежегодная гибель значительнаго числа этихъ животныхъ. Особенно много погибаетъ ихъ преимущественно въ молодомъ возрастѣ, просто отъ климатическихъ условій края. Быстро наступающее весеннее тепло вызываетъ усиленное таяніе снѣговъ; образуемая этимъ таяніемъ, громадная масса воды стремится съ горъ на низменности, частью по старымъ рускамъ горныхъ рѣкъ и ручьевъ, частью просто по склонамъ горъ, прокладывая себѣ съ ужасною силою и быстротою новые пути; такой потокъ размываетъ почву, подмываетъ камни, громадныя скалы, снося внизъ цѣлые пласты земли, массу камней и скалъ; часто, громадные куски горъ, размытые водою обрушиваются внизъ, увлекая съ собою все встрѣчающееся имъ на дорогѣ: разумѣется при этомъ погибаетъ мно-

жество живыхъ существъ, въ томъ числѣ и скорпіоновъ, гнѣздившихся въ пластахъ земли, подъ камнями или въ трещинахъ скалъ. Не мало скорпіоновъ истребляется: разливами рѣкъ и озеръ, выступающихъ изъ береговъ, сильными ливнями, заливающими этихъ животныхъ въ ихъ гнѣздахъ или увлекающими ихъ оттуда. Довольно сильные холода, наступающіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья, холода, отъ которыхъ иногда чуть не до половины замерзаютъ такія быстро текущія горныя рѣки, какъ напр. Араксъ въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, тоже очень вредятъ нашимъ животнымъ. Скорпіоны, поселившіеся въ обитаемыхъ зданіяхъ, болѣе гарантированы отъ всѣхъ вышепоименованныхъ бѣдствій, чѣмъ живущіе на открытомъ воздухѣ, но по временамъ также гибнутъ въ множествѣ, ибо постройки туземцевъ, въ особенности ихъ сакли и сараи, любимыя мѣстопребыванія скорпіоновъ, сдѣланы почти всегда на живую нитку и не могутъ похвастать долговѣчностью: сильный ливень, ураганъ, землетрясеніе, потоки съ горъ нерѣдко разрушаютъ ихъ стѣны, разваливаютъ или даже разбрасываютъ цѣлыя зданія. При всѣхъ такихъ случаяхъ, если притомъ это случается днемъ, скорпіоны вполнѣ беззащитны и гибель ихъ почти всегда неизбѣжна.

Относительно враговъ изъ животнаго царства скорпіоны гораздо счастливѣе. Благодаря ихъ уединенной жизни и страшному оружію—ядоносному хвосту, враговъ у нихъ, болѣе или менѣе опасныхъ, не много, да и тѣ, собственно говоря, случайные враги. Въ Закавказьи я не знаю ни одного животнаго, которое бы употребляло въ пищу скорпіоновъ или бы убивало бы ихъ изъ злобы систематически. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ натуралистовъ, А. Д. С-ій, изъѣздившій Крымъ неоднократно вдоль и поперегъ, съ естественно-исторической цѣлью, сообщалъ мнѣ, что крымскіе татары (къ слову сказать,—необращающіе почти вниманія на мѣстнаго скорпіона) разсказывали ему о какомъ-то встрѣчающимся на южномъ берегу Крыма бѣломъ сверчкѣ, поѣдающемъ мѣстныхъ скорпіоновъ. По словамъ очевидцевъ, этотъ сверчекъ смертельный врагъ скорпіона и, завидя его, тотчасъ бросается на него, откусываетъ ядоносный суставъ хвоста и затѣмъ съѣдаетъ обезоруженнаго противника. Къ сожалѣнію, разсказчики не могли описать сколько нибудь понятно наружность этого животнаго. Въ Закавказьи мнѣ не удавалось встрѣчать подобнаго сверчка.

Самые ужасные, неумолимые враги скорпіоновъ—это ихъ же собратія; *по всей вѣроятности* значительное количество скорпіоновъ гибнетъ отъ

скорпіоновъ же: взрослые скорпіоны поѣдаютъ частенько молодыхъ, самки—самцовъ; стоитъ только встрѣтиться, въ тѣсномъ мѣстѣ по преимуществу, двумя животными—драка почти не минуема и почти всегда имѣетъ смертельный исходъ, если не для обоихъ бойцовъ, то для котораго нибудь изъ нихъ.

Однажды, на энтомологической экскурсіи, приподнявъ довольно крупный камень, я увидалъ подъ нимъ, какъ мнѣ сначала показалось, довольно длинную и толстую буроватую гусеницу, судорожно извивавшуюся на одномъ мѣстѣ. Когда я наклонился ниже, чтобы разсмотрѣть лучше свою находку, оказалось, что мнимая гусеница былъ крупный сѣро-желтый скорпіонъ, покрытый множествомъ маленькихъ, коричневыхъ муравьевъ, буквально,—массами облѣпившихъ его вытянутое тѣло. Обезсиленный вѣроятно множествомъ энергичныхъ укусовъ своихъ маленькихъ непріятелей, скорпіонъ уже умиралъ, судорожно корчился въ медленной агоніи. Нужно полагать, что скорпіонъ былъ слабъ отъ старости или болѣзни, что не ускользнуло отъ вниманія случайно забравшагося подъ камень муравья; вернуться въ муравейникъ, дать знать сожителямъ о находкѣ и привести ихъ цѣлыми полчищами, для совмѣстнаго нападенія, было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, и больной скорпіонъ погибъ. Впрочемъ, противъ дружнаго натиска такой храброй, отлично дисциплинированной, арміи кровожадныхъ пигмеевъ пожалуй и здоровый скорпіонъ ничего бы не подѣлалъ. Я засталъ уже конецъ битвы: кругомъ, подлѣ скорпіона, валялись десятки убитыхъ или умиравшихъ муравьевъ (часть арміи, впрочемъ, безпрерывно уносила трупы товарищей); въ сжатыхъ клешняхъ скорпіона было ихъ по нѣсколько штукъ, безъ сомнѣнія число раненыхъ, уже удалившихся или унесенныхъ съ поля битвы, было также велико; но что значила эта потеря, въ виду массъ нападавшихъ враговъ, постоянно пребывавшихъ новыхъ подкрѣпленій и стойкости бойцовъ? Не обращая вниманія на смерть товарищей (даже въ агоніи скорпіонъ давилъ нѣкоторыхъ муравьевъ клешнями), они продолжали свое дѣло, бросались на скорпіона и вцѣпившись въ него своими маленькими, но крѣпкими челюстями, наносили ему, почти микроскопическія, но по количеству весьма опасныя, раны. Мало того, пока часть муравьевъ облѣпила скорпіона и неутомимо кусала его, другая, успѣвъ прогрызть скорпіону брюшко, откусывала небольшіе кусочки мяса и унесла ихъ съ мѣста боя. Добыча еще была жива, двигалась, а побѣдители уже лакомились добытымъ изъ нея ростбифомъ.

Такимъ образомъ, муравьевъ также нужно считать врагами скорпіоновъ, хотя, разумѣется, больше случайными,—такъ какъ муравьи рѣдко добираются до убѣжищъ скорпіоновъ, къ тому же они сидятъ уже въ своихъ гнѣздахъ въ то время, когда скорпіоны выходятъ изъ своихъ убѣжищъ.

Фаланга [1]) (Galeodes—Бихорха) могла бы быть болѣе опаснымъ

---

[1]) Фаланга, подобно скорпіону, принадлежитъ къ числу пауковъ, дышащихъ легкими. Въ противуположность скорпіону, фаланга выглядитъ вполнѣ паукомъ, ея членистая головогрудь явственно раздѣлена на двѣ части: переднюю, довольно толстую и выпуклую, изаднюю—почти плоскую, почти въ 2½ раза превосходящую длиною переднюю. Эта послѣдняя на верхней своей части снабжена двумя глазами; впереди нея расположены четыре зубчатыя, роговыя челюсти, весьма подвижныя, на концахъ очень острыя и снабженныя на внутренней своей поверхности небольшими желобками, по которымъ стекаетъ ядъ, выдѣляемый черезъ четыре отверстія особыми желѣзами. Ниже этихъ челюстей, рядомъ съ основаніемъ переднихъ ногъ, находится мѣсто прикрѣпленія двухъ длинныхъ, довольно толстыхъ членистыхъ щупалецъ, весьма похожихъ на ноги животнаго, только безъ зацѣпокъ. Щупальца эти, служа животному органомъ осязанія, вмѣстѣ съ тѣмъ употребляются имъ для схватыванія и задерживанія добычи. На нижней сторонѣ задней части головогруди прикрѣплены восемь длинныхъ членистыхъ ногъ (самыя длинныя—заднія, самыя короткія — вторыя, считая отъ головы), вооруженныхъ каждая парою зацѣпокъ. Продолговатое, не очень объемистое брюшко, немного выпукло сверху и покрыто довольно длинными густыми волосами; вообще, все тѣло животнаго покрыто тонкими, разной длины волосками свѣтло-бураго, даже желтаго цвѣта; гуще усажены волосами: основанія челюстей, послѣдніе суставы ногъ, а также нижняя сторона головогруди и ляжки ногъ, покрытыхъ (исключая сочлененій) короткими и блестящими волосами; болѣе длинные волоса встрѣчаются на щупальцахъ, усаженныхъ, кромѣ того, рѣдкими шипиками, и на ногахъ. Въ спокойномъ состояніи фаланга немного съеживается, брюшко ея держится въ горизонтальномъ положеніи, щупальца опущены внизъ, челюсти сжаты, волоса почти прилегаютъ къ тѣлу. Если же животное раздражено, то фигура его преображается,—это уже не смирный, большой паукъ, какимъ онъ казался сначала: весь корпусъ тѣла приподнимается на вытянутыхъ ногахъ, брюшко загнуто слегка къ спинѣ, щупальцы сильно приподняты, выдвинуты немного впередъ и на концахъ загнуты; 4 челюсти также широко раскрыты; волоса на тѣлѣ взъерошены; все тѣло животнаго мѣрно покачивается съ одного бока на другой, по временамъ, какъ будто вздрагиваетъ. Если притомъ принять во вниманіе, что фаланга на югѣ Закавказья бываетъ иногда болѣе вершка длины, то станетъ понятнымъ тотъ сильный страхъ, который внушаетъ большинству туземцевъ встрѣча съ этимъ «мохнатымъ чудовищемъ». Фаланги туземцы боятся гораздо болѣе чѣмъ скорпіоновъ и при встрѣчахъ съ нею всегда стараются убить ненавистное животное. Разумѣется, сказаній о фалангахъ, изобилующихъ всевозможными ужасами, много, и всѣ они, по справедливости, принадлежатъ къ категоріи чистѣйшихъ вымысловъ, но, тѣмъ не менѣе, фалангу нельзя не считать самымъ вреднымъ и опаснымъ изъ числа суставчатыхъ Закавказья.

Фаланга скорѣе сумеречное, чѣмъ дневное животное, хотя ее можно встрѣтить и днемъ, особенно въ пасмурную погоду. Чаще всего она попадается рано утромъ, до наступленія солнцепёка, и вечеромъ, тотчасъ по захожденіи солнца. Въ это время она оставляетъ свои убѣжища (кучи камней, щебня, *трещины въ* скалахъ или вообще въ твердомъ грунтѣ) и быстро бѣгаетъ по

врагомъ скорпіона, но они также не часто встрѣчаются другъ съ другомъ.

Въ Закавказьи нѣкоторые любители, преимущественно русскіе, устраиваютъ иногда единоборства между фалангами и скорпіонами (сѣро-желтыми). Въ такомъ бою большею частью побѣждаетъ фаланга. Оно и естественно: фаланга, при почти одинаковой ядовитости, гораздо свирѣпѣе,

---

разнымъ направленіямъ, отыскивая себѣ добычу, при этомъ она ловко перепрыгиваетъ встрѣчающіеся ей на пути камни, небольшіе ровчики, ложбинки. Замѣтивъ подходящую добычу, фаланга подкрадывается къ ней на извѣстное разстояніе, вдругъ вся съеживается и, затѣмъ, быстро прыгаетъ на нее; если ей удается схватить своими длинными мохнатыми щупалами добычу, то она немедленно вонзаетъ въ нее свои острыя, немного загнутыя внутри челюсти. Прыжки, дѣлаемые фалангами, иногда очень велики (болѣе аршина), но почти всегда расчитаны навѣрняка, такъ что промахи рѣдки; на добычу она всегда нападаетъ сзади или сбоку; предварительно умерщвленная, добыча обыкновенно съѣдается на мѣстѣ поимки. На зарѣ, или съ наступленіемъ глубокой ночи, фаланга прячется въ свои любимыя мѣста—подъ камни, подъ сваленное дерево, или въ норки.

Это очень храброе животное; оно не только преслѣдуетъ разныхъ суставчатыхъ, не щады и своихъ родичей, но, какъ утверждаютъ туземцы, часто нападаетъ на небольшихъ ящерицъ, лягушекъ и мышей; одинъ туземецъ сообщилъ мнѣ, что, однажды, въ небольшемъ каменистомъ ущельи, поросшемъ жиденькою травой, онъ набрелъ на фалангу, которая грызла молодую, едва оперившуюся перепелку. Взрослая, здоровая фаланга, на свободѣ (въ полѣ или на лугу), не отступитъ даже передъ напавшимъ на нее человѣкомъ. Если, тронуть ее кончикомъ сапога или палки, она быстро настораживается, принимаетъ вышеописанную позу и мѣрно покачиваясь ожидаетъ новаго нападенія. Сила мускуловъ, управляющихъ движеніемъ ея страшныхъ челюстей, сравнительно, очень велика: если притронуться къ ней палочкою, то она схватывается за нее челюстями и не выпускаетъ ее, позволяя приподнять себя на воздухъ; если фаланга вцѣпится во что нибудь, то ее чрезвычайно трудно оторвать, чаще всего туловище отрывается, а голова съ стиснутыми челюстями продолжаетъ висѣть. Фаланга легко прокусываетъ не очень толстую кожу, сукно и бумажную ткань; довольно твердое дерево она грызетъ, оставляя на немъ глубокія борозды. Будучи зла, раздражительна и недовѣрчива, фаланга видитъ въ каждомъ приближающемся къ ней животномъ своего врага и часто, не дожидая нападенія, первая бросается на него. Домашній скотъ и лошади, бродя на пастбищахъ и ночуя на открытомъ воздухѣ, довольно часто подвергаются ея укусамъ. При этомъ фаланга не ограничивается однимъ укусомъ, она почти всегда кусаетъ нѣсколько разъ, вонзая глубоко въ тѣло свои острыя челюсти. Укушенное мѣсто обыкновенно тотчасъ пухнетъ, опухоль иногда распространяется концентрически на значительное пространство; животное теряетъ аппетитъ, слабѣетъ, еле передвигается съ мѣста на мѣсто или лежитъ, почти не двигаясь, по нѣсколько часовъ, глаза его мутнѣютъ, нерѣдко изо-рта течетъ слизь или сѣроватая пѣна; если укушеніе послѣдовало въ жаркое время, днемъ, то животное страдаетъ болѣе, его даже по временамъ корчитъ и судорожно подергиваетъ. Молодые телята и жеребята, также какъ и собаки, укушенные фалангою, говорятъ, иногда издыхаютъ, взрослые ограничиваются болѣе или менѣе продолжительною болѣзнью. Какъ кажется мѣстныя овцы и козы, въ особенности эти послѣднія, не подвергаются нападеніямъ фаланги; извѣстный, характерный запахъ ихъ гарантируетъ отъ укуса фаланги, которая не терпитъ его; сами овцы и козы охотно ловятъ встрѣчающихся имъ

проворнѣе, а главное—храбрѣе своего родственника. Пока скорпіонъ соберется съ силами, чтобы схватить клешнями и ужалить врага, тотъ успѣваетъ два, три раза укусить его. За то ядъ скорпіона повидимому сильнѣе яда фаланги; укушенный ею скорпіонъ живетъ дольше ужаленной имъ фаланги. Желая лично провѣрить силу обоихъ враговъ и убѣдиться чья возьметъ, я нѣсколько разъ собирался устроить между ними поединокъ, но это долго не удавалось мнѣ—то фаланги не случалось поймать, то скорпіона. Наконецъ, однажды среди лѣта, въ мой кабинетъ забѣжала довольно крупная фаланга, которая немедленно и была поймана мною; пара сѣро-желтыхъ скорпіоновъ уже давно проживали у меня въ банкѣ. Мѣстомъ поединка послужилъ большой туземный тазъ, изъ литой мѣди, усыпанный небольшимъ слоемъ песку; для того, чтобы фаланга не вздумала сдѣлать одинъ изъ своихъ обыкновенныхъ прыжковъ въ четыре или пять вершковъ вышины и удрать изъ таза, я обвязалъ ее концомъ толстой нитки между брюшкомъ и головогрудью—другой конецъ нитки былъ у меня въ рукахъ. Сначала посаженныя въ тазъ животныя казалось не обращали вниманія другъ на друга: фаланга дѣлала прыжки, стараясь убѣжать изъ таза; скорпіонъ въ свою очередь, карабкался на стѣнки таза, помогая себѣ при этомъ своимъ согнутымъ хвостомъ, на который онъ опирался, принимая почти вертикальное положеніе. Послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ

фалангъ и пожираютъ ихъ не безъ удовольствія, какъ передавали мнѣ туземные пастухи курды. Кошки, въ этомъ я лично убѣждался, ловятъ и душатъ фалангъ, укусы которыхъ, повидимому, не причиняютъ имъ ни малѣйшаго вреда.

Отыскивая себѣ добычу, фаланги смѣло отправляются въ сакли и дома туземцевъ, ихъ палатки и землянки; тамъ, не стѣсняясь присутствіемъ людей, свѣтомъ свѣчъ, лампъ или ночниковъ, онѣ разгуливаютъ по стѣнамъ, по полу, вскакиваютъ на окна, столы, стулья и кровати. Впрочемъ, въ домахъ они все-таки не такъ смѣлы и чаще обращаются въ бѣгство. На югѣ Закавказья фалангъ очень много, ихъ можно встрѣтить въ садахъ, огородахъ и на поляхъ: нѣкоторыя горныя ущелья, поросшія жиденькими кустиками и чахлою травкою, изобилуютъ ими, но больше всего ихъ попадается на низменностяхъ, въ особенности на поросшихъ невысокимъ камышемъ и осокою потныхъ лугахъ; въ горахъ выше 1,500 ф. абсолютной высоты ихъ уже не встрѣчаются.

Не смотря на обширное распространеніе и мѣстами значительнаго количества особей, фаланги не особенно часто кусаютъ людей. Вѣрныхъ свѣдѣній о дѣйствіи ихъ яда на человѣка, о характерѣ болѣзни отъ ихъ укуса—я не могъ добыть. Изъ числа укушенныхъ одни (туземцы) увѣряли, что укусъ фаланги влечетъ за собою такія же боли, какъ и ужаленіе чернаго скорпіона, только сильнѣе и продолжительнѣе; другіе (казаки) находили, что «оно точно, болитъ порядкомъ, да не долго». О смертельномъ исходѣ не было и рѣчи.

животныя, видимо утомившись, поуспокоились (они помѣщались на противоположныхъ сторонахъ таза). Воспользовавшись благопріятною минутою, я схватилъ скорпіона за хвостъ и бросилъ его на фалангу, она быстро отскочила-было въ сторону, но въ ту же минуту повернулась къ скорпіону и, бросившись однимъ прыжкомъ на него, вонзила ему въ брюшко свои страшныя челюсти. Затѣмъ она вновь отскочила немного въ бокъ и насторожилась, принявъ свою характеристичную воинственную позу. Прошло нѣсколько мгновеній. Скорпіонъ остался на мѣстѣ, какъ пригвожденный. Фаланга очевидно ждала отпора, но скорпіонъ и не думалъ о немъ; не до того ему было! Раненый смертельно, онъ, посидѣвъ нѣсколько мгновеній, обратился въ бѣгство, но пробѣжавъ немного, остановился, привсталъ на всѣхъ своихъ восьми ногахъ, упалъ и, приподнявшись, медленно поползъ прочь, таща за собою опущенный хвостъ. Я поспѣшилъ вынуть его и бросилъ въ тазъ другого скорпіона. Этотъ послѣдній также пустился бѣжать, стараясь вылѣзть изъ таза, но разозлившаяся фаланга слѣдила за всѣми его движеніями; когда скорпіонъ поравнялся съ нею, она кинулась на него и въ одно мгновеніе откусила ему клешню, быстро увернувшись отъ его жала. И этотъ скорпіонъ, волоча остатокъ клешни, думалъ-было уйти; фаланга бросилась за нимъ въ догонку и еще два раза укусила; каждый разъ она прыгала на скорпіона и укусивъ его отскакивала въ сторону. Скорпіонъ нѣсколько разъ тщетно пытался ужалить ее, послѣ послѣдняго укуса фаланги, съ нимъ начались корчи; я отдернулъ фалангу, порывавшуюся вновь укусить его и посадилъ ее въ особую банку. Когда я вернулся къ тазу, то находившійся тамъ второй скорпіонъ былъ уже мертвъ,—первый же еще жилъ, хотя и лежалъ уже на спинѣ, какъ бы въ паралитическомъ состояніи; чрезъ нѣсколько времени и онъ умеръ. Я забылъ сказать, что первый скорпіонъ былъ взрослымъ крупнымъ животнымъ, второй же, гораздо меньшій, къ тому же былъ молодъ. Нѣсколько разъ потомъ я присутствовалъ на такихъ бояхъ фаланги съ скорпіономъ, всегда побѣждала фаланга, непремѣнно нападавшая первая; только однажды побѣда выпала на долю скорпіона: фаланга бросилась на него и схватила его за переднюю часть клешни; скорпіонъ быстро изогнулся, и обхвативъ хвостомъ фалангу ужалилъ ее въ брюшко съ боку. Фаланга отскочила по обыкновенію и не смотря на рану, бросилась опять на скорпіона, даже успѣла укусить его, но затѣмъ тотчасъ свалилась, подергала ножками, вытянулась и скоро издохла. Побѣдитель скорпіонъ пережилъ ее только нѣсколькими мину-

тами. Замѣчательно, что бывшіа у меня фаланги никогда не отказывались вступать въ бой съ скорпіонами, напротивъ даже какъ будто съ особенною злобою кидались на нихъ. Вѣроятно и на свободѣ фаланги, будучи гораздо смѣлѣе, не упускаютъ случая напасть на встрѣтившагося имъ скорпіона, но все-таки я не думаю, чтобы онѣ умерщвляли много скорпіоновъ, такъ какъ любимыя мѣста этихъ животныхъ разныя, фаланга раньше выходитъ на охоту и раньше уходитъ съ нея, наконецъ трусливый скорпіонъ вѣроятно поспѣшитъ укрыться, завидѣвъ фалангу. Нѣкоторые туземцы увѣряли меня, что домашняя птица, куры и въ особенности индѣйки, заклевываютъ и съѣдаютъ попадающихся имъ скорпіоновъ. Мой поваръ, русскій, подтверждалъ это, заявляя, что самъ видалъ нѣсколько разъ, какъ его любимая курица, постоянно спавшая ночью на щиткѣ кровати, въ кухнѣ, проглатывала скорпіоновъ, предварительно оторвавъ имъ клешни и хвостъ. Не подлежитъ сомнѣнію что кошки поѣдаютъ скорпіоновъ; это я самъ видалъ нѣсколько разъ.—У меня довольно долго жила красивая, длинохвостая Ванкская кошка, вся покрытая мягкою, длинною шерстью.— Она вообще любила лакомиться разными суставчатыми пауками, жуками, кузнечиками (въ особенности нравилась ей саранча, которую она всегда съ жадностью съѣдала по нѣскольку штукъ за разъ). Однажды вечеромъ, когда я занимался въ своемъ кабинетѣ, моя кошка подняла возню въ сосѣдней комнатѣ, да такую сильную, что я вынужденъ былъ идти прогонять ее. Я засталъ ее посреди комнаты играющею съ чѣмъ-то на полу, и былъ очень удивленъ, увидавъ, что ея игрушка былъ большой сѣро-желтый скорпіонъ. Опасаясь, чтобы онъ ея не ужалилъ, я хотѣлъ его задавить, но кошка, замѣтивъ мое движеніе, схватила зубами оригинальную игрушку и умчалась съ нею чрезъ окно въ садъ. На мой зовъ она, не много погодя, вернулась, неся во рту того же скорпіона, уже мертваго. Впослѣдствіи я не разъ имѣлъ случай наблюдать возню моей кошки съ скорпіонами. Обыкновенно, завидя гдѣ нибудь на полу, или недалеко отъ пола на стѣнѣ скорпіона, она сейчасъ подкрадывалась къ нему и начинала играть съ нимъ, точно съ мышью. Скорпіонъ торопился убѣжать, размахивая своимъ хвостомъ; но это было не такъ легко сдѣлать. Не обращая вниманія на грозные размахи хвоста и растопыренныя клешни скорпіона, кошка методически подталкивала его своими передними лапками, то въ одну, то въ другую стороны, подбрасывала его на воздухъ, прижимала лапкою *къ полу, вновь* принималась толкать, не давая опомниться *скорпіо-*

пѣвшему животному. Странно было видѣть въ такомъ грустномъ положеніи животное, при одномъ взглядѣ на которое нѣкоторые обитатели Африки приходили въ неописанный ужасъ [1]). По временамъ кошка оставляла скорпіона въ покоѣ, по видимому даже переставала обращать на него вниманіе; скорпіонъ, пользуясь благопріятнымъ моментомъ, старался спастись отъ назойливаго преслѣдователя и быстро пускался бѣжать; кошка наблюдала за нимъ; отпустивъ его на извѣстное разстояніе отъ себя, въ два, три прыжка опять была подлѣ него и опять принималась за свои подталкиванія и подбрасыванья. Тщетно скорпіонъ вцѣплялся своими крѣпкими клешнями въ лапки кошки, въ ея морду, жалилъ ее нѣсколько разъ: кошка вздрагивала при ужаленіи, быстро стряхивала съ себя вцѣпившееся животное, и полизавъ или потерши лапкою, предварительно смоченною слюною, ужаленное мѣсто, вскорѣ настигала убѣгавшаго скорпіона и начинала вновь свою игру съ нимъ.— Кончалось всегда тѣмъ, что обезсиленный, помятый, скорпіонъ умиралъ, а кошка, удовлетворившись игрою, преспокойно съѣдала его, оставляя только оконечности и хвостъ. Я задумалъ было эксплоатировать неуязвимость моей кошки и заслышавъ ея возню съ скорпіономъ, сейчасъ же отправлялся съ пинцетомъ на мѣсто игрища, чтобы воспользоваться пойманнымъ скорпіономъ, но это мнѣ удавалось только сначала; впослѣдствіи хитрое животное, услыхавъ мои шаги, поспѣшно схватывало скорпіона и ретировалось съ нимъ подъ диванъ, шкафъ или куда нибудь въ такое мѣсто, гдѣ я не могъ добраться до него, или же спѣшило тутъ же его съѣсть, такъ что мнѣ оставались только клешни. Такъ же точно она поступала и съ фалангами, которыхъ она, впрочемъ, не ѣла, а только замучивала до смерти и бросала. Укушеніе этихъ ядовитыхъ суставчатыхъ также не имѣло для нея вредныхъ послѣдствій: осматривая раненое мѣсто, я замѣчалъ иногда небольшую опухоль или затвердѣніе, но они держались не долго, пропадая на другой же день безслѣдно.—Кошка прожила у меня болѣе двухъ лѣтъ, ежегодно съѣдала вѣроятно не одинъ десятокъ скорпіоновъ и постоянно пользовалась отличнымъ здоровьемъ.

Отъявленный врагъ большинства животныхъ—человѣкъ, въ Закавказьи, слабо преслѣдуетъ скорпіона, пожалуй даже менѣе, чѣмъ другихъ, не такъ опасныхъ суставчатыхъ.

---

[1]) Если не ошибаюсь, Эренбергъ сообщалъ, что жители Донголы не могутъ видѣть безъ ужаса скорпіоновъ.

ихъ конвульсивныхъ вздрагиваній, умеръ. Заставить другаго скорпіо-ужалить осу мнѣ не удалось: скорпіонъ или убѣгалъ, или, ударя хвостомъ по осѣ, не могъ пробить твердые и скользкіе наружные покровы тѣла ея. Необычайную храбрость выказываютъ скорпіоны только при столкновеніяхъ съ своими же единоплеменниками. Между собою скорпіоны дерутся на славу! Драки возникаютъ весьма часто: при разыскиваніи пищи, при ухаживаніи за своими дражайшими половинами, иногда просто при встрѣчахъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ трудно разойтись, не потѣснившись. Начавъ драться, скорпіоны, разумѣется, стараются поразить другъ друга своимъ ядоноснымъ жаломъ, но такъ какъ это не легко сдѣлать съ подобнымъ себѣ противникомъ, такимъ же плоскимъ, скользкимъ, такъ же защищеннымъ довольно твердыми покровами, то драка продолжается довольно долго. Во время сраженія раздраженіе бойцовъ такъ велико, что они уже не обращаютъ никакого вниманія на все окружающее. Иногда такая драка возникаетъ на потолкѣ зданія; разгоряченные противники, крѣпко вцѣпившись другъ въ друга клешнями, часто теряютъ равновѣсіе и срываясь съ потолка падаютъ внизъ, съ довольно значительной высоты на полъ, но и тамъ не прекращаютъ драки. Однажды ночью, я услыхалъ, что подлѣ моей кровати что-то шлепнулось съ потолка; я зажегъ свѣчу: на полу ворочалась два сцѣпившихся сѣро-желтыхъ скорпіона, средней величины. Я успѣлъ встать съ кровати, сходить въ другую комнату за банкою и пинцетомъ и вернувшись засталъ скорпіоновъ въ прежнемъ положеніи—это былъ живой комъ, катавшійся по полу; повременамъ вытягивался хвостъ, одного изъ бойцовъ, нѣсколько разъ поднимался и опускался; параллельно съ нимъ вытягивался другой; каждый старался уколоть, но тщетно, Скорпіоны продолжали драку, не смотря на мое присутствіе и горѣвшую свѣчу. Когда я схватилъ одного изъ нихъ пинцетомъ за хвостъ и приподнялъ кверху, другой такъ крѣпко уцѣпился за него, что самъ былъ поднятъ и повисъ на воздухѣ. Я посадилъ обоихъ въ большую банку. Тамъ они какъ будто опомнились, попытались выкарабкаться, но, встрѣтившись другъ съ другомъ, вновь сцѣпились. На другое утро я нашелъ обоихъ мертвыми. Мнѣ не случалось видѣть, чтобы дрались очень молодыя животныя, бойцы всегда оказывались уже совершенно взрослыми или подростками.

Еще очень недавно господствовало убѣжденіе, что скорпіонъ, окруженный раскаленными углями и не видя себѣ спасенія, кончаетъ свою *жизнь самоубійствомъ*, поражая себя собственнымъ жаломъ. Многіе и

до сихъ поръ убѣждены въ справедливости этого факта. Удивлялись силѣ воли и мужеству этого животнаго, предпочитавшаго смерть продолжительнымъ страданіямъ. Разумѣется, было не мало очевидцевъ которые неоднократно, «собственными глазами», видѣли какъ и куда именно поражалъ себя скорпіонъ Къ сожалѣнію, все это оказалось вздоромъ: точныя и тщательныя наблюденія показали, что самоубійства скорпіоновъ въ дѣйствительности никогда не случаются. А сколько бѣдныхъ скорпіоновъ поплатились жизнью вслѣдствіе этой басни! Скольких скорпіоновъ зажарили, безъ всякой научной цѣли, любознательные люди, желая только полюбоваться мнимымъ самоубійствомъ! Впрочемъ, положеніе хвоста, умершаго среди раскаленныхъ углей, животнаго могло дать поводъ къ ошибкѣ: задыхаясь отъ сильнаго жара, животное корчится и бьетъ хвостомъ, при этомъ оно иногда сильно загибаетъ его на спину и умираетъ, оставаясь въ такомъ положеніи, такъ что многимъ дѣйствительно могло казаться яко бы скорпіонъ укололъ себя своимъ жаломъ.—Помѣщенный среди раскаленныхъ углей, скорпіонъ, собственно говоря, дѣйствительно самъ себя убиваетъ, но только не сознательно, видя безвыходность своего положенія и не собственнымъ жаломъ, а безсознательно и именно вслѣдствіе своей несообразительности и стремленія удрать во что бы ни стало. Если посадить скорпіона среди довольно большаго круга (около $2^1/_2$ четвертей въ діаметрѣ) раскаленныхъ углей, то онъ сейчасъ же бѣжитъ по радіусу круга, разумѣется натыкается на огонь и обжигаетъ себѣ нѣкоторыя части тѣла; вслѣдствіе этого скорпіонъ теряется, двигаясь вначалѣ довольно медленно, онъ обжегшись, начинаетъ метаться во всѣ стороны, стремится все-таки уйти, не смотря на огненную преграду; бросается на огонь вновь, но тутъ вновь обжигаетъ себѣ тѣло и наконецъ, выбившись изъ силъ, умираетъ въ корчахъ. Чѣмъ меньше кругъ углей, въ которомъ заключенъ скорпіонъ, тѣмъ скорѣе онъ обжигается и умираетъ.—Между тѣмъ, если кругъ имѣетъ $2^1/_2$ четверти въ діаметрѣ, то жаръ углей не можетъ сильно дѣйствовать на скорпіона; держись этотъ послѣдній въ центрѣ круга, его жизнь была бы внѣ опасности, потому что жаръ углей на такомъ разстояніи ни чуть не сильнѣе страшныхъ іюльскихъ жаровъ Закавказья, которые скорпіонъ переноситъ совершенно свободно. Я устраивалъ нѣсколько разъ именно такой кругъ но скорпіонъ, ни секунды не оставаясь на мѣстѣ, непремѣнно лѣзъ на огонь и обжигаясь самъ вызывалъ свою смерть.

Къ числу многихъ напраслинъ, взводимыхъ на скорпіоновъ, едва ли не должно отнести также увѣреніе, что они частыми ужаленіями приносятъ вредъ домашнему скоту. Въ настоящее время имѣется еще весьма мало свѣдѣній о дѣйствіи яда скорпіона на домашнихъ животныхъ. Были дѣланы опыты надъ домашними собаками и курами, которыхъ подвергали ужаленіямъ скорпіоновъ: оказалось, что одна собака умерла въ судорогахъ черезъ пять часовъ послѣ четвертаго ужаленія ея небольшимъ желтымъ скорпіономъ, между тѣмъ какъ другія восемь собакъ и три курицы остались живыми и здоровыми послѣ неоднократныхъ уколовъ скорпіона [1]). По отзывамъ туземцевъ Закавказья, ядъ не очень большихъ сѣро-желтыхъ скорпіоновъ положительно безвреденъ для крупныхъ домашнихъ животныхъ и всегда слабо дѣйствуетъ на болѣе мелкихъ. Туземные пастухи увѣряли меня, что ужаленіе даже крупными скорпіонами домашняго скота никогда не имѣло смертельныхъ послѣдствій. Частое ужаленіе нѣсколькихъ скорпіоновъ вызываетъ у раненаго рогатаго скота и лошадей небольшую опухоль уколотаго мѣста, вялость и отсутствіе аппетита; болѣзнь продолжается недолго и проходитъ безслѣдно. По мнѣнію туземцевъ, скорпіонъ не любитъ запаха шерсти, въ особенности овечьей и козлиной, почему овецъ и козъ онъ никогда не кусаетъ, напротивъ, овцы иногда съѣдаютъ его вмѣстѣ съ травою. Насколько это послѣднее вѣрно — не знаю, но что касается до отвращенія скорпіоновъ къ шерстянымъ предметамъ и въ особенности къ шкурамъ овецъ и козъ, то въ этомъ я убѣждался неоднократно самъ. Такимъ образомъ, опасности ужаленія скорпіономъ грозятъ только лошадямъ, быкамъ, буйволамъ, да, пожалуй, собакамъ; по словамъ самихъ пастуховъ, эта опасность не велика. Нужно замѣтить притомъ, что въ Закавказьи, мѣстами изобилующемъ довольно многочисленными видами сколопендръ, тарантуловъ, фалангъ и массою разныхъ, болѣе или менѣе ядовитыхъ, двукрылыхъ, жалящихъ всегда украдкою, чрезвычайно трудно опредѣлить, которое изъ этихъ ядоносныхъ суставчатыхъ ужалило буйвола или быка, и очень часто, вѣроятно, опухоль укушеннаго мѣста и болѣзнь животнаго ошибочно приписываются, болѣе извѣстному туземцамъ, скорпіону, а не тарантулу, сколопендрѣ или какимъ нибудь другимъ суставчатымъ, о которыхъ многіе туземцы даже и понятія не имѣютъ. Ужаленія домашняго скота слу-

[1]) Брэмъ, Илл. жизнь жив. т. VI стр. 552.

чаются только въ теплое время года, когда онъ круглыя сутки стоитъ на открытомъ воздухѣ. Въ зимнихъ помѣщеніяхъ скота скорпіоновъ не встрѣчается, потому что, какъ я уже упомянулъ выше, они не выносятъ остраго, аммоніакальнаго запаха, которымъ пропитанъ зимою воздухъ этихъ конюшенъ. Ужаленный скотъ рѣдко лечатъ, и въ такихъ случаяхъ ограничиваются смазываніемъ укушеннаго мѣста керосиномъ или разными растительными маслами.

Что же касается до вреда, причиняемаго скорпіонами человѣку въ Закавказьи, то онъ также не особенно значителенъ. Сравнительно съ количествомъ встрѣчающихся въ Закавказьи скорпіоновъ, случаи ужаленія ими людей довольно рѣдки. Даже на югѣ Закавказья, гдѣ сѣро-желтыхъ скорпіоновъ на низменностяхъ довольно значительное число и гдѣ они живутъ чуть ли ни въ каждомъ помѣщеніи жителей, есть не мало лицъ, которыя ни разу не были ужалены скорпіонами, хотя обитаемыя ими зданія изобиловали этими животными.

Нельзя сказать, что туземцы особенно заботятся объ охраненіи себя отъ скорпіоновъ, напротивъ: они, какъ я уже сказалъ выше, не только не преслѣдуютъ спеціально ихъ, но даже едва удостоиваютъ ихъ своего вниманія.

Туземцы мусульмане—фаталисты: будучи твердо убѣждены, что предназначеннаго человѣкъ не можетъ избѣжать, они относятся къ скорпіонамъ безразлично. «Валла! если Аллахъ предназначилъ мнѣ быть укушеннымъ скорпіономъ, то какъ ни береги себя, все-таки будешь укушенъ этою гадиною; а если Аллахъ не хочетъ этого, то какъ ни старайся скорпіонъ—даже забравшись подъ рубашку,—не будетъ въ состояніи укусить. А преслѣдовать ихъ тоже не для чего: всѣхъ неперебьешь! возни много — толку мало!»... говорилъ мнѣ одинъ старикъ татаринъ, когораго скорпіонъ ни разу впрочемъ не жалилъ. Но и остальные обитатели Закавказья, не мусульмане, живущіе, такъ сказать, среди скорпіоновъ, не будучи фаталистами, также мало заботятся о нихъ. Причины этому отчасти убѣжденіе въ незначительности боли отъ укуса скорпіона, рѣдкости ужаленій, отчасти апатія и лѣнь, свойственныя вообще въ извѣстной пропорціи всякому восточному человѣку. Туземцы ночуютъ въ своихъ сакляхъ, а слѣдовательно и болѣе рискуютъ подвергнуться ужаленію скорпіоновъ, только позднею осенью, зимою, да въ началѣ весны. Съ наступленіемъ теплаго времени, почти всѣ туземцы спятъ на открытомъ воздухѣ; одни переселяются на болѣе возвышенныя мѣста, вмѣстѣ съ своими стадами на кочевье—тамъ они спятъ въ палаткахъ

или прямо на открытомъ воздухѣ, но почти всегда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ скорпіоновъ не встрѣчается; другіе, оставаясь по необходимости въ селеніяхъ, на низменности, въ это время ночуютъ не внутри своихъ душныхъ саклей, а на ихъ плоскихъ крышахъ. Недостаточные туземцы располагаются тамъ на палласахъ и эмени [1]). Эти ковры, даже разостланные прямо на землѣ, вполнѣ защищаютъ туземцевъ отъ скорпіоновъ, никогда не вползающихъ на шерстяные предметы (шкуры, войлоки, ковры и проч.). Болѣе достаточные туземцы ставятъ на плоскія крыши своихъ саклей широкія скамьи и кровати, на которыхъ и размѣщаются ночью съ своими чадами и домочадцами. Тамъ они почти гарантированы не только отъ скорпіоновъ, рѣдко туда заползающихъ, но и отъ назойливыхъ комаровъ, мухъ и мошки, которые охотнѣе летаютъ внизу, не отваживаясь забираться однако вверхъ.

Русскіе (крестьяне и солдаты) заботятся о скорпіонахъ не болѣе туземцевъ: «Перво-на-перво, какъ не знешь этого скорпіона будто и боязно, все подумываешь ну какъ укуситъ чертовъ зелье... и хоронишся. Да нашему брату недосугъ хорониться и надоѣстъ таки ... ну и махнешь рукой. Авось Богъ помилуетъ!.. Какъ обживешься такъ и забудешъ о немъ. Иного ни разу и не кусаетъ А укуситъ разъ, другой.... поболитъ немного, видишь, что пустякъ самый этотъ звѣрь, только говору про него много! Мошка куда противъ скорпіона хуже ... злющая, надоѣдливая тварь! а скорпіонъ ничего, смирный!» говорилъ мнѣ одинъ старый отставной солдатъ. Однажды я спросилъ у молодаго казачьяго офицера (черноморца) Б., жившаго на посту, гдѣ водились темно–бурые скорпіоны, не боится ли онъ спать, имѣя у себя въ комнатѣ такихъ сосѣдей. Тиничный малоруссъ, еще плоховато говорившій по русски, Б. взглянулъ на меня съ большимъ удивленіемъ. «Чего бояться? Еще жди когда оно укуситъ, то и бойся? И чего ему меня кусать? мало ему мухъ, что ли? ишь ихъ сколько, на весь вѣкъ хватитъ. А ужалитъ .. у меня масло такое припасено... помажу»..

Вотъ и всѣ принимаемыя предосторожности. Большинство русскихъ и туземцевъ болѣе образованнаго и достаточнаго класса, рѣже всего подвергающіеся ужаленіямъ скорпіоновъ, боится этого животнаго болѣе остальныхъ обитателей Закавказья и часто принимаетъ разныя предохранительныя отъ него мѣры. Обыкновенно замазываютъ глиною щели

[1]) Ковры мѣстной фабрикаціи.

и трещины въ комнатахъ, или смазываютъ ножки кроватей; мнѣ передавали даже, что нѣкоторые ставятъ стеклянныя подставки подъ ножки кроватей; чаще всего надъ кроватями устраиваются пологи, изъ рѣдкой кисеи. Положимъ, подъ такимъ налогомъ, въ особенности лѣтомъ, иногда бываетъ очень душно, но зато онъ почти всегда хорошо защищаетъ отъ нападенія разныхъ кровопійцъ, которыми такъ богато Закавказье, а также и отъ ужаленія скорпіона. Бывали, впрочемъ, случаи, что скорпіоновъ находили подъ матрацемъ или подъ подушками кровати, не смотря на устроенный надъ нею пологъ.

Скорпіоны жалятъ, разумѣется, чаще всего бѣдный классъ обитателей Закавказья, незнающій никакихъ пологовъ. Ужаленіе сѣро-желтаго скорпіона причиняетъ острую боль, сила и продолжительность которой зависятъ отъ многихъ, очень разнообразныхъ причинъ и бываютъ различны. Туземцы увѣряютъ, напримѣръ, что раннею весною, когда скорпіонъ тощъ и голоденъ, ужаленіе его дѣйствуетъ сильнѣе, потому что онъ тогда «очень злой, скорѣе можетъ укусить». Боль же бываетъ сильнѣе еще и потому, что «ядъ скорпіона въ это время гуще».Чѣмъ ближе къ осени, тѣмъ скорпіонъ дѣлается жирнѣе, добрѣе, жалитъ рѣже и боль отъ его ужаленій слабѣе. Туземцы убѣждены, что ядъ стараго скорпіона злокачественнѣе яда молодаго Говорятъ также, что старый скорпіонъ бьетъ хвостомъ сильнѣе, слѣдовательно запускаетъ жало глубже въ тѣло, а чѣмъ далѣе въ тѣло проникаетъ ядъ тѣмъ сильнѣе боль, особенно при непосредственномъ ужаленіи обнаженнаго тѣла. Различаютъ также ужалѣнія въ сумеркахъ или въ началѣ ночи отъ ужаленія среди ночи и на разсвѣтѣ: первое будто-бы мучительнѣе послѣдняго. Это вѣроятно справедливо только отчасти, въ томъ случаѣ, когда скорпіонъ до ужаленія человѣка, среди ночи или на разсвѣтѣ, успѣлъ уже нѣсколько разъ незадолго до того ужалить (добычу, преслѣдуемою имъ или какого нибудь своего врага) и такимъ образомъ израсходовать значительное количество своего яда. Хотя ядоносныя желѣзы, по мѣрѣ расходованія яда, изготовляютъ новое количество его, но послѣ частыхъ и многочисленныхъ ужаленій желѣзы наконецъ постепенно ослабѣваютъ и вырабатываютъ ядъ не въ такомъ количествѣ и даже не такого качества, т. е. не настолько концентрированный, сильный, какъ ядъ, выдѣляемый послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отдыха этихъ желѣзъ. Такой ядъ очевидно будетъ дѣйствовать слабѣе. Если же ядоносный аппаратъ скорпіона не истощенъ продолжительною дѣятельностью, то едва ли можетъ быть какая нибудь

разница между ужаленіемъ на разсвѣтѣ: въ обоихъ случаяхъ ядъ долженъ дѣйствовать совершенно одинаково [1]). На послѣдствія ужаленія имѣетъ также вліяніе размѣры жалящаго животнаго: чѣмъ крупнѣе животное, тѣмъ боль сильнѣе; ядъ маленькаго скорпіона причиняетъ незначительную боль даже дѣтямъ. Въ Закавказьи бывало много случаевъ укушенія дѣтей, даже очень маленькихъ, и всегда дѣло оканчивалось благополучно. Въ Тифлисѣ напримѣръ, я видалъ пятилѣтнюю дѣвочку, которую небольшой скорпіонъ ужалилъ два раза на одной недѣлѣ. Отецъ этого ребенка увѣрялъ меня, что послѣ

---

[1]) Что ядъ скорпіона выдѣляется не всегда въ одинаковомъ количествѣ и вслѣдствіе этихъ причинъ дѣйствуетъ на ужаленныхъ различно, это, мнѣ кажется подтверждается ниже, слѣдующими моими наблюденіями надъ уколами скорпіона многихъ крупныхъ насѣкомыхъ Я посадилъ однажды къ совершенно здоровому средней величины сѣро-желтому скорпіону шесть большихъ Locusta (пруссъ) и пару богомоловъ, черезъ нѣсколько секундъ онъ переранилъ всѣхъ ихъ быстрыми уколами своего жала; ужалѣнное разъ или два, насѣкомое тотчасъ валилась съ ногъ и, послѣ нѣсколькихъ судорожныхъ сокращеній быстро умирало. Вынувъ мертвыхъ я поспѣшилъ пустить къ тому же скорпіону еще шесть штукъ молодыхъ Acridium, скорпіонъ убилъ и этихъ почти также скоро. Убитыя были замѣнены нѣсколькими только что пойманными Locustan Oevipoda. Они также какъ и ихъ предшественники, металисъ по банкѣ, бѣгали, прыгали, безпрерывно безпокоя сидѣвшаго на днѣ банки скорпіона; ему негдѣ было спрятаться, и онъ сердито билъ хвостомъ во всѣ стороны, усмиряя безпокойныхъ сожителей. Въ началѣ удары хвостомъ слѣдовали быстро одинъ за другимъ, но потомъ видимо наносились рѣже и слабѣе; скорпіонъ иногда даже не пробивалъ сразу наружныхъ покрововъ насѣкомыхъ, чаще дѣлалъ промахи. Замѣтно было что и ядъ его начиналъ дѣйствовать слабѣе; ужалѣнныя насѣкомыя, послѣ укола еще ползали а не сваливались тотчасъ, какъ было въ началѣ. Впрочемъ въ концѣ концовъ скорпіонъ покончилъ и съ этими. Тогда я посадилъ къ нему двухъ большихъ, черныхъ, полевыхъ сверчковъ, изъ которыхъ одинъ не замедлилъ взобраться на скорпіона; послѣ нѣсколькихъ довольно слабыхъ ударовъ хвостомъ скорпіону удалось ранить одного сверчка; онъ пытался было поступить также и со вторымъ, но тутъ его постигла неудача: онъ раза три слабо приподымалъ хвостъ, стараясь уколоть сверчка, но повидимому потерялъ силы, жало его скользило, не проникая въ тѣло; наконецъ скорпіонъ съежился приникъ ко дну банки и сидѣлъ спокойно несмотря на прыжки сверчка. Сверчекъ раненный скорпіономъ, долго не терялъ способности двигаться и только поздно вечеромъ захирѣлъ, а почью издохъ. Въ другой разъ небольшой сѣро-желтый скорпіонъ быстро убилъ нѣсколькихъ кузнечиковъ и пару большихъ Ephemera, двухъ же другихъ поранилъ слабѣе, а затѣмъ пересталъ жалить новыхъ, предложенныхъ ему насѣкомыхъ. Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ ясно были замѣтны постепенное утомленіе скорпіоновъ и потеря ими энергіи. Быстрая же въ началѣ и замедленная потомъ смерть ужаленныхъ животныхъ, указывала на различное дѣйствіе яда, происходившее отъ уменьшенія количества яда попадявшаго въ ранку. Кстати уже скажу здѣсь, что я очень часто возился къ скорпіонами, нерѣдко дразнилъ ихъ, большей части самъ кормилъ, жившихъ у меня животныхъ и ни разу при этомъ не замѣчалъ капельки яда, которая, по замѣчанію Де. Беллема всегда показывается на кончикѣ жала у Scorpio Occitanus, когда его раздразнятъ или при видѣ добычи. (Природа, Сборникъ 1876 г. № 1, стр. 38).

перваго ужаленія дѣвочка плакала и жаловалась на боль ужалѣннаго мѣста (ноги) только одинъ день, а послѣ втораго ужаленія боль была такъ незначительна, что ребенокъ забылъ о ней часа черезъ три, хотя опухоль вокругъ ранки, (было ужалѣно плечо) держалась около трехъ сутокъ. Оба эти укола не имѣли никакихъ серьезныхъ послѣдствій, и только черненькая точка на ужаленномъ мѣстѣ, напоминала о нихъ. Скорпіоны, попадающіеся на болѣе возвышенныхъ, мѣстностяхъ, меньше ростомъ и жалятъ слабѣе скорпіоновъ, водящихся на низменностяхъ.

Различное дѣйствіе яда скорпіоновъ на человѣка обусловливается также темпераментомъ этого послѣдняго: люди впечатлительные нервные или мнительные страдаютъ сильнѣе. Немаловажную роль играетъ также организмъ, ужаленной личности, его большая или меньшая воспріимчивость къ яду. Разница въ дѣйствіи яда тутъ бываетъ громадная; на одного уколъ, даже значительной величины скорпіона, почти не дѣйствуетъ, тогда какъ на другаго, болѣе воспріимчиваго, ужаленіе небольшаго скорпіона дѣйствуетъ сильно. Знакомство организма съ ядомъ или, лучше сказать, привычка его къ яду, также вліяютъ на силу и продолжительность, вызываемой ядомъ, боли. Извѣстно, что ужаленіе пчелы (Apis melafica) причиняетъ, испытывающему его въ первый разъ человѣку, иногда очень сильную боль и вызываетъ значительную опухоль ужаленнаго мѣста, тогда какъ, напримѣръ, пасѣчники, имѣющіе дѣло съ пчелами, легко переносятъ ужаленіе нѣсколькихъ десятковъ пчелъ. Тѣло этихъ людей дотого привыкаетъ къ укусамъ, что ужаленное мѣсто рѣдко припухаетъ и то на короткое время, а боли онѣ совсѣмъ не чувствуютъ. То же по всей вѣроятности послѣдствія имѣютъ и уколы скорпіоновъ, нанесенные человѣку, уже неоднократно испытавшему, какъ это подтверждали мнѣ многіе туземцы и русскіе; они увѣряли, что многіе такъ привыкаютъ къ яду скорпіоновъ, что испытываютъ боль, что только ужаленіе въ первый разъ вызываетъ чувствительную боль, а затѣмъ боль слабѣе.

Самъ я испыталъ ужаленіе скорпіона всего одинъ разъ (въ продолженіе почти шести лѣтъ), но при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это было вечеромъ, осенью, притомъ ужалившій меня скорпіонъ былъ очень не великъ. Ужалилъ онъ меня по моей же винѣ, вслѣдствіе моей разсѣянности: Поймавъ 4 небольшихъ скорпіоновъ я разсадилъ ихъ по разнымъ банкамъ, а потомъ посадилъ всѣхъ вмѣстѣ въ тазъ, желая покормить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть, что они будутъ дѣлать; скорпіоны были по видимому въ дурномъ расположеніи духа и

сидѣли неподвижно; чтобы расшевелить ихъ, я началъ трогать ихъ по очередно пинцетомъ и пододвигать одного къ другому, вотъ тутъ-то, не обративъ вниманія на одного, очутившагося подлѣ моей руки, я вѣроятно тронулъ его большимъ пальцемъ, въ который тотчасъ и вонзилось жало разсерженнаго животнаго. Я сейчасъ же выдавилъ кровь изъ ранки и помазалъ ее нашатырнымъ спиртомъ. Боль была незначительная, опухоли не было, на другой день палецъ былъ совершенно здоровъ.

Ужаленіе сѣро-желтаго скорпіона причиняетъ довольно сильную и продолжительную боль, если оно произведено въ жаркую пору дня, на солнцѣ, лѣтомъ и притомъ крупнымъ животнымъ, но и при такихъ условіяхъ дурныхъ послѣдствій почти не бываетъ. Нужно замѣтить при этомъ, что подобныя ужаленія случаются чрезвычайно рѣдко. По словамъ одного знакомаго мнѣ доктора Д., прожившаго въ Закавказьи чуть ли не тридцать лѣтъ, послѣдствія подобнаго ужаленія слѣдующія: въ моментъ ужаленія человѣкъ чувствуетъ боль, словно отъ укола иголкою; вслѣдъ за тѣмъ кажется будто отъ ужаленнаго мѣста къ спинѣ или головѣ по тѣлу пробѣгаетъ электрическій токъ, человѣкъ сильно вздрагиваетъ. Чрезъ нѣсколько мгновеній около ранки чувствуется жаръ, постепенно усиливающійся и распространяющійся периферически далѣе, кругомъ ранки (иногда радіусъ его круга достигаетъ 1—2 дюймовъ) Прилегающіе къ больному мѣсту мускулы словно сжимаются, по тѣлу поромъ болѣе или менѣе, энергично сильно пробѣгаютъ мурашки; начинаетъ сосать подъ ложечкою; затѣмъ наступаетъ сильная головная боль, иногда слабая тошнота, даже холодный потъ. Всѣ эти припадки появляются или одновременно, или одинъ послѣ другаго и довольно скоро проходятъ. Дольше чувствуется жгучая боль въ ранкѣ, періодическія подергиванія мускуловъ раненной части тѣла, которыя постепенно ослабѣваютъ. Ранка сначала имѣетъ видъ краснаго пятнышка, но мало по малу оно становится черным. Опухоль постепенно увеличивается, иногда (смотря по организаціи больнаго), распространяясь далеко по тѣлу, иногда ограничиваясь небольшимъ пространствомъ, иногда она почти незамѣтна и скоро спадаетъ. Разумѣется, размѣры боли и продолжительность ея много зависятъ отъ того, подана ли своевременно медицинская помощь. Ужаленіе темно-бураго скорпіона Закавказья гораздо мучительнѣе и, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вызываетъ серьезныя послѣдствія.

Случаи ужаленія этого скорпіона такъ рѣдки, что въ Закавказьи до

сихъ поръ мало знакомы съ дѣйствіемъ его яда и сопровождающими его припадками. На сѣверѣ Закавказья можно услыхать разсказы объ ужасныхъ страданіяхъ, даже смерти, людей, уколотыхъ этимъ скорпіономъ. При этомъ иногда добавляется, что такія ужаленія не рѣдки; темно-бурый скорпіонъ описывается животнымъ кровожаднымъ, крупныхъ размѣровъ и необычайной силы; но эти разсказы всегда преувеличены или просто выдуманы. Почти всегда разсказчики передаютъ слышанное притомъ отъ такихъ личностей, которыя не только не видали темно-бурыхъ скорпіоновъ, но даже и не бывали въ мѣстностяхъ, гдѣ они встрѣчаются. Сами обитатели этихъ послѣднихъ мѣстностей мало знаютъ темно-бураго скорпіона; отъ нихъ съ трудомъ можно получить кое-какія сбивчивыя и отрывочныя свѣдѣнія, но о частыхъ смертельныхъ случаяхъ или ужасныхъ страданіяхъ—нѣтъ и помину. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда въ Сурмалинскій уѣздъ, живо интересуясь темно-бурымъ скорпіономъ и разспрашивая о немъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, я услыхалъ отъ одного пожилаго туземца, что отъ ужаленія этого скорпіона не такъ давно умерло два человѣка: казакъ одного изъ пограничныхъ постовъ кордонной линіи и мусульманинъ—туземецъ Разсказчикъ не могъ мнѣ назвать ни мѣстъ, гдѣ это случилось, ни именъ умершихъ людей. Желая узнать подробности этихъ несчастныхъ случаевъ, я обращался съ разспросами къ казакамъ и офицерамъ разныхъ казачьихъ постовъ и долгое время получалъ въ отвѣтъ лаконичныя «незнаю, не слыхали» «у насъ не случалось». Наконецъ, одинъ бывалый казакъ, кажется Ахдашскаго поста, отчасти удовлетворилъ моему любопытству, сообщивъ, что когда-то, можетъ лѣтъ десять назадъ на одномъ изъ постовъ, расположенныхъ на турецкой границѣ, дѣйствительно былъ такой случай.—Спавшіе въ одномъ помѣщеніи казаки, среди ночи, вдругъ были разбужены отчаяннымъ крикомъ одного изъ товарищей: „Боже мой! Боже! смерть моя; скорпіонъ ужалилъ! умираю»! Пока кто-то изъ нихъ успѣлъ вскочить и зажечь ночникъ, прошло не мало времени. Раненый стоналъ, потомъ захрипѣлъ и смолкъ. Кинулись къ нему .... онъ уже отходилъ; на груди у него, какъ разъ противъ сердца, виднѣлся небольшой кинжалъ, до половины воткнутый въ грудь. Самоубійца былъ, говорятъ, молодой казакъ, недавно пришедшій въ первый разъ на границу. Онъ вѣроятно наслушался разсказовъ вообще о скорпіонахъ; о томъ, что въ посту, гдѣ онъ жилъ, водятся темно-бурые скорпіоны и что укушеніе ихъ смертельно, а боли при этомъ мучительны; почувствовавъ ужаленіе и сильную боль, онъ поручикъ, что

*

смерти не избѣжать и, чтобы не мучиться долго, покончилъ съ собою.— Съ теченіемъ времени о самоубійствѣ позабыли, а разсказъ о смерти казака отъ ужаленія скорпіона ходилъ въ народѣ. Впрочемъ, многіе офицеры того полка отнеслись къ разсказу скептически и отрицали фактъ даже такой смерти.

Другой разсказъ, о смерти татарина отъ ужаленія, оказался справедливымъ, но и въ этомъ случаѣ, также какъ и въ первомъ, скорпіонъ былъ пожалуй лишь косвенною причиною смерти. Ужаленный татаринъ, задолго до ужаленія былъ болѣнъ, не могъ вставать съ постели, гдѣ его и поранилъ скорпіонъ—тоже темно-бурый. Черезъ три часа послѣ ужаленія татаринъ умеръ. Тутъ вѣроятно ядъ подѣйствовалъ такъ сильно потому, что организмъ больнаго былъ уже значительно изнуренъ продолжительною болѣзнью.

Этотъ послѣдній случай и былъ единственнымъ случаемъ смерти отъ ужаленія темно-бураго скорпіона. Въ продолженіе трехлѣтняго пребыванія моего на югѣ Закавказья, ни въ Сурмалинскомъ, ни въ Нахичеванскомъ уѣздахъ Эриванской губерніи, не бывало ни разу такихъ случаевъ, хотя изрѣдка и поговаривали объ ужаленіяхъ темно-бураго скорпіона. Такъ напримѣръ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, было не болѣе четырехъ случаевъ ужаленія казаковъ, расположенныхъ кордономъ по турецко-персидской границѣ нашей. Между тѣмъ въ урочищахъ и селеніяхъ Сурмалинскаго уѣзда: Ага-Бекъ, Аглашъ, Кызылъ Тапа и Аралыхъ, гдѣ расположены казачьи посты, затѣмъ далѣе въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, въ зданіяхъ занимаемыхъ казаками, встрѣчается не мало темно-бурыхъ скорпіоновъ. Казаки, спящіе при оказіи и на землѣ, или сидящіе ночью въ засадахъ, «секретахъ», среди камня, щебня или свалъ, гдѣ этихъ скорпіоновъ весьма часто можно встрѣтить, вообще смотрятъ на этихъ животныхъ также какъ и на сѣро-желтыхъ скорпіоновъ, относясь къ нимъ индеферентно, хотя и знаютъ хорошо, что быть ужаленнымъ темно-бурымъ скорпіономъ «не лестно».

Боль отъ ужаленія темно-бураго скорпіона гораздо сильнѣе и продолжительнѣе боли, испытываемой при ужаленіи сѣро-желтаго его собрата, но имѣетъ тотъ же характеръ и сопровождается тѣми же припадками. Если ужаленіе не случается въ жаркое время днемъ, то присвоевременномъ леченіи домашними средствами, оно излечивается безслѣдно; но если скорпіонъ ужалитъ днемъ, да еще среди лѣта, тогда, какъ говорятъ, человѣкъ болѣетъ довольно долго, испытывая сильныя страданія. Одинъ изъ мѣстныхъ чиновъ администраціи края, П—въ-разсказывалъ мнѣ объ

одномъ изъ такихъ ужаленій: какой то богатый торговецъ, мусульманинъ. еще молодой, отправился весною верхомъ изъ Нахичевани въ Эривань Проѣхавъ извѣстное разстояніе, онъ остановился въ одной деревушкѣ, что бы покормить лошадь и отдохнуть. Деревушка была небольшая, сакли грязныя; путникъ рѣшился расположиться въ саду, гдѣ подъ тѣнистымъ карагачемъ его люди разостлали ему коверъ и положили большую мутака [1]). Жарило сильно.—Торговецъ, скинувъ бешметъ, умылся и, въ ожиданіи закуски, прилегъ, облокотясь на подушку, но тотчасъ вскочилъ, почувствовавъ уколъ и сильную боль въ рукѣ.—Изъ подъ него выбѣжалъ большой темно-бурый скорпіонъ, ужалившій его. Ужалѣніе было такъ неожиданно, въ такое неподходящее время, что всѣ растерялись. Ужаленный сильно мучился; его укушенную руку свело и все тѣло конвульсивно содрогалось; лицо посинѣло, искривилось; во рту показалась пѣна. Его люди, обѣгавъ почти всю деревню, насилу нашли мѣстнаго доктора—знахаря; приведенный къ больному, туземный эскулапъ осмотрѣлъ рану и, бормоча молитву, далъ больному какое-то снадобье, послѣ котораго у того началась рвота. Раненое мѣсто между тѣмъ вздулось, вся рука, плечо и часть бока опухли; ранка была совершенно чернаго цвѣта. Больной металея и, наконецъ, впалъ въ безпамятство, но скоро очнулся, впрочемъ совершенно обезсиленный, испытывая страшную боль въ головѣ и поясницѣ. Его раненая рука повисла; больной не только не владѣлъ ею, но даже не чувствовалъ ея, словно она была отнята. Въ такомъ состояніи его кое-какъ привезли въ Эривань, гдѣ, несмотря на скорую помощь врача, онъ только черезъ три недѣли выздоровѣлъ. Потомъ, еще долго, особенно въ сырую погоду, онъ страдалъ внезапнымъ сведеніемъ и судоргами раненой руки. Замѣчательно, что ужалившаго его скорпіона онъ самъ завезъ изъ Нахичевани,—въ той деревушкѣ, гдѣ случилось съ нимъ несчастіе, ни прежде, ни послѣ того никогда не встрѣчался темно-бурый скорпіонъ. Вѣроятно этотъ скорпіонъ еще въ Нахичевани заползъ въ складки подушки, вмѣстѣ съ нею пропутешествовалъ во вьюкѣ до мѣста привала, а тамъ, спасаясь бѣгствомъ, былъ какъ нибудь нечаянно придавленъ, разозлился и ужалилъ.

Помнится, докторъ Т., жившій на югѣ Закавказья, также разсказывалъ мнѣ о двухъ случаяхъ ужаленія, бывшихъ въ его практикѣ, страданія были сильныя но больные скоро выздоровѣли.

[1]) Подушка цилиндрической формы.

Отъ ужаленія скорпіоновъ, какъ сѣро-желтыхъ, такъ и темно-бурыхъ, лечатся многими средствами; туземцы намазываютъ ранку разными растительными маслами: кунжутнымъ, коноплянымъ, деревяннымъ и проч; одни совѣтуютъ класть землю, смоченную человѣческою слюною, на ранку; другіе прижигать укушенное мѣсто, выдавивъ предварительно кровь. Лучше всего помогаетъ нашатырь; обыкновенно спѣшатъ выдавить немного крови изъ ранки и затѣмъ смазываютъ ее нашатырнымъ спиртомъ (иногда даже расширяютъ нарочно ранку, чтобы крови больше вытекло); при этомъ хорошо принять пять-шесть капель нашатырнаго спирта внутрь. Болѣзненное состояніе всего организма при ужаленіи крупнаго скорпіона ослабляется также значительно пріемомъ внутрь потогонныхъ средствъ и вызываемою ими сильною испариною. Многіе обитатели Закавказья (въ особенности русскіе) убѣждены вполнѣ, что масло, настоенное скорпіонами, помогаетъ лучше всего и поэтому стараются имѣть у себя такую настойку.

Во всякомъ случаѣ, какое бы изъ числа поименованныхъ средствъ ни попалось подъ руку, нужно употреблять его поскорѣе: при скорой помощи боль значительно уменьшается и скоро проходитъ. Запасшись небольшимъ количествомъ обыкновеннаго нашатырнаго спирта или какого нибудь растительнаго масла, и наблюдая, разумѣется, нѣкоторыя предосторожности [1]), человѣкъ путешествующій или живущій въ За-

---

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: всегда тщательно осматривать помѣщеніе, въ которомъ предполагается провести ночь, мебель, на которой придется спать, постельное бѣлье. Очень часто при этомъ можно найти въ какомъ нибудь защищенномъ отъ свѣта углѣ, въ щеляхъ скамьи, подъ досками кровати, въ складкахъ матраца, подъ подушками—скорпіоновъ, не успѣвшихъ на зарѣ убѣжать въ свое гнѣздо и пріютившихся какъ попало. Кровать нужно ставить всегда подальше отъ стѣнъ, а зажженную свѣчу подальше отъ кровати. Не худо насыпать кругомъ кровати персидскій порошокъ, скорпіоны терпѣть не могутъ его запаха и ни за что не рѣшатся ползти черезъ него. Утромъ, одѣваясь, необходимо предварительно встряхнуть одежду, осмотрѣть обувь, куда, какъ говорятъ, скорпіоны любятъ забираться (мнѣ впрочемъ ни разу не случалось находить скорпіоновъ въ своей обуви, хотя она и стояла всегда на полу). Я уже сказалъ выше, что скорпіонъ жалитъ человѣка только въ крайности, когда не имѣетъ возможности убѣжать или испуганъ чѣмъ нибудь; очень часто скорпіонъ ночью, охотясь за насѣкомыми, всползаетъ на спящихъ людей, бѣгаетъ по нимъ, забираясь даже на подушки, подъ покрывало; если его ничто не испугаетъ сильно, то онъ скоро сбѣгаетъ прочь, особенно если спящій сдѣлаетъ небольшое движеніе. Замѣтивъ бѣгущаго или сидящаго на тѣлѣ скорпіона и не будучи въ состояніи почему либо быстро сбросить съ себя незваннаго посѣтителя, лучше всего лежать спокойно и ожидать, пока скорпіонъ убѣжитъ, что послѣдуетъ весьма скоро. Если желаютъ схватить скорпіона руками, то нужно стараться схватить его за кон-

кавказьи, можетъ считать себя вполнѣ гарантированнымъ, если не отъ ужаленія скорпіоновъ (вслѣдствіе какой нибудь случайности можно подвергнутся ужаленію этого животнаго), то отъ сильной и продолжительной боли.

«Ни одно живое существо, говоритъ одинъ писатель [1]), не возбуждало такъ сильно воображеніе древнихъ натуралистовъ, какъ скорпіонъ». Это справедливо, но мнѣ кажется, что немалая часть и позднѣйшихъ изслѣдователей, въ этомъ отношеніи, также не далеко ушла отъ древнѣйшихъ натуралистовъ. Чѣмъ, напримѣръ, какъ не возбужденнымъ воображеніемъ можно объяснить слѣдующую тираду весьма почтенныхъ энтомологовъ Кирби и Спенса: «Если бы вы, обращаются они къ читателямъ, встрѣтили бы одного изъ этихъ лютыхъ животныхъ, почти въ футъ длины, если бы вы увидали его приближающимся съ присущими ему угрожающими жестами — растопыренными клешнями и загнутымъ на спину членистымъ хвостомъ, думаю, что какъ бы мужественно ни билось ваше сердце, все-таки, подъ вліяніемъ охватывавшаго васъ ужаса (!), вы отскочили бы въ сторону. Если бы вы даже не имѣли понятія о свойствахъ этого животнаго, то, уже въ виду такихъ злонамѣренныхъ пріемовъ его, вы навѣрное рѣшили бы, что они служатъ предвѣстниками злонамѣренныхъ дѣйствій и не ошиблись бы!» [2]). Можно подумать, что рѣчь идетъ о Naja, Crotalus, или хоть о ягуарѣ, тигрѣ, животныхъ свирѣпыхъ, могущихъ напасть и лишить жизни человѣка, прежде чѣмъ онъ помыслитъ о защитѣ, а не о скорпіонѣ, существѣ неповоротливомъ, которое (даже будь оно и въ футъ длины, что, къ слову сказать, до необычайности рѣдко бываетъ) не трудно убить первою, подъ руки подвернувшеюся палкою или какимъ нибудь другимъ твердымъ предметомъ.

Другой натуралистъ Вудъ [3]) съ не меньшимъ пафосомъ сообщаетъ, что сидящій въ норѣ скорпіонъ, почувствовавъ прикосновеніе влитой туда воды, оставляетъ свое убѣжище въ ужасномъ гнѣвѣ и выходитъ оттуда, выставляя впередъ свои клешни и *«дико щелкая ими на врага»*.

Ужь какъ это ухитряется, сравнительно небольшое суставчатое дико щелкать на врага клешнями, этого вѣроятно и самъ Вудъ не объяснитъ

чикъ хвоста, приближая къ животному пальцы непремѣнно сзади его, а не сверху; глаза у скорпіона на голово-груди велики, видитъ онъ ими отлично и скоро замѣтитъ приближающіеся къ нему пальцы.

[1]) Сборникъ «Природа» 1876 г. № 1 стр. 34.

[2]) Kyrby et Spence Einl. in die Ent.

[3]) Вудъ—Гнѣзда, норы и логовища, Спб. 1867 г. изд. Вольфа, стр. 107.

Кирби и Спенсъ увѣряютъ также, что *ни одно* изъ извѣстныхъ животныхъ не имѣетъ такихъ дикихъ и свирѣпыхъ нравовъ, какъ скорпіонъ [1]), а Брэмъ находитъ даже, что вся наружность скорпіона какъ бы приспособлена къ тому, чтобы служить символомъ лукавства и злобы [2]).

Рѣдкій изъ писавшихъ о скорпіонѣ натуралистовъ или путешественниковъ, упоминая о скорпіонѣ, ограничивался собственнымъ именемъ животнаго, безъ прибавленія къ нему разныхъ прилагательныхъ: лютый, дикій, свирѣпый и т. п.; наружность скорпіоновъ описывалась какъ одна изъ самыхъ отвратительныхъ; словомъ, если мать природа была скорпіону мачихою, то писавшіе о немъ отнеслись къ нему еще хуже. Всего удивительнѣе что такъ отзываются люди болѣе или менѣе знакомые съ нравами и образомъ жизни остальныхъ членовъ животнаго царства. Сравнивая эти послѣдніе съ нравами скорпіоновъ, рѣшительно не понимаешь вышеприведенныхъ отзывовъ, которые можно объяснить какъ я уже выше и сказалъ, только возбужденнымъ воображеніемъ. Я уже не говорю объ отзывахъ, основанныхъ на наружномъ видѣ скорпіоновъ: наружность, говорятъ, обманчива, нигдѣ эта поговорка не оправдывается такъ блистательно какъ среди суставчатыхъ животныхъ, въ числѣ которыхъ существуютъ сотни видовъ, свирѣпыхъ и отталкивающихъ по наружности, а въ сущности смиреннѣйшихъ и безвредныхъ животныхъ,—стоитъ вспомнить, напримѣръ, гусеницъ нѣкоторыхъ бабочекъ: Di cranura, Hargia, нѣкоторыхъ Diptera, Orthoptera и др.

Скорпіоновъ характеризуютъ какъ животныхъ дикихъ, свирѣпыхъ и лукавыхъ; дѣйствительно ихъ нравы не отличаются мягкостью, но совсѣмъ не таковы, чтобы этихъ животныхъ можно было выдѣлить изъ громаднаго числа суставчатыхъ, въ виду исключительно худыхъ ихъ качествъ. Они не только не превосходятъ ими остальныхъ животныхъ, какъ увѣряютъ Кирби и Спенсъ, но напротивъ—уступаютъ въ этомъ отношеніи многимъ изъ нихъ. Извѣстно напримѣръ, что нѣкоторыя изъ числа высшихъ позвоночныхъ убиваютъ слабѣйшихъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ имъ необходимо для насыщенія (лиса, куницы и др.), скорпіоны, напротивъ, преслѣдуютъ, употребляемыхъ ими въ пищу, животныхъ только до тѣхъ поръ,—пока не насытятся; разъ они насыщены любое мелкое суставчатое даже не привлекаетъ ихъ вниманія; въ этомъ

---

[1]) Kyrby et Spence. Ein. in die Ent.
[2]) Брэмъ, Илл. ж. жив. Т. VI. стр. 551.

отношеніи они не подражаютъ даже нѣкоторымъ своимъ ближайшимъ родичамъ—паукамъ, считающимъ своею непремѣнною обязанностью оплести паутиною попавшуюся въ ихъ тенета муху или комара, даже будучи вполнѣ сытыми. Жившіе у меня скорпіоны схватывали и съѣдали предлагаемыхъ имъ въ пищу насѣкомыхъ только до тѣхъ поръ, пока не насыщались, а затѣмъ отказывались брать и покойно смотрѣли на разгуливавшихъ въ занимаемыхъ ими банкахъ разныхъ мухъ и поденокъ, съ оборванными крыльями, чего никакъ не сдѣлаетъ лютое и кровожадное животное. Скорпіоны ѣдятъ дѣтей своихъ, ихъ самки пожираютъ своихъ воздыхателей или супруговъ, наконецъ, въ дракахъ, они пожираютъ другъ друга. Такое поведеніе рисуетъ нашихъ животныхъ совсѣмъ не въ привлекательномъ видѣ; но нельзя упускать изъ виду, что вѣдь это случается не сплошь да рядомъ; что, напротивъ, по большей части оно имѣетъ мѣсто въ исключительныхъ случаяхъ во время сильнаго голода, раздраженія и пр., и опять таки этими нравами скорпіоны значительно схожи съ большимъ числомъ другихъ животныхъ, даже съ тѣми, которыхъ вовсе не считаютъ лютыми и кровожадными. Сомнительно, напримѣръ, чтобы кто либо назвалъ домашнюю собаку кровожаднымъ животнымъ, а между тѣмъ она иногда поѣдаетъ собственныхъ щенковъ. О такомъ случаѣ, между прочимъ, упоминаетъ Кэнъ, одна изъ собакъ котораго ощенилась и вскорѣ сожрала нѣсколькихъ своихъ щенятъ [1]). Свиньи также не считаются лютыми животными, хотя частенько поѣдаютъ своихъ поросятъ, такъ же поступаютъ кошки; птицы расклевываютъ и выпиваютъ снесенныя ими же яица. Случаи съѣданья самцовъ самками у высшихъ позвоночныхъ не были наблюдаемы, да едва ли и могли имѣть мѣсто, потому что самцы позвоночныхъ почти всегда сильнѣе самокъ, за то обратные факты бывали: такъ, Черкасовъ упоминаетъ о медвѣдѣ, который, во время течки, загрызъ медвѣдицу и съѣлъ у нея часть тѣла [2]). Что же касается до низшихъ животныхъ, напр. суставчатыхъ, то едва ли не всѣ хищники (личинки и взрослые) творятъ то же, что и скорпіоны. Личинки Dytiscus'a, Aeschna, Zibellula и др. поѣдаютъ другъ друга, ни мало не стѣсняясь близкимъ родствомъ. Извѣстный Mantis religiosa — Богомолка, смиренно сложивъ переднія

[1]) Кэнъ. Путешествія и открытія второй Гренельской экспедиціи. Спб. 1866 г. 2-ое изданіе Вольфа стр. 154.

[2]) Черкасовъ. Записки охотника Восточной Сибири 1867 г. Спб., стр. 104.

Кирби и Спенсъ увѣряютъ также, что *ни одно* изъ извѣстныхъ животныхъ не имѣетъ такихъ дикихъ и свирѣпыхъ нравовъ, какъ скорпіонъ [1]), а Брэмъ находитъ даже, что вся наружность скорпіона какъ бы приспособлена къ тому, чтобы служить символомъ лукавства и злобы [2]).

Рѣдкій изъ писавшихъ о скорпіонѣ натуралистовъ или путешественниковъ, упоминая о скорпіонѣ, ограничивался собственнымъ именемъ животнаго, безъ прибавленія къ нему разныхъ прилагательныхъ: лютый, дикій, свирѣпый и т. п.; наружность скорпіоновъ описывалась какъ одна изъ самыхъ отвратительныхъ; словомъ, если мать природа была скорпіону мачихою, то писавшіе о немъ отнеслись къ нему еще хуже. Всего удивительнѣе что такъ отзываются люди болѣе или менѣе знакомые съ нравами и образомъ жизни остальныхъ членовъ животнаго царства. Сравнивая эти послѣдніе съ нравами скорпіоновъ, рѣшительно не понимаешь вышеприведенныхъ отзывовъ, которые можно объяснить какъ я уже выше и сказалъ, только возбужденнымъ воображеніемъ. Я уже не говорю объ отзывахъ, основанныхъ на наружномъ видѣ скорпіоновъ: наружность, говорятъ, обманчива, нигдѣ эта поговорка не оправдывается такъ блистательно какъ среди суставчатыхъ животныхъ, въ числѣ которыхъ существуютъ сотни видовъ, свирѣпыхъ и отталкивающихъ по наружности, а въ сущности смиреннѣйшихъ и безвредныхъ животныхъ,—стоитъ вспомнить, напримѣръ, гусеницъ нѣкоторыхъ бабочекъ: Di cranura, Hargia, нѣкоторыхъ Diptera, Orthoptera и др.

Скорпіоновъ характеризуютъ какъ животныхъ дикихъ, свирѣпыхъ и лукавыхъ; дѣйствительно ихъ нравы не отличаются мягкостью, но совсѣмъ не таковы, чтобы этихъ животныхъ можно было выдѣлить изъ громаднаго числа суставчатыхъ, въ виду исключительно худыхъ ихъ качествъ. Они не только не превосходятъ ими остальныхъ животныхъ, какъ увѣряютъ Кирби и Спенсъ, но напротивъ—уступаютъ въ этомъ отношеніи многимъ изъ нихъ. Извѣстно напримѣръ, что нѣкоторыя изъ числа высшихъ позвоночныхъ убиваютъ слабѣйшихъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ имъ необходимо для насыщенія (лиса, куницы и др.), скорпіоны, напротивъ, преслѣдуютъ, употребляемыхъ ими въ пищу, животныхъ только до тѣхъ поръ,—пока не насытятся; разъ они насыщены любое мелкое суставчатое даже не привлекаетъ ихъ вниманія; въ этомъ

---

[1]) Kyrby et Spence. Ein. in die Ent.
[2]) Брэмъ, Илл. ж. жив. Т. VI. стр. 551.

отношеніи они не подражаютъ даже нѣкоторымъ своимъ ближайшимъ родичамъ—паукамъ, считающимъ своею непремѣнною обязанностью оплести паутиною попавшуюся въ ихъ тенета муху или комара, даже будучи вполнѣ сытыми. Жившіе у меня скорпіоны схватывали и съѣдали предлагаемыхъ имъ въ пищу насѣкомыхъ только до тѣхъ поръ, пока не насыщались, а затѣмъ отказывались брать и покойно смотрѣли на разгуливавшихъ въ занимаемыхъ ими банкахъ разныхъ мухъ и поденокъ, съ оборванными крыльями, чего никакъ не сдѣлаетъ лютое и кровожадное животное. Скорпіоны ѣдятъ дѣтей своихъ, ихъ самки пожираютъ своихъ воздыхателей или супруговъ, наконецъ, въ дракахъ, они пожираютъ другъ друга. Такое поведеніе рисуетъ нашихъ животныхъ совсѣмъ не въ привлекательномъ видѣ; но нельзя упускать изъ виду, что вѣдь это случается не сплошь да рядомъ; что, напротивъ, по большей части оно имѣетъ мѣсто въ исключительныхъ случаяхъ во время сильнаго голода, раздраженія и пр., и опять таки этими нравами скорпіоны значительно схожи съ большимъ числомъ другихъ животныхъ, даже съ тѣми, которыхъ вовсе не считаютъ лютыми и кровожадными. Сомнительно, напримѣръ, чтобы кто либо назвалъ домашнюю собаку кровожаднымъ животнымъ, а между тѣмъ она иногда поѣдаетъ собственныхъ щенковъ. О такомъ случаѣ, между прочимъ, упоминаетъ Кэнъ, одна изъ собакъ котораго ощенилась и вскорѣ сожрала нѣсколькихъ своихъ щенятъ [1]). Свиньи также не считаются лютыми животными, хотя частенько поѣдаютъ своихъ поросятъ, такъ же поступаютъ кошки; птицы расклевываютъ и выпиваютъ снесенныя ими же яица. Случаи съѣданья самцовъ самками у высшихъ позвоночныхъ не были наблюдаемы, да едва ли и могли имѣть мѣсто, потому что самцы позвоночныхъ почти всегда сильнѣе самокъ, за то обратные факты бывали: такъ, Черкасовъ упоминаетъ о медвѣдѣ, который, во время течки, загрызъ медвѣдицу и съѣлъ у нея часть тѣла [2]). Что же касается до низшихъ животныхъ, напр. суставчатыхъ, то едва ли не всѣ хищники (личинки и взрослые) творятъ то же, что и скорпіоны. Личинки Dytiscus'a, Aeschna, Zibellula и др. поѣдаютъ другъ друга, ни мало не стѣсняясь близкимъ родствомъ. Извѣстный Mantis religiosa — Богомолка, смиренно сложивъ переднія

---

[1]) Кэнъ. Путешествія и открытія второй Гренельской экспедиціи. Спб. 1866 г. 2-ое изданіе Вольфа стр. 154.

[2]) Черкасовъ. Записки охотника Восточной Сибири 1867 г. Спб., стр. 104.

оконечности (щупала) на груди, моментально вытягиваетъ ихъ и схватываетъ проходящаго вблизи собственнаго дѣтища, конечно, не для материнскихъ ласкъ, а на закуску. Драчлива Mantis до чрезвычайности: стоитъ встрѣтиться двумъ богомолкамъ, онѣ немедленно вцѣпляются своими длинными клешнями-щупалами другъ, въ друга, а вцѣпившись, немедленно начинаютъ ѣсть другъ друга одновременно. Нельзя сказать, чтобы онѣ были при этомъ разборчивы относительно кушанья нѣтъ!—какая часть тѣла подвернется ближе ко рту, ту и ѣдятъ: иногда одинъ кушаетъ глазъ своего противника, а тотъ уловчается грызть ему шею; или одинъ грызетъ шею въ то время, когда его собственное брюшко поѣдается противникомъ; если никто не мѣшаетъ, то взаимное яденіе продолжается до тѣхъ поръ, пока который нибудь изъ враговъ не ослабѣетъ, весь вопросъ въ томъ, какую часть тѣла ѣдятъ и кто быстрѣе ѣстъ. Въ виноградныхъ садахъ Закавказья, гдѣ Mantis встрѣчается въ большомъ количествѣ, въ концѣ августа довольно трудно поймать хорошій неповрежденный экземпляръ этого животнаго: то усиковъ или ногъ не хватаетъ, то выѣденъ глазъ, кусокъ бока или изгрызены крылья, брюшко. Мнѣ нерѣдко удавалось тамъ видѣть, что спарившаяся самка Mantis ѣла своего, поистинѣ злополучнаго супруга, который даже не имѣлъ возможности уйти отъ нея,—тутъ уже и драки не могло быть. Ничего подобнаго нельзя встрѣтить у скорпіоновъ. Замѣчаютъ также что скорпіоны, посаженные вмѣстѣ, немедленно начинаютъ драку и быстро уменьшаются въ числѣ, поѣдая систематически болѣе слабыхъ своихъ собратій. Но то же самое происходитъ и между Blatta, Carabicidae, Oedipodae, Mantis и др. Тутъ все-таки на первомъ планѣ неестественное помѣщеніе, голодъ и сильное раздраженіе. Извѣстно, что волки, зимою, когда они мучимы сильнымъ голодомъ, нападаютъ на другихъ болѣе слабыхъ волковъ, загрызаютъ ихъ въ дракѣ до смерти и, затѣмъ, съѣдаютъ; голодъ побуждаетъ и людей ѣсть себѣ подобныхъ, уже не говоря о томъ, что существуютъ еще племена, которыя послѣ сраженій употребляютъ въ пищу нѣкоторыхъ побѣжденныхъ.

Скорпіоновъ даже нельзя, собственно говоря, считать очень драчливыми животными: они дерутся только съ себѣ подобными, съ другими животными никогда. Разумѣется, если посадить скорпіона вмѣстѣ съ другими суставчатыми въ одно, притомъ не просторное помѣщеніе, то *въ концѣ* концовъ онъ убьетъ всѣхъ тѣхъ своихъ сожителей, которыхъ *будетъ въ состояніи* проколоть своимъ жаломъ, но такого рода убій-

ство вовсе не есть слѣдствіе лютости или кровожадности скорпіона. Въ данномъ случаѣ онъ наноситъ смерть, быть можетъ помимо своей воли; во всякомъ случаѣ, скорѣе изъ трусости, желанія гарантировать собственную жизнь, чѣмъ изъ кровожадности. Посаженныя съ скорпіономъ животныя обыкновенно въ испугѣ, желая спастись во что бы то ни стало, мечутся въ разныя стороны, не обращая вниманія на скорпіона, летаютъ, бѣгаютъ по дну банки, при этомъ часто задѣваютъ скорпіона, толкаютъ его, иногда даже взбираются на него, пробѣгаютъ по немъ. Испуганный и ошеломленный скорпіонъ самъ суетится, бѣгаетъ и бьется, по своей всегдашней привычкѣ, хвостомъ во всѣ стороны, очевидно, мягкокрылые животныя, подвертывающіяся подъ ударъ, погибаютъ; напротивъ, твердокрылые жуки, неуязвимые для жала скорпіона, остаются цѣлыми и невредимыми.

Я уже говорилъ выше о томъ незначительномъ, собственно говоря, вредѣ, который причиняютъ скорпіоны домашнимъ животнымъ и человѣку. Вредъ этотъ, по моему мнѣнію, едва ли не искупается вполнѣ пользою, приносимою скорпіонами, уничтожающими, благодаря своей прожорливости, вѣроятно, огромное количество насѣкомыхъ, какъ въ домахъ, такъ и на открытомъ воздухѣ. Человѣкъ, поживший или живущій на югѣ Закавказья и испытавшій на себѣ нападеніе легіоновъ разныхъ двухкрылыхъ, четырехкрылыхъ и безкрылыхъ, особенно надоѣдающихъ въ жаркое и безъ нихъ томительное время года, не можетъ не отнестись съ признательностью къ скорпіонамъ, пожирающимъ изрядное количество этихъ назойливыхъ тварей.

А. Свиридовъ.

ЛЬДЫ И СТЕПИ *).

(Диксонъ).

ГЛАВА I.

На сѣверѣ.—Ледовитое море.—Сѣверная Двина.—Архангельскъ.

«Бѣлое море», усмѣхнулся датскій шкиперъ, искривляя свои тонкія красныя губы;» это скорѣе цвѣтъ англійскаго портера. Дно можетъ быть и бѣлое, такъ какъ оно должно быть усѣяно костями несчастныхъ, погибшихъ въ немъ, но волны бываютъ бѣлыми только тогда, когда онѣ закованы въ ледъ и укутаны снѣгомъ. Ему гораздо болѣе пристало бы названіе Ледовитаго моря, какъ его называютъ матросы и охотники за тюленями».

Обойдя Нордъ-Капъ, сѣдую массу скалъ, далеко вдающуюся въ океанъ, мы направились на юго-востокъ и шли подъ дождемъ и вѣтромъ два долгихъ дня, въ теченіе которыхъ солнце не вставало и не садилось, и хотя была заря въ полночь, за то въ полдень было сумрачно.

Оставивъ за собою живописныя очертанія фіордовъ, мы направились вдоль темнаго, однообразнаго берега, часто покрытаго, пеленою тумана, пока, черезъ двое сутокъ, мы наконецъ не почувствовали, такъ сказать, передъ собою земли въ видѣ низкой, неопредѣленной полосы вдалекѣ, какъ вечернія облака, тянущейся къ югу.

---

*) Полный переводъ сочиненія Диксона «Свободная Россія» не интересенъ для русскаго; нѣкоторые же отрывки изъ него не лишены интереса.
СБОРНИКЪ.

Мы взяли къ югу и вошли, между св. Носомъ и Каниным мысомъ, въ проливъ миль 30 шириною, соединяющій Полярный океанъ съ Ледовитымъ моремъ *).

Земля, лежащая направо отъ насъ,—Лапландія, страна безплодных равнинъ и глубокихъ черныхъ озеръ, гдѣ бродятъ нѣсколько охотниковъ и рыболововъ,—подданные русскаго Царя и послѣдователи православной вѣры, но говорящіе, на собственномъ языкѣ, который не понимаютъ въ Россіи, и слѣдующіе обычаямъ своихъ отцовъ, не признаваемымъ православною церковью. Лапландія есть смѣсь скалъ и озеръ, огромныхъ изломанныхъ скалъ и глубокихъ черныхъ озеръ; тамъ и здѣсь, между ними вьется долина, и на склонахъ ея немного оленьяго моха; кое—гдѣ набредешь на березу или сосну.

Никакой злакъ здѣсь не произрастаетъ, и пищею туземцамъ служатъ рыба и дичь. Ржаной хлѣбъ, ихъ единственная роскошь, привозится на лодкахъ изъ Онеги и Архангельска, куда онъ доставляется изъ южныхъ губерній.

Лапландцы, все еще номады, зимою жмутся въ лачугахъ, лѣтомъ же раскладываютъ юрты, т. е. палатки. Зимою ихъ жилье состоитъ изъ бревенчатой пирамиды, покрытой мхомъ для предохраненія отъ вѣтра и слякоти. Юрта же ихъ камчатскаго типа: это конусъ изъ оленьихъ шкуръ, подпираемый шестомъ посреди, и съ отверстіемъ для дыма наверху.

Лапландецъ переноситъ свое жилье съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года; то онъ гоняется за дичью по склонамъ холмовъ, то носится по рѣкамъ и заливамъ за рыбою; въ теплые мѣсяцы вдается въ материкъ въ поиски за мхомъ и травою; въ холодные приближается къ берегу, для ловли тюленей и трески. Мужчины равно искусны въ управленіи лукомъ, ихъ древнимъ оборонительнымъ оружіемъ, и ружьемъ, завезеннымъ къ нимъ колонистами. Женщины на видъ не особенно привлекательны въ своихъ штанахъ изъ тюленьей и рубашкахъ изъ оленьей шкуры, но онѣ славятся волшебствомъ и ясновидѣніемъ. Въ каждой области Лапландіи есть непремѣнно своя колдунья; дьяволъ у нея постоянно подъ бокомъ и обязанъ повиноваться ея волѣ. Она предвидитъ будущее и можетъ призвать на человѣка всякое несчастіе. Она можетъ унестись въ пространство и заколдовать плывущіе подъ нею корабли. Далеко въ

*) Ледовитымъ моремъ Диксонъ вездѣ называетъ Бѣлое.

Полярномъ морѣ, тамъ, гдѣ ея соотечественники ловятъ треску, стоитъ глыба скалъ, называемыхъ матросами «Женщина съ ребенкомъ». Это весьма обыкновенное явленіе въ арктическихъ моряхъ, гдѣ волны постоянно плеща объ утесы, размываютъ ихъ и придаютъ имъ самыя прихотливыя формы; скала на Нордъ-Капѣ называется *Монахъ*; группа островковъ близъ этого мыса извѣстна подъ названіемъ *Мать и ея дочери*. Видимая сквозь завѣсу полярнаго тумана, глыба камня принимаетъ самыя таинственныя формы: та же самая скала, которая теперь называется «Женщина съ ребенкомъ» прежде, была извѣстна у рыбаковъ подъ именемъ «Золотой Вѣдьмы». Она рѣдко видна: лѣтомъ облака, а зимою снѣга скрываютъ ея прелести отъ глазъ рыбаковъ. Но когда она удостоиваетъ показать свое лицо при яркомъ солнечномъ блескѣ, ея дѣти привѣтствуютъ ее радостными пѣснями, потому что, видя ея лицо, они знаютъ, что трудъ ихъ будетъ благословленъ богатою добычею шкуръ и рыбы.

Горе моряку, выброшенному на ихъ берегъ!

Земля, по лѣвую руку отъ насъ, есть полуостровъ Канинъ, часть той области, гдѣ блуждаютъ самоѣды, снѣжная и ледяная пустыня, еще болѣе дикая, чѣмъ страна, обитаемая лапландцами. Страна безъ селеній, безъ дорогъ, безъ полей, даже безъ имени, потому что русскіе, которымъ она принадлежитъ, не имѣютъ для нея другаго названія кромѣ земли Самоѣдовъ. Эта страна простирается на сѣверъ и на востокъ отъ Архангельска и Канина мыса до вершинъ Уральской цѣпи и до Желѣзныхъ Воротъ въ Карскомъ морѣ. Въ ея ущельяхъ и на вершинахъ горъ снѣгъ никогда не таетъ, а ея береговая линія, простирающаяся на востокъ болѣе чѣмъ на 2000 миль, покрыта снѣгомъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ изъ двѣнадцати.—Въ іюнѣ, когда внезапно является весна, склоны нѣкоторыхъ долинъ покрываются оленьимъ мохомъ, но этихъ зеленыхъ пятнышекъ слишкомъ мало, чтобъ развеселить ландшафтъ, который даже и тогда чернѣетъ лишь утесами и сѣрѣетъ инеемъ. Этимъ зеленымъ мхомъ питаются олени, а этими послѣдними, верблюдами полярныхъ странъ, пропитываются дикари-туземцы.

Самоѣдъ, по объясненію нѣкоторыхъ, значитъ—людоѣдъ, но дѣйствительно ли люди, странствующіе по этимъ пескамъ и болотамъ, заслуживаютъ эту дурную славу,—остается вопросомъ открытымъ *). Они

*) Понятно, что это открытый вопросъ только для г. Диксона, который, не смотря на множество своихъ путешествій, не отличается большими знаніями.

не употребляютъ огня для приготовленія пищи, а ѣдятъ оленину сырою; можетъ быть это-то обстоятельство и послужило къ обвиненію ихъ въ любви къ человѣческому мясу. Гоняясь за дичью, которою они питаются, самоѣды перебрались черезъ Уральскій хребетъ на сѣверъ Азіи, занявъ въ ней столь холодную и безплодную полосу земли, что всякая другая человѣческая расса не могла бы въ ней выжить. Здѣсь ихъ нашли зыряне, способный и смѣлый народъ. Они красивѣе самоѣдовъ, живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, какъ и другіе русскіе, и обладаютъ огромными стадами сѣверныхъ оленей, которыя пасти они заставляютъ самоѣдовъ. Это служеніе высшей рассѣ постепенно преобразовываетъ дикаго самоѣда въ цивилизованнаго человѣка, такъ какъ даетъ ему сознаніе собственности и уваженіе къ чужой жизни. Краснокожій убиваетъ звѣря, за которымъ охотится, убиваетъ безъ нужды, въ животномъ сознаніи своей силы. Самоѣдъ поступилъ бы точно также, но зырянинъ научилъ его воспитывать и пасти свою пищу, точно такъ какъ и охотиться и ставить силки.

Дикарь, стоящій лишь одною ступенью выше самыхъ первобытныхъ рассъ, самоѣдъ не строитъ, не засѣваетъ полей и не признаетъ земельной собственности. Онъ живетъ, какъ лапландецъ, въ юртѣ, т. е. палаткѣ, тѣ же кожи, сшитыя вмѣстѣ кишками и прикрѣпленныя къ шесту; внутри набросаны шкуры для спанья. Никакого искусства не потрачено при устройствѣ этой юрты. Однако, самоѣды имѣютъ понятіе о сельской жизни и даже о правительствѣ. Собраніе юртъ называется чумомъ. Каждый чумъ управляется знахаремъ.

Нынѣ царствующій Императоръ прислалъ сюда нѣсколько священниковъ, какъ во время оно Марѳа Посадница послала священниковъ и монаховъ въ Лапландію и Карелію, надѣясь отвратить туземцевъ отъ ихъ языческихъ обычаевъ и привести ихъ къ церкви Христовой. Надо надѣяться, что этими священниками принесена кой-какая польза; но русскій, знающій хорошо страну и народъ, посмѣивается, когда вы спрашиваете о ихъ дѣяніяхъ въ Обской губѣ и вокругъ Карскаго моря.

Сквозь ворота, охраняемыя этими племенами, мы входимъ въ Россію; здѣшнихъ лѣсовъ и равнинъ никогда не попирала нога татарина.

Но почему входить намъ въ Россію съ сѣвера? Если бы Великій Моголъ покорилъ Англію въ XVII столѣтіи; если бы азіатскіе нравы господствовали въ Лондонѣ въ теченіе двухъ вѣковъ; еслибы наконецъ *Британія отвоевала* себѣ свою древнюю свободу и гражданскую жизнь:—

откуда бы наблюдатель, желающій видѣть англичанъ такими, каковы они есть, началъ свои наблюденія? Не началъ ли бы онъ ихъ скорѣе съ Массачузетса, чѣмъ съ Миддльсэкса, даже хотя бы ему пришлось завершить ихъ на Мерси и на Темзѣ?

Изучающій Свободную Россію, получившую начало лишь со времени Крымской войны, долженъ начать свои наблюденія съ сѣвера, такъ какъ только въ этой странѣ лѣсовъ и озеръ славянская расса осталась свободною отъ посторонняго вліянія и несломленною чужеземнымъ игомъ. Страна отъ Онеги до Перми, — въ семь разъ больше Франціи, — была колонизована новгородцами въ то время, когда великій Новгородъ былъ еще великимъ городомъ, славившимся торговлею, благочестіемъ и искусствами, соперникомъ Франкфурта и Флоренціи, входившимъ, какъ Лондонъ и Брюгге, въ составъ Ганзейскаго союза. Его колоніи твердо держались хартіи свободы. Онѣ не склонялись подъ татарское иго и не научились ходить нѣмецкими путями. Онѣ не знали господъ и не держали рабовъ. «У насъ никогда не бывало, сказалъ мнѣ архангельскій земледѣлецъ, ни благородныхъ, ни рабовъ». Онѣ слѣдовали въ злѣ и добрѣ обычаямъ старины.

Не смотря на всяческое давленіе, этихъ свободныхъ колонистовъ не могли заставить принять преобразованную официальную литургію, предпочтительно передъ ихъ древними обрядами; они держались также своего древняго языка, когда на немъ уже перестали говорить въ столицѣ, и, когда приспѣло время, они послали геніальнаго мальчика-крестьянина (Ломоносова) научить этому народному языку академію, сенатъ, дворъ.

Мы выходимъ изъ узкаго пролива, отдѣляющаго Лапландію отъ земли самоѣдовъ, въ Бѣлое море.

Вдвое болѣе озера Верхняго, въ Соединенныхъ Штатахъ, Бѣлое море формою своею напоминаетъ нѣсколько озеро Комо: одинъ узкій сѣверный заливъ, доходящій до Кандалакши въ Русской Лапландіи, и два южныхъ залива, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго широкимъ песчанымъ полуостровомъ, обитаемымъ нѣсколькими рыбаками, занимающимися ловлею трески и тюленей. Эти южные заливы называются отъ рѣкъ, впадающихъ въ нихъ, Онежскою и Двинскою губами. Въ устьяхъ этихъ рѣкъ стоятъ два торговыхъ порта: Онега и Архангельскъ.

Открытая часть этого моря очень глубока, отъ 360 до 480 футовъ и въ одномъ мѣстѣ линь показываетъ около 1000 ф. Однако, берега не круты и не высоки. Онежская губа богата подводными камнями и островками, — послѣдніе часто только песчаныя отмели, намываемыя въ море

съ каргопольскаго нагорія, но въ широкомъ входѣ въ Онежскую губу, между Орловымъ носомъ и городомъ Кемью, стоитъ значительная группа острововъ: Соловецкіе, Анзерскій, Муксальма, Заячій и др. Острова эти играютъ важную роль въ исторіи Россіи. На Соловецкомъ островѣ значительнѣйшемъ изъ этой группы, стоитъ знаменитый монастырь того же названія, обитель св. Зосимы и Савватія, убѣжище св. Филиппа, святыня, на поклоненіе которой идутъ равно цари и крестьяне, мѣсто дѣйствія многихъ великихъ событій.

На Двинскомъ барѣ построенъ новый маякъ, гдѣ живутъ лоцманы; маякъ этотъ всего футовъ 80 шириною и часто не видѣнъ за туманомъ. Къ намъ является лоцманъ, съ мягкимъ, терпѣливымъ выраженіемъ лица, съ сѣро-голубыми глазами и массою темныхъ волосъ. Онъ говоритъ намъ робкимъ тономъ, какъ будто боясь, что мы разсердимся и прибьемъ его, что теперь вода идетъ на убыль и что мы должны ждать прибыли.

«Ждать прилива»,—оретъ нашъ датскій шкиперъ, «какъ бы не такъ; проваливай, мы обойдемся и безъ тебя!» Солнце какъ разъ выглянуло изъ-за тумана, но тучи спускаются все ниже и становится мрачнѣе; каждый чувствуетъ, что сейчасъ начнется штормъ. Двѣ барки близъ бара—«Тера» и «Ольга»—шатаются и бьются, какъ пьяныя, однако, нашъ блѣдный русскій лоцманъ, побуждаемый болѣе сильною волею, уступаетъ съ улыбкою, и, уменьшивъ на половину нашъ ходъ, мы медленно подвигаемся впередъ къ линіи красныхъ и черныхъ сигналовъ, находящихся передъ нами.

«Тера» и «Ольга» скоро остались за нами, дрожа всѣми своими шкотами какъ человѣкъ въ когтяхъ лихорадки. Въ полчаса мы прошли линію бакановъ и достигли внѣшняго порта. Какъ всѣ большія рѣки, Двина отложила въ своемъ устьѣ дельту острововъ большихъ и маленькихъ, и изливается въ море дюжиною рукавовъ. Ни одинъ изъ этихъ рукавовъ не можетъ считаться главнымъ, потому что рѣка прихотливѣе моря, такъ что шкиперъ, вышедшій изъ нея чрезъ одинъ рукавъ въ августѣ, можетъ быть принужденъ возвратиться въ іюнѣ черезъ другой. Главный проходъ на старыхъ картахъ пролегаетъ возлѣ монастыря св. Николая, затѣмъ пришла очередь острова Розы,—впослѣдствіи мимо Двинскаго форта; но штормы, свирѣпствовавшіе въ полярномъ морѣ въ теченіе двухъ лѣтъ, занесли этотъ проходъ Портовая полиція молчаливо наблюдала за этимъ. Что ей было дѣлать?—Архангельскъ былъ отрѣзанъ *отъ моря, пока*, наконецъ, одинъ датскій кузнецъ, устроившій въ но-

вомъ портѣ кузницу, не предложилъ иностраннымъ негоціантамъ нанять пароходъ и найти выходъ для ихъ кораблей. «Если вода идетъ внизъ, говорилъ онъ, то она должна была расчистить себѣ путь; постараемся найти его. Положили 100 фунтовъ въ банкъ, наняли пароходъ и нашли, что каналъ, называемый Майманскій рукавъ, достаточно глубокъ для прохода кораблей. Дѣло было сдѣлано, къ городу открытъ доступъ съ моря; но тутъ явился вопросъ о портовыхъ властяхъ и ихъ уставахъ.

Ни одна лодка не оставляла города чрезъ этотъ рукавъ, никакихъ правилъ на этотъ счетъ не было установлено, и портовая полиція не могла позволить кораблю поднять паруса, если бумаги его не были составлены по разъ принятой формѣ.

Напрасно негоціанты представляли, что случай это новый и для него должны быть составлены новыя правила. Но все это было напрасно. Съ одной стороны стоялъ флотъ кораблей, нагруженныхъ овсомъ и лѣсомъ для Эльбы, Мааса и Темзы, съ другой — глубокій многоводный рукавъ, а тутъ печатные уставы порта, не заботясь ни о прихотяхъ природы, ни о нуждахъ людей, запрещали кораблямъ двинуться въ путь по этому каналу.

Обратились къ князю Гагарину, архангельскому губернатору. Но у Гагарина, хотя онъ и подсмѣивался надъ этими формалистами, не было ни своего зерна, ни своего лѣсу на корабляхъ. Срединъ, остроумный начальникъ таможни, пытался открыть порты и освободить корабли, предлагая поставить на новый каналъ своихъ чиновниковъ; но полиція была—полиція. Напрасно ей представляли, что товары могли испортиться; что капиталъ, вложенный въ нихъ, лежалъ мертвымъ, что наконецъ каждый потерянный рубль составлялъ потерю для ихъ же города.

На мой вопросъ: «какъ же наконецъ устроилось дѣло?»—шкиперъ, самъ бывшій однимъ изъ плѣнниковъ въ портѣ, отвѣчалъ:—«Я вамъ разскажу въ двухъ словахъ. Мы отправили депутацію въ Петербургъ и получили разрѣшеніе».

Ветхозавѣтный еврей назвалъ бы это море выбѣленнымъ гробомъ. Даже люди науки, которымъ зимніе штормы представляются въ видѣ столбца цифръ столько-то затертыхъ льдомъ кораблей, столько-то утонувшихъ людей, найдутъ въ отчетахъ объ этой ледяной пучинѣ нѣкоторое оправданіе лапландскаго повѣрья о золотой вѣдьмѣ. Одинъ годъ былъ чрезвычайно трагическій, и еще не успѣла изчезнуть память объ одномъ темномъ днѣ гибели и смерти.

Въ концѣ іюня получено было въ Англіи изъ Архангельска сообщеніе

отъ англійскаго консула съ требованіемъ помощи. Сотня суновъ различныхъ націй и наименованій большею частію съ англійскою командою, погибала во льду. Нельзя ли что нибудь для нихъ сдѣлать? «Помощь отправляется»: телеграфировали изъ Черингъ Кросса, и 1-го іюля два парохода вышли изъ Темзы на помощь этимъ, погибающимъ въ полярныхъ льдахъ, кораблямъ и людямъ. Черезъ двѣ недѣли они оставили за собою мысъ на лапландскомъ берегу, а на слѣдующій день пытались, хотя и безуспѣшно, перейти черезъ мелкій архангельскій баръ: тѣмъ не менѣе, дѣло человѣколюбія было смѣло и быстро совершено англійскою командою.

Этотъ разноплеменный флотъ оставилъ Двинскій портъ при извѣстіи, что ледъ въ заливѣ взломало; но, достигнувъ пролива, чрезъ который мы только что прошли, онъ встрѣтилъ массу плавающаго и вздымающагося со всѣхъ сторонъ льда; ему все-таки удалось добраться до пролива между каменнымъ мысомъ и Св. Носомъ. Ледъ передъ нимъ стоялъ такою страшною массою, что не было никакой возможности пробираться далѣе, и корабли стонали подъ ударами, наносимыми имъ этими плавающими громадами. Поднялся свѣжій сѣверный вѣтеръ и, дуя безпрерывно въ теченіе трехъ дней, нагналъ въ проливъ еще большую массу полярныхъ льдовъ, принудивъ эскадру отступить и закрывъ совершенно выходъ въ открытое море. Корабли кидало во всѣ стороны, не смотря на всѣ усилія рулевыхъ провести ихъ на средину канала; а безпомощныя мелкія суда были выброшены на лапландскіе рифы, гдѣ матросы скоро очутились окруженными ледяными горами.

Словно пушечные выстрѣлы слышали матросы другихъ, болѣе крѣпкихъ кораблей гулъ отъ ломающихся подъ напоромъ льда судовъ. Когда одно судно разбивалось и опускалось ко дну, команда соскакивала на ледъ и перебѣгала на другое ближайшее судно, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько часовъ и съ него, можетъ быть, спасаться такимъ же образомъ. Одинъ матросъ утопалъ пять разъ въ теченіе дня: каждый разъ, какъ только онъ вступалъ на судно, оно разбивалось и погружалось въ ледяную пучину. Число кораблей, оставленныхъ командою, доходило до 64; изъ нихъ 14 спасено, а 50 погибло. Изъ этихъ 50 18 было англійской постройки и съ англійскою командою.

По Маймаксому рукаву мы идемъ верстъ двадцать дельтою, изъ низкихъ, покрытыхъ зеленью береговъ и острововъ, какъ на Миссури, хотя почва на Двинѣ не такая богатая и черноземная, какъ на Американской рѣкѣ. За ними на материкѣ тянется, покуда глазъ видитъ, *сосновый лѣсъ*.

Сѣверный

b.

Низкій островъ направо отъ насъ называется островъ Св. Николая, по имени смѣлаго епископа, ударившаго, какъ говоритъ преданіе, по щекѣ еретика Арія. Житія Святыя говорятъ, что онъ родился въ Ликіи, а жилъ въ Мирѣ, отсюда наименованіе Мирликійскаго; но не сохранилось ни строчки его писаній, а добродѣтели, приписываемыя ему, самыхъ противоположныхъ свойствъ. Онъ считается покровителемъ благородныхъ и дѣтей моряковъ, ходебщиковъ и странниковъ.

Это популярнѣйшій святой. Бѣдняки его любятъ; онъ считается другомъ нищихъ, рыбаковъ и бродягъ. Русскіе обращаются къ нему, какъ къ надеждѣ умирающихъ съ голоду и утопающихъ, такъ что часто слышишь его имя и видишь образъ въ этихъ сѣверныхъ пустыняхъ, на берегахъ рѣкъ и на окраинахъ Ледовитаго моря. Хотя его почитаютъ и по всей Россіи, но въ особенности въ этихъ сѣверныхъ странахъ. Тутъ онъ исключительно святой и покровитель смѣльчака-морехода; здѣшнюю дельту, по справедливости, можно назвать его областью, потому что по его имени называется не только островъ, о которомъ мы уже говорили, но и прежній проходъ и самая бухта. Древнѣйшій монастырь въ окрестности носитъ тоже его имя.

При входѣ въ Маймакскій рукавъ, зрѣніе, утомленное видомъ черныхъ скалъ, сѣрыхъ тучъ и угрюмаго буруна, отдыхаетъ на нѣжной зеленой травѣ и кустарникахъ. Но взглядъ напрасно ищетъ дома или фермы: на всемъ этомъ протяженіи мы встрѣтили только одну бревенчатую хижину. Двое мужчинъ стояли на берегу на небольшой прогалинѣ; мальчишка дурачился въ дрянной лодченкѣ, подбрасываемой волною отъ нашего парохода. Но изба была необитаема; эти люди пріѣхали сюда въ лодкѣ изъ-за нѣсколькихъ верстъ за травою для своихъ коровъ и за топливомъ для себя.

На берегахъ прежнихъ каналовъ деревни попадаются довольно часто; это небольшія группы домиковъ и церквей, кое-гдѣ монастыри и вѣтряныя мельницы, все на одинъ манеръ, безъ малѣйшихъ признаковъ оригинальности. На всѣхъ этихъ берегахъ видишь цѣлые лѣса крестовъ; застигнутый бурею морякъ выходитъ на берегъ и воздвигаетъ крестъ. Передъ этимъ знаменіемъ вѣры, онъ преклоняется съ молитвою, и когда поднимется попутный вѣтеръ, онъ оставляетъ свое приношеніе на пустынномъ берегу. Когда опасность велика, вся команда высаживается на берегъ, рубитъ высокія деревья и дѣлаетъ изъ нихъ кресты, вырѣзывая на каждомъ имя и число. Вокругъ всего сѣвернаго побе-

режья множество этихъ знаковъ благочестія, въ особенности же на скалахъ и берегахъ св. острововъ. Каждый крестъ воздвигнутъ въ воспоминаніе о бурѣ. Нѣкоторые имѣютъ историческія воспоминанія. Одинъ крестъ, поставленный Петромъ Великимъ, послѣ избавленія отъ крушенія въ ледяной пучинѣ, впослѣдствіи помѣщенъ въ архангельскій соборъ. «Этотъ крестъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ», гласитъ дощечка, вырѣзанная собственною рукою императора, и не безъ вкуса, такъ какъ Петръ былъ искусный рѣщикъ. Не заслуживаетъ-ли подражанія этотъ морской обычай, оставляющій на каждомъ берегу благословеніе? Англійскій матросъ склоненъ оставлять берегъ, гдѣ его задерживали плѣнникомъ противные вѣтры, съ проклятіемъ въ сердцѣ и со скверными словами на языкѣ.

Идя вверхъ по теченію, встрѣчаешь цѣлыя эскадры гонокъ и барокъ, гдѣ можно наблюдать до нѣкоторой степени мѣстные обычаи. Гонки— это плоты изъ бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями; на нихъ обыкновенно устроиваютъ сарайчикъ, или родъ избушки изъ досокъ для хозяина, рабочіе же спятъ на открытомъ воздухѣ. Эти гонки спускаются по Двинѣ и ея притокамъ за тысячи миль. Вырубленныя въ вологодскихъ лѣсахъ, бревна привозятся на берегъ и связываются въ широкія гонки. Въ городахъ нанимаютъ нѣсколько здоровыхъ работниковъ почти за даромъ, такъ какъ многіе бѣдные крестьяне рады спуститься по рѣкѣ, по дорогѣ къ Соловецкой святынѣ. За проѣздъ на гонкѣ, эти богомольцы помогаютъ грести и управлять гонкою. На судахъ жизнь не такъ сурова. По формѣ онѣ напоминаютъ игрушку, извѣстную подъ названіемъ Ноева Ковчега; огромный кузовъ изъ грубыхъ неотесанныхъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ, покрытъ остроконечною досчатою крышею. Онъ стоитъ отъ 6 до 7 сотъ рублей и поднимаетъ отъ 6 до 8 сотъ тоннъ зерна. Небольшая часть его отгорожена для жилья. Въ ней стоятъ грубо выдѣланные столъ, стулъ, полки. Съ бимса спускается чугунный котелокъ, въ которомъ рабочіе варятъ пищу, когда суда въ открытой рѣкѣ; когда же они въ пристани, на нихъ не позволяютъ держать вовсе огня, не позволяютъ даже курить и пища должна вариться на берегу. Четыре или пять бревенъ служатъ имъ вмѣсто лодки для выѣзда на берегъ.

Также какъ и гонки, эти суда принимаютъ на себя богомольцевъ съ верховьевъ рѣки, доставляя имъ даровый проѣздъ и снабжая, кромѣ того, чаемъ и чернымъ хлѣбомъ, за ихъ помощь при управленіи судномъ. *Впрочемъ*, работать приходится немного, такъ какъ суда несетъ тече-

ніемъ. По прибытіи въ Архангельскъ, кладь перегружается на иностранные корабли, а барка причаливается къ берегу, разбирается и продается. Нѣкоторыя бревна идутъ снова на постройку, а остальныя на дрова.

Новый архангельскій портъ, Соломбала состоитъ изъ горсти деревянныхъ домовъ, которые напоминали бы швейцарскую деревушку, если бы не кучи зеленыхъ куполовъ и золотыхъ шпицевъ, придающихъ ему скорѣе видъ болгарскаго города. На каждой колокольнѣ полумѣсяцъ, увѣнчанный крестомъ. Вдоль берега рѣки идетъ набережная, возвышаясь на 6 или 8 футовъ надъ низкою равниною. Весною, когда рѣки разливаются, новый портъ покрывается водою, такъ что приходится переѣзжать на лодкахъ изъ домовъ въ магазины. Въ этой набережной нѣтъ ни одного камешка русскаго: она вся построена изъ балласта, привозимаго въ Двину иностранными и преимущественно англійскими кораблями. Вся эта гряда голышей, раковинъ и рухляка привезена почти исключительно изъ Лондона, Ливерпуля, такъ какъ здѣшняя торговля съ Англіею единственно вывозная. Здѣшній русскій посылаетъ намъ все, что онъ имѣетъ: овесъ, ленъ, лѣсъ, рогожи, деготь, но не получаетъ почти ничего. Немного соли и вина, нѣсколько принадлежностей для лѣсопиленъ: вотъ все, что онъ получаетъ изъ Англіи въ замѣнъ своихъ товаровъ. Мы платимъ золотомъ и ввозимъ одинъ балластъ; въ балансѣ счетовъ двухъ странъ является плотина изъ англійскаго рухлека и булыжника.

ГЛАВА II.

Архангельскъ.

Выходя изъ Бѣлаго моря въ Двину, не замедлишь удостовѣриться, что подвигаешься къ востоку. Задѣвая за мель, лоцманъ тѣмъ не менѣе отказывается опускать лотъ. «Ничего, говоритъ онъ, тутъ довольно глубоко, дастъ Богъ не сядемъ». Лоцманъ вообще рѣдко бросаетъ линь. Высота воды на мели опредѣлена начальствомъ, а бросаніе веревки въ море, по убѣжденію лоцмана, не увеличитъ глубины.

По Двинѣ, всѣ крестьяне, какъ мужчины, такъ и женщины, носятъ овчинные тулупы — признакъ кочевыхъ народовъ. Общее правило: ни одна изъ осѣдлыхъ рассъ въ мірѣ не носитъ такой одежды.

При первомъ взглядѣ на городъ, вы поражены цѣлымъ лѣсомъ цвѣтныхъ куполовъ и золотыхъ шпицевъ, совершенно непропорціональнымъ съ числомъ жителей.

Что касается до берега, то судно не находитъ здѣсь ни набережной, ни дока, ни пристани, ни лѣстницы; оно пристаетъ, какъ можетъ. Лодки причаливаютъ къ берегу съ помощью шеста, какъ въ турецкихъ портахъ Видинѣ или Рущукѣ. Никакой помощи съ берега не получается. Трудно найти гдѣ нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ портовъ Палестины, чтобы такая богатая торговля производилась посредствомъ такихъ первоботныхъ способовъ.

Подъѣзжая къ городу, узнаешь, что въ Архангельскѣ, также какъ и въ Алеппо, нѣтъ гостинницы, нѣтъ даже каравансарая, какъ въ Алеппо. При этомъ обращаешься къ картѣ и замѣчаешь, что Архангельскъ лежитъ немного восточнѣе Мекки и Трапезунда. Но все-таки здѣшніе обычаи не настоящіе восточные. Бакшишъ здѣсь почти неизвѣстенъ. Очень возможно, что лоцманъ, пожимая вамъ руку (всѣ русскіе *низшихъ классовъ* очень любятъ рукопожатія), поздравитъ васъ съ счастли-

ливымъ прибытіемъ въ портъ; если вы не поймете намека, что весьма возможно, то онъ робко шепнетъ вамъ на ухо, какъ бы сообщая важную тайну, что къ нимъ пріѣзжаетъ не много иностранцевъ, но что эти немногіе всегда даютъ на чаекъ человѣку, проведшему ихъ по бурному морю.

Но отъ портовыхъ чиновниковъ ничего не получишь посредствомъ взятки, какъ было встарину. Между многими другими мудрыми преобразованіями настоящаго царствованія надо поставить и сокращеніе числа служащихъ въ таможняхъ и увеличеніе имъ казеннаго содержанія. Князь Оболенскій, управляющій этою важною частью, человѣкъ съ прекрасными принципами; подъ его наблюденіемъ, эта служба была очищена отъ царствовавшихъ въ ней въ прежнее время злоупотребленій. Я узналъ объ одномъ случаѣ, гдѣ иностранный шкиперъ подарилъ одному служащему въ портѣ дюжину апельсиновъ, не въ видѣ взятки, а просто потому, что апельсины здѣсь большая рѣдкость. Однако, когда начальство узнало объ этомъ фактѣ, чиновника тотчасъ же перевели на низшее мѣсто. «Если онъ принялъ апельсины, онъ приметъ и деньги», говорилъ начальникъ, и прошелъ цѣлый годъ прежде, чѣмъ ему возвратили его прежнюю должность.

Новая метода не такая азіатская, какъ прежняя, но современемъ она заставитъ самаго жалкаго чиновника въ Россіи сознавать, что онъ тоже человѣкъ.

Архангельскъ нельзя назвать городомъ и портомъ, въ смыслѣ Гамбурга или Гулля, съ массами доковъ и складовъ, съ магазинами и дѣятельною торговлею. Это скорѣе лагерь, тѣснящійся вокругъ церквей и колоколенъ. Представьте себѣ обширное зеленое болото вдоль берега широкой темной рѣки, съ выдающимися изъ него кое-гдѣ глиняными валами. На валахъ зданія, украшенныя фресками, куполами и крестами; пространство между ними занято деревянными домами и заборами, двѣ широкихъ, длинныхъ улицы, соединяющіеся съ рѣкою дюжиною проулковъ. Множество бѣлыхъ церквей и монастырей съ зелеными и синими главами; дома окружены открытыми садами, въ каждомъ окнѣ геранъ, фукція или олеандры и улицы, сплошь заросшія травою, — вотъ вамъ Архангельскъ.

Въ серединѣ города помѣщаются въ живописныхъ группахъ всѣ общественныя зданія: соборъ, дума, пожарная каланча, присутственныя мѣста, музеумъ, губернаторскій домъ. Коллекціи въ музеѣ ничего не стоятъ, за то позолота на соборѣ роскошна. Съ нѣкотораго разстоянія

куполы и колокольни придаютъ Архангельску видъ скорѣе священнаго восточнаго города, чѣмъ торговаго порта.

Этотъ путь на Двинѣ есть единственный, чисто русскій портъ; Астрахань есть собственно татарскій портъ; Одесса — итальянскій; Рига — ливонскій; Гельсингфорсъ — финляндскій. Ни языкъ, ни нравы тамъ не русскіе. Они пріобрѣтены мечемъ, и потеря ихъ для Россіи собственно не была бы очень чувствительна *). Великороссія достаточно велика для независимости и довольно богата для счастія. Архангельскъ, съ другой стороны, — ея единственная дорога къ морю, доставляющая ей старинное, свободное сообщеніе съ міромъ, — путь, данный ей Богомъ, который не отнимется отъ нея людьми.

Въ своемъ настоящемъ видѣ Архангельскъ и его портъ обязаны своимъ происхожденіемъ англійской предпріимчивости, своимъ благосостояніемъ — англійской торговлѣ.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда VI, англійскій корабль, проходя по Ледовитому морю, въ надеждѣ найти проходъ въ миѳическій Китай, встрѣтилъ широкую полосу воды, быстро текущей съ юга. Корабль былъ Бонавентура; капитанъ его, Ричардъ Чэнслоръ, разставшійся во время бури со своимъ начальникомъ сэромъ Гюгомъ Уиллоуби. Вода, текущая съ юга, была прѣсная. По лѣвую руку отъ себя онъ увидалъ низкій зеленый островъ, который назвалъ на своей картѣ островомъ Розы: впослѣдствіи онъ сталъ колыбелью англійской торговли съ сѣверомъ. Идя вверхъ по теченію, Чэнслоръ встрѣтилъ небольшой монастырь. Монахи сообщили ему, что страна эта была не Китай, а Великая Россія.

Древніе русскіе давали имя «великій» не только своей столицѣ, но и всей странѣ. Столица была Великій Новгородъ, страна — Великая Россія.

Сэръ Гюгъ-Уиллоуби былъ увлеченъ вѣтрами въ «гавань смерти», гдѣ онъ со всею своею командою погибъ во льдахъ. Его же болѣе счастливый лейтенантъ поднялся вверхъ по Двинѣ до Вологды, откуда продолжалъ свой путь до Москвы, гдѣ удостоился видѣть великаго князя, Іоанна IV. Тогда Россія была извѣстна подъ именемъ Московіи, отъ города Москвы, отнявшей преобладаніе у Новгорода и ставшей владычицею Сѣвера.

Чэнслоръ былъ разбитъ и утонулъ при своемъ второмъ путеше-

*) *Дикій взглядъ*, свойственный невѣжественному иностранцу.

ствіи въ Россію. Но за нимъ явились другіе, построившіе на островѣ Розы, близъ монастыря, англійскую факторію. Русскіе же съ своей стороны построили фортъ и городъ на Двинѣ, миляхъ въ 30-ти отъ устья. При такомъ положеніи, они могли наблюдать за иностранцами и обмѣниваться съ ними воскомъ и шкурами за бумажныя ткани и олово. Строитель форта и города былъ Іоаннъ Грозный, назвавшій его Новою Крѣпостью Св. Михаила Архангела — нескладное имя, которое матросы скоро сократили просто въ Архангельскъ.

Петръ Великій перестроилъ Архангельскъ въ большихъ размѣрахъ и изъ болѣе прочнаго кирпича. Петръ любилъ Бѣлое море и ѣздилъ дважды на поклоненіе Соловецкой обители; онъ цѣнилъ это мѣсто не только какъ святыню, но и какъ пограничную крѣпость противъ шведовъ. Архангельскъ составлялъ для Петра его главную заботу; для возведенія его бастіоновъ, складовъ и набережной, каменьщики были привезены изъ Голландіи. Крѣпостца поднялась изъ береговой отмели; для царя построили лѣтній дворецъ и послали небольшую флотилію, для защиты устьевъ Двины. Архангельскъ, вмѣстѣ съ Петербургомъ, былъ однимъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ Петръ назначилъ построить городъ, который, въ одно и то же время, былъ бы и крѣпостью и портомъ.

Городъ Іоанна, также какъ и городъ Петра, изчезли, каждый въ свою очередь. Отъ города, построеннаго Іоанномъ, не осталось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ, будучи построенъ изъ дерева, онъ давно уже сгнилъ и уничтоженъ пожарами. И фортъ, и монастырь все еще защищаютъ и украшаютъ городъ, но они возведены въ новѣйшее время. Отъ города Петра, хотя онъ и казался прочнымъ какъ самая земля, тоже сохранилось очень немного; на берегу Двины видна груда арокъ, расколовшихся отъ мороза и почернѣвшихъ отъ дыма, хорошенькій кіоскъ выглядываетъ изъ-за березъ острова Моисея: вотъ и все!

Въ глазахъ европейца, Архангельскъ можетъ показаться слишкомъ переполненнымъ церквами, какъ дельта Двины переполнена крестами; но въ европейскихъ глазахъ городъ есть только складъ овса и смолы, мѣховъ и досокъ, тогда какъ его жителямъ онъ является жилищемъ св. Архангела, Соловецкимъ портомъ и Божьими вратами.

ГЛАВА III.

Странники.—Отецъ Иванъ.—Пассажиры.

Всѣ славянскія племена любятъ скитаться, вести, такъ сказать, кочевую жизнь; они охотно дѣлаются ходебщиками или бродягами. Въ русскомъ же эта склонность къ скитальческой жизни сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ славянскомъ племени, и проявляется, между прочимъ, въ странничествѣ. Здѣшніе странники не похожи на тѣ толпы веселыхъ и суетныхъ женщинъ и дѣтей, которыя можно встрѣтить въ Сициліи и въ Южной Франціи послѣ сбора винограда. То—ряженые, взявшіе посохъ пилигрима изъ шалости; они кончаютъ свое богомолье праздникомъ на постояломъ дворѣ и танцами въ тѣни платановъ. Но здѣшніе сѣверные богомольцы серьезны и печальны какъ самый сѣверъ. Они никогда не смѣются, лишь изрѣдка мелькнетъ на ихъ лицахъ улыбка; всѣ движенія ихъ степенны; единственная радость ихъ жизни—молитва и славословіе. Я встрѣчалъ этихъ богомольцевъ много разъ и въ разныхъ мѣстахъ, передъ ракою св. Сергія подъ Москвою и передъ яслями въ Виѳлеемѣ: и вездѣ видѣлъ то же благоговѣніе, смиреніе, ту же душевную твердость. Только вчера я помогъ одному такому смиренному русскому переѣхать черезъ Двину, на пути изъ Соловецкаго монастыря къ Кіевскимъ угодникамъ. Спускаясь къ Двинѣ, я увидѣлъ его, стоящаго на колѣняхъ, съ лицомъ склоненнымъ съ молитвою къ землѣ. Онъ ждалъ на перевозѣ проѣзжаго, который бы перевезъ его вмѣстѣ съ собою. Было еще темно; дулъ холодный, порывистый вѣтеръ, но лицо этого смиреннаго человѣка производило умиротворяющее впечатлѣніе: спокойное и кроткое, оно блистало внутреннимъ свѣтомъ и

«Мать и Дочери», скалы на Бѣломъ морѣ.

Низкій островъ направо отъ насъ называется островъ Св. Николая, по имени смѣлаго епископа, ударившаго, какъ говоритъ преданіе, по щекѣ еретика Арія. Житія Святыя говорятъ, что онъ родился въ Ликіи, а жилъ въ Мирѣ, отсюда наименованіе Мирликійскаго; но не сохранилось ни строчки его писаній, а добродѣтели, приписываемыя ему, самыхъ противоположныхъ свойствъ. Онъ считается покровителемъ благородныхъ и дѣтей моряковъ, ходебщиковъ и странниковъ.

Это популярнѣйшій святой. Бѣдняки его любятъ; онъ считается другомъ нищихъ, рыбаковъ и бродягъ. Русскіе обращаются къ нему, какъ къ надеждѣ умирающихъ съ голоду и утопающихъ, такъ что часто слышишь его имя и видишь образъ въ этихъ сѣверныхъ пустыняхъ, на берегахъ рѣкъ и на окраинахъ Ледовитаго моря. Хотя его почитаютъ и по всей Россіи, но въ особенности въ этихъ сѣверныхъ странахъ. Тутъ онъ исключительно святой и покровитель смѣльчака-мореходa; здѣшнюю дельту, по справедливости, можно назвать его областью, потому что по его имени называется не только островъ, о которомъ мы уже говорили, но и прежній проходъ и самая бухта. Древнѣйшій монастырь въ окрестности носитъ тоже его имя.

При входѣ въ Маймакскій рукавъ, зрѣніе, утомленное видомъ черныхъ скалъ, сѣрыхъ тучъ и угрюмаго буруна, отдыхаетъ на нѣжной зеленой травѣ и кустарникахъ. Но взглядъ напрасно ищетъ дома или фермы: на всемъ этомъ протяженіи мы встрѣтили только одну бревенчатую хижину. Двое мужчинъ стояли на берегу на небольшой прогалинѣ; мальчишка дурачился въ дрянной лодченкѣ, подбрасываемой волною отъ нашего парохода. Но изба была необитаема; эти люди пріѣхали сюда въ лодкѣ изъ-за нѣсколькихъ верстъ за травою для своихъ коровъ и за топливомъ для себя.

На берегахъ прежнихъ каналовъ деревни попадаются довольно часто; это небольшія группы домиковъ и церквей, кое-гдѣ монастыри и вѣтряныя мельницы, все на одинъ манеръ, безъ малѣйшихъ признаковъ оригинальности. На всѣхъ этихъ берегахъ видишь цѣлые лѣса крестовъ; застигнутый бурею морякъ выходитъ на берегъ и воздвигаетъ крестъ. Передъ этимъ знаменіемъ вѣры, онъ преклоняется съ молитвою, и когда поднимется попутный вѣтеръ, онъ оставляетъ свое приношеніе на пустынномъ берегу. Когда опасность велика, вся команда высаживается на берегъ, рубитъ высокія деревья и дѣлаетъ изъ нихъ кресты, вырѣзывая на каждомъ имя и число. Вокругъ всего сѣвернаго побе-

режья множество этихъ знаковъ благочестія, въ особенности же на скалахъ и берегахъ св. острововъ. Каждый крестъ воздвигнутъ въ воспоминаніе о бурѣ. Нѣкоторые имѣютъ историческія воспоминанія. Одинъ крестъ, поставленный Петромъ Великимъ, послѣ избавленія отъ крушенія въ ледяной пучинѣ, впослѣдствіи помѣщенъ въ архангельскій соборъ. «Этотъ крестъ сдѣланъ капитаномъ Петромъ», гласитъ дощечка, вырѣзанная собственною рукою императора, и не безъ вкуса, такъ какъ Петръ былъ искусный рѣщикъ. Не заслуживаетъ-ли подражанія этотъ морской обычай, оставляющій на каждомъ берегу благословеніе? Англійскій матросъ склоненъ оставлять берегъ, гдѣ его задерживали плѣнникомъ противные вѣтры, съ проклятіемъ въ сердцѣ и со скверными словами на языкѣ.

Идя вверхъ по теченію, встрѣчаешь цѣлыя эскадры гонокъ и барокъ, гдѣ можно наблюдать до нѣкоторой степени мѣстные обычаи. Гонки— это плоты изъ бревенъ, связанныхъ ивовыми прутьями; на нихъ обыкновенно устроиваютъ сарайчикъ, или родъ избушки изъ досокъ для хозяина, рабочіе же спятъ на открытомъ воздухѣ. Эти гонки спускаются по Двинѣ и ея притокамъ за тысячи миль. Вырубленныя въ вологодскихъ лѣсахъ, бревна привозятся на берегъ и связываются въ широкія гонки. Въ городахъ нанимаютъ нѣсколько здоровыхъ работниковъ почти за даромъ, такъ какъ многіе бѣдные крестьяне рады спуститься по рѣкѣ, по дорогѣ къ Соловецкой святынѣ. За проѣздъ на гонкѣ, эти богомольцы помогаютъ грести и управлять гонкою. На судахъ жизнь не такъ сурова. По формѣ онѣ напоминаютъ игрушку, извѣстную подъ названіемъ Ноева Ковчега; огромный кузовъ изъ грубыхъ неотесанныхъ бревенъ, скрѣпленныхъ желѣзомъ, покрытъ остроконечною досчатою крышею. Онъ стоитъ отъ 6 до 7 сотъ рублей и поднимаетъ отъ 6 до 8 сотъ тоннъ зерна. Небольшая часть его отгорожена для жилья. Въ ней стоятъ грубо выдѣланные столъ, стулъ, полки. Съ бимса спускается чугунный котелокъ, въ которомъ рабочіе варятъ пищу, когда суда въ открытой рѣкѣ; когда же они въ пристани, на нихъ не позволяютъ держать вовсе огня, не позволяютъ даже курить и пища должна вариться на берегу. Четыре или пять бревенъ служатъ имъ вмѣсто лодки для выѣзда на берегъ.

Также какъ и гонки, эти суда принимаютъ на себя богомольцевъ съ верховьевъ рѣки, доставляя имъ даровый проѣздъ и снабжая, кромѣ того, чаемъ и чернымъ хлѣбомъ, за ихъ помощь при управленіи судномъ. *Впрочемъ, работать* приходится немного, такъ какъ суда несетъ тече-

ніемъ. По прибытіи въ Архангельскъ, кладь перегружается на иностранные корабли, а барка причаливается къ берегу, разбирается и продается. Нѣкоторыя бревна идутъ снова на постройку, а остальныя на дрова.

Новый архангельскій портъ, Соломбала состоитъ изъ горсти деревянныхъ домовъ, которые напоминали бы швейцарскую деревушку, если бы не кучи зеленыхъ куполовъ и золотыхъ шпицевъ, придающихъ ему скорѣе видъ болгарскаго города. На каждой колокольнѣ полумѣсяцъ, увѣнчанный крестомъ. Вдоль берега рѣки идетъ набережная, возвышаясь на 6 или 8 футовъ надъ низкою равниною. Весною, когда рѣки разливаются, новый портъ покрывается водою, такъ что приходится переѣзжать на лодкахъ изъ домовъ въ магазины. Въ этой набережной нѣтъ ни одного камешка русскаго: она вся построена изъ балласта, привозимаго въ Двину иностранными и преимущественно англійскими кораблями. Вся эта гряда голышей, раковинъ и рухляка привезена почти исключительно изъ Лондона, Ливерпуля, такъ какъ здѣшняя торговля съ Англіею единственно вывозная. Здѣшній русскій посылаетъ намъ все, что онъ имѣетъ: овесъ, ленъ, лѣсъ, рогожи, деготь, но не получаетъ почти ничего. Немного соли и вина, нѣсколько принадлежностей для лѣсопиленъ: вотъ все, что онъ получаетъ изъ Англіи въ замѣнъ своихъ товаровъ. Мы платимъ золотомъ и ввозимъ одинъ балластъ; въ балансѣ счетовъ двухъ странъ является плотина изъ англійскаго рухлека и булыжника.

ГЛАВА II.

Архангельскъ.

Выходя изъ Бѣлаго моря въ Двину, не замедлишь удостовѣриться, что подвигаешься къ востоку. Задѣвая за мель, лоцманъ тѣмъ не менѣе отказывается опускать лотъ. «Ничего, говоритъ онъ, тутъ довольно глубоко, дастъ Богъ не сядемъ». Лоцманъ вообще рѣдко бросаетъ линь. Высота воды на мели опредѣлена начальствомъ, а бросаніе веревки въ море, по убѣжденію лоцмана, не увеличитъ глубины.

По Двинѣ, всѣ крестьяне, какъ мужчины, такъ и женщины, носятъ овчинные тулупы — признакъ кочевыхъ народовъ. Общее правило: ни одна изъ осѣдлыхъ рассъ въ мірѣ не носитъ такой одежды.

При первомъ взглядѣ на городъ, вы поражены цѣлымъ лѣсомъ цвѣтныхъ куполовъ и золотыхъ шпицевъ, совершенно непропорціональнымъ съ числомъ жителей.

Что касается до берега, то судно не находитъ здѣсь ни набережной, ни дока, ни пристани, ни лѣстницы; оно пристаетъ, какъ можетъ. Лодки причаливаютъ къ берегу съ помощью шеста, какъ въ турецкихъ портахъ Видинѣ или Рущукѣ. Никакой помощи съ берега не получается. Трудно найти гдѣ нибудь, кромѣ нѣкоторыхъ портовъ Палестины, чтобы такая богатая торговля производилась посредствомъ такихъ первоботныхъ способовъ.

Подъѣзжая къ городу, узнаешь, что въ Архангельскѣ, также какъ и въ Алеппо, нѣтъ гостинницы, нѣтъ даже каравансарая, какъ въ Алеппо. При этомъ обращаешься къ картѣ и замѣчаешь, что Архангельскъ лежитъ немного восточнѣе Мекки и Трапезунда. Но все-таки здѣшніе обычаи не настоящіе восточные. Бакшишъ здѣсь почти неизвѣстенъ. Очень возможно, что лоцманъ, пожимая вамъ руку (всѣ русскіе низ-*шихъ классовъ очень любятъ* рукопожатія), поздравитъ васъ съ счастли-

ливымъ прибытіемъ въ портъ; если вы не поймете намека, что весьма возможно, то онъ робко шепнетъ вамъ на ухо, какъ бы сообщая важную тайну, что къ нимъ пріѣзжаетъ не много иностранцевъ, но что эти немногіе всегда даютъ на чаекъ человѣку, проведшему ихъ по бурному морю.

Но отъ портовыхъ чиновниковъ ничего не получишь посредствомъ взятки, какъ было встарину. Между многими другими мудрыми преобразованіями настоящаго царствованія надо поставить и сокращеніе числа служащихъ въ таможняхъ и увеличеніе имъ казеннаго содержанія. Князь Оболенскій, управляющій этою важною частью, человѣкъ съ прекрасными принципами; подъ его наблюденіемъ, эта служба была очищена отъ царствовавшихъ въ ней въ прежнее время злоупотребленій. Я узналъ объ одномъ случаѣ, гдѣ иностранный шкиперъ подарилъ одному служащему въ портѣ дюжину апельсиновъ, не въ видѣ взятки, а просто потому, что апельсины здѣсь большая рѣдкость. Однако, когда начальство узнало объ этомъ фактѣ, чиновника тотчасъ же перевели на низшее мѣсто. «Если онъ принялъ апельсины, онъ приметъ и деньги», говорилъ начальникъ, и прошелъ цѣлый годъ прежде, чѣмъ ему возвратили его прежнюю должность.

Новая метода не такая азіатская, какъ прежняя, но современемъ она заставитъ самаго жалкаго чиновника въ Россіи сознавать, что онъ тоже человѣкъ.

Архангельскъ нельзя назвать городомъ и портомъ, въ смыслѣ Гамбурга или Гулля, съ массами доковъ и складовъ, съ магазинами и дѣятельною торговлею. Это скорѣе лагерь, тѣснящійся вокругъ церквей и колоколенъ. Представьте себѣ обширное зеленое болото вдоль берега широкой темной рѣки, съ выдающимися изъ него кое-гдѣ глиняными валами. На валахъ зданія, украшенныя фресками, куполами и крестами; пространство между ними занято деревянными домами и заборами, двѣ широкихъ, длинныхъ улицы, соединяющіеся съ рѣкою дюжиною проулковъ. Множество бѣлыхъ церквей и монастырей съ зелеными и синими главами; дома окружены открытыми садами, въ каждомъ окнѣ герань, фукція или олеандры и улицы, сплошь заросшія травою, — вотъ вамъ Архангельскъ.

Въ серединѣ города помѣщаются въ живописныхъ группахъ всѣ общественныя зданія: соборъ, дума, пожарная каланча, присутственныя мѣста, музеумъ, губернаторскій домъ. Коллекціи въ музеѣ ничего не стоятъ, за то позолота на соборѣ роскошна. Съ нѣкотораго разстоянія

куполы и колокольни придаютъ Архангельску видъ скорѣе священнаго восточнаго города, чѣмъ торговаго порта.

Этотъ путь на Двинѣ есть единственный, чисто русскій портъ; Астрахань есть собственно татарскій портъ; Одесса — итальянскій; Рига— ливонскій; Гельсингфорсъ — финляндскій. Ни языкъ, ни нравы тамъ не русскіе. Они пріобрѣтены мечемъ, и потеря ихъ для Россіи собственно не была бы очень чувствительна *). Великороссія достаточно велика для независимости и довольно богата для счастія. Архангельскъ, съ другой стороны,—ея единственная дорога къ морю, доставляющая ей старинное, свободное сообщеніе съ міромъ,—путь, данный ей Богомъ, который не отнимется отъ нея людьми.

Въ своемъ настоящемъ видѣ Архангельскъ и его портъ обязаны своимъ происхожденіемъ англійской предпріимчивости, своимъ благосостояніемъ—англійской торговлѣ.

Въ послѣдніе годы царствованія Эдуарда VI, англійскій корабль, проходя по Ледовитому морю, въ надеждѣ найти проходъ въ миѳическій Китай, встрѣтилъ широкую полосу воды, быстро текущей съ юга. Корабль былъ Бонавентура; капитанъ его, Ричардъ Чэнслоръ, разставшійся во время бури со своимъ начальникомъ сэромъ Гюгомъ Уиллоуби. Вода, текущая съ юга, была прѣсная. По лѣвую руку отъ себя онъ увидалъ низкій зеленый островъ, который назвалъ на своей картѣ островомъ Розы: впослѣдствіи онъ сталъ колыбелью англійской торговли съ сѣвероиъ. Идя вверхъ по теченію, Чэнслоръ встрѣтилъ небольшой монастырь. Монахи сообщили ему, что страна эта была не Китай, а Великая Россія.

Древніе русскіе давали имя «великій» не только своей столицѣ, но и всей странѣ. Столица была Великій Новгородъ, страна — Великая Россія.

Сэръ Гюгъ-Уиллоуби былъ увлеченъ вѣтрами въ «гавань смерти», гдѣ онъ со всею своею командою погибъ во льдахъ. Его же болѣе счастливый лейтенантъ поднялся вверхъ по Двинѣ до Вологды, откуда продолжалъ свой путь до Москвы, гдѣ удостоился видѣть великаго князя, Іоанна IV. Тогда Россія была извѣстна подъ именемъ Московіи, отъ города Москвы, отнявшей преобладаніе у Новгорода и ставшей владычицею Сѣвера.

Чэнслоръ былъ разбитъ и утонулъ при своемъ второмъ путеше-

*) *Дикій взглядъ, свойственный невѣжественному иностранцу.*

ствіи въ Россію. Но за нимъ явились другіе, построившіе на островѣ Розы, близъ монастыря, англійскую факторію. Русскіе же съ своей стороны построили фортъ и городъ на Двинѣ, миляхъ въ 30-ти отъ устья. При такомъ положеніи, они могли наблюдать за иностранцами и обмѣниваться съ ними воскомъ и шкурами за бумажныя ткани и олово. Строитель форта и города былъ Іоаннъ Грозный, назвавшій его Новою Крѣпостью Св. Михаила Архангела — нескладное имя, которое матросы скоро сократили просто въ Архангельскъ.

Петръ Великій перестроилъ Архангельскъ въ большихъ размѣрахъ и изъ болѣе прочнаго кирпича. Петръ любилъ Бѣлое море и ѣздилъ дважды на поклоненіе Соловецкой обители; онъ цѣнилъ это мѣсто не только какъ святыню, но и какъ пограничную крѣпость противъ шведовъ. Архангельскъ составлялъ для Петра его главную заботу; для возведенія его бастіоновъ, складовъ и набережной, каменьщики были привезены изъ Голландіи. Крѣпостца поднялась изъ береговой отмели; для царя построили лѣтній дворецъ и послали небольшую флотилію, для защиты устьевъ Двины. Архангельскъ, вмѣстѣ съ Петербургомъ, былъ однимъ изъ такихъ мѣстъ, гдѣ Петръ назначилъ построить городъ, который, въ одно и то же время, былъ бы и крѣпостью и портомъ.

Городъ Іоанна, также какъ и городъ Петра, изчезли, каждый въ свою очередь. Отъ города, построеннаго Іоанномъ, не осталось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ, будучи построенъ изъ дерева, онъ давно уже сгнилъ и уничтоженъ пожарами. И фортъ, и монастырь все еще защищаютъ и украшаютъ городъ, но они возведены въ новѣйшее время. Отъ города Петра, хотя онъ и казался прочнымъ какъ самая земля, тоже сохранилось очень немного; на берегу Двины видна груда арокъ, раскололовшихся отъ мороза и почернѣвшихъ отъ дыма, хорошенькій кіоскъ выглядываетъ изъ-за березъ острова Моисея: вотъ и все!

Въ глазахъ европейца, Архангельскъ можетъ показаться слишкомъ переполненнымъ церквами, какъ дельта Двины переполнена крестами; но въ европейскихъ глазахъ городъ есть только складъ овса и смолы, мѣховъ и досокъ, тогда какъ его жителямъ онъ является жилищемъ св. Архангела, Соловецкимъ портомъ и Божьими вратами.

ГЛАВА III.

Странники.—Отецъ Иванъ.—Пассажиры.

Всѣ славянскія племена любятъ скитаться, вести, такъ сказать, кочевую жизнь; они охотно дѣлаются ходебщиками или бродягами. Въ русскомъ же эта склонность къ скитальческой жизни сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ славянскомъ племени, и проявляется, между прочимъ, въ странничествѣ. Здѣшніе странники не похожи на тѣ толпы веселыхъ и суетныхъ женщинъ и дѣтей, которыя можно встрѣтить въ Сициліи и въ Южной Франціи послѣ сбора винограда. То—ряженые, взявшіе посохъ пилигрима изъ шалости; они кончаютъ свое богомолье праздникомъ на постояломъ дворѣ и танцами въ тѣни платановъ. Но здѣшніе сѣверные богомольцы серьезны и печальны какъ самый сѣверъ. Они никогда не смѣются, лишь изрѣдка мелькнетъ на ихъ лицахъ улыбка; всѣ движенія ихъ степенны; единственная радость ихъ жизни—молитва и славословіе. Я встрѣчалъ этихъ богомольцевъ много разъ и въ разныхъ мѣстахъ, передъ ракою св. Сергія подъ Москвою и передъ яслями въ Виѳлеемѣ: и вездѣ видѣлъ то же благоговѣніе, смиреніе, ту же душевную твердость. Только вчера я помогъ одному такому смиренному русскому переѣхать черезъ Двину, на пути изъ Соловецкаго монастыря къ Кіевскимъ угодникамъ. Спускаясь къ Двинѣ, я увидѣлъ его, стоящаго на колѣняхъ, съ лицомъ склоненнымъ съ молитвою къ землѣ. Онъ ждалъ на перевозѣ проѣзжаго, который бы перевезъ его вмѣстѣ съ собою. Было еще темно; дулъ холодный, порывистый вѣтеръ, но лицо этого смиреннаго человѣка производило умиротворяющее впечатлѣніе: *спокойное и кроткое*, оно блистало внутреннимъ свѣтомъ и

«Мать и Дочери», скалы на Бѣломъ морѣ.

неземнымъ міромъ. Міръ не много для него значилъ, какъ можно было видѣть изъ его рубища, его разбитой чашки, его корки черствaго хлѣба; но когда онъ поклонился и поблагодарилъ меня за перевозъ, я не могъ не подумать, что хорошо было бы, если бы мы, одѣтые въ тонкое бѣлье и питающіеся вкусною пищею, походили на этого нищаго.

Это хожденіе по святымъ мѣстамъ далеко не праздничное развлеченіе и не отдохновеніе послѣ рабочей поры: это дѣло жизни и смерти. Оно имѣетъ свои степени. Вѣрный своему призванію, странникъ будетъ ходить отъ святыни къ святыни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Съ помощью Божіею онъ будетъ стараться, обойдя свои родныя святыни, дойти до долины Назаретской и попасть въ Виѳлеемъ и на гору Сіонъ. Нѣсколько сотъ русскихъ богомольцевъ ежегодно совершаютъ это богоугодное дѣло. Они примиряются съ небомъ, цѣлуя камни гроба Господня. Конечно, бѣднѣйшіе и слабѣйшіе никогда не достигнутъ такой степени благодати, но и родная земля ихъ священна; Россія—земля угодниковъ, и конечно лучше перенести труды странствія, чѣмъ коснѣть дома въ лѣни и грѣхѣ.

Богомольцы идутъ пѣшкомъ толпами, человѣкъ въ 50—60,—мужчины, женщины и дѣти; каждый съ посохомъ въ рукѣ и бутылкою для воды у пояса. Дѣти жалобнымъ голосомъ, на-распѣвъ просятъ милостыни, и эта просьба всегда исполняется, такъ какъ народъ воображаетъ, что, подавая милостыню богомольцу, подаетъ самому Богу, и что она всегда вознаградится.

Между этими странниками попадается много, очень много простыхъ бродягъ, торгующихъ благочестіемъ; они таскаютъ съ собою различные священные предметы и продаютъ ихъ за высокую цѣну служанкамъ и суевѣрнымъ старухамъ.

Человѣкъ, который въ былое время кочевалъ бы за своими стадами, теперь ищетъ свободы въ странничествѣ, увольняя себя отъ податей и налоговъ, отъ жены и ребятъ. Это нищій—обманщикъ и бродяга; ему лестно слышать привѣтствіе старыхъ и малыхъ: «куда тебя, человѣкъ Божій, Господь несетъ».

Рано или поздно такой человѣкъ попадаетъ въ компанію богомольцевъ, а съ нимъ и его возлюбленная. Вы встрѣтите ихъ на дворѣ каждаго дома. Они пробираются заднимъ ходами, имѣя при себѣ для продажи реликвіи, часто равно драгоцѣнныя въ глазахъ служанки и госпожи; тутъ есть камешекъ изъ Назарета, капля воды изъ Іордана, ниточка отъ хитона, кусочекъ истиннаго креста. Это смѣлѣй-

шіе духомъ; но тысячи такихъ бродягъ блуждаютъ по странѣ, разсказывая зѣвакамъ про видѣнное ими по святымъ мѣстамъ, гдѣ мощи святыхъ ежедневно совершаютъ чудеса; они опишутъ и защиту Соловецка и поразскажутъ о нетлѣнныхъ тѣлесахъ въ Печерскѣ. Но между этими странниками есть и искренне благочестивыя души, блуждающія по землѣ въ поискахъ за тѣмъ, что онѣ считаютъ высочайшимъ благомъ. Есть и богатые, но богатство прахъ передъ Богомъ; наравнѣ со своимъ нищимъ братомъ, богатый богомолецъ беретъ свой посохъ и идетъ пѣшкомъ.

Большею частію эти странники выпрашиваютъ свое дневное пропитаніе у народа, столь же бѣднаго деньгами и почти столько же богатаго дарами вѣры. Какъ хаджи, идущій въ Мекку, богомолецъ, зашедшій въ Архангельскъ, по пути въ Соловецкій монастырь есть святой человѣкъ, что-то въ родѣ духовнаго лица. Крестьянинъ, думающій, что приходъ къ нему странника приноситъ благословленіе дому, не только дастъ ему пріютъ на ночь, но и помогаетъ, чѣмъ можетъ, на дорогу. Еслибы старшина ему позволилъ, онъ и самъ бы присоединился къ богомольцамъ, но если онъ не можетъ идти тѣлесно, онъ пойдетъ къ святыни духовно: монахи отслужатъ за него молебенъ, и, чтобы заплатить за него, онъ отдаетъ свою послѣднюю копѣйку въ руки оборваннаго богомольца, съ полною увѣренностью, что тотъ скорѣе умретъ, чѣмъ злоупотребитъ его довѣріемъ.

Бѣглые изъ Сибири берутъ въ руки посохъ и надѣваютъ одежду странника. Въ такомъ видѣ человѣкъ можетъ пройти почти безъ всякаго риску отъ Перми до Архангельска, хотя бы онъ былъ заклейменъ и съ фальшивымъ паспортомъ. На двинскихъ лодкахъ такихъ исторій разсказываютъ множество.

Крестьянинъ одной деревни близъ Архангельска, въ жару ссоры, убилъ своего отца, но такъ, что на него не падало ни малѣйшее подозрѣніе. Дѣло бы такъ и кануло въ воду, если-бы не сосѣдъ Иванъ, бывшій свидѣтелемъ преступленія. Ванька былъ слабаго характера и суевѣренъ. Каждый день ему слышался внутренній голосъ, приказывавшій донести о преступленіи. Убійца, наблюдавшій за нимъ денно и нощно, замѣтилъ, что дѣло не ладно. Разспросивъ его, онъ узналъ, къ своему ужасу, что Ванька не можетъ ни нить, ни ѣсть, пока эта страшная тайна лежитъ на его душѣ. Что ему было дѣлать? Онъ началъ ему грозить.

«Слушай, Ванька,—сказалъ онъ рѣшительно,—ты хоть и дуракъ, а

вѣдь не хочешь, чтобы я тебѣ запустилъ ножъ въ глотку? — Оборони Господи, вскричалъ Ванька. — «Такъ помни же, не болтай лишняго, а то я тебя убью!

Ваньку это такъ напугало, что онъ сейчасъ же пошелъ въ полицію, и донесъ обо всемъ, что зналъ. На этомъ основаніи, его пріятеля арестовали, судили и приговорили къ каторжнымъ работамъ безъ срока. Ванька былъ главнымъ свидѣтелемъ и, на основаніи его показанія, судья произнесъ свой приговоръ. Тутъ разыгралась сцена, которую никогда не забудутъ видѣвшіе ее. Преступникъ былъ смѣлъ и спокоенъ, а Ванька, его обвинитель, дрожалъ съ головы до ногъ; когда произнесли приговоръ, убійца обернулся къ своему пріятелю и сказалъ яснымъ, твердымъ голосомъ: «Ванька, помомни мои слова; сегодня на твоей улицѣ праздникъ: я иду въ Сибирь, но я еще вернусь и уже покончу тебя. Смотри-же!»

Прошло много лѣтъ и всѣ забыли объ угрозѣ, кромѣ Ваньки, который слишкомъ хорошо зналъ своего прежняго пріятеля, и каждую ночь ожидалъ, что она будетъ для него послѣдняя. Наконецъ пришла развязка. Ваньку нашли мертвымъ въ постели, съ перерѣзаннымъ горломъ, а рядомъ въ кабакѣ лежалъ мертвецки пьяный его убійца. Онъ бѣжалъ съ рудниковъ, прошелъ пѣшкомъ по снѣгу съ посохомъ въ рукахъ и въ одеждѣ странника всю азіатскую Россію; въ окрестностяхъ Архангельска онъ ускользнулъ отъ своихъ спутниковъ, спрятался въ лѣсу, съ наступленіемъ ночи прокрался къ знакомому дому, и —исполнилъ свою угрозу.

Странника никто не подозрѣваетъ. Идетъ онъ себѣ три, четыре тысячи верстъ, вынося съ невѣроятною твердостью и жгучее солнце, и жгучій морозъ, и нисколько не ставитъ себѣ этого въ заслугу. Въ Москвѣ я слышалъ исторію трехъ сестеръ, уроженокъ этого города, посвятившихъ всю свою жизнь хожденію по святымъ мѣстамъ. Онѣ были очень умныя женщины, по ремеслу модистки съ большою практикою въ самомъ высшемъ свѣтѣ; еслибы только онѣ оставались спокойно на мѣстѣ, то могли бы жить припѣваючи и кончить дни въ довольствѣ. Но религіозный, кочующій духъ ихъ племени не давалъ имъ покоя. Каждый годъ онѣ отправлялись на поклоненіе въ Кіевъ, въ Соловецкій монастырь, въ Іерусалимъ. Хожденіе продолжалось сорокъ девять недѣль. Вернувшись, онѣ проводили дома недѣли три и снова отправлялись въ путь, однѣ, пѣшкомъ, по зимней стужѣ и лѣтнимъ жарамъ, искать спасенія своихъ душъ. Ни что въ мірѣ, кромѣ силы, влекущей араба че-

резъ пустыни, и мормона чрезъ прерію, — не сравнится съ этою силою.

Въ надеждѣ увидѣть этихъ странниковъ, отправиться вмѣстѣ съ ними въ Соловецкій монастырь и изучить ихъ на мѣстѣ, я обошелъ Нордъ-Капъ,—и каково было мое огорченіе, когда, сойдя съ корабля въ Архангельскѣ, я услышалъ, что уже послѣдніе богомольцы отправились въ путь, и что ни одна лодка не пойдетъ въ Соловки до мая мѣсяца будущаго года.

Раздосадованный извѣстіемъ, что лодки богомольцевъ уже всѣ отправились, и шагая по подворью богомольцевъ въ верхнемъ городѣ, я замѣтилъ порядочное количество загорѣлыхъ, исхудалыхъ людей въ овчинныхъ полушубкахъ. Эти богомольцы, также какъ и я, были задержаны бурями; у меня появилась надежда, что монахи не захотятъ отпустить эти бѣдныя души неутоленными, и постараются отправить еще одну лодку.

У воротъ подворья стоялъ маленькій монахъ съ дѣвическими развивающимися по вѣтру волосами и кудрявою бородою; съ трудомъ собирая мои слабыя познанія въ русскомъ языкѣ, я обращаюсь къ нему съ вопросомъ, гдѣ можно найти Соловецкую лодку.

— «Англичанинъ»?—спрашиваетъ меня по англійски юноша-монахъ.

— Да, отвѣчаю съ нѣкоторымъ удивленіемъ, такъ какъ мнѣ еще не случалось видѣть въ Россіи монаха, говорящаго на какомъ нибудь другомъ языкѣ, кромѣ собственнаго.

— Пароходъ, продолжаетъ онъ, пересталъ уже ходить и теперь въ Соловецкомъ монастырѣ въ докѣ.

Этотъ монашекъ просто шутникъ! Что за сопоставленіе! монахи и доки въ такой странѣ, гдѣ существуетъ пристань, подобная Соломбальской!

— Въ докѣ! такъ у васъ на Святомъ островѣ есть и докъ?

А почему бы ему и не быть? Вы скажете, что у архангельскихъ купцовъ нѣтъ доковъ? да, это правда, но купцы не монахи, Видите-ли, соловецкіе монахи работаютъ, а архангельскіе купцы торгуютъ. Да, хорошій монахъ дѣлаетъ свое дѣло помаленьку, безъ хитрости. Вѣдь у васъ въ Лондонѣ есть доки?

— Да, но они построены не монахами.

— Въ Англіи у васъ нѣтъ монаховъ: а прежде вѣдь были, и тоже, чай, дѣлали что нибудь, а?

Да, этотъ карликъ просто дурачитъ меня! Какъ! монахи работаютъ!

доки на Бѣломъ морѣ! Разсказавъ мнѣ, гдѣ онъ выучился англійскому языку, маленькій человѣкъ успокоилъ меня извѣстіемъ, что хотя пароходъ уже отправился обратно въ Соловецкій монастырь, но что черезъ недѣлю или около того туда отправится другой пароходъ съ провіантомъ.

— Можете-ли вы мнѣ указать, гдѣ найти капитана этого парахода.

— Гмъ, отвѣчаетъ монахъ крестясь и бормоча про себя молитву, я его шкиперъ.

Какъ! этотъ карликъ, въ монашеской рясѣ и клобукѣ, съ женскими каштановыми кудрями, капитанъ морскаго судна! При второмъ взглядѣ на его маленькую фигурку, я обратилъ вниманіе на его живые, блестящіе глаза, загорѣлое лицо, его, хотя маленькіе, но твердые зубы. Несмотря на его монашескую рясу и дѣвическое лицо, въ немъ есть что-то говорящее о силѣ и власти, свойственныхъ капитану корабля.

— Такъ вы можете меня провести на своемъ параходѣ?

— Вы—англичанинъ и хотите видѣть святыя гробницы. Ну, это новость! Еще ни одинъ человѣкъ изъ вашихъ не былъ въ Соловецкомъ. Они пріѣзжаютъ сюда покупать, а не молиться. Иной разъ они пріѣзжаютъ сюда и драться.

Послѣднія слова были сказаны шепотомъ и сквозь зубы, причемъ монахъ прищелкнулъ пальцами, что вышло въ высшей степени комично въ такомъ смиренномъ и маленькомъ человѣчкѣ. Одна англичанка въ Онегѣ разсказывала мнѣ нѣсколько дней тому назадъ, что, будучи въ Соловецкомъ въ русскомъ обществѣ, она должна была скрывать свое происхожденіе изъ опасенія, чтобы монахи не убили ея. Женская фантазія, безъ сомнѣнія; но слова ея невольно припомнились мнѣ при видѣ нахмуреннаго лба монаха.

— Гдѣ же вашъ параходъ и какъ его зовутъ?

— Онъ въ нижней гавани, а зовутъ его Вѣра.

— Какъ зовутъ вашего капитана, обратился я къ другому монаху, тоже очевидно моряку; дѣйствительно это былъ помощникъ капитана Вѣры.

— Иванъ, отвѣчалъ монахъ огромнаго роста, съ смѣлыми глазами; но мы всѣ называемъ его Ванюшкой, потому что онъ такой маленькій, и мы всѣ его такъ любимъ!

Такъ какъ намъ придется прожить съ нимъ еще цѣлыхъ 10 сутокъ, то я лучше теперь разскажу все, что мнѣ удалось узнать объ этомъ странномъ маленькомъ капитанѣ. Отецъ Іоаннъ дитя здѣ-

шней природы; онъ родился въ лапландской деревушкѣ, недалеко отъ города Кеми; отъ самой колыбели предъ нимъ лежала тяжелая, безнадежная жизнь дровосѣка или рыбака,—двѣ единственныя карьеры, доступныя здѣшнимъ бѣднякамъ, гдѣ образъ жизни опредѣляется климатомъ и почвою. Лѣтомъ онъ коситъ сѣно и рубитъ дрова, зимою отправляется въ море на ловлю трески и нерпъ. Но мальчикъ былъ живой и смѣлый; онъ хотѣлъ видѣть свѣтъ и надѣялся въ будущемъ достигнуть лучшей доли. Но чтобы подняться, надо было учиться. Въ Кеми было шкиперское училище, очень плохое, правда, но все таки лучшее, чѣмъ совсѣмъ никакого. Въ это-то училище и рѣшился идти Иванъ; это былъ его первый рѣшительный шагъ въ жизни.

На востокъ отъ Кеми видна группа высокихъ, покрытыхъ лѣсомъ, острововъ, берега которыхъ при утренней зорѣ являются въ необыкновенномъ блескѣ. Они зовутъ васъ, точно волшебствомъ, куда-то въ какой-то рай. Они сплошь покрыты зеленью, а каждая возвышенность увѣнчана церковью съ золотымъ крестомъ. Это Соловецкіе острова. Мальчикъ ѣздилъ изъ Кеми на лодкѣ молиться этимъ святымъ мѣстамъ. Горящія свѣчи, пѣніе, обильный столъ подѣйствовали на его фантазію и на желудокъ, оставивъ въ его головѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Окончивъ курсъ въ шкиперскомъ училищѣ, онъ пришелъ въ Архангельскъ, попалъ въ компанію веселыхъ нѣмецкихъ матросовъ и рѣшился попытать счастья съ ними. Уѣхать безъ паспорта нельзя, а мальчикъ не надѣялся достать себѣ паспорта, и потому рѣшился на отчаянный шагъ: когда корабль былъ готовъ къ отплытію, онъ пробрался на него ночью и спрятался тамъ такъ, что портовая полиція не нашла его.

Взойдя на корабль подъ чужимъ именемъ, Иванъ принялъ вкусы своихъ новыхъ товарищей, выучился пить пиво и держать себя свободно, но ученье отца и священника не пропало даромъ: онъ сталъ страдать тоскою по родинѣ или, правильнѣе по вѣрѣ, какъ швейцарецъ тоскуетъ по своимъ Альпамъ, и египтянинъ по Нилу. Что было ему дѣлать? Мысль о возвращеніи на родину представлялась ему страшнымъ сномъ: тамъ его ждали, казалось ему, кнутъ, тюрьма, каторжная работа.

Потерпѣвъ крушеніе въ Венеціанскомъ заливѣ и бывъ на волоскъ отъ смерти, онъ все болѣе и болѣе сталъ задумываться о своей душѣ. *Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ*, его судна сново разбило на Норвежскомъ

берегу, такъ, что онъ едва спасся. Онъ не могъ болѣе жить безъ религіи и единственная религія, которая могла дать миръ его душѣ, была та, которую онъ исповѣдывалъ въ лучшіе дни своего дѣтства и юности.

Въ это время ему представился случай возвратиться въ Россію. Судно, на которомъ онъ служилъ, отправлялось въ Архангельскъ, и такъ какъ онъ былъ единственный русскій, то шкиперъ былъ очень радъ такой находкѣ. Но тутъ его обуялъ страхъ. Онъ хотѣлъ еще разъ повидать свою родину, поклониться роднымъ святынямъ, отдать матери кой-какія сбереженныя имъ деньги, но онъ отсутствовалъ 12 лѣтъ и ожидалъ, что за это его отправятъ въ Сибирь. Страхъ пересилилъ любовь, и онъ отвѣчалъ шкиперу, что не пойдетъ съ нимъ, а оставитъ корабль.

Но шкиперъ былъ не глупый малый. Онъ былъ долженъ Ивану порядочную сумму, и сказалъ, что не можетъ заплатить ему иначе, какъ въ Архангельскѣ, гдѣ онъ получитъ за фрахтъ. «Денежка счетъ любитъ», говоритъ пословица; ощупавъ свои пустые карманы, Иванъ подумалъ, что ему ничего болѣе не остается, какъ вернуться на родину, получить свое жалованье, а остальное предоставить судьбѣ.

Съ выбритою бородою и подъ чужимъ именемъ Иванъ могъ остаться неузнаннымъ въ Архангельскѣ, еслибы не уступилъ соблазну отправиться съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей въ кабачекъ. Двѣнадцать лѣтъ воздержанія отъ водки заставили его забыть всю силу этого злаго духа; онъ напился до того, что потерялъ сознаніе, а когда на другое утро очувствовался, то узналъ, что корабль уже ушелъ въ море. Что было ему дѣлать? обратиться къ германскому консулу—но онъ обошелся бы съ нимъ какъ съ дезертиромъ;—къ русской полиціи?—но тутъ онъ боялся еще худшаго. Не зная куда дѣваться, онъ бродилъ по порту, гдѣ встрѣтилъ своего стараго школьнаго товарища, ставшаго теперь шкиперомъ и имѣвшаго свою собственную лодку, на которой совершалъ отдаленныя, смѣлыя путешествія. Въ это время онъ готовился къ поѣздкѣ на Шпицбергенъ за треской, которую вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ отвести въ Кронштадтъ. Зная, что Иванъ хорошій морякъ, онъ взялъ его съ собою. Треска была наловлена и отвезена благополучно въ Кронштадтъ, но возвращеніе было несчастно. Иванъ въ третій разъ въ своей жизни потерпѣлъ крушеніе. Разбитый физически и нравственно, онъ рѣшился оставить море и, будь что будетъ, вернуться на родину.

Возвратившись въ Кемь, онъ былъ взятъ подъ стражу на томъ

основаніи, что бумаги его были не въ порядкѣ, и брошенъ въ острогъ, гдѣ и оставался цѣлый годъ безъ суда. Потомъ его отправили на лодкѣ въ Архангельскъ, приговоривъ къ двумъ годамъ работъ въ фортѣ, но какъ-то такъ случилось, что въ Архангельскѣ его допросили и отпустили на свободу. Мечта о зеленыхъ островахъ и золотыхъ верхахъ снова посѣтила его! Онъ отжилъ свою жизнь и хотѣлъ на покой. Кого удивитъ послѣ этого, что онъ сталъ соловецкимъ монахомъ. Въ монастырѣ его искусство пригодилось. Какъ разъ въ это время былъ купленъ въ Глазго пароходъ для провоза пассажировъ въ монастырь и обратно; по прибытіи его въ Архангельскъ, архимандритъ соловецкій Ѳеофанъ распустилъ всю шотландскую команду, съ тѣмъ, чтобы ея мѣста заняли монахи. Вначалѣ эти святые люди чувствовали себя очень странно на палубѣ; но, сдѣлавъ двѣ или три лѣтнія поѣздки подъ наблюденіемъ мѣстныхъ шкиперовъ, они постепенно привыкли къ дѣлу. Все-таки отецъ Іоаннъ для монастыря истинный даръ Божій: по крайней мѣрѣ, всякій ѣдущій на пароходѣ сознаетъ, что его жизнь въ рукахъ человѣка энергическаго и знакомаго съ моремъ и непогодами.

Дама, хорошо знакомая со страною, уложила въ корзину вещи, которыя мнѣ могли понадобиться въ монастырѣ: хорошій чай, языкъ, свѣжее масло, сыръ, ростбифъ и неизбѣжный бѣлый хлѣбъ. Все это уложили на дрожки, заложили подушками, покрыли одѣялами,—и мы отправились къ пристани.

Да, настоящая пристань, единственная въ Архангельскѣ, у которой пристаютъ пароходы и высаживаютъ пассажировъ съ помощью обыкновенной лодки. Причаленной веревкою къ кабестану, стоитъ хорошенькій пароходикъ, съ золотымъ крестомъ на фокъ-мачтѣ, съ священнымъ вымпеломъ на гротмачтѣ. Отецъ Іоаннъ стоитъ на мостикѣ, отдавая тихимъ голосомъ приказанія своей командѣ, большую часть, которой составляютъ монахи: помощникъ капитана, баталеръ, поваръ, машинистъ—всѣ въ рясахъ и клобукахъ.

Дворъ, гдѣ помѣщается пристань богомольцевъ, весь заваленъ щепками и стружками, вмѣсто мостовой; на немъ возвышается множество новыхъ монастырскихъ строеній: часовни, кельи, амбары, конторы, кладбище.

Такъ какъ пароходъ не можетъ подходить къ пристани въ верхнемъ городѣ, гдѣ было построено первоначальное подворье богомольцевъ, то монахи, уступая духу времени, оставили свои прежнія жилища *въ городѣ и выстроили* себѣ новое подворье ниже по теченію рѣки.

Елеазаръ Анзерскій.

Толпы мужчинъ и женщинъ, богомольцы, бродяги, солдаты, усѣяли всю пристань грудами корзинъ, чайниковъ, сухой рыбы, валенокъ, старыхъ ковровъ и шубъ, соленыхъ огурцовъ, чернаго хлѣба. Посреди всего этого печально и мягко пробираются монахи; одинъ помогаетъ ребенку пройти на пароходъ; другой доставляетъ даровой проѣздъ нищему, иной покупаетъ ржаной хлѣбъ для калѣки: всѣ такъ или иначе помогаютъ въ нуждахъ бѣднѣйшимъ изъ этихъ бѣдныхъ созданій. Несмотря на то, что время было уже позднее, около 200 богомольцевъ ждали на пристани, въ надеждѣ еще попасть на Святые острова. У большинства изъ нихъ есть деньги, чтобъ заплатить за проѣздъ, а нѣкоторые, говорятъ и богаты. Человѣкъ десять изъ богатѣйшихъ, уроженцы Архангельска, слишкомъ занятые лѣтомъ, когда ихъ кормилица рѣка полна кораблей, пользуются теперь застоемъ въ торговлѣ и экстреннымъ рейсомъ. Каждый принесъ съ собою корзину съ хлѣбомъ и рыбою, шкатулочку съ чаемъ, толстое одѣяло и пару валенокъ, одѣваемыхъ по ночь поверхъ сапоговъ. У этихъ мѣстныхъ богомольцевъ тоже въ рукахъ палка, но вмѣсто кожанаго пояса и бутылки съ водой, у нихъ чайникъ и чашка.

Цѣны за проѣздъ, очень низки: 1-й классъ 6 р., второй—4, третій 3 руб. Сюда входитъ дорога туда и обратно, съ помѣщеніемъ въ монастырской гостинницѣ и содержаніемъ въ теченіе пяти или шести дней. У нѣкоторыхъ бѣдняковъ богомольцевъ нѣтъ ни копѣйки, и на пристани поднимается вопросъ, слѣдуетъ ли ихъ везти или нѣтъ. Отецъ Іоаннъ и его помощникъ придерживаются общаго правила, что они не должны отказывать никому, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, въ проѣздѣ въ Соловецкій монастырь.

Колоколъ звонитъ, сходню убрали—и мы двинулись. При отходѣ отъ пристани, сотня головъ склоняется, сотня рукъ творитъ крестное знаменіе, каждый поручаетъ свою душу Богу. Все это повторяется при видѣ каждой новой церкви; при проходѣ нашего парохода мимо рыбачьихъ судовъ, рыбаки снимаютъ шапки, иные крестятся, становятся на колѣни и просятъ насъ помолиться за нихъ. Самые суетные изъ матросовъ бросаютъ свою работу и выражаютъ желаніе, чтобы Богъ далъ намъ попутнаго вѣтра.

Дуетъ крѣпкій сѣверо-западный вѣтеръ. Въ рѣкѣ онъ чувствуется только по холоду, проницающему до костей. Отецъ Іоаннъ съ иноческимъ пренебреженіемъ къ осторожности, оставляетъ въ сторонѣ Маймакскій

каналъ и, довѣряясь малой осадкѣ своего парохода, входитъ въ старый каналъ, какъ кратчайшій для прохода въ заливъ.

Еще прежде чѣмъ мы оставили рѣку, наши запасливые богомольцы начали попивать чаекъ и ужинать огурцами съ чернымъ хлѣбомъ. Распредѣленіе пассажировъ очень просто: только одинъ пассажиръ взялъ первый классъ. Въ полномъ его распоряженіи находится вся общая каюта; комната въ девять квадратныхъ футовъ съ диванами вокругъ, каюта, въ которой было бы отлично жить, если бы монахи не запрятали весь свой зимній запасъ сала въ ящики подъ сидѣнья. Во второмъ классѣ двое: шкиперъ съ женою; они много лѣтъ странствовали по свѣту, составили себѣ состояньице и теперь возвращались домой въ Кемь. «Ахъ! говорила бѣлокурая полная женщина, Англія хорошая страна; и чай у васъ славный»! Мужъ ея того же мнѣнія. «Предпочитаю ли я Кемь? Отчего же? У васъ въ Лондонѣ хорошее мясо и портеръ, но за то у васъ нѣтъ ни лѣта, ни зимы, у васъ все одно и тоже; ни холодно, ни жарко. То-ли дѣло проѣхаться на оленяхъ въ тридцать градусовъ мороза. Вотъ это такъ жизнь»!

Всѣ остальные богомольцы помѣщаются на палубѣ и въ трюмѣ; богатые, и бѣдные, и хромые, нищіе и купцы, шарлатаны и вѣрующіе,—пестрая группа, гдѣ живописецъ нашелъ бы типы Торквемады и Іоанна Крестителя.—По одеждѣ и по акценту можно видѣть, что они явились со всѣхъ концовъ имперіи: изъ Украйны и Грузіи, изъ Крыма и съ Уральскихъ горъ, съ береговъ Финскаго залива и Желтаго моря. Многіе пришли пѣшкомъ, бредя зимою и лѣтомъ больше года.

Жизнь многихъ изъ моихъ спутниковъ похожа на сказку.

Одного такого безногаго бѣднягу подняли на пароходъ на рукахъ. Онъ одѣтъ въ лохмотьяхъ, но видя его терпѣливый взглядъ чувствуешь, что онъ примирился со своимъ положеніемъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что онъ изъ Пермской губерніи. Уже давно отморозилъ себѣ ноги и долго былъ болѣнъ; во время этой болѣзни онъ воззвалъ къ Савватію, давъ обѣтъ сходить, если поправится, на богомолье въ Соловецкій. Лишившись ногъ, онъ сохранилъ жизнь, и тогда, въ бѣдности и лохмотьяхъ, отправился въ путь, проползъ по скернымъ дорогамъ болѣе 2000 верстъ на своихъ обрубкахъ, вокругъ которыхъ онъ обернулъ грубый кожаный лубокъ. Другой богомолецъ, въ валенкѣ на одной ногѣ и въ лаптѣ на другой, представляетъ самый отталкивающій видъ. Это пьяница, идущій въ монастырь по обѣщанію. Лежа пьяный на берегу канала въ Вытегрѣ, *онъ скатился въ воду* и едва не утонулъ. Тутъ онъ обѣщался, если

св. угодники спасутъ его, сходить къ нимъ на богомолье. Одна женщина везетъ своего сына, красиваго мальчика лѣтъ 6—7, чтобы оставить его въ монастырѣ и сдѣлать впослѣдствіи монахомъ. Она перенесла много горя, потеряла мужа и состояніе, и теперь несетъ въ жертву единственное благо, остающееся у нея на землѣ; помѣстить сына въ монастырь, по ея убѣжденію, значитъ избавить его отъ всякаго земнаго и вѣчнаго зла. Бѣдняжка! Тяжело думать о ея судьбѣ, когда жертва совершится и одинокой женщинѣ придется снова вернуться въ міръ, но уже безъ ребенка.

Посреди этихъ группъ бросается въ глаза старикъ, съ развѣвающейся бородою и наружностью патріарха, не смотря на свои лохмотья. Это странникъ по обѣту на всю жизнь, которая проходитъ въ странствованіяхъ отъ одной святыни къ другой. Онъ былъ уже въ Назаретѣ и Вилеемѣ,—въ Новгородѣ и Кіевѣ; въ Соловки онъ отправляется уже въ третій разъ, и надѣется съ помощію Божіей обойти еще раза четыре главнѣйшія святыни и затѣмъ сложить кости на этихъ св. островахъ.

Многіе изъ этихъ богомольцевъ, даже самые ободранцы, приносятъ въ даръ монастырю не малыя суммы. Каждый опускаетъ свое пожертвованіе въ кружку, кто больше, кто меньше, смотря по средствамъ. Многіе приносятъ пожертвованія отъ сосѣдей и знакомыхъ, которые не имѣютъ возможности совершить такое долгое и опасное путешествіе, но тоже хотятъ послужить чѣмъ нибудь Богу.

Въ устьяхъ рѣки мы встрѣчаемъ флотилію рыбачьихъ лодокъ въ большой бѣдѣ: вѣтеръ крѣпчаетъ болѣе и болѣе, и мы слишкомъ хорошо видимъ, что до завтрашняго утра мы будемъ нуждаться въ помощи всѣхъ святыхъ, покровительствующихъ смертнымъ.

Отецъ Іоаннъ стоитъ на мостикѣ въ непромокаемомъ плащѣ, надѣтомъ поверхъ клобука и рясы, и направляетъ свой курсъ какъ опытный англійскій морякъ. Монахи встрѣтили бурю пѣніемъ псалмовъ, къ которому присоединились богомольцы и солдаты. Я вышелъ на минуту на палубу, потому что голоса этихъ энтузіастовъ, поднимающіеся къ къ небу посреди мученій и воплей, представляли что-то до сихъ поръ неслыханное мною. Многіе пѣвчіе лежали внизу въ трюмѣ, въ перемежку съ мѣшками съ рожью и бочками съ жиромъ; многіе страдали отъ кашля и стонали такъ, будто сердце у нихъ разрывалось, однако, болѣе половины этихъ страдальцевъ преусердно вторили прекрасному пѣнію иноковъ.

На слѣдующее утро, человѣкъ съ мостика заявилъ, что солнце всходило,

но никто его не видѣлъ, повсюду повисъ густой туманъ, изъ котораго выходятъ только порывы вѣтра и потоки дождя.

«Вѣра» должна придти въ Соловецкую бухту около 12 часовъ; но рано утромъ отецъ Іоаннъ сообщилъ мнѣ по секрету, что мы не будемъ въ состояніи достигнуть порта до пяти часовъ, а когда прошелъ и этотъ часъ, онъ снова говоритъ мнѣ съ терпѣливымъ пожатіемъ плечъ, что намъ нужно перемѣнить курсъ, такъ какъ входъ въ бухту черезъ гряду скалъ, и что мы не можемъ въ нее войти до утра.

Найдя якорное мѣсто, мы стали на якорь не болѣе какъ въ $^1/_2$ верстѣ отъ земли, и занялись чаепитіемъ. Богомольцы пропѣли вечернюю молитву и, съ тысячью крестовъ и поклоновъ, мы поручили свои души Богу. Стоя близъ берега, подъ защитою лѣса, мы покачиваемся себѣ по немногу, но буря сердито воетъ за нами, и мы знаемъ что много непрочныхъ сѣверныхъ судовъ борются нынче всю ночь за жизнь. Датскій клиперъ «Эна» сѣлъ на мель, экипажъ спасенъ, но грузъ погибъ. Два русскихъ шлюпа разбились на нашемъ курсѣ: одинъ изъ нихъ разсѣкся по поламъ и пошелъ ко дну со всѣми находящимися на немъ. На первой вахтѣ вѣтеръ стихаетъ, проглядываетъ солнце, и глазамъ нашимъ представляются прямо передъ нами, немного къ западу, зеленые куполы и золотые кресты Соловецкаго монастыря,—радость и восхищеніе всѣхъ, какъ богомольцамъ, пришедшимъ поклониться имъ изъ за тысячъ верстъ, такъ и ихъ англійскому гостю.

Привѣтствуя молитвою святое мѣсто, мы шли вдоль берега, то покрытаго зеленью, то прерываемаго скалами; купаясь въ мягкомъ горячемъ солнечномъ свѣтѣ, мы прошли черезъ короткое плесо, гдѣ плескались тюлени, надъ которымъ носились голуби, и въ 8 часовъ утра покачивались уже въ защищенной бухтѣ подъ стѣнами монастыря.

ГЛАВА IV.

Святые острова.—Мѣстные святые.—Монастырское хозяйство.

Главнѣйшій въ группѣ острововъ у карельскаго берега, еще не достаточно изслѣдованныхъ и невѣрно опредѣляемыхъ на морскихъ картахъ, составляетъ Соловецкій. Это небольшой зеленый островокъ верстъ 16 длиною и 13 или 14 шириною. Постоянно бушующія вокругъ него волны пробили себѣ въ немъ множество заливцевъ, а по срединѣ, гдѣ стоитъ монастырь, воды почти встрѣчаются; едва полторы версты раздѣляютъ западную бухту отъ восточной.

Соловецкій островъ лежитъ на 65° широты; онъ окруженъ множествомъ прелестныхъ островковъ и скалъ. Вода между ними сѣдѣетъ отъ пѣны и трепещетъ подъ свѣтомъ яркаго солнца. Берега вездѣ покрыты зеленью и окаймлены лѣсами березъ и сосенъ. Здѣсь не видишь плоскихъ линій, какъ на корельскомъ и лапландскомъ берегахъ, всюду — волнистая поверхность. Каждая высота увѣнчана бѣлою церковью, съ зеленымъ куполомъ и золотымъ крестомъ. На одномъ изъ холмовъ стоитъ церковь побольше, на колокольнѣ которой зажигается огонь. Земля, море, небо—все на виду; все радость и красота въ глазахъ богомольцевъ послѣ бурной ночи.

Идя вдоль чрезвычайно удобной пристани, замѣчаешь за этою красотою природы дѣло рукъ человѣческихъ. На всѣхъ, самыхъ обыкновенныхъ предметахъ видна печать дѣятельности. Группы странныхъ людей покрываютъ набережныя; кого тутъ нѣтъ?—лопари, кореллы. Но скоро видишь, что это не только волшебный, но и цивилизованный островъ: обширная набережная, хорошая гавань, направо доки, о кото-

но никто его не видѣлъ, повсюду повисъ густой туманъ, изъ котораго выходятъ только порывы вѣтра и потоки дождя.

«Вѣра» должна придти въ Соловецкую бухту около 12 часовъ; но рано утромъ отецъ Іоаннъ сообщилъ мнѣ по секрету, что мы не будемъ въ состояніи достигнуть порта до пяти часовъ, а когда прошелъ и этотъ часъ, онъ снова говоритъ мнѣ съ терпѣливымъ пожатіемъ плечъ, что намъ нужно перемѣнить курсъ, такъ какъ входъ въ бухту черезъ гряду скалъ, и что мы не можемъ въ нее войти до утра.

Найдя якорное мѣсто, мы стали на якорь не болѣе какъ въ $^1/_2$ верстѣ отъ земли, и занялись чаепитіемъ. Богомольцы пропѣли вечернюю молитву и, съ тысячью крестовъ и поклоновъ, мы поручили свои души Богу. Стоя близъ берега, подъ защитою лѣса, мы покачиваемся себѣ по немногу, но буря сердито воетъ за нами, и мы знаемъ что много непрочныхъ сѣверныхъ судовъ борются нынче всю ночь за жизнь. Датскій клиперъ «Эна» сѣлъ на мель, экипажъ спасенъ, но грузъ погибъ. Два русскихъ шлюпа разбились на нашемъ курсѣ: одинъ изъ нихъ разсѣкся по поламъ и пошелъ ко дну со всѣми находящимися на немъ. На первой вахтѣ вѣтеръ стихаетъ, проглядываетъ солнце, и глазамъ нашимъ представляются прямо передъ нами, немного къ западу, зеленые куполы и золотые кресты Соловецкаго монастыря,—радость и восхищеніе всѣхъ, какъ богомольцамъ, пришедшимъ поклониться имъ изъ за тысячъ верстъ, такъ и ихъ англійскому гостю.

Привѣтствуя молитвою святое мѣсто, мы шли вдоль берега, то покрытаго зеленью, то прерываемаго скалами; купаясь въ мягкомъ горячемъ солнечномъ свѣтѣ, мы прошли черезъ короткое плесо, гдѣ плескались тюлени, надъ которымъ носились голуби, и въ 8 часовъ утра покачивались уже въ защищенной бухтѣ подъ стѣнами монастыря.

ГЛАВА IV.

Святые острова.—Мѣстные святые.—Монастырское хозяйство.

Главнѣйшій въ группѣ острововъ у карельскаго берега, еще не достаточно изслѣдованныхъ и невѣрно опредѣляемыхъ на морскихъ картахъ, составляетъ Соловецкій. Это небольшой зеленый островокъ верстъ 16 длиною и 13 или 14 шириною. Постоянно бушующія вокругъ него волны пробили себѣ въ немъ множество заливцевъ, а по срединѣ, гдѣ стоитъ монастырь, воды почти встрѣчаются; едва полторы версты раздѣляютъ западную бухту отъ восточной.

Соловецкій островъ лежитъ на 65° широты; онъ окруженъ множествомъ прелестныхъ островковъ и скалъ. Вода между ними сѣдѣетъ отъ пѣны и трепещетъ подъ свѣтомъ яркаго солнца. Берега вездѣ покрыты зеленью и окаймлены лѣсами березъ и сосенъ. Здѣсь не видишь плоскихъ линій, какъ на корельскомъ и лапландскомъ берегахъ, всюду — волнистая поверхность. Каждая высота увѣнчана бѣлою церковью, съ зеленымъ куполомъ и золотымъ крестомъ. На одномъ изъ холмовъ стоитъ церковь побольше, на колокольнѣ которой зажигается огонь. Земля, море, небо—все на виду; все радость и красота въ глазахъ богомольцевъ послѣ бурной ночи.

Идя вдоль чрезвычайно удобной пристани, замѣчаешь за этою красотою природы дѣло рукъ человѣческихъ. На всѣхъ, самыхъ обыкновенныхъ предметахъ видна печать дѣятельности. Группы странныхъ людей покрываютъ набережныя; кого тутъ нѣтъ?—лопари, кореллы. Но скоро видишь, что это не только волшебный, но и цивилизованный островъ: обширная набережная, хорошая гавань, направо доки, с кото-

рыхъ съ такою гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, «Надежда», болѣе удобный чѣмъ «Вѣра» пароходъ для богомольцевъ лежитъ на штагахъ. Налѣво гостинница, чистая, свѣтлая; ни одна гостинница на берегу итальянскихъ озеръ не представляетъ болѣе веселаго и привѣтливаго вида. Топенантъ и кранъ, какихъ не увидишь даже въ торговыхъ портахъ, и конно-желѣзная дорога отъ гавани до складовъ.

По верхней набережной простирается стѣна съ воротами и башнями, а высоко надъ нею представляется взору дворецъ и монастырь съ куполами и крестами; отъ пристани ведетъ лѣстница къ Святымъ Воротамъ, а близъ тропинки отъ этой лѣстницы возвышаются двѣ часовни, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высадились вѣнценосные богомольцы Петръ Великій и Александръ Благословенный.

Все здѣсь является массивнымъ, прочнымъ, отъ многаго вѣетъ стариною. Не говоря уже о крѣпостныхъ стѣнахъ и башняхъ, построенныхъ изъ громадныхъ валуновъ, вырванныхъ со дна морскаго въ дни Іоанна Грознаго, дворецъ, церковь и колокольня, поднимающіеся изъза этихъ стѣнъ, древнѣе всякой другой постройки въ этомъ отдаленномъ уголкѣ земнаго шара. Соборъ Преображенія древнѣе даже крѣпостныхъ стѣнъ. Другой соборъ Вознесенія построенъ въ то время, когда настоятелемъ монастыря былъ св. Филиппъ .Кромѣ вида древности, мѣстность оживлена красками и инстинктивнымъ чувствомъ искусства; каждая часовня, выглядывающая то тамъ, то здѣсь изъ за деревьевъ— цѣлая картина. Главный фасадъ древняго собора росписанъ грубоватыми, но недурными фресками; подобныя же фрески покрываютъ основаніе Святыхъ Вратъ, между тѣмъ какъ куполы церквей и часовенъ блистаютъ яркою зеленью и позолотою. Самый замѣтный и дорогой въ глазахъ богомольцевъ куполъ росписанъ лазурью и золотыми звѣздами; онъ увѣнчиваетъ новый соборъ, построенный въ воспоминаніе 1854 г., этаго года чудесъ, когда англійскій флотъ былъ побѣжденъ Богородицею. Внутри монастырь представляется еще болѣе прочнымъ и великолѣпнымъ, чѣмъ снаружи. Стѣна, ограда, гостинница, острогъ, крѣпость, церковь—построены изъ кирпича и камня. Всѣ сѣни и корридоры разрисованы часто въ грубомъ и первобытномъ стилѣ, но все-таки эти грубыя картины изъ св. Писанія имѣютъ смыслъ и значеніе выше морали бѣлой штукатурки. На иконостасахъ и колоннахъ въ церквахъ видны образчики высшаго искусства, хотя и здѣсь глазъ, привыкшій восхищаться лучшими произведеніями итальянской школы, склоненъ *относиться слишкомъ* недовѣрчиво и пренебрежительно. Рисунокъ ча-

сто слабъ, краски грубы; позолота слишкомъ ярка. Но это море позолоты и красокъ дѣйствуютъ и на глазъ, и на умъ, въ особенности при свѣтѣ свѣчъ и лампадъ, при дымѣ ѳиміама и при пѣніи монаховъ въ длинныхъ рясахъ и клобукахъ, выстроившихся предъ Царскими вратами.

Углубляясь въ отдаленнѣйшіе уголки этой группы острововъ, видишь что они также прекрасны. На каждомъ шагу окружаютъ лѣса и преслѣдуютъ озерки. Лѣса большею частію состоятъ изъ березы, называемой серебристой, и сосны альпійскаго вида. Они достаточно высоки, а внизу краснѣютъ массы ягодъ и полярныхъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ встрѣчаются прогалины съ видомъ на зеленую долину, въ глубинѣ которой дремлетъ прелестное озеро. Въ воздухѣ носится запахъ сѣна и какое-то незнакомое мнѣ благовоніе отъ травы, растущей на берегу прудовъ и озеръ. На каждомъ поворотѣ дороги намъ попадается хорошо вырѣзанный и окрашенный въ темно-красный цвѣтъ крестъ, между тѣмъ какъ каждая просѣка заканчивается разрисованною часовнею, кельею одинокаго инока. Глубокое молчаніе царствуетъ на небѣ и на землѣ. Но красота красотъ—это озера! Болѣе сотни этихъ очаровательныхъ зеркальныхъ озерковъ прячутся въ глубинѣ лѣса. Знаменитѣйшее изъ нихъ Святое озеро, лежащее подъ самою монастырскою стѣною. Но на мой вкусъ верхъ красоты—это Бѣлое озеро, по дорогѣ къ кельѣ св. Савватія и Сѣкирной горѣ. Святое озеро чернаго цвѣта, глубокое и прѣсное, хотя оно лежитъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ моря. У богомольцевъ оно имѣетъ свою функцію: по прибытіи въ Соловецкій монастырь, они отправляются купаться въ это озеро. Вода считается священною, освѣжающею духъ и очищающею тѣло. Не говоря ни слова, они идутъ въ купальню, сбрасываютъ свои лохмотья и бросаются въ воду. Ихъ примѣру не слѣдуютъ лишь нѣсколько горожанъ, дрожащихъ отъ одной мысли о такомъ спасительномъ купаньѣ. Послѣ купанья богомольцы отправляются обѣдать, а затѣмъ на молитву. Бѣлое озеро лежитъ верстахъ въ 12-ти отъ монастыря; въ зеленой котловинѣ съ лѣсистыми берегами и множествомъ прелестныхъ островковъ. Если бы св. Савватій былъ артистъ, то можно было бы не удивляться тому, что онъ избралъ такую мѣстность. Но главный островъ этого сѣвернаго рая имѣетъ одинъ важный недостатокъ. Смотря съ колокольни Сѣкирной горы на этотъ лабиринтъ моря и земли, озеръ и утесовъ, лѣса и кустарниковъ, луговъ и долинъ, причемъ каждая нѣжная полоска зелени, каждый темный поясъ сосенъ от-

мѣченъ бѣлою церковью, вы восхищаетесь, но въ то же время чувствуете, что чего-то недостаетъ, ваше сердце заявляетъ, что какъ ни роскошенъ кажется ландшафтъ, но ему не хватаетъ одного поэтическаго очарованія, именно живыхъ существъ. На лугахъ не видать стадъ, на отмеляхъ—табуновъ лошадей. Вдали не залаетъ собака, не замычитъ у озера корова. На всемъ протяженіи отъ Сѣкирной горы до монастырскихъ воротъ не увидишь ни одного животнаго. Человѣкъ здѣсь одинъ, и чувствуешь что онъ одинъ.

Этотъ недостатокъ въ ландшафтѣ радикальный, его нельзя отрицать, но нельзя и исправить, но не потому, чтобы скотъ не могъ пастись на этихъ холмахъ и въ лѣсахъ! Въ 4-хъ веретахъ отъ Соловецкаго стоитъ Заячій островъ, гдѣ пасутся овцы и скотъ, а далѣе — Муксальма, большой, покрытый лугами островъ, гдѣ помѣщаются птичій дворъ и фермы. Эти животныя жили бы и на Святомъ островѣ, еслибы ихъ не изгоняло оттуда монашеское правило; но любовь изгнана со святой земли. Здѣсь нѣтъ мѣста для матери, питающей и холящей свое дитя.—Огромный недостатокъ въ ландшафтѣ, въ другихъ отношеніяхъ радующемъ глаза и сердце: отрицаніе природы въ ея лучшихъ и нѣжнѣйшихъ проявленіяхъ.

Законъ для всѣхъ одинаковъ и поддерживается со строгостью, которую не сломитъ никакая власть. Никто изъ женскаго пола не можетъ жить на островѣ. Всѣ окрестные жители сильно проникнуты сознаніемъ грѣховности этого. Женщины, конечно, пріѣзжаютъ тоже на богомолье, но затѣмъ онѣ обязаны уѣхать. Она можетъ остановиться въ гостинницѣ, ѣсть въ трапезной, но обязана оставить монастырь до 9-ти часовъ вечера; къ нѣкоторымъ, болѣе почитаемымъ, святынямъ она не имѣетъ входа. Богомолецъ-мужчина можетъ оставаться въ монастырѣ цѣлый годъ, но женщина должна вернуться съ тѣмъ же судномъ, которое привезло ее на богомолье. По необыкновенному снисхожденію свыше, начальнику мѣстной военной команды, силою душъ въ шестьдесятъ, позволено имѣть при себѣ жену и дѣтей въ теченіе богомольческаго періода, т. е. отъ іюня до августа, но съ отходомъ въ Архангельскъ послѣдняго парохода съ богомольцами, онъ также долженъ оставлять свое жилище въ святомъ мѣстѣ. Царство благочестія и порядка приходитъ съ первымъ снѣгомъ,—и тогда уже ни одной женщинѣ не позволятъ ступить на островъ. Правила этого строго придерживаются въ Соловецкой бухтѣ подъ стѣнами монастыря, не такъ строго *на Заячьемъ островѣ*, Муксальмѣ и еще болѣе на отдаленныхъ остро-

Основатели Соловецкаго монастыря.

вахъ, гдѣ выстроены небольшіе скиты въ память жившихъ на тѣхъ мѣстахъ святыхъ. Въ этихъ отдаленныхъ поселеніяхъ труднѣе защищать святыхъ людей отъ нашествія женщинъ. Карельскія дѣвушки разъѣзжаютъ лѣтомъ вокругъ этихъ острововъ днемъ и ночью, и потому на такихъ опасныхъ мѣстахъ дозволено жить только старцамъ.

Это изгнаніе женщинъ со Святаго острова было дѣломъ Савватія, перваго изъ здѣшнихъ святыхъ. Св. Савватій, первый соловецкій пустынникъ, однажды молился близъ озера, какъ вдругъ услышалъ крикъ какъ бы женскій. Его товарищъ сказалъ ему, что это должно быть мечта, такъ какъ вблизи ихъ пустыни не было женщинъ. Угодникъ снова сталъ на молитву, и снова былъ смущенъ стонами и плачемъ. Онъ отправился по берегу озера и нашелъ лежащую на землю молодую женщину, всю покрытую ранами. Это была жена рыбака. На вопросъ, кто причинилъ ей эти раны, она отвѣчала, что когда мужъ ея выѣхалъ съ острова, въ ея хижину пришли двое молодыхъ людей со свѣтлыми лицами, въ бѣлой одеждѣ, и сказали ей, что она должна слѣдовать за своимъ мужемъ, такъ какъ эта земля принадлежитъ Богу и ни одна женщина не должна жить на ней; затѣмъ они бросили ее на землю и начали бить своими жезлами.

Когда бѣдная женщина немного оправилась, она сѣла въ свою лодку и никогда не возвращалась болѣе на островъ. Такимъ образомъ женщина изгнана съ этого острова ангелами. Ни монахъ, ни мірянинъ не сомнѣваются въ дѣйствительности этой исторіи. Да и какъ сомнѣваться: здѣсь, до сегодня стоитъ бревенчатая келья, гдѣ жилъ св. Савватій, а въ 20-ти шагахъ отъ нея покрытый мхомъ берегъ, гдѣ онъ молился. За озеромъ, рядомъ съ этою группою сосенъ стояла хижина рыбака. Крутая гора, на вершинѣ которой блеститъ церковь и маякъ, до сихъ поръ называется Сѣкирной.

Св. Савватій происходилъ изъ Новгорода и былъ монахомъ въ старомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ; но жаждая большаго уединенія, онъ уговорилъ одного изъ братьевъ, по имени Валаама, уйти съ нимъ въ сѣверныя пустыни. Бояре его родины отправлялись тогда на сѣверъ, а какъ же святымъ людямъ не претерпѣть ради Бога того, что бояре и купцы претерпѣвали ради выгоды. Помолившись, эти бояре и купцы отправились къ архіепископу съ просьбою: «Позволь намъ, владыка, идти покорить новыя земли для св. Софіи». Основавъ поселеніе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, эти люди прибавили большую полосу земли къ владѣніямъ Великаго Новгорода. Слухи объ этихъ людяхъ подви-

нули св. Савватія идти по ихъ стопамъ и потрудиться въ этой пустынной странѣ, открытой ими.

Съ трудомъ пробираясь по дѣвственнымъ лѣсамъ и песчанымъ равнинамъ, св. Савватій съ товарищемъ Валаамомъ прибыли въ 1429 г. на Выгъ, гдѣ нашли благочестиваго монаха, именемъ Германа, тоже пришедшаго съ юга. Глядя на востокъ, на водную равнину, они замѣтили группу острововъ, и, снарядивъ легкую лодку, св. Савватій и Германъ переправились черезъ море. Приставъ къ самому большому изъ острововъ, они построили пустынь на берегу озерка, у подошвы холма, заросшаго до верху сосною и березою. Озеро было хорошо защищено, холмъ высокъ, а съ вершины его открывались взору острова и обнимающія ихъ волны до Орлова мыса на югѣ и до Кемскихъ высотъ на западѣ. Черезъ шесть лѣтъ Германъ отправился обратно на Выгъ, а св. Савватій, боясь умереть безъ покаянія и остаться безъ погребенія, переправился въ Сороку и пріобщился св. Тайнъ изъ рукъ отца Нафанаила, случайно посѣтившаго этотъ городъ; затѣмъ, покончивъ свое земное странствіе, онъ отошелъ на вѣчный покой.

У одного изъ смѣлыхъ новгородскихъ выходцевъ, поселившагося въ новой деревнѣ Толвуи, на берегу Онежскаго озера, былъ сынъ Зосима, съ дѣтства посвященный Богу. Зосима поступилъ въ Палеостровскій монастырь еще ребенкомъ, и достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ раздѣлилъ имѣніе между родственниками, и, взявъ въ руки посохъ, отправился на сѣверъ. Въ Сумскомъ посадѣ онъ встрѣтился съ Германомъ, который разсказалъ ему о своей жизни въ теченіе шести лѣтъ въ пустынѣ на уединенномъ утесѣ. Плѣненный этимъ разсказомъ, Зосима убѣдилъ Германа показать ему то мѣсто, гдѣ онъ такъ долго прожилъ съ св. Савватіемъ. Попутный вѣтерокъ принесъ ихъ въ маленькую спокойную бухту съ берегами, поросшими густымъ лѣсомъ. У самаго берега они увидали глубокое сіяющее озеро съ прѣсною водою, кишащее рыбою, необходимою пищей монаха.

Преклонивъ на пескѣ колѣни для молитвы, св. Зосима имѣлъ чудесное видѣніе, укрѣпившее въ немъ намѣреніе основать на этомъ уединенномъ островѣ религіозную колонію. Онъ увидѣлъ какъ бы во снѣ великолѣпный монастырь, съ воздымающимися куполами и башенками, стоящій на берегу этого прекраснаго озера, съ этихъ поръ извѣстнаго подъ названіемъ Святаго. Вставъ на ноги, онъ разсказалъ своему спутнику о видѣніи, которое имѣлъ, описалъ стѣны, Святыя врата, купы шпицевъ и куполовъ, однимъ словомъ, монастырь во всемъ блескѣ его

настоящаго величія. Они вырубили сосну, и сдѣлавъ изъ нея крестъ, водрузили его въ землю въ знаменіе того, что отнынѣ этотъ островъ принадлежитъ Богу и святымъ его. Это событіе произошло въ 1436 г. черезъ годъ послѣ смерти св. Савватія. Монахи выстроили себѣ кельи недалеко отъ этого креста, но въ разстояніи болѣе версты одна отъ другой, чтобы не мѣшать другъ другу въ благочестивыхъ упражненіяхъ. На этихъ мѣстахъ воздвигнуты въ память ихъ часовни.

Слухи объ этихъ юныхъ пустынникахъ разошлись по монастырямъ и монахи начали собираться къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Они приносили сильные мускулы и пылкія души для того, чтобы воздвигнуть въ этой дикой, холодной странѣ, среди этихъ дикихъ племенъ, храмъ Бога живаго. Современемъ вокругъ этаго креста стала церковь; а такъ какъ никто изъ этихъ пустынниковъ не имѣлъ священническаго сана, то они отправили посла къ Іонѣ, архіепископу новгородскому, прося у него благословенія на трудъ, а также назначенія настоятеля для совершенія церковной службы. Іона благословилъ ихъ и далъ имъ въ настоятели Павла. Павелъ отправился на сѣверъ и освятилъ ихъ убогую церковь, но онъ не могъ выносить суровости климата. Послѣ него былъ настоятелемъ Ѳеодосій, потомъ Іона, но оба они, проживъ нѣкоторое время на островѣ, должны были удалиться по разстроенному здоровью. Тогда братья рѣшились просить архіепископа, чтобы онъ избралъ настоятеля изъ ихъ же рядовъ, какъ болѣе привычныхъ къ суровости климата, и просили Зосиму принять на себя это званіе. Зосима, не смотря на все свое уничиженіе, уступилъ для общаго блага, и отправился пѣшкомъ въ тысячеверстный путь безъ всякихъ дорогъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ былъ принятъ владыкою и посвященъ въ священническій санъ. Отъ старшины города и главныхъ бояръ онъ добился полной уступки острововъ, чего не могъ сдѣлать Іона, и возвратился въ монастырь священникомъ и настоятелемъ, со славою святаго человѣка, не знающаго ни въ чемъ отказа. Получивъ позволеніе на перенесеніе тѣла св. Савватія изъ Сороки въ Соловецкій монастырь, онъ положилъ его нетлѣнные останки въ склепъ зарождающейся церкви.

Съ тѣхъ поръ монастырь сталъ все болѣе и болѣе расширяться, монахи и богомольцы приливали отовсюду. Но по мѣрѣ увеличенія славы и богатствъ монастыря, на настоятеля и братію посыпались мірскія заботы. Кемскіе жители разглядѣли, что этотъ островъ на Бѣломъ морѣ былъ лакомымъ кускомъ, а сильные люди Анзерска и Муксальма начали оспаривать у монаховъ ихъ различныя права. Наконецъ, Зосима,

не смотря на свою глубокую старость, былъ принужденъ, взявъ въ руки свой пастырскій посохъ, отправиться въ Новгородъ въ надеждѣ лично увидить Марѳу Посадницу и однажды навсегда рѣшить вопросъ о его правахъ на эти скалы, выпросивъ у нея, чтобы настоятели Соловецкаго монастыря былъ облеченъ властью начальника надъ самою Кемью. На колоннѣ Софійскаго собора, въ новгородскомъ кремлѣ, цѣлый рядъ фрескъ изображаетъ исторію этаго посѣщенія. Одинъ рисунокъ въ особенности поразителенъ: онъ изображаетъ пиръ въ богатой залѣ, гдѣ столъ окруженъ гостями безъ головъ. Переходя по городу изъ дому въ домъ, св. Зосима почти во всѣхъ былъ встрѣчаемъ съ честью, подобающею его преклоннымъ лѣтамъ и славѣ. Но у кемскихъ бояръ были въ городѣ друзья, и Марѳѣ наговорили противъ монашеской хитрости и жадности. Отъ ея воротъ его отогнали съ презрѣніемъ, а у нея-то именно ему бы и хотѣлось быть принятымъ съ миромъ. Зная, что безъ ея помощи ему ничего не сдѣлать, Зосима рѣшился терпѣливымъ пережиданіемъ событій побѣдить ея сопротивленіе. Наконецъ, она пожаловала ему грамату (отъ 1470 г. до сихъ поръ сохраняемую въ Соловецкомъ монастырѣ), подтверждающую его права на всѣ земли, озера, лѣса и берега Святыхъ острововъ отнынѣ и на вѣки.

Прежде чѣмъ св. Зосима оставилъ великій городъ, Марѳа пригласила его на пиръ, гдѣ онъ долженъ былъ проститься какъ съ нею, такъ и съ высшими боярами. За столомъ бояре замѣтили, что глаза его устремлены неподвижно въ пространство, а душа опечалена чѣмъ-то неизвѣстнымъ. «Въ чемъ дѣло?» вскричали гости. Онъ не хотѣлъ отвѣчать. Они стали настаивать, столпились вокругъ него и увидѣли, что по щекамъ его текутъ жгучія слезы. На ихъ еще болѣе настойчивые вопросы онъ отвѣчалъ наконецъ: «Я вижу на пиру шесть бояръ и всѣ они сидятъ за столомъ безъ головъ!». Это-то видѣніе и изображено на колоннѣ въ св. Софіи. Преданіе говоритъ, что у всѣхъ бояръ, бывшихъ въ этотъ день за столомъ у Марѳы Посадницы, были отрублены головы Іоанномъ III, когда эта древняя гордая республика пала предъ покорителемъ Золотой Орды.

Зосима управлялъ Монастыремъ въ зданіи настоятеля въ теченіи двадцати шести лѣтъ и перешелъ въ вѣчность послѣ сорока двухъ лѣтняго отшельничества на этомъ пустынномъ утесѣ.

На смертномъ ложѣ онъ сказалъ своимъ ученикамъ, что оставляетъ ихъ только тѣлесно, что въ душѣ онъ будетъ по прежнему бдѣть и мо-

литься съ ними. Онъ просилъ ихъ ежечасно благодарить Бога за обѣщаніе, что монастырь ихъ пребудетъ во вѣки.

Около этого же времени умеръ въ Новгородѣ и третій святой, Германъ, спутникъ Св. Савватія и Зосимы. Его тѣло впослѣдствіи тоже перенесено въ Соловецкій и положено въ ракѣ близъ гробницы его славныхъ сподвижниковъ.

Заручившись по совѣту отца Іоанна рекомендательнымъ письмомъ отъ Архангельскаго Архіерея къ Архимандриту Соловецкому Ѳеофану, я былъ очень любезно принятъ послѣднимъ. Онъ отдалъ въ мое распоряженіе свой домъ и все свое хозяйство, свою лодку, экипажъ и кучера; употреблено было все стараніе, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Соловецкомъ пріятнымъ.

На святомъ островѣ живетъ около трехсотъ монаховъ. Впереди всѣхъ конечно архимандритъ, затѣмъ человѣкъ сорокъ іеромонаховъ, потомъ семдесятъ или восемьдесятъ, монаховъ, принявшихъ окончательное постриженіе, и наконецъ послушники и пѣвчіе.

Всѣ они различныхъ лѣтъ и состояній, отъ прелестнаго ребенка, служащаго за столомъ до дряхлаго старца, который ужь не выходитъ изъ кельи; отъ монаха благороднаго происхожденія и съ большимъ состояніемъ, до человѣка высадившагося на островъ бродягою. Всѣ они носятъ одинаковое платье, ѣдятъ за однимъ столомъ и ведутъ одинаковой образъ жизни. У каждаго брата отдѣльная келья, гдѣ онъ спитъ и работаетъ, но каждый, если только ему не препятствуютъ болѣзнь или дряхлость, должны приходить въ опредѣленные часы въ церковъ и трапезную; хорошая борода составляетъ гордость монаховъ, но пока она не выростаетъ, юноша расчесываетъ и холитъ свои волоса съ совершенно женскимъ кокетствомъ. Смотря въ церкви на толпу послушниковъ, съ открытыми головами, съ волосами, распущенными по плечамъ, ихъ легко можно принять за прекрасный полъ.

Не многихъ изъ этихъ монаховъ можно назвать обыкновенными людьми. Есть нѣсколько ярыхъ фанатиковъ, дрожащихъ за спасеніе своихъ душъ; еще большее число обладаетъ естественнымъ призваніемъ къ монашеской жизни. Порядочное число присланы сюда на исправленіе изъ другихъ русскихъ монастырей. Эти послѣдніе составляютъ соль монастыря, они вся его сила. Вина, за которую ихъ ссылаютъ часто излишняя ревность, ученый и критическій духъ, наклонность находить ошибки, желаніе реформы, стремленіе къ чистотѣ религіи первыхъ временъ. За такую безпорядочность ума простой монахъ не находитъ со-

рыхъ съ такою гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, «Надежда», болѣе удобный чѣмъ «Вѣра» пароходъ для богомольцевъ лежитъ на штагахъ. Налѣво гостинница, чистая, свѣтлая; ни одна гостинница на берегу итальянскихъ озеръ не представляетъ болѣе веселаго и привѣтливаго вида. Топенантъ и кранъ, какихъ не увидишь даже въ торговыхъ портахъ, и конно-желѣзная дорога отъ гавани до складовъ.

По верхней набережной простирается стѣна съ воротами и башнями, а высоко надъ нею представляется взору дворецъ и монастырь съ куполами и крестами; отъ пристани ведетъ лѣстница къ Святымъ Воротамъ, а близъ тропинки отъ этой лѣстницы возвышаются двѣ часовни, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высадились вѣнценосные богомольцы Петръ Великій и Александръ Благословенный.

Все здѣсь является массивнымъ, прочнымъ, отъ многаго вѣетъ стариною. Не говоря уже о крѣпостныхъ стѣнахъ и башняхъ, построенныхъ изъ громадныхъ валуновъ, вырванныхъ со дна морскаго въ дни Іоанна Грознаго, дворецъ, церковь и колокольня, поднимающіеся изъза этихъ стѣнъ, древнѣе всякой другой постройки въ этомъ отдаленномъ уголкѣ земнаго шара. Соборъ Преображенія древнѣе даже крѣпостныхъ стѣнъ. Другой соборъ Вознесенія построенъ въ то время, когда настоятелемъ монастыря былъ св. Филиппъ .Кромѣ вида древности, мѣстность оживлена красками и инстинктивнымъ чувствомъ искусства; каждая часовня, выглядывающая то тамъ, то здѣсь изъ за деревьевъ— цѣлая картина. Главный фасадъ древняго собора росписанъ грубоватыми, но недурными фресками; подобныя же фрески покрываютъ основаніе Святыхъ Вратъ, между тѣмъ какъ куполы церквей и часовенъ блистаютъ яркою зеленью и позолотою. Самый замѣтный и дорогой въ глазахъ богомольцевъ куполъ росписанъ лазурью и золотыми звѣздами; онъ увѣнчиваетъ новый соборъ, построенный въ воспоминаніе 1854 г., этаго года чудесъ, когда англійскій флотъ былъ побѣжденъ Богородицею. Внутри монастырь представляется еще болѣе прочнымъ и великолѣпнымъ, чѣмъ снаружи. Стѣна, ограда, гостинница, острогъ, крѣпость, церковь—всѣ построены изъ кирпича и камня. Всѣ сѣни и корридоры разрисованы часто въ грубомъ и первобытномъ стилѣ, но все-таки эти грубыя картины изъ св. Писанія имѣютъ смыслъ и значеніе выше морали бѣлой штукатурки. На иконостасахъ и колоннахъ въ церквахъ видны образчики высшаго искусства, хотя и здѣсь глазъ, привыкшій восхищаться лучшими произведеніями итальянской школы, склоненъ *относиться слишкомъ* недовѣрчиво и пренебрежительно. Рисунокъ ча-

сто слабъ, краски грубы; позолота слишкомъ ярка. Но это море позолоты и красокъ дѣйствуютъ и на глазъ, и на умъ, въ особенности при свѣтѣ свѣчъ и лампадъ, при дымѣ ѳиміама и при пѣніи монаховъ въ длинныхъ рясахъ и клобукахъ, выстроившихся предъ Царскими вратами.

Углубляясь въ отдаленнѣйшіе уголки этой группы острововъ, видишь что они также прекрасны. На каждомъ шагу окружаютъ лѣса и преслѣдуютъ озерки. Лѣса большею частію состоятъ изъ березы, называемой серебристой, и сосны альпійскаго вида. Они достаточно высоки, а внизу краснѣютъ массы ягодъ и полярныхъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ встрѣчаются прогалины съ видомъ на зеленую долину, въ глубинѣ которой дремлетъ прелестное озеро. Въ воздухѣ носится запахъ сѣна и какое-то незнакомое мнѣ благовоніе отъ травы, растущей на берегу прудовъ и озеръ. На каждомъ поворотѣ дороги намъ попадается хорошо вырѣзанный и окрашенный въ темно-красный цвѣтъ крестъ, между тѣмъ какъ каждая просѣка заканчивается разрисованною часовнею, кельею одинокаго инока. Глубокое молчаніе царствуетъ на небѣ и на землѣ. Но красота красотъ—это озера! Болѣе сотни этихъ очаровательныхъ зеркальныхъ озерковъ прячутся въ глубинѣ лѣса. Знаменитѣйшее изъ нихъ Святое озеро, лежащее подъ самою монастырскою стѣною. Но на мой вкусъ верхъ красоты—это Бѣлое озеро, по дорогѣ къ кельѣ св. Савватія и Сѣкирной горѣ. Святое озеро чернаго цвѣта, глубокое и прѣсное, хотя оно лежитъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ моря. У богомольцевъ оно имѣетъ свою функцію: по прибытіи въ Соловецкій монастырь, они отправляются купаться въ это озеро. Вода считается священною, освѣжающею духъ и очищающею тѣло. Не говоря ни слова, они идутъ въ купальню, сбрасываютъ свои лохмотья и бросаются въ воду. Ихъ примѣру не слѣдуютъ лишь нѣсколько горожанъ, дрожащихъ отъ одной мысли о такомъ спасительномъ купаньѣ. Послѣ купанья богомольцы отправляются обѣдать, а затѣмъ на молитву. Бѣлое озеро лежитъ верстахъ въ 12-ти отъ монастыря; въ зеленой котловинѣ съ лѣсистыми берегами и множествомъ прелестныхъ островковъ. Если бы св. Савватій былъ артистъ, то можно было бы не удивляться тому, что онъ избралъ такую мѣстность. Но главный островъ этого сѣвернаго рая имѣетъ одинъ важный недостатокъ. Смотря съ колокольни Сѣкирной горы на этотъ лабиринтъ моря и земли, озеръ и утесовъ, лѣса и кустарниковъ, луговъ и долинъ, причемъ каждая нѣжная полоска зелени, каждый темный поясъ сосенъ от-

мѣченъ бѣлою церковью, вы восхищаетесь, но въ то же время чувствуете, что чего-то недостаетъ, ваше сердце заявляетъ, что какъ ни роскошенъ кажется ландшафтъ, но ему не хватаетъ одного поэтическаго очарованія, именно живыхъ существъ. На лугахъ не видать стадъ, на отмеляхъ—табуновъ лошадей. Вдали не залаетъ собака, не замычитъ у озера корова. На всемъ протяженіи отъ Сѣкирной горы до монастырскихъ воротъ не увидишь ни одного животнаго. Человѣкъ здѣсь одинъ, и чувствуешь что онъ одинъ.

Этотъ недостатокъ въ ландшафтѣ радикальный, его нельзя отрицать, но нельзя и исправить, но не потому, чтобы скотъ не могъ пастись на этихъ холмахъ и въ лѣсахъ! Въ 4-хъ веретахъ отъ Соловецкаго стоитъ Заячій островъ, гдѣ пасутся овцы и скотъ, а далѣе — Муксальма, большой, покрытый лугами островъ, гдѣ помѣщаются птичій дворъ и фермы. Эти животныя жили бы и на Святомъ островѣ, еслибы ихъ не изгоняло оттуда монашеское правило; но любовь изгнана со святой земли. Здѣсь нѣтъ мѣста для матери, питающей и холящей свое дитя.—Огромный недостатокъ въ ландшафтѣ, въ другихъ отношеніяхъ радующемъ глаза и сердце: отрицаніе природы въ ея лучшихъ и нѣжнѣйшихъ проявленіяхъ.

Законъ для всѣхъ одинаковъ и поддерживается со строгостью, которую не сломитъ никакая власть. Никто изъ женскаго пола не можетъ жить на островѣ. Всѣ окрестные жители сильно проникнуты сознаніемъ грѣховности этого. Женщины, конечно, пріѣзжаютъ тоже на богомолье, но затѣмъ онѣ обязаны уѣхать. Она можетъ остановиться въ гостинницѣ, ѣсть въ трапезной, но обязана оставить монастырь до 9-ти часовъ вечера; къ нѣкоторымъ, болѣе почитаемымъ, святынямъ она не имѣетъ входа. Богомолецъ-мужчина можетъ оставаться въ монастырѣ цѣлый годъ, но женщина должна вернуться съ тѣмъ же судномъ, которое привезло ее на богомолье. По необыкновенному снисхожденію свыше, начальнику мѣстной военной команды, силою душъ въ шестьдесятъ, позволено имѣть при себѣ жену и дѣтей въ теченіе богомольческаго періода, т. е. отъ іюня до августа, но съ отходомъ въ Архангельскъ послѣдняго парохода съ богомольцами, онъ также долженъ оставлять свое жилище въ святомъ мѣстѣ. Царство благочестія и порядка приходитъ съ первымъ снѣгомъ,—и тогда уже ни одной женщинѣ не позволятъ ступить на островъ. Правила этого строго придерживаются въ Соловецкой бухтѣ подъ стѣнами монастыря, не такъ строго *на Заячьемъ островѣ*, Муксальмѣ и еще болѣе на отдаленныхъ остро-

Основатели Соловецкаго монастыря.

рыхъ съ такою гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, «Надежда», болѣе удобный чѣмъ «Вѣра» пароходъ для богомольцевъ лежитъ на штагахъ. Налѣво гостинница, чистая, свѣтлая; ни одна гостинница на берегу итальянскихъ озеръ не представляетъ болѣе веселаго и привѣтливаго вида. Топенантъ и кранъ, какихъ не увидишь даже въ торговыхъ портахъ, и конно-желѣзная дорога отъ гавани до складовъ.

По верхней набережной простирается стѣна съ воротами и башнями, а высоко надъ нею представляется взору дворецъ и монастырь съ куполами и крестами; отъ пристани ведетъ лѣстница къ Святымъ Воротамъ, а близъ тропинки отъ этой лѣстницы возвышаются двѣ часовни, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ высадились вѣнценосные богомольцы Петръ Великій и Александръ Благословенный.

Все здѣсь является массивнымъ, прочнымъ, отъ многаго вѣетъ стариною. Не говоря уже о крѣпостныхъ стѣнахъ и башняхъ, построенныхъ изъ громадныхъ валуновъ, вырванныхъ со дна морскаго въ дни Іоанна Грознаго, дворецъ, церковь и колокольня, поднимающіеся изъза этихъ стѣнъ, древнѣе всякой другой постройки въ этомъ отдаленномъ уголкѣ земнаго шара. Соборъ Преображенія древнѣе даже крѣпостныхъ стѣнъ. Другой соборъ Вознесенія построенъ въ то время, когда настоятелемъ монастыря былъ св. Филиппъ .Кромѣ вида древности, мѣстность оживлена красками и инстинктивнымъ чувствомъ искусства; каждая часовня, выглядывающая то тамъ, то здѣсь изъ за деревьевъ— цѣлая картина. Главный фасадъ древняго собора росписанъ грубоватыми, но недурными фресками; подобныя же фрески покрываютъ основаніе Святыхъ Вратъ, между тѣмъ какъ куполы церквей и часовенъ блистаютъ яркою зеленью и позолотою. Самый замѣтный и дорогой въ глазахъ богомольцевъ куполъ росписанъ лазурью и золотыми звѣздами; онъ увѣнчиваетъ новый соборъ, построенный въ воспоминаніе 1854 г., этаго года чудесъ, когда англійскій флотъ былъ побѣжденъ Богородицею. Внутри монастырь представляется еще болѣе прочнымъ и великолѣпнымъ, чѣмъ снаружи. Стѣна, ограда, гостинница, острогъ, крѣпость, церковь—построены изъ кирпича и камня. Всѣ сѣни и корридоры разрисованы часто въ грубомъ и первобытномъ стилѣ, но все-таки эти грубыя картины изъ св. Писанія имѣютъ смыслъ и значеніе выше морали бѣлой штукатурки. На иконостасахъ и колоннахъ въ церквахъ видны образчики высшаго искусства, хотя и здѣсь глазъ, привыкшій восхищаться лучшими произведеніями итальянской школы, склоненъ *относиться слишкомъ* недовѣрчиво и пренебрежительно. Рисунокъ ча-

сто слабъ, краски грубы; позолота слишкомъ ярка. Но это море позолоты и красокъ дѣйствуютъ и на глазъ, и на умъ, въ особенности при свѣтѣ свѣчъ и лампадъ, при дымѣ ѳиміама и при пѣніи монаховъ въ длинныхъ рясахъ и клобукахъ, выстроившихся предъ Царскими вратами.

Углубляясь въ отдаленнѣйшіе уголки этой группы острововъ, видишь что они также прекрасны. На каждомъ шагу окружаютъ лѣса и преслѣдуютъ озерки. Лѣса большею частію состоятъ изъ березы, называемой серебристой, и сосны альпійскаго вида. Они достаточно высоки, а внизу краснѣютъ массы ягодъ и полярныхъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ встрѣчаются прогалины съ видомъ на зеленую долину, въ глубинѣ которой дремлетъ прелестное озеро. Въ воздухѣ носится запахъ сѣна и какое-то незнакомое мнѣ благовоніе отъ травы, растущей на берегу прудовъ и озеръ. На каждомъ поворотѣ дороги намъ попадается хорошо вырѣзанный и окрашенный въ темно-красный цвѣтъ крестъ, между тѣмъ какъ каждая просѣка заканчивается разрисованною часовнею, кельею одинокаго инока. Глубокое молчаніе царствуетъ на небѣ и на землѣ. Но красота красотъ—это озера! Болѣе сотни этихъ очаровательныхъ зеркальныхъ озерковъ прячутся въ глубинѣ лѣса. Знаменитѣйшее изъ нихъ Святое озеро, лежащее подъ самою монастырскою стѣною. Но на мой вкусъ верхъ красоты—это Бѣлое озеро, по дорогѣ къ кельѣ св. Савватія и Сѣкирной горѣ. Святое озеро чернаго цвѣта, глубокое и прѣсное, хотя оно лежитъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ моря. У богомольцевъ оно имѣетъ свою функцію: по прибытіи въ Соловецкій монастырь, они отправляются купаться въ это озеро. Вода считается священною, освѣжающею духъ и очищающею тѣло. Не говоря ни слова, они идутъ въ купальню, сбрасываютъ свои лохмотья и бросаются въ воду. Ихъ примѣру не слѣдуютъ лишь нѣсколько горожанъ, дрожащихъ отъ одной мысли о такомъ спасительномъ купаньѣ. Послѣ купанья богомольцы отправляются обѣдать, а затѣмъ на молитву. Бѣлое озеро лежитъ верстахъ въ 12-ти отъ монастыря; въ зеленой котловинѣ съ лѣсистыми берегами и множествомъ прелестныхъ островковъ. Если бы св. Савватій былъ артистъ, то можно было бы не удивляться тому, что онъ избралъ такую мѣстность. Но главный островъ этого сѣвернаго рая имѣетъ одинъ важный недостатокъ. Смотря съ колокольни Сѣкирной горы на этотъ лабиринтъ моря и земли, озеръ и утесовъ, лѣса и кустарниковъ, луговъ и долинъ, причемъ каждая нѣжная полоска зелени, каждый темный поясъ сосенъ от-

мѣченъ бѣлою церковью, вы восхищаетесь, но въ то же время чувствуете, что чего-то недостаетъ, ваше сердце заявляетъ, что какъ ни роскошенъ кажется ландшафтъ, но ему не хватаетъ одного поэтическаго очарованія, именно живыхъ существъ. На лугахъ не видать стадъ, на отмеляхъ—табуновъ лошадей. Вдали не залаетъ собака, не замычитъ у озера корова. На всемъ протяженіи отъ Сѣкирной горы до монастырскихъ воротъ не увидишь ни одного животнаго. Человѣкъ здѣсь одинъ, и чувствуешь что онъ одинъ.

Этотъ недостатокъ въ ландшафтѣ радикальный, его нельзя отрицать, но нельзя и исправить, не не потому, чтобы скотъ не могъ пастись на этихъ холмахъ и въ лѣсахъ! Въ 4-хъ верстахъ отъ Соловецкаго стоитъ Заячій островъ, гдѣ пасутся овцы и скотъ, а далѣе — Муксальма, большой, покрытый лугами островъ, гдѣ помѣщаются птичій дворъ и фермы. Эти животныя жили бы и на Святомъ островѣ, еслибы ихъ не изгоняло оттуда монашеское правило; но любовь изгнана со святой земли. Здѣсь нѣтъ мѣста для матери, питающей и холящей свое дитя.—Огромный недостатокъ въ ландшафтѣ, въ другихъ отношеніяхъ радующемъ глаза и сердце: отрицаніе природы въ ея лучшихъ и нѣжнѣйшихъ проявленіяхъ.

Законъ для всѣхъ одинаковъ и поддерживается со строгостью, которую не сломитъ никакая власть. Никто изъ женскаго пола не можетъ жить на островѣ. Всѣ окрестные жители сильно проникнуты сознаніемъ грѣховности этого. Женщины, конечно, пріѣзжаютъ тоже на богомолье, но затѣмъ онѣ обязаны уѣхать. Она можетъ остановиться въ гостинницѣ, ѣсть въ трапезной, но обязана оставить монастырь до 9-ти часовъ вечера; къ нѣкоторымъ, болѣе почитаемымъ, святынямъ она не имѣетъ входа. Богомолецъ-мужчина можетъ оставаться въ монастырѣ цѣлый годъ, но женщина должна вернуться съ тѣмъ же судномъ, которое привезло ее на богомолье. По необыкновенному снисхожденію свыше, начальнику мѣстной военной команды, силою душъ въ шестьдесятъ, позволено имѣть при себѣ жену и дѣтей въ теченіе богомольческаго періода, т. е. отъ іюня до августа, но съ отходомъ въ Архангельскъ послѣдняго парохода съ богомольцами, онъ также долженъ оставлять свое жилище въ святомъ мѣстѣ. Царство благочестія и порядка приходитъ съ первымъ снѣгомъ,—и тогда уже ни одной женщинѣ не позволятъ ступить на островъ. Правила этого строго придерживаются въ Соловецкой бухтѣ подъ стѣнами монастыря, не такъ строго на Заячьемъ островѣ, Муксальмѣ и еще болѣе на отдаленныхъ остро-

Основатели Соловецкаго монастыря.

вахъ, гдѣ выстроены небольшіе скиты въ память жившихъ на тѣхъ мѣстахъ святыхъ. Въ этихъ отдаленныхъ поселеніяхъ труднѣе защищать святыхъ людей отъ нашествія женщинъ. Карельскія дѣвушки разъѣзжаютъ лѣтомъ вокругъ этихъ острововъ днемъ и ночью, и потому на такихъ опасныхъ мѣстахъ дозволено жить только старцамъ.

Это изгнаніе женщинъ со Святаго острова было дѣломъ Савватія, перваго изъ здѣшнихъ святыхъ. Св. Савватій, первый соловецкій пустынникъ, однажды молился близъ озера, какъ вдругъ услышалъ крикъ какъ бы женскій. Его товарищъ сказалъ ему, что это должно быть мечта, такъ какъ вблизи ихъ пустыни не было женщинъ. Угодникъ снова сталъ на молитву, и снова былъ смущенъ стонами и плачемъ. Онъ отправился по берегу озера и нашелъ лежащую на землю молодую женщину, всю покрытую ранами. Это была жена рыбака. На вопросъ, кто причинилъ ей эти раны, она отвѣчала, что когда мужъ ея выѣхалъ съ острова, въ ея хижину пришли двое молодыхъ людей со свѣтлыми лицами, въ бѣлой одеждѣ, и сказали ей, что она должна слѣдовать за своимъ мужемъ, такъ какъ эта земля принадлежитъ Богу и ни одна женщина не должна жить на ней; затѣмъ они бросили ее на землю и начали бить своими жезлами.

Когда бѣдная женщина немного оправилась, она сѣла въ свою лодку и никогда не возвращалась болѣе на островъ. Такимъ образомъ женщина изгнана съ этого острова ангелами. Ни монахъ, ни мірянинъ не сомнѣваются въ дѣйствительности этой исторіи. Да и какъ сомнѣваться: здѣсь, до сегодня стоитъ бревенчатая келья, гдѣ жилъ св. Савватій, а въ 20-ти шагахъ отъ нея покрытый мхомъ берегъ, гдѣ онъ молился. За озеромъ, рядомъ съ этою группою сосенъ стояла хижина рыбака. Крутая гора, на вершинѣ которой блеститъ церковь и маякъ, до сихъ поръ называется Сѣкирной.

Св. Савватій происходилъ изъ Новгорода и былъ монахомъ въ старомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ; но жаждая большаго уединенія, онъ уговорилъ одного изъ братьевъ, по имени Валаама, уйти съ нимъ въ сѣверныя пустыни. Бояре его родины отправлялись тогда на сѣверъ, а какъ же святымъ людямъ не претерпѣть ради Бога того, что бояре и купцы претерпѣвали ради выгоды. Помолившись, эти бояре и купцы отправились къ архіепископу съ просьбою: «Позволь намъ, владыка, идти покорить новыя земли для св. Софіи». Основавъ поселеніе въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, эти люди прибавили большую полосу земли къ владѣніямъ Великаго Новгорода. Слухи объ этихъ людяхъ подвиг-

нули св. Савватія идти по ихъ стопамъ и потрудиться въ этой пустынной странѣ, открытой ими.

Съ трудомъ пробираясь по дѣвственнымъ лѣсамъ и песчанымъ равнинамъ, св. Савватій съ товарищемъ Валаамомъ прибыли въ 1429 г. на Выгъ, гдѣ нашли благочестиваго монаха, именемъ Германа, тоже пришедшаго съ юга. Глядя на востокъ, на водную равнину, они замѣтили группу острововъ, и, снарядивъ легкую лодку, св. Савватій и Германъ переправились черезъ море. Приставъ къ самому большому изъ острововъ, они построили пустынь на берегу озерка, у подошвы холма, заросшаго до верху сосною и березою. Озеро было хорошо защищено, холмъ высокъ, а съ вершины его открывались взору острова и обнимающія ихъ волны до Орлова мыса на югѣ и до Кемскихъ высотъ на западѣ. Черезъ шесть лѣтъ Германъ отправился обратно на Выгъ, а св. Савватій, боясь умереть безъ покаянія и остаться безъ погребенія, переправился въ Сороку и пріобщился св. Тайнъ изъ рукъ отца Нафанаила, случайно посѣтившаго этотъ городъ; затѣмъ, покончивъ свое земное странствіе, онъ отошелъ на вѣчный покой.

У одного изъ смѣлыхъ новгородскихъ выходцевъ, поселившагося въ новой деревнѣ Толвуи, на берегу Онежскаго озера, былъ сынъ Зосима, съ дѣтства посвященный Богу. Зосима поступилъ въ Палеостровскій монастырь еще ребенкомъ, и достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ раздѣлилъ имѣніе между родственниками, и, взявъ въ руки посохъ, отправился на сѣверъ. Въ Сумскомъ посадѣ онъ встрѣтился съ Германомъ, который разсказалъ ему о своей жизни въ теченіе шести лѣтъ въ пустынѣ на уединенномъ утесѣ. Плѣненный этимъ разсказомъ, Зосима убѣдилъ Германа показать ему то мѣсто, гдѣ онъ такъ долго прожилъ съ св. Савватіемъ. Попутный вѣтерокъ принесъ ихъ въ маленькую спокойную бухту съ берегами, поросшими густымъ лѣсомъ. У самаго берега они увидали глубокое сіяющее озеро съ прѣсною водою, кишащее рыбою, необходимою пищей монаха.

Преклонивъ на пескѣ колѣни для молитвы, св. Зосима имѣлъ чудесное видѣніе, укрѣпившее въ немъ намѣреніе основать на этомъ уединенномъ островѣ религіозную колонію. Онъ увидѣлъ какъ бы во снѣ великолѣпный монастырь, съ воздымающимися куполами и башенками, стоящій на берегу этого прекраснаго озера, съ этихъ поръ извѣстнаго подъ названіемъ Святаго. Встав на ноги, онъ разсказалъ своему спутнику о видѣніи, которое имѣлъ, описалъ стѣны, Святыя врата, купы шпицевъ и куполовъ, однимъ словомъ, монастырь во всемъ блескѣ его

настоящаго величія. Они вырубили сосну, и сдѣлавъ изъ нея крестъ, водрузили его въ землю въ знаменіе того, что отнынѣ этотъ островъ принадлежитъ Богу и святымъ его. Это событіе произошло въ 1436 г. черезъ годъ послѣ смерти св. Савватія. Монахи выстроили себѣ кельи недалеко отъ этого креста, но въ разстояніи болѣе версты одна отъ другой, чтобы не мѣшать другъ другу въ благочестивыхъ упражненіяхъ. На этихъ мѣстахъ воздвигнуты въ память ихъ часовни.

Слухи объ этихъ юныхъ пустынникахъ разошлись по монастырямъ и монахи начали собираться къ нимъ со всѣхъ сторонъ. Они приносили сильные мускулы и пылкія души для того, чтобы воздвигнуть въ этой дикой, холодной странѣ, среди этихъ дикихъ племенъ, храмъ Бога живаго. Современемъ вокругъ этаго креста стала церковь; а такъ какъ никто изъ этихъ пустынниковъ не имѣлъ священническаго сана, то они отправили посла къ Іонѣ, архіепископу новгородскому, прося у него благословенія на трудъ, а также назначенія настоятеля для совершенія церковной службы. Іона благословилъ ихъ и далъ имъ въ настоятели Павла. Павелъ отправился на сѣверъ и освятилъ ихъ убогую церковь, но онъ не могъ выносить суровости климата. Послѣ него былъ настоятелемъ Ѳеодосій, потомъ Іона, но оба они, проживъ нѣкоторое время на островѣ, должны были удалиться по разстроенному здоровью. Тогда братья рѣшились просить архіепископа, чтобы онъ избралъ настоятеля изъ ихъ же рядовъ, какъ болѣе привычныхъ къ суровости климата, и просили Зосиму принять на себя это званіе. Зосима, не смотря на все свое уничиженіе, уступилъ для общаго блага, и отправился пѣшкомъ въ тысячеверстный путь безъ всякихъ дорогъ. Прибывъ въ Новгородъ, онъ былъ принятъ владыкою и посвященъ въ священническій санъ. Отъ старшины города и главныхъ бояръ онъ добился полной уступки острововъ, чего не могъ сдѣлать Іона, и возвратился въ монастырь священникомъ и настоятелемъ, со славою святаго человѣка, не знающаго ни въ чемъ отказа. Получивъ позволеніе на перенесеніе тѣла св. Савватія изъ Сороки въ Соловецкій монастырь, онъ положилъ его нетлѣнные останки въ склепъ зарождающейся церкви.

Съ тѣхъ поръ монастырь сталъ все болѣе и болѣе расширяться, монахи и богомольцы приливали отовсюду. Но по мѣрѣ увеличенія славы и богатствъ монастыря, на настоятеля и братію посыпались мірскія заботы. Кемскіе жители разглядѣли, что этотъ островъ на Бѣломъ морѣ былъ лакомымъ кускомъ, а сильные люди Анзерска и Муксальма начали оспаривать у монаховъ ихъ различныя права. Наконецъ, Зосима,

не смотря на свою глубокую старость, былъ принужденъ, взявъ въ руки свой пастырскій посохъ, отправиться въ Новгородъ въ надеждѣ лично увидить Марѳу Посадницу и однажды навсегда рѣшить вопросъ о его правахъ на эти скалы, выпросивъ у нея, чтобы настоятели Соловецкаго монастыря былъ облеченъ властью начальника надъ самою Кемью. На колоннѣ Софійскаго собора, въ новгородскомъ кремлѣ, цѣлый рядъ фрескъ изображаетъ исторію этаго посѣщенія. Одинъ рисунокъ въ особенности поразителенъ: онъ изображаетъ пиръ въ богатой залѣ, гдѣ столъ окруженъ гостями безъ головъ. Переходя по городу изъ дому въ домъ, св. Зосима почти во всѣхъ былъ встрѣчаемъ съ честью, подобающею его преклоннымъ лѣтамъ и славѣ. Но у кемскихъ бояръ были въ городѣ друзья, и Марѳѣ наговорили противъ монашеской хитрости и жадности. Отъ ея воротъ его отогнали съ презрѣніемъ, а у нея-то именно ему бы и хотѣлось быть принятымъ съ миромъ. Зная, что безъ ея помощи ему ничего не сдѣлать, Зосима рѣшился терпѣливымъ пережиданіемъ событій побѣдить ея сопротивленіе. Наконецъ, она пожаловала ему грамату (отъ 1470 г. до сихъ поръ сохраняемую въ Соловецкомъ монастырѣ), подтверждающую его права на всѣ земли, озера, лѣса и берега Святыхъ острововъ отнынѣ и на вѣки.

Прежде чѣмъ св. Зосима оставилъ великій городъ, Марѳа пригласила его на пиръ, гдѣ онъ долженъ былъ проститься какъ съ нею, такъ и съ высшими боярами. За столомъ бояре замѣтили, что глаза его устремлены неподвижно въ пространство, а душа опечалена чѣмъ-то неизвѣстнымъ. «Въ чемъ дѣло?» вскричали гости. Онъ не хотѣлъ отвѣчать. Они стали настаивать, столпились вокругъ него и увидѣли, что по щекамъ его текутъ жгучія слезы. На ихъ еще болѣе настойчивые вопросы онъ отвѣчалъ наконецъ: «Я вижу на пиру шесть бояръ и всѣ они сидятъ за столомъ безъ головъ!». Это-то видѣніе и изображено на колоннѣ въ св. Софіи. Преданіе говоритъ, что у всѣхъ бояръ, бывшихъ въ этотъ день за столомъ у Марѳы Посадницы, были отрублены головы Іоанномъ III, когда эта древняя гордая республика пала предъ покорителемъ Золотой Орды.

Зосима управлялъ Монастыремъ въ зданіи настоятеля въ теченіи двадцати шести лѣтъ и перешелъ въ вѣчность послѣ сорока двухъ лѣтняго отшельничества на этомъ пустынномъ утесѣ.

На смертномъ ложѣ онъ сказалъ своимъ ученикамъ, что оставляетъ ихъ только тѣлесно, что въ душѣ онъ будетъ по прежнему бдѣть и мо-

литься съ ними. Онъ просилъ ихъ ежечасно благодарить Бога за обѣщаніе, что монастырь ихъ пребудетъ во вѣки.

Около этого же времени умеръ въ Новгородѣ и третій святой, Германъ, спутникъ Св. Савватія и Зосимы. Его тѣло впослѣдствіи тоже перенесено въ Соловецкій и положено въ ракѣ близъ гробницы его славныхъ сподвижниковъ.

Заручившись по совѣту отца Іоанна рекомендательнымъ письмомъ отъ Архангельскаго Архіерея къ Архимандриту Соловецкому Ѳеофану, я былъ очень любезно принятъ послѣднимъ. Онъ отдалъ въ мое распоряженіе свой домъ и все свое хозяйство, свою лодку, экипажъ и кучера; употреблено было все стараніе, чтобы сдѣлать мое пребываніе въ Соловецкомъ пріятнымъ.

На святомъ островѣ живетъ около трехсотъ монаховъ. Впереди всѣхъ конечно архимандритъ, затѣмъ человѣкъ сорокъ іеромонаховъ, потомъ семдесятъ или восемьдесятъ, монаховъ, принявшихъ окончательное постриженіе, и наконецъ послушники и пѣвчіе.

Всѣ они различныхъ лѣтъ и состояній, отъ прелестнаго ребенка, служащаго за столомъ до дряхлаго старца, который ужь не выходитъ изъ кельи; отъ монаха благороднаго происхожденія и съ большимъ состояніемъ, до человѣка высадившагося на островъ бродягою. Всѣ они носятъ одинаковое платье, ѣдятъ за однимъ столомъ и ведутъ одинаковой образъ жизни. У каждаго брата отдѣльная келья, гдѣ онъ спитъ и работаетъ, но каждый, если только ему не препятствуютъ болѣзнь или дряхлость, должны приходить въ опредѣленные часы въ церковъ и трапезную; хорошая борода составляетъ гордость монаховъ, но пока она не выростаетъ, юноша расчесываетъ и холитъ свои волоса съ совершенно женскимъ кокетствомъ. Смотря въ церкви на толпу послушниковъ, съ открытыми головами, съ волосами, распущенными по плечамъ, ихъ легко можно принять за прекрасный полъ.

Не многихъ изъ этихъ монаховъ можно назвать обыкновенными людьми. Есть нѣсколько ярыхъ фанатиковъ, дрожащихъ за спасеніе своихъ душъ; еще большее число обладаетъ естественнымъ призваніемъ къ монашеской жизни. Порядочное число присланы сюда на исправленіе изъ другихъ русскихъ монастырей. Эти послѣдніе составляютъ соль монастыря, они вся его сила. Вина, за которую ихъ ссылаютъ часто излишняя ревность, ученый и критическій духъ, наклонность находить ошибки, желаніе реформы, стремленіе къ чистотѣ религіи первыхъ временъ. За такую безпорядочность ума простой монахъ не находитъ со-

страданія, и путешествіе въ Соловецкія пустыни считается единственнымъ средствомъ противъ такихъ болѣзней. Архимандритъ, назначаемый Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, долженъ быть человѣкомъ ученымъ, способнымъ руководить братьями и управлять монастыремъ; онъ долженъ часто поститься, много молиться, рано вставать и вести святую жизнь. Монахи постоянно наблюдаютъ за святою главою. Если онъ строгъ къ самому себѣ, онъ можетъ быть строгъ и съ ними. Но горе ему, если онъ поблажаетъ плати, если носитъ тонкое бѣлье, любитъ сладко поѣсть, а главное—выпить. Онъ найдетъ критика и шпіона почти въ каждомъ монахѣ.

Не легко угодить всѣмъ: одинъ желаетъ болѣе строгой жизни, другой находитъ дисциплину слишкомъ суровой. Съ каждой почтой отправляются въ Синодъ жалобы и доносы, пока наконецъ не произведется дознаніе, и не съумѣвшій ужиться начальникъ переводится—ради сохраненія мира,—въ какое нибудь другое мѣсто.

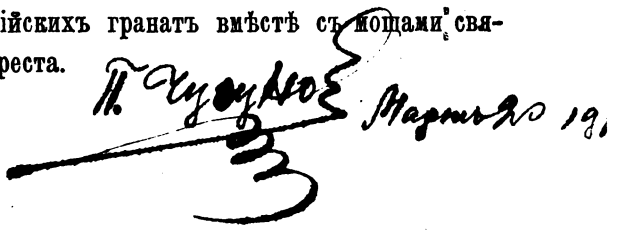
У Соловецкаго Архимандрита есть три главныя помощника: экономъ, казначей и ключарь.

На экономѣ лежитъ обязанность, вести всѣ мірскія дѣла монастыря. Онъ устраиваетъ помѣщеніе для богомольцевъ, присматриваетъ за судами, и доками, за земледѣліемъ и фермами, отправляетъ лодки на рыбную ловлю, ведетъ дѣла со шкиперами, покупаетъ и продаетъ, наблюдаетъ за мастерскими и распредѣляетъ рейсы пароходовъ. Онъ ремонтируетъ церкви и гробницы, наблюдаетъ заодеждой монаховъ, смотритъ за кухней, кельями и дворомъ, заказываетъ книги и эстампы, управляетъ живописною мастерскою и фотографіей и наконецъ заботиться о томъ, чтобы у каждаго было все необходимое.

Обязанность казначея принимать всѣ пожертвованія и расплачиваться по счетамъ. Доходъ монастыря происходитъ изъ двухъ источниковъ: отъ произведеній монастырскихъ мастерскихъ и отъ приношеніи богомольцевъ. Трудно опредѣлить сколько именно онъ получаетъ изъ каждаго источника, потому что приношенія опускаютъ въ кружку, такъ что лѣвая рука даятеля не знаетъ сколько кладетъ правая. Я слышалъ что такихъ приношеній бываетъ тысячъ на сорокъ но эта цифра кажется далеко ниже дѣйствительной, доходящей тысячь до восемдесяти. Милостыни монаховъ не знаютъ границъ; въ голодныя зимы крестьяне и рыбаки идутъ въ монастырь за хлѣбомъ даже отъ Орлова мыса и Кандалакской губы. Ихъ въ монастырѣ всегда накормятъ и снабдятъ хлѣ-

бомъ на дорогу. Школы тоже стоятъ не мало, потому что монахи принимаютъ всѣхъ мальчиковъ, приходящихъ къ нимъ.

Обязанность ключаря смотрѣть за монастырскимъ гардеробомъ, а также за книгами, бумагами и граммотами, за драгоцѣнными сосудами Его мѣсто въ разницѣ съ сокровищами которой онъ хорошо знакомъ. начиная отъ письма Кирилищею, которымъ Марфа Посадница отдаетъ этотъ островокъ монахамъ, до священнаго ковчега, гдѣ сохраняются нѣсколько обломковъ англійскихъ гранатъ вмѣстѣ съ мощами святыхъ и частями истиннаго креста.



ГЛАВА V.

День богомольца.—Молитва и трудъ.— Бомбардировка.

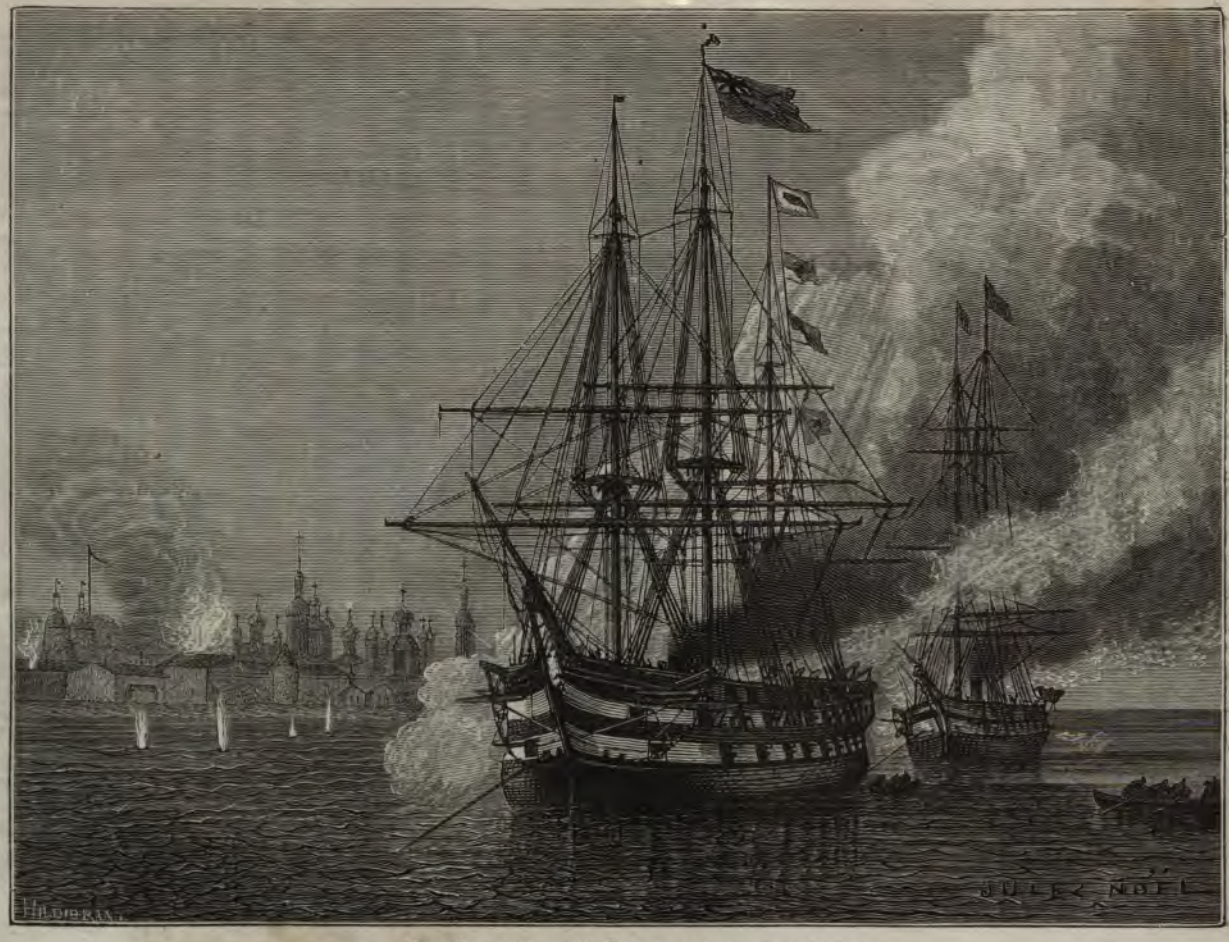
День богомольца начинается съ ранняго утра и продолжается до поздней ночи.

Въ два часа ночи, когда въ нашихъ кельяхъ чуть только смерклось, по корридору проходитъ монахъ, звоня въ колоколъ и повторяя: «Вставайте на молитву». Вскакивая при этомъ крикѣ съ нашихъ постелей, мы накидываемъ на себя платье и выбѣгаемъ изъ нашихъ натопленныхъ комнатъ на чистый воздухъ, спѣша въ безпорядкѣ къ Святымъ Воротамъ.

Въ половинѣ третьяго начинается заутреня въ новомъ соборѣ, гдѣ покоятся мощи св. Зосима и Савватія. Иконостасъ освѣщенъ сотнями лампадъ и свѣчъ. Богомольцы, поклонившись предварительно святымъ мощамъ, становятся лицомъ къ алтарю, рядами одинъ за другимъ, такъ чтобы не мѣшать другъ другу становиться на колѣни и кланяться въ землю. Заутреня кончается только въ 4 часа.

Въ старомъ соборѣ заутреня начинается въ половинѣ четвертаго и кончается въ половинѣ пятаго. Самые ревностные изъ богомольцевъ, по окончаніи первой заутрени въ новой церкви, торопливо бѣгутъ въ старый соборъ, чтобы и тамъ застать часть службы.

Остающееся до 7-ми часовъ время богомольцы проводятъ или въ молитвѣ на гробницахъ святыхъ, или въ прогулкѣ по длинной крытой галлереѣ, соединяющей нѣсколько церквей и другихъ монастырскихъ строеній. По стѣнамъ этой галлереи изображены неискусною грубою рукою райскія блаженства и адскія муки. Эти картины поражаютъ бого-



Бомбардированіе Соловецкаго монастыря.

мольцевъ, хотя изображенные въ нихъ ужасы гораздо слабѣе тѣхъ, которые видишь въ готическихъ монастыряхъ на Рейнѣ. У русскаго иконописца мало разнообразія въ замыслѣ. Чортъ у него всегда выходитъ въ видѣ обезьяны съ остроконечнымъ хвостомъ и огненнымъ языкомъ, а самый адъ просто въ видѣ горящаго мѣста, гдѣ грѣшники или поджариваются врагомъ рода человѣческаго, или же попадаютъ въ пасть чудовищнаго медвѣдя. Однако, дѣти иногда падаютъ въ обморокъ, а женщины безумѣютъ отъ страха, при видѣ этихъ ужасовъ. Я же въ это время разсматриваю чудесное изображеніе Іерусалима; мнѣ говорятъ, что монахъ, написавшій это, видѣлъ Святой градъ въ сонномъ видѣніи. Изучивъ хорошенько подробности, я узнаю въ этомъ видѣніи святаго отца планъ Масличной горы и Сіона, скопированный со старинной греческой гравюры!

Все это время богомольцы должны воздерживаться отъ пищи.

Въ 7 часовъ колокола возвѣщаютъ раннюю обѣдню, и мы снова возвращаемся въ новую церковь къ обѣднѣ, продолжающейся часа полтора.

Послѣ ранней обѣдни слабѣйшіе изъ богомольцевъ позволяютъ себѣ выпить чашку чаю, но лучшіе изъ нихъ отказываютъ себѣ въ этомъ утѣшеніи, считая его навожденіемъ лукаваго, да и первымъ недолго приходится побаловаться любимымъ напиткомъ. Большой монастырскій колоколъ, даръ нынѣ царствующаго Императора, и тоже одинъ изъ свидѣтелей года чудесъ, возвѣщаетъ намъ, что начинается важнѣйшая служба дня.

Ровно въ 9 часовъ, монахи собираются въ соборъ къ поздней обѣднѣ, и мы снова стоимъ болѣе двухъ часовъ на гранитномъ полу, съ открытыми головами, многіе босые, и слушаемъ съ восторгомъ дѣйствительно превосходное пѣніе.

По окончаніи обѣдни, мы медленно отливаемъ обратно въ галлерею, гдѣ, черезъ нѣсколько минутъ, монахъ приглашаетъ въ трапезную, что принимается всѣми, даже самыми набожными, съ благодарнымъ взглядомъ.

Трапезная, куда мы входимъ, не совсѣмъ въ порядкѣ: большая комната со сводами, подъ соборомъ; во всякой другой странѣ ее назвали бы склепомъ. Но люди строятъ сообразно съ климатомъ. Одна и та же церковь не годится для лѣта и зимы, поэтому она часто раздѣляется на верхнюю и нижнюю: первая служитъ для лѣта, вторая для зимы. Трапезная въ Соловецкомъ монастырѣ собственно зимняя церковь.

Длинные столы идутъ вдоль комнаты и окружаютъ колонну, поддерживающую потолокъ. На нихъ уже поставлена первая перемѣна; передъ каждымъ гостемъ оловянная тарелка, деревянная ложка, ножикъ и вилка, а съ боку фунтъ чернаго хлѣба. Богомольцамъ, также какъ и монахамъ, подается одна миска на четверыхъ.

Между каждою мискою стоитъ оловянная тарелка съ соленою салакушкою, раздѣленною на четыре части, и съ четырьмя ломтиками лука. Къ каждой мискѣ дается мѣдная чашка съ квасомъ и блюдо холодной разварной трески, искрошенной на мелкіе кусочки.

Звонитъ колоколъ. Мы встаемъ, крестимся и снова садимся. Старшій у миски бросаетъ въ похлебку щепотку соли и перца и размѣшиваетъ ее ложкою. Раздается второй ударъ колокола: мы опускаемъ наши деревянныя ложки въ блюдо съ треской. Чтецъ становится къ аналою, и затягиваетъ житіе святыхъ, между тѣмъ какъ молодой монашекъ разноситъ вокругъ корзину съ благословеннымъ бѣлымъ хлѣбомъ, или просфорою, разломанною на куски. Каждый богомолецъ беретъ кусокъ хлѣба и ѣстъ его, крестясь отъ времени до времени.

Третій колоколъ: всѣ примолкли; раздается молитва. Служки подаютъ вторую перемѣну. Это мальчики съ розовыми щеками, гладкими подбородками, длинными локонами, однимъ словомъ, совершенныя дѣвочки.

Вторая перемѣна состоитъ, изъ капустной похлебки. Звонитъ четвертый колоколъ; опять всѣ крестятся; снова входятъ служки, убираютъ прежнія миски и подаютъ слѣдующую перемѣну, состоящую изъ ухи изъ свѣжихъ сельдей, очень вкусной. Затѣмъ, звонитъ пятый колоколъ и подается четвертое и послѣднее блюдо: ячменная похлебка съ простоквашею. По шестому удару колокола богомольцы встаютъ, чтецъ останавливается на полусловѣ, и обѣдъ конченъ. Обѣдъ, но не обрядъ обѣда: вставъ со скамеекъ, мы снова становимся въ ряды; женщины, обѣдавшія въ отдѣльной комнатѣ, возвращаются въ трапезную, и мы поемъ, всѣ вмѣстѣ, благодарственную молитву. Затѣмъ, всѣ стоятъ минуту въ молчаніи со склоненными головами; въ это время монахи снова раздаютъ благословенный хлѣбъ, и снова поется благодарственный гимнъ, послѣ чего обѣдавшіе расходятся освѣженные.

Теперь около двѣнадцати часовъ, слѣдующая служба будетъ только въ 4. Въ этотъ промежутокъ времени мы можемъ обойти монастырь, поглядѣть на Святое озеро, осмотрѣть раку св. Филиппа, посѣтить *могилы монаховъ, полюбоваться* священными ризами и монастырскими

драгоцѣнностями. Каждый идетъ куда ему угодно, нѣкоторые разбрелись по окрестностямъ, полнымъ могилами и часовнями. Другіе купаются въ Святомъ озерѣ. Многіе отправились къ кельямъ монаховъ, продающихъ кресты, образки и пр.

Нѣкоторые изъ богомольцевъ отправились въ лодкахъ на болѣе отдаленные острова: на Заячій, гдѣ два старыхъ монаха присматриваютъ за стадами овецъ; на Муксальму, еще болѣе мірское мѣсто, гдѣ пасутся стада и помѣщаются птичьи дворы. Эти острова снабжаютъ монастырь молокомъ и яйцами.

Нѣкоторые изъ богомольцевъ, замѣтивъ, что для сопровожденія ихъ англійскаго гостя назначенъ особый монахъ, смѣкаютъ, что лучшій способъ все видѣть — это слѣдовать за нимъ. Теперь они идутъ въ его свитѣ въ монастырскую ризницу, гдѣ хранится богатая коллекція ризъ, вышитыхъ цвѣтами и золотомъ, и блистающихъ рубинами, алмазами и жемчугомъ. Многіе пожертвованы императорами и царями. Одна изъ самыхъ дорогихъ — даръ Іоанна Грознаго. Но даже эта роскошная одежда блѣднѣетъ передъ даромъ Императора Александра, пославшаго архимандриту — въ воспоминаніе побѣды, — полное облаченіе, начиная отъ митры и посоха, и кончая ризою и башмаками.

Безъ четверти въ четыре часа колоколъ снова призываетъ насъ къ вечернѣ; черезъ три четверти часа она кончилась, и мы снова слоняемся по галлереѣ до 6-ти, когда начинается всенощная, кончающаяся въ половинѣ осьмаго.

Въ восемь звонятъ къ ужину. Все наше общество собирается при этомъ желанномъ звукѣ. Монахи открываютъ шествіе, богомольцы слѣдуютъ за ними; все движется съ голодною торжественностью къ трапезной, гдѣ столы покрыты, какъ и за обѣдомъ, хлѣбомъ, соленою салакушкою и квасомъ.

Ужинъ есть повтореніе обѣда, съ тѣми же молитвами, крещеньемъ, колоколомъ и житіемъ святыхъ. Единственная разница та, что на ужинъ не даютъ простокваши.

Монастырскія ворота запираются въ 9 часовъ, а въ два часа ночи монахъ опять подойдетъ къ его дверямъ, зазвонитъ въ свой колоколъ и призоветъ къ обязанностямъ слѣдующаго дня.

Если въ Соловецкомъ на молитву посвящается много времени, то на трудъ его посвящается еще болѣе. Этотъ монастырь настоящій улей и по трудолюбію, и по искусству.

«Молитесь и трудитесь» было всегда девизомъ монастырей. «Моли-

тесь и трудитесь», говорилъ Петръ Великій своему Совѣту. Но такое правило не гармонируетъ съ существующимъ порядкомъ, не гармонируетъ съ Византійскою церковью, и то, что видишь въ Соловецкомъ монастырѣ, происходитъ изъ древнѣйшаго и лучшаго источника. Здѣсь ни одинъ монахъ не ведетъ праздной жизни. Не только простые монахи, но и іеромонахи и самъ настоятель посвящаютъ свое время и таланты на пользу общую. Вокругъ всѣхъ этихъ валовъ, внутри стѣнъ, встрѣчаешь ряды мастерскихъ, изъ которыхъ слышится гулъ работы съ утра до поздней ночи: кузницы, молочныя, солеварни, верфи, пекарни, ткацкія, канатныя, швейныя, пивоварни, сапожныя мастерскія и т. п. во всѣхъ видахъ, напоминаютъ промышленность цивилизованныхъ странъ. Эти монахи знаютъ кажется всѣ ремесла. Они дѣлаютъ почти все, что только можно себѣ представить; отъ четокъ до кораблей, и все, что они дѣлаютъ, превосходно. Нигдѣ не найдешь хлѣба бѣлѣе, кваса слаще, чѣмъ въ Соловецкомъ. Осматривая здѣсь все, каждую минуту натыкаешься на неожиданности. Вначалѣ все кажется сномъ, трудно себѣ представить, что всѣ эти вещи дѣлаются монахами, на пустынномъ островѣ, отдѣленномъ отъ всего міра въ теченіе восьми мѣсяцевъ бурями и льдами. Монахи дѣлаютъ шапки и пояса изъ тюленьей шкуры; они пишутъ масляными красками и рѣжутъ на деревѣ; занимаются леченіемъ и дубятъ кожи; они вяжутъ шерстяные чулки и льютъ чугунъ, прядутъ и мотаютъ нитки, шлифуютъ камни, шьютъ башмаки и валяютъ войлоки; они выдѣлываютъ оловянныя тарелки, сушатъ фрукты и рубятъ деревья; вырѣзываютъ изъ бумаги цвѣты, дѣлаютъ телѣги и сани; вышиваютъ повязки и воротнички; обжигаютъ кирпичъ, плетутъ корзинки и коробки изъ бересты;—обтесываютъ каменныя глыбы и расписываютъ деревянныя ложки; они очищаютъ воскъ, сучатъ канаты и веревки; куютъ якоря и свайки, вяжутъ и шьютъ. И по всѣмъ этимъ отраслямъ промышленности, вещь, сдѣланная ими, есть образецъ добросовѣстной работы.

Многіе находятъ поле для своихъ талантовъ на фермѣ; разводятъ скотъ, сажаютъ картофель, косятъ сѣно, стригутъ овецъ, воспитываютъ куръ, бьютъ масло и дѣлаютъ сыры.

Нѣкоторые предпочитаютъ болѣе поэтическую дѣятельность,—садоводство, воздѣлывая клубнику, отроивая пчелъ и заготовляя на зиму плоды. Медъ съ Александровской горы прозраченъ и вкусенъ; воскъ тоже чистъ и бѣлъ.

Монастырскую пекарню стоитъ посмотрѣть; со всѣхъ прибрежныхъ

деревень пріѣзжаютъ сюда покупать хлѣбъ, а часто и просить его; каждый богомолецъ, уѣзжая отсюда, беретъ съ собою ковригу хлѣба, какъ прощальный даръ. Монастырскій хлѣбъ двухъ сортовъ,—черный и бѣлый, для домашняго употребленія и освященный. Оба они очень хорошіе.

Пивоварня въ своемъ родѣ не менѣе совершенна, чѣмъ пекарня. Квасъ—національный напитокъ русскихъ, онъ замѣняетъ пиво и потребляется всѣми классами населенія. Монастырь славится своимъ квасомъ. Говоря о съѣдобномъ, осмотримъ кстати мастерскія для выдѣлки тарелокъ и расписыванія ложекъ. Образъ жизни въ этихъ сѣверныхъ пустыняхъ, простъ. Ножи и вилки употребляются рѣдко. Главное орудіе за столомъ—ложка. Почти вся пища здѣсь подается вареною. Посрединѣ стола ставится глубокая чашка и всѣ присутствующіе размѣщаются вокругъ, вооруженные объемистыми ложками. Чашки и ложки вырѣзаны изъ дерева, и чисто искусно и со вкусомъ разрисованы, хотя изящнѣйшія изъ нихъ сохраняются богомольцами на память, а не для дѣйствительнаго употребленія.

Въ связи съ вырѣзываніемъ ложекъ и блюдъ находится искусство плетенія корзинъ и коробовъ. Глиняная посуда въ лѣсахъ неудобна и дорога, а въ долгомъ сухопутномъ путешествіи вѣсъ трехъ или четырехъ горшковъ и чашекъ былъ бы серьезнымъ затрудненіемъ. Изъ бересты монахи плетутъ различныя, чрезвычайно легкія и удобныя корзинки и туюса. Они вполнѣ сухи, съ чуть-чуть слышнымъ, чрезвычайно пріятнымъ смолистымъ запахомъ, дѣлаются различныхъ величинъ и стоютъ крайне дешево.

Между многими мастерскими, слѣдуетъ замѣтить ткацкую, въ одной изъ башенокъ монастырской стѣны. Башенка эта замѣчательно не только произведеніями своихъ станковъ, а также и тою ролью, которую она играла въ защитѣ Соловецкаго монастыря противъ англійскаго флота. Выстрѣлъ, который, говорятъ, пробилъ бокъ у фрегата «Брискъ», былъ сдѣланъ съ этой Ткацкой башни.

Надъ солнечнымъ уголкомъ вала выглядываетъ фотографическій павильонъ; тутъ же, въ новомъ рядѣ строеній, помѣщаются кельи, гдѣ работаютъ живописцы и финифтщики. Солнце воспроизводитъ все, что ни попадется: лодки, острова, богомольцевъ, монаховъ; но художники, работающіе въ этихъ кельяхъ, изображаютъ только религіозные предметы. Нѣкоторые изъ нихъ просто копировальщики, да и самыхъ искусныхъ изъ нихъ можно назвать артистами только въ условномъ смыслѣ.

Монахи гордятся, и не безъ основанія тѣмъ, что дѣла ихъ на морѣ важнѣе дѣлъ на землѣ. Многіе изъ нихъ постоянно на морѣ и привязываются къ нему, какъ къ молоку матери. Они хвастаются своими лодками, снастями и неводами. Они сучатъ превосходные канаты и веревки. Они умѣютъ разставить баканы на опасныхъ мѣстахъ и проходахъ, и содержатъ собственные маяки. Они строятъ шкуны и шлюпы, и на опытѣ убѣдились, что могутъ построить и пароходъ, каждая часть котораго отъ малѣйшаго винтика до гротъ-мачты (съ единственнымъ исключеніемъ машины) составляетъ ихъ произведеніе.

Пароходъ этотъ «Надежда»; команда ея состоитъ почти исключительно изъ монаховъ. Командиръ ея не простой монахъ, какъ отецъ Іоаннъ, а іеромонахъ. Я въ первый разъ увидалъ этого шкипера—священника передъ Царскими вратами, когда онъ служилъ обѣдню. Святой отецъ повелъ меня послѣ службы осмотрѣть свой пароходъ и докъ, гдѣ онъ стоялъ. Будучи здѣшней постройки и оснастки, «Надежда» имѣетъ въ моихъ глазахъ интересъ, какимъ не обладаютъ другіе пароходы. Пароходъ, построенный монахами на Бѣломъ морѣ, такой же высокій подвигъ ума, какъ шпицъ собора Богоматери въ Антверпенѣ. Мысль о постройкѣ этого парохода зародилась въ монашескомъ мозгу, чертежъ былъ составленъ рукою монаха; монахи рубили деревья, ковали болты, ткали парусину, сучили канаты. Монахи собрали вмѣстѣ всѣ части, выкрасили каюты, набили сидѣнья и подушки, монахи спустили его на воду, и затѣмъ ходятъ на немъ изъ порта въ портъ.

«Какъ научились вы ремеслу шкипера?»

Монахъ улыбается. Онъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30 или 32, съ смуглыми щеками, черными глазами, каштановыми волосами, однимъ словомъ, наружность, подходящая къ роли пирата въ какой-нибудь добродѣтельной драмѣ. «Я въ юности былъ морякомъ, отвѣчаетъ онъ, и когда для монастыря понадобился шкиперъ, я отправился въ Кемь, въ шкиперское училище, и получилъ отъ начальника его свидѣтельство, дающее мнѣ право командовать пароходомъ.

— Такъ, значитъ, совѣтъ училища не очень строгъ?

— Не съ монахами. У насъ свои обычаи. Мы работаемъ для Господа и Онъ хранитъ насъ.

— Обыкновенными человѣческими средствами?

— Нѣтъ, своею правою рукою, на глазахъ у всѣхъ. Видите-ли, первый разъ, какъ мы поѣхали отсюда въ Архангельскъ, мы были совсѣмъ непривычны къ новому дѣлу. Началась буря. «Надежду» выбросило на бе-

регъ. Другіе сейчасъ же бросились бы въ люки и погубили корабль, а можетъ и сами бы погибли. Мы же стали молиться Пречистой. Вначалѣ она не услышала насъ по грѣхамъ нашимъ, но мы все-таки не теряли надежды, а продолжали молиться и пѣть, пока, наконецъ, не утихла буря.

— И вы все стояли на мели?

— Да, пароходъ увязъ въ песчаномъ днѣ; но затѣмъ вѣтеръ перемѣнился, пароходъ стало подбрасывать, и мы вытянули его канатами на вольную воду. Это Пречистая намъ пособила!

Докъ, о которомъ съ такою гордостью говорилъ отецъ Іоаннъ, оказался не простымъ, а сухимъ докомъ. А докъ, даже и обыкновенный, есть одинъ изъ такихъ признаковъ, по которому можно судить, также какъ и по крѣпости городскихъ стѣнъ, богатству судовъ и красотѣ общественныхъ садовъ, о степени развитія страны. Въ Россіи доки необыкновенная рѣдкость: ни въ Архангельскѣ, ни въ Астрахани, ни въ Ростовѣ нѣтъ доковъ. Они есть только въ такихъ городахъ, которые, какъ Рига, Одесса, Кронштадтъ построены и населены иностранцами. Сухой докъ въ Соловецкомъ монастырѣ есть единственный примѣръ подобнаго сооруженія собственно въ Россіи, и онъ продуктъ монашеской предпріимчивости и искусства.

Во всѣхъ этихъ работахъ участвуютъ и іеромонахи. При полученіи этого сана, онъ можетъ, если хочетъ, посвятить себя, исключительно, церковной службѣ, но въ Соловецкомъ монастырѣ іеромонахъ рѣдко ограничиваетъ свою дѣятельность только этимъ. Трудъ есть знакъ религіозной жизни. Если у монаха проявляется талантъ къ какому-нибудь искусству или работѣ, поощренія товарищей и начальниковъ побуждаютъ его развивать этотъ талантъ, работая во славу Бога. Одинъ монахъ фермеръ, другой—живописецъ, третій—рыбакъ, кто собираетъ лекарственныя травы, кто переписываетъ рукописи, кто переплетаетъ книги.

Званіе школьнаго учителя одно изъ такихъ, которыхъ болѣе всего добиваются. Всѣхъ дѣтей, привозимыхъ въ Соловецкій монастырь, принимаютъ на годъ, а иногда и болѣе. Школы здѣсь примѣняются къ состоянію страны. Ученье производится по первобытнымъ способамъ, а пища и жилье лишь чуть лучше, чѣмъ въ крестьянскомъ быту. Никого не отпускаютъ необученнымъ, но очень немногихъ удерживаютъ болѣе года. Если мальчику понравится въ монастырѣ, онъ можетъ наняться въ работники. Лѣтомъ онъ питается, также какъ и монахи, хлѣбомъ, рыбою, квасомъ, а зимою ему отпускается соленая баранина, — роскошь

недоступная монахамъ. Многіе изъ этихъ мальчиковъ остаются здѣсь на всю жизнь, живя въ безбрачіи, какъ и монахи. Они навсегда обезпечены здѣсь отъ нужды и отъ семейныхъ заботъ, хотя и не обезпечены отъ набора. Иные постригаются. Тѣ же, которые вздумаютъ вернуться обратно въ міръ, навѣрное найдутъ хорошія мѣста. Во всякомъ случаѣ они не пропадутъ, потому что мальчикъ, проживший нѣсколько лѣтъ въ монастырѣ, умѣетъ хорошо воздѣлывать землю и ловить рыбу: онъ и обѣдъ самъ себѣ сваритъ, и сапоги самъ зачинитъ.

Величайшимъ чудомъ новѣйшаго времени чернымъ духовенствомъ считается защита Соловецкаго монастыря противъ англо-французской эскадры въ 1854 году.

Въ Соловецкой ризницѣ сохраняются главнѣйшія сокровища монастыря: старинныя грамоты и документы, жалованныя грамоты на земли, рескриптъ Петра Великаго, рукописное житіе Зосима и Савватія, служебники, богато переплетенные въ золото, мечъ Пожарскаго, золотые и серебряные сосуды, паникадила, кресты, подсвѣчники. Самое же драгоцѣнное изъ этихъ сокровищъ помѣщается по срединѣ подъ стекляннымъ колпакомъ и хранится въ доказательство этого поразительнаго чуда, сотвореннаго Св. Дѣвою. Это англійская граната и два круглыхъ ядра съ надписями. Кромѣ того, хранятся нѣсколько обломковъ отъ бомбовыхъ трубокъ.

Богомольцы раскупаютъ массы эстамповъ, на которыхъ англійскіе корабли изображены подъ монастырскими стѣнами, и такъ близко, что люди могли бы выпрыгивать изъ нихъ на берегъ. Между этими свидѣтельствами защиты замѣчательна великолѣпная чаша, — даръ Россіи въ память того славнаго дня, когда монастырь выдержалъ нападеніе.

Когда въ Петербургѣ получилось извѣстіе о томъ, что англійскій флотъ отправляется въ полярныя моря, военное министерство издало обычныя распоряженія. Изъ Архангельска въ Соловецкій монастырь было отправлено шесть старыхъ осадныхъ орудій, годныхъ только для музея, съ пятью артиллеристами и пяти-десятью строевыми солдатами, выбранными изъ инвалидовъ. Ихъ сопровождалъ офицеръ, умершій еще до начатія осады.

Тогдашній архимандритъ, отецъ Александръ, приказалъ совершать усиленныя моленія въ разныхъ церквахъ и часовняхъ въ стѣнахъ монастыря.

Церковь въ Архангельскѣ.

Въ первую минуту страха монахи отправили всѣ драгоцѣнности, ризы, документы внутрь страны; тѣмъ, которые повезли эти драгоцѣнности, архимандритъ далъ свое благословеніе и совѣтъ. «Знайте, сказалъ онъ имъ при разставаніи, что гдѣ бы вы ни были, мы не перестанемъ молиться и поститься за васъ, вы дѣлайте то же, и Богъ сохранитъ васъ и ввѣренныя вамъ вещи»! Когда пришло извѣстіе, что англійскіе корабли крейсируютъ противъ архангельскаго бара, нѣкоторые изъ монаховъ упали духомъ. «Всѣ насъ оставили, вздыхали они, въ жертву за чужіе грѣхи». За десять дней до прибытія эскадры, архимандритъ отслужилъ обѣдню, чтобы ободрить ихъ слабыя души, а потомъ обратился къ нимъ съ такими словами: «Не печальтесь, что мы кажемся слабыми, а врагъ силенъ. Положитесь на Господа, на его Святую Матерь и на Св. угодниковъ, обѣщавшихъ, что монастырь не погибнетъ во вѣкъ».

Іисусъ Христосъ сотворилъ ради нихъ такое чудо, какого еще не видѣлъ свѣтъ. Лучь надежды прокрался въ ихъ сердца; они наполнили водою ведра, чтобы тушить въ случаѣ надобности пожаръ и вытащили на свѣтъ Божій изъ монастырской оружейной пики и бердыши, лежавшіе тамъ со временъ Петра Великаго. Изъ Кеми и Сумы въ монастырь пришли дѣти, посвященныя родителями Богу, и многіе пики и бердыши попали въ эти дѣтскія руки. «Огонь вашихъ кораблей, говорилъ мнѣ одинъ монахъ, не испугалъ даже малыхъ сихъ. Они спокойно играли бомбами, какъ невинными игрушками. Ни одно дитя не пострадало».

Когда эскадра приблизилась, Александръ снова обратился къ братьямъ. «Мужайтесь, вскричалъ онъ, мы не такъ слабы, какъ кажемся, ибо Богъ возлѣ насъ».

Во вторникъ утромъ (1 іюля 1854 г.) часовые замѣтили два фрегата, обходящіе Бѣлужскій носъ.—Архимандритъ наложилъ трехдневный постъ. Фрегаты стали на якорь въ 10 верстахъ отъ берега;—архимандритъ сталъ служить молебны и обошелъ съ чудотворною иконою Божіей Матери вокругъ монастырскихъ стѣнъ. Тогда фрегаты снялись съ якоря и ушли.

Такъ какъ корабли направились къ Кеми, то можно было опасаться, что они еще вернутся. Прапорщикъ, командовавшій инвалидною ротою, вышелъ на берегъ, съ двумя трехъ-фунтовыми орудіями, между тѣмъ какъ многіе изъ богомольцевъ и рабочихъ предложили свои услуги въ качествѣ волонтеровъ. Офицеръ выстроилъ изъ песку и дерну батарею,

за которою и поставилъ свои пушки. На стѣнахъ же и башняхъ монастырскихъ поставили 8 малыхъ орудій, послѣ чего монахи снова стали молиться.

На другой день, на лѣтнемъ небѣ показалась струя дыма. Два корабля вошли въ бухту. Перый началъ стрѣлять, по словамъ монаховъ, «Брискъ». Архимандритъ, стоявшій на набережной былъ едва не убитъ ядромъ; люди его, напуганные ревомъ выстрѣловъ, убѣжали въ монастырь и старались запереть за собою Святыя Ворота.

Съ Ткацкой башни, гдѣ было всего десять человѣкъ команды и одно орудіе, отвѣчали на огонь; при этомъ англійскій фрегатъ, говорятъ, направилъ свои залпы на башню и стѣну. Съ башни отвѣчали, но съ бережливостью и осторожностью, такъ какъ у нихъ было мало пороха. «Брискъ», говорятъ, далъ тридцать залповъ, между тѣмъ какъ съ башни выстрѣлили всего только три раза, послѣ чего фрегатъ отошелъ, такъ какъ у него ядромъ пробило бокъ и убило одного человѣка.

Ночь была проведена въ радости и молитвѣ, къ ночи кораблей не было уже въ виду, но никто не чувствовалъ себя еще въ безопасности и не спалъ въ монастырѣ.

Слѣдующій день былъ праздникъ Казанской Божіей Матери. Заутреня была отслужена, какъ обыкновенно, въ половинѣ третьяго, архимандритъ служилъ съ твердостію, точно объ опасности и помину не было. Только что кончили молебенъ, какъ съ «Бриска» пришла лодка съ бѣлымъ флагомъ съ требованіемъ сдачи. Письмо было писано по англійски и сопровождалось дурнымъ русскимъ переводомъ, въ которомъ слово *эскадра* было переведено словомъ *эскадронъ*. Посовѣтовавшись съ монахами, которые отъ всего сердца посмѣялись надъ идеею, что ихъ съ моря аттакуетъ кавалерія, архимандритъ сказалъ парламентеру, что онъ отошлетъ отвѣтъ Бриску со своимъ офицеромъ. Адмираломъ были предписаны слѣдующія «дерзкія условія»:

1) Комендантъ долженъ былъ лично отдать свою шпагу.

и 2) Горнизонъ долженъ былъ сдаться военноплѣннымъ. Притомъ адмиралъ извѣщалъ архимандрита, что если изъ монастыря сдѣлаютъ хоть одинъ выстрѣлъ, онъ тотчасъ начнетъ бомбардировать его, объясняя, что наканунѣ первый огонь былъ открытъ изъ монастыря. — Нѣкто Салтыковъ, богомолецъ, отвезъ отвѣтъ архимандрита,—гордый отказъ сдать ключи. Отвергая то, что монастырь первый открылъ огонь, онъ говорилъ, что первый выстрѣлъ былъ сдѣланъ съ фрегата, а что монастырь только отвѣчалъ ради самозащиты. Бумага была непод-

писана. Архимандритъ заявилъ, что, будучи человѣкомъ міра, онъ не могъ подписать своего имени на документѣ, трактующемъ о крови и смерти.

Адмиралъ сказалъ Салтыкову, что больше нечего говорить, что сейчасъ же начнется бомбардированіе, и что монастырь будетъ смятенъ съ лица земли. Салтыковъ просилъ отсрочки, и адмиралъ далъ три часа; когда богомолецъ сказалъ, что этого слишкомъ мало, адмиралъ съ руганью уменьшилъ срокъ еще на три четверти часа. Онъ сдержалъ слово: бомбардированіе началось въ три четверти восьмаго; первая бомба перелетѣла чрезъ монастырскія кровли, едва только Салтыковъ успѣлъ достичь Святыхъ Воротъ.

Лишь только англичане открыли огонь, монастырскій колоколъ призвалъ монаховъ къ молитвѣ. Ядра, бомбы, гранаты и картечь градомъ сыпались на стѣны и куполы, однако служба продолжалась цѣлый день. Огненный ураганъ снаружи, агонія молитвы внутри! Когда народъ такимъ образомъ молился на колѣнахъ, въ соборный куполъ ударила бомба — трещина отъ нея набожно сохранена до сихъ поръ, — и, пробивъ деревянныя стропила, упала посреди молящихся. Стропила были въ огнѣ, церковь внезапно наполнилась дымомъ, опалило образа. Окна затрещали, двери открылись настежъ, все зданіе задрожало и заколебалось, испуганный народъ упалъ лицомъ на землю. Только одинъ человѣкъ былъ на ногахъ. Стоя передъ Царскими вратами, архимандритъ вскричалъ: «Встаньте, встаньте, не пугайтесь, Господь не оставитъ своихъ рабовъ». Монахи и богомольцы, поднявъ глаза, увидѣли спокойно стоящаго предъ алтаремъ старца; крупные слезы катились по его щекамъ. Всѣ тотчасъ вскочили на ноги, бросились за водою, потушили пламя и, очистивъ полъ отъ обломковъ, снова бросились съ молитвою на колѣни. Унтеръ-офицеръ Пономаревъ занялъ со своею пушкою уголокъ скалы, откуда онъ поддразнивалъ англичанъ и привлекалъ на себя не малую долю ихъ злобы. Каждое ядро съ «Миранды» обдавало и почти погребало ихъ подъ тиною. Вскочивъ на ноги и отряхнувши съ платья грязь, Пономаревъ опять стоялъ у своей пушки, пока его наконецъ не отозвали. «Это тяжелый день для монастыря, вздыхалъ пушкарь, но мы охотно умремъ со святыми». Немного послѣ полудня, монахи устроили крестный ходъ. Впереди шли монахи, потомъ богомольцы, наконецъ, женщины и дѣти. Архимандритъ взялъ изъ кіоты въ одну руку чудотворную икону Божіей Матери, а въ другую напрестольный крестъ и, ставъ во главѣ процессіи, повелъ ее подъ огнемъ вокругъ ограды. Звонилъ колоколъ, монахи и богомольцы пѣли псалмы,

ядра и бомбы градомъ летали надъ головами, камни въ стѣнѣ дрожали, гонтъ на крышѣ трещалъ и трескался. Близъ угольной башни, у Святаго озера, крестный ходъ принужденъ былъ остановиться. Бомба ударила въ вѣтряную мельницу и зажгла ея крылья, такъ что людямъ пришлось ждать, пока пламя погаснетъ. Потомъ по самой серединѣ ихъ упало ядро. «Впередъ!» вскричалъ архимандритъ, поднимая крестъ, и народъ двинулся впередъ. Подойдя къ Ткацкой башнѣ, архимандритъ подозвалъ монаха Геннадія, и отдавъ ему крестъ, велѣлъ идти въ Ткацкую башню, чтобы дать приложиться ко кресту засѣвшимъ тамъ людямъ. При этомъ архимандритъ обратилъ вниманіе монаховъ и богомольцевъ, что даже монастырскіе голуби не спугнуты съ ихъ гнѣздъ англійскими пушками.

Когда процессія двинулась отъ Ткацкой башни, ей пришлось проходить по открытому мѣсту подъ градомъ ядеръ. Теперь-то настало время испытать вѣру людей. Они пріостановились только на одинъ моментъ. Архимандритъ, поднявъ чудотворный образъ, двинулся впередъ въ цѣлую тучу пыли и дыма; народъ запѣлъ молитвы — и англійскія бомбы и ядра, не задѣвъ никого и просвиставъ надъ башнею, попадали въ Святое озеро. Всѣ видѣли это чудо и возблагодарили Пречистую Дѣву.

Послѣ этого корабли удалились, побѣжденные и посрамленные. Въ монастырѣ же никто не пострадалъ. Случайно бывшій въ это время въ Соловецкомъ монастырѣ норвежецъ, Гардеръ, былъ необыкновенно пораженъ этою чудесною защитою. Онъ вскричалъ: «Великъ Богъ Русскій» и просилъ принять его въ православную церковь.

Вѣсть объ этомъ нападеніи англичанъ разнеслась по всей Россіи и произвела на всѣхъ громовое дѣйствіе. Стыдъ, удивленіе, бѣшенство наполняли всю страну, пока наконецъ не пришла утѣшительная вѣсть, что это ужасное дѣло не имѣло успѣха. Послѣ этого путешествіе въ Соловецкій монастырь стало считаться почти столь же богоугоднымъ, какъ и ко Святымъ Мѣстамъ. Примѣръ показали низшіе классы, а затѣмъ одушевленіе дошло и до самыхъ высшихъ.

ГЛАВА V.

Дороги. — Лѣсныя сцены. — Сельская община.

Мой путь отъ Ледовитаго океана къ южнымъ склонамъ Уральскаго хребта, лежитъ по горамъ и доламъ, лѣсамъ и болотамъ, озерамъ и степямъ. Первая станція съ сѣвера на югъ, отъ Соловецкаго монастыря до Архангельска, сдѣлана мною на пароходѣ отца Іоанна. Станція эта легкая, виды живописные, погода хорошая, и путь свершенъ въ опредѣленное время. Вторая станція отъ Архангельска до Вытегры. Путешествіе это, по одному сплошному березовому и сосновому лѣсу, продолжающемуся на восемьсотъ верстъ, совершено мною въ пять или шесть сутокъ. Мои хлопоты начались съ этой второй станціи. Во первыхъ, пришлось похлопотать о подорожной. Такъ какъ въ Холмогоры мало кто ѣздитъ, то полиція подняла шумъ, удивляясь, зачѣмъ понадобилось человѣку продираться почти по непроходимымъ дорогамъ, вмѣсто того, чтобы преспокойно подняться на лодкѣ вверхъ по Двинѣ, какъ дѣлаютъ всѣ порядочные люди. «Желаю видѣть родину Ломоносова?» — «Чего тамъ смотрѣть! Бревенчатая изба, бѣдный городъ, жалкая страна вотъ и все!». Однако, послѣ нѣкоторой задержки, полиція сдается,—подорожная подписана. Затѣмъ является вопросъ: экипажъ, телѣга или сани?

— Сани самая лучшая вещь, говорятъ мнѣ, только вамъ придется подождать снѣгу и морозу. Лѣтомъ у насъ совсѣмъ нѣтъ дорогъ, а мѣстами и тропинокъ, но чуть выпадетъ снѣгъ — у насъ лучшія дороги въ мірѣ.

— Но, можетъ, придется ждать шесть-семь недѣль?

— Возможно, ну такъ вамъ надо достать тарантасъ. Пойдемте къ мастеру.

Тарантасъ,—единственный экипажъ, въ которомъ можно путешествовать по здѣшнимъ дорогамъ. Человѣкъ съ деньгами можетъ сдѣлать многое, но даже имѣя въ карманѣ милліонъ, нельзя рѣшиться ѣхать по лѣсамъ и степямъ въ экипажѣ, котораго, въ случаѣ поломки, никто въ окрестностяхъ не суумѣетъ поправить. Чѣмъ болѣе я разсматриваю тарантасъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что только въ немъ, а не въ простой телѣгѣ, я могу доѣхать до Петербурга. Все это время я воображаю, что тарантасъ дадутъ мнѣ на прокатъ. Горькая ошибка! Несмотря на всѣ мои убѣжденія дать мнѣ его хотя до Вытегры, каретникъ не соглашается. Наконецъ, я подумываю уже купить его, но тутъ является вопросъ, что я съ нимъ буду дѣлать въ Вытегрѣ.

— Можно ли его тамъ продать?

— Ха, ха, ха! расхохотался мой пріятель. Въ Вытегрѣ народъ продувной. Вамъ скажутъ, что тарантаса имъ не нужно, зная, что вы проѣзжій и ждать вамъ некогда. Самое лучшее для васъ будетъ, пріѣхавъ на станцію и расчитавшись съ ямщикомъ, убѣжать, сломя голову, куда глаза глядятъ.

— Оставивъ мой тарантасъ на дворѣ?

— Именно,—это самое дешевое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я пріѣхалъ въ Вытегру въ прелестномъ тарантасѣ; никто не хотѣлъ его купить. Одинъ молодецъ предложилъ мнѣ за него гривенникъ. Взбѣшенный его безстыдствомъ, я оставилъ тарантасъ на сохраненіе на постояломъ дворѣ и два раза въ годъ расплачивался за него. Въ десять лѣтъ тарантасъ обошелся мнѣ втрое дороже, чѣмъ онъ стоилъ. Напрасно я просилъ продать его, покупщика не было. Я предлагалъ хозяину взять его себѣ, онъ отклонялъ мой подарокъ. Наконецъ я отправилъ за нимъ отсюда человѣка, но мой слуга не нашелъ въ Вытегрѣ ни хранителя, ни тарантаса. Оказалось, что уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ дворъ закрытъ и мой экипажъ проданъ вмѣстѣ съ прочими.

Наконецъ, уже съ помощью консула мнѣ удалось найти охотника снабдить меня тарантасомъ.

Запасшись всѣмъ необходимымъ въ дорогѣ, въ томъ числѣ топоромъ, связками веревокъ толстыхъ и тонкихъ, гвоздями и прочимъ, мы выѣхали изъ Архангельска вечеромъ, такъ чтобы къ разсвѣту достигнуть перевоза.

Цѣлую ночь ѣдемъ мы по скучнѣйшей дорогѣ: сосна — направо, со-

сна—налѣво, сосна впереди; проносимся во весь опоръ по деревнѣ, разбудивъ бездомныхъ собакъ и, къ разсвѣту достигнувъ перевоза, на которомъ переѣзжаемъ рѣку, снова ѣдемъ, скрипя по камню и песку, тащась по грязи и болотамъ. И такъ все время. Каждый день дороги похожъ, какъ двѣ капли воды, на предъидущій. Просѣка въ нѣсколько саженъ шириною, разстилается передъ нами на цѣлую тысячу верстъ. Сосны всѣ похожи одна на другую, березы тоже. Деревни представляютъ еще больше сходства между собою, чѣмъ деревья. Единственное разнообразіе только въ самомъ пути: онъ идетъ то сыпучимъ пескомъ, то по глубокимъ трясинамъ, то по полямъ, то по качающимся гатямъ. На тысячѣ верстъ я насчиталъ сто верстъ гати, двѣсти верстъ песку, триста—травы, четыреста верстъ воды и болота.

Намъ кажется смѣшнымъ стремленіе русскихъ строить желѣзныя дороги тамъ, гдѣ нѣтъ и простыхъ грунтовыхъ, даже проселочныхъ дорогъ. Но они совершенно правы. Желѣзная дорога — самый естественный путь въ странахъ лѣсныхъ, гдѣ камень рѣдокъ, какъ въ Россіи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Если пески тяжелы, то гати совершенно невыносимы. Намъ все кажется, что багажъ дурно уложенъ. Ящикъ громко требуетъ перекладки. Мое сидѣнье днемъ и постель ночью — этотъ ящикъ играетъ тутъ главную роль. Сколько мы ни затыкаемъ его сѣномъ и соломою, сколько ни покрываемъ мѣхами, ничто не усмиряетъ его. Онъ выскальзываетъ изъ подъ меня и колотитъ меня при каждомъ толчкѣ.

Еще болѣе ящика отъ этихъ камней и гатей страдаетъ моя поясница. Ей ненавистны эти постоянные толчки, но за то она подъ моимъ постояннымъ контролемъ, и при болѣе серьзномъ ропотѣ, я ее тотчасъ усмиряю.

А! вотъ наконецъ Холмогоры! Расположенный на холмѣ надъ рѣкою, свѣтлый и чистенькій, съ золотымъ крестомъ, поросшими травой улицами, красными и бѣлыми домиками, съ лодками на рѣкѣ, полосами желтаго песку и сосновымъ и березовымъ лѣсомъ кругомъ,—Холмогоры представляются именно такимъ мѣстомъ, гдѣ могъ родиться народный поэтъ.

Отъ Холмогоръ до Каргополя, отъ Каргополя до Вытегры мы ѣдемъ по царству деревень. На всемъ этомъ протяженіи ни одного мѣстечка, которое бы хотя изъ вѣжливости можно было назвать городомъ. Дорога идетъ впередъ и впередъ, то кружась по берегу рѣки, то въѣдаясь въ чащу лѣса, но все-таки направляясь съ сѣвера на югъ. Мы, то пе-

рѣзжаемъ глубокія рѣки, то тащимся по камнямъ, грязи и болотамъ, то поднимаемся на небольшіе пригорки. Ямщикъ гонитъ свою четверку, запряженную кое какъ въ веревочную сбрую, сломя голову, въ надеждѣ получить гривенникъ на водку. Съ утра до ночи, день за днемъ, это одна длинная скачка по лѣсамъ и болотамъ. Ландшафтъ не представляетъ ни изгородей, ни воротъ, ни канавъ, никакихъ признаковъ, однимъ словомъ, личнаго владѣнія землею. Мы промчались мимо костра и кучки сидящихъ вокругъ него людей, привѣтствующихъ насъ угрюмымъ поклономъ. Нѣкоторые вскакиваютъ.

— Что это за люди, Дмитрій?

— Это должно быть бѣглые.

— Какіе бѣглые и отчего они бѣгаютъ?

— Это люди, которые не любятъ работы, не любятъ повиноваться, имъ не сидится на мѣстѣ. Въ здѣшнихъ лѣсахъ ихъ сколько угодно. Въ Каргополѣ вы можете объ нихъ разузнать.

Въ Каргополѣ я узнаю объ этихъ бѣглыхъ нѣкоторыя подробности, которыя показываютъ, какой это опасный и безпокойный народъ. Я слышу объ нихъ впослѣдствіи въ Казани, въ Новгородѣ, въ Перми. Этотъ противуобщественный элементъ распространенъ въ Россіи весьма широко.

Оставивъ свои дома и землю, бросивъ свои права землевладѣльца или горожанина, эти бродяги одѣваются въ лохмотья, берутъ странническій посохъ, удаляются отъ своихъ семействъ и идутъ жить въ лѣса и трясины, протестуя противъ правительства и господствующей церкви. Нѣкоторые держатъ себя безобидно, проводя дни и ночи въ размышленіи и молитвѣ; окрестные крестьяне доставляютъ имъ пищу. Но, даже когда ихъ борьба съ міромъ чисто пассивная, все-таки ее тяжело выносить и встрѣчать. Они не хотятъ работать, считая все въ мірѣ только временнымъ; они не хотятъ повиноваться властямъ, не признаютъ закона, подъ которымъ живутъ, считая верховную власть незаконной, а всѣхъ высшихъ лицъ въ государствѣ — служителями сатаны.

Многіе крестьяне, или симпатизируя ихъ взглядомъ, или боясь ихъ мщенія, доставляютъ имъ всякую помощь. Никто не закроетъ передъ ними двери и не подниметъ противъ нихъ голоса. Даже тамъ, гдѣ они производятъ грабежи, крестьяне не скажутъ ничего противъ нихъ и всего менѣе полиціи.

Возбужденное сознаніемъ опасности, правительство стало производить разслѣдованія, результаты которыхъ поставятъ въ тупикъ самыя

Архангельская повозка.

умныя головы. Напримѣръ, оказалось, что въ Казанской губерніи у бѣглыхъ существуетъ правильная организація; что у нихъ есть тайныя мѣста для собранія и моленій; что у нихъ есть начальники которымъ они повинуются и довѣряютъ. Что прикажете дѣлать съ такими обстоятельствами чисто восточнаго характера Развѣ преступленія оставить свою землю и домъ? Развѣ грѣхъ жить въ пустыняхъ и пещерахъ? Какая статья закона запрещаетъ человѣку жить въ пустынѣ, какъ Серафимъ, или на кладбищѣ, какъ Филаретъ Малый? Но съ другой стороны, развѣ правительство можетъ допустить, чтобъ народъ снова становился кочевымъ? Бродяжничество не простая слабость, оно представляетъ большую опасность, такъ какъ духъ возмущенія противъ общественнаго порядка именно то, чего болѣе всего должны опасаться реформаторы. Идя назадъ, человѣкъ возвращается въ хаосъ.

Деревня за деревнею пробѣгаютъ мимо меня!

Русскія деревни всѣ на одинъ образецъ, если вы видѣли одну, вы видѣли всѣ. Она можетъ быть велика или мала, выстроена изъ бревенъ или изъ глины, можетъ прятаться въ лѣсу или разстилаться по степи но въ главныхъ чертахъ вы не видите разницы. Существуютъ собственно два типа деревень: великорусская и малорусская. Центръ первой въ Москвѣ, какъ столица Великороссіи; центръ второй въ Кіевѣ, столица Малороссіи.

Великороссійская деревня состоитъ изъ двухъ рядовъ избъ, раздѣленныхъ по срединѣ широкою, грязною улицею. Каждое жилье стоитъ отдѣльно. Деревни составляютъ отъ десяти до ста избъ. Построенный изъ такихъ же сосновыхъ бревенъ, каждый домъ есть точный снимокъ съ дома своего сосѣда и разнится отъ него только величиною. Домъ старосты больше прочихъ, а затѣмъ слѣдуетъ кабакъ. Грубыя стѣны, земляной полъ, щели, законопаченныя мхомъ. Промежутокъ между домами не загораживается, это цѣлое море грязи, гдѣ хрюкаютъ и валяются свиньи, и ворчатъ и дерутся собаки. Близъ деревушки видна всегда церковь или часовня, стѣны ея большею частію выкрашены бѣлою краскою, крыша зеленою, а крестъ позолоченъ.

За этими скучными избами лежитъ еще болѣе скучное поле, плоское, безъ изгороди, непоэтичное.

У малороссовъ, въ древнихъ польскихъ, югозападныхъ округахъ, деревни другаго типа. Вмѣсто сѣрыхъ бревенъ видишь преобладающую смѣсь зеленаго и бѣлаго цвѣтовъ, такъ какъ хаты разбросаны посреди деревьевъ. Онѣ выстроены изъ глины и тростника, кровля крыта соло-

мою, а стѣны выбѣлены известью. Каждая хата окружена плетнемъ; если она выглядитъ и маленькою, то, по крайней мѣрѣ, каждая имѣетъ свой дворъ и садикъ. Улицъ нѣтъ, каждый строитъ, гдѣ вздумаетъ.

Деревня, выстроенная безъ всякаго плана, и гдѣ каждый домъ окруженъ садомъ, занимаетъ огромное пространство. Нѣкоторые изъ казацкихъ станицъ больше городовъ. Разумѣется, въ большей части селеній есть церковь съ ея поэтическимъ очарованіемъ.

Отъ Кіева встрѣчаются деревни только втораго типа. Вся разница, какъ видите, только въ домѣ и садѣ, и происходитъ отъ различія характеровъ и рассъ. Великороссы робкаго, мягкаго, болтливаго характера они любятъ жаться въ кучу, соединять вмѣстѣ средства, жить подъ одною кровлею. Малороссы—живы, смѣлы, отважны; они живутъ врозь, каждый для себя; они оставляютъ себѣ достаточно пространства и воли для развитія всѣхъ своихъ способностей. Великоросъ приводитъ жену въ домъ своего отца, а малоросъ приводитъ ее въ свою собственную хатку.

Лѣсъ постепенно рѣдѣетъ. Мимо насъ проносится въ телѣжкѣ дѣвушка. Далѣе намъ попадается, подъ конвоемъ пѣшихъ солдатъ, фура съ преступниками, которою правитъ пожилая женщина.

Въ русскихъ деревнахъ очень частое явленіе, что мужъ и вообще все мужское населеніе уходитъ на дальніе заработки, оставляя женщинъ однѣхъ на цѣлые мѣсяца. Эти исключительно женскія деревни представляютъ любопытное явленіе, и человѣку съ влюбчивымъ нравомъ можно поухаживать здѣсь въ волю.

Деревни, снова деревни и еще деревни. Намъ попадается то отрядъ солдатъ, сопровождающихъ преступника; то богомолецъ, идущій въ Соловки; то толпа мальчишекъ; то мы замѣтимъ въ кустарникѣ волка, то невольно вздрогнемъ отъ неистоваго лая деревенскихъ собакъ, а потомъ опять кружимъ часы за часами по совершенно безмолвному лѣсу; Какая-то дикая прелесть очаровываетъ глазъ даже въ самихъ печальныхъ сценахъ. Въ шепотѣ листьевъ слышна дѣвственная прелесть. Воздухъ чистъ, хотя почти всѣ линіи плоски, зато небо сине и съ него льются солнечные лучи. Деревья одѣты въ богатые тоны, то янтарные, то пурпуровые и коричневые; сосна гармонично шумитъ при малѣйшемъ вѣткѣ. Кое-гдѣ выглядываютъ монастыри. Часть лѣса въ огнѣ. изъ горящей массы, сквозь саванъ пурпуроваго дыма, подымаются къ верху языки блѣдно-краснаго пламени. Прогалина, происшедшая отъ *прежняго пожара, блеститъ* осенними цвѣтами. У дороги стоитъ пре-

лестный ребенокъ, съ льняными кудрями и невинными сѣверными глазами, кланяясь граціею. Выходитъ женщина съ кувшиномъ молока.

Группа дѣвушекъ полощетъ бѣлье у источника, надъ которымъ возвышается образъ Богородицы или мѣстнаго святаго. Народъ вездѣ, хотя и неразвитъ, но благочестивъ и вѣжливъ. Мы въѣзжаемъ въ деревушку у маленькаго горнаго озера.

Деревня — это государство, управляемое закономъ, обычаями и собственнымъ правителемъ.

Въ Западной Европѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ деревня то же, что маленькій городъ, гдѣ живутъ собственно господа, фермеры, купцы и зависящіе отъ нихъ люди. Всѣ они съ одинаковымъ правомъ могутъ и оставаться здѣсь, и уйти куда имъ угодно. Не то въ русской деревнѣ. Это не городокъ съ различными сословіями, но собраніе людей одного класса, одного званія, людей, не имѣющихъ права бросить воздѣлываемыя ими поля. Они живутъ и умираютъ вмѣстѣ, сообща воздѣлываютъ землю, сообща платятъ подати, сообща отдаютъ въ солдаты своихъ сыновей.

Эти деревенскія общины чисто русскаго происхожденія и ограничиваются Великороссіею. Въ Финляндіи, въ Остзейскихъ губерніяхъ онѣ неизвѣстны, также какъ въ Казани, Сибири, Украинскихъ степяхъ и Кавказскихъ горахъ. Дѣйствительно, существованіе этихъ общинъ есть первый и вѣрнѣйшій признакъ русской національности. Гдѣ онѣ есть, тамъ и земля и народъ чисто русскіе.

Губерніи, гдѣ онѣ распространены, многочисленны, занимаютъ обширное пространство и славятся патріотизмомъ. Онѣ простираются отъ стѣнъ Смоленска до Вятки, отъ Онежской губы до казацкихъ поселеній на Дону. Онѣ покрываютъ пространство въ 15 или 16 разъ болѣе Франціи, — царство Іоанна Грознаго, — ту часть Россіи, которая лежитъ вокругъ четырехъ древнихъ столицъ: Новгорода, Владиміра, Москвы, Пскова. Что такое деревенская община?

Въ странѣ, полной лѣсовъ, озеръ и болотъ, уединенному поселенцу не посчастливится, а Россія и до сихъ поръ страна лѣсовъ, озеръ и болотъ. Поселенцы должны соединять ихъ средства и силы, и стоять другъ за друга въ горѣ и радости.

Связь эта заключается въ землѣ. Они владѣютъ землею сообща, не каждый въ отдѣльности, но каждый отъ имени всѣхъ. Мужъ съ женою составляютъ соціальную единицу, признаваемую общиною за тягло; каждое

тягло имѣетъ равную долю въ землѣ. Однажды въ три года всякое владѣніе кончается и земля передѣляется.

Такъ какъ община республика, и всѣ члены ея равны между собою, то въ совѣтѣ, каждый имѣетъ право голоса, и при раздѣленіи земли принимаютъ во вниманіе права каждаго. Вся земля раздѣляется на столько частей, сколько тяглъ въ деревнѣ: столько-то пахоты, столько-то сѣнокосу. При этомъ всегда принимается въ разсчетъ качество земли и удаленность отъ дома.

Нельзя отрицать, однако, что у деревенской общины есть и нѣкоторыя достоинства. Система, при которой каждый имѣетъ участіе во владѣніи землею, производитъ консервативный и миролюбивый народъ. Нѣтъ на землѣ рассы, болѣе русскихъ приверженной къ старымъ обычаямъ. Гдѣ каждый землевладѣлецъ, тамъ неизвѣстна крайняя степень нищеты, и Россія не нуждается ни въ законахъ о бѣдныхъ, ни въ рабочихъ домахъ, такъ какъ, къ счастію ея, въ ней нѣтъ настоящаго пауперизма. У каждаго есть изба, поле, корова, можетъ быть лошадь и телѣга. Если даже человѣкъ настолько лѣнивъ и низокъ, что разорится самъ, онъ не можетъ разорить своихъ сыновей. Когда они выростутъ, они получатъ свои доли и устроятъ жизнь, какъ имъ угодно. Общины поддерживаютъ любовь къ родителямъ и уваженіе къ старшимъ, также какъ и чувства равенства и братства, и сознаніе взаимной зависимости и помощи.

ГЛАВА IV.

Св. Георгій.—Новгородъ.—Казань.—Волга.—Волжскія степи.—Заключеніе.

Св. Георгія почитаютъ всѣ славянскія племена, но въ особенности русскіе. Въ честь его посвящено два праздника въ году, изъ которыхъ одинъ приходится въ началѣ весны, а другой въ концѣ осени, дни радости и веселья для всѣхъ живущихъ земледѣліемъ и скотоводствомъ. въ первый изъ нихъ открываютъ хлѣва и выпускаютъ пастись скотъ; во второй же празднуется окончаніе всѣхъ полевыхъ работъ и возвращеніе скота домой.

Я посѣтилъ въ Новгородѣ монастырь Св. Георгія въ его осеній праздникъ. Три или четыре тысячи богомольцевъ, преимущественно изъ Новгорода и Новгородской губ., расположились станомъ на зеленомъ лугу съ телѣгами и лошадьми; кое-гдѣ горѣли костры. Каждый богомолецъ, приноситъ что нибудь въ даръ монастырю, кто возъ сѣна, кто мѣшокъ муки, горшокъ воску, свертокъ холста, вышитую хоругвь. Одна бѣдная старуха, которая едва движется, принесла клубокъ нитокъ; лепта вдовицы, стольже благопріятная, какъ и золото и серебро. Для продажи хлѣба и сластей выстроены балаганы; самовары шипятъ на нѣсколькихъ десяткахъ столовъ, повсюду разсыпаны изюмъ, орѣхи, яблоки. Крестьяне нарядно и тепло одѣты. Мужики въ овчинныхъ полушубкахъ, мѣховыхъ шапкахъ и сапогахъ; бабы въ штофныхъ сарафанахъ и душегрѣйкахъ, обшитыхъ серебрянымъ или золотымъ позументомъ. Монахи движутся посреди толпы; деревенскій людъ глазѣетъ на товары, разнощики торгуются съ дѣвушками. Всѣ въ праздничномъ настроеніи, и общій видъ луга передъ монастырскими воротами похожъ на деревенскую ярмарку, чуть-чуть съ религіознымъ оттѣнкомъ.

Богомольцы все народъ смирный, добрый и (въ настоящій моментъ) трезвый, со странными старосвѣтскими ухватками. На пароходѣ мнѣ пришлось услышать, какъ одинъ мужикъ сказалъ своему сосѣду: Коли ты не баринъ, такъ сними свою кладь со скамейки, и дай мнѣ сѣсть, а коли баринъ, то иди въ первый классъ; твое мѣсто тамъ; сосѣдъ снялъ свой багажъ со скамейки, а говорившій сѣлъ на очищенное мѣсто, продолжая. Такъ-то для, всѣхъ мѣсто будетъ, мы всѣ крещены. Англійскій мужикъ сказалъ бы при этомъ, что онъ «тоже заплатилъ за мѣсто». На томъ же пароходѣ, я слышалъ, какъ одинъ мужикъ отвѣчалъ буфетчику, хотѣвшему его прогнать изъ каюты. «Чего мнѣ уходить, развѣ я не крещеный?» Перевозчикъ, перевозя насъ черезъ рѣку, говоритъ, что мы дѣлаемъ доброе дѣло, посѣщая святыни. «Разъ, разсказываетъ онъ, я былъ болѣнъ и умеръ; но я помолился моему ангелу, чтобъ онъ меня воскресилъ, и онъ услышалъ мою молитву, не ради меня грѣшнаго, а ради моего брата, который только что пришелъ изъ Соловковъ. И душа моя снова въ меня вернулась. Это ангелъ всегда можетъ сдѣлать, если только душа не ушла очень далеко».

Сцена передъ глазами прелестна. Съ колокольни Св. Георгія, которую можно сравнить съ фарфоровою башнею, открывается цѣлый міръ окружныхъ сосенъ, между которыми текутъ широкія, лѣнивыя воды Волхова, вытекающія изъ обширнаго озера, блестящаго у вашихъ ногъ.

Передъ глазами моими возвышается знаменитая башня Ярослава, съ которой раздавался нѣкогда звонъ вѣчеваго колокола, а за нею общественная площадь, мостъ, стѣны Кремля, золотые куполы Софіи, и гордый памятникъ настоящаго царствованія, говорящій о томъ, что Россія отпраздновала уже тысячелѣтіе своей политической жизни. Я уношусь въ прошлое; сцены и люди начинаютъ проходить передо мною не сухими отвлеченными фигурами, но живыми, полными энергіи, образами.

Человѣкъ, проходящій по татарской части города въ Казани, восхищается разрисованными домами, красивыми фигурами, восточными одеждами, грандіозными минаретами; ему представляется, что эти дѣти ислама сохранили свой духъ, съ граціею и величіемъ достойными лучшей эпохи.

«Преданы воровству и жрутъ конину»: вотъ вердиктъ русскаго офицера, «но въ другихъ отношеніяхъ не такъ дурны» — Однако у васъ прислуга татарская?—«Да, изъ шельмецовъ выходятъ хорошіе слуги; *вотъ видите ли, они не пьютъ*, и если имъ довѣряютъ, то не воруютъ.

Беги и мирзы бѣжали, когда городъ былъ покоренъ, остался только простой народъ, но теперь народилась новая аристократія: торговая и по образованію. Между татарами въ Казани болѣе грамотныхъ, чѣмъ между ихъ сосѣдями русскими. Ихъ охотно принимаютъ въ прикащики и въ банкирскія конторы, отсюда при терпѣніи и стараніи, легко занять и высшее положеніе.

Для христіанина чрезвычайно трудно найти ключъ къ чувствамъ этого трезваго, трудолюбиваго народа. Очевидно только, что они ставятъ вѣру выше жизни; но неизвѣстно раздѣлаютъ ли они надежду своихъ братьевъ Хивы и Бухары. А пока они работаютъ и молятся, богатѣютъ и усиливаются. Считая его невиннымъ и полезнымъ народомъ въ государствѣ, его благоразумно оставляютъ въ покоѣ, на сколько это возможно.

Всѣ симпатіи ихъ обращаются не къ Москвѣ и къ Петербургу, а къ Хивѣ, Бухарѣ и Самарканду; они не научились быть русскими и никогда не научатся; что бы ни дѣлало правительство, но борьба расъ и религій неизбѣжна и въ будущемъ. Производя реформы по всей имперіи, Императоръ не оставилъ безъ вниманія и восточной ея части, и, въ духѣ всѣхъ новѣйшихъ измѣненій, принято новое положеніе относительно татаръ и ихъ религіи. Природа и политика не дозволяютъ ему обращать мусульманъ силою, но ничто не запрещаетъ достигать этого моральнымъ вліяніемъ образованія и человѣчности; поэтому правительство открываетъ для татаръ много школъ. Я посѣтилъ двѣ такихъ школы, для мальчиковъ и для дѣвочекъ, потому что полы раздѣлены во вниманіе къ восточнымъ понятіямъ о женщинѣ. Комнаты чисты и хорошо содержатся; дѣти опрятны и приличны въ обращеніи; ихъ учатъ пѣнію, грамотѣ и счисленію. Книги на татарскомъ языкѣ печатаются въ университетской типографіи. Это печатаніе книгъ, въ особенности псалмовъ и евангелія на татарскомъ языкѣ, приноситъ большую пользу, потому что татары народъ любопытный, охотники до чтенія и пѣнія, и даже бѣднѣйшіе изъ нихъ рады получить хорошую книгу на родномъ языкѣ, понятномъ для каждаго. Кромѣ того сдѣланъ еще одинъ важный и мудрый шагъ: служба въ церкви идетъ на татарскомъ языкѣ. Если когда нибудь татары обратятся къ христіанству, то скорѣе путемъ этихъ мирныхъ средствъ, а не огнемъ и мечемъ.

Впрочемъ, эта система не увѣнчалась еще очень важными результатами, главнымъ образомъ вслѣдствіе закона, что разъ принявшій хри-

стіанство, не можетъ уже отъ него отречься. Только тогда можно будетъ торжествовать окончательную побѣду вѣры Христовой, когда совѣсти будетъ предоставлено идти свободно, куда поведетъ ее Богъ, безъ страха вмѣшательства закона.

Отъ Казани до Каспійскаго моря Волга течетъ между исламомъ и христіанствомъ. На восточномъ ея берегу находится лишь одинъ городъ, Самара. Всѣ прочіе города: Симбирскъ, Вольскъ, Саратовъ, Царицинъ на западномъ берегу; Самара скорѣе, киргизскій, чѣмъ русскій городъ, и славится своимъ кумысолеченіемъ.

Христіанскія поселенія по берегамъ Волги отъ Казани до Каспійскаго моря составляютъ вопросъ времени. Триста слишкомъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннъ Грозный разгромилъ Казань; почти столько же лѣтъ прошло—какъ онъ покорилъ астраханское царство и открывъ проходъ чрезъ Россію къ Каспійскому морю, и однако Волга въ сущности все еще остается пограничною рѣкою. Надо сказать правду, важнѣйшій водяной путь въ Европѣ извѣстенъ англійскимъ купцамъ въ царствованіе Викторіи менѣе, чѣмъ былъ извѣстенъ въ царствованіе Елизаветы.

Главною попыткою колонизировать христіанами хоть часть восточной степи было основаніе казацкихъ станицъ между Дономъ и Волгою, въ мѣстности, гдѣ почва менѣе изсушена, пески менѣе глубоки растительность не такъ бѣдна, чѣмъ гдѣ бы то нибыло въ этихъ безплодныхъ равнинахъ. Но даже въ этой болѣе благопріятной мѣстности борьба за существованіе сурова и непрерывна.

Обширная, открытая со всѣхъ сторонъ равнина, плоская, мрачнаго вида, покрытая рѣдкимъ коричневымъ мхомъ и поблеклою травою; кое-гдѣ табунъ полу-одичалыхъ лошадей; всадникъ несущійся въ облакахъ пыли; забѣглый верблюдъ; телѣга на волахъ глубоко врѣзывающаяся въ грязь или песокъ; глубокій, мрачный оврагъ, гдѣ расположились табаромъ цыгане; обозъ съ сѣномъ или арбузами; стадо овецъ, подъ присмотромъ мальчугана въ мѣховой шапкѣ, овчинномъ тулупѣ и огромныхъ сапогахъ; на одинокомъ холмѣ вѣтряная мѣльница, и надъ всѣми этими величественный небесный сводъ, пронизанный длинными линіями зеленаго и краснаго цвѣтовъ:—вотъ вечерняя картина восточной степи.

Съ незапамятныхъ временъ черезъ эту степь проходили къ плодо*роднымъ полямъ, орошаемымъ* Дономъ, двѣ враждебныя силы. Это были

турецкія и монгольскія племена. Самыя раннія передвиженія этихъ племенъ скрыты туманомъ; но съ тѣхъ поръ какъ они попали въ европейское поле зрѣнія, стало очевиднымъ, что эти племена различнаго типа и религіи. Турецкая раса считается одною изъ красивѣйшихъ въ мірѣ, монгольская стоитъ между безобразнѣйшими расами; турецкія племена исповѣдаютъ Магомега, монгольскія послѣдователи Будды.

Борьба между буддистами и мусульманами привела въ этихъ странахъ къ окончательному торжеству Креста. Степи, гдѣ они боролись въ теченіе двадцати поколѣній, до сихъ поръ еще населены азіятскими племенами, калмыками, киргизами, ногайцами; калмыки — буддисты, киргизы и ногайцы — мусульмане.

Калмыки пастушескій, но въ то же время воинственный народъ, незнающій до сихъ поръ что такое домъ, суть истинные владѣльцы степи. Но они оставили ее, по крайней мѣрѣ часть ея, потому что въ царствованіе императрицы Екатерины пятьсотъ тысячъ калмыковъ перешли за Уралъ, съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться: на ихъ мѣсто пришли и заняли ихъ земли киргизы, и ногайцы. Съ плоскимъ лицомъ бронзоваго цвѣта, калмыкъ представляетъ одинъ изъ безобразнѣйшихъ типовъ въ мірѣ, хотя и говорятъ, что онъ составляетъ соединеніе типовъ гибкаго, женственнаго индуса съ красивымъ лицомъ и фигурою кавказца.

Калмыкъ, какъ буддистъ, сохраняющій древнія монгольскія преданія и поклоняющійся Далай-Ламѣ, ѣстъ мясо, чуть поджаренное, и пьетъ кобылье молоко, въ любимыхъ имъ видахъ кумыса и водки; первый есть молоко только перебродившее, а вторая — перебродившее и перегнанное. Какъ всѣ подобныя рассы, онъ съ удовольствіемъ украдетъ корову, верблюда, лошадь не только у врага, но и у пріятеля, если только представится случай. Онъ не признаетъ вѣрности и не знаетъ закона. Правительство ничего отъ него не ожидаетъ, кромѣ самыхъ формальныхъ актовъ повиновенія, каковы: уплата податей и поставка солдатъ; но даже и эта остается лишь номинальнымъ, кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ калмыкъ подчиняется казачьимъ постановленіямъ.

Эти дикія племена блуждаютъ, гдѣ имъ вздумается, появляясь со своими овцами и верблюдами то у Китайской стѣны, то въ странахъ, орошаемыхъ Дономъ.

Нѣсколько семействъ присоединились къ казакамъ, подчинились закону и даже приняли христіанство; но огромное большинство крѣпко держится за свою дикую жизнь.

Цыгане, въ южныхъ степяхъ, ведутъ такой образъ жизни, какъ и вездѣ, живя въ жалкихъ шатрахъ изъ грубаго сукна, и утопая въ грязи, какъ свиньи или собаки. Въ каждомъ таборѣ есть нѣсколько телѣгъ и лошадей, на которыхъ они перевозятъ женщинъ, дѣтей и домашній скарбъ съ ярмарки на ярмарку, воруя живность, гадая, подковывая лошадей, существуя изо дня въ день. Они не хотятъ ни работать, ни учиться.

Иные проявляютъ талантъ къ музыкѣ, а женщины славятся красотою. Онѣ дѣлаются пѣвицами, и красивѣйшія изъ нихъ иногда составляютъ блестящую партію, даже въ самомъ высшемъ свѣтѣ. Но вся расса живетъ чисто по азіятски, шатаясь изъ деревни въ деревню, въ одномъ домѣ воруя, въ другомъ нищенствуя, живя внѣ закона, служа предметомъ страха для однихъ, отвращенія для всѣхъ. Здѣсь же живутъ и донскіе казаки.

Казаки живутъ въ станицахъ, составляющихъ настоящій лабиринтъ; дома кроютъ соломой, стѣны выкрашены охрой; станицу окружаетъ ограда всего съ двумя или тремя входами, охраняемыми одичалыми собаками. Все вмѣстѣ составляетъ загонъ для скота и крѣпость для жителей. На возвышеніи церковь, большею частью маленькая и бѣдная, такъ какъ казаки почти все старообрядцы и не ходятъ въ церковь.

Въ степи пасется стадо овецъ, по дорогѣ плетется обозъ на волахъ, по травѣ пробирается охотникъ съ ружьемъ. Вездѣ видишь признаки жизни, и хотя степь все также мрачна и обнажена, но любовь казака къ садамъ, изгородямъ и краскамъ доставляетъ южному пейзажу очарованіе, котораго не найдешь на сѣверѣ.

Мужчины ѣздятъ верхомъ съ самаго ранняго дѣтства; у каждаго ребенка есть лошадь.

Въ Казацкой станицѣ курить не позволяется, ради опасности отъ пожара, но мой хозяинъ и самъ куритъ, и приглашаетъ курить своихъ гостей.

Прекрасныя стада пасутся въ степи, многія семейства воздѣлываютъ пшеницу и въ изобиліи виноградъ, изъ котораго выдѣлываются крѣпкія шипучія вина. У казаковъ достаточно земли, чтобы имѣть пропитаніе и для себя и кромѣ того наполнить рынки избыткомъ, земля не подвергалась раздѣлу уже тридцать слишкомъ лѣтъ.

Намъ, англичанамъ: нечего жалѣть о наступательномъ движеніи, русскаго народа, роптать на его успѣхи. Русскіе въ Бухарѣ не значитъ ли что англичане, то же въ Бухарѣ? Развѣ не будутъ проложены дороги, выстроены станціи, развѣ не будутъ охранять проходовъ по степямъ для торговцевъ и путешественниковъ всѣхъ націй. Развѣ какой нибудь другой народъ, кромѣ русскаго, можетъ предпринять эту работу. Зачѣмъ же намъ за это возставать противъ него? даже для нашихъ личныхъ интересовъ было бы выгоднѣе имѣть на нашей границѣ цивилизованнаго сосѣда вмѣсто дикой орды,—сосѣда, признающаго законы и правила общежитія, вмѣсто дикаго хана, убивающаго нашихъ посланниковъ и отвергающаго нашу торговлю.

МЕРЗЛЫЙ КРАЙ.

ОЧЕРКИ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

I.

Новый типъ русскаго народа.

Восточная Сибирь, самая отдаленная отъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самая обширная часть русской земли. И въ этой далекой и обширной странѣ большинство населенія давно состоитъ изъ нашихъ соотечественниковъ—русскихъ переселенцевъ.

Уже судя по тѣмъ слухамъ, какіе успѣваютъ доходить до насъ объ этой далекой странѣ, можно догадаться, что жизнь въ ней не совсѣмъ обыкновенная. Не даромъ у великоруссовъ когда-то сложилась поговорка, что «Сибирь—золотое дно». «Тамъ живутъ», говоритъ другая русская пословица, «мужики все богатые, они золото загребаютъ лопатами, а бабы соболей бьютъ ухватами». Какъ мы увидимъ, это говорится именно про Восточную Сибирь. Прежде всего посмотримъ, что же это за страна?

Восточная Сибирь, какъ извѣстно, примыкаетъ на сѣверѣ къ Ледовитому океану; на востокѣ она отдѣляется отъ Америки Тихимъ океаномъ и Охотскимъ моремъ, а на югѣ прилегаетъ къ Китаю. Если, при этомъ, считать границей ея на западѣ рѣку Енисей, то Восточная Сибирь будетъ занимать огромное пространство, раза въ три больше Западной Сибири и даже нѣсколько больше всей Европы.

Много имѣетъ особенностей эта обширная страна. Прежде всего, почти вся она состоитъ изъ весьма возвышенныхъ мѣстностей, изрѣзан-

ныхъ долинами и горными хребтами, которые проходятъ почти черезъ всю Восточную Сибирь съ юга и до сѣверныхъ низменностей ея.

Какъ страна горная, возвышенная, Восточная Сибирь отличается и особенными богатствами природы. Такъ, почти всѣ ея горы содержатъ въ себѣ золото, серебро, мѣдь и другіе металлы, а также разные дорогіе камни.

Но отличительное богатство природы Восточной Сибири заключается въ дорогомъ пушномъ звѣрѣ. Учеными дознано, что чѣмъ восточнѣе лежитъ въ Сибири мѣстность и чѣмъ выше поднимается она надъ уровнемъ моря, тѣмъ гуще и темнѣе мѣхъ на тамошнемъ звѣрѣ. Такъ, въ горныхъ мѣстностяхъ Восточной Сибири соболь имѣетъ мѣхъ темный съ черной остью, а иногда и съ серебристымъ отливомъ; лисица водится также чернобурая; даже бѣлка имѣетъ тамъ мѣхъ темный, а не красный, какъ это бываетъ въ низменныхъ странахъ. Бобры, выдры, песцы, куницы и многіе другіе звѣри въ Восточной Сибири отличаются также особенно пушистыми и красивыми мѣхами.

Таковы отличительныя богатства природы этой холодной, горной страны.

Лѣтъ 200—250 тому назадъ, въ Восточной Сибири обитали одни только полудикіе народцы. Народцы эти были многочисленны и принадлежали къ разнымъ, иногда даже враждебнымъ другъ другу, племенамъ: самоѣдовъ, остяковъ, якутовъ, бурятъ, тунгусовъ, и проч. Но не одинъ изъ этихъ народцевъ ни только не занимался хлѣбопашествомъ, но не умѣлъ пользоваться и горными произведеніями своей страны. Въ то время восточно-сибирскія горы и возвышенности покрыты были почти сплошь непроходимыми дремучими лѣсами, въ которыхъ и ютились въ несмѣтномъ количествѣ дорогіе пушные звѣри. Ловлею этихъ звѣрей преимущественно занимались восточно-сибирскіе народцы. Многіе изъ нихъ занимались при этомъ рыболовствомъ на сибирскихъ рѣкахъ, а нѣкоторые и скотоводствомъ. По склонамъ горъ и по долинамъ рѣкъ, непроходимымъ лѣсами, они гоняли стада рогатаго скота и табуны лошадей.

При этомъ всѣ сибиряки жили въ шалашахъ или юртахъ и вели жизнь бродячую. Переходили зимою въ одно мѣсто, лѣтомъ — въ другое, весною и осенью — въ третье и т. д., смотря по тому, гдѣ имъ удобнѣе было ловить звѣрей и рыбу, или пасти свои стада. Не было, такимъ образомъ, въ Восточной Сибири ни селъ, ни городовъ. Никто *тамъ не* занимался ни хлѣбопашествомъ, ни ремеслами — и многіе богат-

ства этой обширной страны лежали нетронутыми. Только на югѣ Сибири, близъ Китая, нѣкоторыя племена занимались отчасти и земледѣліемъ, которому научились они отъ своихъ сосѣдей—китайцевъ. Эти народцы имѣли даже небольшіе городки и платили дань своимъ учителямъ—китайцамъ.

Въ это время Восточная Сибирь была даже совсѣмъ неизвѣстна русскимъ. Да и другіе европейскіе народы также ничего не знали о существованіи этой земли. Даже китайцамъ знакомы были только пограничныя съ ихъ землей сибирскія страны.

Какимъ же образомъ эта невѣдомая и чрезвычайно далекая и обширная страна заселена была русскими?

Около 300 лѣтъ тому назадъ, началось движеніе русскихъ на востокъ— именно въ Западную Сибирь. Вслѣдъ за покореніемъ этой страны Ермакомъ, поселилось въ ней много русскихъ, преимущественно бѣдняковъ крестьянъ, приходившихъ въ Западную Сибирь съ истощенныхъ московскихъ земель, какъ тогда говорили—«отъ скудости»— и съ нашихъ сѣверныхъ «холодныхъ и голодныхъ мѣстъ». Между этими переселенцами было много и новгородскихъ промышленниковъ, побывавшихъ на Бѣломъ морѣ, знавшихся тамъ съ иностранцами, вообще людей опытныхъ, ловкихъ и предпріимчивыхъ. Немало также поселилось въ Западной Сибири бездомныхъ крестьянъ, или батраковъ, которые назывались тогда «казаками». Приходя въ новопокоренную страну, казаки эти поступали большею частью въ тамошніе городки въ военную службу, почему назывались не просто «казаками», а служилыми.

До свѣдѣнія всѣхъ этихъ русскихъ людей, поселившихся въ Западной Сибири, на рѣкахъ Оби и Иртышѣ, стали доходить слухи о новыхъ земляхъ, лежащихъ далеко на востокъ отъ Западной Сибири, о богатствахъ этихъ земель дорогими пушными звѣрями и разными рудами. На эти слухи охочіе люди потянулись изъ Западной Сибири дальше, на востокъ, отыскивать, какъ они говорили, «новыя землицы».

Понятно, что нуждавшіеся собственно въ пахатной землѣ не пошли на эти слухи о соболяхъ и рудныхъ богатствахъ Восточной Сибири; люди, любившіе заниматься хлѣбопашествомъ, прочно осѣдали въ Западной Сибири, гдѣ не мало было простора и раздолья крестьянской сохѣ. На востокъ же пошли преимущественно промышленники и люди бездомные. Шли они, обыкновенно, за служилыми казаками, которыхъ сибирскіе воеводы стали посылать также на востокъ «провѣдать новыя землицы».

Велика была заслуга этихъ первыхъ покорителей и заселителей Восточной Сибири, хотя имена многихъ изъ нихъ остались неизвѣстными. Они не только первые покорили ее русскому имени, но и первые узнали и открыли ее для пользованія людей.

Изъ покорителей ближайшихъ къ Западной Сибири мѣстностей остались болѣе или менѣе извѣстными имена и подвиги только немногихъ казаковъ—именно Власьева, Мартынова, Бузы, Богра, Бекетова, Корытова и нѣкоторыхъ другихъ.

Велики были и труды, которые пришлось понести этимъ покорителямъ новыхъ невѣдомыхъ странъ. Какъ мы сказали выше, отыскивать «новыя землицы» отправлялись изъ Западной Сибири преимущественно казаки и промышленники, которыхъ тамъ, разумѣется, еще немного было въ то время. Поэтому и отправлялись они для завоеваній небольшими партіями человѣкъ въ 50, въ 100 и рѣдко въ 300, или болѣе. Шли они, какъ мы уже знаемъ, въ страну, совсѣмъ имъ невѣдомую, сами не зная, куда придутъ, и не зная, кого встрѣтятъ.... Запасшись, по обыкновенію русскаго человѣка, одними лишь сухарями, казаки часто вмѣстѣ съ промышленниками отправлялись въ путь, на востокъ.

Дорогами въ этой глухой странѣ служили имъ преимущественно большія сибирскія рѣки. Дойдя до такой рѣки, казаки принимались рубить плотъ или судно, а такъ какъ въ той глуши, въ какую заходили они, негдѣ было достать парусовъ, то нерѣдко приходилось казакамъ развѣшивать на мачтахъ своихъ судовъ, вмѣсто «тонкихъ бѣлыхъ» парусовъ, оленьи или медвѣжьи шкуры, а то такъ и собственные кафтаны съ казацкихъ плечъ....

На незнакомыхъ имъ рѣкахъ, суда ихъ, разумѣется, постоянно наталкивались на разныя препятствія или же совсѣмъ садились на мель. Тогда приходилось казакамъ или тянуть свое судно бичевою, или же пускаться на хитрости. Такъ, нерѣдко снимали они съ мачтъ свои нехитрые паруса и перепружали ими рѣку; отъ этого вода въ ней прибывала и судно благополучно сходило съ мели..... Еще труднѣе было идти казакамъ по сухому пути. Дорогъ въ Сибири не было, страна кругомъ неизвѣстная,—и вотъ, чтобы не заблудиться въ ней, казаки шли днемъ по солнцу, ночью—по звѣздамъ, а въ лѣсу должны были отмѣчать свой путь зарубками на деревьяхъ..... Въ зимнее же время, за отсутствіемъ дорогъ и лошадей, казаки обыкновенно подвязывали къ ногамъ лыжи и пускались на нихъ въ невѣдомый край по

глубокимъ сугробамъ; припасы же свои клали на легкіе санки и везли ихъ на оленяхъ, а то такъ и на самихъ себѣ....

Разумѣется, при этомъ не мало приходилось имъ вытерпѣть нужды и горя. Сухари часто подходили къ концу, а новыхъ достать было негдѣ въ этой глухой странѣ, въ которой никто не сѣялъ хлѣба, да и людей-то часто ни души не встрѣчалось по дорогѣ. Вотъ какъ, напримѣръ, описывали свою «казацкую нужду» сами казаки въ своихъ донесеніяхъ: «Палъ снѣгъ великій, писали казаки,—и захватили морозы лютые, и бездорожица непроходимая и голодъ смертный... И тѣ наши купленные и кормленные конишки въ той бездорожицѣ пристали и перепропали, и брели нужную дорогу пѣши.... Испухли, оцынжали и позябли, а въ походѣ, государь, того нашего нужнаго терпѣнья было восемь недѣль»....

Но, не смотря на подобныя трудности и препятствія, казаки все-таки шли по невѣдомой странѣ съ невѣроятной быстротой.

Въ 1620 году, они открыли, подвигаясь изъ Западной Сибири на востокъ, первую великую рѣку Восточной Сибири—рѣку Енисей, протекавшую чрезъ всю Сибирь—съ юга на сѣверъ, въ Ледовитый океанъ. Покоривъ здѣсь нѣсколько бродячихъ племенъ—тунгусовъ, остяковъ, юкагировъ и проч., казаки пошли дальше.

Поднимаясь по притоку Енисея, по рѣкѣ Ангарѣ, они лѣтъ черезъ десять достигли уже огромнаго озера Байкала, вокругъ котораго обитало многочисленное племя бурятъ, или—какъ ихъ прозвали казаки—«братскихъ людей», занимавшихся, главнымъ образомъ, скотоводствомъ.

Около того же времени, т. е. спустя лѣтъ десять послѣ открытія Енисея, казаки встрѣтили уже вторую великую рѣку Восточной Сибири—Лену, теперь самую огромную рѣку въ Россіи, протекающую также почти чрезъ всю Сибирь—съ юга въ Ледовитый океанъ.

Въ 1636 году, казаки покорили обитавшее по этой рѣкѣ племя якутовъ и построили тутъ городокъ Якутскъ. Около 1640 года казаки добрались уже до самыхъ восточныхъ горъ Сибири, что называются нынѣ Становымъ хребтомъ. Съ вершинъ этихъ высокихъ горъ казаки увидѣли на востокѣ столько воды, что и конца ей не было; говорили они послѣ, что видѣли оттуда «большое море-окіанъ». Это было Охотское море, омывающее Сибирь съ востока, значитъ здѣсь былъ уже конецъ Сибири....

Такимъ образомъ, казаки въ какія нибудь 20 лѣтъ прошли вдоль всей Восточной Сибири, отъ р. Енисея до Охотскаго моря, покоривъ

на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ верстъ многія земли и многихъ сибирскихъ инородцевъ. Если мы вспомнимъ, при этомъ, съ какимъ трудомъ приходилось имъ идти по невѣдомой странѣ, то намъ покажутся, можетъ быть, невѣроятными ихъ быстрыя открытія и завоеванія въ Восточной Сибири. Что же помогло имъ совершить такое великое дѣло?

Собственно, покорить Сибирь было не такъ трудно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Инородцы сибирскіе, уже по своей природѣ, были гораздо слабѣе русскихъ. Всѣ они низкорослы; неуклюжее туловище ихъ держалось на короткихъ ногахъ, изогнутыхъ, какъ говорится, колесомъ. Статный русскій казакъ казался передъ ними просто богатыремъ. При этомъ, сибиряки не знали другаго оружія кромѣ лука и стрѣлъ, и услыхавъ въ первый разъ выстрѣлъ изъ казацкаго ружья, они обыкновенно тотчасъ же покорялись. А тѣмъ временемъ казаки ставили маленькія крѣпостцы, по тогдашнему «городки», и заводили вокругъ ихъ настоящія поселенія, въ которыя приходили селиться охочіе пашенные люди. О такомъ поселеніи казаки отписывали, что оно «угоже и крѣпко и рыбно, и пашенка не велика есть, и гдѣ стоять и городу, и то мѣсто высоко—большая вода непоимаетъ». На зовъ этотъ откликалось иногда много охотниковъ. Такимъ образомъ, большая образованность русскихъ помогла имъ скоро и прочно укрѣпляться въ новопокоренной странѣ.

Несравненно труднѣе было казакамъ преодолѣть тѣ великія препятствія, которыя, какъ мы видѣли, почти на каждомъ шагу воздвигала имъ суровая и дикая природа Восточной Сибири. Что же помогло казакамъ преодолѣть самую природу?

Мы уже знаемъ, что русскій человѣкъ долженъ былъ встрѣтить въ Восточной Сибири много необыкновеннаго, новаго для себя и много еще невиданныхъ имъ богатствъ. Прежде всего казаки встрѣтили тамъ безконечныя пространства никѣмъ незанятой земли и непочатые дремучіе лѣса, въ которыхъ водилось безчисленное множество дорогихъ, невиданныхъ ими звѣрей; въ горахъ находили слѣды разныхъ рудъ и дорогихъ камней, а въ рѣкахъ—несмѣтное количество разной рыбы. Самые люди Восточной Сибири не менѣе должны были удивлять нашихъ простодушныхъ казаковъ. Низкорослые, неуклюжіе сибиряки, одѣтые большею частью въ мѣховыя шубы шерстью вверхъ, имѣли лица изкрасна смуглыя, а южнѣе—желтыя, косонорѣзанные глаза, черные какъ угли, скулы выдавшіяся, губы толстыя, и лишь на макушкахъ бритыхъ го-

ловъ—длинныя косицы черныхъ какъ смоль волосъ. Все это, вмѣстѣ взятое, невольно казалось нашимъ землеискателямъ необыкновеннымъ, неслыханнымъ, и недаромъ въ старинныхъ сибирскихъ запискахъ говорится, что казаки называли все видѣнное ими въ Восточной Сибири—«диковинами» и «диковищами»...

При этомъ, какъ мы упомянули выше, казаки наши шли отыскивать богатства сибирскія большей частью *по слухамъ*. А человѣкъ, въ особенности темный, неграмотный, всегда преувеличиваетъ то, чего онъ еще не успѣлъ увидать собственными глазами, но о чемъ уже слышалъ кое-что отъ другихъ. Прослышатъ казаки, напримѣръ, о новой странѣ пушныхъ звѣрей, и вотъ они уже ожидаютъ встрѣтить тамъ такія мѣста, гдѣ бродятъ цѣлыя стада этихъ соболей, бобровъ и лисицъ; замѣтятъ на сибирскомъ дикарѣ какое нибудь украшеніе, сдѣланное изъ золота или серебра,—и нашимъ казакамъ представлялись уже цѣлыя горы серебра или золота, стоящія гдѣ нибудь поблизости въ этой невѣдомой странѣ.

Эти надежды вдругъ встрѣтиться въ невѣдомой землѣ съ неизвѣданными богатствами и это любопытство, затронутое въ казакахъ и промышленникахъ новою страною—все это и побуждало ихъ идти скорѣе по невѣдомой странѣ и при этомъ терпѣливо выносить всяческія невзгоды и лишенія, предъ которыми, можетъ быть, остановился бы нынѣшній многознающій человѣкъ.

Всего больше пришлось казакамъ положить этихъ трудовъ при открытіи сѣверныхъ странъ Восточной Сибири. Достигнувъ крайняго восточнаго передѣла Сибири,—Тихаго океана, они стали отправляться изъ Якутска отыскивать *«новыя земли»* на сѣверъ, внизъ по рѣкѣ Ленѣ. Тутъ пришлось пройдти имъ по невѣдомымъ землямъ еще не одну тысячу верстъ. Изъ этихъ сѣверныхъ землеискателей въ особенности прославились казаки: Стадухинъ, Булдаковъ и нѣкоторые другіе.

Въ половинѣ XVII столѣтія казаки и промышленники добрались уже до береговъ Ледовитаго океана и открыли на сѣверѣ много новыхъ рѣкъ, впадающихъ въ этотъ океанъ, много новыхъ народцевъ и новыя пушныя богатства.

Но на холодномъ и непріютномъ сѣверѣ казакамъ, кромѣ уже знакомой имъ «казацкой нужи», пришлось встрѣтить еще неиспытанныя трудности. Шли они на сѣверъ большею частью по рѣкамъ, и какъ плыли по нимъ на рѣчныхъ судахъ, такъ на этихъ же самыхъ судахъ выходили и въ Ледовитый океанъ, стараясь обогнуть моремъ землю и

отыскать новую страну. А холодное сѣверное море часто затирало казацкія суда огромными льдинами и держало ихъ такъ по нѣскольку недѣль.... Земля, такимъ образомъ, терялась изъ виду. А такъ какъ съ казаками не было никакихъ инструментовъ для опредѣленія странъ свѣта, то нерѣдко приходилось имъ на морѣ сходить съ своихъ судовъ и отыскивать землю пѣшкомъ, пробираясь по морскимъ льдинамъ.... Такъ они блуждали по океану иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, до тѣхъ поръ, пока море само не прибивало ихъ къ какому нибудь берегу.

При этомъ-то казакамъ и удавалось дѣлать чрезвычайно важныя открытія: то они наталкивались на новую рѣку, то приходили въ новую, до того никому неизвѣстную, страну. Въ особенности важныя открытія на сѣверѣ выпали на долю казаковъ Дежнева, Атласова и Морозко. Скитаясь по Ледовитому океану, по казацкому обыкновенію, на рѣчномъ суднѣ, Дежневъ въ половинѣ XVII столѣтія добрался до самой большой сѣверо-восточной оконечности Сибири—до Большаго или Чукотскаго Носа. При этомъ, судно его, затертое льдами, пронесло морскимъ теченіемъ мимо этого Носа, по проливу, отдѣляющему Сибирь отъ Америки. Дежневъ, хотя и донесъ объ этомъ случаѣ, но онъ не зналъ все-таки, какое важное открытіе сдѣлалъ онъ. Дѣло въ томъ, что на сѣверѣ материкъ американскій близко подходитъ къ Сибири, и послѣ Дежнева многіе ученые старались узнать, дѣйствительно ли Сибирь отдѣляется въ этомъ мѣстѣ отъ Америки проливомъ, или же оба эти материка соединяются тутъ полосою земли, т. е. перешейкомъ. И только спустя 80 лѣтъ послѣ Дежнева, одному ученому—Берингу, удалось на дѣлѣ провѣрить открытіе Дежнева, хотя пройдти этотъ проливъ Берингу не удалось такъ благополучно, какъ прошелъ его Дежневъ.

Въ 1697 году, другой казакъ—Атласовъ, при содѣйствіи Морозко, открылъ и покорилъ также на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири огромный полуостровъ—Камчатку, знаменитую теперь по особенному обилію самыхъ дорогихъ пушныхъ звѣрей.

Но заслуга всѣхъ этихъ землеискателей состояла не только въ томъ, что они первые покорили восточно-сибирскія страны и первые заселяли ихъ и открывали для пользованія русскому человѣку; но эти же самые землеискатели впервые познакомили и всѣхъ образованныхъ европейцевъ съ природою и жителями Восточной Сибири. Эта новая, необыкновенная для русскаго человѣка страна, ея «диковины и диковища» возбуждали такое любопытство въ нашихъ простыхъ казакахъ и промыш-

ленникахъ, что они изъ людей темныхъ и неграмотныхъ, какъ бы невольно сбращались въ любознательныхъ, умѣющихъ цѣнить знаніе. Забредя въ какую нибудь новую, до того времени никѣмъ невѣдомую страну, казаки наши, какъ настоящіе ученые, принимались старательно развѣдывать, гдѣ какая рѣка течетъ, куда она пошла, въ какое море устьемъ впала, какой народъ живетъ на ней, чѣмъ занимается и т. д. Мало того, отъискивали въ странѣ разныя руды и дорогіе камни; съискивали даже, какъ говорили казаки, «полезныя травы» и «преузорочныхъ птицъ». Если находился грамотный между казаками, то онъ, обыкновенно, составлялъ запись всему видѣнному, а за неимѣніемъ бумаги, приходилось имъ часто писать на березовой корѣ.... Этими казацкими записями долго пользовались для ознакомленія съ Восточной Сибирью даже европейскіе ученые.

Таковы были первые заселители Восточной Сибири, предки нынѣшнихъ русскихъ обитателей ея.

Къ концу XVII столѣтія, казаки и промышленники весьма успѣшно исходили уже весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Сибири, пройдя такимъ образомъ въ какія нибудь 80 лѣтъ около 10 тысячъ верстъ по Восточно-Сибирской странѣ. Только на югѣ Сибири казаки наши встрѣтили непреодолимыя препятствія, которыя заставили ихъ отказаться отъ покоренія этого края.

Въ половинѣ XVII столѣтія, въ то самое время, какъ одна часть казаковъ покоряла земли на сѣверѣ Сибири, въ Якутскѣ прошелъ слухъ о богатствахъ новой рѣки—Амура, протекавшей на югѣ Сибири. Первымъ на этотъ слухъ отправленъ былъ на Амуръ казакъ Василій Поярковъ. Съ величайшимъ трудомъ достигъ онъ съ товарищами далекаго Амурскаго края. Приходилось имъ идти туда зимою на лыжахъ черезъ высокія горы сибирскія, а лѣтомъ на судахъ—противъ быстраго теченія горныхъ и порожистыхъ рѣкъ Восточной Сибири.

Добравшись такимъ образомъ до Амура, Поярковъ все-таки не могъ покорить тамъ ни одного народца, такъ какъ во время далекаго и чрезвычайно труднаго похода потерялъ большую часть своихъ товарищей. Онъ успѣлъ только открыть тамъ нѣсколько новыхъ народцевъ — дауровъ, дучеровъ, гиляковъ и др. Нашелъ также въ этой странѣ новыя пушныя богатства и ознакомился съ самою рѣкой Амуромъ. Амуръ течетъ уже не какъ другія сибирскія рѣки, — не на сѣверъ въ Ледовитый океанъ, а на востокъ — въ Охотское море. Поярковъ прошелъ всю рѣку Амуръ, выплылъ весною въ холодное, покрытое лѣ-

вающими льдинами, Охотское море, и, еле волоча ноги отъ испытанныхъ на этомъ морѣ трудностей и лишеній, возвратился съ немногими товарищами въ Якутскъ.

Главная заслуга Пояркова состояла въ томъ, что онъ первый *проложилъ дорогу русскимъ* на Амуръ. Ближе же ознакомиться съ этимъ краемъ удалось другому человѣку, промышленнику Ерофею Хабарову, отправившемуся на Амуръ во главѣ казаковъ, спустя три года послѣ похода Пояркова.

Хабаровъ развѣдалъ, что на Амурѣ и климатъ теплѣе, чѣмъ въ остальной Сибири, и земля тамъ плодороднѣе и лѣса богаче разнымъ деревомъ, — словомъ, убѣдился, что Амурскій край не только богатъ пушнымъ звѣремъ, но и представляетъ много удобствъ для занятія хлѣбопашествомъ. Понявъ всѣ выгоды отъ пріобрѣтенія этого земледѣльческаго края, Хабаровъ вознамѣрился покорить его. Но онъ встрѣтилъ тамъ, между бродячими народцами, осѣдлыхъ жителей, уже нѣсколько образованныхъ. Это были дауры, которые занимались земледѣліемъ, имѣли пашни и жили въ укрѣпленныхъ городкахъ. Въ городкахъ этихъ стояли уже не шалаши сибирскихъ дикарей, а настоящіе деревянные дома съ большими окнами, завѣшанными вмѣсто стеколъ бумажными зелеными листами. Наконецъ, кромѣ дауровъ, Хабаровъ встрѣтилъ на Амурѣ еще новыхъ людей, какъ доносилъ онъ «богдойскихъ», т. е. китайскихъ мужиковъ, одѣтыхъ въ камчатное платье и въ собольи «малахаи». Это было манчжуры. Хабарову удалось также узнать, что дауры и манчжуры платятъ дань Китаю и находятся подъ защитой богатаго и сильнаго китайскаго богдыхана.

Понятно, что казакамъ нашимъ было уже не такъ легко покорить Амуръ, какъ легко покоряли они всѣ остальныя страны Восточной Сибири, заселенныя одними дикарями.

Въ началѣ Хабаровъ нашелъ встрѣченные имъ городки опустѣвшими, такъ какъ всѣ жители ихъ куда-то скрылись. Но вскорѣ появились многочисленныя толпы дауровъ, и Хабаровъ писалъ въ Якутскъ, что «дауры хотѣли давомъ задавить» казаковъ. А казаковъ дѣйствительно можно было «задавить», такъ какъ ихъ съ Хабаровымъ было всего 150 человѣкъ....

Пришлось казакамъ вести на Амурѣ уже постоянную войну съ даурами и осаждать городки ихъ. «Городокъ зажегъ и дымъ пустилъ», писалъ о своихъ осадныхъ дѣйствіяхъ самъ Хабаровъ. «Мужиковъ съ *улусы сбили и юрты* съ конца зажгли и мы ихъ въ пень рубили». Но

каково было удивленіе нашихъ храбрыхъ казаковъ, когда ихъ самихъ стали осаждать въ одномъ построенномъ ими городкѣ Албазинѣ, къ которому поступили толпы манчжуръ съ разными «приступными мудростями», т. е. съ осадными орудіями, и вдобавокъ—съ «огненнымъ боемъ», т. е. съ пушками и другими огнестрѣльными орудіями. Все это для казаковъ было ново въ Сибири и они никакъ не ожидали встрѣтить тамъ уже образованныхъ жителей, знакомыхъ съ употребленіемъ пороха.

Только неопытность манчжуръ въ военномъ дѣлѣ помогла казакамъ справиться съ ними. «Старый опытовщикъ Ярко Павловъ сынъ Хабаровъ», какъ его называли тогда, получивъ изъ Якутска подкрѣпленіе людьми, прошелъ весь Амуръ и взялъ всѣ городки. Послѣ этого китайскій богдыханъ велѣлъ всѣмъ подвластнымъ ему народцамъ уйдти съ Амура въ Китай, такъ что казакамъ не съ кого было получать ни дани, ни содержанія себѣ.

Шесть лѣтъ провелъ Хабаровъ на Амурѣ и все-таки ничего не добился. Русскихъ переселенцевъ вообще въ Восточную Сибирь шло мало, а въ самый отдаленный Амурскій край — еще меньше; инородцы же, какъ мы видѣли, скрылись въ Китай.

На мѣсто Хабарова посланъ былъ на Амуръ воевода Степановъ. Засѣлъ онъ съ горстью казаковъ въ одномъ городкѣ, и подступило къ нему войско китайское, говорятъ, человѣкъ тысячъ въ десять... Не могли тутъ казаки одолѣть китайцевъ и всѣ погибли.

Съ 1689 года Амуръ опять надолго перешелъ къ китайцамъ.

Можетъ быть, казакамъ нашимъ удалось бы покорить Амуръ, если бы тогда же пошли за ними переселенцы — хлѣбопашцы, которые бы могли упрочить ихъ успѣхъ на Амурѣ, заселивъ завоеванныя ими страны, и, вдобавокъ, обезпечить казаковъ относительно полученія содержанія. Но наши переселенцы въ Восточной Сибири, къ сожалѣнію, въ то время мало думали о земледѣліи, и Амурскій край, какъ страна преимущественно земледѣльческая, немногихъ изъ нихъ привлекалъ къ себѣ. Какъ мы уже знаемъ, въ Восточную Сибирь шли тогда преимущественно люди промышленные да казаки, т. е. совсѣмъ уже бездомные, гулящіе люди. Поэтому немудрено, что всѣ они, гораздо больше чѣмъ о пашняхъ и лугахъ, хлопотали о бобрахъ, лисицахъ и соболяхъ, да о самоцвѣтныхъ камняхъ и дорогихъ рудахъ, что и можно было найдти въ избыткѣ во всей Сибири, не заходя такъ далеко, какъ Амурскій край. Къ тому же обзаводиться въ Сибири пашнями и лугами въ то время было не легко. Для этого приходилось расчищать землю изъ подъ дремучихъ лѣсовъ, или

осушать болота, такъ какъ болѣе удобныя мѣста были уже заняты коренными жителями Сибири — инородцами, между которыми наши немногочисленные переселенцы и селились, гдѣ пришлось. Поэтому, даже крестьяне наши, коренные хлѣбопашцы, часто отбивались тамъ отъ земледѣлія и предпочитали заниматься звѣроловствомъ, рыбною ловлею или съискиваніемъ рудъ. Ходили они промышлять этимъ и въ одиночку, и большими артелями, иногда всею деревней, подъ предводительствомъ выборныхъ старшинъ, или передовщиковъ. Промыслы эти, конечно, не требовали отъ нихъ особенно сложныхъ приготовленій, а главное, доставляли постоянный, вѣрный и огромный заработокъ.

Правда, золотыя и серебряныя руды открыты только въ нынѣшнемъ столѣтіи почти во всѣхъ горахъ Восточной Сибири; за то пушные звѣри всегда были тамъ на виду. А мы знаемъ уже, что въ В. Сибири водятся самые дорогіе звѣри. Напримѣръ, тамошніе соболи стоятъ на мѣстѣ по нынѣшней цѣнѣ, отъ 30 до 80 р. за пару; а одна шкурка чернобурой лисицы стоитъ тамъ рублей 70. Почти также дороги и тамошніе бобры, выдры, песцы и пр. А сколько водилось всѣхъ этихъ звѣрей въ В. Сибири, можно видѣть уже изъ того обстоятельства, что еще въ прошломъ столѣтіи соболи забѣгали на улицы Якутска, и жители били ихъ подлѣ своихъ воротъ палками.... Оттуда и сложилась поговорка, что въ Сибири «бабы соболей бьютъ ухватами». Дѣйствительно, набить въ тайгѣ въ продолженіи зимы штукъ 50 или 40 одними соболей, кромѣ другихъ цѣнныхъ звѣрей, считалось у нашихъ переселенцевъ самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Еще прибыльнѣе была торговля мѣхомъ съ сибирскими инородцами. Простодушные дикари сибирскіе, живя совмѣстно съ нашими переселенцами, скоро сближались съ ними, заводили съ казаками промышленниками торговыя сношенія и, не зная дѣйствительной цѣнности сибирскихъ мѣховъ, часто давали имъ за какой нибудь мѣдный котелъ столько соболей, сколько ихъ могло умѣститься въ этомъ котлѣ.... Такъ что на плечахъ инаго казака надѣта была соболья шуба, а на головѣ красовалась шапка изъ камчатскихъ бобровъ. Нѣкоторые даже лыжи свои, на которыхъ гонялись по тайгѣ за звѣремъ, подбивали дорогимъ собольимъ мѣхомъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, благодатный Амурскій край не могъ соблазнить нашихъ переселенцевъ никакими качествами своей почвы, или климата.

Легкая и вѣрная нажива скорѣе могла завлечь нашихъ переселенцевъ *на непріятный* и холодный сѣверъ Сибири, на низовья Енисея и

Лены. Тамъ, въ глуши сѣверныхъ лѣсовъ и тундръ, были еще непочатые уголки съ пушными звѣрями. И вотъ, бывало, пойдутъ туда служилые казаки покорять какихъ нибудь инородцевъ, а съ ними вмѣстѣ просятся туда же и промышленники и даже крестьяне, уже успѣвшіе обзавестись пашнями и хозяйствомъ. Бросивъ все это, они дѣйствительно отправлялись за казаками и поселялись навсегда гдѣ нибудь на тундрѣ, между сѣверными инородцами, заводили тамъ деревни, начинали промышлять звѣроловствомъ, рыбною ловлею, или торговлею, а о хлѣбопашествѣ совсѣмъ забывали.

Но усердное нещадное истребленіе пушныхъ звѣрей—въ концѣ концевъ привело къ тому, что звѣри эти уже къ концу прошлаго столѣтія сильно обрѣдѣли по всей Сибири. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ соболи, бобры и лисицы даже совсѣмъ перестали попадаться. Тогда, понятно, и занятіе хлѣбопашествомъ естественно стало все шире и шире распространяться не только между нашими переселенцами, но и между инородцами, которые, проживая совмѣстно съ русскими, начали понемногу перенимать отъ нихъ и разные обычаи.

Послѣ этого сдѣлалось возможнымъ не только покорить, но и постепенно заселить Амурскій край, самый удобный (въ Восточной Сибири) для земледѣлія. Этотъ край, наконецъ, и присоединенъ былъ къ Россіи, всего лишь 20 лѣтъ тому назадъ, именно въ 1858 г., т. е. спустя 200 лѣтъ послѣ покоренія его Хабаровымъ.

Познакомившись, такимъ образомъ, съ исторіей завоеванія Восточной Сибири и съ характеромъ первыхъ завоевателей ея, мы перейдемъ теперь къ нынѣшнимъ русскимъ сибирякамъ и познакомимся поближе съ ихъ житьемъ-бытьемъ.

Восточная Сибирь дѣлится въ настоящее время на двѣ губерніи—Енисейскую и Иркутскую, и на четыре области—Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую.

Между тѣмъ все населеніе этой обширной и далекой страны, считая и инородцевъ и русскихъ, состоитъ всего только изъ 2 милліоновъ душъ, т. е. во всей Восточной Сибири жителей немногимъ больше, чѣмъ, напримѣръ въ одной нашей маленькой Петербургской губерніи.

Если ѣхать по большому московскому тракту на г. Иркутскъ къ слободѣ Кяхтѣ, то будутъ еще попадаться по дорогѣ большія села и деревни; но если въ Сибири свернуть съ этого тракта къ сѣверу,

или югу, то можно проѣхать верстъ сто, двѣсти, триста и даже болѣе, и не встрѣтить по дорогѣ ни одного жилья человѣческаго...

Какъ мы видѣли выше, наши переселенцы, съ самаго начала покоренія Восточной Сибири, шли туда въ незначительномъ числѣ и селились въ этой обширной странѣ, гдѣ только пришлось, среди многочисленныхъ инородческихъ племенъ. Такъ наши переселенцы и живутъ тамъ до сихъ поръ, совмѣстно съ инородцами. Поѣзжайте по любой восточно-сибирской рѣкѣ, и вамъ попадется на ней русское село или деревня, а за нею, по той же рѣкѣ, встрѣтите инородческіе шалаши или юрты. Дальше опять стоитъ русская деревня, а за нею—опять инородческія юрты и т. д. При этомъ инородцы, продолжая до сихъ поръ вести бродячій образъ жизни, занимаютъ обыкновенно самые обширные участки, при чемъ, какъ коренные жители Сибири, они издавна владѣютъ мѣстами наиболѣе удобными для поселеній, какова напр., Братская степь въ Забайкальскомъ краѣ.

Немудрено поэтому, что многіе изъ нашихъ переселенцевъ въ Восточной Сибири до сихъ поръ сохранили обыкновеніе своихъ предковъ—заниматься больше добываніемъ пушныхъ звѣрей, чѣмъ хлѣбопашествомъ. Въ особенности удержалось это обыкновеніе на сѣверѣ Сибири, — на низовьяхъ Лены и Енисея,—гдѣ хлѣбопашество, по суровости климата, мало возможно и куда новые переселенцы рѣдко приходятъ селиться. Остались тамъ только немногіе потомки прежнихъ землеискателей, забиравшихся на непріютный сѣверъ для добыванія дорогихъ звѣрей и для торговли съ инородцами.

Стоятъ тамъ и теперь одинокія деревеньки этихъ звѣролововъ, среди сѣверныхъ лѣсовъ и тундръ. Старинныя русскія избы, съ высокими крылечками жмутся въ такой деревенькѣ кучками, въ безпорядкѣ и лицами смотрятъ въ разныя стороны. Сразу можно видѣть, что неземледѣльческая деревня. Избы стоятъ неогороженныя, безъ клѣтей и сараевъ. Во дворахъ не найдете ни одной телѣги; встрѣтите лишь длинные охотничьи санки «нарты». Круглый годъ неслышно въ такой деревенькѣ ни звука кузнечнаго молота, ни дружнаго стука цѣповъ по усѣянному снопами току. Даже не увидите тамъ женщинъ, идущихъ по воду съ ведрами и коромыслами на плечахъ: дѣвушки носятъ тамъ воду, обыкновенно, вдвоемъ въ ушатѣ, на палкѣ.

Кругомъ деревни не видать ни хлѣбныхъ скирдъ, ни стоговъ сѣна. Лишь гдѣ нибудь сбоку деревеньки пріютились маленькія низенькія бани, безъ крышъ, съ заваленными землей потолками. Въ баняхъ этихъ

сушится и вялится рыба, оленина, сохатина и т. п. пища сѣвернаго звѣролова.

Въ самой избѣ встрѣтитъ васъ хозяинъ — потомокъ старинныхъ нашихъ землеискателей — высокій, плечистый, свѣтловолосый. Одѣтъ онъ большею частью въ короткій кафтанъ изъ крестьянскаго сукна, обшитый сверху грубымъ холстомъ. Это для того, чтобы не промачивалъ кафтана снѣгъ, осыпающійся съ деревьевъ во время охоты. На головѣ онъ носитъ войлочную шляпу съ загнутыми полями и съ заостреннымъ верхомъ. На ногахъ надѣты мягкіе сапоги изъ красной дубленой кожи, съ такою же мягкою подошвой и часто также обшитые сверху холстомъ.

Самая рѣчь сѣвернаго звѣролова нѣсколько измѣнилась. Онъ не можетъ, напр., выговорить звуковъ *ш*, *р*, и *ж*, точно сильный морозъ сковалъ ему языкъ и скулы. «Посолъ большой дождь» говоритъ онъ. «Бѣдняки худо зивутъ» или: «мѣлный альсинъ».

Въ избѣ у такого звѣролова все прибрано и чисто, не какъ у нашего земледѣльца. На окнѣ блеститъ, обыкновенно, самоварчикъ, необходимая принадлежность каждаго сибиряка.

Домашніе его занимаются, обыкновенно, плетеніемъ разныхъ звѣроловныхъ и рыболовныхъ снарядовъ. Подъ осень женщины прядутъ конопель. Развѣ только конопель и напоминаетъ здѣсь занятія русскаго человѣка.

Ловокъ и опытенъ такой переселенецъ въ звѣроловномъ промыслѣ. Его выстрѣлъ изъ ружья не знаетъ промаха, и, сидя верхомъ на лошади, онъ на всемъ скаку отличаетъ на снѣгу слѣдъ лисицы отъ слѣда собаки. Точно также никогда не заблудится онъ ни въ лѣсу, ни въ открытомъ полѣ, хотя бы въ самую сильную снѣжную мятель. Малѣйшая травка, чуть примѣтный бугорокъ въ полѣ, одинокое деревцо въ сторонѣ—все это по привычкѣ къ тамошнимъ мѣстамъ, крѣпко засѣло въ его памяти и служитъ ему постоянно указаніемъ вѣрнаго пути. Даже жены ихъ такъ приноровились къ быту звѣрололовъ, что каждая изъ нихъ не затруднится отличить на снѣгу слѣдъ лыжи своего мужа...

Но не смотря на все искусство этихъ звѣрололовъ, уловъ звѣрей все-таки не всегда бываетъ такъ удаченъ. Дорогіе звѣри годъ отъ году рѣдѣютъ, а дешевые часто откочевываютъ въ глухія и отдаленныя мѣста, или, какъ говорятъ сибиряки, бываетъ «неурожай на звѣрей». Въ такой-то годъ сѣверному звѣролову не на что бываетъ купить себѣ даже хлѣба; своего же онъ совсѣмъ не сѣетъ, хотя такъ и можетъ

родиться ячмень, картофель и многія огородныя овощи. Звѣроловы такъ отвыкли отъ хлѣбопашества, что даже тамошніе инородцы—якуты—теперь гораздо больше сѣютъ хлѣба, чѣмъ русскіе, отъ которыхъ они научились земледѣлію. Впрочемъ, нужда давно уже заставила нѣкоторыхъ звѣролововъ переселиться на югъ, въ хлѣбородныя мѣстности.

Большинство нашихъ переселенцевъ живетъ теперь на югѣ Восточной Сибири, вокругъ озера Байкала: въ Забайкальской области, въ Иркутской губерніи, а также на югѣ Енисейской. Въ Амурской же области и въ Уссурійскомъ краѣ, какъ недавно только присоединенныхъ къ Россіи, нашихъ переселенцевъ совсѣмъ еще немного, да и тѣ не успѣли еще устроиться, какъ слѣдуетъ.

Но слѣды прежней жизни звѣролововъ сохранились между нашими переселенцами по всей восточной Сибири и на югѣ ея въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Почти въ каждой восточно-сибирской деревенькѣ, хотя бы и чисто земледѣльческой, можно еще встрѣтить крестьянина, который сохи въ руки взять не умѣетъ. Большую часть времени года проводитъ онъ въ тайгѣ на охотѣ, и если онъ безсемейный, то изба его стоитъ за это время въ деревнѣ съ наглухо заколоченными окнами. Это такъ называемый «ухожій». Ухожій закидываетъ за плечи винтовку, стволъ которой вставленъ въ ложу самой топорной работы — въ видѣ дубинки; заберетъ съ собою съѣстныхъ припасовъ, а иногда просто ведетъ на веревочкѣ теленка,—и такъ уходитъ на долго въ тайгу. По цѣлымъ мѣсяцамъ бродитъ онъ по лѣсамъ дремучимъ, взбирается на высокія горы сибирскія, иногда заходитъ даже на Саянскій хребетъ—въ Монголію или Китай, отыскивая тамъ дорогихъ, но уже рѣдкихъ соболей. Возвращается онъ съ добычею лишь поздней осенью, а иногда и среди глубокой зимы. Но такой сибирякъ въ деревнѣ, какъ говорится, самъ не свой. Онъ и на сходѣ какъ-то застѣнчивъ, неловокъ, точно дичится людей и больше все отмалчивается. Его постоянно тянетъ въ тайгу, съ которой онъ сроднился съ дѣтства, гдѣ онъ знаетъ каждую тропинку, гдѣ знакомо ему всякое деревцо, гдѣ онъ читаетъ по слѣдамъ звѣрей, какъ по писанному, и гдѣ ни одинъ звѣрь не уходитъ отъ его мѣткой пули.

Привязанность къ тайгѣ и къ ея приволью не потеряли и всѣ остальные сибиряки. Дремучіе, безконечные лѣса тянутся въ восточной Сибири повсюду, и сибирякъ охотно жмется къ этимъ лѣсамъ. Въ тайгѣ онъ беретъ дерева на постройку столько, сколько ему хочется, *нарубитъ* дровъ въ волю. Собираетъ тамъ кедровые орѣхи, ягоды, гри-

бы. Тамъ же подстрѣлитъ онъ бѣлку, козулю, лисицу, или зайца, а иногда словитъ тамъ оленя, заколетъ сохатаго, или медвѣдя.

Въ особенности важенъ для сибиряковъ сборъ въ тайгѣ кедровыхъ орѣховъ. Недаромъ день сбора ихъ, который приходится, обыкновенно, въ концѣ августа, для сибиряковъ служитъ какъ бы праздникомъ. Съ утра мужчины отправляются въ тайгу съ огромными мѣшками; а оставшіяся дома женщины, со старымъ да малымъ, ждутъ съ нетерпѣніемъ возвращенія ихъ съ мѣшками свѣжихъ орѣховъ. Къ этому дню сибирячка даже пристряпаетъ что нибудь лишнее. А на другой день всѣ дворы и даже улицы въ деревнѣ уже покрываются чешуею и шишками кедровыхъ орѣховъ...

На охоту сибиряки ходятъ партіями преимущественно за дешевымъ звѣремъ—за бѣлкою, обыкновенно подъ конецъ осени съ Покрова до ноября мѣсяца; за дорогими же пушными звѣрями охотятся лишь по мѣстамъ и то одни записные охотники.

Но таежные промыслы не могутъ, конечно, давать сибирякамъ всегда вѣрнаго заработка и такого достатка, какими пользуется сибирякъ прилежно занимающійся хлѣбопашествомъ, тѣмъ болѣе, что неурожай на орѣхи и неудачная охота на бѣлокъ случаются часто. Поэтому почти всѣ сибиряки давно уже стали придерживаться и земледѣлія, и оно годъ отъ году распространяется между ними все больше и больше.

По условіямъ природы, хозяйство ведется тамъ такое, какъ у насъ въ среднихъ губерніяхъ, или даже въ сѣверныхъ. Сѣются, напримѣръ, рожь, ячмень, пшеница, греча и овесъ. На очень высокихъ мѣстахъ, гдѣ климатъ холоднѣе, сѣютъ одну только яровую рожь. Только въ южныхъ частяхъ Амура и въ Уссурійскомъ краѣ возможно и такое хозяйство, какъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Тамъ хорошо родится, напримѣръ, наша южная пшеница, а также рисъ, и даже возможно разведеніе винограда и садовыхъ плодовъ.

Но какое бы хозяйство, по условіямъ природы, ни было возможно для той или другой мѣстности въ восточной Сибири, во всякомъ случаѣ сибиряки не ведутъ его обществами или міромъ, какъ это дѣлается, напр., у крестьянъ—великоруссовъ. У сибиряковъ хозяйство вездѣ хуторное, или, по сибирски, «заимочное», т. е. каждый сибирякъ владѣетъ отдѣльнымъ участкомъ земли, какъ своею собственностью, и держитъ на этомъ участкѣ свой хуторъ или «заимку». Общественной же земли

они держатъ, обыкновенно, по малости, да и та большею частью непахатная и лежитъ гдѣ нибудь подъ лѣсомъ или болотомъ.

Все это будетъ понятно, если мы припомнимъ, что предки нынѣшнихъ сибиряковъ были люди большею частью промышленные, или же совсѣмъ бездомные бобыли, мало знакомые съ общественнымъ деревенскимъ бытомъ; да и долгія одиночныя занятія позднѣйшихъ переселенцевъ разными таежными промыслами не могли пріучить ихъ къ жизни въ обществѣ—на міру. Такъ что сибиряки хотя и живутъ теперь селами и деревнями и управленіе имѣютъ мірское, но хозяйства продолжаютъ вести совершенно отдѣльныя, каждый самъ по себѣ. Самые хутора ихъ разсѣяны обыкновенно по разнымъ мѣстамъ въ тайгѣ, одинъ— верстъ на 20, другой — на 40 отъ деревни, смотря по тому, гдѣ хозяинъ хутора облюбуетъ себѣ мѣсто подъ пашню или подъ луга.

Только немногіе сибирскіе старо обрядцы, называемые тамъ «семейскими» и поселившіеся въ Забайкальскомъ краѣ, до сихъ поръ сохранили обычаи великорусскихъ крестьянъ и держатся мірскаго владѣнія землей; міромъ же производятъ и расчистки мѣстъ подъ пашни и луга. Отъ того, можетъ быть, вокругъ ихъ деревень непроходимые лѣса въ короткое время совсѣмъ исчезли, какъ будто ихъ и не бывало тамъ. Кругомъ деревень семейскихъ на далекое пространство тянутся луга, нивы да огороды, и развѣ только камень въ горахъ остался невоздѣланнымъ ихъ плугомъ.

Но всѣ прочіе сибиряки такъ отвыкли отъ общиннаго деревенскаго быта, что не держатъ даже общественныхъ стадъ и общественныхъ выгоновъ для скота. Богатый сибирякъ держитъ свою скотину на своемъ лугу, гдѣ нибудь въ тайгѣ, на заимкѣ, а бѣднякъ держитъ скотину у деревенской околицы, или, по сибирски, у «поскотины»; при этомъ не держатъ даже пастуха отъ міра. Скотъ ихъ бродитъ обыкновенно у околицы, безъ хорошаго корма и безъ всякаго присмотра, такъ что сибирскій медвѣдь откармливается тамъ на славу; домашняя же скотина выходитъ плохая, да и той сибиряки держатъ по малости.

Самый наружный видъ восточно-сибирскихъ деревень показываетъ уже, что наши переселенцы живутъ тамъ не такъ, какъ великоруссы или даже западные сибиряки. Восточные сибиряки забираются съ своими деревнями повыше отъ обманчивыхъ горныхъ рѣкъ, на возвышенности, или на косогоры. И тамъ избы ихъ, крытыя обыкновенно тесомъ или дранью, стоятъ кучками, въ безпорядкѣ, и лицами смотрятъ въ разныя стороны. Вокругъ домовъ часто не имѣется хозяйствен-

ныхъ пристроекъ. Подлѣ избы часто лежитъ пустырь, а то такъ къ самой избѣ прилегаетъ пашня. Хозяйственныя же пристройки и гумно находятся обыкновенно въ тайгѣ, на заимкѣ.

Во многомъ проглядываетъ характеръ восточнаго сибиряка, мало привыкшаго къ земледѣльческому общинному быту. У сибиряковъ есть, напримѣръ, важный отхожій промыселъ—это работа на золотыхъ пріискахъ. Въ восточной Сибири пріиски открыты повсемѣстно, почти по всѣмъ горнымъ хребтамъ ея. Работать на эти пріиски приходятъ и наши крестьяне, но они нанимаются тамъ артелями и, конечно, земля ихъ, которую они имѣютъ на родинѣ—остается за ними и обработывается ихъ домашними. Сибиряки же нанимаются на пріиски всегда въ одиночку,—и если уже сибирякъ разъ поработалъ тамъ, то онъ, обыкновенно, предается исключительно этому занятію, а хлѣбопашество совсѣмъ бросаетъ. Поэтому въ восточной Сибири изъ работающихъ на пріискахъ образовался какъ бы особый классъ людей, которыхъ называютъ тамъ «пріискателями». Это люди по большей части бывалые и бездомные, любящіе погулять, пображничать. Весною, передъ началомъ работы, пріискатель старается прежде всего получить побольше задатку отъ нанимателя, послѣ чего тотчасъ же начинаетъ гулять. Надѣваетъ онъ красную рубаху, плисовую бекешъ и такіе же штаны, на плечи накидываетъ цвѣтную шаль и перевязываетъ ее крестомъ на груди, а въ руки беретъ гармонію, и такъ разгуливаетъ по деревнѣ съ разряженными бабами и дѣвками, до тѣхъ поръ, пока не прогуляетъ не только всѣхъ денегъ, но и всей щегольской одежды вмѣстѣ и съ гармоніей. На возвратномъ пути съ пріиска, подъ осень, пріискатель опять гуляетъ и пропиваетъ остальныя деньги, полученныя за работу, такъ что семья его, оставшаяся безъ земли, кормится, обыкновенно, на счетъ міра—подаяніемъ.

Въ прежнее время сибиряки, конечно, недаромъ бросали земледѣліе ради одной работы на пріискахъ. Назадъ тому лѣтъ тридцать, тридцать-пять, когда открыто было въ восточной Сибира множество новыхъ пріисковъ, золото добывалось на нихъ такъ легко и въ такомъ огромномъ количествѣ, что рабочій нерѣдко въ одинъ день могъ заработать до 100 рублей. Такъ что многіе пріискатели возвращались съ пріиска съ заработками рублей въ 1,000, въ 2,000 и даже и болѣе. Оттуда и пошла поговорка, что въ Сибири мужики «загребаютъ золото лопатами». При этомъ, конечно, можно было не обращать вниманіе на хлѣбопашество. Но теперь золото въ горахъ значительно почистили-

лось, хотя его и добывается тамъ въ настоящее время больше прежняго, потому что пріисковъ открыто больше, но каждымъ рабочимъ въ отдѣльности добывается оно уже гораздо въ меньшемъ количествѣ противъ прежняго. Такъ что плата рабочему 10 рублей въ мѣсяцъ считается теперь уже благодатью. Между тѣмъ, привычка бросать землю, ради одного занятія на пріискахъ, въ сибирякахъ уже вкоренилась. Этому не мало способствовала, конечно, и разгульная жизнь пріискателей. На пріискахъ, въ тайгѣ, чрезъ ихъ руки проходитъ чистое золото, прямо изъ земли, и въ видѣ песковъ, и въ видѣ тяжелыхъ, увѣсистыхъ слитковъ и самородковъ... Глаза невольно разгораются... А кругомъ глушь, дремучіе лѣса... слышится только ревъ дикаго звѣря, или крикъ хищной птицы, да удалыя пѣсни пріискателей... Послѣ всего этого сибиряку, падкому до удовольствій, какъ-то ужъ не охота приниматься за скромное хлѣбопашество.

Но всего меньше занимаются наши переселенцы въ Восточной Сибири ремеслами. Ремесленныя издѣлія они получаютъ большею частью изъ Западной Сибири, или же изъ Европейской Россіи, а отчасти изъ Китая. На сколько вообще слабо развитъ въ Восточной Сибири интересъ къ такъ называемой обработывающей промышленности, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Одинъ нѣмецкій ученый (Альбинъ Конъ), во время своего путешествія по восточной Сибири, замѣтилъ въ селѣ Черемшевѣ пласты каменнаго угля, выходящіе подъ самыя деревенскія избы и спросилъ обитателей послѣднихъ, не пользуются ли они этимъ даровымъ топливымъ?—«Что ты, сердешный, отвѣчали ему черемшевцы, нешто камни горятъ?..»

За то восточные сибиряки питаютъ нѣкоторое пристрастіе къ занятіямъ торговлею. Сдѣлаться «торговымъ человѣкомъ» составляетъ любимую мечту почти каждаго деревенскаго парня. Эксплоатація простодушныхъ сибирскихъ инородцевъ до сихъ поръ еще представляетъ широкое поприще для подобнаго рода дѣятельности, завѣщанной позднѣйшимъ поколѣніямъ первыми заселителями Сибири.

О торговцахъ сибирскихъ, главнымъ образомъ, можно судить по Иркутскому базару: сюда сходится весь окрестный торгующій людъ восточной Сибири и всѣ ихъ разнообразные товары. Прежде всего встрѣтите тутъ инородцевъ бурятъ или «братскихъ», одѣтыхъ лѣтомъ въ синіе или красные халаты, а зимою—въ широкія шубы изъ козлинаго мѣха шерстью вверхъ. Стоятъ они на базарѣ преимущественно съ возами отличнаго сѣна. Тутъ же стоятъ и русскіе, съ мукой, дро-

вами и овощами. Бабы наши, какъ обыкновенно, торгуютъ и тамъ на столикахъ. Рядомъ прохаживаются китайцы, которыхъ въ зимнее время и не отличить отъ торговокъ. Въ это время года они надѣваютъ на себя одежду въ родѣ женской кофты съ широкими рукавами, изъ подъ которой выглядываетъ халатъ, точно юбка. На головѣ надѣта шапка, напоминающая женскій капоръ, изъ подъ которой выглядываетъ женоподобное лицо безбородаго и безусаго китайца. Торгуютъ они сушеными плодами, чаемъ, сахарными леденцами и разными мелочами. У китайцевъ, обыкновенно, свои вѣсы и своя мѣра въ торговлѣ.

Но особенный сибирскій товаръ появляется на базарѣ подъ осень. Въ это время года тутъ навалены кучи кедровыхъ шишекъ, избоины кедровыхъ орѣховъ. А къ зимѣ появляется дичь, пушный товаръ, рыба и проч. Зимою же продаютъ тутъ особеннымъ образомъ молоко, не въ посудѣ, а кусками, или кругами, въ замороженномъ видѣ. Кто покупаетъ цѣльный кругъ, кто откалываетъ только кусочекъ молочка. Этотъ обычай перенятъ отъ инородцевъ и отчасти зависитъ отъ суровости сибирскаго климата. Но чѣмъ только не ухитряются торговать сибиряки! На базарѣ встрѣтите вы на каждомъ шагу «шаньги», т. е. ватрушки, обмазанныя толченой черемухой; сосновую смолу для жеванья и сосновый квасъ—все это лакомства сибиряковъ, частью также перенятыя отъ инородцевъ, а частью зависящія отъ особенностей сибирской природы.

По базару разъѣзжаютъ мужчины и женщины, по восточно-сибирскому обыкновенію, верхами на лошадяхъ. Прогуляться по базару для сибиряка первое удовольствіе. Если онъ тамъ самъ ничего не покупаетъ и не продаетъ, по крайней мѣрѣ отведетъ душу — поглазѣетъ, какъ торгуютъ другіе.

Но особенная склонность сибиряковъ къ торговлѣ проглядываетъ въ страсти ихъ скитаться по ярмаркамъ. На ярмарку сибирякъ ѣдетъ иногда за тысячи верстъ, при этомъ его не устрашаетъ ни даль пути, ни бездорожица сибирская, ни глушь края. Чѣмъ край глуше, тѣмъ сибирякъ охотнѣе еще тащится туда, потому что въ глуши инородцы проще и потому торговля тамъ выгоднѣе. И въ торговлѣ этой сибирякъ совсѣмъ уже не тотъ, какимъ онъ кажется въ хлѣбопашествѣ. Дома, въ деревенскомъ хозяйствѣ, сибирякъ—настоящій увалень: любитъ понѣжиться, полѣниться. Встанетъ онъ поздно, да когда-то онъ еще соберется, когда-то умоется, а потомъ разсядется пить чай. Заваритъ онъ въ котелкѣ кирпичнаго чаю, забѣлитъ его молокомъ, и вы-

пьетъ *штукъ 6* или болѣе, деревянныхъ чашекъ,—а время все идетъ да идетъ. За сохою сибирякъ также любитъ проклажаться, перекинуться съ кѣмъ нибудь лишнимъ словцомъ, да поглазѣть по сторонамъ, такъ что во всѣхъ земледѣльческихъ работахъ онъ вѣчно опаздываетъ. Но если сибирякъ тутъ же завидитъ пушнаго звѣрька и въ это время случится у него ружье подъ руками, то вы удивитесь съ какою быстротою и ловкостью этотъ же самый сибирякъ будетъ обращаться съ ружьемъ и какъ проворно онъ сшибетъ съ ногъ быстроногаго звѣрька. Но еще проворнѣе и ловчѣе сибирякъ въ торговлѣ. Тутъ лѣни въ немъ какъ и не бывало. Для торговли онъ и нѣгу стряхиваетъ съ себя и готовъ даже терпѣть холодъ и голодъ и переносить невѣроятныя трудности.

Вообще характеръ нашихъ переселенцевъ въ восточной Сибири сильно измѣнился, отчасти вслѣдствіе особенныхъ условій тамошней природы и жизни. Мы уже видѣли, что, благодаря дикости и суровости страны, первымъ заселителямъ приходилось переносить тамъ много трудовъ или лишеній. А природа тамъ, въ особенности на сѣверѣ Сибири, осталась отчасти и теперь такою-же; только первые заселители жаловались на эту природу, а теперешніе сибиряки уже свыклись съ нею, и для нихъ, какъ говорится, все нипочемъ. Вотъ что, напр., пишетъ о сибирякахъ графъ Сперанскій, бывшій губернаторъ Восточной Сибири. «Сибирь, говоритъ онъ, есть настоящая отчизна Донъ-Кихотовъ: въ Иркутскѣ есть сотни людей, бывшихъ въ Камчаткѣ, на Алеутскихъ островахъ, и даже въ Америкѣ, съ женами ихъ и дѣтьми, и они все сіе разсказываютъ, какъ дѣла обыкновенныя». Изъ Якутска многіе купцы и теперь ѣздятъ зимою, для торговли съ инородцами, далеко на сѣверъ Сибири тысячи за двѣ верстъ, по обыкновенію, также со своими женами, верхами на лошадяхъ. По дорогѣ, за отсутствіемъ жилищъ человѣческихъ, они нерѣдко ночуютъ подъ открытымъ небомъ, на снѣгу при 30° морозахъ. Раскопаютъ снѣгъ въ чистомъ полѣ, подстелятъ войлокъ, подлѣ разведутъ костеръ, — и оба супруга преспокойно ложатся тутъ спать, одѣвшись только тѣмъ, что надѣто было на плечахъ.

Въ этой выносливости и терпѣливости, женщины не уступаютъ тамъ мужчинамъ. Характеръ женщинъ, конечно, также долженъ былъ тамъ нѣсколько измѣниться, благодаря особеннымъ условіямъ жизни. Мужья ихъ проводятъ большую часть времени въ тайгѣ, на заимкахъ, на охотѣ за звѣрями, за сборомъ орѣховъ, на пріискахъ и проч., а женамъ

приходится за это время не только справлять обыкновенныя домашнія женскія обязанности, но и браться за мужскую работу. Многія сибирячки занимаются, напримѣръ, рыбною ловлею. По р. Ленѣ мужчины почти совсѣмъ предоставили это занятіе женщинамъ. Точно также сибирячки иногда сами гоняютъ почту. Въ Сибири колесныхъ дорогъ мало, и почта идетъ большею частью по рѣкамъ на лодкахъ. Эту-то повинность и отбываютъ тамъ нерѣдко женщины. Вотъ что, напр., пишетъ о сибирячкахъ одинъ путешественникъ (Ровинскій): «При снаряженіи насъ въ путь (на р. Ангарѣ) больше хлопотали женщины, и одна женщина дѣйствовала весломъ гораздо сильнѣе и ловчѣе своего товарища, а кормчему, человѣку уже немолодому, но и не очень старому, то-и-дѣло давала наставленія, куда держать путь, какъ дѣйствовать весломъ и т. под. Это встрѣчалось намъ и послѣ». Нерѣдкость также встрѣтить въ Восточной Сибири между женщинами, даже изъ крестьянскаго сословія, привычныхъ къ верховой ѣздѣ, такъ какъ при отсутствіи дорогъ проѣздъ по тайгѣ, чрезъ горы и быстрыя рѣчки сибирскія, возможенъ бываетъ для всѣхъ, большею частью, только при этомъ способѣ переправы. Недаромъ жены купцовъ ѣздятъ вмѣстѣ съ мужьями за тысячи верстъ верхами на лошадяхъ.

Вообще, женщина въ Восточной Сибири не домосѣдка; она хотя и справляетъ тамъ многія обыкновенныя женскія работы, какъ напр., уходъ за домашнимъ скотомъ, нѣкоторыя полевыя работы, приготовленіе пищи и т. под., но на многое уже у нея и времени не хватаетъ, напр., на приготовленіе одежды. Оттого на сибирякѣ и на самой сибирячкѣ почти все купленное съ базару. При этомъ женщина сибирская пользуется въ семействѣ гораздо большимъ уваженіемъ и большею свободою, чѣмъ великорусская. Можетъ быть, поэтому тамъ рѣдко можно встрѣтить на свадьбѣ заунывныя причитанія невѣсты и еще рѣже можно увидѣть слезъ отъ нея. Бойкая сибирская дѣвушка выходитъ замужъ большею частью свободно, по собственному выбору и безъ боязни за судьбу свою.

Огромное вліяніе на измѣненіе характера русскихъ переселенцевъ въ восточной Сибири, кромѣ природы, имѣли также тѣ условія жизни, въ которыя они были поставлены тамъ съ самаго начала заселенія Сибири. Какъ мы знаемъ, наши переселенцы до сихъ поръ живутъ тамъ совмѣстно съ инородцами, — и сосѣдство это бываетъ иногда весьма близкое. Русскія деревни не только стоятъ тамъ рядомъ съ инородческими кочевьями, но часто одна и та же деревня состоитъ на полови-

ну изъ бурятъ, тунгусовъ или якутъ. При такомъ тѣсномъ сожитіи различныхъ народностей, взаимное вліяніе другъ на друга почти неизбѣжно. При этомъ не нужно забывать, что русскіе составляютъ въ восточной Сибири, правда, большинство населенія, но далеко не на столько значительное, чтобы имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ инородческимъ элементомъ. Вотъ почему въ Восточной Сибири вліяніе инородцевъ на русскихъ также могло отчасти отразиться на самихъ русскихъ.

Взаимному сближенію народностей могла помѣшать тамъ развѣ только враждебность другъ къ другу или замкнутость различныхъ племенъ. Но изъ русскихъ восточной Сибири до сихъ поръ держатъ себя особнякомъ отъ инородцевъ только «семейскіе». «Семейскіе» ни съ кѣмъ не сближаются и ни съ кѣмъ не входятъ въ особенно близкія отношенія—даже съ русскими своими сосѣдями; инородцевъ же они называютъ не иначе, какъ «тварь», и все, что имъ принадлежитъ — «тварское». Далеко не такъ смотритъ на послѣднихъ большинство русскихъ переселенцевъ. Правда, они подчасъ сильно эксплуатируютъ инородческое населеніе, но никогда не избѣгаютъ хотя бы и самыхъ близкихъ отношеній съ нимъ. Русскіе не только кортомятъ у нихъ землю, входятъ съ ними въ торговыя сношенія, принимаютъ ихъ къ себѣ въ работники, но подъ часъ и нашъ русскій охотно идетъ въ батраки къ какому нибудь зажиточному буряту.

Многіе изъ крещеныхъ инородцевъ живутъ даже въ городахъ и занимаются тамъ ремеслами, или поступаютъ въ услуженіе къ горожанамъ. Въ г. Якутскѣ, напр., всѣ кузнецы—якуты, кучера—якуты, кухарки—якутки, няньки—также якутки. Изъ грамотныхъ и обрусѣвшихъ инородцевъ нѣкоторые служатъ даже въ конторщикахъ, въ писцахъ, чиновникахъ и священникахъ. Словомъ, въ восточной Сибири встрѣтите инородца на каждомъ шагу: и въ церкви, и на рынкѣ, и въ городѣ, и въ деревнѣ, и въ семействѣ, и въ присутственномъ мѣстѣ.

При этомъ, конечно, неизбѣжно должны заключаться и браки между русскими и инородцами; подобные браки, дѣйствительно, очень часты въ восточной Сибири, почти повсемѣстно. Въ прежнее время къ этимъ бракамъ приводила, можетъ быть, сама необходимость—значительный перевѣсъ между переселенцами мужскаго населенія надъ женскимъ, такъ какъ въ отдаленную Сибирь шли большею частью люди безсемейные. Теперь же браки между русскими и крещеными инородцами совершаются уже вслѣдствіе установившагося обычая, при чемъ, конечно,

имѣетъ мѣсто и прежняя причина, такъ какъ мужское населеніе въ восточной Сибири продолжаетъ еще брать перевѣсъ надъ женскимъ между прочимъ также и вслѣдствіе наплыва ссыльно-поселенцевъ.

Эта ассимиляція русской народности съ инородческими племенами не могла, конечно, не отразиться на характерѣ переселенцевъ, нѣсколько склонныхъ къ легкомысленной, чисто внѣшней подвижности, замѣчаемой и между сибирскими инородцами, и значительно удалившихся отъ общиннаго, земледѣльческаго быта великоруссовъ.

Но всего болѣе ассимиляція народностей въ восточной Сибири отразилась на наружности переселенцевъ. Тамъ нерѣдкость встрѣтить русскаго крестьянина, одѣтаго въ зипунъ и мужицкіе сапоги, подстриженнаго въ скобку, говорящаго простонароднымъ русскимъ языкомъ, и пожалуй, по русскому обыкновенію, почесывающаго затылокъ, но съ лицомъ далеко не русскимъ: волосы на головѣ жесткіе и черные, какъ смоль; глаза также черные и прорѣзанные наискось; скулы выдавшіяся, какъ кулаки; усы рѣдкіе, торчащіе и такая же бородка; ростомъ нѣсколько меньше русскаго и слабѣе его. Точно также встрѣтите въ восточной Сибири русскую дѣвушку, одѣтую въ русское платье, повязанную по русски—платочкомъ—и съ русскимъ коромысломъ на плечахъ, но съ лицомъ, мало имѣющимъ общаго съ наружностью русской женщины: глаза черные, узкіе, какъ щелки, и прорѣзанные наискось; носъ приплюснутый, лицо круглое и широкое.

Упомянутый типъ встрѣчается, впрочемъ, или между обрусѣвшими инородцами, или же между первыми поколѣніями отъ браковъ русскихъ съ инородцами. Дальнѣйшія же поколѣнія отъ этихъ браковъ — метисы—пріобрѣтаютъ уже иной типъ, который, можно назвать среднимъ между русскимъ и инородческимъ.

Этотъ типъ замѣченъ былъ въ восточной Сибири еще въ прошломъ столѣтіи Палласомъ и нѣкоторыми другими путешественниками, — и нужно замѣтить, что всѣ одинаково находятъ метиса красивымъ и пріятнымъ на видъ. Отъ инородческаго типа остаются только черные, какъ смоль, волосы, блестящіе глаза и смугловатый цвѣтъ кожи, черты же лица метисъ пріобрѣтаетъ крупныя и правильныя; носъ часто нѣсколько согнутый, на подобіе греческаго или римскаго. Многіе видятъ въ этомъ типѣ сходство съ греческимъ, а иные даже съ итальянскимъ. Сами переселенцы называютъ русскихъ съ подобною наружностью «карымами» или «карымочками». Сибирякамъ наружность эта даже больше нравится, чѣмъ свѣтлорусые русскіе, которыхъ они называютъ, въ

отличіе отъ карымовъ, «моганными». Сибирская дѣвушка говоритъ обыкновенно: «не люблю моганаго, люблю карыма».

Вообще, между переселенцами въ восточной Сибири большею частью встрѣчаются темноволосые, съ смугловатымъ оттѣнкомъ лица и съ черными или карими глазами.

Не мало также встрѣчается между русскими переселенцами въ восточной Сибири «зобатыхъ». Зобъ — болѣзнь, свойственная многимъ горнымъ странамъ и Европы. Но, кажется, нигдѣ нѣтъ столько зобатыхъ, какъ въ восточной Сибири. Есть тамъ мѣстности, гдѣ на 100 человѣкъ приходится одинъ зобатый, какъ напр., въ Иркутской губерніи. Болѣзнь эта сильно обезображиваетъ страдающаго ею сибиряка. Зобъ охватываетъ его шею толстымъ ожерельемъ до ушей; лицо принимаетъ грязно-желтый оттѣнокъ; глаза становятся мутными; волосы безцвѣтными, безъ глянца, точно на изношенномъ парикѣ. Голова у зобатаго еле ворочается, и говоритъ онъ съ одышкой. Встрѣчаются между зобатыми и настоящіе кретины, или, какъ говорятъ сибиряки, «недоумышленные». Напримѣръ, въ Иркутской губерніи одинъ зобатый парень достигъ 26 лѣтъ, но ростомъ такъ и остался въ 1 арш. и 10 вершковъ; руки и ноги у него были какъ плети; тѣло худосочное, животъ огромный; въ бородѣ и усахъ волосъ совсѣмъ не было, и говорилъ онъ совершенно дѣтскимъ голосомъ. А одна зобатая женщина, достигнувъ 35 лѣтъ отъ роду, умѣла сказать только два слова: «папа» да «тетя». На рѣкѣ Ленѣ попадаются между зобатыми дѣтьми и такія, которыя совсѣмъ теряютъ человѣческій образъ. Но замѣчательно, что между инородцами совсѣмъ нѣтъ зобатыхъ, что до сихъ поръ еще необъяснено надлежащимъ образомъ. Да и между русскимъ городскимъ населеніемъ зобъ встрѣчается также весьма рѣдко.

Слѣды вліянія инородцевъ на русскихъ переселенцевъ замѣтны отчасти и на постройкахъ послѣднихъ. Въ «тайгѣ, на заимкахъ», или на самыхъ деревенскихъ дворахъ часто можно встрѣтить шести или осьмиугольные срубы, совсѣмъ безъ оконъ, съ одною лишь узкою дверью и съ плоскою крышею, засыпанною землею: это бурятское жилище—«юрта», обращенная нашими переселенцами въ хозяйственную пристройку.

Собственно же избы сибиряковъ приближаются скорѣе къ городской постройкѣ, чѣмъ къ русской или инородческой. Во всѣхъ сибирскихъ деревняхъ избы покрываются обыкновенно тесомъ или дранью; зажиточные крестьяне, кромѣ того, обшиваютъ тесомъ нижнюю часть избы. Въ глухихъ мѣстахъ, впрочемъ, сохранилась старинная русская по-

стройка; попадаются, напримѣръ, двухъ-этажныя избы съ высокими крылечками и со свѣтлицами наверху.

По внутреннему убранству жилище сибиряка еще болѣе напоминаетъ комнату городскаго жителя. Въ избахъ сибиряковъ часто и палатей совсѣмъ нѣтъ. Печь мала и на половину русская, на половину голландская. Между лавками и скамейками нерѣдко стоитъ стульчикъ или два. Многіе также не отдѣляютъ перегородкой часть избы передъ печкою отъ остальнаго пространства ея, какъ это дѣлаютъ великорусскіе крестьяне.

Вообще, сибиряки внесли въ свою домашнюю жизнь много городскихъ обычаевъ, что зависѣло отчасти отъ характера предковъ ихъ — первыхъ заселителей Сибири, людей по большей части торговыхъ или промышленныхъ. Большое вліяніе на это имѣло также нѣкоторое ослабленіе связи между сибиряками и русскою народностью, происшедшее, какъ вслѣдствіе отдаленности Восточной Сибири отъ Великороссіи такъ и вслѣдствіе совершающейся ассимиляціи переселенцевъ съ инородческими племенами. Отрѣшившись въ своей домашней жизни отъ многихъ завѣтныхъ русскихъ обычаевъ и отказавшись отъ стариннаго общиннаго быта великорусскихъ крестьянъ, сибиряки взамѣнъ того пріобрѣли нѣкоторую склонность къ переимчивости и къ усвоенію эффектныхъ, чисто внѣшнихъ сторонъ городской жизни. Живой, подвижный и смѣтливый сибирякъ постоянно заботится, какъ бы ему устроиться получше, да покрасивѣе, какъ онъ видѣлъ это въ городѣ, въ купеческомъ, или чиновничьемъ домѣ. Многіе зажиточные сибирскіе крестьяне и живутъ совершенно по городски. Вотъ что писалъ о нихъ путешественникъ Мартосъ: «Въ Черемховѣ (село Иркутской губерніи) мы простояли нѣсколько часовъ въ одномъ крестьянскомъ домѣ, который, по своему убранству, чистотѣ, красивымъ разостланнымъ коврамъ, можетъ быть предпочтенъ многимъ помѣщичьимъ усадьбамъ». А въ другомъ селѣ (Мальтѣ), въ крестьянскомъ же домѣ «внутренняя чистота жилья могла спорить съ образомъ жизни голландцевъ. Стѣны комнаты украшены гравированными портретами нашихъ отличнѣйшихъ генераловъ; но удивленіе мое превысилось, когда здѣсь, въ домѣ, крестьянина, увидѣлъ я изрядную фламандскую картину. Сибиряки, подумалъ я, знаютъ жить лучше и пріятнѣе русскихъ». Большинство изъ нихъ, конечно, побѣднѣе и живутъ попроще. Но и самый бѣдный сибирскій крестьянинъ наровитъ также устроиться на городской манеръ. Иному поѣсть нечего, а онъ все-таки непремѣнно вымоетъ полъ въ избѣ, хотя разъ въ не-

дѣлю, и разстелетъ на немъ половики («полозы»). У инаго посуды на кутникѣ совсѣмъ не видать, значитъ, постряпать не въ чѣмъ, —а ужъ самоварчикъ непремѣнно блеститъ на окнѣ; тутъ же стоитъ и нѣсколько чайныхъ чашекъ съ блюдечками, а то такъ горшечка два или три съ цвѣтами.

Точно также любятъ сибиряки хотя изрѣдка и немного, но послаще поѣсть. Сибирячки же великія мастерицы въ приготовленіи разныхъ *пельменей, пряженцевъ, шаньги* и т. п. лакомыхъ кушаній сибиряка. Самую же любимую пищу ихъ составляетъ «омуль»—байкальскій сельдь, приготовляемый подъ часъ не лучше нашей астраханской «бѣшенки». Омуль, какъ и многая другая рыбная пища сибиряковъ, перенята ими, главнымъ образомъ, кажется, отъ прибайкальскихъ инородцевъ.

Нѣкоторый внѣшній лоскъ, замѣчаемый въ домашнемъ быту сибиряковъ, Мартосъ хочетъ объяснить отчасти тѣмъ, что они составляютъ будто бы «очищенное поколѣніе утонченныхъ предковъ», т. е. геніальныхъ преступниковъ, ссылавшихся въ Сибирь на поселеніе. Но извѣстно, что сибиряки хотя и благосклонно смотрятъ не только на ссыльно-поселенцевъ, но даже и на бѣглыхъ каторжниковъ, называя ихъ просто «гульными» или «прохожими» и только въ гнѣвѣ давая имъ бранный эпитетъ: «варнакъ» или «варначка», но въ близкія отношенія съ ними они никогда не входили. Браки между сибиряками и ссыльно-поселенцами заключались весьма рѣдко, не смотря даже на поощреніе къ этому со стороны сибирской администраціи; во всякомъ случаѣ, такіе браки заключались тамъ гораздо рѣже, чѣмъ браки между русскими переселенцами и инородцами. Такимъ образомъ, едва ли можно объяснять стремленіе сибиряковъ къ переимчивости и нѣкоторому внѣшнему лоску даровитостью ихъ предковъ. Причины эти отчасти указаны были выше.

Одежда сибиряковъ также напоминаетъ городскую и отчасти слѣдуетъ даже за модой. Сибирякъ-крестьянинъ или носитъ мѣщанскую одежду, или же надѣваетъ картузъ, пальто, жилетку и т. под. Многіе изъ переселенцовъ носятъ также нѣкоторую инородческую одежду, напр., *«даху*—широкую длинную шубу изъ оленьей или козлиной шкуры, шерстью вверхъ; *«ергачъ»* —короткій кафтанъ изъ козлиной же шкуры, но съ вытертою или облѣзлою шерстью; на ногахъ *«унты»*—мягкіе сапоги изъ той же шкуры и съ такою же подошвою.

А на голову сибирякъ иной разъ надѣваетъ бурятскую войлочную шляпу, съ заостреннымъ верхомъ и съ загнутыми кверху полями.

Женщины же сибирскія почти всѣ одѣваются по городски. Носятъ онѣ платья и пальто, на ногахъ—башмаки, на головѣ—платочекъ. Многія зажиточныя крестьянки одѣваются даже совсѣмъ по модѣ: въ шляпки, въ бурнусы со стеклярусомъ, въ модныя платья, и ходятъ въ башмакахъ съ высокими каблучками.

Внѣшность сибиряковъ также напоминаетъ горожанъ. Почти всѣ они брѣютъ бороды; иной сбрѣетъ и усы, а оставитъ только клочки волосъ на щекахъ, такъ что походитъ скорѣе на нѣмца или чухонца, чѣмъ на русскаго крестьянина. Если попадутся въ Иркутскѣ нѣсколько крестьянъ съ широкими русскими бородами, то это навѣрное «малолѣтки», такъ называютъ сибиряки новыхъ переселенцевъ изъ Россіи. Но чрезъ нѣсколько поколѣній, внуки и правнуки этихъ переселенцевъ также сбрѣютъ свои бороды, или, такъ говорятъ сибиряки, «обнатурятся», т. е. переймутъ всѣ обычаи коренныхъ жителей Сибири.

Рѣчь восточныхъ сибиряковъ, точно такъ же, какъ и западныхъ, *русско-новогородская*, т. е. говорятъ они на *о*, напр: *пошолъ*, *хорошо*, *городской* и проч. Но на языкѣ восточно-сибирскихъ крестьянъ замѣтно также отразилось вліяніе отчасти городской рѣчи, а отчасти инородческой. Сибирякъ любитъ, напр:, ставить въ разговръ какое нибудь иностранное словцо, которое онъ слышалъ отъ чиновника, или отъ служащаго на пріискѣ въ родѣ слѣдующихъ словъ: провіантъ, резиденція, резонъ, и т. под. Точно также вставитъ онъ въ разговоръ какое нибудь инородческое словечко, въ родѣ слѣдующихъ: «дабанъ»—гора, «яманъ»—козелъ. «водорень»—и подавно, и проч.; такъ что сразу и въ толкъ не возьмешъ иной фразы сибиряка.

При этомъ выговоръ нѣкоторыхъ русскихъ словъ сибиряки какъ бы запамятовали и произносятъ ихъ какъ говорится, совсѣмъ на изворотъ. Мы, напримѣръ, говоромъ ручѐй, чàйный, рỳку, нòгу, семѐйство; а сибиряки произносятъ: семействò, рукỳ, ногỳ, рỳчей, чайнòй и проч. Точно также во многихъ словахъ звукъ е они передѣлываютъ въ ё, и наоборотъ; напримѣръ, говорятъ: содёржитъ, четвёро, осённяя ночь, бёздна, лёдникъ и проч.; а тѣ слова, въ которыхъ мы употребляемъ звукъ ё они выговариваютъ черезъ е, напримѣръ: зелѐный лѣсъ, тѐмныя ночи, дѐшево, казѐнка.

Употребляютъ сибиряки въ своей рѣчи много словъ и собственнаго изобрѣтенія, какъ-то: «гольцы̀»—каменныя вершины горъ, «бѣлкѝ»—снѣж-

ныя горныя вершины; «сопка» —отдѣльно стоящая гора; «хіузъ»—тихій вѣтерокъ; «пурга»—снѣжная мятель, и многія другія слова.

При взаимномъ сближеніи въ восточной Сибири сельскаго населенія и городскаго, вышеупомянутою рѣчью одинаково говорятъ тамъ какъ крестьяне, такъ и горожане.

Вообще, сибирскіе крестьяне не сторонятся ни городскихъ жителей, ни инородцевъ, ни даже иностранцевъ. Восточную Сибирь, какъ страну необыкновенную по ея природѣ, часто посѣщаютъ иностранные ученые и живутъ между сибиряками иногда года по два или по три. И сибирскій крестьянинъ никогда не удивится, если увидитъ такого человѣка гдѣ нибудь въ полѣ, или въ тайгѣ, одиноко собирающаго тамъ какіе нибудь камешки или насѣкомыхъ, или если придетъ такой ученый на свадьбу къ нему съ записною книжкою. Сибирякъ еще самъ раскажетъ-ему обрядъ, или пропоетъ пѣсню. Случалось даже, что онъ приходитъ послѣ этого нарочно на домъ къ ученому, чтобы сказать только: «запиши, молъ, такое-то слово, или такую-то пѣсню, ночесь мнѣ въ голову не пришло.» Любознательность, возбужденная необычайною природою Сибири еще въ первыхъ заселителяхъ ея, конечно, не изгладилась, и въ нынѣшнихъ сибирякахъ, такъ что совершенно понятно вышеупомянутое отношеніе ихъ къ ученымъ, о многихъ изъ которыхъ у нихъ успѣли сложиться даже преданія.

Между сибиряками также нельзя иногда отъискать слѣдовъ нѣкоторыхъ повѣрій и предразсудковъ русскихъ крестьянъ. Они какъ будто совсѣмъ запамятовали ихъ. За то сибирскій крестьянинъ охотно обращается къ бурятскимъ «шаманамъ», чтобы заговорить болѣзнь, или за предсказаніемъ успѣха въ дѣлахъ. Въ горахъ, на особенно опасныхъ дорогахъ, русскіе часто ставятъ часовни; тутъ же, рядомъ стоитъ обыкновенно и бурятскій жертвенникъ съ языческимъ идоломъ. Благополучно совершивъ черезъ горы опасный путь, сибиряки заходятъ въ часовню, молятся иконамъ и ставятъ къ нимъ свѣчи, или опускаютъ монеты въ кружки; затѣмъ идутъ къ бурятскому жертвеннику и непремѣнно бросятъ хотя камышекъ и бурятскому богу. Такихъ примѣровъ нѣкотораго уваженія сибиряковъ къ инородческимъ вѣрованіямъ—множество.

Въ своей семейной жизни сибиряки продолжаютъ еще держаться русскихъ обрядовъ и обычаевъ. Напримѣръ, свадьбы справляютъ по русскимъ обрядамъ, по русскому же обычаю устраиваютъ зимою «посидѣлки, вечерки» и проч. Но при этомъ веселятся иной разъ на городской манеръ. Напримѣръ, сибиряки не прочь отъ танцевъ. Для этого у нихъ

существуетъ особый родъ пляски, называемый «восьмеркою», напоминающею отчасти французскую кадриль. Въ «восьмеркѣ» мужщины и женщины становятся въ четыре пары, другъ противъ друга, причемъ каждый можетъ выкидывать коленца своего собственнаго изобрѣтенья. Эту «восьмерку» танцуютъ во всѣхъ деревняхъ В. Сибири, отъ Иркутска до Охотскаго моря.

Русскіе народныя пѣсни сибиряки также отчасти перезабыли, а отчасти переиначали. Напримѣръ, въ Иркутскѣ можно иногда услышать такую пѣсню:

Вдоль да по рѣчкѣ, по широкой,
Внизъ по Волгѣ, по большой рѣкѣ и т д.

Это вмѣсто: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!»

За то сибирякъ твердо знаетъ нѣсколько пѣсенъ городскихъ, сочиненныхъ, дворянскихъ, въ которыхъ поется про любовь, про женщинъ и проч.

Послѣ всего сказаннаго, остается замѣтить, что изображенный нами типъ русскаго переселенца въ восточной Сибири, конечно, далеко неповсемѣстно распространенъ тамъ. Такъ, по окраинамъ восточной Сибири встрѣчаются случаи почти полнаго смѣшенія русскихъ съ инородцами. Напримѣръ, на крайнемъ Сѣверѣ Сибири переселенцы наши почти совсѣмъ обостячились; на югѣ—въ Забайкальскомъ краѣ, многіе изъ русскихъ казаковъ омонголились. Но это болѣе или менѣе частные случаи, не имѣющіе общаго значенія въ выработкѣ новаго областнаго сибирскаго типа. Вышеописанный же типъ сибиряка, во всякомъ случаѣ, представляется господствующимъ въ восточной Сибири.

Но и объ этомъ послѣднемъ сказать рѣшительнаго слова также пока еще нельзя, ибо и онъ далеко еще не есть окончательно установившійся типъ.

II.

Характеръ Лены и ея береговъ.—Верхоленскъ.—Киренскъ.—Олекминскъ.—Якутскъ и якуты.

Въ 326 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, лежитъ мѣстечко Качугъ, откуда сплавляются всѣ товары и казенныя тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Ленѣ.

Лена протекаетъ, какъ извѣстно, болѣе 4000 верстъ; въ нее впадаетъ множество большихъ и малыхъ рѣкъ, по которымъ селятся и кочуютъ племена первоначальныхъ сибирскихъ народовъ. Въ неизмѣримыхъ болотистыхъ степяхъ они служатъ имъ пристанищемъ для зимнихъ жилищъ; лѣтомъ, по берегамъ ихъ занимаются они звѣриной ловлей и охотой. Зиму и лѣто они ловятъ въ нихъ рыбу для собственной потребности и продажи.

Лена, одна изъ величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, въ путешествіи по Сибири заслуживаетъ особеннаго вниманія. На огромномъ протяженіи, протекаемомъ ею, она представляетъ самое великолѣпное и величественное зрѣлище. Сначала она течетъ быстро, между тѣсными, возвышенными но мало живописными берегами. Далѣе ширина ея увеличивается: берега не возвышенные представляютъ картины живописныя и не столь мрачныя, какъ при началѣ; вода течетъ гораздо тише, огибая острова, покрытые деревьями и украшенные природой. На каждомъ поворотѣ или колѣнѣ рѣки взорамъ представляются новые виды, новые картины. Природа такъ величественна, что бѣдныя хижины береговыхъ жителей кажутся красивыми деревнями. Но вездѣ безлюдіе, вездѣ пустыня. Рѣдко встрѣчаются люди или даже слѣды населенія. Какъ на всѣхъ рѣкахъ одинаковой съ Леной величины, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега отдалены

одинъ отъ другаго, теченіе ея гораздо тише. Плаваніе по ней требуетъ опыта и не всегда безопасно.

Мангазейскіе или Туруханскіе казаки первые открыли берега Лены въ 1607-мъ году. Енисейскіе по слѣдамъ ихъ проникли только 20 лѣтъ спустя въ эту страну, сражались съ якутами и первые собрали съ нихъ дань звѣриными шкурами. Въ 1631 году тѣ же казаки, подъ начальствомъ Мартына Васильева, основали Верхоленскъ и построили на этомъ мѣстѣ Братскій острогъ; 25 человѣкъ изъ нихъ защищались въ немъ отъ нападенія бурятъ, отразили ихъ и наконецъ покорили своей власти. Какъ всѣмъ острогамъ того времени, Верхоленску служила защитой бревенчатая ограда изъ частокола, съ башнями, по угламъ ея; изъ всего зданія остались одни ворота, обращенныя теперь въ колокольню.

Жители береговъ Лены живутъ въ избахъ, большею частію курныхъ, и вмѣсто стекла употребляютъ для оконъ слюду; далѣе на сѣверъ, она замѣняется ледяными пластинами; ибо стекло, пузыри и даже слюда не выдерживаютъ тѣхъ сильныхъ морозовъ, которые постоянно продолжаются цѣлую зиму.

Скотоводствомъ они занимаются съ успѣхомъ, звѣриною ловлею тоже; рыбною же только для собственнаго употребленія. Прочія отрасли промышленности вовсе не существуютъ, и не только далѣе, но даже и здѣсь, малочисленность населенія, огромныя растоянія и суровость климата будутъ всегда служить преградой всякому торговому предпріятію.

Городъ Киренскъ есть не иное что, какъ довольно жалкая деревня; жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшею капустою, картофелемъ, рѣпою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакоже въ иные годы, при наступленіи раннихъ морозовъ, неслишкомъ удаются.

Около 250 верстъ ниже Киренска, Лена, при глубинѣ въ 12 саженъ, протѣсняется между скалъ, отвѣсно поднимающихся на 80 саженъ. Это мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣлъ разъ сто или болѣе, и притомъ столь усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышишь продолжительный бѣглый огонь, даже пушечную пальбу.

По близости Щекъ торчитъ изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, назвали *Пьянымъ Быкомъ*, потому что когда-то, въ началѣ

ихъ радости, разбилось объ него судно съ водкою, при чемъ они, разумѣется, пожившились частію дорогаго груза. Затѣмъ лежитъ устье Витима, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюдѣ, а еще болѣе по превосходнымъ соболямъ, которые, послѣ Олекминскихъ, считаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще, лѣса на правомъ берегу Лены изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу они попадаютъ рѣже и мѣха ихъ цѣнятся не такъ высоко. Естественной причины этому слѣдуетъ искать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами Яблоннаго и Станового хребта, въ которые не проникали самые отважные промышленники; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, слѣдовательно, для нихъ доступнѣе.

Далѣе слѣдуетъ городъ Олекминскъ, соболи котораго почитаются лучшими въ Сибири; иной превосходной соболь продается по 50, по 100 руб. и дороже. Здѣшніе бѣличьи мѣха, отличающіеся весьма густымъ, длиннымъ и темно-сѣрымъ волосомъ, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорогимъ цѣнамъ. Потому Олекминскъ важный городъ въ торговлѣ пушными товарами; онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири пограничную черту земледѣлія, за которою, далѣе къ сѣверу, оно прекращается; да и здѣсь, впрочемъ, оно не всегда бываетъ успѣшно; часто ранніе морозы уничтожаютъ надежды земледѣльца. Сѣютъ почти исключительно озимую рожь. Далѣе земледѣліе уже совершенно исчезаетъ.

У жителей береговъ Лены во многихъ мѣстахъ замѣтны зобы огромной величины. Русское нарѣчіе почти не измѣнилось, и во многихъ мѣстахъ потомки переселенцевъ говорятъ довольно чистымъ великороссійскимъ языкомъ.

Одежда ихъ состоитъ изъ суконныхъ армяковъ разнаго покроя, или тунгузскаго кожанаго кафтана (называемаго камлейкою); зимою сверхъ домашняго платья они носятъ шубу, шерстью наружу; подпоясываются ремнемъ, за которымъ носятъ ножъ и топоръ; на ногахъ коты съ полосатыми шерстяными чулками. Зимой на головѣ шапка, лѣтомъ волосяная сѣтка, которую спускаютъ на лицо отъ мошекъ и комаровъ.

Дома здѣсь бревенчатые, крытые деревомъ; при каждомъ домѣ огородъ. Земледѣліе, не смотря на усилія, водворяется неуспѣшно и потому очень ограниченно.

Инеи, выпадающіе во второй половинѣ іюля уничтожаютъ посѣвы и служатъ главнымъ препятствіемъ къ постояннному занятію

хлѣбопашествомъ. Хлѣбъ покупается на баркахъ, плывущихъ изъ Иркутска въ Якутскъ. Медвѣди и волки препятствуютъ разведенію скотоводства въ большомъ объемѣ. Водяныхъ домашнихъ птицъ жители вовсе не имѣютъ, потому что собаки ихъ истребляютъ.

Ниже Олекмы замѣтно измѣненіе во всей природѣ: берега, рѣки представляютъ мѣстность плоскую, степную, безлюдную; слѣды земледѣлія вовсе изчезаютъ. Жителямъ остается для промысла скотоводство и рыбная ловля. Они изнурены трудами и голодомъ. Верстъ за 50 отъ Якутска, въ селеніяхъ живутъ уже большею частію якуты. Въ нихъ слѣды суровости климата и недостатка въ пищѣ менѣе замѣтны; ибо, по природному свойству, они болѣе способны переносить такой родъ жизни.

Въ 2500 верстахъ отъ Качуга, начальнаго пункта судоходства по Ленѣ, лежитъ главный городъ Якутской области—Якутскъ.

Съ окрестныхъ горъ онъ виднѣется за цѣлыхъ 25 верстъ и представляется городомъ большимъ и довольно красивымъ. Поодаль отъ городскаго собора, съ сѣверо-западной стороны, стоятъ порознь пять огромныхъ старинныхъ деревянныхъ башень. Городъ носитъ на себѣ печать холоднаго и негостепріимнаго сѣвера. Между европейскими постройками виднѣются юрты арктическихъ кочевниковъ, со стѣнами изъ навоза, земляными крышами и дверями изъ шкуръ. Это печальное мѣстечко, имѣющее около 5000 жителей, есть центръ внутренней сибирской торговли и распространяетъ свою торговую дѣятельность на огромное пространство. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ Ледовитаго моря до Олекминскихъ горъ. Изъ Алдана и Удска, даже изъ Охотска и Камчатки, изъ за многихъ тысячъ верстъ сюда стекается пушной товаръ, моржевые клыки, мамонтовая кость, и все это продается и промѣнивается въ теченіе лѣта. Якутскіе купцы совершаютъ громадныя путешествія съ торговою цѣлью. Они первые на своихъ плохихъ судахъ отважились плавать по Берингову проливу и первые проникли до острова Кадьяка, отстоящаго на 80° долготы отъ ихъ родины. Можно сказать, что если бы на сѣверномъ полюсѣ было что нибудь выгодное, то якутскіе купцы уже давно сдѣлали бы это открытіе.

Значительная часть Якутска расположена на влажной почвѣ которая, впрочемъ, годъ отъ году болѣе заваливается и осушается. Однакоже, и доселѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лѣтомъ, даже на большой Иркутской улицѣ, земля подъ ногами очень примѣтно зыблется, но не проваливается, а за городомъ попадаются мѣстами глубокія топи.

Между тѣмъ ключей подземныхъ и колодцевъ вовсе нѣтъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, потому что земля въ Якутской равнинѣ оттаиваетъ только на аршинъ сверху, а глубже даже въ самые сильные іюльскіе жары остается мерзлою. Всѣ усилія жителей вырыть колодцы или докопаться до воды остаются тщетными: вездѣ оказывается мерзлая земля, состоящая, впрочемъ, изъ разнообразныхъ наносныхъ слоевъ или пластовъ.

При многихъ домахъ въ Якутскѣ есть огороды для овощей и отчасти садики, въ которыхъ разводятся кусты смородинные, березки, ивы, лиственница и шиповникъ. Огородныя овощи растутъ плохія на обыкновенномъ грунтѣ, смѣшанномъ съ солончакомъ, и хотя привозимый изъ другихъ мѣстъ черноземъ весьма способенъ къ произращенію овощей и нѣкоторыхъ сѣмянъ, но климатъ не благопріятствуетъ плодородію. Даже картофель и капуста вызрѣваютъ не всегда и, во всякомъ случаѣ, родятся мелки, по причинѣ раннихъ и сильныхъ холодовъ по ночамъ.

Въ первой половинѣ іюля, послѣ сильныхъ дневныхъ жаровъ, ночью бываютъ въ Якутскѣ очень холодныя росы, а во второй половинѣ — инеи. Жители отъ быстраго измѣненія тепла въ сырой холодъ, часто дѣлаются больными, и очень многіе, ходящіе послѣ жаркаго дня по холодной росѣ, получаютъ ревматизмъ въ ногахъ. Даже голая земля нагрѣтая дневнымъ жаромъ, при наступленіи ночи, чрезвычайно скоро охлаждается, потому что, какъ уже замѣчено, она всегда остается мерзлою на аршинной глубинѣ. Въ окрестностяхъ Якутска мѣстами сѣется ячмень и ростетъ очень хорошо, но рѣдко созрѣваетъ. Послѣ іюльскихъ жаровъ, каждый почти годъ вдругъ наступаетъ продолжительная холодная и ненастная погода, такъ что въ первыхъ числахъ августа, особенно ночью, такъ же холодно, какъ въ умѣренной полосѣ Россіи подъ исходъ сентября. Съ 15-го августа травы и цвѣты совершенно увядаютъ, и древесные листья отъ сильныхъ инеевъ очень скоро желтѣютъ и падаютъ.

При умѣренныхъ холодахъ, воздухъ въ Якутскѣ бываетъ легкій и здоровый; но съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, соединенныхъ всегда съ какою-то пронзительною сыростью и ледяною пылью, особенно при испареніяхъ отъ жилищъ, воздухъ для русскихъ становится вреденъ и тяжелъ. Хотя въ домахъ, большею частію плотно построенныхъ и усердно отопляемыхъ, вообще говоря, очень тепло, но при выходѣ изъ тепла на морозъ болѣе 40° всегда ощутительно бываетъ тягостное и удушливое вліяніе пронзительно-холоднаго густаго воздуха, не смотря ни на какія теплыя одежды. Самые жестокіе морозы въ Якутскѣ начи-

наются съ первыхъ чиселъ ноября и потомъ увеличиваются до января, а съ этого времени, уменьшаясь, продолжаются до половины февраля, въ иной же годъ и далѣе. Въ декабрѣ мѣсяцѣ и нерѣдко и въ январѣ, морозы доходятъ до 48 и даже до 50° по Реомюру. Тогда даже вороны, единственные изъ пернатыхъ, остающіеся въ Якутскѣ на зиму, замерзаютъ. А жители, особенно якуты, борются со стужею искусственнымъ теплотою и—главное—терпѣніемъ. Во время ужасныхъ морозовъ разстилается густѣйшій туманъ и слышится въ немъ какой то-глухой шумъ безъ вѣтра. Въ деревянныхъ зданіяхъ и кровляхъ раздается отъ мороза громкое хлопанье на подобіе выстрѣловъ.

Во второй половинѣ февраля и въ первой марта, въ Якутскѣ бываютъ мятели (по туземному пурги), и выпадаетъ очень много снѣгу. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля стоитъ большею частію умѣренная и ясная погода.

Около 15 мая, якутская равнина освобождается отъ снѣговъ, но на верху хребтовъ близъ города остаются еще небольшія снѣжныя полосы. Ледъ на Ленѣ вскрывается всегда почти послѣ 15 мая. Самое пріятное время въ Якутскѣ—мѣсяцъ іюнь, когда и ночи бываютъ теплыя, короткія и свѣтлыя, въ которыя можно свободно читать, а по нуждѣ и писать. Въ іюлѣ появляется уже множество комаровъ, препятствующихъ гулять; сверхъ того, въ концѣ іюня и въ іюлѣ почти всегда бываетъ днемъ удушливый жаръ, очень рѣдко освѣжаемый вѣтрами и значительными грозами. Послѣ дневнаго жара, ночью постоянно бываетъ очень холодная роса, которая во второй половинѣ іюля часто уже превращается въ иней.

Область, которой Якутскъ служитъ главнымъ административнымъ центромъ, имѣетъ 71,358 квадратныхъ миль или 3.452,656 квадратныхъ верстъ. На такое громадное пространство Якутской области приходится всего 221,977 душъ населенія, изъ числа которыхъ 111,198 мужскаго пола, 112,779 женскаго. Жители области состоятъ изъ русскихъ якутовъ.

Русскіе жители Якутска происходятъ отъ переселенцевъ, выходцихъ сюда въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, преимущественно изъ Вологодской и частію изъ Новогородской и Архангельской губерній. Господствующее здѣсь нарѣчіе вологодское, и многіе жители имѣютъ однофамильцевъ и даже родственниковъ въ вологодскомъ краѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь много Поповыхъ во всѣхъ сословіяхъ, также немало Виноградовыхъ и Виноградовыхъ. Многіе жители якутскіе празднуютъ

отличіе отъ карымовъ, «могаными». Сибирская дѣвушка говоритъ обыкновенно: «не люблю моганаго, люблю карыма».

Вообще, между переселенцами въ восточной Сибири большею частью встрѣчаются темноволосые, съ смугловатымъ оттѣнкомъ лица и съ черными или карими глазами.

Не мало также встрѣчается между русскими переселенцами въ восточной Сибири «зобатыхъ». Зобъ — болѣзнь, свойственная многимъ горнымъ странамъ и Европы. Но, кажется, нигдѣ нѣтъ столько зобатыхъ, какъ въ восточной Сибири. Есть тамъ мѣстности, гдѣ на 100 человѣкъ приходится одинъ зобатый, какъ напр., въ Иркутской губерніи. Болѣзнь эта сильно обезображиваетъ страдающаго ею сибиряка. Зобъ охватываетъ его шею толстымъ ожерельемъ до ушей; лицо принимаетъ грязно-желтый оттѣнокъ; глаза становятся мутными; волосы безцвѣтными, безъ глянца, точно на изношенномъ парикѣ. Голова у зобатаго еле ворочается, и говоритъ онъ съ одышкой. Встрѣчаются между зобатыми и настоящіе кретины, или, какъ говорятъ сибиряки, «недоумышленные». Напримѣръ, въ Иркутской губерніи одинъ зобатый парень достигъ 26 лѣтъ, но ростомъ такъ и остался въ 1 арш. и 10 вершковъ: руки и ноги у него были какъ плети; тѣло худосочное, животъ огромный; въ бородѣ и усахъ волосъ совсѣмъ не было, и говорилъ онъ совершенно дѣтскимъ голосомъ. А одна зобатая женщина, достигнувъ 35 лѣтъ отъ роду, умѣла сказать только два слова: «папа» да «тетя». На рѣкѣ Ленѣ попадаются между зобатыми дѣтьми и такія, которыя совсѣмъ теряютъ человѣческій образъ. Но замѣчательно, что между инородцами совсѣмъ нѣтъ зобатыхъ, что до сихъ поръ еще необъяснено надлежащимъ образомъ. Да и между русскимъ городскимъ населеніемъ зобъ встрѣчается также весьма рѣдко.

Слѣды вліянія инородцевъ на русскихъ переселенцевъ замѣтны отчасти и на постройкахъ послѣднихъ. Въ «тайгѣ, на заимкахъ», или на самыхъ деревенскихъ дворахъ часто можно встрѣтить шести или осьмиугольные срубы, совсѣмъ безъ оконъ, съ одною лишь узкою дверью и съ плоскою крышею, засыпанною землею: это бурятское жилище—«юрта», обращенная нашими переселенцами въ хозяйственную пристройку.

Собственно же избы сибиряковъ приближаются скорѣе къ городской постройкѣ, чѣмъ къ русской или инородческой. Во всѣхъ сибирскихъ деревняхъ избы покрываются обыкновенно тесомъ или дранью; зажиточные крестьяне, кромѣ того, обшиваютъ тесомъ нижнюю часть избы. Въ глухихъ мѣстахъ, впрочемъ, сохранилась старинная русская по-

стройка; попадаются, напримѣръ, двухъ-этажныя избы съ высокими крылечками и со свѣтлицами наверху.

По внутреннему убранству жилище сибиряка еще болѣе напоминаетъ комнату городскаго жителя. Въ избахъ сибиряковъ часто и палатей совсѣмъ нѣтъ. Печь мала и на половину русская, на половину голландская. Между лавками и скамейками нерѣдко стоитъ стульчикъ или два. Многіе также не отдѣляютъ перегородкой часть избы передъ печкою отъ остальнаго пространства ея, какъ это дѣлаютъ великорусскіе крестьяне.

Вообще, сибиряки внесли въ свою домашнюю жизнь много городскихъ обычаевъ, что зависѣло отчасти отъ характера предковъ ихъ — первыхъ заселителей Сибири, людей по большей части торговыхъ или промышленныхъ. Большое вліяніе на это имѣло также нѣкоторое ослабленіе связи между сибиряками и русскою народностью, происшедшее, какъ вслѣдствіе отдаленности Восточной Сибири отъ Великороссіи такъ и вслѣдствіе совершающейся ассимиляціи переселенцевъ съ инородческими племенами. Отрѣшившись въ своей домашней жизни отъ многихъ завѣтныхъ русскихъ обычаевъ и отказавшись отъ старинаго общиннаго быта великорусскихъ крестьянъ, сибиряки взамѣнъ того пріобрѣли нѣкоторую склонность къ переимчивости и къ усвоенію эффектныхъ, чисто внѣшнихъ сторонъ городской жизни. Живой, подвижный и смѣтливый сибирякъ постоянно заботится, какъ бы ему устроиться получше, да покрасивѣе, какъ онъ видѣлъ это въ городѣ, въ купеческомъ, или чиновничьемъ домѣ. Многіе зажиточные сибирскіе крестьяне и живутъ совершенно по городски. Вотъ что писалъ о нихъ путешественникъ Мартосъ: «Въ Черемховѣ (село Иркутской губерніи) мы простояли нѣсколько часовъ въ одномъ крестьянскомъ домѣ, который, по своему убранству, чистотѣ, красивымъ разостланнымъ коврамъ, можетъ быть предпочтенъ многимъ помѣщичьимъ усадьбамъ». А въ другомъ селѣ (Мальтѣ), въ крестьянскомъ же домѣ «внутренняя чистота жилья могла спорить съ образомъ жизни голландцевъ. Стѣны комнаты украшены гравированными портретами нашихъ отличнѣйшихъ генераловъ; но удивленіе мое превысилось, когда здѣсь, въ домѣ, крестьянина, увидѣлъ я изрядную фламандскую картину. Сибиряки, подумалъ я, знаютъ жить лучше и пріятнѣе русскихъ». Большинство изъ нихъ, конечно, побѣднѣе и живутъ попроще. Но и самый бѣдный сибирскій крестьянинъ наровитъ также устроиться на городской манеръ. Иному поѣсть нечего, а онъ все-таки непремѣнно вымоетъ полъ въ избѣ, хотя разъ въ не-

дѣлю, и разстелетъ на немъ половики («полозы»). У инаго посуды на кутникѣ совсѣмъ не видать, значитъ, постряпать не въ чѣмъ, —а ужъ самоварчикъ непремѣнно блеститъ на окнѣ; тутъ же стоитъ и нѣсколько чайныхъ чашекъ съ блюдечками, а то такъ горшечка два или три съ цвѣтами.

Точно также любятъ сибиряки хотя изрѣдка и немного, но послаще поѣсть. Сибирячки же великія мастерицы въ приготовленіи разныхъ *пельменей, пряженцевъ, шаньги* и т. п. лакомыхъ кушаній сибиряка. Самую же любимую пищу ихъ составляетъ «омуль»—байкальскій сельдь, приготовляемый подъ часъ не лучше нашей астраханской «бѣшенки». Омуль, какъ и многая другая рыбная пища сибиряковъ, перенята ими, главнымъ образомъ, кажется, отъ прибайкальскихъ инородцевъ.

Нѣкоторый внѣшній лоскъ, замѣчаемый въ домашнемъ быту сибиряковъ, Мартосъ хочетъ объяснить отчасти тѣмъ, что они составляютъ будто бы «очищенное поколѣніе утонченныхъ предковъ», т. е. геніальныхъ преступниковъ, ссылавшихся въ Сибирь на поселеніе. Но извѣстно, что сибиряки хотя и благосклонно смотрятъ не только на ссыльно-поселенцевъ, но даже и на бѣглыхъ каторжниковъ, называя ихъ просто «гульными» или «прохожими» и только въ гнѣвѣ давая имъ бранный эпитетъ: «варнакъ» или «варначка», но въ близкія отношенія съ ними они никогда не входили. Браки между сибиряками и ссыльно-поселенцами заключались весьма рѣдко, не смотря даже на поощреніе къ этому со стороны сибирской администраціи; во всякомъ случаѣ, такіе браки заключались тамъ гораздо рѣже, чѣмъ браки между русскими переселенцами и инородцами. Такимъ образомъ, едва ли можно объяснять стремленіе сибиряковъ къ переимчивости и нѣкоторому внѣшнему лоску даровитостью ихъ предковъ. Причины эти отчасти указаны были выше.

Одежда сибиряковъ также напоминаетъ городскую и отчасти слѣдуетъ даже за модой. Сибирякъ-крестьянинъ или носитъ мѣщанскую одежду, или же надѣваетъ картузъ, пальто, жилетку и т. под. Многіе изъ переселенцовъ носятъ также нѣкоторую инородческую одежду, напр., «*даху*—широкую длинную шубу изъ оленьей или козлиной шкуры, шерстью вверхъ; «*ергачъ*» —короткій кафтанъ изъ козлиной же шкуры, но съ вытертою или облѣзлою шерстью; на ногахъ «*унты*» —мягкіе сапоги изъ той же шкуры и съ такою же подошвою.

А на голову сибирякъ иной разъ надѣваетъ бурятскую войлочную шляпу, съ заостреннымъ верхомъ и съ загнутыми вверху полями.

Женщины же сибирскія почти всѣ одѣваются по городски. Носятъ онѣ платья и пальто, на ногахъ—башмаки, на головѣ—платочекъ. Многія зажиточныя крестьянки одѣваются даже совсѣмъ по модѣ: въ шляпки, въ бурнусы со стеклярусомъ, въ модныя платья, и ходятъ въ башмакахъ съ высокими каблучками.

Внѣшность сибиряковъ также напоминаетъ горожанъ. Почти всѣ они брѣютъ бороды; иной сбрѣетъ и усы, а оставитъ только клочки волосъ на щекахъ, такъ что походитъ скорѣе на нѣмца или чухонца, чѣмъ на русскаго крестьянина. Если попадутся въ Иркутскѣ нѣсколько крестьянъ съ широкими русскими бородами, то это навѣрное «малолѣтки», такъ называютъ сибиряки новыхъ переселенцевъ изъ Россіи. Но чрезъ нѣсколько поколѣній, внуки и правнуки этихъ переселенцевъ также сбрѣютъ свои бороды, или, такъ говорятъ сибиряки, «обнатурятся», т. е. переймутъ всѣ обычаи коренныхъ жителей Сибири.

Рѣчь восточныхъ сибиряковъ, точно такъ же, какъ и западныхъ, *русско-новогородская*, т. е. говорятъ они на *о*, напр: *пошол*, *хорошо*, *городской* и проч. Но на языкѣ восточно-сибирскихъ крестьянъ замѣтно также отразилось вліяніе отчасти городской рѣчи, а отчасти инородческой. Сибирякъ любитъ, напр., ставить въ разговоръ какое нибудь иностранное словцо, которое онъ слышалъ отъ чиновника, или отъ служащаго на пріискѣ въ родѣ слѣдующихъ словъ: провіантъ, резиденція, резонъ, и т. под. Точно также вставитъ онъ въ разговоръ какое нибудь инородческое словечко, въ родѣ слѣдующихъ: «дабанъ»—гора, «яманъ»—козелъ, «водорень»—и подавно, и проч.; такъ что сразу и въ толкъ не возьмешъ иной фразы сибиряка.

При этомъ выговоръ нѣкоторыхъ русскихъ словъ сибиряки какъ бы запамятовали и произносятъ ихъ какъ говорится, совсѣмъ на изворотъ. Мы, напримѣръ, говоримъ ручёй, чайный, руку, ногу, семейство; а сибиряки произносятъ: семейство, рукý, ногý, ручей, чайнóй и проч. Точно также во многихъ словахъ звукъ е они передѣлываютъ въ ё, и наоборотъ; напримѣръ, говорятъ: содёржитъ, четвёро, осённяя ночь, бёздна, лёдникъ и проч.; а тѣ слова, въ которыхъ мы употребляемъ звукъ ё они выговариваютъ черезъ е, напримѣръ: зеленый лѣсъ, тѣмныя ночи, дѣшево, казѣнка.

Употребляютъ сибиряки въ своей рѣчи много словъ и собственнаго изобрѣтенія, какъ-то: «гольцы»—каменныя вершины горъ, «бѣлки»—снѣж-

ныя горныя вершины; «сопка» — отдѣльно стоящая гора; «хіузъ» — тихій вѣтерокъ; «пурга» — снѣжная мятель, и многія другія слова.

При взаимномъ сближеніи въ восточной Сибири сельскаго населенія и городскаго, вышеупомянутою рѣчью одинаково говорятъ тамъ какъ крестьяне, такъ и горожане.

Вообще, сибирскіе крестьяне не сторонятся ни городскихъ жителей, ни инородцевъ, ни даже иностранцевъ. Восточную Сибирь, какъ страну необыкновенную по ея природѣ, часто посѣщаютъ иностранные ученые и живутъ между сибиряками иногда года по два или по три. И сибирскій крестьянинъ никогда не удивится, если увидитъ такого человѣка гдѣ нибудь въ полѣ, или въ тайгѣ, одиноко собирающаго тамъ какіе нибудь камешки или насѣкомыхъ, или если придетъ такой ученый на свадьбу къ нему съ записною книжкою. Сибирякъ еще самъ раскажетъ-ему обрядъ, или пропоетъ пѣсню. Случалось даже, что онъ приходитъ послѣ этого нарочно на домъ къ ученому, чтобы сказать только: «запиши, молъ, такое-то слово, или такую-то пѣсню, ночесь мнѣ въ голову не пришло.» Любознательность, возбужденная необычайною природою Сибири еще въ первыхъ заселителяхъ ея, конечно, не изгладилась, и въ нынѣшнихъ сибирякахъ, такъ что совершенно понятно вышеупомянутое отношеніе ихъ къ ученымъ, о многихъ изъ которыхъ у нихъ успѣли сложиться даже преданія.

Между сибиряками также нельзя иногда отыскать слѣдовъ нѣкоторыхъ повѣрій и предразсудковъ русскихъ крестьянъ. Они какъ будто совсѣмъ запамятовали ихъ. За то сибирскій крестьянинъ охотно обращается къ бурятскимъ «шаманамъ», чтобы заговорить болѣзнь, или за предсказаніемъ успѣха въ дѣлахъ. Въ горахъ, на особенно опасныхъ дорогахъ, русскіе часто ставятъ часовни; тутъ же, рядомъ стоитъ обыкновенно и бурятскій жертвенникъ съ языческимъ идоломъ. Благополучно совершивъ черезъ горы опасный путь, сибиряки заходятъ въ часовню, молятся иконамъ и ставятъ къ нимъ свѣчи, или опускаютъ монеты въ кружки; затѣмъ идутъ къ бурятскому жертвеннику и непремѣнно бросятъ хотя камышекъ и бурятскому богу. Такихъ примѣровъ нѣкотораго уваженія сибиряковъ къ инородческимъ вѣрованіямъ — множество.

Въ своей семейной жизни сибиряки продолжаютъ еще держаться русскихъ обрядовъ и обычаевъ. Напримѣръ, свадьбы справляютъ по русскимъ обрядамъ, по русскому же обычаю устраиваютъ зимою «посидѣлки, вечерки» и проч. Но при этомъ веселятся иной разъ на городской манеръ. Напримѣръ, сибиряки не прочь отъ танцевъ. Для этого у нихъ

существуетъ особый родъ пляски, называемый «восьмеркою», напоминающею отчасти французскую кадриль. Въ «восьмеркѣ» мужщины и женщины становятся въ четыре пары, другъ противъ друга, причемъ каждый можетъ выкидывать коленца своего собственнаго изобрѣтенья. Эту «восьмерку» танцуютъ во всѣхъ деревняхъ В. Сибири, отъ Иркутска до Охотскаго моря.

Русскіе народныя пѣсни сибиряки также отчасти перезабыли, а отчасти переначали. Напримѣръ, въ Иркутскѣ можно иногда услышать такую пѣсню:

Вдоль да по рѣчкѣ, по широкой,
Внизъ по Волгѣ, по большой рѣкѣ и т д.

Это вмѣсто: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ!»

За то сибирякъ твердо знаетъ нѣсколько пѣсенъ городскихъ, сочиненныхъ, дворянскихъ, въ которыхъ поется про любовь, про женщинъ и проч.

Послѣ всего сказаннаго, остается замѣтить, что изображенный нами типъ русскаго переселенца въ восточной Сибири, конечно, далеко неповсемѣстно распространенъ тамъ. Такъ, по окраинамъ восточной Сибири встрѣчаются случаи почти полнаго смѣшенія русскихъ съ инородцами. Напримѣръ, на крайнемъ Сѣверѣ Сибири переселенцы наши почти совсѣмъ обостячились; на югѣ—въ Забайкальскомъ краѣ, многіе изъ русскихъ казаковъ омонголились. Но это болѣе или менѣе частные случаи, не имѣющіе общаго значенія въ выработкѣ новаго областнаго сибирскаго типа. Вышеописанный же типъ сибиряка, во всякомъ случаѣ, представляется господствующимъ въ восточной Сибири.

Но и объ этомъ послѣднемъ сказать рѣшительнаго слова также пока еще нельзя, ибо и онъ далеко еще не есть окончательно установившійся типъ.

II.

Характеръ Лены и ея береговъ.—Верхоленскъ.—Киренскъ.—Олекминскъ.—Якутскъ и якуты.

Въ 326 верстахъ отъ Иркутска, на лѣвомъ берегу Лены, лежитъ мѣстечко Качугъ, откуда сплавляются всѣ товары и казенныя тяжести къ разнымъ городамъ и мѣстамъ, лежащимъ по Ленѣ.

Лена протекаетъ, какъ извѣстно, болѣе 4000 верстъ; въ нее впадаетъ множество большихъ и малыхъ рѣкъ, по которымъ селятся и кочуютъ племена первоначальныхъ сибирскихъ народовъ. Въ неизмѣримыхъ болотистыхъ степяхъ они служатъ имъ пристанищемъ для зимнихъ жилищъ; лѣтомъ, по берегамъ ихъ занимаются они звѣриной ловлей и охотой. Зиму и лѣто они ловятъ въ нихъ рыбу для собственной потребности и продажи.

Лена, одна изъ величайшихъ рѣкъ въ мірѣ, въ путешествіи по Сибири заслуживаетъ особеннаго вниманія. На огромномъ протяженіи, протекаемомъ ею, она представляетъ самое великолѣпное и величественное зрѣлище. Сначала она течетъ быстро, между тѣсными, возвышенными но мало живописными берегами. Далѣе ширина ея увеличивается: берега не возвышенные представляютъ картины живописныя и не столь мрачныя, какъ при началѣ; вода течетъ гораздо тише, огибая острова, покрытые деревьями и украшенные природой. На каждомъ поворотѣ или колѣнѣ рѣки взорамъ представляются новые виды, новые картины. Природа такъ величественна, что бѣдныя хижины береговыхъ жителей кажутся красивыми деревнями. Но вездѣ безлюдіе, вездѣ пустыня. Рѣдко встрѣчаются люди или даже слѣды населенія. Какъ на всѣхъ рѣкахъ одинаковой съ Леной величины, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега отдалены

одинъ отъ другаго, теченіе ея гораздо тише. Плаваніе по ней требуетъ опыта и не всегда безопасно.

Мангазейскіе или Туруханскіе казаки первые открыли берега Лены въ 1607-мъ году. Енисейскіе по слѣдамъ ихъ проникли только 20 лѣтъ спустя въ эту страну, сражались съ якутами и первые собрали съ нихъ дань звѣриными шкурами. Въ 1631 году тѣ же казаки, подъ начальствомъ Мартына Васильева, основали Верхоленскъ и построили на этомъ мѣстѣ Братскій острогъ; 25 человѣкъ изъ нихъ защищались въ немъ отъ нападенія бурятъ, отразили ихъ и наконецъ покорили своей власти. Какъ всѣмъ острогамъ того времени, Верхоленску служила защитой бревенчатая ограда изъ частокола, съ башнями, по угламъ ея; изъ всего зданія остались одни ворота, обращенныя теперь въ колокольню.

Жители береговъ Лены живутъ въ избахъ, большею частію курныхъ, и вмѣсто стекла употребляютъ для оконъ слюду; далѣе на сѣверъ, она замѣняется ледяными пластинами; ибо стекло, пузыри и даже слюда не выдерживаютъ тѣхъ сильныхъ морозовъ, которые постоянно продолжаются цѣлую зиму.

Скотоводствомъ они занимаются съ успѣхомъ, звѣриною ловлею тоже; рыбною же только для собственнаго употребленія. Прочія отрасли промышленности вовсе не существуютъ, и не только далѣе, но даже и здѣсь, малочисленность населенія, огромныя растоянія и суровость климата будутъ всегда служить преградой всякому торговому предпріятію.

Городъ Киренскъ есть не иное что, какъ довольно жалкая деревня; жители его, занимаясь огородничествомъ, снабжаютъ Якутскъ, между прочимъ, отличнѣйшею капустою, картофелемъ, рѣпою и другою зеленью, даже огурцами, которые однакоже въ иные годы, при наступленіи раннихъ морозовъ, неслишкомъ удаются.

Около 250 верстъ ниже Киренска, Лена, при глубинѣ въ 12 саженъ, протѣсняется между скалъ, отвѣсно поднимающихся на 80 саженъ. Это мѣсто, называемое *Щеки*, знаменито по необыкновенно сильному и продолжительному эху, повторяющему ружейный и пистолетный выстрѣлъ разъ сто или болѣе, и притомъ столь усиливающему отголосокъ, что, кажется, слышишь продолжительный бѣглый огонь, даже пушечную пальбу.

По близости Щекъ торчитъ изъ рѣчнаго русла довольно высокій утесистый столбъ, который прибрежные жители, въ знакъ признательности, назвали *Пьянымъ Быкомъ*, потому что когда-то, къ немалой

ихъ радости, разбилось объ него судно съ водкою, при чемъ они, разумѣется, поживились частію дорогаго груза. Затѣмъ лежитъ устье Витима, рѣки, знаменитой по добываемой на ея берегахъ слюдѣ, а еще болѣе по превосходнымъ соболямъ, которые, послѣ Олекминскихъ, считаются лучшими въ цѣлой Сибири. Вообще, лѣса на правомъ берегу Лены изобилуютъ различными пушными звѣрями отличной породы, между тѣмъ какъ на лѣвомъ берегу они попадаютъ рѣже и мѣха ихъ цѣнятся не такъ высоко. Естественной причины этому слѣдуетъ искать въ томъ, что правый берегъ покрытъ дремучими лѣсами Яблоннаго и Становаго хребта, въ которые не проникали самые отважные промышленники; напротивъ того, лѣвый берегъ не столь лѣсистъ, болѣе заселенъ, и, слѣдовательно, для нихъ доступнѣе.

Далѣе слѣдуетъ городъ Олекминскъ, соболи котораго почитаются лучшими въ Сибири; иной превосходной соболь продается по 50, по 100 руб. и дороже. Здѣшніе бѣличьи мѣха, отличающіеся весьма густымъ, длиннымъ и темно-сѣрнымъ волосомъ, покупаются также въ значительномъ количествѣ и по дорогимъ цѣнамъ. Потому Олекминскъ важный городъ въ торговлѣ пушными товарами; онъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что составляетъ въ Сибири пограничную черту земледѣлія, за которою; далѣе къ сѣверу, оно прекращается; да и здѣсь, впрочемъ, оно не всегда бываетъ успѣшно; часто ранніе морозы уничтожаютъ надежды земледѣльца. Сѣютъ почти исключительно озимую рожь. Далѣе земледѣліе уже совершенно исчезаетъ.

У жителей береговъ Лены во многихъ мѣстахъ замѣтны зобы огромной величины. Русское нарѣчіе почти не измѣнилось, и во многихъ мѣстахъ потомки переселенцевъ говорятъ довольно чистымъ великороссійскимъ языкомъ.

Одежда ихъ состоитъ изъ суконныхъ армяковъ разнаго покроя, или тунгузскаго кожанаго кафтана (называемаго камлейкою); зимою сверхъ домашняго платья они носятъ шубу, шерстью наружу; подпоясываются ремнемъ, за которымъ носятъ ножъ и топоръ; на ногахъ коты съ полосатыми шерстяными чулками. Зимой на головѣ шапка, лѣтомъ волосяная сѣтка, которую спускаютъ на лицо отъ мошекъ и комаровъ.

Дома здѣсь бревенчатые, крытые деревомъ; при каждомъ домѣ огородъ. Земледѣліе, не смотря на усилія, водворяется неуспѣшно и потому очень ограниченно.

Иней, выпадающіе во второй половинѣ іюля уничтожаютъ посѣвы и служатъ главнымъ препятствіемъ къ постояннному занятію

хлѣбопашествомъ. Хлѣбъ покупается на баркахъ, плывущихъ изъ Иркутска въ Якутскъ. Медвѣди и волки препятствуютъ разведенію скотоводства въ большомъ объемѣ. Водяныхъ домашнихъ птицъ жители вовсе не имѣютъ, потому что собаки ихъ истребляютъ.

Ниже Олекмы замѣтно измѣненіе во всей природѣ: берега, рѣки представляютъ мѣстность плоскую, степную, безлюдную; слѣды земледѣлія вовсе изчезаютъ. Жителямъ остается для промысла скотоводство и рыбная ловля. Они изнурены трудами и голодомъ. Верстъ за 50 отъ Якутска, въ селеніяхъ живутъ уже большею частію якуты. Въ нихъ слѣды суровости климата и недостатка въ пищѣ менѣе замѣтны; ибо, по природному свойству, они болѣе способны переносить такой родъ жизни.

Въ 2500 верстахъ отъ Качуга, начальнаго пункта судоходства по Ленѣ, лежитъ главный городъ Якутской области—Якутскъ.

Съ окрестныхъ горъ онъ виднѣется за цѣлыхъ 25 верстъ и представляется городомъ большимъ и довольно красивымъ. Поодаль отъ городскаго собора, съ сѣверо-западной стороны, стоятъ порознь пять огромныхъ старинныхъ деревянныхъ башенъ. Городъ носитъ на себѣ печать холоднаго и негостепріимнаго сѣвера. Между европейскими постройками виднѣются юрты арктическихъ кочевниковъ, со стѣнами изъ навоза, земляными крышами и дверями изъ шкуръ. Это печальное мѣстечко, имѣющее около 5000 жителей, есть центръ внутренней сибирской торговли и распространяетъ свою торговую дѣятельность на огромное пространство. Отъ Анабары до Берингова пролива, отъ Ледовитаго моря до Олекминскихъ горъ. Изъ Алдана и Удска, даже изъ Охотска и Камчатки, изъ за многихъ тысячъ верстъ сюда стекается пушной товаръ, моржевые клыки, мамонтовая кость, и все это продается и промѣнивается въ теченіе лѣта. Якутскіе купцы совершаютъ громадныя путешествія съ торговою цѣлью. Они первые на своихъ плохихъ судахъ отважились плавать по Берингову проливу и первые проникли до острова Кадьяка, отстоящаго на 80° долготы отъ ихъ родины. Можно сказать, что если бы на сѣверномъ полюсѣ было что нибудь выгодное, то якутскіе купцы уже давно сдѣлали бы это открытіе.

Значительная часть Якутска расположена на влажной почвѣ которая, впрочемъ, годъ отъ году болѣе заваливается и осушается. Однакоже, и доселѣ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, лѣтомъ, даже на большой Иркутской улицѣ, земля подъ ногами очень примѣтно зыблется, но не проваливается, а за городомъ попадаются мѣстами глубокія топи.

Между тѣмъ ключей подземныхъ и колодцевъ вовсе нѣтъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, потому что земля въ Якутской равнинѣ оттаиваетъ только на аршинъ сверху, а глубже даже въ самые сильные іюльскіе жары остается мерзлою. Всѣ усилія жителей вырыть колодцы или докопаться до воды остаются тщетными: вездѣ оказывается мерзлая земля, состоящая, впрочемъ, изъ разнообразныхъ наносныхъ слоевъ или пластовъ.

При многихъ домахъ въ Якутскѣ есть огороды для овощей и отчасти садики, въ которыхъ разводятся кусты смородинные, березки, ивы, лиственница и шиповникъ. Огородныя овощи растутъ плохія на обыкновенномъ грунтѣ, смѣшанномъ съ солончакомъ, и хотя привозимый изъ другихъ мѣстъ черноземъ весьма способенъ къ произращенію овощей и нѣкоторыхъ сѣмянъ, но климатъ не благопріятствуетъ плодородію. Даже картофель и капуста вызрѣваютъ не всегда и, во всякомъ случаѣ, родятся мелки, по причинѣ раннихъ и сильныхъ холодовъ по ночамъ.

Въ первой половинѣ іюля, послѣ сильныхъ дневныхъ жаровъ, ночью бываютъ въ Якутскѣ очень холодныя росы, а во второй половинѣ — иней. Жители отъ быстраго измѣненія тепла въ сырой холодъ, часто дѣлаются больными, и очень многіе, ходящіе послѣ жаркаго дня по холодной росѣ, получаютъ ревматизмъ въ ногахъ. Даже голая земля нагрѣтая дневнымъ жаромъ, при наступленіи ночи, чрезвычайно скоро охлаждается, потому что, какъ уже замѣчено, она всегда остается мерзлою на аршинной глубинѣ. Въ окрестностяхъ Якутска мѣстами сѣется ячмень и ростетъ очень хорошо, но рѣдко созрѣваетъ. Послѣ іюльскихъ жаровъ, каждый почти годъ вдругъ наступаетъ продолжительная холодная и ненастная погода, такъ что въ первыхъ числахъ августа, особенно ночью, такъ же холодно, какъ въ умѣренной полосѣ Россіи подъ исходъ сентября. Съ 15-го августа травы и цвѣты совершенно увядаютъ, и древесные листья отъ сильныхъ инеевъ очень скоро желтѣютъ и падаютъ.

При умѣренныхъ холодахъ, воздухъ въ Якутскѣ бываетъ легкій и здоровый; но съ наступленіемъ сильныхъ морозовъ, соединенныхъ всегда съ какою-то пронзительною сыростью и ледяною пылью, особенно при испареніяхъ отъ жилищъ, воздухъ для русскихъ становится вреденъ и тяжелъ. Хотя въ домахъ, большею частію плотно построенныхъ и усердно отопляемыхъ, вообще говоря, очень тепло, но при выходѣ изъ тепла на морозъ болѣе 40° всегда ощутительно бываетъ тягостное и удушливое вліяніе пронзительно-холоднаго густаго воздуха, не смотря ни на какія теплыя одежды. Самые жестокіе морозы въ Якутскѣ начи-

наются съ первыхъ чиселъ ноября и потомъ увеличиваются до января, а съ этого времени, уменьшаясь, продолжаются до половины февраля, въ иной же годъ и далѣе. Въ декабрѣ мѣсяцѣ и нерѣдко и въ январѣ, морозы доходятъ до 48 и даже до 50° по Реомюру. Тогда даже вороны, единственные изъ пернатыхъ, остающіеся въ Якутскѣ на зиму, замерзаютъ. А жители, особенно якуты, борются со стужею искусственнымъ тепломъ и—главное—терпѣніемъ. Во время ужасныхъ морозовъ разстилается густѣйшій туманъ и слышится въ немъ какой то-глухой шумъ безъ вѣтра. Въ деревянныхъ зданіяхъ и кровляхъ раздается отъ мороза громкое хлопанье на подобіе выстрѣловъ.

Во второй половинѣ февраля и въ первой марта, въ Якутскѣ бываютъ мятели (по туземному пурги) и выпадаетъ очень много снѣгу. Въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля стоитъ большею частію умѣренная и ясная погода.

Около 15 мая, якутская равнина освобождается отъ снѣговъ, но на верху хребтовъ близъ города остаются еще небольшія снѣжныя полосы. Ледъ на Ленѣ вскрывается всегда почти послѣ 15 мая. Самое пріятное время въ Якутскѣ—мѣсяцъ іюнь, когда и ночи бываютъ теплыя, короткія и свѣтлыя, въ которыя можно свободно читать, а по нуждѣ и писать. Въ іюлѣ появляется уже множество комаровъ, препятствующихъ гулять; сверхъ того, въ концѣ іюня и въ іюлѣ почти всегда бываетъ днемъ удушливый жаръ, очень рѣдко освѣжаемый вѣтрами и значительными грозами. Послѣ дневнаго жара, ночью постоянно бываетъ очень холодная роса, которая во второй половинѣ іюля часто уже превращается въ иней.

Область, которой Якутскъ служитъ главнымъ административнымъ центромъ, имѣетъ 71,358 квадратныхъ миль или 3.452,656 квадратныхъ верстъ. На такое громадное пространство Якутской области приходится всего 221,977 душъ населенія, изъ числа которыхъ 111,198 мужскаго пола, 112,779 женскаго. Жители области состоятъ изъ русскихъ якутовъ.

Русскіе жители Якутска происходятъ отъ переселенцевъ, выходцихъ сюда въ теченіе XVII и XVIII столѣтій, преимущественно изъ Вологодской и частію изъ Новогородской и Архангельской губерній. Господствующее здѣсь нарѣчіе вологодское, и многіе жители имѣютъ однофамильцевъ и даже родственниковъ въ вологодскомъ краѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь много Поповыхъ во всѣхъ сословіяхъ, также немало Виноградовыхъ и Виноградовыхъ. Многіе жители якутскіе празднуютъ

18-го октября, Вологодской чудотворной иконѣ Всемилостиваго Спаса, въ память освобожденія Вологды отъ ужасной моровой язвы, бывшей во время междуцарствія,—равно и святымъ чудотворцамъ великоустюжскимъ Прокопію и Іоанну. Что есть жители по происхожденію изъ Новогородской губерніи, это потверждается особеннымъ въ Якутскѣ празднованіемъ Новогородской иконѣ Знаменія Божіей Матери. Наконецъ, о происхожденіи нѣкоторыхъ жителей Якутска изъ Архангельской губерніи сохранилось живое преданіе, особенно между лицами духовнаго званія. Купеческія почетныя фамиліи въ Якутскѣ большею частію изъ коренныхъ русскихъ обитателей города.

Что касается до якутовъ, то они представляютъ замѣчательное явленіе покореннаго народа, навязавшаго побѣдителямъ свои обычаи и языкъ; народа, не только не подвергшагося вліянію завоевателей, но, напротивъ, втянувшаго его въ свою сферу. Въ Якутскѣ несравненно болѣе говорятъ по якутски, чѣмъ по русски, ибо почти всѣ тамошніе ремесленники—якуты; всѣ няньки—якутки, и даже богатый русскій пушной торговецъ не рѣдко женится на якуткѣ. Даже тунгузы ихъ жены, живущіе въ пустынѣ между Якутскомъ и Охотскомъ, говорятъ весьма чисто по якутски. По русски же многіе якуты весьма плохо понимаютъ.

Якутскій языкъ господствуетъ здѣсь между всѣми классами, какъ у насъ въ столицахъ французскій. Нѣтъ ни одного жителя, который-бы не зналъ по якутски. Да и не удивительно: въ домѣ нянька якутка, кухарка—якутка, работникъ, кучеръ—всѣ якуты. Дитя съ появленія чувства слуха поражается звуками якутскаго языка. Здѣшній житель нечувствительно перенимаетъ всѣ якутскіе обычаи, и лучше говоритъ на якутскомъ языкѣ, нужели на отечественномъ. Житель Якутска въ разговорѣ съ жителемъ Россіи понимаютъ другъ друга несовершенно; надобно прибѣгать къ объясненіямъ и повтореніямъ. Кромѣ словъ мѣстныхъ, настоящія русскія употребляются здѣсь не въ обыкновенномъ значеніи, напр., здѣсь дрова называютъ саженями, муку—провьянтомъ; капусту—щами. Здѣсь говорятъ: я былъ на берегу и покупалъ сажени. Много ли у васъ посажено щей? А ходя по гостинному двору, спрашиваютъ: крупичатый провьянтъ есть?

Въ якутскомъ языкѣ, по единогласному свидѣтельству знатаковъ его, нѣтъ точности и ясной опредѣленности въ понятіяхъ и выраженіяхъ нѣтъ правильной перемѣны въ склоненіяхъ именъ и въ спряженіяхъ глаголовъ. На немъ, напримѣръ, всѣ божественные и священные *предметы называются* однимъ именемъ: и Богъ—*тангара*, и церковь, и

всякая церковная утварь—*тагара*, даже безъ перемѣны въ окончаніи. Только нѣкоторые церковь называютъ: *тагара джіэта*, Божій храмъ; слово *тагара* значитъ и Богъ и Божій, и проч. Изъ якутовъ привыкшихъ съ малолѣтства говорить по своему, очень немногіе выучиваются по русски, да и то всегда неправильно. Они не могутъ отвыкнуть отъ перенначеній русской рѣчи на свой ладъ.

Якуты, занимающіе большую часть Якутской области, не суть первобытные обитатели этой страны; они пришельцы съ юга. Всѣ согласны въ томъ что якуты татарскаго происхожденія, но никто исторически не доказалъ, какіе татары и когда переселились на берегъ рѣки Лены. Судя по тому, что они далеко распространились по области и размножились, можно только съ достовѣрностію полагать, что они живутъ здѣсь давно. Фишеръ говоритъ, что между красноярскими татарами есть одинъ родъ, называемый Саха—имя, которымъ и теперь еще якуты называютъ сами себя. Это показаніе едва-ли не основано на преданіи, сохранившимся между якутами. Они разсказываютъ, что нѣкто Омогой Баи со 150 человѣками сородичей своихъ пошелъ со степей красноярскихъ на востокъ и, достигнувъ степи, лежащей между Иркутскомъ и Леною, расположился тутъ на жительство. Пришествіе невѣдомыхъ людей встревожило обитателей страны бурятъ. Они собрали совѣтъ, на которомъ рѣшено было истребить пришельцевъ или согнать ихъ со степей своихъ; но какъ луна тогда была на ущербѣ—время, въ которое буряты никакихъ важныхъ дѣлъ не предпринимаютъ, то и отложили они намѣреніе свое до благопріятныхъ предзнаменованій. Между тѣмъ татары узнали о заговорѣ. Не теряя времени, отправили они нѣсколько человѣкъ на рѣку Лену для постройки плотовъ и когда все уже было готово, ночью перешли черезъ гору на Лену со всѣмъ скотомъ своимъ; сѣли на плоты и пустились внизъ по Ленѣ. Достигнувъ до того мѣста, гдѣ теперь стоитъ городъ Якутскъ, они остановились на жительство. Спустя нѣсколько лѣтъ, приплыли къ нимъ по Ленѣ нѣкто изъ татаръ Эллей, который, пріобрѣтя любовь уже состарѣвшагося Емогоя, женился на одной изъ его дочерей, родившей ему 12 сыновей. Изъ нихъ замѣчателенъ Хангалассъ, сообщившій имя свое Хангалласскому роду якутовъ, отъ него происшедшему. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ прибытія Эллея, приплыли къ татарамъ по Ленѣ забалькайскіе буряты Хоринскаго рода, перемѣшались съ ними и составили теперешнихъ якутовъ, народъ, имѣющій сходство языковъ и нравами съ татарами и монголами. Донынѣ существуетъ между якутами родъ, называющійся Хорн

до нынѣ сохранилась между якутами пословица; «Я говорю тебѣ не по-хорински!» То и другое доказываетъ справедливость преданія о хоринцахъ.

Но переселеніе красноярскихъ татаръ по Ленѣ въ Якутскую область не имѣетъ вѣроподобія! Какъ могли татары пробраться со стадами овецъ, коровъ и лошадей изъ южныхъ предѣловъ Енисейской губерніи на Манзурскую степь, по непроходимымъ тогда горамъ и лѣсамъ? Не лучше-ли допустить мнѣніе, что они изъ окрестностей Абаканска спустились по Енисею, потомъ пробрались на рѣку Вилюй, а оттуда и на Лену?

Кочевья якутовъ по Ленѣ начинаются въ Киренскомъ уѣздѣ съ рѣки Нюи, впадающей въ Лену между Витимомъ и Олёкмою, и простираются до самого Ледовитаго моря. На западѣ, по рѣкѣ Вилюю, жилища ихъ распространяются до устья рѣки Чоны и верховья рѣки Оленека. На востокѣ живутъ они отъ устья рѣки Маи по Алдану, за Алданомъ же изрѣдка кочевья ихъ простираются до самаго Удскаго острога и Охотскаго моря. По рѣкѣ Янѣ живутъ якуты отъ вершины до устья. По Индикиркѣ къ Ледовитому морю находятся также ихъ кочевья. Они раздѣляются на роды и управляются головами, князцами и старшинами. До покоренія русскими каждый якутскій родъ управлялся своимъ тоёномъ, который ни отъ кого не зависѣлъ. Тоены были между собою въ безпрестанной войнѣ. Послѣдній владѣлецъ хангаласскій, при которомъ русскіе покорили якутовъ, назывался Тыгынъ.

Якуты вообще небольшаго роста, съ калмыцкимъ типомъ лица. Глаза у нихъ большею частію черные или темнокаріе, малые и узкіе; носы у нихъ частію искривленные, а большею частію широкіе и сплюснутые; волосы черные какъ смоль, жесткіе и щетинистые. Ростомъ они довольно высоки. Мужчины всѣ ходятъ остриженные, съ небольшими косами на затылкахъ и голобородые: они въ молодые годы выдергиваютъ изъ бороды волосы щипцами. Женщины обыкновенно отличаются длинными волосами, заплетаемыми въ косы, малымъ ростомъ, менѣе грубыми чертами и широкими лицами.

Якуты народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство его заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ якутамъ почти все необходимое для пропитанія и содержанія. Изобиліе пушныхъ звѣрей, обитающихъ въ безконечныхъ лѣсахъ, и прибыль, получаемая отъ продажи ихъ русскимъ, заохотили и пристрастили якутовъ къ звѣроловству; которымъ занимаются они съ неутомимымъ рвеніемъ и удивительнымъ искусствомъ.

Съ самаго младенчества пріученные къ лишеніямъ всякаго рода и въ нихъ закаленные, якуты съ величайшимъ терпѣніемъ противостоятъ всѣмъ житейскимъ нуждамъ, неразлучнымъ съ суровымъ климатомъ ихъ земли. Между прочимъ, они кажутся почти совершенно нечувствительными къ стужѣ, и почти до невѣроятной степени могутъ переносить голодъ.

У якутовъ бываютъ жилища двоякаго рода: лѣтомъ уросы*), родъ легкихъ коническихъ шатровъ, составленныхъ изъ жердей, обтянутыхъ берестою; въ нихъ кочуютъ они по обильнымъ травою лугамъ, на которыхъ пасутся ихъ стада, между тѣмъ какъ хозяева стадъ запасаются на зиму нужнымъ количествомъ сѣна; съ наступленіемъ зимы переходятъ якуты въ свои теплыя юрты. Это родъ хижинъ изъ тонкихъ бревенъ, въ видѣ отрѣзанной пирамиды, покрываемой снаружи толстымъ слоемъ травы, глины, дерна, и имѣющей размѣръ сообразно съ потребностями въ ней помѣщающихся. Въ такихъ жильяхъ окна замѣняются много что двумя, тускло освѣщающими внутренность ихъ, небольшими, квадратными отверстіями, въ которыя зимой вставляютъ льдины, лѣтомъ вклеиваютъ рыбьи пузыри, а иногда пропитанную жиромъ бумагу. У бѣдныхъ глиняной полъ опускается внизъ, обыкновенно на два или на три фута, и плотно убивается, а у богатыхъ поднимается и выстилается досками. Дверь дѣлается по срединѣ и всегда къ востоку. Вдоль стѣнъ устраиваютъ изъ лежачихъ шестовъ широкія лавки, похожія на низкіе палати, которые вмѣстѣ служатъ и кроватями, и, по числу жильцовъ, по крайней мѣрѣ, женатыхъ, разгораживаются слегка на нѣсколько отдѣленій.

По срединѣ юрты, ближе къ дверямъ, становится *чувалъ*, родъ очага или открытаго камина, съ трубою, проведенною въ кровлю; въ немъ горитъ безпрестанно огонь, для тепла въ юртѣ и для варки пищи. По стѣнамъ развѣшиваются платье, бѣлье и другая домашняя рухлядь, но во всемъ господствуетъ безпорядокъ и величайшая неопрятность. Внѣ юрты ставятъ кругомъ еще нѣсколько, подобнымъ образомъ построенныхъ, сараевъ для коровъ, которыя пользуются здѣсь тѣмъ преимуществомъ, что стоятъ подъ крышею и кормятся сѣномъ, а

*) На постройку такихъ уросовъ сдираютъ кору съ березъ большими листами, размягчаютъ ее посредствомъ варки и сшиваютъ вмѣстѣ; будучи снаружи бѣлы, а внутри желты, уросы представляютъ видъ весьма красивый, и издали уподобляются исполинскимъ холстянымъ шатрамъ.

иногда, въ жестокіе морозы, ихъ помѣщаютъ даже въ юртѣ, въ переднемъ темномъ пространствѣ, по обѣимъ сторонамъ дверей. Лошади-же остаются всегда подъ открытымъ небомъ, и должны скудно питаться засохшею осенней травою, вытребая ее копытами изъ-подъ снѣга. Только въ случаѣ дальныхъ поѣздокъ кормятъ ихъ за нѣсколько дней сѣномъ для подкрѣпленія.

Хотя устройство якутскихъ жилищъ крайне несовершенно, однакожъ они въ полной мѣрѣ соотвѣтствуютъ здѣшнему климату, мѣстности и потребностямъ жильцовъ, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже предпочтительнѣе появляющихся уже здѣсь кое-гдѣ русскихъ крестьянскихъ избъ, въ особенности потому, что на постройку юрты употребляются не настоящія бревна, а только одни древесные стволы. Равномѣрно и чувалъ, съ вѣчно пылающимъ огнемъ его, имѣетъ то преимущество что вытягивая безпрестанно воздухъ, нѣкоторымъ образомъ очищаетъ въ юртѣ атмосферу, напитанную всякаго рода испареніями. Словомъ, какъ бы то не было, юрта удовлетворяетъ всѣмъ нуждамъ якута относительно удобства жизни, такъ что онъ спокойно проводитъ продолжительную, ужасную зиму безъ страданій отъ холода. Днемъ, мужчины ходятъ на охоту; женщины сидятъ вокругъ чувала, обдѣлываютъ звѣриныя кожи, шьютъ платье, вьютъ веревки, вяжутъ сѣти, и т. д., а вечеромъ, когда вся семья собирается вмѣстѣ, курятъ табакъ, пьютъ кумысъ, и въ ужасномъ количествѣ ѣдятъ, съ свѣжимъ или прогорклымъ жиромъ, хорошо уваренную сосновую размазню. Случается, что въ это время князецъ, или старшина, разбираетъ небольшіе споры между своими; дѣла поважнѣе поступаютъ къ головѣ цѣлой волости, или улуса. День заключаетъ нерѣдко какой нибудь шаманъ, который, въ полночь, у тлѣющихъ на чувалѣ угольевъ, совершаетъ свои заклинанія, для отысканія заблудившейся скотины, для извлеченія отъ какой либо болѣзни, или испрошенія помощи у духа въ предстоящемъ пути и другихъ предпріятіяхъ—иногда даже для прекращенія долговременной тяжбы, неоконченной обыкновеннымъ порядкомъ.

Жилища якутовъ разбросаны одно отъ другаго на весьма большія разстоянія.

Послѣ долгаго странствованія въ якутскихъ селеніяхъ, путешественники возвращаются домой съ тяжелымъ запахомъ, которымъ не только одежда, но и сами они сильно пропитываются въ туземныхъ юртахъ, гдѣ рядомъ съ хозяевами, за перегородкой, всегда помѣщается зимой всякій домашній скотъ. Отъ тяжелаго запаха якутскихъ юртъ

можно освободиться не иначе, какъ послѣ неоднократнаго провѣтриванья и паренья въ русской банѣ. Съ такимъ же запахомъ бываютъ почти всѣ вещи и произведенія природы, даже ягоды, привозимыя въ городъ изъ якутскихъ селеній. Не говоря уже о мягкой рухляди, запахъ этотъ крѣпко пристаетъ къ деревянной посудѣ и костянымъ издѣліямъ якутовъ.

Всѣ якуты, какъ мужчины, такъ и женщины, какъ князьки, такъ и простолюдины, и зимою, и лѣтомъ ходятъ въ однихъ и тѣхъ же національныхъ охабняхъ, застегиваемыхъ въ одинъ рядъ, а иногда и въ два ряда гладкими мѣдными пуговицами, въ одинаковыхъ мѣховыхъ шапкахъ *чабакахъ* съ широкими на затылкахъ и на ушахъ отводами, въ кожаныхъ узкихъ штанахъ (*сутуры*) и въ такой же обуви, называемой *торбасами*. Князьки отличаются отъ прочихъ богатымъ, суконнымъ, а иногда и бархатнымъ костюмомъ и серебрянымъ поясомъ съ разными чеканенными на немъ фигурами. На шею надѣваютъ галстуки изъ бѣличьихъ хвостовъ, а на руки рукавицы по большей части изъ лисьихъ лапъ, шерстью вверхъ; у нихъ близъ ладони дѣлается прорѣха, въ которую, не снимая рукавицы, высовываютъ руку, если нужно что нибудь сдѣлать на морозѣ голою рукою. Нижнее платье дѣлается изъ замши, чрезвычайно короткое, гораздо выше колѣнъ; къ нему надѣваютъ такъ называемыя сутуры, простирающіяся до пятокъ и привязываемыя ремнями къ исподнему платью, на которомъ для того дѣлаются кольца. На голыя ноги надѣваютъ заячьи головки, а сверху торбасы изъ оленьихъ или лошадиныхъ лапъ. Подъ колѣномъ и повыше ладышки они перевязываются ремнями.

Одежда женская во всемъ походитъ на мужскую, только шуба или кафтанъ подлиннѣе; въ ушахъ носятъ онѣ преогромныя серебряныя или мѣдныя серьги, которыя въ продолженіи времени нерѣдко разрѣзываютъ своею тяжестью ухо. На шею надѣваютъ серебряное ожерелье шириною въ палецъ: на руки—зарукавья. Во время праздниковъ, на голову подъ шапку надѣваютъ повязку, отъ которой идутъ по спинѣ два широкіе ремня, покрытые серебряными чеканенными пластинками. Таковые же ремни нерѣдко висятъ и спереди. Шапка такая же какъ у мужчинъ, но съ тѣмъ различіемъ, что верхъ ея бываетъ вышитъ серебромъ. Шапокъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ не снимаютъ, а, встрѣтившись другъ съ другомъ, говорятъ: кацсѣ, т. е. разсказывай.

Вмѣсто серебряныхъ поясовъ многія мужчины и женщины носятъ широкіе шелковые кушаки. Торбасы (сапоги) у всѣхъ бываютъ обвиты

ремнями, а у богатыхъ, кромѣ ремней, украшаются около колѣнъ серебряными узорами съ бисеромъ.

Праздничные охабни или темно-зеленаго, или синяго цвѣта, у многихъ подбиты мѣхами, и всегда съ красными суконными прошвами на полахъ и подолахъ, на рукавахъ и воротникахъ; а у бѣдныхъ охабни изъ толстаго бѣлаго сукна съ красными же, или большею частію съ черными плисовыми прошвами. Длиною охабни всегда нѣсколько ниже колѣнъ, рукава у плечъ очень широкіе, а по ниже умѣренные. Задъ всегда бываетъ съ прорѣзомъ, обшитымъ также красными или черными полосами; прорѣзъ обыкновенно дѣлается съ подола до самаго пояса, или кушака, чтобы удобнѣе ѣздить верхомъ, ибо верховая ѣзда въ быту якутскомъ необходима какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Зимою, сверхъ шубы и зипуна, надѣваютъ якуты еще другую шубу, шерстью вверхъ, называемую *санаякъ*. Эта шуба дѣлается по большей части изъ шкуръ тарбагана (сурка). Якутскія женщины сами шьютъ всѣ принадлежности одежды, и для себя, и для мужей, и для дѣтей. Нитки при этомъ употребляютъ иногда обыкновенныя, а большею частію сдѣланныя изъ скотскихъ жилъ. Всегдашнее рабочее платье у бѣдныхъ якутовъ изъ коровьихъ и телячьихъ кожъ.

Пища якутовъ состоитъ изъ кобыльяго и коровьяго молока, изъ конины и говядины, но только вареной; о жареніи и печеніи, также о хлѣбѣ якуты не имѣютъ никакого понятія. Жиръ считается у нихъ величайшимъ лакомствомъ, а самое неумѣренное пресыщеніе имъ—высочайшимъ блаженствомъ. Они употребляютъ его въ разныхъ видахъ: сырой и топленый, свѣжій и испортившійся. Видя все достоинство только въ количествѣ, а не въ качествѣ какой бы то ни было пищи, пожираютъ все почти съ скотскою жадностью. Чтобы увеличить объемъ и придать нѣсколько вкуса пищѣ, они берутъ внутреннюю часть сосновой коры, а еще чаще лиственичной, оскабливаютъ ее, толкутъ мелко, мѣшаютъ съ рыбою, мукою, молокомъ, собенно съ жиромъ, варятъ изъ такой смѣси нѣчто похожее на розмазню и пожираютъ въ ужасномъ количествѣ. Изъ коровьяго молока приготовляется у нихъ такъ называемое якутское масло, родъ сыра, или творогу, на вкусъ кисловатаго, не очень жирнаго и составляющаго, даже безъ хлѣба, довольно вкусную пищу.

Верховное благо и высочайшее наслажденіе почитаетъ якутъ въ ѣдѣ: жирную говядину и топленое масло предпочитаютъ всему. Въ разговорахъ между собою нерѣдко вспоминаютъ о томъ, когда и гдѣ ѣли жир-

ную говядину. Ѣдятъ и съ радости, и съ печали; больной на смертномъ одрѣ не откажется отъ жирнаго куска.

Въ маѣ мѣсяцѣ, когда проходитъ Лена, якуты идутъ на острова и тамъ бьютъ и ѣдятъ кротовъ, выгнанныхъ водою изъ норъ и спасающихся на деревьяхъ. Случилось однажды, что весь островъ потопило водою; якуты забрались на юрту, развели огонь и начали ѣсть кротовъ; между тѣмъ наплыла большая льдина, спихнувшая юрту съ мѣста: якуты вскочили на льдину, забравъ кротовъ. Тридцать верстъ несло ихъ по рѣкѣ, пока льдина не пристала къ берегу; во все время они ѣли кротовъ, и послѣ друзьямъ своимъ о томъ разсказывали, какимъ блаженствомъ наслаждались они и въ какомъ страхѣ были въ одно и тоже время.

Мясо составляетъ главнѣйшую пищу ихъ, и чѣмъ оно жиреѣе, тѣмъ лучше; потомъ молоко, въ разныхъ измѣненіяхъ. Если отелится корова или кобыла, то у мокраго еще дѣтенка вырѣзываютъ изъ-подъ копыта хрящикъ и съѣдаютъ его сырымъ; это считается величайшимъ лакомствомъ. Вообще якуты славятся обжорствомъ: самаго тощаго якута въ двѣ недѣли можно откормить какъ лошадь.

Якуты ѣдятъ часто полусырое, а иногда и совсѣмъ сырое мясо. Какъ мясо, такъ и рыбу они употребляютъ большею частію безъ соли и всегда безъ хлѣба. Самое любимое ихъ кушанье составляетъ конина. Многіе якуты, не бывавшіе въ Якутскѣ, хлѣба вовсе не знаютъ; а если и случается имъ покупать печеный хлѣбъ, то употребляютъ его вмѣсто лакомства, бережливо и немного. Какъ печеный хлѣбъ, такъ и муку якуты называютъ однимъ именемъ: *бурдукъ*. Бѣдные употребляютъ большею частію кислое молоко съ брусникою, также звѣриное мясо и кровь закалываемыхъ животныхъ.

Но самымъ національнымъ кушаньемъ считается прогорклый жиръ, и неумѣренное употребленіе его якутъ считаетъ за высшее блаженство, которое вообще онъ находитъ только въ ѣдѣ. Одинъ путешественникъ, Симпсонъ, призвалъ къ себѣ въ Якутскѣ двухъ извѣстныхъ ѣдоковъ и поставилъ передъ ними два пуда вареной говядины и пудъ растопленнаго масла. Каждому дали по пуду мяса, а масло велѣли пить или ѣсть ложками. Одинъ якутъ былъ старъ и опытенъ, другой молодъ и жаденъ; послѣдній вначалѣ одолѣвалъ своего товарища. «У него зубы хороши, сказалъ старикъ, но съ помощью святыхъ (и онъ перекрестился) я его скоро догоню».

Когда половина была съѣдена, Симпсонъ оставилъ своихъ гостей

подъ надзоромъ секретаря. Когда же онъ чрезъ два часа возвратился, секретарь доложилъ ему, что все было съѣдено, что подтвердили и растянувшіеся на полу обжоры, которые, цѣлуя землю, благодарили за обильный обѣдъ.

Послѣ такого турнира, бойцы, какъ змѣи, три или четыре дня пробыли въ какомъ то полусознательномъ состояніи, не пили и не ѣли и только катались по полу, чтобы возбудить пищевареніе.

При каждой свадьбѣ двое такихъ искусныхъ ѣдоковъ увеселяютъ гостей своимъ обжорствомъ. Одного угощаетъ женихъ, другаго невѣста—и сторона побѣдителя считаетъ это за хорошее предзнаменованіе.

Всѣ вообще якуты особенно любятъ пить *кумысъ*, приготовляемый изъ лошадинаго молока. Въ этотъ любимый всѣми татарскими племенами напитокъ, для большей пріятности и питательности, они прибавляютъ нетопленаго масла. Лѣтомъ, для питья якуты носятъ съ собою кумысъ въ кожаныхъ сумахъ. Отъ долгаго употребленія его въ это время они очень толстѣютъ. Достаточные якуты пьютъ съ молокомъ кирпичный чай, изъ мѣдныхъ чайниковъ; у нѣкоторыхъ имѣются даже самовары и довольно хорошій чай.

Мужчины и женщины страстно любятъ курить табакъ, и при томъ самый крѣпкій, какой только могутъ достать, преимущественно черкасскій. Глотая весь табачный дымъ, они приходятъ отъ того въ какое-то опьянѣніе, которое иногда, ежели якутъ разъярится, производитъ пагубныя слѣдствія. Русскіе закупщики мягкой рухляди, пользуясь страстью якутовъ, ставятъ водку и табакъ важнѣйшими предметами въ торговыхъ съ ними сношеніяхъ.

Вѣру якуты исповѣдуютъ христіанскую, но исполняютъ только одни наружные ея обряды, продолжая вѣрить своимъ шаманамъ и придерживаясь языческихъ суевѣрій. Они признаютъ Бога Творца, и называютъ его Артоенъ, т. е. чистый господинъ; жену его называютъ Кюдей-Хатунъ, т. е. почтенная госпожа. Другаго бога, содержащаго во власти своей громъ и молнію, называютъ *Сюрдяхъ Сюге Тоенъ*, что значитъ страшный топоръ. Кромѣ того, допускаютъ угодника или ходатая за нихъ у Бога, называютъ его *Жесюгяй Тоенъ*, а жену его *Айсытъ*, т. е. подательница. Сверхъ того, каждый родъ имѣетъ имѣетъ своего особеннаго заступника или ходатая. Его представляютъ подъ видомъ бѣлогубаго жеребца, ворона, лебедя, сокола и пр.; этихъ животныхъ не употребляютъ въ пищу.

Въ юртахъ держутъ они деревянныхъ болванчиковъ съ корольковыми глазами, обшитыхъ берестою; но этимъ домашнимъ пенатамъ поклоненія никакого не воздаютъ, а во время ѣды говядины все лицо идоловъ вымазываютъ жиромъ.

Солнце и огонь почитаютъ болѣе всего, и признаютъ ихъ за существа живыя, которыя могутъ имъ дѣлать что захотятъ, а потому послѣднему всегда приносятъ жертву, бросая въ огнь предъ начатіемъ ѣды лучшій кусокъ, и также отливая на него нѣкоторую часть изъ питья. Если при этомъ случаѣ на огонѣ щелкнетъ, то это предвѣщаетъ большое несчастіе, во избѣжаніе котораго стараются умилостивить огонь новою жертвою. Солнцу же никакихъ жертвъ не приносятъ, потому что не видятъ отъ него зла.

Якуты признаютъ девять небесъ, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, живутъ, какъ и на землѣ, животныя, т. е. быки, коровы, лошади и прочее. Воскресенію мертвыхъ хотя и не вѣрятъ, но безсмертіе души допускаютъ, признавая, что душа человѣческая остается между дьяволами, и не вѣрятъ въ воздаяніе на небѣ за земную жизнь.

Священники (агабытта) уже давно начали обращать дѣятельное вниманіе на истребленіе шаманства, но и доселѣ еще не успѣли уничтожить его. Особенно двѣ походныя церкви, учрежденныя въ Якутской области, съ 1844 г., прилагаютъ стараніе объ искорененіи шаманства и объ утвержденіи якутовъ въ христіанской вѣрѣ. Одна изъ этихъ церквей, Николаевская, ежегодно совершаетъ свои походы отъ Якутска на востокъ и на сѣверо-востокъ слишкомъ за 3,500 верстъ до самыхъ чукчей.

Вторая церковь, Благовѣщенская, совершаетъ походы отъ Якутска на сѣверъ и на сѣверо-западъ слишкомъ на 1,500 верстъ. Обѣ онѣ доходятъ до береговъ Ледовитаго моря, гдѣ, кромѣ якутовъ, обитаютъ еще юкагиры.

По свидѣтельству г. Мармарисова, нѣкоторые якуты, равно и тунгусы, живущіе въ Якутской области, и исповѣдующіе христіанство, благочестивы и оказываютъ почтеніе священникамъ, какъ служителямъ божіимъ; заранѣе приготовляются къ ихъ встрѣчѣ, очищаютъ для нихъ свои жилища, омываютъ всякую посуду, постятся, постилаютъ и въ жилищахъ и на дорогѣ лучшее сѣно, выходятъ къ нимъ на встрѣчу, кланяются имъ въ ноги, просятъ у нихъ наставленій и слушаютъ ихъ съ благоговѣніемъ. По прибытіи къ якутамъ, священники обыкновенно исполняютъ требы: крестятъ младенцевъ, а иногда и взрослыхъ, исповѣдаютъ и, по усмотрѣнію, пріобщаютъ св. Таинъ,

*

отпѣваютъ умершихъ, давно уже похороненныхъ, вѣнчаютъ брачущихся вокругъ чистаго стола, на которомъ полагаются крестъ и евангеліе, а вмѣсто вѣнцовъ на главы возлагаютъ малые обыкновенные, металлическіе кресты со шнурками.

Большинство якутовъ, однако, придерживается шаманства, которое болѣе всего, конечно, поддерживается жрецами этой религіи—*шаманами*.

Платье шаманское не походитъ на обыкновенную якутскую одежду, да и самъ шаманъ для отличія отъ простыхъ смертныхъ не стрижетъ волосъ, а, расчесывая ихъ на двѣ стороны, заплетаетъ въ косу. При шаманствѣ онъ ихъ для эффекта распускаетъ. Шаманское платье состоитъ изъ короткаго кожанаго полукафтана, у котораго задъ длиннѣе переда. По краямъ обшивается кафтанъ длинными, до земли доходящими кистями. Вдоль спины въ пять рядовъ нашиваютъ различныя желѣзныя побрякушки; посреди спины лежитъ большой желѣзный кругъ, который называютъ солнцемъ. Полы кафтана не сходятся между собою и завязываются ремешками. Его надѣваютъ на голое тѣло, а чтобы передняя часть тѣла была закрыта, надѣваютъ передникъ, который оканчивается выше колѣнъ. На передникѣ бываютъ нашиты два желѣзные круга, изображающіе груди; внизу увѣшивается онъ различными желѣзными фигурами, и кончается такими же кистями, какъ и самый кафтанъ. На рукава нашиваются также побрякушки и фигуры, что все вмѣстѣ производитъ при движеніи непріятный шумъ. Въ лѣвую руку беретъ шаманъ бубенъ, а въ правой держитъ лопатку, оклеенную шкурою, которою и бьетъ по бубну.

Вообще, все шаманство состоитъ въ кривляньяхъ, крикахъ и грубомъ обманѣ, будто шаманъ колетъ себя ножемъ. Иногда подъ одежду онъ прячетъ кишку, наполненную кровью; распоровъ ее ножемъ, шаманъ показываетъ текущую кровь зрителямъ, которые вѣрятъ, что она течетъ изъ шаманскаго брюха. Иногда надѣваетъ онъ на брюхо нѣсколько рядовъ бересты, куда, вонзивъ ножъ, ходитъ съ нимъ по юртѣ, выдергиваетъ его и опять вонзаетъ въ брюхо, испуская крики.

Къ сожалѣнію, русскіе столько же вѣрятъ шаману, сколько и якуты, и даже разсказываютъ, что шаманъ, отрѣзавъ себѣ голову, кладетъ ее на полъ; пошаманивъ же нѣсколько минутъ безъ головы, ставитъ ее на шею—и голова тотчасъ приростаетъ.

Если якута въ чемъ нибудь уличаютъ, а свидѣтелей нѣтъ, въ такомъ случаѣ виноватаго призываютъ къ юрту къ князцу, гдѣ на огнѣ стоитъ уже топленое масло, а подлѣ него медвѣжья голова. Обвиняе-

маго ставятъ противъ огня на колѣна и велятъ ему говорить слѣдующія слова: «Если я свидѣтельствую ложно, то пусть масло это пройдетъ во мнѣ на сквозь, и не буду я имѣть счастія въ скотѣ, а медвѣдь чтобъ такъ меня изгрызъ, какъ я грызу его голову». Затѣмъ, посыпавъ на голову пеплу, уличаемый выпиваетъ масло и до трехъ разъ кусаетъ медвѣжью голову. Эта клятва почиталась страшною, и виноватый никакъ не смѣлъ приступить къ ней, но теперь она вывелась изъ употребленія. Вѣроятно, испытали ничтожность заклинанія.

На шамановъ уже давно установился рутинный взглядъ, главныя черты котораго мы привели выше. Но описаніе это было бы весьма не полно, если бы мы не привели здѣсь взгляда на этотъ предметъ одного изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ путешественниковъ нашихъ въ этотъ далекій край. Врангель смотритъ на этотъ предметъ съ другой, психологической стороны и говоритъ о шаманахъ и шаманствѣ слѣдующее:

«Обыкновенно, общее мнѣніе называетъ всѣхъ шамановъ грубыми, корыстолюбивыми обманщиками, пляска и кривлянія которыхъ простое притворство. Но по тому, что я имѣлъ случай видѣть здѣсь, и въ другихъ мѣстахъ Сибири, сей приговоръ кажется мнѣ слишкомъ строгимъ и неосновательнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ одностороненъ, и относится только къ тѣмъ людямъ, которые, подъ именемъ шамановъ, переходятъ изъ селенія въ селеніе, и разными, по видимому сверхъ-естественными дѣйствіями, какъ то: безвреднымъ хватаніемъ раскаленнаго желѣза, прокалываніемъ руки длинною иголкою, и т. д., удивляютъ простой народъ и выманиваютъ у него деньги. Истинные шаманы не принадлежатъ къ особой кастѣ и не составляютъ соединеннаго для извѣстной цѣли сословія, но образуются и совершенствуются сами собою. Среди народа рождаются люди съ сильнымъ, легко воспламеняемымъ воображеніемъ; съ малолѣтства слышатъ отъ старшихъ о злыхъ и добрыхъ духахъ и шаманахъ; видятъ шаманскіе обряды и неестественныя судорожныя движенія; всеобщее уваженіе и самая таинственность сильно поражаютъ юношу. Онъ также начинаетъ стремиться къ необыкновенному, старается достигнуть сообщества съ неземнымъ. Никто не можетъ указать ему къ тому пути; сами шаманы не знаютъ, какимъ образомъ они сдѣлались шаманами. Изъ самого себя и окружающей его мрачной природы долженъ онъ извлечь познаніе непонятнаго. Уединеніе, одиночество, бдѣніе, постъ, разгорячительныя средства напрягаютъ и разстроиваютъ его воображеніе. Наконецъ, онъ видитъ явленія и духовъ, о кото-

рыхъ слышалъ съ малолѣтства. Онъ вѣритъ имъ твердо и безъ всякаго притворства. Тогда посвящаютъ его въ шаманы; торжественно и таинственно, въ тишинѣ ночи, научаютъ его пляскѣ и пріемамъ на бубнахъ. Но посвященіе не умножаетъ познаній шамана и не производитъ какой нибудь перемѣны въ его духѣ, оно просто внѣшняя церемонія. Все что шаманъ чувствуетъ, говоритъ, дѣлаетъ, чему онъ вѣритъ, есть и остается слѣдствіемъ расположенія его собственнаго духа, и никакъ не можетъ быть хладнокровнымъ, обдуманнымъ обманомъ, или притворствомъ. Всякій, кто видѣлъ и наблюдалъ истиннаго шамана въ высшей степени восторга, согласится со мною, что шаманъ, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, не можетъ и не хочетъ обманывать, и что такое состояніе происходитъ отъ невольнаго, непреодолимаго вліянія чрезмѣрно напряженнаго и разстроеннаго воображенія. Истинный шаманъ есть, безъ сомнѣнія, замѣчательное психологическое явленіе. Пляска и гаданіе шамановъ дѣлали на меня всегда продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Дикій взоръ, налитые кровью глаза, сиплый голосъ, съ трудомъ вырывающееся изъ стѣсненной груди дыханіе, неестественныя, судорожныя корчи лица и всего тѣла, стоящіе дыбомъ волосы, глухой звукъ бубновъ, придаютъ картинѣ нѣчто ужасное, таинственное, поражающее всякого, даже и образованнаго человѣка. Мудрено ли, что необразованныя дикія дѣти природы видятъ въ томъ мрачное дѣйствіе злаго духа?»

Главныя черты якутскаго характера суть: мстительность, сутяжничество, необходительность и скрытность. Якутъ никогда не забываетъ претерпѣнной обиды, и если самому не удастся отмстить, непремѣнно передастъ мщеніе своему сыну, или ближайшему родственнику. Страсть якутовъ къ тяжбамъ безпредѣльна: только представилась бы возможность затѣять нѣчто похожее на жалобу, или доносъ, они тотчасъ готовы ябедничать, и мало того, что тѣмъ докучаютъ всякому проѣзжему, имѣющему, по ихъ предположеніямъ, нѣкоторую значительность, но часто предпринимаютъ еще обременительныя и убыточныя для себя поѣздки, чтобы завести только тяжбу, нерѣдко изъ-за пустяковъ.

Необходительность и скрытность, побуждающія ихъ селиться болѣе разсѣянно, нежели въ совокупности между собою, представляютъ, впрочемъ, весьма разительную противуположность съ гостепріимствомъ и радушною предупредительностью, какую они оказываютъ проѣзжимъ. Селиться обществами у нихъ не въ обыкновеніи; только между Якутскомъ и Алданомъ, на пространствѣ болѣе многолюдномъ, встрѣчаются кое-гдѣ наслѣги (ночлеги), состоящіе изъ нѣсколькихъ юртъ; напро-

тивъ того, за Верхо-Янскимъ хребтомъ одна юрта отъ другой отстоитъ часто верстъ на двѣсти, такъ что ближайшіе сосѣди не видаются иногда по цѣлымъ годамъ. Къ такому удаленію побуждается якутъ не столько нуждою въ пастбищахъ, сколько своимъ характеромъ: имѣя сильную наклонность къ уединенію и отчужденію, онъ всячески старается уклоняться, гдѣ только можно, отъ взаимныхъ связей съ другими. Не смотря на то, путешественникъ, проѣзжающій по якутскимъ пустынямъ, найдетъ въ каждомъ изъ разбросанныхъ на огромномъ разстояніи жильѣ радушно гостепріимство и готовность подѣлиться съ нимъ, чѣмъ только богаты хозяева.

При первомъ взглядѣ на якутовъ, можетъ показаться, что они ни о чемъ не думаютъ, между тѣмъ они только притворяются, а на самомъ дѣлѣ все знаютъ, что имъ нужно и можно знать по своему положенію. Они очень осмотрительны, внимательны ко всему и догадливы; почти никогда не даются въ обманъ русскимъ; а русскіе, напротивъ, бываютъ ими обманываемы, принимая ихъ притворство за искренность. Якуты очень пристрастны къ хлѣбному вину, къ табаку, къ игрѣ въ карты, къ борьбѣ и пляскѣ, къ разсказамъ и баснямъ, въ которыхъ герои у нихъ слывутъ «желѣзными». Якуты курятъ табакъ изъ своихъ складныхъ трубокъ, играютъ въ карты до самозабвенія и проигрываютъ другъ другу послѣднія деньги, скотъ и вещи.

Многіе утверждаютъ, что рабство довело ихъ до такого состоянія; что сами русскіе поступками своими сдѣлали изъ якутовъ обманщиковъ и плутовъ. Но почему же буряты, тунгусы и другіе народы до сихъ поръ сохраняютъ болѣе чистоту своихъ нравовъ? Почему до сихъ поръ бурятъ не разламываетъ въ Иркутскѣ по ночамъ амбаровъ, лавокъ и проч., тогда какъ въ Якутскѣ рѣдкая ночь проходитъ безъ подобныхъ происшествій, которыхъ виновники всегда якуты. Правда, что въ прежнія времена они много терпѣли отъ русскаго, но не то ли же было и съ бурятами?

Лѣность ихъ чрезвычайна, а гордость князцевъ выходитъ изъ предѣловъ; въ прежнія времена при князцѣ, ѣдущемъ верхомъ, было нѣсколько скороходовъ; теперь это обыкновеніе вывелось отчасти. Страсть къ воротству и картежной игрѣ повальна; тутъ и мошенникъ считается человѣкомъ умнымъ. Плутни старшинъ довели якутовъ до крайности: они содержатъ бѣдныхъ въ совершенномъ рабствѣ, затрудняютъ имъ способы идти въ городъ пріобрѣсть что нибудь работою, а чрезъ то дѣлаютъ ихъ вѣчными своими работниками. Многіе изъ крещеныхъ

якутовъ остаются еще въ дикомъ полуязычествѣ, обходятъ браки и, приживъ незаконно-рожденныхъ дѣтей, часто покидаютъ женъ своихъ съ дѣтьми или обвѣнчиваются съ женой только по усиленнымъ убѣжденіямъ священниковъ. По древнему обычаю, якутъ до тѣхъ поръ не можетъ привести жены своей отъ тестя домой, пока не выплатитъ ему *калыма*, или условленной цѣны, уплата которой продолжается иногда нѣсколько лѣтъ.

Хотя якуты, по христіанскому закону, и не должны имѣть болѣе одной жены, однакоже рѣдкіе изъ нихъ не имѣютъ двухъ, на что наши священники смотрятъ сквозь пальцы, употребляя только одно увѣщаніе къ соблюденію одноженства.

Обычай женить дѣтей еще въ малолѣтствѣ, существуетъ и между якутами, однакоже нѣкоторые молодые люди находятъ сами себѣ невѣстъ. Въ этомъ случаѣ, съ согласія родителей посылается сватъ къ отцу невѣсты и договаривается о калымѣ и приданомъ, которое бываетъ всегда въ половину противъ калыма; въ то же число включается и лошадиное мясо. По окончаніи договора, спрашиваютъ у невѣсты, согласна ли она выдти за такого-то замужъ? Молчаніе невѣсты означаетъ согласіе. Тогда утверждается договоръ и назначается время для пріѣзда жениха, что обыкновенно бываетъ зимою, чтобы мясо не портилось, и въ первыхъ числахъ рожденія новой луны. Съ женихомъ пріѣзжаютъ обыкновенно родственники его и друзья, безъ женщинъ, съ подарками, состоящими въ скотѣ, конскомъ мясѣ и нѣкоторой части калыма. По пріѣздѣ, женихъ входитъ въ юрту и становится по правую сторону комелька, а отецъ съ матерью по лѣвую, шаманъ сидитъ уже на отцовской кровати. Обрядъ начинается возліяніемъ: женихъ становится на правое колѣно и льетъ на огонь топленое масло, потомъ, приподнявъ шапку, киваетъ трижды головою. Тогда шаманъ провозглашаетъ, чтобы онъ былъ зятемъ счастливымъ и прижилъ бы съ женою своею множество дѣтей, размножилъ бы скотоводство и сдѣлался богатымъ человѣкомъ. По окончаніи церемоніи, женихъ выходитъ вонъ, снимаетъ съ себя дорожное платье, надѣваетъ праздничное и входитъ въ юрту со всѣмъ своимъ поѣздомъ, пробирается къ невѣстиной кровати, садится на нее и закрывается досками. Во все время торжества невѣста сидитъ гдѣ нибудь въ сосѣдней юртѣ. Гости садятся и начинается ужинъ, послѣ котораго всѣ ложатся спать, или въ той же юртѣ или уходятъ въ другую; женихъ же вступаетъ въ права мужа. По прошествіи трехъ сутокъ, гости разъѣзжаются, отдавши часть калыма и получивши отъ невѣсты

часть приданаго и полное носильное платье для жениха и его отца. Спустя нѣсколько времени, а иногда и черезъ годъ, пріѣзжаетъ къ невѣстѣ мать женихова; гоститъ столько же и выполняетъ тѣ же самые обряды, но не получаетъ въ подарокъ платья. Въ продолженіи того времени, какъ выплачивается калымъ, невѣста живетъ въ домѣ отца, но женихъ ѣздитъ къ ней когда ему угодно, и пользуется всѣми супружескими правами.

Когда калымъ будетъ совершенно выплаченъ, невѣста препровождается въ домъ жениха своими родственниками, при чемъ соблюдаются слѣдующіе обряды. Когда процессія приблизится къ юртѣ жениха (юрта строится новая), родственники завѣшиваютъ у невѣсты лицо горностаями, между тѣмъ два человѣка отправляются въ юрту женихова отца. При входѣ имъ подаютъ по кружкѣ кумысу, мѣрою около четверти ведра. Порядокъ требуетъ, чтобы они выпили всю кружку. Послѣ того они выходятъ вонъ, соединяются съ процессіею и ѣдутъ къ юртѣ жениха *). Невѣста при входѣ становится на правое колѣно, кладетъ на огонь масло, и дѣлаетъ три поклона; сидящій же тутъ шаманъ говоритъ тѣ же слова, какъ и прежде жениху. Послѣ того всѣ идутъ къ тестю и пируютъ. На другой день молодую вводятъ къ свекру въ юрту на поклонъ, затѣмъ отецъ ея отсылаетъ къ тестю подарки, во время принятія которыхъ шаманъ садится возлѣ женихова отца, надѣваетъ на него новую шапку, и бросивъ часть изъ присланнаго масла на огонь, призываетъ духовъ, умершихъ шамановъ и шаманокъ, проситъ, чтобы они изливали свои милости на вновь сочетавшихся. По окончаніи заклинанія, принесшимъ подарки подаютъ по кружкѣ кумысу, и они уходятъ. Вечеромъ собираются уже къ отцу жениха мужчины и женщины и пируютъ при различныхъ играхъ: бѣганіи, борьбѣ, прыганіи и конскихъ скачкахъ. При этомъ съ обѣихъ сторонъ выставляются обжоры, которыя съѣдаютъ невѣроятное количество мяса и выпиваютъ фунтовъ по десяти и болѣе топленаго масла съ кусками жиру, стараясь каждый превзойти своего соперника.

На третій день начинаются взаимные подарки, и если они хоть немного не удовлетворяютъ ожиданія, то новые родственники остаются на всю жизнь врагами. При бракахъ разсматривается только родство по мужскому колѣну, женское въ уваженіе не принимается; исходящая

*) Этотъ обрядъ соблюдаютъ и буряты.

линія, даже до десятаго колѣна, не можетъ вступить между собою въ бракъ. Но, съ другой стороны, отецъ съ сыномъ, братъ съ братомъ могутъ жениться на родныхъ сестрахъ, даже дядя можетъ жениться на родной племянницѣ.

Когда языческіе обряды кончатся, то новобрачные вѣнчаются въ первый пріѣздъ священника въ ихъ улусъ. Случается нерѣдко, что женихъ и невѣста расходятся, прижившн уже нѣсколько дѣтей. Бываетъ также, что якутъ беретъ и другую жену при жизни первой, но въ этомъ случаѣ бракъ совершается при однихъ языческихъ обрядахъ.

Якуты, а по преимуществу якутки, изъявляютъ дружбу свою къ ближнимъ и особенно любовь къ дѣтямъ по своему: обнимая, нюхаютъ ихъ голову, шею и самую одежду, но никогда не цѣлуютъ. Только немногіе якуты, бывающіе часто въ городѣ и обращающіеся съ русскими, изрѣдка выражаютъ свою пріязнь къ нимъ поцѣлуями.

Обряды при родахъ и похоронахъ состоятъ въ слѣдующемъ.

Когда роды благополучны, и притомъ дитя мужескаго пола, то по зову отца собираются къ нему подъ вечеръ родственники и друзья, ѣдятъ убитую для этаго случая скотину, а отецъ даетъ младенцу имя. При рожденіи же дочерей никакихъ праздниковъ не бываетъ. Но если роды трудные, то собираютъ всѣхъ сосѣдей, которые и сидятъ до тѣхъ поръ, пока роженица не разрѣшится; послѣ того ѣдятъ и расходятся.

Крещеніе совершается по пріѣздѣ священника въ улусъ.

Если якутъ умретъ, его въ тотъ же день и хоронятъ, положивши съ нимъ пары двѣ изъ его платья и убитую верховую лошадь съ прибором. Надъ могилою дѣлаютъ срубъ, который обносятъ заборомъ, на столбы вѣшаютъ нѣсколько конскихъ шкуръ съ головами. Потомъ объѣзжаютъ могилу на лешадяхъ три раза по теченію солнца. Ближніе родственники къ могилѣ не приближаются, но, стоя въ отдаленіи, до трехъ разъ производятъ жалобный крикъ. Юрта, гдѣ умеръ якутъ, оставляется, и всѣ его домашніе переходятъ въ новую, потому что умершихъ они почитаютъ съѣденными дьяволомъ, а домы ихъ, съ тѣхъ поръ, жилищемъ бѣса, нашедшаго себѣ жертву. При погребеніи шамана кладется съ нимъ его платье, а подлѣ могилы вѣшаютъ разодранный бубенъ; вообще съ умершимъ кладутъ говядину и масло, полагая, что ему въ томъ будетъ нужда. Нѣкоторые изъ этихъ обрядовъ теперь оставлены. Священникъ отпѣваетъ умершаго въ могилѣ.

Зимою якуты всѣ почти дни и вечера проводятъ въ бесѣдахъ, въ разсказахъ басень и въ карточной игрѣ предъ своими комельками,

поворачиваясь съ боку на бокъ, а жены ихъ, которыя вообще весьма трудолюбивы, занимаются въ это время разными рукодѣліями.

Зимою на голомъ земляномъ полу въ юртахъ передъ комельками вертятся всегда полунагія и совсѣмъ нагія ребятишки, которыя, при появленіи русскихъ, выбѣгаютъ на встрѣчу къ нимъ на улицу, не смотря ни на какой морозъ.

Привыча къ холоду изумительна въ якутахъ. Они не берутъ съ собою въ самыя дальнія зимнія путешествія ни палатокъ, ни одѣялъ, ни даже большихъ шубъ. Во время путешествій якутъ носитъ свое обыкновенное платье, причемъ ночи проводитъ всегда подъ открытымъ небомъ; разостланная на снѣгу попона служитъ ему постелью, а деревянное сѣдло подушкой. Мѣховой курткой, которая днемъ служила ему платьемъ и которую онъ снимаетъ на ночь, покрываетъ онъ свои плечи и спину, а переднею частью тѣла, почти совершенно раскрытою, оборачивается къ огню. Полежавъ такимъ образомъ и согрѣвшись почти до пота, якутъ затыкаетъ себѣ носъ и уши клочками шерсти и закрываетъ себѣ лице, оставляя лишь маленькое отверстіе для дыханія. Вотъ все, что нужно якуту, чтобы не замерзнуть во время сна при самыхъ сильныхъ холодахъ. Даже въ Сибири якутовъ называютъ желѣзными людьми. «Безчисленное множество разъ видѣлъ я, говоритъ Врангель, какъ якуты спали совершенно спокойно на открытомъ воздухѣ при 20° мороза. Короткая куртка свалилась съ плечъ, костеръ давно потухъ и все, почти обнаженное, тѣло спящаго покрыто было толстымъ слоемъ инея».

Къ такой терпѣливости якуты привыкаютъ съ самаго младенчества. У нихъ трои сутки или болѣе, по нѣскольку разъ въ день, натираютъ новорожденныхъ младенцевъ снѣгомъ или обливаютъ холодною водою съ слѣдующею поговоркою: «терпи холодъ—стерпишь холодъ; терпи стужу—стерпишь стужу». Якуты не имѣютъ обыкновенія тѣшить и нѣжить своихъ дѣтей: кладутъ ихъ нагихъ въ жесткія, почти голыя зыбки или въ корыта на бересту съ подставленными внизу лотками для стока мочи; сверху прикрываютъ ихъ какими нибудь лохмотьями, кормятъ молокомъ съ водою, почти не укачиваютъ ихъ и не обращаютъ много вниманія на ихъ плачъ и вопли, думая даже, что чѣмъ больше кричитъ младенецъ, тѣмъ больше и скорѣе ростетъ. Дѣти до тѣхъ поръ ходятъ нагими, пока не станутъ сознавать стыда и закрываться сами. Тогда уже и родители одѣваютъ ихъ въ платье изъ кожи коровьей или какой нибудь звѣриной, а по праздникамъ въ синія рубашки.

Праздники (исэхъ) у якутовъ бываютъ весною, съ которою совпадаетъ изобиліе въ молокѣ. Приготовя нѣсколько десятковъ ведръ кумысу, якуты приглашаютъ своихъ сосѣдей, но молва о пиршествѣ распространяется повсюду. Въ назначенный день званые и незванные, одѣвшись въ лучшее платье, ѣдутъ на праздникъ. Еще поутру въ юртѣ хозяина нѣсколько человѣкъ садятся впереди на постланныя шкурки; возлѣ нихъ помѣщаются начальники и почетныя лица. Тогда выбираются одинъ или два молодые человѣка, не бывшіе въ томъ мѣсяцѣ при мертвецѣ, не изобличенные ни въ воровствѣ, ни въ лжесвидѣтельствѣ. Они берутъ по большой деревянной стопѣ, наливаютъ въ нихъ кумысъ и становятся передъ погасшимъ огнемъ, лицемъ къ востоку. Подержавъ нѣсколько времени стопу противъ груди, они льютъ каждый понемногу до трехъ разъ на пепелъ. Это жертва первому божеству. Поворотясь не много на право, онъ дѣлаетъ возліяніе женѣ этого божества. Поворачиваясь такимъ образомъ по немногу на право и возливая богамъ, онъ доходитъ до юга; потомъ поворачивается на западъ и возливаетъ въ честь двадцати семи мытарствъ. Поворотясь къ сѣверу, онъ возливаетъ преисподнимъ духамъ—тѣнямъ умершихъ шамановъ. Послѣднее возліяніе дѣлается старухѣ, называемой *Ингхсытъ*, о которой думаютъ, что она вредитъ коровамъ въ родахъ. Окончивъ эту церемонію, возливатель оборачивается къ востоку. Тогда одинъ изъ сидящихъ впереди громкимъ голосомъ благодаритъ Бога за дарованныя имъ блага, и проситъ о будущихъ его благодѣяніяхъ. Окончивъ молитву, онъ снимаетъ шапку и кричитъ громкимъ голосомъ: уруй! (подай, благоволи), что трижды повторяютъ всѣ сидящіе въ юртѣ. Послѣ молитвы провозглашатель беретъ стопу съ оставшимся кумысомъ, пьетъ самъ и подаетъ прочимъ. Женщины не могутъ участвовать въ этомъ обрядѣ.

Къ вечеру начинаются различныя игры. Женщины, въ лучшихъ парядахъ своихъ, становятся въ кругъ, берутся руками, такъ что пальцы одной сплетаются съ пальцами другой и ходятъ тихо по теченію солнца, напѣвая каждая свое, такъ что въ цѣломъ пѣніе ихъ походитъ на школьное чтеніе, когда ученики твердятъ вслухъ свои уроки.

Мужчины плясками не занимаются: они скачутъ на лошадяхъ, сами пускаются другъ съ другомъ въ бѣгъ и проч.

Передъ юртою хозяина вкапываются въ землю три столба съ перекладиною, украшенные березками; подъ столбы ставятъ кумысъ въ огромныхъ кожаныхъ мѣшкахъ, верхъ которыхъ подтягиваются веревками къ перекладинамъ, чтобы мѣшокъ не упалъ. Это кумысъ для

мужчинъ; для женщинъ же ставятся другіе три столба съ такими же мѣшками. Всѣ якуты садятся въ нѣсколько рядовъ на землю лицемъ къ востоку, протянувши ноги. Женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ. Тогда приносятъ огромные деревянные кувшины; нѣсколько якутовъ берутъ въ руки каждый по одному и идутъ къ мѣшкамъ; стоящій подлѣ нихъ якутъ длиннымъ деревяннымъ ковшемъ наливаетъ каждому полный кувшинъ. Получившій отходитъ прочь и становится лицемъ къ востоку, подлѣ него помѣщается другой, и такъ далѣе. У женской толпы дѣлается то же. Послѣ того, кувшиноносцы подходятъ къ гостямъ; хозяинъ, взявъ одинъ кувшинъ, подаетъ его почетнѣйшему гостю, который, напившись кумысу въ нѣсколько пріемовъ, передаетъ его своему сосѣду, и такимъ образомъ, идетъ круговая попойка до тѣхъ поръ, пока кумысъ не полѣзетъ уже въ горло. За тѣмъ у женщинъ начинаются пляски, а у мужчинъ борьба. Два атлета, въ одномъ короткомъ исподнемъ платьѣ, выводятся на сцену секундантами. Борьба ихъ состоитъ въ схваткѣ другъ друга за руки, причемъ каждый старается вырвать свои руки изъ рукъ противника; нѣсколько паръ пощипавъ себя такимъ образомъ, кончаютъ борьбу. Близь хозяйской юрты ставится высокій гладкій шестъ, по которому якуты поднимаются вверхъ, или вытянувъ по шесту руку и держась за него, стараются ногою достать до руки.

Пѣсень постоянныхъ они не имѣютъ, а всякій поетъ, что ему вздумается. Когда якутъ идетъ одинъ дорогою, особенно если ѣдетъ, то забавляется всегда пѣніемъ, поетъ, тянетъ во все горло свою любимую задушевную пѣсню о чемъ нибудь, а большею частью о томъ, что займетъ его вниманіе на пути; иногда же тянетъ только звуки: га-аа-а, или ге-е-ге-е, или гы-гы-ы-ы, о-л-о р-омъ (сяду),—послѣднее потому, что онъ поетъ большею частью сидя. Зимою въ 48° мороза, постукивая о землю ногами, якутъ поетъ: ча-а тымныча-а! (ахъ, какъ холодно!).

Вотъ образчикъ яутской пѣсни:

«Послѣ морозовъ Богъ далъ намъ тепло. Коровы наши отелились, показалась трава, скотъ нашъ сдѣлался жирнѣе, сталъ намъ давать больше молока; мы изъ него дѣлаемъ кумысъ, пьемъ и веселимся!»

Напѣвъ ихъ, единообразный и заунывный, есть отголосокъ скрытнаго, угрюмаго, суевѣрнаго народнаго характера. Не болѣе разнообразія и поэзіи представляетъ содержаніе и другихъ якутскихъ пѣсень. въ нихъ воспѣваются красоты природы, стройно и роскошно растущія

деревья, шумъ быстрыхъ рѣкъ, высота горъ, и т. д. Пѣвцы большею частью импровизаторы и усматриваютъ во всемъ однѣ очаровательныя красоты въ пустынѣ прелестную страну, въ полуобгорѣвшемъ сосновомъ стволѣ— прекрасное могучее дерево, въ первой встрѣтившейся грязной лужѣ— чистое, словно кристаллъ, прозрачное озеро. Можно отнести преувеличенія ихъ къ выспреннему воображенію, но въ дѣйствительности якуты столь высокопарно превозносятъ область горнаго духа только изъ страха, чтобы его не разсердить и задобрить.

Между тѣмъ якуты не лишены дара слова и импровизируютъ весьма удачно. Миддендорфъ на отдыхѣ во время своего путешествія, среди дикой нагорной мѣстности, записалъ слѣдующую импровизацію якута, произнесенную имъ во время жертвоприношенія лѣснымъ и горнымъ духамъ.

«Бабушка Кербе, отъ вѣка древняя. И ты, дѣдушка Бурея (обѣ рѣки), равный первой годами. Пошлите милость намъ, путешествующимъ по вашимъ скрытымъ оврагамъ, защитите, одарите счастіемъ и благословите насъ. Мы идемъ во имя великаго духа. Вы, стекающіе съ пѣніемъ съ высокихъ горъ, во имя ваше мы идемъ; пусть девять разъ будетъ счастливъ нашъ путь.

«И ты живущая на нашемъ пути, вдругъ и повсюду являющаяся, и подобно снѣгу исчезающая, необъяснимо-быстрая, волшебная дѣва Сыринай; ты, быстро бѣгущій, Курхачи, и вы, гномы, живущіе справа на девяти, а слѣва на восьми горахъ, будьте милостивы къ намъ. Я васъ всѣхъ угощаю заразъ (въ это время онъ беретъ изъ котла пищу и бросаетъ на огонь)—лакомьтесь, но не пробуйте разборчивымъ языкомъ, будьте довольны.

«Будьте милостивы къ *тайонамъ* (старшинамъ), чтобы они счастливо и радостно достигли цѣли. Молясь, взываю къ вамъ: ведите насъ счастливо, чтобы мы шли съ лучшими и обогнали посредственныхъ. Ты же, здѣсь управляющій горный старецъ, ты страшно богатый Барилахъ! доставь намъ еще въ утреннемъ сумракѣ темныхъ звѣрей и на ранней утренней зарѣ ярко-блестящихъ звѣрей, дорогіе мѣха! Наполни наши широкіе вьюки, нанижи соболей на наши длинные ремни наведи на насъ краснаго звѣря.

«Ты же, старый Чандай Кобоидъ (злое начало), не порази хромотой наши члены, не нападай на нашихъ юношей, не моргай, не смотри сюда твоими искрометными очами и не говори твоимъ злымъ языкомъ.

«Счастіе и благословеніе да будетъ намъ въ пути».

Въ лѣтнее время якуты занимаются скотоводствомъ, сѣнокосомъ и рыбною ловлею, въ началѣ и концѣ зимы ловлею бѣлокъ, лисицъ, бурундуковъ, а частію и соболей. Немногіе лишь обработываютъ землю и сѣютъ въ маломъ количествѣ ячмень, да и то по настоянію земскаго начальства.

Будучи по природѣ переимчивы, якуты дѣлаютъ по заказу и на продажу нѣкоторыя довольно красивыя вещи, особенно гребни, шкатулки ящики изъ мамонтовой кожи съ рѣзьбою, употребляя для того только одинъ ножъ. Якуты, кромѣ своей одежды, шьютъ искусно узорчатые ковры изъ разноцвѣтныхъ коровьихъ кожъ и плетутъ, изъ длинной травы, ситки, половики или постилки не только для себя, но и на продажу.

Способностью къ ремесламъ якуты превосходятъ всѣ сибирскіе народы, и нѣкоторыя якутскія издѣлія, особенно кинжалы и ножи, могли бы заслужить отличіе и на европейскихъ промышленныхъ выставкахъ. Ихъ желѣзныя издѣлія, отъ качества ли матеріала или превосходной обработки, не лопаются даже въ самые сильные холода, качество, котораго не имѣютъ даже лучшіе англійскіе топоры. Рукоятка якутскихъ кинжаловъ искусно украшается оловомъ, а ножны дѣлаются изъ бересты, обтянутой черной кожей; для прочности же ихъ сковываютъ жестяными полосами.

Говоря короче, они ловкіе мастера почти во всемъ: они искусные плотники и печники; деревянные дома строятъ такъ чисто и такъ плотно, что хоть бы лучшему мастеру. Изъ мамонтовой кости они очень хорошо дѣлаютъ гребни, гребенки и разныя другія издѣлія. Въ городѣ Якутскѣ мебель работаютъ исключительно якуты; при недостаткѣ въ инструментахъ, трудности побѣждаютъ терпѣніемъ, и за все это они получаютъ самую ничтожную плату; можно сказать, что работаютъ изъ одного только пропитанія. Якутки хорошія швеи, кухарки и работницы.

Вообще о якутахъ можно сказать, что они чрезвычайно остры и переимчивы; скоро выучиваются читать и писать, и склонны къ художествамъ. Между ними былъ даже одинъ живописецъ, котораго работа видна и теперь во многихъ домахъ и церквахъ.

Богатство якутовъ состоитъ въ огромныхъ стадахъ рогатаго скота и въ значительномъ количествѣ лошадей. Лошади имъ служатъ для дальнихъ переѣздовъ и въ особенности для верховой ѣзды; въ домашнемъ же быту для перевозки тяжестей всегда служатъ волы, которыхъ запрягаютъ въ самую простую упряжь и правятъ посредствомъ поводьевъ,

привязываемыхъ за деревянныя кольца, продѣваемыя въ ноздри животныхъ.

Якутскія лошади остаются на холодѣ даже въ то время, когда замерзаетъ ртуть. Ходя въ это время подъ открытымъ небомъ, они разрываютъ копытами снѣгъ для добыванія себѣ пищи, состоящей въ это время изъ остатковъ побитой морозомъ осенней травы. Эти животныя, до невѣроятности пріученныя къ лишеніямъ всякаго рода, мѣняютъ, шерсть какъ и всѣ другіе звѣри крайняго сѣвера. Лошади здѣсь всегда свѣжія и сильныя, хотя во время трудныхъ, нерѣдко мѣсяца три длящихся путешествій питаются исключительно сухой полусгнившей травой. Онѣ до глубокой старости сохраняютъ зубы и несравненно долѣе остаются молодыми, чѣмъ наши лошади; круглымъ числомъ лошадь здѣсь служитъ 30 лѣтъ.

«Кто думаетъ объ улучшеніи якутскаго коневодства, говоритъ Миддендорфъ, тотъ обратилъ вниманіе на нѣчто весьма совершенное. Пусть вспомнятъ только затруднительные пути, то, что здѣсь лошадь ѣстъ вмѣсто овса хвощи, кору лиственницы, ивовыя вѣтви и сухую траву, или пусть испробуютъ проѣхать на почтовой дорогѣ до Якутска, то увидятъ, что эти лошади, безъ отдыха проскакавшія 40 верстъ, ѣдятъ одну траву, и покрытыя пѣной, стоятъ безъ всякой покрышки при 40° мороза.

Овецъ якуты не держатъ. Богатые имѣютъ до тысячи штукъ скота; а какъ для прокормленія телятъ зимою нужно много сѣна, то бѣдные за бездѣльную плату все лѣто занимаются приготовленіемъ его. Крупный скотъ всю зиму ходитъ по лугамъ, и, разгребая снѣгъ ногою, питается сухою травою. Замѣчено, что чѣмъ глубже снѣгъ, тѣмъ лучше наѣдается скотъ, потому что дѣлаетъ больше движенія.

Много скота гибнетъ отъ того, если первый снѣгъ, упавши на землю, растаетъ и, замерзнувши, накроетъ траву ледянымъ черепомъ: тогда уже ни лошадь, ни корова не могутъ пробить его ногою; тоже бываетъ и весною, если снѣгъ, растаявъ сверху, вскорѣ послѣ того замерзнетъ.

Звѣриная ловля есть вторая статья ихъ промышленности. На ловлю соболей отправляется немного якутовъ, по причинѣ отдаленности тѣхъ мѣстъ, гдѣ соболи водятся, отъ якутскихъ жилищъ. Богатые посылаютъ бѣдныхъ, давши имъ ружье, пороху и свинцу, да для пропитанія нѣсколько лошадей, коровъ и масла.

Самымъ лучшимъ промысломъ почитается тотъ, если работникъ добудетъ 20 соболей; всего же больше занимаются стрѣляніемъ бѣлки

и ловлею лисицъ. Многіе изъ якутовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ тунгузовъ, ламутовъ, юкагировъ, получаютъ пушныхъ звѣрей разными обманами отъ этихъ простодушныхъ людей. Сначала стараются ихъ задолжить чѣмъ нибудь, напр. съѣстнымъ въ голодное время и проч., послѣ чего бѣднякъ дѣлается уже ихъ вѣчнымъ должникомъ, и хоть чувствуетъ всю тягость, отъ того происходящую, но переноситъ терпѣливо. Тѣ же изъ якутовъ, которые для торговли пробираются въ Удской край, мало того, что совершенно обираютъ пьяныхъ тунгузовъ, но, разъѣзжая по звѣроловнымъ мѣстамъ, вынимаютъ попавшагося въ ловушки звѣря. Когда же придетъ время тунгузу платить ясакъ, якутъ снабжаетъ его пушными звѣрями, у него же взятыми, и оставляетъ опять своимъ должникомъ.

Надо замѣтить, дикари губятъ звѣрей безъ пощады, отчего промыслы съ каждымъ годомъ уменьшаются.

Кромѣ означенныхъ промысловъ, якуты доставляютъ въ Якутскъ на убой скотъ и продаютъ купцамъ коровъ и кожу для обшивки тѣхъ товаровъ, которые идутъ въ Охотскъ, Колыму и далѣе. Земледѣліемъ рѣшительно ни одинъ якутъ не занимается, хотя ярица и поспѣваетъ, а гималайскій ячмень могъ бы родиться очень хорошо, что доказано опытомъ близъ Якутска.

Якуты распространены по Ленѣ и ея притокамъ, отъ Нюйи вверхъ по Ленѣ къ Вилюйю и его притокамъ до притоковъ Енисея и Хатанги къ востоку отъ Лены по Алдану и Колымѣ. Далѣе якуты встрѣчаются небольшими улусами у Удскаго Острога, Охотскаго порта и сѣверныхъ притоковъ Охотскаго моря. На крайнемъ сѣверѣ границы якутъ доходятъ до устья рѣкъ Яны, Индигирки и Колымы. Незначительное число якутъ живетъ въ нижнихъ частяхъ Енисея до Хатанги. Теперь перейдемъ далѣе къ востоку въ Охотскій край.

III.

Изъ Якутска въ Охотскъ и въ Приморскій край.

На всемъ протяженіи отъ меридіана Якутска до береговъ Охотскаго моря и Тихаго океана, не считая Амурскаго края, нѣтъ ни одного пункта, который, строго говоря, заслуживалъ бы названіе города. Весь Охотскій край представляетъ весьма мрачную картину по своему безлюдью, и грустную характеристику его одинаково описываютъ всѣ путешественники. Слѣдуя за Врангелемъ и Булычевымъ, мы отправимся сначала въ Охотскъ и Петропавловскій портъ въ Камчаткѣ, а затѣмъ къ Ледовитому морю.

Обширные предѣлы отдаленныхъ частей Восточной Сибири такъ разнообразны по мѣстности и народонаселенію, что никакимъ образомъ не могутъ быть разсматриваемы общимъ взглядомъ въ отношеніи къ цѣлому краю. Племена кочующихъ инородцевъ, разсѣянныя во всѣхъ направленіяхъ на его неизмѣримыхъ пространствахъ, столь же различествуютъ въ своемъ общественномъ быту, какъ и въ коренныхъ обычаяхъ. Господствующимъ вліяніемъ въ степени преобразованія всѣхъ вообще инородцевъ было, безъ сомнѣнія, пребываніе въ этихъ мѣстахъ русскихъ и введеніе христіанства, хотя первыя брошенныя сѣмена образованія и не принесли или принесли пока самый ничтожный плодъ. Впрочемъ, христіанство проникло не во всѣ предѣлы отдаленныхъ мѣстъ Восточной Сибири. Дикари, ближайшіе къ Ледовитому морю, какъ-то: коряки и чукчи, вслѣдствіе трудныхъ мѣстныхъ условій, климата и, наконецъ, самаго продовольствія, остаются до настоящаго времени почти неозаренными свѣтомъ христіанства.

Хотя окрестности Охотскаго моря и представляютъ нѣкоторыя удобства къ осѣдлому образу жизни, однако и здѣсь населеніе слишкомъ ничтожно, въ сравненіи съ пространствомъ цѣлаго края. Повидимому, попытки къ размноженію числа осѣдлыхъ жителей въ краѣ останутся навсегда усиліями тщетными, въ особенности принимая въ разсчетъ недостатки, съ которыми должно быть сопряжено состояніе ихъ домашняго быта, начиная съ хлѣбопашества; всегдашнее же употребленіе одной рыбы съ примѣсью морскихъ звѣрей, тѣмъ болѣе для людей не сроднившихся съ ними, каковы русскіе переселенцы, слишкомъ неудовлетворительно. Доказательствомъ служитъ то, что цифра народонаселенія края въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ не представляетъ удовлетворительныхъ результатовъ увеличенія, а напротивъ — показываетъ убыль. Это убѣждаетъ, что страна своими удобствами и мѣстностью предназначена одному лишь бродячему и вѣчно кочующему инородцу, которому ни суровость климата, ни недостатокъ въ пищѣ и другія лишенія не служатъ препятствіями для жизни.

Дорога изъ Якутска въ Охотскъ пролегаетъ по безлюдному болотистому и гористому пространству.

Переѣздъ по всей Восточной Сибири одинаковъ, т. е. сопряженъ съ неимовѣрными препятствіями и затрудненіями; мѣстность большею частію неровная, гористая, пересѣкаемая рѣками, на которыхъ нѣтъ ни мостовъ, ни переправъ. Далѣе приходится объѣзжать необозримыя болота и тундры; путешественники должны искать и прокладывать себѣ дорогу въ лѣсахъ, а зимою выбрать и приготовить себѣ ночлегъ, выкатывая въ снѣгу пещеру, и въ случаѣ вьюги пережидать нѣсколько сутокъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застаетъ непогода, укрываясь подъ нартами. О теплой пищѣ или о какомъ либо другомъ способѣ согрѣться и думать тогда невозможно.

Якутскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Лены; отправляясь въ Охотскъ, надобно переѣхать на правый ея берегъ. На мѣсто, называемое Ярмонга, всего за 7 верстъ отъ Якутска, собираются обыкновенно путешественники вмѣстѣ и приступаютъ къ путевымъ приготовленіямъ.

Промышленники, русскіе и якуты, стараются распредѣлить отправленіе идущихъ въ Охотскъ партій или каравановъ такъ, чтобы число лошадей, выходящихъ въ одинъ день, не превышало двухсотъ: иначе для паствы ихъ встрѣчались бы затрудненія.

*

Лошади идутъ привязанныя одна за другою; на передовой сидитъ якутъ — проводникъ, которому поручается такимъ образомъ лошадей до 10, навьюченныхъ кладью. Придя на ночлегъ или привалъ, лошадей пускаютъ въ поле. Зимою онѣ копытомъ прогребаютъ снѣгъ и питаются травою. Но, кромѣ всѣхъ трудовъ и лишеній, часто на этомъ пути случается новое бѣдствіе — зараза, которой ни причины, ни способы леченія, еще не открыты; она уничтожаетъ цѣлые табуны. Лѣтомъ отъ мошекъ болѣзнь усиливается и часто изъ одного табуна или каравана переходитъ въ другой. Множество лошадей гибнетъ въ короткое время, и, несмотря на то, что при караванахъ есть запасныя, ненавьюченныя лошади въ заводѣ, бываетъ, что поклажу приходися оставлять въ лѣсахъ съ людьми для сбереженія ея, и потомъ присылать за нею свѣжихъ лошадей. Якуты, при появленіи заразы, прибѣгаютъ къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ: они убиваютъ зараженныхъ лошадей, но и эта предосторожность не всегда мѣшаетъ болѣзни распространиться.

Лѣтомъ дожди по нѣскольку недѣль льютъ на безпріютныхъ путешественниковъ и не только пробиваютъ одежду и дорожную поклажу, которыхъ высушить нѣтъ ни времени, ни мѣста, но размываютъ дорогу и производятъ непроходимую грязь; во многихъ рѣкахъ прибываетъ вода и въ бродъ переѣздъ прекращается, такъ что на берегу одной изъ нихъ приходится иногда нѣсколько дней ожидать спада воды и возможности переправиться. Часто спутники подмащиваются на деревья со всѣмъ домашнимъ скарбомъ и такимъ образомъ проводятъ по нѣсколько сутокъ.

Во многихъ мѣстахъ тундра покрыта слоемъ земли, высохшей отъ лѣтняго солнца, который представляетъ поверхность одинаковую съ обыкновеннымъ полемъ; но слой этотъ удержать лошади не можетъ и она, проламывая его, вязнетъ въ бездонномъ болотѣ.

Коль скоро лошадь опустилась по брюхо, невозможно ни продѣть подъ нее веревку, ни даже подойти къ ней. Всадникъ, сидящій на ней, бросается на брюхо и такимъ образомъ выползаетъ изъ тундры на сухое мѣсто. Лошадь же якуты спѣшатъ развьючить и убиваютъ, чтобъ употребить ея мясо на пищу себѣ и собакамъ, а кожу на одежду и обувь.

Такой случай есть большое несчастіе для путешественника, ибо якуты тотчасъ же начинаютъ пиршество. Мясо лошади на мѣстѣ же приготовляется въ разныхъ видахъ, и проѣзжій долженъ непремѣнно ожидать,

пока якуты не съѣдятъ послѣдняго куска и не отдохнутъ отъ своей трапезы.

Холода доходятъ до 45 и 46° по Реомюру.

Лѣтомъ сообщеніе по всей Сибири происходитъ верхомъ на лошадяхъ, но въ Охотскомъ округѣ оно почти вездѣ прекращается, ибо тундристая и болотистая почва не дозволяетъ проложить дороги. Изъ Охотска идутъ только два пути: первый на Якутскъ, другой на Гижигу. Для слѣдованія по Гижигинскому краю надобно непремѣнно запастись всѣмъ нужнымъ на все время пути и отправить запасы эти, съ палаткой, на вьючныхъ лошадяхъ впередъ, ибо одно селеніе отъ другого находится въ такомъ разстояніи, что приходится ѣхать на однѣхъ лошадяхъ нѣсколько дней. Зимою ѣзда на собакахъ также весьма затруднительна. При глубокомъ снѣгѣ прокладываетъ дорогу человѣкъ, идущій впереди ихъ на лыжахъ, по слѣду котораго бѣгутъ собаки. Не говоря о медленности такого слѣдованія, невозможно вообразить себѣ всѣхъ бѣдствій путешественника, ѣдущаго на однѣхъ собакахъ нѣсколько сотъ верстъ по непроложенной снѣжной степи, въ морозъ, часто превосходящій 40°. Какъ описать мученія его во время вьюги, продолжающейся иногда нѣсколько дней сряду, въ снѣжной, безпредѣльной, безлѣсной пустынѣ? Для спасенія отъ подобныхъ бѣдствій, на каждыхъ сорока или пятидесяти верстахъ построена юрта для убѣжища или ночлега путешественниковъ. Юрта эта есть бревенчатый срубъ, непрочно сдѣланный, въ которомъ поставленъ каминъ (чувалъ). Но часто случается, что путешественникамъ не удается добраться до такаго пристанища до ночи; тогда они прорываютъ снѣгъ до земли въ видѣ логовища, раскладываютъ огонь при самомъ входѣ его, и такимъ образомъ въ снѣжной ямѣ, при неимовѣрныхъ холодахъ, должны проводить ночь и перемѣнять не только часть платья, но даже и бѣлье, ибо отъ испареній тѣла оно сырѣетъ и должно наконецъ замерзнуть; а какое платье и какіе мѣха могутъ защитить отъ сибирскихъ морозовъ?

Лѣто въ Охотскомъ округѣ начинается въ іюлѣ, оканчивается въ августѣ. Климатъ округа гораздо суровѣе, чѣмъ въ самомъ Охотскѣ и вообще чрезвычайно нездоровъ. Господствующая болѣзнь—цынга. Сырое состояніе почвы, составляя общую характеристику на всемъ пространствѣ, выражается не только въ низкихъ мѣстахъ, но и на самыхъ высочайшихъ хребтахъ; и здѣсь встрѣчаются мѣста топкія, непроходимыя, даже нерѣдко—болота и озера огромныхъ размѣровъ.

Единственный путь сообщенія въ зимнее и лѣтнее время лежитъ по направленію рѣкъ и рѣчекъ.

Долины, образуемыя продольными хребтами, представляютъ собою обширныя тундры, не дающія никакой растительности или покрытыя лѣсомъ. Мѣстами, большею частію вблизи рѣкъ, попадаются равнины сухія, удобныя для луговъ и подъ огороды, но нигдѣ нѣтъ мѣстъ для хлѣбопашества: въ такихъ-то равнинахъ существуютъ скудныя селенія пришлецевъ или туземныхъ жителей.

Обширныя тундры остаются еще при томъ назначеніи, какое дала имъ первобытная природа; вѣковые лѣса, растущіе по берегамъ большихъ рѣкъ въ значительномъ количествѣ и, повидимому, долженствовавшіе способствовать благоденствію страны, достигнувъ въ свое время конечнаго срока, разрушаются, нетронутые рукою человѣка, слѣдовательно, не доставивши никакой существенной пользы. Первозданные хребты, загромоздившіе большую часть пространства округа, или поражаютъ неприступностію и отсутствіемъ всякой растительности, или производятъ одинъ мохъ, составляющій единственную пищу, по преимуществу полезнѣйшихъ здѣсь домашнихъ животныхъ—оленей. Равнины и долины, встрѣчаемыя преимущественно по близости моря, суть единственныя мѣста осѣдлаго народонаселенія.

Обиліе водъ есть одно изъ главнѣйшихъ преимуществъ описываемаго нами края; но система водъ носитъ на себѣ тотъ же отличительный характеръ, какъ и все остальное. Во главѣ водной системы стоитъ Охотское море, омывающее берега округа на всемъ его протяженіи. Берега этого моря то представляются низкими, отдаленными отъ хребтовъ, то утесистыми и скалистыми на большомъ пространствѣ отъ сгруппированныхъ вѣковыхъ громадъ горъ. Единственный портъ во всемъ округѣ былъ въ городѣ Охотскѣ, но, по неудобству своему, онъ закрытъ. Неудобства заключались въ открытомъ положеніи береговъ рѣки Кухтуя, частой перемѣнѣ фарватера и существующихъ мелях. Устья другихъ рѣкъ, находящихся въ округѣ, не имѣютъ совершенно никакого достоинства въ этомъ отношеніи; приставаніе удобно въ лодкахъ и катерахъ только тамъ, гдѣ морскіе берега отлоги. Время навигаціи считается удобнымъ съ первыхъ чиселъ іюня мѣсяца до исхода сентября; но и здѣсь нерѣдко случается, что весною въ теченіе всего іюня мѣсяца льды скопляются въ такомъ количествѣ около береговъ, что входъ судовъ въ рѣку совершенно невозможенъ, чрезъ что суда

вынуждены бываютъ держаться весьма продолжительное время въ открытомъ морѣ.

Общій характеръ здѣшнихъ рѣкъ замѣчателенъ тѣмъ, что онѣ, начинаясь въ хребтахъ, все теченіе совершаютъ между горъ и утесовъ и только при впаденіи въ море незначительное пространство пробѣгаютъ по равнинамъ. Вода въ здѣшнихъ рѣкахъ въ прѣсномъ видѣ необыкновенно чиста и прозрачна, такъ что на глубинѣ трехъ или четырехъ аршинъ вы легко можете видѣть самое дно.

Преимущественное свойство здѣшнихъ рѣкъ—дробить свои воды уменьшая ихъ значительно въ глубинѣ, составляетъ общую причину, того, что главнѣйшія изъ нихъ не всегда могутъ выполнить условій, необходимыхъ для судоходныхъ рѣкъ; впрочемъ, недостатки эти въ настоящее время не составляютъ никакой существенной важности, такъ какъ все относящееся до судоходства не имѣетъ здѣсь мѣста. Всѣ здѣшнія рѣки, въ большой или меньшей степени, богаты рыбою, такъ что послѣдняя составляетъ исключительно продовольствіе края, прочія же ихъ отличительныя свойства въ отношеніи естественныхъ произведеній не изслѣдованы.

Въ числѣ необходимыхъ условій при отправленіи, должно непремѣнно имѣть продовольствіе на всю дорогу, сверхъ того, лѣтомъ имѣть съ собою хорошую палатку для ночлеговъ во время пути. Нерѣдко станціи или жилыя мѣста отстоятъ другъ отъ друга на нѣсколько сотенъ верстъ, отчего приходится въ продолженіе многихъ дней ѣхать на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ и останавливаться на открытомъ воздухѣ. По тракту отъ Якутска до Охотска самое дальнее разстояніе между зимними станціями отъ 70-ти до 80-ти верстъ, слѣдовательно, всегда можно надѣяться въ теченіе дня добраться до станціонной юрты, не подвергаясь всѣмъ испытаніямъ нестерпимаго холода, который нерѣдко превышаетъ сорокъ градусовъ по Реомюру. Но отъ Охотска къ Гижигѣ уже совершенно другой порядокъ:—отправляясь изъ одного селенія, собаки должны идти на проходъ до другаго, съ нужнымъ запасомъ продовольствія какъ для себя, такъ равно и для сѣдоковъ, и путешественникъ всегда долженъ имѣть излишнія подводы: къ тому же и время, нужное для переѣздовъ, не можетъ быть опредѣлено по причинѣ пургъ, или жестокихъ мятелей, нерѣдко свирѣпствующихъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Въ этомъ случаѣ дорога прокладывается первоначально людьми, идущими на лыжахъ, а за ними пробираются уже собаки. Послѣдняя ѣзда чрезвычайно медленна: въ цѣлый зимній день съ тру-

домъ подвигаешься отъ двадцати до тридцати верстъ впередъ. Въ отвращеніе всѣхъ неудобствъ, на пустопорожнихъ пространствахъ устроены юрты въ сорока и пятидесяти верстахъ одна отъ другой, служащія убѣжищами отъ непогодъ и ночлегами. Говоря о подобной юртѣ, всякій, незнакомый съ ея устройствомъ, можетъ быть вообразить себѣ что нибудь похожее на жилое зданіе, между тѣмъ какъ на дѣлѣ это простой деревянный срубъ, сдѣланный большею частію изъ тонкихъ бревенъ, весьма неплотно затыканный сухой травою или мохомъ, и съ такимъ же потолкомъ; вмѣсто пола положено нѣсколько неровныхъ плахъ и въ одномъ углу чувалъ, т. е. что-то въ родѣ камина. Понятно, что только при неугасаемомъ огнѣ можно здѣсь отдохнуть нѣсколько; если же огонь погаснетъ, то въ подобныхъ юртахъ такой же холодъ, какъ и на открытомъ воздухѣ. Бываютъ и такіе случаи, въ особенности при чрезвычайно глубокихъ снѣгахъ, что въ теченіе дня утомившіеся люди и собаки не въ состояніи достигнуть и этихъ убѣжищъ. Селенія, устроенныя на берегу моря отъ Охотска до гижигинской границы, такъ ничтожны и удалены другъ отъ друга, что пустопорожнія мѣста, раздѣляющія самыя селенія, представляются обширными степями на пространствахъ отъ ста до четырехъ сотъ верстъ, безъ всякаго признака какого нибудь жилья, исключая однихъ голыхъ юртъ.

Кромѣ того, дорога, не имѣя одного постояннаго направленія прокладывается совершенно произвольно вездѣ, гдѣ только можно какъ нибудь проѣхать, соблюдая при этомъ одно—чтобы не потерять главнаго направленія; слѣдовательно, каждый новый поѣздъ прокладываетъ новую дорогу; нерѣдко приходится пробираться по такой чащѣ, что нарта съ трудомъ проходитъ между деревьями, и единственно отъ ловкости *каюра* (проводника) зависитъ предотвратить опасность и несчастіе. Дѣйствительно, всматриваясь въ движенія этого ѣздока, нельзя не удивиться его неутомимости и притомъ искусству управлять животными. Нѣсколькихъ только словъ при этомъ употребительныхъ, какъ-то: кахъ, кахъ (трогай съ мѣста), тахъ, тахъ (на право), кухъ (на лѣво), достаточно, чтобы заставить собакъ сдѣлать всѣ нужные повороты и быть въ полномъ повиновеніи каюра. Только въ случаѣ надобности, въ особенности при спускахъ, для удержанія отъ скорой ѣзды, онъ вкладываетъ свой *остолъ* (деревянная палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ) между передними копыльями нарты и, такимъ образомъ буравя твердую поверхность дороги, старается по возможности сдерживать собакъ и повозку, давая ей чрезъ то должное направленіе. Од-

накоже, случается, что и такія послушныя животныя, какъ собаки, выходятъ совершенно изъ повиновенія. Иногда, почуя свѣжій звѣриный слѣдъ, собаки бросаются съ изумительною быстротою, и нѣтъ силъ и возможности удержать ихъ. Тогда уже дѣло не обходится безъ поврежденія нарты, или безъ ушиба.

Въ дополненіе, множество хребтовъ, пересѣкающихъ въ различныхъ направленіяхъ все пространство округа, при крутизнѣ, представляющей безпрестанно новыя затрудненія, тѣмъ болѣе опасны, что истоки ключей въ зимнее время образуютъ на нихъ голыя накипи льда, идущія иногда отъ самой вершины до оконечной низменности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ подпрягаютъ заранѣе для подъема двойной комплектъ собакъ, или, выражаясь мѣстнымъ языкомъ, два *потека*, изъ коихъ въ каждомъ считаютъ отъ двѣнадцати до четырнадцати собакъ, а при спускѣ поддѣлываютъ къ полозьямъ ременныя подмоги, и въ этомъ случаѣ, для охраненія повозки, назначаются два каюра; въ случаѣ же большой крутизны, собакъ вовсе отстегиваютъ, а по обѣимъ сторонамъ нарты привязываютъ двѣ другія на ребро и опускаютъ уже съ помощію однихъ людей. Здѣсь въ особенности необходима чрезвычайная осторожность, такъ какъ направленіе самой дороги по покатости хребтовъ не всегда бываетъ прямое, отъ чего, при быстромъ бѣгѣ, нарты между кривыми извилинами могутъ легко разбиваться или опрокидываться. Наконецъ, какъ мы сказали выше, для большаго удобства, въ зимнее время дороги прокладываются преимущественно по направленію рѣчекъ, между тѣмъ какъ на большей части изъ нихъ или весьма мало, или даже нисколько не бываетъ снѣгу; въ этомъ случаѣ бойкая ѣзда по льду, не вездѣ ровному, требуетъ большой ловкости каюровъ и тутъ, для большей свободы дѣйствій, они надѣваютъ сверхъ обуви желѣзныя скобы или подковы съ острыми наконечниками, чтобы удобнѣе дѣйствовать въ управленіи нартами. Словомъ, каждому переѣзжающему эти степныя пространства и незнакомому съ трудными условіями всѣхъ путей сообщенія здѣшняго края, остается твердо положиться на каюра, потому что отъ проводника собственно зависитъ предохранить путника отъ несчастнаго случая.

Лѣтній путь столько же затруднителенъ какъ и зимній; здѣсь встрѣчаются свои неудобства: лошади, употребляемыя для верховой ѣзды, оставаясь постоянно на одномъ подножномъ кормѣ, слишкомъ слабы и не въ состояніи выдерживать дальнихъ переходовъ; переправы чрезъ рѣки неустроены, а при разливахъ въ ненастное время, исчезаютъ всѣ

существующіе на нихъ броды. Заключеніе можно присовокупить еще и то, что дебри и лѣса этой части Восточной Сибири, изобилуя разнаго рода звѣрями, въ томъ числѣ и медвѣдями, довершаютъ всѣ непріятности лѣтняго путешествія, такъ что, раскинувши походную палатку, нельзя вполнѣ быть въ безопасности отъ ихъ нападенія; въ ночное время нужно быть готовымъ всегда къ подобной встрѣчѣ. Въ отвращеніе такой непріятности, обыкновенно съ вечера разводятъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ огни и дѣлаютъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, чтобы тѣмъ удалить звѣрей.

Природа, надѣливъ шаръ земной болѣе или менѣе обильными дарами, повидимому, истощилась, и почти ничего не оставила на долю Охотскаго края. Конечно, край этотъ не изслѣдованъ, а потому можно допустить, что богатства его еще не открыты. Это можно преимущественно сказать о царствѣ ископаемомъ. Къ сожалѣнію, должно сказать, что успѣхи цѣлаго края въ этомъ отношеніи едвали представляютъ удовлетворительные результаты. Если и встрѣчаются какіе либо виды царства ископаемаго, то, безъ сомнѣнія, изъ разряда самыхъ простыхъ, по близости жилыхъ мѣстъ и преимущественно годныхъ въ домашнемъ употребленіи простолюдина; такова, напримѣръ, изъ земель, разнородная глина, добываемая въ окрестности Тауйскаго форпоста и Ямской крѣпости; она, будучи различныхъ цвѣтовъ, замѣняетъ собою самый чистый мѣлъ, вохру и даже сурикъ; на всемъ протяженіи этого берега въ домахъ обывателей печи и чувалы ихъ тщательно выкрашены этою глиною и содержатся всегда въ большой чистотѣ; превосходство глины таково, что яркостію цвѣта и прочностію она не уступаетъ даже нисколько самимъ краскамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собирается тунгусами особаго рода бѣлая жидкая глина, употребляемая ими въ пищу; мѣсто ея рожденія преимущественно въ горныхъ ключахъ; отличительныя свойства: въ сыромъ состояніи она имѣетъ большую вязкость, а сухая удобно растворяется въ водѣ, превращаясь въ жидкость, подобную молоку; глина эта имѣетъ вкусъ пряный безъ противнаго запаха. Въ верховьяхъ рѣки Кухтуя, въ 40 верстахъ отъ устья, по покатости хребта, называемаго Ланьжа, есть слой каменнаго угля, хотя не высшей доброты, но годный въ дѣло. По неимѣнію въ немъ надобности въ этихъ странахъ, онъ остается безъ всякаго изслѣдованія и употребляется только рыболовами, во время ихъ промысловъ, вмѣсто дровъ. Болѣе замѣчательное явленіе есть слюда, признаки которой обнаруживаются на одномъ изъ хребтовъ, идущихъ по направленію Сигланскаго

мыса; тунгусы находятъ ее въ кускахъ, спадающихъ съ вершины хребта; нижній слой нѣсколько дресвяный, толщиною около дюйма, а за тѣмъ лежатъ нѣсколько слоевъ слюды на полдюйма и менѣе. Но, по словамъ этихъ единственныхъ проводниковъ въ здѣшнемъ краѣ, достигнуть вершины хребта, гдѣ, по признакамъ, должна находиться слюда, совершенно невозможно.

Царство растительное очень бѣдно на безплодной и болотистой почвѣ Охотскаго округа. Дерево, преимущественно наполняющее большую часть пространства Охотскаго округа, есть: лиственница, мѣстами, въ размѣрахъ годныхъ даже для кораблестроенія. Но эти вѣковыя деревья въ большомъ числѣ остаются и останутся въ пустыхъ отдаленныхъ равнинахъ и разрушаются сами собою отъ времени, не принося никакой существенной пользы. Ель и сосна, не уступающія въ размѣрахъ лиственницѣ, растутъ мѣстами весьма рѣдко.

Другой родъ строеваго лѣса есть тополь ник ъ. Береза, растущая преимущественно на каменистой почвѣ, вблизи или на самыхъ хребтахъ, имѣетъ видъ искривленный; жители употребляютъ ее на нѣкоторыя домашнія подѣлки, какъ-то: ложки, чашки и на полозья къ нартамъ. Черемуха и рябина встрѣчаются въ маломъ количествѣ по берегамъ рѣкъ; ягоды ихъ употребляются въ пищу въ сыромъ видѣ.

Кедровникъ растетъ небольшими кустами на хребтахъ, на сухихъ тундрахъ и встрѣчается вездѣ какъ отдѣльно, такъ и вмѣстѣ съ строевымъ лѣсомъ. Сухой кедровникъ доставляетъ хорошее топливо; кедровые орѣхи собираются здѣсь вообще въ ничтожномъ количествѣ и къ тому же они весьма мелки; орѣхи эти служатъ лакомствомъ кочевыхъ тунгусовъ. Можжевельникъ попадается изрѣдка въ лиственичныхъ лѣсахъ; ягоды его вовсе неупотребительны въ здѣшнемъ краю. Кора ольховника употребляется на окрашиваніе оленьихъ шкуръ въ красный цвѣтъ.

Слѣдующія за тѣмъ породы растеній доставляютъ плодами своими здѣшнему краю довольно значительную выгоду въ хозяйственномъ быту. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занимаетъ морошка; кромѣ обыкновеннаго ея употребленія, она служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельнымъ лекарствомъ во время господствующей здѣсь ежегодно цынги; цѣлебныя свойства ея такъ сильны, что при возможности достать морошку всѣ медицинскія пособія будутъ средствами совершенно излишними. Нерѣдко признаки губительной болѣзни появлялись до созрѣванія ягодъ:

въ такомъ случаѣ трава исцѣляла, какъ и самыя ягоды, хотя не въ одинаковой степени.

Поленика, или княженика, голубица, брусника, жимолость, шикша и въ маломъ количествѣ смородина, клюква и даже малина ростутъ во множествѣ; изобиліе всѣхъ этихъ ягодъ, кромѣ послѣднихъ, такъ велико, что жители округа запасаются ими въ большомъ количествѣ и употребляетъ въ зимнее время вмѣсто лакомства съ примѣсью нерпичьяго жира; блюдо это называется по здѣшному *толкуша*.

Изъ травъ большинство употребляются въ пищу; лекарственныя же травы этого края малоизвѣстны. Замѣчательные травы и коренья, замѣняющіе здѣшнимъ жителямъ огородную зелень суть: сарана, растущая около рѣкъ и на морскихъ прибрежьяхъ; она собирается осенью въ кореньяхъ величиною въ мелкій картофель и вполнѣ можетъ его замѣнить. Полевой лукъ растетъ на горныхъ хребтахъ и собирается въ большомъ количествѣ инородцами для приправы въ кушанье. Черемша, или полевой чеснокъ, замѣняетъ полевой лукъ и, сверхъ того, служитъ вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ отъ цынготной болѣзни. Цѣлебныя качества черемши превосходятъ самую морошку. Луговыя мѣста изобилуютъ щавелемъ и цыкорной травою; послѣдняя растетъ болѣе на каменистомъ грунтѣ, по близости моря, и употребляется какъ и всякаго рода зелень въ обыкновенныхъ кушаньяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на всемъ протяженіи этой обширной мѣстности найдутся еще многія другія растенія, годныя къ употребленію.

Убѣдившись въ безполезныхъ попыткахъ къ размноженію земледѣлія при условіяхъ климата столь суроваго и почвы земли, совершенно неспособной къ растительности, жители нашлись вынужденными обратиться къ другимъ путямъ, и безчисленное количество рѣкъ, протекающихъ на этихъ неизмѣримыхъ пространствахъ, представило имъ удобства рыбнаго и птичьяго промысловъ; наконецъ, дебри и лѣса, идущіе по всѣмъ направленіямъ неприступной мѣстности, изобилуя разнаго рода звѣрями, доставили новые источники богатства. А потому съ большею подробностію можно исчислить всѣ отрасли царства животныхъ, въ которыхъ собака занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Исключительная порода здѣшнихъ собакъ есть такъ называемая дворняшка; однѣ изъ нихъ замѣняютъ жителямъ въ зимнее время, при отправленіи ихъ домашнихъ работъ, лошадей, а другія служатъ помощниками въ звѣриныхъ промыслахъ. Соображая пользу, которую доставляютъ здѣсь собаки, нѣтъ сомнѣнія, что онѣ должны занять первое мѣ-

сто между прочими домашними животными. При выпадающихъ глубокихъ снѣгахъ, при мѣстности необыкновенно гористой, здѣсь только ѣзда на собакахъ представляетъ удобства; а потому онѣ здѣсь рѣшительно необходимы.

Единственное рогатое домашнее животное, встрѣчаемое у небольшаго числа осѣдлыхъ жителей, есть корова, впрочемъ въ количествѣ весьма ограниченномъ, для одного лишь продовольствія молокомъ; скотское же мясо рѣдко употребляется въ пищу.

Содержаніе лошадей почти не входитъ въ составъ домохозяйства здѣшнихъ жителей; содержатъ лошадей только въ лѣтнее время, да и то весьма мало. Собственно между якутами лошадиное мясо служитъ самою лакомою пищею.

Изъ дикихъ звѣрей здѣсь водятся: волкъ, лисица, песецъ, горностай, соболь, выдра, медвѣдь, тарбаганъ, бѣлка, олень, дикій баранъ.

Изъ морскихъ звѣрей водится нерпа, родъ морскихъ тюленей; лѣтомъ ихъ убиваютъ изъ ружей въ то время, когда онѣ выходятъ на берегъ, или ловятъ въ рѣкахъ, ближайшихъ къ морю, особаго рода ременными сѣтками; главный промыселъ нерпы бываетъ весной и осенью на льдахъ, гдѣ онѣ любятъ отдыхать въ весьма большомъ числѣ. Это животное доставляетъ осѣдлымъ прибрежнымъ жителямъ почти ту же пользу, какъ тунгусамъ. Кожа нерпы весьма толстая, употребляется на подошвы и другія домашнія подѣлки; выкраиваемые изъ нея ремни замѣняютъ веревки; жиръ и мясо почитаются самымъ вкуснымъ кушаньемъ; этотъ же жиръ служитъ для откармливанія и поправленія тощихъ собакъ. Маленькій родъ нерпы называется акипами; въ пищу онъ не годенъ, а если мясо его употребляется, то исключительно въ голодовкѣ. Къ тому же разряду можно причислить сивуча, имѣющаго темную шерсть и весьма твердую шкуру, годную на разныя подѣлки, какъ-то: для обшивки чемодановъ и пр. Киты водятся въ великомъ множествѣ въ Охотскомъ морѣ и его заливахъ; промыселъ ихъ не составляетъ предмета занятій мѣстныхъ жителей; французы, англичане, а болѣе американцы присылаютъ сюда китоловныя суда, и такимъ образомъ чужеземцы присвоили себѣ выгоды этого промысла. Китовыхъ судовъ здѣсь бываетъ чрезвычайно много, и промыселъ этотъ у береговъ Охотскаго моря доставляетъ иностранцамъ большія выгоды. Береговые жители употребляютъ въ свою пользу убитаго кита только тогда, когда его, по какому либо случаю, выкинетъ на берегъ, что случается нерѣдко. Жиръ, языкъ и ласты китовые служатъ лакомою пищею; кожа выдѣлы-

вается для обуви, усами шьются байдары или лодки, а изъ нижнихъ челюстей дѣлаются полозья подъ нарты.

Птицы также многочисленны здѣсь, какъ и прочія животныя; къ разряду хищныхъ птицъ принадлежатъ: орлы, соколы, коршуны, совы, дятлы; къ породѣ ворона можно причислить сороку и кушшку. Сверхъ того, водятся здѣсь и пѣвчія птицы, какъ напримѣръ: жаворонокъ, дроздъ, ласточка и нѣкоторыя другія. Кромѣ птицъ этихъ породъ, имѣется еще множество другихъ, составляющихъ по временамъ года главный предметъ продовольствія жителей. Таковы, напримѣръ, изъ лѣсныхъ: тетерева, рябчики, куропатки; изъ болотныхъ— кулики, лебеди гуси и утки разныхъ видовъ. Изобиліе послѣднихъ такъ велико, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утки промышляются разными способами, а именно: въ прибрежныхъ населеніяхъ Тауйскаго форпоста и Ямской крѣпости жители отправляются на эту охоту въ раннее весеннее время на ближайшіе острова, называемые талыками, совершая переѣздъ по десяти и болѣе верстъ на собакахъ по льду и потомъ въ лодкахъ. Здѣсь находятъ утокъ въ такомъ количествѣ, что не имѣютъ даже надобности употреблять какое либо оружіе, замѣняя его длиннымъ шестомъ, на концѣ котораго привязывается мѣшокъ изъ обыкновенной рыболовной сѣти съ дугообразнымъ отверстіемъ; одного движенія этого снаряда слишкомъ достаточно для промысла, и нерѣдко случается, что въ теченіе трехъ или четырехъ дней охотники добываютъ до десяти и болѣе тысячъ утокъ.

Другой предметъ продовольствія составляютъ яйца птицъ, собираемыя въ скалахъ и прочихъ мѣстахъ, гдѣ только они находятся; послѣдній промыселъ сопряженъ съ большими опасностями, точно такъ какъ и морскія прогулки въ кожаныхъ байдарахъ; но привычные жители смѣло пускаются на добычу и возвращаются съ полными байдарами птичьихъ яицъ.

Говоря объ изобиліи водяной дичи, не лишне замѣтить здѣсь, что мясо ихъ, а въ особенности утиное, для человѣка, не свыкшагося съ подобнаго рода пищей, очень непріятно: оно имѣетъ запахъ нерпы или рыбы.

Рыбный промыселъ есть главнѣйшій источникъ народнаго продовольствія, а потому мы должны сказать, что жители въ этихъ мѣстахъ почти исключительно питаются рыбою, и недостатокъ ея имѣетъ здѣсь такое-же вліяніе на бытъ жителей, какъ неурожай въ Россіи. Содержаніе собакъ, при бѣдности рыбнаго промысла, почти невозможно, между

тѣмъ, какъ мы видѣли выше, собаки столько-же для этого края необходимы, какъ и самое продовольствіе. Многочисленѣйшія породы здѣшнихъ рыбъ — мальма и кета; изъ нихъ приготовляются юкола и порса, которыя и составляютъ такъ сказать насущный хлѣбъ бѣдныхъ обитателей края. Русскіе-же сверхъ того дѣлаютъ засолы. Приготовленіе юколы состоитъ въ томъ, что верхній слой рыбы снимается вмѣстѣ съ кожею весьма тонко и просушивается на солнцѣ, послѣ чего нѣсколько коптится въ дыму; храненіе юколы весьма удобно во всякое время года, и не требуетъ никакого ухода; при дальнихъ переѣздахъ въ пустопорожнихъ мѣстахъ нерѣдко случается мѣстнымъ жителямъ довольствоваться нѣсколько дней сряду одною юколою. Кочевые тунгусы изъ этой-же рыбы вмѣсто юколы дѣлаютъ порсу, родъ муки; для чего предварительно просушиваютъ ее надъ огнемъ или на солнцѣ, а за тѣмъ превращаютъ уже въ порошокъ.

Къ породѣ лососи относятся харіусъ и валекъ, рыбы, которыя никогда не выходятъ въ море; они чрезвычайно вкусны и въ этомъ отношеніи занимаютъ первое мѣсто между прочими мелкими рыбами.

Мелкія рыбы наиболѣе извѣстныя: сельди — промыселъ ихъ незначителенъ; корюшка и къ этому же разряду принадлежащіе уйки; послѣднихъ добываютъ очень много, но они употребляются единственно въ случаѣ голодовки. Камбала встрѣчается также въ изобиліи.

Охотское море изобилуетъ также рыбами изъ породы хрящеватыхъ какъ-то: мокой, миногой, бѣлугою и нѣкоторыми другими.

Что касается до насѣкомыхъ и гадовъ въ этихъ краяхъ, каковы напримѣръ: муха, оводъ, слѣпень, комаръ, мошкара и тому подобныя, то, они, размножаясь до невѣроятности, приносятъ много вреда въ домашнемъ быту обывателей. Въ особенности комары и мошкара причиною того, что олени въ лѣтнее время не могутъ оставаться въ любимыхъ своихъ хребтахъ и, не смотря на недостатокъ въ пищѣ, удаляются въ открытыя мѣста по близости моря. Пребываніе на воздухѣ въ это время для человѣка бываетъ совершенно невыносимо, такъ что инородцы въ лѣтнее время поддерживаютъ постоянное курево изъ гнилушекъ или назема, чтобы предохранить себя сколько нибудь отъ нападенія насѣкомыхъ. Жители постоянно носятъ лѣтомъ волосяныя сѣтки. Гадовъ, особенно ядовитыхъ—здѣсь нѣтъ.

Климатъ Охотскаго края очень суровъ; но эта суровость значительно возрастаетъ въ зимнее время отъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Невыгодное вліяніе климата явственно отражается на жи-

теляхъ края, постоянно страдающихъ зимой воспаленіями и катаррами; болѣзни эти можно назвать здѣсь эпидемическими. Средняя температура года по Реомюру $1^1/_2°$, наивысшая 18°, наименьшая 37°. Впрочемъ, это состояніе атмосферы собственно близъ береговъ моря; во внутренности же округа цифры эти должны значительно измѣняться, потому что климатъ въ немъ суровѣе.

Времена года въ Охотскомъ округѣ правильно опредѣлить трудно; лѣто начинается съ іюля и кончается въ половинѣ августа; весна еще короче. Весеннимъ мѣсяцемъ можно назвать одинъ іюнь, остальное время года дѣлится между осенью и зимою, изъ которыхъ на долю послѣдней остается около 8 мѣсяцевъ. Оттого туземныя растенія, напримѣръ, морошка, кислица, голубица и другія начинаютъ показываться только въ іюнѣ, цвѣтутъ же и созрѣваютъ въ іюлѣ. Это быстрое созрѣваніе отнимаетъ у растеній доброкачественность; всѣ они содержатъ много водянистыхъ частей и слѣдственно не очень сладки. Гроза—явленіе здѣсь весьма рѣдкое, а если и бываетъ иногда громъ, то не надолго и всегда слабый.

Въ Охотскомъ краѣ свирѣпствуютъ часто и постоянно сильные вѣтры; погода здѣсь непостоянна, и ведро вдругъ и неожиданно смѣняется ненастьемъ. Въ зимнее время выпадаютъ глубокіе снѣга, лѣто бываетъ большею частію дождливое.

Дожди въ Охотскѣ — явленіе очень обыкновенное въ весеннее и лѣтнее время. Охотскій край, пересѣченный вдоль и поперегъ хребтами, въ разрѣзахъ которыхъ отдѣляются въ большемъ количествѣ испаренія, богатъ туманами, которые скоро и въ большихъ массахъ, накопляясь въ атмосферѣ, разрѣшаются или сильнымъ, но непродолжительнымъ дождемъ, или легкимъ *бусомъ*, продолжающимся цѣлыя недѣли. Градъ выпадаетъ здѣсь весьма рѣдко; онъ никогда не бываетъ большихъ размѣровъ и потому не дѣйствуетъ опустошительно на страну.

Снѣга въ здѣшнемъ округѣ имѣютъ также свои отличительныя свойства. Въ мѣстахъ, защищаемыхъ отъ вѣтровъ, снѣгъ выпадаетъ въ столь значительномъ количествѣ, что онъ едва успѣваетъ таять въ весеннее и лѣтнее время, и нерѣдко встрѣчается въ осеннее время съ новымъ. Въ мѣстахъ открытыхъ и доступныхъ вѣтрамъ онъ скопляется громадными сугробами на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; за то другія остаются почти обнаженными.

Человѣку, незнакомому съ здѣшнею природою, трудно вообразить съ

какою силою свирѣпствуютъ здѣсь вѣтры зимой во время мятелей, или такъ называемыхъ *пурги*; кромѣ того, что ѣзда въ это время какими бы то ни было путями совершенно невозможна; нерѣдко случается, что въ жилыхъ мѣстахъ нельзя перейти изъ дома въ домъ; порывы вѣтра бываютъ такъ сильны, что съ трудомъ можно держаться на ногахъ, и въ этихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, каждый укрывается дома и старается обойтись безъ необходимѣйшихъ потребностей, напримѣръ, воду замѣняютъ талымъ снѣгомъ и пр. Если вѣтеръ продолжается два или три дня сряду, то подъ сугробами снѣга исчезаютъ дома и не мало потребно усилій для возстановленія сообщенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Охотскаго округа въ зимнее время мятели въ большей или меньшей степени весьма обыкновены и даже постоянны, а въ другихъ онѣ бываютъ рѣже: это зависитъ совершенно отъ мѣстности здѣсь весьма разнообразной. Землетрясенія, случающіяся нерѣдко въ Камчаткѣ, отражаются иногда и въ Охотскомъ краѣ; но они здѣсь едва ощутительны.

Охотскій край есть бѣднѣйшій на всѣмъ пространствѣ обширнаго русскаго царства; съ другой стороны, недостатки вознаграждаются предметами продовольствія неизвѣстными въ другихъ мѣстахъ.

Огородничество и хлѣбопашество не могутъ, по условіямъ климата, принять удовлетворительныхъ размѣровъ.

По причинѣ малолюдства и недостатка рукъ для разсчистки мѣстъ, луга занимаютъ самую незначительную часть Охотскаго округа. Общій характеръ луговъ здѣсь болотистый и заливной; травы выростаютъ большія и сочныя, но хорошее качество ихъ утрачивается въ скашиваемомъ сѣнѣ. Общее обыкновеніе въ здѣшней странѣ косить сѣно уже въ то время, когда травы начинаютъ блекнуть и, слѣдовательно, когда онѣ уже теряютъ всѣ свои соки.

Многочисленнѣйшій отдѣлъ народонаселенія Охотскаго края составляютъ кочующіе тунгусы, и эти инородцы имѣютъ особый домашній скотъ—т. е. оленей, для которыхъ хозяинъ не заботится запасать кормъ; за тѣмъ береговыхъ жителей очень немного, и потому понятно, что скотоводство здѣсь не можетъ быть въ цвѣтущемъ состояніи. Якуты, привычные къ лошадиному мясу, хотя и закупаютъ въ лѣтнее время въ большомъ количествѣ лошадей, но, откормивъ ихъ лѣтомъ, на зиму убиваютъ. Сидячіе тунгусы и коряки лошадей почти не имѣютъ, потому что въ здѣшнихъ краяхъ въ нихъ нѣтъ надобности; въ зимнее время для переѣздовъ здѣсь употребляются собаки и олени, а если и существуетъ въ лѣтнее время ѣзда на лошадяхъ, то не иначе, какъ

верхомъ и притомъ она такъ затруднительна, что окрестные жители рѣдко выѣзжаютъ изъ своихъ селеній.

Лѣсами заняты большею частью пространства Охотскаго округа; здѣсь встрѣчаешь отъ ельника и малорослаго кедровника до массивныхъ и громадныхъ тополевыхъ и лиственничныхъ деревьевъ; послѣднихъ—въ наибольшемъ количествѣ. По берегамъ большихъ рѣкъ, лѣса эти предоставлены заботамъ и попеченію одной природы; деревья достигаютъ необыкновенныхъ размѣровъ и годны на кораблестроеніе. Но если Охотскій край и богатъ лѣсомъ, то изобиліе его не составляетъ донынѣ источника народной промышленности, по недостатку рукъ.

Главнѣйшій родъ промышленности составляетъ здѣсь рыбная ловля, которая производится въ устьяхъ большихъ рѣкъ. Затѣмъ, послѣ рыбной ловли первое мѣсто занимаетъ ловля морскихъ звѣрей, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны тюлени, нерпы-акипы. Кромѣ общаго употребленія въ пищу, жиръ ихъ идетъ на освѣщеніе, кожа на разныя подѣлки, въ особенности на ремни, замѣняющіе въ здѣшнемъ краѣ веревки. Но всѣ этого рода издѣлія остаются потребностями однихъ только мѣстныхъ обывателей, и собственно выгодъ для промышленности не представляютъ.

Во всемъ этомъ округѣ можно упомянуть о двухъ главныхъ поселеніяхъ: Охотскѣ и Петропавловскомъ портѣ въ Камчаткѣ.

Охотскъ отдаленъ отъ прочихъ населенныхъ мѣстъ, лишенъ средствъ скораго и удобнаго съ ними сообщенія и существуетъ единственно произведеніями, доставляемыми издалека, при большихъ издержкахъ и всевозможныхъ мѣстныхъ препятствіяхъ.

Городъ растянутъ по узкой косѣ, образуемой р. Кухтуемъ и устьемъ р. Охоты. Коса прилегаетъ къ горному хребту, называемому Мореканъ, и на всемъ протяженіи покрыта дресвою на нѣсколько аршинъ глубины; почва ея чужда всякой растительности; мѣстами только стелется по землѣ мелкій кедровый кустарникъ, и, при всѣхъ усиліяхъ рукъ, на привозной землѣ съ трудомъ могутъ произрастать грубыя огородныя овощи.

На косѣ нѣтъ хорошей прѣсной воды; жители должны ею снабжаться за четыре версты, за рѣкою Кухтуемъ. При сообщеніи съ противуположнымъ берегомъ необходимо наблюдать всегда время приливовъ и отливовъ; во время шторма въ морѣ, въ самой рѣкѣ бываетъ сильное волненіе, отъ котораго сообщеніе дѣлается чрезвычайно за-

труднительно и часто совершенно невозможно. Жители въ такомъ случаѣ должны пользоваться водою изъ колодца, въ которомъ вода бываетъ только въ лѣтнее время; осенью вода въ колодцѣ полусоленая; зимою колодецъ замерзаетъ, и въ то время трехведерная фляга воды стоитъ 10 коп. сер. При этомъ важномъ естественномъ недостаткѣ нужно принять во вниманіе, что большая часть жителей Охотска чрезвычайно бѣдны и въ рабочее лѣтнее время, отвлекаясь почти цѣлый день для поѣздки за столь необходимою жизненною потребностію, какъ вода, теряютъ время, необходимое для работъ, нетерпящихъ отлагательства, и именно—время улова рыбы, своевременное заготовленіе которой для себя и для собакъ есть почти единственное средство ихъ существованія.

Жители не имѣютъ возможности содержать при себѣ скотъ, нужный для домашняго употребленія, и весьма немногіе имѣютъ средства заводить отдѣльныя заимки (мызы) въ разстояніи 7 и болѣе верстъ отъ города; тамъ же принуждены они имѣть свои огороды.

Въ Охотскѣ воздухъ почти всегда дурной, нездоровый. Сырость отъ моря, мелкій, проникающій дождь, при морскихъ вѣтрахъ, производитъ всегда влагу, отъ которой терпитъ здоровье жителей, въ особенности вновь пріѣзжающихъ; отливъ и приливъ воды бываетъ два раза въ сутки; въ послѣднемъ случаѣ Кухтуй разливается почти на двѣ версты; убывая же, вода оставляетъ открытыми песчаныя лайды (отмели), на которыхъ остаются морскія растенія и животныя; при теплотѣ они гніютъ или производятъ испаренія, порождающія разныя мѣстныя болѣзни и въ особенности цынготную. Болѣзнь эта постоянно господствуетъ въ Охотскѣ въ извѣстное время года; особенно весною она развивается съ большою жестокостію, и, при недостаткѣ свѣжаго чистаго воздуха, овощей и мяса, при постоянномъ употребленіи одной рыбной пищи, большею частію вяленой и соленой, цынга съ годами усиливается и совершенно разстроиваетъ животный организмъ; въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ ею нерѣдко бываютъ поражены $^2/_3$ жителей.

Петропавловскій портъ — небольшое селеніе, окруженное горами и построенное на пологомъ скатѣ ихъ къ морю, въ Авачинской губѣ. Городъ состоитъ изъ небольшаго числа хижинъ, построенныхъ совершенно такъ же какъ и въ прочихъ городахъ и острогахъ Восточной Сибири. Но гавань обширная и удобная, защищаемая косою, извѣстна всѣмъ мореплавателямъ, какъ одна изъ огромнѣйшихъ и лучшихъ.

Таковъ общій характеръ Охотскаго края къ востоку отъ Якутска.

Не менѣе дика, сурова и пустынна страна и къ сѣверу отъ Якутска по направленію къ Ледовитому океану.

Путь отъ Якутска къ Ледовитому морю представляетъ величайшія трудности. Безъ собственнаго опыта, нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія о тѣхъ мученіяхъ, съ какими сопряжено подобное путешествіе. Закутавшись въ толстыя, но промерзшія мѣховыя платья, около пуда вѣсомъ, дышать можно только украдкою изъ-за медвѣжьяго воротника, покрытаго густымъ инеемъ; мѣховая шапка закрываетъ все лицо, ибо внѣшній воздухъ столь рѣзокъ, что каждый вздохъ производитъ несносно болѣзненное чувство въ горлѣ и легкихъ. Сверхъ того, путешественникъ, въ продолженіе десяти часовъ (обыкновеннаго переѣзда отъ одного ночлега, или привала, къ другому), прикованъ къ лошади, съ трудомъ пробирающейся по глубокому снѣгу, въ которомъ человѣкъ утонулъ бы, не говоря уже, что въ тяжелой шубѣ всякое движеніе почти невозможно. Лошади терпятъ столько же, сколько и всадники, отъ холода, также на нихъ дѣйствующаго. Около ноздрей образуются у нихъ ледяныя закраины и сосульки, препятствующія дыханію. Онѣ извѣщаютъ о томъ болѣзненнымъ ржаніемъ и судорожнымъ трясеніемъ головы. Ѣздокъ долженъ поспѣшить подать въ такомъ случаѣ помощь своей лошади, а безъ того она можетъ задохнуться. На безснѣжныхъ ледяныхъ пустыняхъ, при слишкомъ сильной стужѣ, копыта лошадей нерѣдко трескаются. Караванъ всегда бываетъ окруженъ густымъ синимъ облакомъ, производимымъ собственными его испареніями. При сильнѣйшихъ холодахъ, даже снѣгъ, болѣе и болѣе сжимаясь, отдѣляетъ отъ себя теплотворъ. Водяныя частицы паровъ мгновенно превращаются въ милліоны ледяныхъ блестокъ, наполняютъ всю атмосферу и производятъ безпрерывный шорохъ, нѣсколько похожій на звукъ, происходящій отъ раздиранія бархата, или толстой шелковой матеріи. Даже олень, вѣчный житель отдаленнаго сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ защиты отъ ужаснаго холода. На тундрахъ олени становятся въ тѣсныя кучи, стараясь согрѣть другъ друга своими испареніями. Только зимній воронъ медленнымъ слабымъ полетомъ разсѣкаетъ ледяной воздухъ, оставляя за собою тонкую, какъ нить, струйку пара, и не одни одушевленные, но даже и неодушевленные предметы, подвержены бываютъ ужасному вліянію стужи. Вѣковыя деревья трескаются съ оглушительнымъ шумомъ, который раздается въ степяхъ, какъ выстрѣлы среди моря; тундры и скалистыя долины щелятся, образуя глубокія рытвины; скрытая въ нѣдрахъ земли вода, дымясь, разливается по поверхности и мгновенно пре-

вращается въ ледъ, а въ горахъ огромныя скалы отрываются и съ грохотомъ катятся въ долины. Даже на самый воздухъ простирается вліяніе сильныхъ морозовъ. Столь часто и справедливо восхваляемая, величественная красота темно-голубаго полярнаго неба пропадаетъ въ атмосферѣ, сгущенной стужею; звѣзды теряютъ свой обыкновенный блескъ, и сіяніе ихъ становится тусклымъ. Таинственная, поэтическая прелесть лунной ночи исчезаетъ тамъ, гдѣ мертвая природа скрыта подъ бѣлымъ саваномъ снѣговъ, и задавленное однообразіемъ воображеніе тщетно ищетъ предмета своей дѣятельности въ странѣ, гдѣ все неподвижно и гдѣ послѣднія усилія животнаго организма клонятся только къ тому, чтобы спастись отъ замерзанія.

Изъ Якутска до Средне-Колымска во всякое время года возможна только верховая ѣзда на лошадяхъ; о саняхъ и телѣгахъ здѣсь даже и подумать нельзя. Осеннее и зимнее время почитается удобнѣйшимъ для путешествія, но за то надобно вытерпѣть всѣ неловкости дорожной одежды. Вотъ полный зимній нарядъ: шапка мѣховая или малахай, съ длинными ушами; майтарумъ — ошейникъ изъ бѣличьихъ хвостовъ; наушникъ, съ висячимъ надъ лбомъ мѣховымъ козырькомъ и такимъ же набородникомъ; нагрудка мѣховая; фуфайка или куртка широкая, мѣховая же, надѣвается сверхъ рубашки; санаяхъ — родъ кафтана изъ оленьихъ или конскихъ кожъ; варварка — родъ мѣшка изъ оленьихъ выпороткова, съ прорѣхою противъ лица, достигающею только до пояса; чурапча — волосяная сѣтка для глазъ; рукавицы теплыя; торбасы — въ родѣ сапоговъ, длиною во всю ногу, изъ оленьихъ или конскихъ кожъ; чижи — чулки изъ зайцевъ или пыжиковъ, и взаключеніе всего парка или кухлянка изъ оленьихъ шкуръ. При этомъ всеоружіи противъ мороза, необходимо запастись лыжами, чтобы не завязнуть по уши въ снѣгу.

Бываютъ годы, что снѣгъ выпадаетъ на полтора аршина; въ такихъ случаяхъ пускаютъ впередъ нѣсколько смѣлыхъ лошадей безъ клади для проложенія тропинки; а въ иныхъ мѣстахъ разгребаютъ снѣгъ лопатками, и потомъ уже отправляется поѣздъ, который обыкновенно тянется гусемъ; впереди ѣдетъ проводникъ на сильной лошади, для показанія дороги; во время пурги *), или мятели, каждый путникъ самъ про-

*) Пурга есть сильная мятель, сопровождаемая рѣзкимъ вѣтромъ и снѣгомъ. Только тотъ можетъ имѣть о ней достаточное понятіе, кто бывалъ въ Сибири и испыталъ на себѣ ея дѣйствіе, также какъ и тамошняго бурана, дѣйствующаго еще съ большею свирѣпостію и угрожающаго путнику преждевременною могилою въ снѣжныхъ сугробахъ.

кладываетъ себѣ дорогу. Забавно и жалко смотрѣть на самый поѣздъ: передней лошади накидывается ременная или волосяная петля на шею; къ ней привязывается за хвостъ и шею другая лошадь, третья и такъ далѣе до послѣдней. Это дѣлается для того, чтобы лошади не расходились за кормомъ и не бросались отъ испуга въ сторону. Такъ какъ передняя лошадь бываетъ всегда изъ лучшихъ, то заднимъ приводится держать шею на вытяжкѣ.

Самое горькое изъ всѣхъ золъ на этомъ пути есть ночлеги на снѣгу во время зимняго переѣзда, или, какъ туземцы выражаются, на сѣндухѣ; тутъ на одной ложкѣ щей приводится въ одно время встрѣтить и зиму и лѣто; не успѣешь зачерпнуть ею изъ котла и донести до рта, какъ ледъ показывается уже на краяхъ ложки. По окончаніи этой оригинальной трапезы, должно для ночлега еще раздѣться, какъ говорится до нитки, иначе *закольетъ*, т. е. обледенится все платье и не будетъ грѣть; но послѣдняя степень испытанія начинается по утру, когда, выбившись изъ подъ шубъ и одѣялъ, должно облачаться въ описанный выше снарядъ, на морозѣ, по крайней мѣрѣ съ добрыхъ полчаса. Впрочемъ, все это пугаетъ только непривычныхъ русскихъ; якуты же, не смотря ни на какой морозъ, хладнокровно, въ полномъ значеніи этого слова, снимаютъ съ себя свой санаяхъ; одна пола этого кафтана служитъ постелью, а другая одѣяломъ, и голая спина отдается на согрѣваніе пылающаго костра.

На разстояніи 2600 или 3000 верстъ отъ Якутска до Средне-Колымска наберется болѣе 1000 верстъ совершенно ненаселеннаго пространства, и здѣсь-то устроены *поварни*, въ видѣ станціонныхъ домовъ; но въ нихъ рѣдко останавливаются, потому что вблизи ихъ истреблена бываетъ необходимая для корма лошадямъ отава, да и ночевать въ поварняхъ гораздо безпокойнѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Это избы безъ оконъ, безъ навѣсныхъ дверей, съ очагомъ или ямою по срединѣ и съ двумя лавками изъ неотесаныхъ круглыхъ бревенъ; въ этихъ поварняхъ нечистота, дымъ, холодъ, словомъ все есть, кромѣ спокойнаго ночлега.

Лѣтняя ѣзда еще хуже. Все пространство отъ Якутска до Ледовитаго моря представляетъ лѣтомъ одно, можно сказать, необозримое болото, кой-гдѣ перерѣзываемое лѣсистыми горами, небольшими возвышенностями, а потому грязи и топи здѣсь едва проходимы; комаровъ цѣлыя міріады, а до 200 рѣкъ и ручьевъ, большею частію безъ мостовъ и перевозовъ, довершаютъ неудобства пути. Путь между Леною и Алда-

номъ проходитъ по холмистой странѣ. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ. Почти на срединѣ этого холмистаго пространства лежитъ круглая долина, верстъ восемъ въ поперечникѣ, усѣянная озерками, которыя всѣ между собою соединяются. Въ этомъ мѣстѣ Алданъ течетъ весьма быстро; на сѣверъ за рѣкою показывается вдали гряда остроконечныхъ горъ съ снѣжными вершинами. Весь путь проходитъ лѣсомъ, состоящимъ изъ лиственницъ, ивъ и осинъ. Посреди этого мрачнаго лѣса реветъ рѣка Тукуланъ. Весною и лѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняются, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Оттого-то опытные и осторожные сибиряки останавливаются всегда подъ двумя, тремя, близко смежными большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшею поспѣшностью, сплетаютъ они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева до другаго, и со всѣми своими пожитками, вися на немъ между небомъ и землею, спокойно выжидаютъ скораго стока воды, хотя и лишаются средствъ защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

За Тукуланомъ издерживается послѣдній запасъ сѣна, и, давши часа три отдохнуть лошадямъ, начинаютъ подниматься. Развязавъ всѣхъ лошадей, пускаютъ ихъ по одиночкѣ въ гору, напередъ сильнѣйшихъ съ проворнымъ проводникомъ. Сначала тропа идетъ отлого, но чѣмъ выше— тѣмъ она круче; потомъ вьется винтообразно по боку скалы, имѣя ширины не болѣе аршина. Съ лѣвой стороны — скала, стоящая совершенно отвѣсно, а съ правой пропасть; такая обстановка дѣлаетъ этотъ переѣздъ весьма опаснымъ. При потерѣ равновѣсія лошадь летитъ стремглавъ и разрывается на части выдавшимися острыми камнями. Въ четыре пріема хорошая лошадь достигаетъ до послѣдней точки возвышенія; но въ дождливую или снѣжную погоду нельзя и думать объ этой переправѣ. На самой вершинѣ скалы есть площадка въ 20 квадратныхъ шаговъ, которая служитъ сборнымъ мѣстомъ для отдохновенія. Эта площадка въ одно время являетъ знаки вѣры и суевѣрія. Здѣсь одиноко стоитъ высокій деревянный крестъ, укрѣпленный между каменьями и обвѣшанный конскими волосами и разноцвѣтными лоскутками: — знаки суевѣрія инородцевъ. На немъ же четко вырѣзаны имена нѣкоторыхъ торговцевъ, проѣзжавшихъ это мѣсто.

Спускъ съ этой скалы болѣе отлогъ и менѣе опасенъ; на лѣвой его

сторонѣ между высочайшихъ скалъ находятся два озера, соединенныя истокомъ, изъ которыхъ береть начало р. Яна (Сарталъ по якутски). Вся отлогость спуска составляетъ въ длину до 30 верстъ и идетъ по ущелію. Здѣсь есть также опасное мѣсто: при самомъ началѣ надо спускаться по узкой, едва въ аршинъ шириной, тропинкѣ, на разстояніи шаговъ 80; случается, особенно въ дождливое время, что лошадь, споткнувшись, скатывается прямо въ верхнее озеро, берега котораго рѣшительно недоступны. Съ вершины горы лошади, при ясной погодѣ, кажутся съ посредственнаго барана. Выстрѣлъ изъ пистолета не слышенъ при подошвѣ, но только видѣнъ. При повтореніи выстрѣловъ у подошвы горы эхо отражается девять разъ прежде въ низшихъ, а потомъ въ высшихъ междугоріяхъ, измѣняясь въ степени звучности, по мѣрѣ высоты скалъ.

Горе, если въ этихъ ущельяхъ застигнетъ путника снѣгъ и пурга! Казакъ, слѣдовавшій съ почтой изъ Якутска, забрался въ одно изъ нихъ и пропалъ безъ вѣсти. Послѣ самыхъ тщательныхъ розысковъ не могли найти даже костей его.

Лѣтомъ на этомъ пространствѣ затрудняютъ грязь и броды черезъ рѣчки; не радостнѣе, впрочемъ, и зимняя ѣзда: бѣдность и малочисленность жителей и могильное однообразіе природы представляютъ самые неотрадные предметы. Ночлегъ въ юртѣ въ особенности невыносимъ для обонянія, потому что въ Верхоянскомъ округѣ, по обилію травъ, и бѣднѣйшій якутъ имѣетъ много скота, съ которымъ братски дѣлитъ и кровъ и ложе.

Утомленный лишеніями и нуждами всѣхъ родовъ, путникъ съ нетерпѣніемъ спѣшитъ въ Верхоянскъ, гдѣ главное народонаселеніе составляетъ священникъ съ причетникомъ, исправникъ и нѣсколько казаковъ.

Окрестности Верхоянска населены якутами. Главный ихъ промыселъ скотоводство, чему много способствуетъ гористое положеніе страны и умѣренный климатъ долинъ. Зимою снѣгъ выпадаетъ здѣсь гораздо въ меньшемъ количествѣ, нежели въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Сибири, и стада остаются въ теченіе всего года на лугахъ, всегда находя себѣ достаточную пищу, что весьма важно, ибо жаркое лѣто, изсушая землю, не дозволяетъ дѣлать значительныхъ запасовъ сѣна. Озера попадаются здѣсь рѣже, нежели въ Колымскомъ округѣ, но недостатокъ ихъ вознаграждается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ богаты маленькими, въ два дюйма длиною, рыбками, водящимися въ чрезмѣрномъ множествѣ, такъ что якуты черпаютъ ихъ ведрами. Рыбка эта

замораживается и сохраняется на зиму, а для ѣды ее растираютъ и варятъ съ толченою корою молодыхъ лиственницъ. Второе мѣсто между промыслами здѣшнихъ якутовъ занимаетъ охота. Куропатки и зайцы водятся здѣсь въ неимовѣрномъ количествѣ. Лѣса изобилуютъ сверхъ того звѣрями, какъ-то: сохатыми, оленями, черными медвѣдями, волками, кабаргами, лисицами, бѣлками, горностаями отличной доброты, и т. д. Черныя лисицы попадаются здѣсь рѣдко; соболей вовсе нѣтъ. Надобно полагать, что кабарга попадается здѣсь во множествѣ, ибо фунтъ мускуса въ Верхоянскѣ продается по 10 и 15 рублей.

Между Верхоянскомъ и Зашиверскомъ лежитъ страшное ущелье. Рѣка Догдо, быстрая, наполненная ямами, усѣянная огромными камнями, рождаетъ невольный ужасъ въ душѣ; но вѣнецъ ея славы составляютъ тарыни (гололедица) и наледи. Самое ущелье ограничивается съ обѣихъ сторонъ двумя грядами горъ, саженъ во сто отвѣсной высоты, отстоящихъ одна отъ другой въ иныхъ мѣстахъ не болѣе какъ на 5 сажень, такъ что гребни ихъ почти образуютъ сводъ. Страшно взглянуть вверхъ! — надъ головою висятъ громады камней, и тотъ же невольный трепетъ пробѣгаетъ по тѣлу, когда посмотришь подъ ноги, гдѣ съ невыразимымъ шумомъ и грохотомъ катитъ бурная Догдо огромные камни. Малѣйшая неосторожность, невѣрный шагъ лошади, круженіе головы, недостатокъ силъ могутъ стоить жизни. У якутовъ есть благоразумное повѣрье: проѣзжая ущельями горъ не только не пѣть пѣсенъ, даже не говорить, и тѣмъ болѣе о предметахъ соблазнительныхъ или безнравственныхъ; нигдѣ это повѣрье не соблюдается съ такою строгостью, какъ здѣсь. Страхъ, свойственный душѣ дикаря при ужасахъ природы, и вѣковой опытъ научили его, что малѣйшее сотрясеніе воздуха можетъ обрушить цѣлыя груды камней и снѣга.*).

Май мѣсяцъ — труднѣйшее время для проѣзда чрезъ это ущелье: рѣка покрыта льдомъ, горы снѣгомъ и туманами. Самый приступъ къ этому ущелью даетъ уже понятіе о предлежащемъ пути. Въ 5 верстахъ отъ него р. Догдо образовала бассейнъ, который, будучи покрытъ льдомъ, имѣетъ совершенно гладкую поверхность; постоянные вѣтры изъ ущелья свѣваютъ съ него снѣгъ, и самый умѣренный вѣтеръ несетъ человѣка по льду какъ пушинку; некованныя лошади раскатываются и падаютъ поминутно: — хлопотъ и трудовъ много потому, что лошади

*) Точно то же повѣрье существуетъ и между работниками въ Сибирскихъ рудникахъ,—и тамъ никогда не слышно словъ возмущающихъ нравственность.

идутъ гусемъ: стоитъ упасть одной—и всѣ упадутъ за нею. Бассейнъ въ окружности до 7 верстъ, и нерѣдко, особенно при сильныхъ морозахъ, покрывается водою поверхъ льда.

Въ это время проѣздъ чрезъ него самый мучительный: въ декабрѣ или январѣ человѣкъ долженъ брести по колѣна въ водѣ, почти на разстояніи 4 верстъ; проѣхавъ же бассейнъ, слѣдуютъ по ущелью, столь узкому, что въ иныхъ мѣстахъ въ лучшій весенній день не видно лучей солнца, а разливается какой-то полусвѣтъ, или, вѣрнѣе, какое-то смѣшеніе свѣта съ тьмою.

Цѣпляясь по боку скалы, тихо и робко тянется поѣздъ; мелкіе камни, подобно горнымъ потокамъ, съ шумомъ сыплются изъ подъ ногъ животныхъ; опытный проводникъ идетъ впередъ и знаками показываетъ дорогу. Такимъ образомъ идутъ около трехъ верстъ, а потомъ спускаются на рѣку и ѣдутъ по льду. На разстояніи 35 верстъ, тарыны, коихъ число и мѣстность ежегодно измѣняется, представляются въ видѣ громадныхъ опрокинутыхъ котловъ; лучи солнечные ярко отражаются на нихъ самыми чудными радужными цвѣтами; самые здоровые глаза не могутъ смотрѣть на эти кучи алмазныхъ, такъ сказать, кургановъ. Вотъ что случилось съ однимъ купцомъ, сдѣлавшимъ болѣе двадцати разъ этотъ переѣздъ. Переходя большій изъ тарыновъ, онъ разсчитывалъ, что выгоднѣе будетъ идти позади лошадей, потому что отъ копытъ ихъ остаются нѣкоторые слѣды, по которымъ не такъ сильно скользятъ ноги. Бывшіе съ нимъ казаки проводники пошли вмѣстѣ нѣсколько впереди лошадей. Надо замѣтить здѣсь, что, по странному свойству горныхъ рѣкъ дальняго сѣвера, Догдо покрывается по крайней мѣрѣ десятью слоями льда, толщиною менѣе двухъ вершковъ, и необычайная быстрота препятствуетъ плотному ихъ замерзанію, а потому въ глубокихъ мѣстахъ образуются накипи, подъ которыя съ шумомъ течетъ сверхледная вода. Когда проводники достигли середины рѣки, путникъ понялъ, но поздно, что ошибся въ разсчетѣ, ибо верхніе слои льда подъ лошадьми обломились, и вода брызнула, какъ изъ фонтана. Дорожа временемъ, онъ хотѣлъ бѣгомъ опередить лошадей; но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ ледъ треснулъ, и его по нижнему слою льда понесло стремленіемъ воды; не видя всей опасности, онъ карабкался, по колѣна въ водѣ, стараясь достигнуть противоположнаго берега; не болѣе какъ шагахъ во ста за нимъ образовалось подъ накипью озерко, имѣвшее въ поперечникѣ до 2 сажень, куда быстриною прямо понесло его и гдѣ ужасно клокотала вода. Употребивъ всѣ усилія, проводникъ настигъ

купца и, такъ сказать, вырвалъ изъ челюстей неминуемой смерти. Маленькій ножъ на бедрѣ, неразлучный спутникъ якутовъ, былъ единственнымъ ихъ спасителемъ: втыкая конецъ этого ножа въ нижній слой льда, они сдѣлали шероховатою и удобною для ходьбы, гладкую и какъ бы отполированную его поверхность; иначе ни человѣкъ и ни одно животное не могутъ удержаться на льду, даже при малѣйшемъ вѣтрѣ. Такова эта единственная въ своемъ родѣ рѣка и переправа чрезъ нее!

Это ущелье, перерываемое другими, почти столь же грозными мѣстами, простирается верстъ на триста вплоть до Зашиверска. На всемъ пространствѣ не слышно и не видно ни души человѣческой.

По переправѣ чрезъ р. Индикирку открывается городъ Зашиверскъ *). Замѣчательна здѣсь деревянная башня въ $1^1/_2$ квадратныхъ сажени въ основаніи и въ 3 сажени въ вышину, которая лѣтъ за 100 служила жилищемъ для аманатовъ. Снаружи и изнутри ея вырѣзаны на стѣнахъ, вѣроятно еще этими дикарями, изображенія оленей и собакъ. Индикирка также въ свою очередь замѣчательна своими шиверами, отъ чего и городъ получилъ свое имя, и водоворотами, изъ числа которыхъ важнѣйшій почитается находящійся вверхъ по рѣкѣ отъ Зашиверска во 150 верстахъ. Никакое живое существо не отваживается переплыть здѣсь Индикирку; надо представить себѣ глубокую, быструю, шириною въ 200 сажень рѣку, которая, сливаясь между двухъ скалъ, всей своею массою крутится огромнымъ водоворотомъ; вѣковыя деревья, занесенныя въ этотъ всепожирающій омутъ, выказываются изъ подъ воды только послѣ долгаго времени; другія же, болѣе тяжелыя, тѣла вовсе не всплываютъ изъ этой бездны. Безъ страха и головокруженія нельзя даже съ берега смотрѣть на эту кипящую пучину, страшнымъ ревомъ оглушающую окрестности.

Зашиверскъ построенъ среди пространной равнины, богатой прекрасными лугами и усѣянной озерами, обильными рыбою. Здѣсь водятся сиги и чиры той же породы. Народонаселеніе состоитъ изъ якутовъ, которые все лѣто кочуютъ съ табунами лошадей и стадами рогатаго скота. Въ теплое время года запасаются они сѣномъ на зиму. При наступленіи осени, якуты разселяются по берегамъ рѣкъ и занимаются только рыбною ловлею. Охота составляетъ у нихъ побочный

*) Зашиверскъ лежитъ подъ самымъ полярнымъ кругомъ. Городъ поддерживается ежегодно ярмаркою, бывающею въ декабрѣ и январѣ, на которую пріѣзжаютъ изъ Якутска купцы съ разными товарами и жизненными припасами; жители—мѣщане и казаки—промѣниваютъ ихъ на пушныхъ звѣрей.

промыселъ. Бѣднѣйшіе якуты, не имѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ осѣдло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того рѣчными. Для перевозки тяжестей содержатъ они собакъ, которыя, питаясь только рыбьими костями, почти не стоятъ хозяину никакихъ издержекъ, а между тѣмъ чрезвычайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловля составляетъ главный промыселъ и почти единственное средство пропитанія рѣчныхъ якутовъ. Зимою занимаются они добычею пушныхъ звѣрей.

По этой дорогѣ развѣ проѣдетъ лѣтомъ какой нибудь казакъ съ почтою въ Якутскъ. Въ 315 верстахъ за Зашиверскомъ, лежащимъ на границѣ Колымскаго уѣзда, прекращаются якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣчкѣ Алазеѣ, на протяженіи 250 верстъ, идетъ по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой большею частью болотами, которыя лѣтомъ, особенно послѣ дождей, совершенно непроходимы. Озера попадаются рѣже; луга, поросшіе травою, исчезаютъ такъ, что, при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, эта полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежащія къ западу отъ Алазейскихъ горъ болота, называемыя «бадаранами», никогда не просыхаютъ. Лѣтомъ, при теплой, сухой погодѣ, образуется на поверхности ихъ тонкій, твердый слой, который, подобно осеннему льду, можетъ сдержать только малыя тяжести, а подъ большими прорывается. Въ нѣкоторой глубинѣ отъ поверхности лежитъ вѣчный, никогда не тающій ледъ; только онъ спасаетъ проѣзжающихъ здѣсь лѣтомъ путешественниковъ отъ потопленія въ болотѣ. Вообще трудно себѣ представить что нибудь унылѣе и пустыннѣе бадарановъ, покрытыхъ полуистлѣвшимъ мохомъ, по которому изрѣдка стелются, почти изсохшія, тонкія лиственницы.

Далѣе до Нижне-Колымска путь идетъ по рѣкѣ Колымѣ.

Берегъ Ледовитаго моря наводитъ невольную задумчивость и уныніе на человѣка. Онъ тянется необозримою равниною, гдѣ, утомленный однообразіемъ, взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, и только мрачные утесы и огромныя льдины высоко подымаютъ свои голыя вершины. Нигдѣ не видно слѣдовъ дѣятельности человѣческой, и даже земля какъ будто утрачиваетъ здѣсь свою производительную силу. Только въ краткій періодъ лѣта стада оленей и стаи гусей оживляютъ нѣсколько безмолвную тундру.

Въ Нижне-Колымскѣ суровость климата доходитъ уже до крайней степени. Здѣсь рѣка становится въ первыхъ числахъ сентября; ближе къ

устью переходятъ часто уже 20 августа навьюченныя лошади по льду; вскрывается же рѣка въ началѣ іюня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ съ 15-го мая по 6-е іюля; однакоже, отъ этого солнца мало пользы, ибо оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагрѣваетъ воздуха, лучи теряютъ почти всю свою яркость; самое солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами.

Хотя, какъ сказано, въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не заходитъ, однакоже, обыкновенный порядокъ дневнаго времени замѣтенъ. Когда холодное солнце понижается на горизонтѣ, наступаютъ вечеръ и ночь, и природа покоится, а когда, часа черезъ два, оно опять нѣсколько возвысится, то все пробуждается: птицы привѣтствуютъ новый день веселымъ щебетаньемъ; свернувшійся желтый цвѣтокъ открываетъ свою чашечку, и все, кажется, спѣшитъ насладиться, хоть немного, благодѣтельнымъ вліяніемъ слабыхъ солнечныхъ лучей. Тоже происходитъ и съ временами года: какъ подъ поворотными кругами смѣняются между собою только весна и лѣто, такъ и здѣсь существуютъ лишь лѣто и зима, вопреки мнѣнію туземцевъ, которые утвердительно говорятъ о веснѣ и осени. Первую полагаютъ они около того времени, когда солнечные лучи начинаютъ быть замѣтны въ полдень, что случается обыкновенно въ половинѣ марта; но и тогда часто бываетъ ночью 30° мороза. Осень считаетъ они съ того времени, когда замерзнутъ рѣки, именно съ первыхъ чиселъ сентября; тогда бываетъ обыкновенно 35° мороза. Лѣто начинается въ послѣднихъ числахъ мая; низкая ива распускаетъ маленькіе листочки, а лежащіе къ югу отлогости берега покрываются блѣдною зеленью. Въ іюнѣ случается въ полдень до 18° тепла; показываются цвѣтки и разцвѣтаютъ ягодные кусты; но если поднимется морской вѣтеръ и отъ него сдѣлается воздухъ суровымъ,—скудная зелень желтѣетъ и цвѣты пропадаютъ.

Въ іюлѣ воздухъ становится гораздо чище и пріятнѣе, но природа какъ будто хочетъ произвести въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ прелестей лѣта и заставить ихъ желать возврата зимы: въ первыхъ числахъ мѣсяца появляются миріады комаровъ, помрачающіе воздухъ густыми облаками, и единственное убѣжище отъ нихъ въ ѣдкомъ смрадѣ дымокуровъ *), который отгоняетъ несносныхъ мучителей. Но за то

*) Дымокуры суть огромныя кучи моха и сырыхъ дровъ; отъ горѣнія ихъ про-

въ это время олени выходятъ изъ лѣсовъ на приморскую тундру, открытую холоднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огромными стадами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ. Тогда охотники подстерегаютъ ихъ, особенно при переправахъ черезъ рѣки и озера, и съ малымъ трудомъ убиваютъ великое множество. Другую, не менѣе существенную, но совершенно противоположную пользу доставляютъ рои комаровъ пасущимся въ табунахъ безъ присмотра лошадямъ, которыя на безконечной тундрѣ легко могли бы заблудиться, если бы природный инстинктъ не научалъ ихъ держаться всегда по близости дымокуровъ, гдѣ находятъ онѣ защиту отъ крылатыхъ враговъ своихъ. Всегда пасутся онѣ въ густомъ дыму около тлѣющихъ кучъ, а когда не станетъ травы въ одномъ мѣстѣ, кучи переносятся далѣе. Обыкновенно, огораживаютъ дымокуры шестами, чтобы скотъ не могъ приближаться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здѣсь бываетъ громъ, который слышенъ въ горахъ, а надъ снѣжною и ледяною равниною издаетъ только слабый гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцевъ; въ октябрѣ холодъ нѣсколько умѣряется густыми туманами и испареніями отъ замерзающаго моря, но съ ноября наступаютъ большіе морозы, которые въ январѣ доходятъ до 43°. Тогда захватываетъ дыханіе. Дикій олень, житель полярныхъ странъ, забирается въ глушь лѣсовъ и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездыханный. Вмѣсто почти двухмѣсячнаго дня начинается, съ 22 ноября, 38-ми-суточная ночь, которая однакоже отъ сильной рефракціи и снѣжнаго свѣта, а равно и отъ частыхъ сѣверныхъ сіяній, бываетъ довольно сносна. Декабря 28-го показывается надъ горизонтомъ блѣдная утренняя заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ. Съ возвращеніемъ солнца, холодъ становится чувствительнѣе, и бывающіе въ февралѣ и мартѣ утренніе морозы отличаются особенною пронзительностью. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, ибо дующіе съ моря вѣтры наносятъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звѣзды. Такую густую мглу называютъ здѣсь *морокомъ*. Всего болѣе ясныхъ дней въ сентябрѣ.

исходитъ густой дымъ, который отгоняетъ комаровъ. Кучи эти раскладываютъ не только на лугахъ, для скота, но также и около селеній, а потому все время, пока есть комары, жители проводятъ въ густыхъ облакахъ ѣдкаго дыма.

Замѣчательное здѣсь явленіе природы есть, извѣстный подъ именемъ теплаго вѣтра, вѣтеръ, который иногда, при ясномъ небѣ, начинаетъ дуть внезапно, и среди жесточайшей зимы, въ короткое время перемѣняетъ температуру изъ 35° мороза на $1^1/_2$° тепла, такъ что льдины, замѣняющія здѣсь стекла въ окнахъ, таютъ. Вѣтеръ этотъ продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя, по всему сказанному, здѣшній климатъ можно считать самымъ суровымъ и неблагопріятнымъ, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья.

Скудная растительность соотвѣтствуетъ печальному климату. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно нерастаявающій слой растительности земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ примѣсью частицъ льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое лиственичное дерево; корни его, недопускаемые вѣчнымъ льдомъ въ глубину земли, большею частію лежатъ обнаженные на поверхности. У береговыхъ отлогостей къ югу растетъ изрѣдка мелколистный ивнякъ, а на равнинахъ возвышается жесткая трава, которая вблизи моря доставляетъ скоту нѣсколько питательнѣе кормъ, потому что при случающихся ежегодно наводненіяхъ проникается соленою водою. Чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ рѣже видишь малорослыя деревья и кустарники, которые, наконецъ, у лѣваго берега Колымы, около 35 верстъ сѣвернѣе Нижне-Колымска, вовсе исчезаютъ. На равнинахъ, покрытыхъ хорошею травою, попадается тимьянъ, и въ особенности полынь; также цвѣтетъ шиповникъ. Мелкая смородина, голубица, брусника, морошка, княженика и шикша цвѣтутъ здѣсь, а въ благопріятное лѣто даютъ и ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать,—никто не рѣшается разводить ихъ, ибо навѣрное можно сказать, что здѣсь ничто подобное не примется. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ на 2° южнѣе, растетъ рѣдька, а также и капуста.

Въ Анюйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и кедровникъ. Когда придешь сюда съ мерзлой, покрытой мохомъ, тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Италію.

Со скудостію, или, лучше сказать, ничтожествомъ прозябаемой природы, представляется въ замѣчательной противоположности богатство животнаго царства. Олени въ безчисленныхъ стадахъ, лоси (сохатые), черные и бурые медвѣди, лисицы, соболи и бѣлки наполняютъ нагор-

кладываетъ себѣ дорогу. Забавно и жалко смотрѣть на самый поѣздъ: передней лошади накидывается ременная или волосяная петля на шею; къ ней привязывается за хвостъ и шею другая лошадь, третья и такъ далѣе до послѣдней. Это дѣлается для того, чтобы лошади не расходились за кормомъ и не бросались отъ испуга въ сторону. Такъ какъ передняя лошадь бываетъ всегда изъ лучшихъ, то заднимъ приводится держать шею на вытяжкѣ.

Самое горькое изъ всѣхъ золъ на этомъ пути есть ночлеги на снѣгу во время зимняго переѣзда, или, какъ туземцы выражаются, на сѣндухѣ; тутъ на одной ложкѣ щей приводится въ одно время встрѣтить и зиму и лѣто; не успѣешь зачерпнуть ею изъ котла и донести до рта, какъ ледъ показывается уже на краяхъ ложки. По окончаніи этой оригинальной трапезы, должно для ночлега еще раздѣться, какъ говорится до нитки, иначе *закомлетъ*, т. е. обледенится все платье и не будетъ грѣть; но послѣдняя степень испытанія начинается по утру, когда, выбившись изъ подъ шубъ и одѣялъ, должно облачаться въ описанный выше снарядъ, на морозѣ, по крайней мѣрѣ съ добрыхъ полчаса. Впрочемъ, все это пугаетъ только непривычныхъ русскихъ; якуты же, не смотря ни на какой морозъ, хладнокровно, въ полномъ значеніи этого слова, снимаютъ съ себя свой санаяхъ; одна пола этого кафтана служитъ постелью, а другая одѣяломъ, и голая спина отдается на согрѣваніе пылающаго костра.

На разстояніи 2600 или 3000 верстъ отъ Якутска до Средне-Колымска наберется болѣе 1000 верстъ совершенно ненаселеннаго пространства, и здѣсь-то устроены *поварни*, въ видѣ станціонныхъ домовъ; но въ нихъ рѣдко останавливаются, потому что вблизи ихъ истреблена бываетъ необходимая для корма лошадямъ отава, да и ночевать въ поварняхъ гораздо безпокойнѣе, чѣмъ на открытомъ воздухѣ. Это избы безъ оконъ, безъ навѣсныхъ дверей, съ очагомъ или ямою по срединѣ и съ двумя лавками изъ неотесаныхъ круглыхъ бревенъ; въ этихъ поварняхъ нечистота, дымъ, холодъ, словомъ все есть, кромѣ спокойнаго ночлега.

Лѣтняя ѣзда еще хуже. Все пространство отъ Якутска до Ледовитаго моря представляетъ лѣтомъ одно, можно сказать, необозримое болото, кой-гдѣ перерѣзываемое лѣсистыми горами, небольшими возвышенностями, а потому грязи и топи здѣсь едва проходимы; комаровъ цѣлыя миріады, а до 200 рѣкъ и ручьевъ, большею частію безъ мостовъ и перевозовъ, довершаютъ неудобства пути. Путь между Леною и Алда-

номъ проходитъ по холмистой странѣ. Между холмовъ находится безчисленное множество большихъ и малыхъ котловинъ. Почти на срединѣ этого холмистаго пространства лежитъ круглая долина, верстъ восемъ въ поперечникѣ, усѣянная озерками, которыя всѣ между собою соединяются. Въ этомъ мѣстѣ Алданъ течетъ весьма быстро; на сѣверъ за рѣкою показывается вдали гряда остроконечныхъ горъ съ снѣжными вершинами. Весь путь проходитъ лѣсомъ, состоящимъ изъ лиственницъ, ивъ и осинъ. Посреди этого мрачнаго лѣса ревётъ рѣка Тукуланъ. Весною и лѣтомъ случается часто, что отъ внезапнаго таянія снѣговъ, или сильныхъ проливныхъ дождей, текущіе изъ горныхъ ущельевъ ручьи и рѣчки сильно наводняются, и въ одну ночь совершенно заливаютъ долину. Оттого-то опытные и осторожные сибиряки останавливаются всегда подъ двумя, тремя, близко смежными большими деревьями, чтобы въ случаѣ опасности можно было спастись на ихъ вершины. Тутъ, съ величайшею поспѣшностью, сплетаютъ они изъ вѣтвей родъ моста, отъ одного дерева до другаго, и со всѣми своими пожитками, вися на немъ между небомъ и землею, спокойно выжидаютъ скораго стока воды, хотя и лишаются средствъ защитить себя въ такомъ воздушномъ жилищѣ отъ холода и непогоды.

За Тукуланомъ издерживается послѣдній запасъ сѣна, и, давши часа три отдохнуть лошадямъ, начинаютъ подниматься. Развязавъ всѣхъ лошадей, пускаютъ ихъ по одиночкѣ въ гору, напередъ сильнѣйшихъ съ проворнымъ проводникомъ. Сначала тропа идетъ отлого, но чѣмъ выше— тѣмъ она круче; потомъ вьется винтообразно по боку скалы, имѣя ширины не болѣе аршина. Съ лѣвой стороны — скала, стоящая совершенно отвѣсно, а съ правой пропасть; такая обстановка дѣлаетъ этотъ переѣздъ весьма опаснымъ. При потерѣ равновѣсія лошадь летитъ стремглавъ и разрывается на части выдавшимися острыми камнями. Въ четыре пріема хорошая лошадь достигаетъ до послѣдней точки возвышенія; но въ дождливую или снѣжную погоду нельзя и думать объ этой переправѣ. На самой вершинѣ скалы есть площадка въ 20 квадратныхъ шаговъ, которая служитъ сборнымъ мѣстомъ для отдохновенія. Эта площадка въ одно время являетъ знаки вѣры и суевѣрія. Здѣсь одиноко стоитъ высокій деревянный крестъ, укрѣпленный между каменьями и обвѣшанный конскими волосами и разноцвѣтными лоскутками: — знаки суевѣрія инородцевъ. На немъ же четко вырѣзаны имена нѣкоторыхъ торговцевъ, проѣзжавшихъ это мѣсто.

Спускъ съ этой скалы болѣе отлогъ и менѣе опасенъ; на лѣвой его

сторонѣ между высочайшихъ скалъ находятся два озера, соединенныя истокомъ, изъ которыхъ беретъ начало р. Яна (Сарталъ по якутски). Вся отлогость спуска составляетъ въ длину до 30 верстъ и идетъ по ущелію. Здѣсь есть также опасное мѣсто: при самомъ началѣ надо спускаться по узкой, едва въ аршинъ шириной, тропинкѣ, на разстояніи шаговъ 80; случается, особенно въ дождливое время, что лошадь, споткнувшись, скатывается прямо въ верхнее озеро, берега котораго рѣшительно недоступны. Съ вершины горы лошади, при ясной погодѣ, кажутся съ посредственнаго барана. Выстрѣлъ изъ пистолета не слышенъ при подошвѣ, но только видѣнъ. При повтореніи выстрѣловъ у подошвы горы эхо отражается девять разъ прежде въ низшихъ, а потомъ въ высшихъ междугоріяхъ, измѣняясь въ степени звучности, по мѣрѣ высоты скалъ.

Горе, если въ этихъ ущельяхъ застигнетъ путника снѣгъ и пурга! Казакъ, слѣдовавшій съ почтой изъ Якутска, забрался въ одно изъ нихъ и пропалъ безъ вѣсти. Послѣ самыхъ тщательныхъ розысковъ не могли найти даже костей его.

Лѣтомъ на этомъ пространствѣ затрудняютъ грязь и броды черезъ рѣчки; не радостнѣе, впрочемъ, и зимняя ѣзда: бѣдность и малочисленность жителей и могильное однообразіе природы представляютъ самые неотрадные предметы. Ночлегъ въ юртѣ въ особенности невыносимъ для обонянія, потому что въ Верхоянскомъ округѣ, по обилію травъ, и бѣднѣйшій якутъ имѣетъ много скота, съ которымъ братски дѣлитъ и кровъ и ложе.

Утомленный лишеніями и нуждами всѣхъ родовъ, путникъ съ нетерпѣніемъ спѣшитъ въ Верхоянскъ, гдѣ главное народонаселеніе составляетъ священникъ съ причетникомъ, исправникъ и нѣсколько казаковъ.

Окрестности Верхоянска населены якутами. Главный ихъ промыселъ скотоводство, чему много способствуетъ гористое положеніе страны и умѣренный климатъ долинъ. Зимою снѣгъ выпадаетъ здѣсь гораздо въ меньшемъ количествѣ, нежели въ другихъ частяхъ сѣверо-восточной Сибири, и стада остаются въ теченіе всего года на лугахъ, всегда находя себѣ достаточную пищу, что весьма важно, ибо жаркое лѣто, иссушая землю, не дозволяетъ дѣлать значительныхъ запасовъ сѣна. Озера попадаются здѣсь рѣже, нежели въ Колымскомъ округѣ, но недостатокъ ихъ вознаграждается тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ богаты маленькими, въ два дюйма длиною, рыбками, водящимися въ чрезмѣрномъ множествѣ, такъ что якуты черпаютъ ихъ ведрами. Рыбка эта

замораживается и сохраняется на зиму, а для ѣды ее растираютъ и варятъ съ толченою корою молодыхъ лиственницъ. Второе мѣсто между промыслами здѣшнихъ якутовъ занимаетъ охота. Куропатки и зайцы водятся здѣсь въ неимовѣрномъ количествѣ. Лѣса изобилуютъ сверхъ того звѣрями, какъ-то: сохатыми, оленями, черными медвѣдями, волками, кабаргами, лисицами, бѣлками, горностаями отличной доброты, и т. д. Черныя лисицы попадаются здѣсь рѣдко; соболей вовсе нѣтъ. Надобно полагать, что кабарга попадается здѣсь во множествѣ, ибо фунтъ мускуса въ Верхоянскѣ продается по 10 и 15 рублей.

Между Верхоянскомъ и Зашиверскомъ лежитъ страшное ущелье. Рѣка Догдо, быстрая, наполненная ямами, усѣянная огромными камнями, рождаетъ невольный ужасъ въ душѣ; но вѣнецъ ея славы составляютъ тарыни (гололедица) и наледи. Самое ущелье ограничивается съ обѣихъ сторонъ двумя грядами горъ, саженъ во сто отвѣсной высоты, отстоящихъ одна отъ другой въ иныхъ мѣстахъ не болѣе какъ на 5 сажень, такъ что гребни ихъ почти образуютъ сводъ. Страшно взглянуть вверхъ! — надъ головою висятъ громады камней, и тотъ же невольный трепетъ пробѣгаетъ по тѣлу, когда посмотришь подъ ноги, гдѣ съ невыразимымъ шумомъ и грохотомъ катитъ бурная Догдо огромные камни. Малѣйшая неосторожность, невѣрный шагъ лошади, кружеиіе головы, недостатокъ силъ могутъ стоить жизни. У якутовъ есть благоразумное повѣрье: проѣзжая ущельями горъ не только не пѣть пѣсенъ, даже не говорить, и тѣмъ болѣе о предметахъ соблазнительныхъ или безнравственныхъ; нигдѣ это повѣрье не соблюдается съ такою строгостью, какъ здѣсь. Страхъ, свойственный душѣ дикаря при ужасахъ природы, и вѣковой опытъ научили его, что малѣйшее сотрясеніе воздуха можетъ обрушить цѣлыя груды камней и снѣга.*).

Май мѣсяцъ — труднѣйшее время для проѣзда чрезъ это ущелье: рѣка покрыта льдомъ, горы снѣгомъ и туманами. Самый приступъ къ этому ущелью даетъ уже понятіе о предлежащемъ пути. Въ 5 верстахъ отъ него р. Догдо образовала бассейнъ, который, будучи покрытъ льдомъ, имѣетъ совершенно гладкую поверхность; постоянные вѣтры изъ ущелья свѣваютъ съ него снѣгъ, и самый умѣренный вѣтеръ несетъ человѣка по льду какъ пушинку; некованныя лошади раскатываются и падаютъ поминутно: — хлопотъ и трудовъ много потому, что лошади

*) Точно то же повѣрье существуетъ и между работниками въ Сибирскихъ рудникахъ,—и тамъ никогда не слышно словъ возмущающихъ нравственность.

идутъ гусемъ: стоитъ упасть одной—и всѣ упадутъ за нею. Бассейнъ въ окружности до 7 верстъ, и нерѣдко, особенно при сильныхъ морозахъ, покрывается водою поверхъ льда.

Въ это время проѣздъ чрезъ него самый мучительный: въ декабрѣ или январѣ человѣкъ долженъ брести по колѣна въ водѣ, почти на разстояніи 4 верстъ; проѣхавъ же бассейнъ, слѣдуютъ по ущелью, столь узкому, что въ иныхъ мѣстахъ въ лучшій весенній день не видно лучей солнца, а разливается какой-то полусвѣтъ, или, вѣрнѣе, какое-то смѣшеніе свѣта съ тьмою.

Цѣпляясь по боку скалы, тихо и робко тянется поѣздъ; мелкіе камни, подобно горнымъ потокамъ, съ шумомъ сыплются изъ подъ ногъ животныхъ; опытный проводникъ идетъ впередъ и знаками показываетъ дорогу. Такимъ образомъ идутъ около трехъ верстъ, а потомъ спускаются на рѣку и ѣдутъ по льду. На разстояніи 35 верстъ, тарыны, коихъ число и мѣстность ежегодно измѣняется, представляются въ видѣ громадныхъ опрокинутыхъ котловъ; лучи солнечные ярко отражаются на нихъ самыми чудными радужными цвѣтами; самые здоровые глаза не могутъ смотрѣть на эти купы алмазныхъ, такъ сказать, кургановъ. Вотъ что случилось съ однимъ купцомъ, сдѣлавшимъ болѣе двадцати разъ этотъ переѣздъ. Переходя большій изъ тарыновъ, онъ разсчитывалъ, что выгоднѣе будетъ идти позади лошадей, потому что отъ копытъ ихъ остаются нѣкоторые слѣды, по которымъ не такъ сильно скользятъ ноги. Бывшіе съ нимъ казаки проводники пошли вмѣстѣ нѣсколько впереди лошадей. Надо замѣтить здѣсь, что, по странному свойству горныхъ рѣкъ дальняго сѣвера, Догдо покрывается по крайней мѣрѣ десятью слоями льда, толщиною менѣе двухъ вершковъ, и необычайная быстрота препятствуетъ плотному ихъ замерзанію, а потому въ глубокихъ мѣстахъ образуются наливы, подъ которыя съ шумомъ течетъ сверхледная вода. Когда проводники достигли середины рѣки, путникъ понялъ, но поздно, что ошибся въ разсчетѣ, ибо верхніе слои льда подъ лошадьми обломились, и вода брызнула, какъ изъ фонтана. Дорожа временемъ, онъ хотѣлъ бѣгомъ опередить лошадей; но не успѣлъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ ледъ треснулъ, и его по нижнему слою льда понесло стремленіемъ воды; не видя всей опасности, онъ карабкался, по колѣна въ водѣ, стараясь достигнуть противоположнаго берега; не болѣе какъ шагахъ во ста за нимъ образовалось подъ наливомъ озерко, имѣвшее въ поперечникѣ до 2 сажень, куда быстриною прямо понесло его и гдѣ ужасно клокотала вода. Употребивъ всѣ усилія, проводникъ настигъ

купца и, такъ сказать, вырвалъ изъ челюстей неминуемой смерти. Маленькій ножъ на бедрѣ, неразлучный спутникъ якутовъ, былъ единственнымъ ихъ спасителемъ: втыкая конецъ этого ножа въ нижній слой льда, они сдѣлали шероховатою и удобною для ходьбы, гладкую и какъ бы отполированную его поверхность; иначе ни человѣкъ и ни одно животное не могутъ удержаться на льду, даже при малѣйшемъ вѣтрѣ. Такова эта единственная въ своемъ родѣ рѣка и переправа чрезъ нее!

Это ущелье, перерываемое другими, почти столь же грозными мѣстами, простирается верстъ на триста вплоть до Зашиверска. На всемъ пространствѣ не слышно и не видно ни души человѣческой.

По переправѣ чрезъ р. Индикирку открывается городъ Зашиверскъ *). Замѣчательна здѣсь деревянная башня въ $1^1/_2$ квадратныхъ сажени въ основаніи и въ 3 сажени въ вышину, которая лѣтъ за 100 служила жилищемъ для аманатовъ. Снаружи и изнутри ея вырѣзаны на стѣнахъ, вѣроятно еще этими дикарями, изображенія оленей и собакъ. Индикирка также въ свою очередь замѣчательна своими шиверами, отъ чего и городъ получилъ свое имя, и водоворотами, изъ числа которыхъ важнѣйшій почитается находящійся вверхъ по рѣкѣ отъ Зашиверска во 150 верстахъ. Никакое живое существо не отваживается переплыть здѣсь Индикирку; надо представить себѣ глубокую, быструю, шириною въ 200 сажень рѣку, которая, сливаясь между двухъ скалъ, всей своею массою крутится огромнымъ водоворотомъ; вѣковыя деревья, занесенныя въ этотъ всепожирающій омутъ, выказываются изъ подъ воды только послѣ долгаго времени; другія же, болѣе тяжелыя, тѣла вовсе не всплываютъ изъ этой бездны. Безъ страха и головокруженія нельзя даже съ берега смотрѣть на эту кипящую пучину, страшнымъ ревомъ оглушающую окрестности.

Зашиверскъ построенъ среди пространной равнины, богатой прекрасными лугами и усѣянной озерами, обильными рыбою. Здѣсь водятся сиги и чиры той же породы. Народонаселеніе состоитъ изъ якутовъ, которые все лѣто кочуютъ съ табунами лошадей и стадами рогатаго скота. Въ теплое время года запасаются они сѣномъ на зиму. При наступленіи осени, якуты разселяются по берегамъ рѣкъ и занимаются только рыбною ловлею. Охота составляетъ у нихъ побочный

*) Зашиверскъ лежитъ подъ самымъ полярнымъ кругомъ. Городъ поддерживается ежегодно ярмаркою, бывающею въ декабрѣ и январѣ, на которую пріѣзжаютъ изъ Якутска купцы съ разными товарами и жизненными припасами; жители—мѣщане и казаки—промѣниваютъ ихъ на пушныхъ звѣрей.

промыселъ. Бѣднѣйшіе якуты, не имѣющіе ни рогатаго скота, ни лошадей, живутъ осѣдло на берегахъ рѣкъ, и называются отъ того рѣчными. Для перевозки тяжестей содержатъ они собакъ, которыя, питаясь только рыбьими костями, почти не стоятъ хозяину никакихъ издержекъ, а между тѣмъ чрезвычайно полезны, даже необходимы. Рыбная ловля составляетъ главный промыселъ и почти единственное средство пропитанія рѣчныхъ якутовъ. Зимою занимаются они добычею пушныхъ звѣрей.

По этой дорогѣ развѣ проѣдетъ лѣтомъ какой нибудь казакъ съ почтою въ Якутскъ. Въ 315 верстахъ за Зашиверскомъ, лежащимъ на границѣ Колымскаго уѣзда, прекращаются якутскія селенія. Отсюда дорога къ рѣчкѣ Алазеѣ, на протяженіи 250 верстъ, идетъ по совершенно безлюдной пустынѣ, покрытой большею частью болотами, которыя лѣтомъ, особенно послѣ дождей, совершенно непроходимы. Озера попадаются рѣже; луга, поросшіе травою, исчезаютъ такъ, что, при совершенномъ недостаткѣ средствъ пропитанія для людей и животныхъ, эта полоса врядъ ли когда нибудь сдѣлается обитаемою. Лежащія къ западу отъ Алазейскихъ горъ болота, называемыя «бадаранами», никогда не просыхаютъ. Лѣтомъ, при теплой, сухой погодѣ, образуется на поверхности ихъ тонкій, твердый слой, который, подобно осеннему льду, можетъ сдержать только малыя тяжести, а подъ большими прорывается. Въ нѣкоторой глубинѣ отъ поверхности лежитъ вѣчный, никогда не тающій ледъ; только онъ спасаетъ проѣзжающихъ здѣсь лѣтомъ путешественниковъ отъ потопленія въ болотѣ. Вообще трудно себѣ представить что нибудь унылѣе и пустыннѣе бадарановъ, покрытыхъ полуистлѣвшимъ мохомъ, по которому изрѣдка стелются, почти изсохшія, тонкія лиственницы.

Далѣе до Нижне-Колымска путь идетъ по рѣкѣ Колымѣ.

Берегъ Ледовитаго моря наводитъ невольную задумчивость и уныніе на человѣка. Онъ тянется необозримою равниною, гдѣ, утомленный однообразіемъ, взоръ не встрѣчаетъ ни дерева, ни кустарника, и только мрачные утесы и огромныя льдины высоко подымаютъ свои голыя вершины. Нигдѣ не видно слѣдовъ дѣятельности человѣческой, и даже земля какъ будто утрачиваетъ здѣсь свою производительную силу. Только въ краткій періодъ лѣта стада оленей и стаи гусей оживляютъ нѣсколько безмолвную тундру.

Въ Нижне-Колымскѣ суровость климата доходитъ уже до крайней степени. Здѣсь рѣка становится въ первыхъ числахъ сентября; ближе къ

устью переходятъ часто уже 20 августа навьюченныя лошади по льду; вскрывается же рѣка въ началѣ іюня. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, которые здѣсь называютъ лѣтомъ, солнце не заходитъ съ 15-го мая по 6-е іюля; однакоже, отъ этого солнца мало пользы, ибо оно стоитъ такъ низко, что только свѣтитъ, но почти совсѣмъ не нагрѣваетъ воздуха, лучи теряютъ почти всю свою яркость; самое солнце представляется въ эллиптической фигурѣ, и на тусклый свѣтъ его можно смотрѣть простыми глазами.

Хотя, какъ сказано, въ продолженіе всего лѣтняго періода солнце не заходитъ, однакоже, обыкновенный порядокъ дневнаго времени замѣтенъ. Когда холодное солнце понижается на горизонтѣ, наступаютъ вечеръ и ночь, и природа покоится, а когда, часа черезъ два, оно опять нѣсколько возвысится, то все пробуждается: птицы привѣтствуютъ новый день веселымъ щебетаньемъ; свернувшійся желтый цвѣтокъ открываетъ свою чашечку, и все, кажется, спѣшитъ насладиться, хоть немного, благодѣтельнымъ вліяніемъ слабыхъ солнечныхъ лучей. Тоже происходитъ и съ временами года: какъ подъ поворотными кругами смѣняются между собою только весна и лѣто, такъ и здѣсь существуютъ лишь лѣто и зима, вопреки мнѣнію туземцевъ, которые утвердительно говорятъ о веснѣ и осени. Первую полагаютъ они около того времени, когда солнечные лучи начинаютъ быть замѣтны въ полдень, что случается обыкновенно въ половинѣ марта; но и тогда часто бываетъ ночью 30° мороза. Осень считаетъ они съ того времени, когда замерзнутъ рѣки, именно съ первыхъ чиселъ сентября; тогда бываетъ обыкновенно 35° мороза. Лѣто начинается въ послѣднихъ числахъ мая; низкая ива распускаетъ маленькіе листочки, а лежащіе къ югу отлогости берега покрываются блѣдною зеленью. Въ іюнѣ случается въ полдень до 18° тепла; показываются цвѣтки и разцвѣтаютъ ягодные кусты; но если поднимется морской вѣтеръ и отъ него сдѣлается воздухъ суровымъ,—скудная зелень желтѣетъ и цвѣты пропадаютъ.

Въ іюлѣ воздухъ становится гораздо чище и пріятнѣе, но природа какъ будто хочетъ произвести въ здѣшнихъ жителяхъ отвращеніе отъ прелестей лѣта и заставить ихъ желать возврата зимы: въ первыхъ числахъ мѣсяца появляются миріады комаровъ, помрачающіе воздухъ густыми облаками, и единственное убѣжище отъ нихъ въ ѣдкомъ смрадѣ дымокуровъ *), который отгоняетъ несносныхъ мучителей. Но за то

*) Дымокуры суть огромныя кучи моха и сырыхъ дровъ; отъ горѣнія ихъ про-

въ это время олени выходятъ изъ лѣсовъ на приморскую тундру, открытую холоднымъ вѣтрамъ. Они бѣгутъ огромными стадами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ. Тогда охотники подстерегаютъ ихъ, особенно при переправахъ черезъ рѣки и озера, и съ малымъ трудомъ убиваютъ великое множество. Другую, не менѣе существенную, но совершенно противоположную пользу доставляютъ рои комаровъ пасущимся въ табунахъ безъ присмотра лошадямъ, которыя на безконечной тундрѣ легко могли бы заблудиться, если бы природный инстинктъ не научалъ ихъ держаться всегда по близости дымокуровъ, гдѣ находятъ онѣ защиту отъ крылатыхъ враговъ своихъ. Всегда пасутся онѣ въ густомъ дыму около тлѣющихъ кучъ, а когда не станетъ травы въ одномъ мѣстѣ, кучи переносятся далѣе. Обыкновенно, огораживаютъ дымокуры шестами, чтобы скотъ не могъ приближаться къ огню.

Въ продолженіе лѣта и здѣсь бываетъ громъ, который слышенъ въ горахъ, а надъ снѣжною и ледяною равниною издаетъ только слабый гулъ и не производитъ никакого дѣйствія.

Настоящая зима продолжается цѣлые девять мѣсяцевъ; въ октябрѣ холодъ нѣсколько умѣряется густыми туманами и испареніями отъ замерзающаго моря, но съ ноября наступаютъ большіе морозы, которые въ январѣ доходятъ до 43°. Тогда захватываетъ дыханіе. Дикій олень, житель полярныхъ странъ, забирается въ глушь лѣсовъ и стоитъ тамъ неподвижно, какъ бездыханный. Вмѣсто почти двухмѣсячнаго дня начинается, съ 22 ноября, 38-ми-суточная ночь, которая однакоже отъ сильной рефракціи и снѣжнаго свѣта, а равно и отъ частыхъ сѣверныхъ сіяній, бываетъ довольно сносна. Декабря 28-го показывается надъ горизонтомъ блѣдная утренняя заря, которая и въ полдень не въ состояніи помрачить звѣздъ. Съ возвращеніемъ солнца, холодъ становится чувствительнѣе, и бывающіе въ февралѣ и мартѣ утренніе морозы отличаются особенною пронзительностью. Совершенно ясные дни зимою бываютъ здѣсь не часто, ибо дующіе съ моря вѣтры наносятъ пары и мглу, которые иногда такъ густы, что совсѣмъ закрываютъ звѣзды. Такую густую мглу называютъ здѣсь *морокомъ*. Всего болѣе ясныхъ дней въ сентябрѣ.

исходитъ густой дымъ, который отгоняетъ комаровъ. Кучи эти раскладываютъ не только на лугахъ, для скота, но также и около селеній, а потому все время, пока есть комары, жители проводятъ въ густыхъ облакахъ ѣдкаго дыма.

Замѣчательное здѣсь явленіе природы есть, извѣстный подъ именемъ теплаго вѣтра, вѣтеръ, который иногда, при ясномъ небѣ, начинаетъ дуть внезапно, и среди жесточайшей зимы, въ короткое время перемѣняетъ температуру изъ 35° мороза на $1^1/_2$° тепла, такъ что льдины, замѣняющія здѣсь стекла въ окнахъ, таютъ. Вѣтеръ этотъ продолжается обыкновенно не болѣе сутокъ.

Хотя, по всему сказанному, здѣшній климатъ можно считать самымъ суровымъ и неблагопріятнымъ, но должно согласиться, что вообще онъ не вреденъ для здоровья.

Скудная растительность соотвѣтствуетъ печальному климату. Низкое болото, на поверхности котораго тонкій, никогда совершенно нерастаявающій слой растительности земли, изъ перегнившей травы и листьевъ, съ примѣсью частицъ льда, едва можетъ питать какое нибудь уродливое лиственичное дерево; корни его, недопускаемые вѣчнымъ льдомъ въ глубину земли, большею частію лежатъ обнаженные на поверхности. У береговыхъ отлогостей къ югу растетъ изрѣдка мелколистный ивнякъ, а на равнинахъ возвышается жесткая трава, которая вблизи моря доставляетъ скоту нѣсколько питательнѣе кормъ, потому что при случающихся ежегодно наводненіяхъ проникается соленою водою. Чѣмъ болѣе приближаешься къ морю, тѣмъ рѣже видишь малорослыя деревья и кустарники, которые, наконецъ, у лѣваго берега Колымы, около 35 верстъ сѣвернѣе Нижне-Колымска, вовсе исчезаютъ. На равнинахъ, покрытыхъ хорошею травою, попадается тимьянъ, и въ особенности полынь; также цвѣтетъ шиповникъ. Мелкая смородина, голубица, брусника, морошка, княженика и шикша цвѣтутъ здѣсь, а въ благопріятное лѣто даютъ и ягоды. Но объ огородныхъ овощахъ нельзя и думать,—никто не рѣшается разводить ихъ, ибо навѣрное можно сказать, кто здѣсь ничто подобное не примется. Въ Средне-Колымскѣ, лежащемъ на 2° южнѣе, растетъ рѣдька, а также и капуста.

Въ Анюйскихъ долинахъ, защищаемыхъ горами отъ холодныхъ вѣтровъ, растутъ береза, осина, тополь, ива и кедровникъ. Когда придешь сюда съ мерзлой, покрытой мохомъ, тундры, то вообразишь себя переселившимся въ Италію.

Со скудостію, или, лучше сказать, ничтожествомъ прозябаемой природы, представляется въ замѣчательной противоположности богатство животнаго царства. Олени въ безчисленныхъ стадахъ, лоси (сохатые), черные и бурые медвѣди, лисицы, соболи и бѣлки наполняютъ нагор-

ные лѣса; песцы и волки рыскаютъ по низменностямъ; огромныя стада лебедей, гусей и утокъ, прилетая весною, ищутъ уединеннаго мѣста, безопаснаго отъ преслѣдованія охотниковъ, чтобы вылинять тамъ и вывести дѣтей; орлы, филины и чайки преслѣдуютъ свою добычу у береговъ морскихъ; бѣлыя куропатки стадами бѣгаютъ около кустарниковъ, и маленькіе кулики живутъ во множествѣ по болотистымъ берегамъ. Вблизи жилищъ хозяйничаютъ вороны; а когда свѣтитъ весеннее солнце, слышно иногда пѣніе веселаго зяблика.

Но самыя благодѣтельныя животныя для здѣшняго края—это собака и олень, о которыхъ необходимо сказать нѣсколько словъ.

Между всѣми домашними животными здѣшняго края, первое мѣсто занимаетъ собака. Животное, какъ будто самою природою предназначенное быть сотоварищемъ человѣка, охранять его, слѣдовать за нимъ на охоту, могущее, подобно ему, переносить всякій климатъ, питающееся на островахъ Южнаго моря бананами и травами, а на Ледовитомъ морѣ рыбою, и вездѣ приносящее пользу, пріучается здѣсь къ тому, что въ другихъ странахъ вовсе ему несвойственно.

Крайность заставила обитателей сѣвера употреблять собаку вмѣсто рабочаго скота. Всѣ народы, живущіе по берегамъ Ледовитаго моря, отъ Оби до Берингова пролива, въ Гренландіи, въ Камчаткѣ, запрягаютъ зимою собакъ въ сани, совершаютъ на нихъ дальнія путешествія и перевозятъ значительныя тяжести.

Здѣшнія собаки весьма похожи на волка; морда у нихъ длинная, острая, уши острыя, стоячія; хвостъ длинный и мохнатый; у иныхъ шерсть гладкая, у другихъ мохнатая разныхъ цвѣтовъ.

Величина ихъ также различна, однако-же хорошая нартенная собака должна быть не ниже аршина двухъ вершковъ и не короче аршина пяти вершковъ. Лай ихъ походитъ болѣе на волчій вой. Круглый годъ проводятъ онѣ на открытомъ воздухѣ; лѣтомъ вырываютъ себѣ ямы въ землѣ, для прохлады, или цѣлый день лежатъ въ водѣ, избавляясь отъ комаровъ, а зимою ищутъ убѣжища подъ снѣгомъ, и, свернувшись въ глубокихъ снѣговыхъ ямкахъ, прикрываютъ морду своимъ мохнатымъ хвостомъ.

Изъ щенятъ вскармливаютъ большею частью самцовъ, а самокъ почти всѣхъ бросаютъ въ воду. Выкармливаніе и обученіе собакъ для ѣзды составляетъ главнѣйшее занятіе жителя. Щенята, родившіеся зимою, пріучаются слѣдующею осенью къ упряжкѣ, но не ранѣе третьяго года употребляются въ дальнія поѣздки. Самыхъ проворныхъ и

сыпленыхъ собакъ впрягаютъ впереди. Скорый и правильный бѣгъ всего цуга, состоящаго обыкновенно изъ 12-ти собакъ, а иногда и самая безопасность ѣздока, зависитъ отъ проворства и послушанія передовыхъ собакъ. Поэтому необходимо пріучить ихъ слушаться одного слова хозяина и не бросаться на звѣриный слѣдъ, что составляетъ самую трудную часть въ обученіи собакъ и очень рѣдко удается. Обыкновенно вся упряжка съ визгомъ бросается на слѣдъ звѣря, и никакая сила, кромѣ естественнаго препятствія, не въ состояніи удержать ея. Въ такихъ обстоятельствахъ особенно важно имѣть хорошую передовую собаку. Нѣсколько разъ Врангель имѣлъ случай удивляться искусству и обдуманной хитрости, съ какими передовая собака мало по малу отвлекала прочихъ собакъ отъ звѣринаго слѣда, или, если ей не удавалось, съ лаемъ бросалась въ противоположную сторону, какъ будто увидя тамъ другаго звѣря. Въ разъѣздахъ по обширнымъ тундрамъ, въ темныя туманныя ночи, или сильныя мятели, когда путешественникъ, ни зги не видя передъ собою, тщетно ищетъ поварни, и находится въ ежеминутной опасности замерзнуть или быть занесеннымъ снѣгомъ, обученная передовая собака нерѣдко спасаетъ его отъ гибели. Можно быть увѣреннымъ, что среди необозримой, снѣгомъ занесенной пустыни, собака всегда найдетъ поварню, въ которой хоть однажды бывала, и тогда путешественнику остается только лопаткой (необходимою принадлежностью зимнихъ поѣздокъ) отрыть себѣ ходъ въ найденный такимъ образомъ ночлегъ.

Лѣтомъ, собаки также полезны, и обыкновенно употребляются для тяги лодокъ, противъ теченія. Замѣчательно, какъ при этой работѣ, если на дорогѣ встрѣтится какое нибудь препятствіе, или перемѣпится бичевникъ, собаки по одному слову хозяина переплываютъ на другой берегъ и становятся снова въ порядокъ. Даже по сухому пути, онѣ перетаскиваютъ иногда, за неимѣніемъ лошадей, лодки (вѣтки), употребляемыя при птичьей ловлѣ. Словомъ, для осѣдлыхъ жителей здѣшнихъ странъ, собаки такъ-же полезны и необходимы, какъ олени для кочующихъ. Вотъ доказательство ихъ необходимости: въ 1821 году, сильное повѣтріе истребило большую часть собакъ на берегахъ Индикирки, такъ что у одного юкагирскаго семейства изъ 20 собакъ осталось только два щенка, и тѣ слѣпые, которые также должны бы погибнуть, если бы хозяйка юрты не рѣшилась вскормить ихъ своею грудью, наравнѣ съ собственнымъ ребенкомъ. Такимъ образомъ два щенка сдѣлались впослѣдствіи родоначальниками многочисленнаго поколѣнія.

Въ 1822 году, большая часть колымскихъ жителей потеряли отъ повѣтрія своихъ собакъ и были тѣмъ приведены въ самое бѣдственное положеніе. Они принуждены были таскать на себѣ дрова, а также собранную въ разныхъ мѣстахъ добычу рыбной ловли. Работа была затруднительна и медленна, такъ что время, удобное для птичьей и звѣриной ловли, было пропущено. Всеобщій ужасный голодъ сдѣлался слѣдствіемъ недостатка собакъ, которыхъ, по краткости лѣта и недостатку травянаго корма, замѣнить лошадьми невозможно.

Олень для тунгуса и русскаго жителя тундры есть животное полезнѣйшее; на немъ онъ ѣздитъ и возитъ свою кладь; мясо его употребляетъ въ пищу; женщины употребляютъ жилы оленя вмѣсто нитокъ, шкуры идутъ на одежду или покрышу юртъ, а потому вся забота человѣка состоитъ въ сбереженіи и охраненіи оленей. Это особенно замѣтно, когда олени телятся въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ; тогда женщины не спятъ по ночамъ, и собаки содержатся на привязи, мѣсто же стоянки выбирается укрытое отъ вьюгъ и вѣтровъ. Олени самцы называются быками, матки—важенками; для вьюка и верховой ѣзды всегда употребляются быки. Тунгусъ считаетъ богатство свое по количеству важенокъ, быки же никогда не входятъ въ разсчетъ, а потому всегда трудно узнать настоящее число оленей, тѣмъ болѣе, что тунгусъ никогда не скажетъ вамъ и настоящаго числа важенокъ. Жители имѣютъ повѣрье, что если кто нибудь изъ нихъ скажетъ настоящее число табуна своего, то олени начнутъ переводиться и приплодъ уменьшится. Каждый хозяинъ при рожденіи теленка накладываетъ на ушахъ его свою мѣтку; по этой мѣткѣ онъ узнаетъ всегда своего оленя между тысячами. Пищу оленя составляетъ мохъ, который находится вездѣ въ здѣшнихъ странахъ, и потому при той неоцѣнимой и ничѣмъ незамѣняемой пользѣ, какую онъ доставляетъ хозяину, вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ никакихъ хлопотъ для его продовольствія. Главная забота хозяина защищать табунъ отъ хищныхъ звѣрей, и теленка, недавно отелившагося, сохранить отъ вьюгъ, непогоды и холода. Олень, точно такъ же какъ и его хозяинъ, любитъ жизнь свободную, вольную; онъ не можетъ быть долго на одномъ мѣстѣ и поэтому вынуждаетъ иногда своего хозяина чаще перемѣнять мѣсто стоянки. Матки приносятъ по одному теленку; уходъ за теленкомъ нуженъ только въ первые дни; когда теленокъ нѣсколько окрѣпнетъ, онъ уже не оставляетъ своей матери, присмотра и надзора которой бываетъ совершенно для него достаточно. Случается, что и при изобиліи моха олень съ трудомъ достаетъ себѣ кормъ и это именно

тогда, когда выпадаютъ глубокіе снѣга; отъ этого неудобства олени часто портятъ себѣ ноги и подвергаются болѣзни, истребляющей ихъ въ значительномъ количествѣ. Таковая же болѣзнь случается съ ними въ сухое, бездождливое лѣто и во время дальнихъ переходовъ. Болѣзнь появляется у одного оленя, заражаетъ цѣлый табунъ и губитъ тысячи. Молоко оленье густо, подобно коровьимъ сливкамъ, и очень вкусно. Самыя вкусныя части убитаго оленя грудина и языкъ, а потому почетному гостю предлагаются они въ кушанье; мозгъ изъ продольныхъ костей также очень уважается; у оленей, особенно жирныхъ, мозгу бываетъ очень много и самыя кости весьма тонки. Тунгусы давятъ обыкновенно оленя ремнемъ и потомъ выпускаютъ изъ него кровь въ нарочно приготовленные котлы; ножей въ этомъ случаѣ не употребляютъ; изъ остающихся оленьихъ костей вывариваютъ масло; кости эти они толкутъ и кипятятъ на маломъ огнѣ.

IV.

Жители тундры.—Русскіе; ихъ образъ жизни и занятія.—Тунгусы.—Ихъ образъ жизни.—Юкагиры и чукчи.

Одинъ взглядъ на описанную нами ужасную пустыню невольно вселяетъ мысль, что здѣсь граница обитаемаго міра. Тѣмъ не менѣе однако, и въ этихъ ужасныхъ мѣстахъ поселился человѣкъ. Что могло завлечь его сюда, въ могилу природы? Говоримъ не о маломъ числѣ русскихъ, которые, въ надеждѣ на значительную прибыль, рѣшились придти сюда на нѣсколько времени, но о тѣхъ народахъ, которые считаются коренными жителями тундры. Доискиваться этого совершенно безполезно: никакой памятникъ, никакое преданіе не говорятъ о томъ, что было прежде. Даже изъ недавней еще эпохи покоренія Сибири русскими неизвѣстно ничего достовѣрнаго о тогдашнихъ обитателяхъ здѣшней страны. Одно лишь темное преданіе сохранилось въ народѣ, что «на берегахъ Колымы было прежде огней у *омоковъ* болѣе, нежели звѣздъ на ясномъ небѣ». Дѣйствительно, видны еще въ иныхъ мѣстахъ остатки укрѣпленій изъ толстыхъ бревенъ и слѣды огромныхъ могильныхъ кургановъ, въ особенности у рѣки Индикирки; то и другое принадлежало, какъ полагаютъ, сильному и многочисленному поколѣнію омоковъ, которое нынѣ вовсе исчезло.

Судя по несвязнымъ отвѣтамъ нѣкоторыхъ стариковъ, кажется, что *омоки* не были кочующимъ народомъ, и имѣли постоянную осѣдлость по берегамъ верховья рѣки, живя звѣроловствомъ и рыбнымъ промыс-

ломъ. Другое многочисленное поколѣніе, называемое *чукочъ*, кочевало, съ огромными стадами оленей, на необозримой тундрѣ, чрезъ которую протекаетъ Колыма къ морю, отъ чего и доселѣ существуютъ въ странѣ названія рѣчекъ, каковы—Малая и Большая Чукочья. *Омоки* сдѣлались, вѣроятно, жертвою войнъ и болѣзней, а *чукочъ* или *чукчи* переселились частію еще далѣе къ сѣверу, гдѣ живутъ и нынѣ, частію смѣшались съ другими племенами, которыя также имѣютъ здѣсь пребываніе, или заходятъ сюда временно и составляютъ нынѣшнее скудное населеніе здѣшней страны.

Хотя обитающіе здѣсь собственно-русскіе, черезъ смѣшеніе съ юкагирами и аннюйскими якутами, заимствовали отъ нихъ многое въ одеждѣ, образѣ жизни и даже въ чертахъ лица, но все еще отличаются весьма замѣтно крѣпкимъ своимъ сложеніемъ. Они вообще ростомъ выше, тѣломъ бѣлѣе и у многихъ свѣтлорусые волосы, чего не встрѣчается у природныхъ жителей. Русскія женщины, не смотря на трудныя работы и неопрятность, въ какой живутъ, имѣютъ черты лица пріятнѣе и правильнѣе, нежели у настоящихъ юкагирокъ, тунгусокъ и якутокъ, и многія изъ нихъ могутъ назваться красавицами.

Здоровью жителей способствуютъ безпрестанное движеніе на свѣжемъ воздухѣ и усилія, требуемыя при частой ѣздѣ на нартахъ и бѣганья на лыжахъ.

Въ отношеніи жилищъ, русскіе мало различаются отъ природныхъ жителей. Растущія здѣсь лиственичныя деревья очень тонки, и потому для постройки хижинъ надобно ловить лѣсъ, наносимый съ моря, при весеннемъ разлитіи рѣкъ. Часто проходитъ нѣсколько лѣтъ, пока наберется потребное количество бревенъ. Стѣны выводятся по обыкновенному образцу русскихъ избъ; промежутки между бревенъ затыкаются мохомъ и замазываются глиною, а нижняя часть строенія, снаружи до оконъ, заваливается землею, для предохраненія отъ холода. Хижина имѣетъ обыкновенно отъ двухъ до трехъ сажень въ квадратѣ и $1^1/_2$ сажени вышины. На плоскую крышу насыпается земля. Внутреннее устройство бываетъ слѣдующее: въ углу стоитъ якутскій чувалъ, родъ камина, сплетеннаго изъ ивовыхъ прутьевъ и обмазаннаго внутри и снаружи глиною. Трубу замѣняетъ сдѣланное въ крышѣ отверстіе. Въ послѣднее время стали устроивать настоящія русскія печи изъ битой глины и проводить трубы сквозь кровлю. Смотря по пространству хижины и потребности хозяина, ставятся одна или двѣ низкія перегородки, для отдѣленія спальни; вокругъ стѣнъ дѣлаются широкія скамьи,

которыя покрываются оленьими кожами; по стѣнамъ развѣшиваютъ разную домашнюю утварь, ружья, стрѣлы, луки, и т. п. Два окна, въ квадратный футъ, а иногда менѣе, кой-какъ освѣщали бы хижину, если бы въ нихъ вставлены были стекла; но замѣняющіе ихъ лѣтомъ рыбьи пузыри (обыкновенно изъ налима), а зимою льдины, въ шесть дюймовъ толщины, едва только пропускаютъ дневный свѣтъ. Съ одной стороны дома пристроиваются сѣни, къ которымъ примыкаетъ амбаръ, сложенный изъ тонкихъ бревенъ. Въ сѣняхъ обыкновенно дѣлается очагъ. Всѣ дома расположены окнами къ югу. Какъ возлѣ дома, такъ и на крышѣ, устроены бываютъ вѣшалки, для сушенія рыбы, а у амбара стоитъ конура, гдѣ во время жестокихъ морозовъ укрываются собаки, при меньшемъ холодѣ обыкновенно лежащія передъ домомъ; онѣ привязаны къ длинному ремню и зарываются въ снѣгъ. Заборовъ почти нигдѣ нѣтъ.

Опрятность въ жилищахъ и одеждѣ можно видѣть только у богатыхъ, жены которыхъ носятъ рубахи изъ бумажной матеріи и холста. Обыкновенныя рубахи (парки) шьются изъ мягкихъ оленьихъ шкуръ, спереди открытыя, и надѣваются шерстью внутрь; наружная сторона выкрашена ольховою корою въ красный цвѣтъ и опушена по низу и рукавамъ тонкими бобровыми ремнями или кожею рѣчной выдры, которая покупается довольно дорого у чукчей. Изъ оленьей шкуры шьютъ и нижнее платье. Сверхъ рубахи надѣваютъ *камлею*, изъ ровдуги, которая отъ дыма становится желтою. Камлея закрыта спереди и сзади; къ ней пришитъ капюшонъ, накидываемый на голову при выходѣ со двора. Зажиточные люди носятъ дома китайчатыя камлеи. На ноги надѣваютъ родъ башмаковъ (*калипчики* и *аларчики*), изъ темной юфти или чернаго сафьяна, которые пришиваются къ голенищамъ, сдѣланнымъ изъ жесткой оленьей кожи, и вышиваются разноцвѣтными шелками, даже золотомъ. Два длинные ремня, прикрѣпленные къ каблуку, обхватываютъ ногу крестообразно. Мѣховая шапка, острая кверху, такъ широка и высока, что можетъ покрывать лобъ и щеки кромѣ того, для щегольства и бо́льшаго тепла, надѣваются налобники, наушники, наносники и набородники; особенно налобникъ вышивается разноцвѣтными шелками и золотомъ. При входѣ въ комнату шапка снимается, а налобникъ остается нѣсколько времени, какъ будто на показъ.

Во время поѣздокъ, сверхъ всего платья, накидывается еще кухлянка, широкая, изъ двойнаго мѣха сшитая камлейка, съ капюшономъ; къ

рукавамъ придѣланы большія рукавицы, у которыхъ подъ низомъ разрѣзъ, чтобы иногда, въ случаѣ надобности, можно было просунуть руку и опять тотчасъ спрятать ее отъ холода. Вмѣсто домашнихъ сапогъ надѣваются получулки или носки изъ кожи молодаго оленя (чижи), а сверху торбасы, или теплые сапоги. Въ такой одеждѣ можно долго выносить самый сильный морозъ. На кушакѣ висятъ большой ножъ, маленькая гамза (мѣдная или оловянная трубка), съ короткимъ, вдоль разрѣзаннымъ и ремнями связаннымъ чубукомъ, и кошель, гдѣ лежатъ огниво и табакъ, изъ экономіи смѣшанный съ мелко-наскобленнымъ, лиственичнымъ деревомъ. Здѣшніе русскіе курятъ подобно всѣмъ сѣвернымъ азіятскимъ народомъ: вбираютъ въ себя дымъ и выпускаютъ потомъ изъ носа, отъ чего приходятъ въ безпамятство, которое бываетъ иногда такъ сильно, что они, сидя передъ чуваломъ, безъ чувствъ падаютъ на землю.

Одежда женщинъ разнится отъ мужской преимущественно тѣмъ, что состоитъ изъ легчайшей кожи, а у богатыхъ изъ какой нибудь бумажной или шелковой матеріи, съ лежачимъ воротникомъ изъ собольихъ или куньихъ хвостовъ; бѣдныя довольствуются оленьими выпоротками. Замужнія женщины повязываютъ обыкновенно голову бумажнымъ или шелковымъ платкомъ; иногда надѣваютъ и колпаки, подъ которые, по русскому обычаю, подбираютъ волосы; незамужнія заплетаютъ ихъ въ длинныя косы, и, сверхъ того, когда въ нарядѣ, носятъ повязки на лбу. Праздничное платье очень похоже на то, какое лѣтъ за 70 носили наши купчихи; чѣмъ цвѣтнѣе и пестрѣе шелковая матерія, и чѣмъ блестящѣе и длиннѣе серьги.—тѣмъ красивѣе почитается нарядъ. Купцы, пріѣзжающіе на ярмарку, умѣютъ здѣсь пользоваться, сбывая на берегахъ Колымы, за дорогую цѣну, такія платья, которыя даже въ Якутскѣ вышли изъ моды.

Занятія русскихъ жителей объусловливаются, какъ и у инородцевъ, природою здѣшняго края.

Рыбная ловля—важнѣйшая отрасль колымской промышленности; все существованіе жителя зависитъ отъ нея. Лишь только наступитъ весна, они оставляютъ жилища, и вдоль береговъ рѣки отыскиваютъ мѣсто, гдѣ, съ большою поспѣшностью, устроиваютъ балаганъ и приготовляютъ все необходимое для рыбной ловли. Многіе изъ нижне-колымскихъ мѣщанъ имѣютъ въ окресностяхъ при устьяхъ рѣчекъ (виски) маленькія, дачи, куда разъѣзжаются еще въ апрѣлѣ, чтобы все заблаговременно устроить, и въ половинѣ мая, когда купцы, возвратясь съ ярмарки,

бывающей въ Островцомъ, на Маломъ Анюѣ, собираются обратно въ Якутскъ, всѣ мѣстные жители спѣшатъ на свои лѣтовья, и въ острогѣ остаются только казацкій сотникъ, съ двумя караульными въ канцеляріи, священникъ съ причтомъ, и нѣсколько голодныхъ семействъ, которыя не въ состояніи слѣдовать на общій промыселъ.

На Колымѣ весна—самое тяжелое для жителей время года: съѣстные припасы, заготовленные лѣтомъ и осенью, всѣ выходятъ въ продолженіе зимы; рыба, укрывшаяся отъ жестокой стужи на днѣ рѣкъ и озеръ, не показывается еще въ водѣ; собаки, изнуренныя зимнею работою и недостаткомъ корма, не могутъ уже болѣе служить для того, чтобы, пользуясь послѣднимъ весеннимъ благодѣяніемъ природы, такъ называемымъ настомъ *), гнаться за оленями и сохатыми; куропатки, наловленныя кой-гдѣ силками, доставляютъ весьма незначительное пособіе; однимъ словомъ — всѣмъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ. Въ то время тунгусы и юкагиры толпами переходятъ съ тундры и съ Анюя въ русскія селенія на Колымѣ, искать спасенія отъ голодной смерти. Блѣдные, безсильные бродятъ они, какъ тѣни, и бросаются съ жадностью на трупы убитыхъ или павшихъ оленей, кости, шкуру, ремни, на все, что только можетъ сколько нибудь служить къ утоленію мучительной потребности въ пищѣ. Но и здѣсь видятъ они мало отрады и здѣсь свирѣпствуетъ голодъ, такъ что сами жители принуждены довольствоваться скудными остатками отъ заготовленнаго собакамъ корма. Многія собаки падаютъ истощенныя голодомъ.

Но когда бѣдствіе достигаетъ высшей степени, является обыкновенно и помощь: внезапно прилетаютъ изъ южныхъ странъ большія стада лебедей, гусей, утокъ, куликовъ и другихъ птицъ. Онѣ предвѣщаютъ конецъ всеобщему бѣдствію. Старый и малый, мужчины и женщины,— кто только въ состояніи держать въ рукахъ ружье или лукъ, всѣ спѣшатъ убивать изъ пернатыхъ гостей что могутъ. Въ разставленныя подъ льдомъ сѣти уже попадается и рыба. Такимъ образомъ ужасное время голода проходитъ. Наконецъ, въ іюнѣ вскрывается рѣка, при-

*) Когда отъ теплоты весеннихъ лучей солнца таящій на поверхности снѣгъ опять замерзаетъ ночью, то образуется тонкая ледяная кора, которая столь тверда, что можетъ подерживать легкую нарту, запряженную собаками. Она называется настомъ, и способствуетъ преслѣдованію оленей и сохатихъ, которые по тяжести своей, проламываясь сквозь ледъ, попадаютъ въ руки охотника. Прочность наста зависитъ отъ того, болѣе или менѣе открыто мѣстоположеніе, и подъ низомъ твердый или рыхлый снѣгъ. Впрочемъ, настъ образуется не каждый годъ; во все пребываніе наше мы не видали его въ окрестностяхъ Нижне-Колымска.

плываетъ множество рыбы, и всякій спѣшитъ запасаться на будущій годъ. Но въ то время случается иногда новое бѣдствіе: рѣка не въ состояніи довольно скоро избавиться отъ несущихся по ней ужасныхъ громадъ льда, которыя, спираясь въ узкихъ мѣстахъ, образуютъ родъ плотинъ и останавливаютъ теченіе воды; она выступаетъ изъ береговъ, затопляетъ луга и селенія. Если жители не успѣютъ отогнать лошадей своихъ на высокое мѣсто, то лишаются ихъ безвозвратно. Такое наводненіе, распространившееся внезапно, застигло Врангеля; внезапность была такъ велика, что онъ едва имѣлъ время, съ нѣкоторыми вещами, взобраться на плоскую крышу, и долженъ былъ просидѣть такъ болѣе недѣли. Вода быстро неслась между домами; къ сѣверу лежащее озеро соединилось съ рѣкою, и весь острогъ походилъ на архипелагъ маленькихъ острововъ, потому что одни только кровли не были покрыты водою. Жители переѣзжали другъ къ другу на карбасахъ и вѣткахъ (лодкахъ), и, сидя на крышахъ, закидывали сѣти и ловили рыбу.

Лишь только вода сбѣжитъ, начинается ловля неводами. Весною рыба плыветъ по теченію рѣки; въ иныхъ мѣстахъ ходъ ея продолжается нѣсколько дней, а въ другихъ ловится цѣлое лѣто, но только количество ея постепенно уменьшается. Преимущественно попадаются стерляди, нельма, муксуны и, такъ называемые, чиры. Вся рыба обыкновенно бываетъ очень тоща, и потому большею частію приготовляютъ ее для корма собакамъ въ видѣ юколы, т. е. распластываютъ, потрошатъ и сушатъ на воздухѣ. Изъ внутренности вывариваютъ жиръ, который употребляется въ пищу и на освѣщеніе избъ въ зимнія ночи.

Въ продолженіе рыбныхъ промысловъ прилетаютъ въ морскому берегу лебеди, гуси и утки: они линяютъ здѣсь, вьютъ гнѣзда и высиживаютъ птенцовъ. Тогда нѣкоторые изъ промышленниковъ отправляются вынимать яица изъ гнѣздъ; настоящая ловля начинается въ то время, когда птицы, лишенныя перьевъ, не могутъ летать. Тутъ охотники собираются во множествѣ къ гнѣздамъ, пугаютъ птицъ собаками и загоняютъ въ озера, гдѣ бьютъ ихъ, чѣмъ попало, изъ ружей, стрѣлами, даже палками. Часть добычи коптится, а остальная замораживается и зарывается въ снѣгъ, для употребленія зимою.

Кромѣ рыбы и птицы, хорошіе хозяева запасаются также оленьимъ мясомъ. Для того иные плывутъ на карбасахъ по Анюю, къ лѣтней плави оленей, а другіе отправляются на лошадяхъ въ тундру, къ боль-

нимъ озерамъ, загоняютъ оленей пріученными собаками въ воду и убиваютъ поколотою *).

Между тѣмъ, пока мужчины занимаются рыбными промыслами и охотою, женщины также пользуются короткимъ лѣтомъ, собирая на зиму произведенія растительнаго царства.

Изъ растеній и кореньевъ полезны только тимьянъ и макарша; первый употребляется преимущественно для куренья, а иногда и въ пищу. Макарша мучноватый корень, который кладутъ для приправы въ пироги съ рыбою и мясомъ, или подаютъ отдѣльно, вмѣсто десерта, передъ вечернимъ чаемъ: его находятъ въ подземныхъ норахъ полевыхъ мышей, собирающихъ на зиму большой запасъ всякихъ кореньевъ. Женщины имѣютъ особенный даръ отыскивать такія убѣжища и уносить у бѣдныхъ животныхъ плоды предусмотрительной ихъ заботливости.

Въ сентябрѣ наступаетъ большой ходъ сельдей и заманиваетъ почти всѣхъ жителей на тони. Сельдей является такое множество, что въ благопріятные годы вытаскиваютъ въ одну тоню 3000 и болѣе, и въ три или четыре дня хорошимъ неводомъ добываютъ до 40.000. Нерѣдко случается, что послѣ трех-мѣсячной неудачной ловли другой рыбы, бѣднымъ жителямъ угрожаетъ ужаснѣйшій голодъ, но вдругъ показываются въ рѣкахъ благодѣтельныя сельди — и цѣлые амбары наполняются ими. До наступленія морозовъ, наловленныя сельди развѣшиваются, чтобы вытекла изъ нихъ вода; отъ того онѣ дѣлаются легче въ дорогѣ и пригоднѣе для корма собакамъ. Сельди, добываемыя во время морозовъ, покрываются льдомъ, безвкусны, и на морозѣ собаки ихъ съ трудомъ раскусываютъ.

Къ тому времени, когда идутъ сельди, возвращаются съ Анюя и тундры промышленники, отправлявшіеся на ловлю оленей, а вмѣстѣ съ ними возвращается и новая жизнь въ страну, которая незадолго предъ тѣмъ была пуста и безлюдна. Съ радостью ожидаютъ извѣстія, чего должно надѣяться или страшиться для предстоящей зимы? Удачный промыслъ производитъ всеобщую радость, и долгое время составляетъ единственный предметъ разговоровъ, причемъ самыя незначительныя обстоятельства, каждое движеніе оленя, ловкость охотника, смышленность собаки, и т. д., разсказываются съ такою подробностью, какъ будто дѣло идетъ о разбитіи непріятельской арміи.

Съ наступленіемъ морозовъ прекращается лѣтній промыселъ рыбы,

*) *Большой* ножъ, насаженный на длинную рукоятку.

и лишь только рѣки замерзнутъ, начинается осенній. Сѣти, сдѣланныя изъ конскихъ волосъ, погружаются въ проруби поперегъ рѣки. Тогда ловятся преимущественно муксуны, омули и нельма, пригоняемые вѣтрами съ моря, близость котораго въ особенности благопріятствуетъ промыслу. Ловля продолжается, съ перемѣннымъ успѣхомъ, до декабря, когда темнота и сильные морозы заставляютъ рыбаковъ прекращать работу и возвращаться въ селенія.

Такимъ образомъ, съ каждымъ временемъ года перемѣняются занятія жителей, которымъ недостатокъ образованности, естественное положеніе и тяжкій климатъ не дозволяютъ думать ни о чемъ иномъ, кромѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей жизни. Вся ихъ смышленность, вся дѣятельность ограничиваются тѣмъ, чтобы не пропускать благопріятнаго времени для каждаго промысла, и когда изсякнетъ одинъ источникъ пропитанія,—тотчасъ пользоваться другимъ.

Для птицъ также есть различные періоды: сначала линяютъ утки, потомъ гуси, наконецъ лебеди. Но кромѣ приготовленія запасовъ, почти единственныхъ источниковъ пропитанія, у здѣшнихъ жителей есть еще много другихъ, не менѣе необходимыхъ занятій. Кто имѣетъ лошадей *), долженъ накосить для нихъ сѣна; инымъ надобно исправить избу или построить новую; поставить въ лѣсу и насторожить пасти **).

Получивъ понятіе о внѣшней сѣвернаго сибиряка, послѣдуемъ за нимъ въ хижину, куда съ конца лѣта удаляется онъ отдыхать въ кругу семейства отъ понесенныхъ трудовъ и по своему наслаждаться жизнію. Прежде всего, стѣны конопатятся мхомъ, обмазываются глиною, самый домъ до оконъ обсыпается землею, чувалъ исправляется, и т. д. Обыкновенно въ декабрѣ, по окончаніи всѣхъ работъ, длинныя полярныя ночи собираютъ всѣхъ членовъ семейства вокругъ очага, гдѣ трескучее пламя замѣняетъ имъ лучи солнца, надолго скрывшагося за горизонтъ. Огонь чувала и нѣсколькихъ жирниковъ тускло свѣтится сквозь ледяныя окна, а изъ трубъ поднимаются высокіе столбы дыма и яркія искры разсыпаются надъ кровлями. Со-

*) Почти у каждаго исправнаго хозяина есть одна, двѣ и даже болѣе лошадей, которыя не употребляются зимою, а ходятъ на свободѣ и вырываютъ копытами изъ подъ снѣга не совсѣмъ еще поблекшую траву и корни.

**) Пасть устроивается изъ бревна, положеннаго наклонно, и находящагося подъ нимъ продолговатаго ящика, въ который кладутъ приманку. Лишь только звѣрь дотронется до приманки, бревно падаетъ на него и задерживаетъ его въ ящикѣ до тѣхъ поръ, пока придетъ промышленникъ. Мѣста, гдѣ разставлены ловушки, называются пастьниками, а насторожить пасть—значитъ положить наживу или приманку, и вообще изготовить пасть для поимки звѣря.

баки, свернувшись, ложатся на снѣгу вокругъ домовъ, и только по временамъ прерываютъ всеобщую тишину ужаснымъ воемъ, обыкновенно четыре раза въ день, но при лунномъ свѣтѣ и чаще.

Маленькая дверь, обитая мохнатою шкурою бѣлаго медвѣдя, или оленя, ведетъ въ горницу. Хозяинъ дома, съ сыновьями, исправляетъ сѣть изъ лошадиныхъ волосъ или приготовляетъ луки, стрѣлы и копья. Женщины, на лавкахъ и на полу, выдѣлываютъ шкуры звѣрей, добытыхъ на охотѣ мужьями, или же оленьими жилами, вмѣсто нитокъ, шьютъ и чинятъ одежду. Надъ очагомъ, въ желѣзномъ котлѣ, варится рыба на кормъ собакамъ. Далѣе готовится для семейства скромный обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ вареной или зажареной въ рыбьемъ жирѣ рыбы, либо оленины. Какъ лакомство, подаютъ аладьи изъ красной икры, или пироги, испеченные, вмѣсто муки, изъ толченаго мувсуна, и начиненные искрошенными рыбьими брюшками, олениною, толченою макаршею. Пріѣзжаго угощаютъ всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ: сначала является *струганина* (тонкими пластинками нарѣзанная рыба мерзлая, и ее ѣдятъ сырую, прежде нежели она растаетъ), потомъ юкола, копченые оленьи языки, топленный оленій жиръ, сырой мозгъ изъ оленьихъ костей, замороженное якутское масло, мороженая морошка, оловомъ —всѣ драгоцѣннѣйшія лакомства. Столъ, въ переднемъ углу горницы, покрывается, вмѣсто скатерти, кускомъ сѣти, а вмѣсто салфетокъ подаются тонкія стружки дерева; впрочемъ, послѣднее есть уже признакъ роскоши; соль является рѣдко, и то развѣ для гостя, потому что туземцы не только ея не употребляютъ, но чувствуютъ отъ нея даже отвращеніе. Въ домахъ зажиточныхъ жителей Нижне-и Средне-Колымска, тотчасъ по пріѣздѣ, угощаютъ гостя чаемъ съ китайскимъ леденцомъ и—съ юколою, вмѣсто сухарей. Хлѣбъ вообще рѣдко подается. Изъ муки, которая здѣсь очень дорога, приготовляютъ особаго рода питье, называемое затуранъ; муку зажариваютъ въ маслѣ, или въ рыбьемъ жирѣ, потомъ разводятъ горячею водою и пьютъ, какъ чай, въ чашкахъ; такое питье, съ хорошимъ масломъ приготовленное, очень полезно въ путешествіи, имѣетъ пріятный вкусъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сытно и очень согрѣваетъ.

Къ ежедневнымъ занятіямъ молодыхъ дѣвушекъ принадлежитъ черпанье воды изъ проруби. Всякая дѣвушка, имѣющая хоть нѣсколько притязаній на красоту или молодость и не потерявшая еще надежды выйдти за мужъ, наряжается около полудня въ свое лучшее платье и спѣшитъ съ ведрами на рѣку, къ проруби. Тамъ собираются всѣ ея

подруги, разсказываютъ, слушаютъ новости, уговариваются какъ провести день, у кого будетъ вечеринка; словомъ, какъ въ Германіи колодцы, такъ здѣсь проруби, служатъ любимымъ сборнымъ мѣстомъ дѣвушекъ. Нерѣдко являются между ними молодые парни и усердно помогаютъ красавицамъ черпать воду. Часто подобныя встрѣчи на прорубяхъ играютъ не послѣднюю роль въ сердечныхъ дѣлахъ молодости.

Кромѣ русскихъ пришельцевъ, на тундрѣ живутъ еще якуты, о которыхъ мы уже говорили, тунгусы, юкагиры и чукчи.

Сибирскіе казаки узнали тунгусовъ въ началѣ XVII вѣка подъ этимъ именемъ отъ остяковъ. Миллеръ въ своемъ описаніи сибирскихъ народовъ говоритъ, что тунгусы свои племена собственно называютъ Овенъ, не употребляя никогда между собою слова тунгусъ. Далѣе онъ же называетъ тунгусовъ, живущихъ около Охотскаго моря, ламутами, будто отъ слова Ламъ, значащаго моря. Тунгусскому племени, живущему около Амура и занимающемуся скотоводствомъ вмѣсто оленей, онъ даетъ названіе дауръ, прибавляя, что монголы и буряты всѣхъ сибирскихъ тунгусовъ, которые живутъ скотоводствомъ, называютъ даурами. Жизнь тунгусовъ не измѣнилась и до настоящаго времени; теперь, какъ и прежде, встрѣчаются между ними: 1) занимающіеся скотоводствомъ и даже хлѣбопашествомъ; 2) занимающіеся рыбнымъ промысломъ и ѣздящіе на собакахъ, — и 3) собственно оленные или кочевые тунгусы.

Образъ жизни осѣдлыхъ тунгусовъ совершенно различенъ отъ кочевыхъ. Осѣдлые тунгусы имѣютъ въ своихъ поселеніяхъ небольшія постройки, примѣняясь къ удобствамъ нашихъ крестьянскихъ домовъ и нѣсколько прихотливой отдѣлки; кромѣ общаго семейнаго помѣщенія, вы найдете у каждаго тунгуса отдѣльную, чистую комнату, собственно для пріема почетнаго гостя. Печи, соображаясь съ родомъ приготовленія пищи, считаются ненужными, и онѣ замѣняются обыкновенно камельками, тщательно обмазанными и выкрашенными глиною. Въ окнахъ, за неимѣніемъ въ здѣшнихъ мѣстахъ стеколъ, употребляются слюда и очищенные нерпичьи пузыри, а въ случаѣ необходимости вставляется толстый ледъ. Вообще хозяйство осѣдлыхъ тунгусовъ приближается къ русскому сельскому быту, даже въ отношеніи скотоводства, несмотря на то, что весьма немногіе изъ нихъ привыкли къ этому роду занятій; вѣроятно, понимая всѣ преимущества, которыми пользуются исключительно люди, постоянно живущіе на мѣстѣ, осѣдлые тунгусы охотно улучшаютъ бытъ свой, и такимъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе кочевыхъ инородцевъ. Одежда ихъ и прочихъ жителей заключается въ оленьихъ

шкурахъ, пріобрѣтаемыхъ ими мѣною на разные припасы у оленныхъ тунгусовъ; главное продовольствіе—рыба съ примѣсью жира морскихъ звѣрей, промыселъ которыхъ, какъ мы сказали, составляетъ первое богатство прибрежныхъ населеній. Изъ огородныхъ овощей въ большомъ употребленіи картофель, урожаи котораго бываютъ по временамъ очень удовлетворительны.

Наконецъ есть тунгусы сидячіе, неимѣющіе оленей и домашняго хозяйства; образъ жизни ихъ, при недостаткахъ, которые они претерпѣваютъ, заслуживаетъ состраданія. Жилища ихъ состоятъ большею частью изъ такихъ землянокъ или юртъ, помѣщеніе въ которыхъ въ зимнее время можетъ быть допущено только при тяжелыхъ условіяхъ того животнаго состоянія, въ которомъ эти люди остаются по причинѣ нищеты. Одежда пріобрѣтается ими отъ оленныхъ тунгусовъ въ видѣ подаянія, а дневную пищу ихъ составляетъ рыба, добытая въ теченіе дня; въ случаѣ же неулова рыбы, не рѣдко бываетъ, что они по нѣсколько дней остаются безъ продовольствія. Все ихъ достояніе состоитъ въ шести или осьми собакахъ, съ помощію которыхъ они переѣзжаютъ съ одной рѣчки на другую для рыбной ловли, единственно поддерживающей ихъ существованіе.

Одежда и природный тунгусскій языкъ если и сохранились здѣсь, то въ однихъ только кочующихъ родахъ; осѣдлые и сидячіе тунгусы, будучи въ частыхъ соотношеніяхъ съ своими одноземцами, уже свыклись съ русскимъ и въ особенности съ якутскимъ языкомъ.

Что касается до кочующихъ тунгусовъ, о которыхъ намъ придается еще говорить въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь мы ограничимся только краткимъ очеркомъ.

Чрезвычайно странна исторія тунгусовъ, ибо въ то самое время, когда часть того же племени—манджуры — завоевываетъ громадный Китай, другая часть, распространившаяся почти во всей восточной Сибири и выгнавшая отсюда якутовъ, юкагировъ и чукчей, сама подпадаетъ подъ русское владычество. Въ 1640 году казаки въ первый разъ встрѣтили тунгусовъ, а въ 1644 году на китайскій тронъ вошелъ первый манджурскій императоръ. То же самое племя, которое въ Китаѣ покоряетъ половину всего человѣческаго рода, само побѣждено въ Сибири нѣсколькими удальцами.

Относительно духовнаго развитія манджуры почти настолько же отличаются отъ сибирскихъ тунгусовъ, насколько различна судьба этихъ одноплеменныхъ народовъ. Манджуры представляютъ замѣчательное

явленіе въ исторіи цивилизаціи; менѣе нежели 350 лѣтъ тому назадъ, они были такими же кочевниками, какъ ихъ сѣверные собратія, и не умѣли ни читать, ни писать; въ настоящее же время они уже имѣютъ богатую литературу и языкъ ихъ сдѣлался придворнымъ языкомъ въ Пекинѣ. Напротивъ того, покоренные и обнищалые тунгузы и теперь такъ же грубы и невѣжественны, какъ въ то время, когда казаки познакомились съ ними впервые.

По занятіямъ и различнымъ животнымъ, удовлетворяющимъ ихъ нуждамъ, тунгусовъ дѣлятъ на оленныхъ, собачьихъ, скотоводныхъ, лѣсныхъ и береговыхъ тунгусовъ. Не смотря на такое дѣленіе и на огромныя пространства, занимаемыя тунгусами отъ бассейновъ Верхней, Средней и Нижней Тунгуски до западнаго берега Охотскаго моря, и отъ Китайской границы и Байкала до Ледовитаго моря, число всѣхъ тунгусовъ не превышаетъ 30,000 душъ. Разведеніемъ лошадей и рогатаго скота они занимаются въ настоящее время только въ Нерчинскомъ округѣ и по рѣкѣ Вилюю. Сѣвернаго оленя тунгусы приручили съ незапамятныхъ временъ. Обѣднѣвшій тунгусъ, у котораго стадо истребилось отъ падежа, живетъ рыбакомъ по рѣкамъ, и здѣсь изъ домашнихъ животныхъ остается при немъ одна собака, служащая для перевозки тяжестей, или же такой тунгусъ остановится *промышленникомъ* и переходитъ въ ледяную пустыню. Какъ ему здѣсь плохо приходится, объ этомъ можно получить понятіе изъ разсказаннаго Врангелемъ примѣра. Этотъ путешественникъ нашелъ въ маленькой хижинѣ такого, отдѣлившагося отъ своихъ соплеменниковъ, тунгуса съ его дочерью. Нужно видѣть и ужасную страну, и почти сквозную хижину, чтобы понять страшное положеніе этихъ двухъ анахоретовъ. Особенно жалка бѣдная дѣвушка: въ то время какъ отецъ нерѣдко по нѣсколько дней на своихъ длинныхъ лыжахъ преслѣдовалъ какого-нибудь сѣвернаго оленя, ей приходилось оставаться въ несчастной хижинѣ, и лѣтомъ едва доставляющей защиту отъ вѣтра и дождя, одинокою, безпомощною, безъ достаточно теплой одежды, на страшномъ холодѣ, нерѣдко страдая отъ голода и въ совершенной праздности.

Только одна крайняя нужда можетъ заставить тунгуса бросить свою свободную жизнь въ лѣсахъ, потому что тунгусъ—кочевникъ со всею страстью души; уже черезъ нѣсколько дней онъ переноситъ свою палатку на другое мѣсто, и утверждаетъ, что не существуетъ худшей доли, какъ жить постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ по русски или якутски. Своею безаботностію и веселостію, подвижностію, ловкостію

и остротою, пріятностію и веселымъ юморомъ, тунгусъ отличается отъ всѣхъ прочихъ сибирскихъ племенъ, мрачнаго самоѣда, неуклюжаго остяка, кислаго, непривѣтливаго якута, и потому тунгуса можно назвать французомъ тундры и лѣса. Нравственно онъ впрочемъ гораздо хуже, ибо хитеръ и пронырливъ. Одежда тунгуса очень соотвѣтствуетъ его подвижности, и въ то же время показываетъ его легкомысліе. Онъ не одѣвается въ неуклюжую шубу изъ шкуръ сѣверныхъ оленей, а изъ тѣхъ же шкуръ шьетъ себѣ *фракъ*, обыкновенно изукрашенный бусами, полосками сукна и конскими волосами, и на столько узкій, что едва можно застегнуть, ибо по тунгусской модѣ нужно оставлять грудь открытою, чтобы видна была расшитая бусами нижняя одежда, покрывающая грудь. На головѣ тунгусъ носитъ татарскую ермолку, всю унизанную бусами. Коротки, доходящія до колѣнъ панталоны, изъ тонкой замши, и башмаки, точно также украшены полосками изъ бусъ; на плечахъ виситъ ожерелье изъ бусъ съ мѣшечкомъ съ огнивомъ, трутомъ и кремнемъ. Наконецъ лента, обвивающая длинную косу, красиво унизана оловянными пуговицами, бусами и старыми мѣдными пружинами. Всѣ эти украшенія тунгуски очень вкусно нашиваютъ сухожильями сѣверныхъ оленей. Эти сухожилья сначала дѣлятся на волокна нужной толщины, потомъ размачиваются во рту, пока не станутъ клейкими, и наконецъ концы волоконъ скручиваются ладонью на правомъ колѣнѣ. Признакомъ работящей женщины можетъ служить лоснящееся, покрытое клеемъ мѣсто на кожаныхъ панталонахъ. Работая, она куритъ крѣпкій табакъ, и такъ какъ онъ настолько же дорогъ, насколько дуренъ, то къ нему постоянно примѣшиваются мелкія, постоянно свѣжія сосновыя стружки. Сильно затянувшись, тунгуска выпускаетъ клубы дыма изъ носа.

Когда тунгусъ ѣдетъ верхомъ на своемъ сѣверномъ оленѣ по лѣсу (при этомъ онъ сидитъ такъ гордо на своемъ оленѣ, какъ будто они созданы другъ для друга) или отправляется на хоту за дичью по болотамъ, тогда естественно онъ снимаетъ нѣкоторыя украшенія, ибо бусами унизанные башмаки въ такое время не могутъ выполнять своей цѣли. Тунгусъ надѣваетъ тогда свои длинные непромокаемые сапоги (сари), которые пропитываются теплымъ рыбьимъ жиромъ. Для этой цѣли, разсказываетъ Эрманъ, набираютъ жиръ въ ротъ и мелкими брызгами вспрыскиваютъ кожу.

Охотничьи снаряды тунгуса необыкновенно просты. Топоръ для рубки лѣса, котелокъ, кожаный мѣшокъ съ небольшимъ количествомъ

вяленаго мяса, собака, короткое ружье, лыжи и очки для снѣга: вотъ все, что нужно маленькому, некрасивому, съ выдающеюся челюстью, съ желтымъ, полосами нататуированнымъ, лицомъ тунгусу для того, чтобы идти въ лѣсъ. Лыжи, въ 5 футовъ длиною и 4 дюйма шириною, имѣютъ видъ лодки съ загнутымъ вверхъ носомъ. Съ помощью лыжъ, онъ какъ стрѣла носится по ослѣпительно бѣлой поверхности, и защищаетъ, какъ и якутъ, свои глаза отъ отраженія снѣга весьма красиво сплетенною изъ черныхъ конскихъ волосъ частою сѣтью.

Само собою разумѣется, что вѣчно-кочующему оленному тунгусу нужно имѣть переносное жилище. Онъ покрываетъ свою палатку замшею или внутреннимъ слоемъ бересты, которому придаетъ гибкость кожи тѣмъ, что мнетъ его, коптитъ и держитъ на водяныхъ парахъ. Юрта осѣдлаго тунгуса и по внутреннему расположенію похожа на якутскую, и состоитъ изъ квадратнаго пространства съ плоскою земляною крышею, и такой величины, чтобы оно быстро прогрѣвалось каминомъ изъ битой глины.

Относительно пищи и питья тунгусы вовсе неразборчивы, и пьютъ и ѣдятъ что попадается. Одно изъ любимыхъ ихъ кушаньевъ состоитъ изъ непереваренаго содержимаго желудка сѣвернаго оленя; прибавивъ къ нему ягодъ, они раскладываютъ его тонкими пластами на древесную кору и сушатъ на солнцѣ или вѣтрѣ. Тунгусы, и именно поселившіеся по Вилюю или близъ Нерчинска, очень много употребляютъ кирпичнаго чая; они изъ него съ жиромъ и ягодами приготовляютъ густую кашицу. Отъ этого нездороваго кушанья тунгусы еще болѣе желтѣютъ, хотя желты по природѣ.

Весьма немногіе тугусы обратились въ христіанство, большею же частію они по прежнему чтутъ своихъ шамановъ. Тунгусы не любятъ погребать умершихъ, а кладутъ покойниковъ, одѣтыхъ въ праздничное платье, въ большіе ящики, которые вѣшаются между деревьями. Охотничьи снаряды умершаго зарываются въ землю подъ ящикомъ. При погребеніи нѣтъ никакихъ празднествъ, развѣ шаманъ случится по близости, тогда прирѣзываютъ сѣвернаго оленя, который поѣдается шаманомъ и родственниками покойника, а духи наслаждаются запахомъ сожженнаго жира.

Какъ у остяковъ и самоѣдовъ, такъ и у тунгусовъ на женщину смотритъ какъ на товаръ. Отецъ отдаетъ свою дочь за 20 или за 100 сѣверныхъ оленей, или же женихъ долженъ, какъ нѣкогда Іаковъ свою Рахиль, выкупить жену продолжительной кабалою. Многоженство здѣсь до-

пускается, но немногіе могутъ себѣ позволить роскошь имѣть двухъ женъ. Штурманъ Кузьминъ, спутникъ Врангеля («Описаніе берега отъ впаденія Малой Чукочьи до устья Индигирки, 1821») выхваляетъ чистоту тунгусскихъ нравовъ. Наказаніе соблазненной тунгусской дѣвицы состоитъ въ томъ, что ее ведутъ съ завязанными глазами, пока она не натолкнется на дерево, *всѣ* вѣтви котораго употребляются для ея наказанія. Но послѣ этого о проступкѣ нѣтъ и рѣчи: сѣченіе все очистило.

Въ Восточной Сибири тунгусы вмѣстѣ съ якутами перевозятъ тяжести и путешественниковъ по неизмѣримымъ лѣсамъ, при чемъ путешественники не разъ имѣли случай подивиться тунгусской ловкости и веселости. Пріѣхавъ вечеромъ на ночлегъ, въ одно мгновеніе олени развьючены, сѣдла и вьюки уложены въ порядкѣ; узды и вожжи собраны и повѣшены на древесныя вѣтви, голодное стадо исчезло въ лѣсной чащѣ: оно само позаботится о своемъ кормѣ. За тѣмъ мужчины, ушедшіе съ топорами, притаскиваютъ на бивакъ пару срубленныхъ большихъ лиственницъ. Тонкія вѣтви обрубаются и складываются на снѣгу вмѣсто тюфяковъ; стволы кладутся на расчищенномъ для костра мѣстѣ. Потомъ изъ середины ствола выкалываются смолистыя сухія лучины, которыя трутомъ и сѣрою доводятся до тлѣнія. Этотъ пучекъ окружаютъ другими лучинами, и хвоею, и всѣмъ этимъ весьма быстро и ловко машутъ по воздуху, пока не вспыхнетъ пламя. Котелъ, наполненный снѣгомъ, уже виситъ на толстой вѣтви, воткнутой въ землю вкось по вѣтру около костра. Черезъ нѣсколько минутъ чай уже готовъ. Такъ какъ тунгусы каждый вечеръ все это дѣлаютъ одинаковымъ способомъ, то очевидно они мастерски къ этому приладились.

Спокойно сидя на оленьемъ сѣдлѣ, подъ которое подложены обрубленныя вѣтви, путешественникъ любуется игрою пламени, освѣщающаго то исполинскіе стволы деревьевъ, то блестящія массы снѣга, или же наслаждается хороводомъ веселыхъ тунгусовъ, которые водятъ его подъ мелодическіе звуки пѣсенъ. Захочетъ путешественникъ подивиться ловкости тунгусовъ въ играхъ, стоитъ ему сказать нѣсколько словъ, и раздать по нѣскольку глотковъ водки. Двое тунгусовъ держатъ веревку и вертятъ ее, но такъ, чтобы она не касалась земли. Въ то время третій тунгусъ прыгаетъ черезъ веревку, поднимаетъ лукъ и стрѣлу, натягиваетъ первый, пускаетъ послѣднюю и ни разу ни самъ не тронетъ веревки, ни она не коснется земли. Смѣлые

тунгусы даже подставляютъ ноги острію меча, которымъ изо всей силы машетъ лежащій на землѣ тунгусъ.

Если же путешественникъ любитъ шахматную игру, то тунгусы и тутъ къ его услугамъ, ибо они (именно къ Колымскомъ округѣ) со страстью предаются этой игрѣ.

Какъ и всѣ другіе сибирскіе кочевники, тунгусы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ посѣщаютъ различныя ярмарки, которыя имѣютъ мѣсто въ громадной области ихъ кочевьевъ—въ Киренскѣ, Олекминскѣ, Баргузинѣ, чрезвычайно живописной Читѣ и крайне печальномъ Охотскѣ. Очевидно, что на этихъ ярмаркахъ идетъ такая же торговля, какъ и на всѣхъ другихъ ярмаркахъ крайняго сѣвера, и предметы торговли одни и тѣ же, ибо и продукты и потребности кочевниковъ почти вездѣ одинаковы. Тунгусъ страстно любитъ водку, и нерѣдко послѣ перваго глотка онъ отдастъ за одинъ стаканъ водки всѣ свои мѣха, а за второй стаканъ не пожалѣетъ послѣдней своей верхней одежды (саннаякъ). Понятно, что русскіе любятъ такихъ клiентовъ, и что многимъ тунгусамъ изъ-за водки пришлось сдѣлаться *промышленниками*. Православные торговцы пушнымъ товаромъ, лучше всѣхъ другихъ купцовъ въ мірѣ умѣющіе пользоваться слабостями своихъ ближнихъ, охотно отправляются къ тунгусамъ-язычникамъ съ большимъ запасомъ водки.

Отъ тунгусовъ переходитъ къ юкагирамъ.

Дома обрусѣвшихъ юкагировъ построены довольно прочно, изъ бревенъ, и состоятъ по большой части изъ одной комнаты. Въ ней всегда налѣво отъ входа, вмѣсто обыкновенной въ русскихъ избахъ печи, помѣщается чувалъ, или очагъ, гдѣ безпрерывно горитъ огонь, для согрѣванія комнаты и очищенія воздуха. Въ одномъ изъ угловъ помѣщаются обыкновенно образа; по стѣнамъ развѣшиваются ружья, луки и стрѣлы; на полкахъ стоятъ горшки и другая посуда; по срединѣ ставится большой столъ, и широкія лавки идутъ по стѣнамъ комнаты.

Одежда юкагировъ соотвѣтствуетъ суровому климату. Мужчины и женщины одинаково носятъ парки, камлейки, и т. д., изъ оленьихъ шкуръ, съ тою разницею, что женщины повязываютъ голову платкомъ и на паркахъ дѣлается у нихъ откидной воротникъ изъ соболя или россомахи, а на мужскихъ бываетъ стоячій воротникъ изъ какого нибудь болѣе дешеваго мѣха. Впрочемъ женская одежда сшивается изъ шкуръ оленьихъ выпоротковъ, вырѣзанныхъ изъ живота самки, а мужская просто изъ молодыхъ олешей.

*

Въ очеркѣ лица юкагиры почти совершенно сходны съ здѣшними русскими, или здѣшніе русскіе, можетъ быть, похожи на юкагировъ. Темные, почти черные глаза и волосы, продолговатое, довольно правильное лицо и удивительная, особенно у женщинъ, бѣлизна тѣла—составляютъ отличительныя черты тѣхъ и другихъ. Вообще они стройны и средняго роста.

Въ характерѣ и образѣ жизни юкагировъ видѣнъ еще отпечатокъ легкаго, беззаботнаго, веселаго расположенія духа кочеваго народа; у нихъ сохранилось во всей чистотѣ радушное гостепріимство, какъ равно и нѣкоторыя другія добродѣтели, исчезающія съ дальнѣйшимъ образованіемъ. Къ несчастію, отъ сообщенія съ русскими, на которыхъ смотрятъ они, какъ на своихъ поработителей, между юкагирами вкоренились притворство и скрытность, и особенно въ торговлѣ всегда стараются они обмануть противную сторону.

Юкагиры страстные любители музыки. Каждый изъ нихъ, молодой и старый, играетъ или на скрипкѣ или на балалайкѣ *). У женщинъ довольно чистые и пріятные голоса, но въ напѣвахъ ихъ пѣсней есть что-то особенное, неправильное и дикое, сначала непріятное для слуха, но впослѣдствіи оно можетъ нравиться. Вообще юкагиры при пѣніи импровизируютъ не только слова пѣсенъ, но и самые напѣвы, и потому здѣсь нѣтъ никакихъ народныхъ, общихъ мелодій. Не смотря на такое разнообразіе въ музыкальномъ отношеніи, смыслъ пѣсенъ юкагирскихъ женщинъ почти одинъ и тотъ же, т. е. жалобы на невѣрность или отсутствіе возлюбленнаго. Иногда упоминается при томъ о соловьѣ, сизокрыломъ голубкѣ, рѣшетчатыхъ окнахъ, и другихъ предметахъ, нынѣ юкагирамъ совершенно неизвѣстныхъ. Можетъ быть, эти понятія принесены сюда предками юкагировъ изъ другихъ, болѣе благословенныхъ странъ. Надобно замѣтить, что въ пѣсняхъ никогда не упоминаются преданія страны, хотя туземцы разсказываютъ много чудеснаго о похожденіяхъ своихъ предковъ. Мужчины воспѣваютъ собственные подвиги, напоминаютъ убитаго оленя, медвѣдя, или преодолѣнную опасность, превознося при томъ самыми лестными выраженіями свое мужество, силу и ловкость.

Все существованіе бѣдныхъ жителей здѣшней безплодной страны

*) Странно, что при такой общей наклонности юкагировъ къ музыкѣ, у нихъ нѣтъ національнаго музыкальнаго инструмента; по крайней мѣрѣ Врангелю не удалось замѣтить ничего подобнаго.

зависитъ единственно отъ охоты, и именно оленей, доставляющихъ имъ пищу, одежду и отчасти и жилище. Оленей всего легче бить, когда они переплываютъ рѣки, потому здѣшніе жители и не могутъ удаляться отъ береговъ внутрь страны, въ лѣса, или на тундры, гдѣ водятся другіе сибирскіе звѣри. Время переправы оленей черезъ Анюй составляетъ здѣсь важнѣйшую эпоху въ году, и юкагиры съ такимъ же боязливымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія этого животнаго, съ какимъ земледѣльцы другихъ странъ ожидаютъ времени жатвы или собиранія винограда.

Олени два раза въ годъ переправляются здѣсь черезъ рѣки, весною и осенью, но, по краткости лѣта, оба промысла отдѣлены одинъ отъ другаго только короткимъ промежуткомъ времени, хотя по изобилію въ добычѣ они весьма различны. Первый промыселъ оленей бываетъ въ концѣ мая, когда безчисленными табунами оставляютъ они лѣса и тянутся на сѣверныя тундры, отыскивая лучшій кормъ и избѣгая комаровъ, съ первою теплою погодою являющихся во множествѣ и мучительнымъ кусаньемъ отравляющихъ пріятность бѣднаго сибирскаго лѣта. Майскій промыселъ не столь прибыленъ для охотниковъ; олени часто переходятъ черезъ рѣку по льду, и тогда только въ ущельяхъ горъ можно ихъ бить изъ ружей и луковъ или ловить петлями, но послѣднее средство не всегда надежно, а первое слишкомъ дорого. Впрочемъ, весенній олень обыкновенно бываетъ чрезвычайно худъ и все тѣло его покрыто нарывами и ранами, такъ что въ крайнихъ только случаяхъ употребляется въ пищу жителями, и годится единственно для корма собакамъ; даже и шкура оленя въ то время года не имѣетъ настоящей доброты.

Гораздо важнѣе и изобильнѣе второй промыселъ, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, когда олени съ приморскихъ тундръ возвращаются въ лѣса. Тогда эти животныя здоровы, жирны и мясо ихъ составляетъ вкусную пищу, а также и шкура, покрытая уже новою шерстью, тверда и прочна. Разница въ добротѣ между весеннею и осеннею кожами оленя столь велика, что первую можно купить за рубль, а много за полтора, но за вторую надобно платить отъ 5-ти до 8-ми рублей.

Охота на оленей весьма подробно описана въ путешествіи Врангеля, изъ котораго мы приведемъ слѣдующія подробности.

Когда мы пріѣхали въ Плотбище, говоритъ Врангель, все собранное тамъ народонаселеніе находилось еще въ мучительномъ ожиданіи, и отъ всякаго пріѣзжающаго спрашивали свѣдѣній о ходѣ оленей. На-

конецъ разнесся слухъ, что первые многочисленные табуны оленьи показались въ долинѣ, къ сѣверу отъ Анюя. Мгновенно всѣ, кто только могъ управлять весломъ, бросились въ лодки и спѣшили укрыться въ изгибахъ и обрывахъ высокихъ береговъ, гдѣ промышленники обыкновенно поджидаютъ свою добычу.

Переходы оленей достойны замѣчанія. Въ счастливые годы число ихъ простирается до многихъ тысячъ, и нерѣдко занимаютъ они пространство отъ 50-ти до 100 верстъ. Хотя олени всегда ходятъ особыми табунами, по 200 и по 300 головъ каждый, но такія отдѣленія слѣдуютъ столь близко одно отъ другаго, что составляютъ одно огромное стадо. Дорога оленей почти всегда одна и та же, т. е. между верховьями Сухаго Анюя и Плотбищемъ. Для переправы обыкновенно спускаются олени къ рѣкѣ по руслу высохшаго, или маловоднаго притока, выбирая мѣсто, гдѣ противулежащій берегъ отлогъ. Сначала весь табунъ стѣсняется въ одну густую толпу, и передовой олень, съ немногими, сильнѣйшими товарищами, выходитъ нѣсколько шаговъ впередъ, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Увѣрившись въ безопасности, передніе скачутъ въ воду; за ними кидается весь табунъ, и въ нѣсколько минутъ вся поверхность рѣки покрывается плывущими оленями. Тогда бросаются на нихъ охотники, скрывавшіеся на своихъ лодкахъ, за камнями и кустарниками, обыкновенно подъ вѣтромъ отъ оленей, окружаютъ ихъ и стараются удержать. Между тѣмъ двое или трое опытнѣйшихъ промышленниковъ, вооруженные длинными копьями и поколюгами, врываются въ табунъ и колютъ, съ невѣроятной скоростью, плывущихъ оленей. Обыкновенно одного удара довольно для умерщвленія животнаго, или нанесенія ему столь тяжелой раны, что оно можетъ доплыть только до противуположнаго берега.

Поколка оленей сопряжена для охотниковъ съ большою опасностью. Маленькая лодка ихъ ежеминутно подвергается опасности разбиться или опрокинуться, среди густой, безпорядочной толпы оленей, всячески защищающихся отъ преслѣдователей. Самцы кусаются, бодаются и лягаются, а самки обыкновенно стараются вскочить передними ногами въ лодку, чтобы потопить или опрокинуть ее. Если имъ удастся опрокинуть лодку, гибель охотника почти неизбѣжна. Онъ можетъ спастись только ухватившись за сильнаго нераненаго оленя и выбравшись съ нимъ вмѣстѣ на берегъ. Впрочемъ, несчастія при охотѣ случаются рѣдко, ибо промышленники обладаютъ непонятною ловкостью въ управленіи лодкою, удерживая ее въ равновѣсіи и притомъ отражая усилія

животныхъ. Хорошій, опытный охотникъ менѣе нежели въ полчаса убиваетъ до ста и болѣе оленей. Когда табунъ весьма многочисленъ и придетъ въ безпорядокъ, поколка удобнѣе и безопаснѣе. Другіе охотники хватаютъ убитыхъ оленей, привязываютъ ихъ ремнями къ лодкамъ, и каждый промышленникъ получаетъ то, чѣмъ успѣетъ завладѣть.

Можно подумать, что такимъ образомъ всю добычу расхватываютъ другіе, а собственно охотники не получаютъ себѣ никакого вознагражденія за труды, сопряженные съ опасностью жизни. Но здѣсь существуетъ свято соблюдаемый законъ, что только совершенно убитые олени составляютъ общую собственность, а раненые, доплывающіе до другаго берега и тамъ падающіе, принадлежатъ промышленникамъ, которые ихъ кололи. Среди тѣсной толпы устрашенныхъ и разъяренныхъ оленей, въ то время, когда всѣ физическія и нравственныя силы человѣка должны быть обращены на сохраненіе собственной жизни, нѣкоторые изъ промышленниковъ сохраняютъ столько присутствія духа и хладнокровія, что могутъ соразмѣрять силу своихъ ударовъ и убиваютъ маленькихъ оленей, а большимъ наносятъ только раны, такъ что они достигаютъ берега и издыхаютъ уже на берегу.

Оленья охота въ водѣ представляетъ нѣчто необыкновенное. Шумъ нѣсколькихъ сотъ плывущихъ оленей, болѣзненное харканье раненыхъ и издыхающихъ, глухой стукъ сталкивающихся роговъ, обрызганные кровью охотники, прорѣзывающіе съ невѣроятною быстротою густые ряды животныхъ, крики и восклицанія другихъ охотниковъ, старающихся удержать табунъ, обагренная кровью поверхность рѣки — все это вмѣстѣ представляетъ картину, которую трудно себѣ вообразить.

По окончаніи охоты и раздѣлѣ добычи, убитые олени тотчасъ опускаются въ воду, потому что на воздухѣ они черезъ нѣсколько часовъ портятся и начинаютъ гнить, а напротивъ въ холодной водѣ безвредно сохраняются нѣсколько дней, пока хозяева успѣютъ выпотрошить и приготовить ихъ для сохраненія. Оленье мясо обыкновенно сушатъ на воздухѣ, коптятъ или, при раннихъ холодахъ, замораживаютъ. Здѣшніе русскіе иногда также солятъ лучшія части. Особымъ лакомствомъ почитаются копченые оленьи языки; ихъ тщательно сберегаютъ и подаютъ на столъ только при торжественныхъ случаяхъ.

До какой степени для туземцевъ важенъ ходъ оленей, видно изъ слѣдующаго описанія Врангелемъ береговъ Аннюевъ.

«Олени здѣсь еще не проходили. Трудно себѣ представить, до какой

степени достигаетъ голодъ среди здѣшнихъ народовъ, существованіе которыхъ зависитъ единственно отъ случая. Часто съ половины лѣта люди питаются уже древесною корою и шкурами, до того служившими имъ постелями и одеждою. Случайно пойманный или убитый олень дѣлится поровну между членами цѣлаго рода и съѣдается, въ полномъ смыслѣ слова, съ костями и шкурою. Все, даже внутренности и толченые рога и кости, употребляются въ пищу, потому что надобно чѣмъ нибудь наполнить терзаемый голодомъ желудокъ. Въ продолженіе нашего здѣсь пребыванія приходъ оленей былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ разговоровъ.

«Наконецъ, 12-го сентября, на правомъ берегу рѣки, противъ Лабазнаго, показалась отрада и спасеніе туземцовъ—безчисленной табунъ оленей покрылъ всѣ прибрежныя возвышенія. Вѣтвистые рога ихъ колыхались, какъ будто огромныя полосы сухаго кустарника. Все пришло въ движеніе. Со всѣхъ сторонъ устремились якуты, чуванцы, ламуты и тунгусы, пѣшкомъ и въ лодкахъ, въ надеждѣ счастливою охотою положить предѣлъ своимъ бѣдствіямъ. Радостное ожиданіе оживило всѣ лица и все предсказывало обильный промыселъ. Но, къ ужасу всѣхъ, внезапно раздалось горестное, роковое извѣстіе: «Олень пошатнулся!» Дѣйствительно, мы увидѣли, что весь табунъ, вѣроятно устрашенный множествомъ охотниковъ, отошелъ отъ берега и скрылся въ горахъ. Отчаяніе заступило мѣсто радостныхъ надеждъ. Сердце раздиралось при видѣ народа, внезапно лишеннаго всѣхъ средствъ поддерживать свое бѣдственное существованіе. Ужасна была картина всеобщаго унынія и отчаянія. Женщины и дѣти стонали громко, ломая руки, другія бросались на землю и съ воплями взрывали снѣгъ и землю, какъ будто приготовляя себѣ могилу. Старшины и отцы семейства стояли молча, неподвижно, устремивши безжизненные взоры на тѣ возвышенія, за которыми исчезла ихъ надежда...»

Другой промыселъ юкагировъ состоитъ въ звѣриномъ промыслѣ. Берега рѣкъ обстановлены безчисленнымъ множествомъ ловушекъ, силковъ, кляпцовъ и пастниковъ всякаго рода, для соболей, россомахъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ, которые, не смотря на постоянное преслѣдованіе ихъ съ незапамятныхъ временъ, все еще водятся здѣсь въ большомъ изобиліи. Каждый трудолюбивый юкагиръ ежегодно выставляетъ съ первымъ снѣгомъ въ разныхъ мѣстахъ до 500 ловушекъ, и въ продолженіе зимы осматриваетъ ихъ по пяти и по шести разъ. Въ хорошій годъ можно положить круглымъ счетомъ, что хозяинъ при

каждомъ осмотрѣ въ восьмой или девятой ловушкѣ находитъ болѣе или менѣе важную добычу.

Расположеніе и устройство ловушекъ, дѣлаемыхъ обыкновенно только при пособіи топора, изъ дерева, безъ всякаго желѣзнаго скрѣпленія, чрезвычайно разнообразны, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма сложный и отчетливо обдуманный механизмъ заслуживаетъ удивленія. Онѣ такъ приспособлены къ свойствамъ, походкѣ и силѣ каждой породы попадающихся здѣсь звѣрей, что кажется невозможно придумать въ нихъ никакого болѣе полезнаго или необходимаго улучшенія.

Нужда—лучшій наставникъ людей. Она заставила юкагировъ и сосѣднихъ имъ народовъ, по недостатку другихъ родовъ промышленности, обратить всѣ умственныя свои способности на ловлю звѣрей и обученіе необходимыхъ для охоты собакъ, манщиковъ *) и проч., и должно признаться, что туземцы довели въ томъ и другомъ искусство до высокаго совершенства.

Отъ юкагиръ перейдемъ къ чукчамъ. Чукчи обитаютъ на сѣверовосточной оконечности Азіи, отъ Чаунской губы до Берингова пролива съ одной стороны, и отъ рѣки Анадыра и верховьевъ Сухаго Анюя до Ледовитаго моря, съ другой. Сосѣдніе съ ними народы:—на югъ коряки, на западъ чуванцы и анюйскіе юкагиры.

Названіе двухъ рѣкъ—Большая и Малая Чукочья, впадающихъ съ западной стороны въ устья Колымы, заставляютъ предполагать, что чукчи занимали нѣкогда гораздо большее пространство земли, и что Ленскіе казаки, покоривъ берега рѣки Колымы, вытѣснили ихъ отсюда. Такое предположеніе еще болѣе подтверждаютъ преданія, сохранившіяся между жителями Колымскаго округа, о частыхъ, опустошительныхъ набѣгахъ чукчей на первобытныя русскія поселенія по лѣвому берегу рѣки. Говорятъ, что тогда получили свои названія Погромное и Убіенное урочища. Въ этихъ же мѣстахъ обитали нѣкогда омоки, шелаги и другія племена, вытѣсненныя чукчами.

Изъ всѣхъ племенъ Сѣверной Азіи, чукчи въ наибольшей чистотѣ сохранили свою народность. Чувствуя собственную слабость, они миролюбиво кочуютъ по тундрамъ, скаламъ и утесамъ своей родины, предѣлы которой отъ прежнихъ кровопролитныхъ битвъ съ покорителями

*) Манщиками (отъ слова: манить) называютъ домашнихъ оленей, пріученныхъ отвлекать дикихъ оленей отъ табуновъ и подводить на разстояніе выстрѣла къ своему хозяину, или въ разставленный капканъ. Хорошій, надежный манщикъ дорого цѣнится, и обученіе его требуетъ большихъ трудовъ и тѣрпѣнія.

Сибири значительно стѣснились. Какъ всѣ дикіе, необразованные народы, чукчи имѣютъ немногія потребности, легко удовлетворяемыя произведеніями оленьихъ стадъ, которыя даютъ имъ жилища, одежду, пищу, и все, что потребуется для кочевой ихъ жизни. На снѣжныхъ степяхъ своего мрачнаго, льдистаго отечества, подъ легкими палатками изъ оленьихъ шкуръ, чукчи почитаютъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ сосѣдей, и на нихъ всегда смотрятъ съ сожалѣніемъ. Легко и хладнокровно переносятъ они всѣ недостатки и лишенія, и не завидуютъ другимъ, видя, что за необходимыя удобства и удовольствія жизни надобно отказаться отъ своей природной независимости.

До покоренія Сибири, чукчи и другія племена сѣверо-восточной Азіи, занимаясь разбоями и грабежами, жили въ безпрерывныхъ несогласіяхъ и вѣчной войнѣ съ своими сосѣдями. Первые набѣги русскихъ значительно ослабили эти междоусобія и сблизили враждовавшія племена, а наконецъ вторженіе якутскихъ воеводъ Павлуцкаго и Шестакова, въ 1750 году, побудили всѣ сосѣднія слабѣйшія племена соединиться совершенно съ чукчами, и, выбравъ военоначальниковъ, дружно противустать общему непріятелю. Бой былъ неровенъ. Послѣ нѣсколькихъ пораженій, чукчи, торжествовавшіе всегда надъ слабѣйшими сосѣдями, лишились высокаго понятія о своей непобѣдимости и бѣжали въ неприступныя горы и скалы своего отечества. Побѣдители не могли и не хотѣли слѣдовать за ними, въ землю, не обѣщавшую никакого вознагражденія за понесенные труды и опасности.

Русскіе довольствовались покореніемъ ближайшихъ племенъ и долго не имѣли никакихъ сношеній съ чукчами. Наконецъ торговля сблизила оба народа. Сначала, не довѣряя русскимъ, чукчи многочисленными, вооруженными толпами выступали только на границы своего отечества, но мало по малу, увѣрившись многолѣтними опытами въ миролюбіи своихъ побѣдителей, сдѣлались довѣрчивѣе, и нынѣ приходятъ съ своими женами, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, къ русскимъ для выгодной обѣимъ сторонамъ торговли. Постоянное сообщеніе и обращеніе съ русскими имѣло выгодное вліяніе на дикарей и замѣтно смягчило грубые нравы ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, подобно юкагирамъ, чуванцамъ, корякамъ и другимъ народамъ, хотя и гордые своею самостоятельностью, чукчи постепенно покорятся и совершенно сольются съ русскими.

Чукчи переходятъ съ мѣста на мѣсто, но у нихъ гораздо болѣе осѣдлости, нежели у другихъ кочевыхъ народовъ. Они собираютъ за-

пасы, и только скудость пастбищъ и недостатокъ корма оленямъ могутъ принудить ихъ перемѣнить жилье. Наклонность чукчей къ осѣдлой жизни появляется и въ бережливости, даже скупости, качествахъ, совершенно несвойственныхъ кочующимъ народомъ. Самая одежда чукчей, широкая, неуклюжая кухлянка и длинныя мѣховыя шаровары, приспособлены къ сидячей жизни. Напротивъ, короткіе въ обтяжку штаны и узкій санаяхъ (родъ кафтана, или старинnаго фрака) совершенно соотвѣтствуютъ безпрестанной движимости тунгусовъ, вообще отъ всѣхъ своихъ сосѣдей отличающихся проворствомъ, легкостью и всегдашнею веселостью.

Въ прежнія времена, чукчи жили единственно произведеніями своихъ стадъ, скитаясь съ ними по тундрамъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ лишились своихъ оленей отъ болѣзней и другихъ несчастій, и для пропитанія своего принуждены были обратиться къ ловлѣ китовъ, моржей и тюленей. Они покинули тундры и нагорныя страны, и поселились на берегахъ моря. Эти земноводныя животныя являются чаще въ краяхъ, далѣе на востокъ лежащихъ, потому и береговое народонаселеніе, по мѣрѣ приближенія къ Берингову проливу, является многочисленнѣе.

Такимъ образомъ чукчи раздѣляются нынѣ на два отдѣла: на осѣдлыхъ или береговыхъ, и на оленныхъ или кочевыхъ. Оба племени живутъ въ согласіи и взаимно снабжаютъ одно другое жизненными потребностями. Береговые чукчи доставляютъ кочующимъ китовыя ребра и китовое мясо, моржевые ремни, жиръ, а въ замѣнъ получаютъ оленьи кожи и готовыя платья.

Осѣдлые чукчи живутъ малыми селеніями. Хижины ихъ дѣлаются на шестахъ и китовыхъ ребрахъ, обтягиваемыхъ сверху оленьими кожами, и видомъ уподобляются большимъ неправильнымъ конусамъ. Сторона, обращенная къ сѣверу, далеко выдается впередъ, а южная, напротивъ, почти совершенно пряма. Здѣсь бываетъ маленькая низкая дверь, или отверстіе, завѣшанное оленьею шкурою. На вершинѣ хижины продѣлано бываетъ круглое отверстіе для дыма отъ очага, помѣщеннаго въ срединѣ хижины. Въ углубленіи, обращенномъ къ сѣверу, помѣщается другая, маленькая четыре-угольная палатка изъ оленьихъ кожъ, служащая спальнею. Въ сильные морозы служитъ она и кухней, и въ такомъ случаѣ жгутъ здѣсь, вмѣсто дровъ, мохъ, облитый жиромъ. Вообще чукчи, по недостатку лѣса, употребляютъ вмѣсто дровъ китовыя ребра и всякія кости, обливая ихъ для лучшаго горѣнія жиромъ.

Изъ палатокъ поднимаются столбы искристаго дыма; иногда на снѣту разложенъ огонь и на немъ, въ котлахъ, варится оленина. Между палатками снуютъ закутанные въ мѣховыя платья, покрытые инеемъ чукчи, и, не смотря на морозъ въ 34°, спокойно и весело суетятся. Подумаешь по-неволѣ, что они вовсе не знаютъ, что такое стужа!

Палатки сшиваются изъ мягко выдѣланныхъ оленьихъ шкуръ (ровдухъ) и растягиваются на нѣсколькихъ шестахъ, соединенныхъ верхними концами. Вверху оставляется отверстіе для дыма. Подъ наметомъ помѣщается: кухня, гдѣ привѣшивается большой желѣзный котелъ, подъ которымъ раскладывается огонь, и собственно-жилая комната, или пологъ. Послѣдній ни что иное, какъ большой мѣшокъ, сшитый изъ двойныхъ, тончайшихъ шкуръ молодыхъ оленей; онъ растягивается на тонкихъ шестахъ, въ видѣ большаго четыреугольнаго ящика, безъ всякаго отверстія для воздуха, или свѣта. Въ пологѣ можно только сидѣть и двигаться на колѣняхъ. Входящій поднимаетъ одну изъ шкуръ, служащихъ стѣнами полога, на столько, чтобы съ трудомъ можно было проползти на четверенкахъ, а потомъ опускаетъ и затыкаетъ подъ мѣха, лежащіе на полу. Для освѣщенія и нагрѣванія полога стоитъ въ срединѣ довольно большой глиняный сосудъ, въ которомъ день и ночь горитъ мохъ въ китовомъ жиру. Этотъ огонь производитъ такой жаръ въ пологѣ, что чукчи сидятъ въ немъ, при сильнѣйшихъ морозахъ, совершенно нагіе. Иногда подъ однимъ наметомъ находятся два, или три полога, изъ которыхъ въ каждомъ живутъ отдѣльныя семейства, или жены хозяина съ своими дѣтьми.

Пища чукчей состоитъ наиболѣе изъ произведеній животнаго царства; обыкновенно составляетъ ее вареная оленина, съ тюленьимъ или рыбьимъ жиромъ. За лакомство считаютъ чукчи мясо бѣлаго медвѣдя и китовую кожу, которую ѣдятъ сырую, оставляя на ней при съемкѣ тонкій слой мяса; вкусомъ она похожа на стерлядь. Мясной сокъ смѣшиваютъ они со снѣгомъ и составляютъ изъ него особый родъ питья, которое подаютъ въ большихъ деревянныхъ чашкахъ. Каждый чукча носитъ при себѣ маленькую, просверленную оленью кость, черезъ которую втягиваетъ въ себя питье изъ чашки. Рыбу употребляютъ въ пищу только при недостаткѣ, а отъ соли показываютъ рѣшительное отвращеніе. Замѣчательно, что въ странахъ, гдѣ, при ужасныхъ морозахъ, каждое средство согрѣваться должно быть дорого, всѣ кушанья подаются совершенно холодныя, а взаключеніе съѣдается даже *большой* кусокъ смерзшагося снѣга. Врангелю часто случалось видѣть,

что при 30° и болѣе мороза, чукчи брали отъ времени до времени пригоршни снѣга и съ видимымъ удовольствіемъ жевали его.

Одинъ богатый старшина пригласилъ къ себѣ Врангеля, который такимъ образомъ описалъ трапезу чукчей.

«Я радовался случаю узнать внутреннюю семейную жизнь чукчей, но когда я, по наставленію и примѣру гостепріимнаго хозяина, вползъ описаннымъ выше образомъ подъ пологъ, то проклялъ свое любопытство. Можно себѣ представить, какова атмосфера, составленная изъ густаго вонючаго дыма китоваго жира и испареній шести нагихъ чукчей! Жена и семнадцатилѣтняя дочь хозяина приняли меня въ такомъ пышномъ, домашнемъ костюмѣ съ громкимъ смѣхомъ, возбужденнымъ, вѣроятно, моею неловкостью при входѣ въ пологъ. Онѣ указали мнѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, и спокойно продолжали вплетать бисеръ въ свои косматые, намазанные жиромъ, волосы. Послѣ я узналъ, что это дѣлалось въ честь моего прихода. Окончивъ свои занятія, хозяйка принесла въ грязной деревянной чашкѣ вареную оленину, безъ соли *) и, прибавивъ къ тому порцію полупротухлаго китоваго жира, ласково пригласила меня закусить. Дрожь пробѣжала по моему тѣлу при видѣ такого блюда, но я долженъ былъ, чтобы не обидѣть хозяина, проглотить нѣсколько кусковъ оленины. Между тѣмъ, съ невѣроятнымъ проворствомъ, хозяинъ мой руками набилъ себѣ въ ротъ мяса съ китовымъ жиромъ, превознося ломанымъ русскимъ языкомъ необыкновенный даръ своей жены приготовлять китовый жиръ такъ, что онъ именно получаетъ необходимую пріятную степень горечи. По возможности сократилъ я посѣщеніе, спѣша вырваться на чистый воздухъ. Запахъ полога оставался еще нѣсколько дней въ моихъ платьяхъ, не смотря на неоднократное выколачиваніе и провѣтриваніе. Леутъ справедливо почитается однимъ изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ чукотскихъ старшинъ, и по его житью можно получить нѣкоторое понятіе о пріятностяхъ домашней жизни остальныхъ чукчей. Удивительно, какъ, при такой неопрятности и зараженномъ воздухѣ жилищъ, народъ этотъ остается сильнымъ и здоровымъ».

Главное занятіе береговыхъ жителей составляетъ ловля тюленей и моржей. Для первой употребляютъ они родъ сѣтей, сдѣланныхъ изъ ремней, спускаемыхъ подъ ледъ, въ прорубь, и тюлени запутываются

*) Чукчи, какъ вообще всѣ кочевые народы, не употребляютъ и не любятъ соли.

въ нихъ головою и лапами. Впрочемъ за тюленями охотятся и другимъ способомъ: чукча надѣваетъ бѣлое платье, чтобы какъ можно менѣе отличаться отъ снѣга, и ложится недалеко отъ того мѣста, куда тюлени обыкновенно вылѣзаютъ грѣться. Кромѣ копья, у охотника бываетъ еще особаго рода орудіе, состоящее изъ нѣсколькихъ медвѣжьихъ зубовъ, прикрѣпленныхъ къ палкѣ; имъ скребетъ онъ безпрестанно по льду и снѣгу, для того, чтобы, по мнѣнію чукчей, усыпить звѣря. Вѣроятно, что такой легкій однообразный шумъ производится для того, чтобы заглушить шорохъ снѣга при движеніяхъ охотника, который мало по малу приближается къ тюленю и умерщвляетъ его копьемъ. Этотъ способъ охоты почти всегда удается. Волковъ ловятъ чукчи совершенно особеннымъ образомъ: концы довольно длиннаго куска китоваго уса заостряются и связываются ниткою. Образовавшійся такимъ образомъ кругъ обливается водою до тѣхъ поръ, пока не покрывается весь толстою ледяною корою, недопускающею его разогнуться, а потомъ веревка разрѣзывается и все обмазывается жиромъ. Такая приманка бросается на снѣгъ, и волкъ, найдя ее, съ жадностію глотаетъ; но въ желудкѣ его ледъ растаиваетъ, китовый усъ разгибается и заостренными концами умерщвляетъ звѣря. Увѣряютъ, что рѣдко не удается это средство.

На Колючинскомъ островѣ убиваютъ моржей во множествѣ. Когда выходятъ они на берегъ грѣться на солнцѣ, жители нападаютъ на нихъ, отрѣзываютъ имъ дорогу къ водѣ, гонятъ ихъ далѣе на землю и легко бьютъ палками. Моржи для осѣдлыхъ чукчей хотя и не столь необходимы, но полезны не менѣе оленей для кочующихъ. Мясо, нѣкоторыя части кожи и жиръ ихъ употребляются въ пищу, а жиръ иногда служитъ еще вмѣсто топлива, согрѣвая и освѣщая жилища чукчей. Кожа доставляетъ имъ хорошіе ремни для упряжки и прочныя подошвы. Изъ внутренности и кишекъ моржевыхъ дѣлается легкое, непромокающее лѣтнее платье. Жилы замѣняютъ нитки. Наконецъ, изъ моржевыхъ клыковъ дѣлаютъ чукчи орудіе, употребляя его вмѣсто пешней для ломки льда и рытья замерзшей земли, но преимущественно клыки моржевые составляютъ главный предметъ мѣновой торговли съ оленными чукчами, передающими ихъ русскимъ.

Гораздо опаснѣе охота чукчей за бѣлыми медвѣдями. Чукчи отыскиваютъ ихъ среди неприступныхъ торосовъ Ледовитаго моря и убиваютъ копьями. Для рыбной ловли употребляютъ чукчи, вмѣсто сѣтей, родъ, корзинъ изъ тонкихъ прутьевъ, а для птичьей — родъ сѣтей, изъ длин-

ныхъ и узкихъ ремней, съ камнями или кусками моржевой кости на концахъ. Такія сѣти бросаютъ чукчи весьма искусно въ летящихъ высоко гусей или другихъ птицъ, и, запутывая ихъ въ ремняхъ, повергаютъ на землю. Вообще чукчи не страстные охотники, и хотя земля ихъ обилуетъ дикими оленями и баранами, лисицами, волками, медвѣдями и другими звѣрьми, но они ихъ не преслѣдуютъ. Только за медвѣдями гоняются они, потому что мясо ихъ почитаютъ лакомствомъ. Чукчи вооружаются луками и стрѣлами, но не очень ловко ими владѣютъ. Обыкновенныя оружія ихъ копье и особенно батасъ, употребляемые ими и противъ медвѣдей и противъ непріятелей. Вмѣсто желѣза, у нихъ весьма рѣдкаго, оружія чукчей снабжены остріями изъ моржевыхъ клыковъ.

Осѣдлые чукчи ѣздятъ на собакахъ, но запрягаютъ ихъ не по-парно, какъ на Колымѣ, а по четыре въ рядъ, и самое построеніе саней ихъ отлично и болѣе похоже на устройство саней, въ которыхъ ѣздятъ на оленяхъ. Чукотскія собаки менѣе ростомъ и слабѣе колымскихъ и камчатскихъ.

Что касается до торговли чукчей, то лучше всего будетъ описать ту ярмарку въ Островномъ, на которой случилось быть Врангелю.

Путь чукчей въ Островное довольно замѣчателенъ. Сначала они переѣзжаютъ съ Чукотскаго Носа въ Америку, и, наменявъ тамъ мѣховъ и моржевыхъ костей, отправляются въ Островное, съ своими женами, дѣтьми, оружіемъ, товарами, оленями и домами—настоящее переселеніе народовъ въ маломъ видѣ. Выбирая для перехода мѣста, обильныя мохомъ, чукчи часто должны уклоняться отъ прямой дороги и совершаютъ свое путешествіе въ пять и шесть мѣсяцевъ. При переходѣ черезъ степи слѣдуетъ за караваномъ множество саней, нагруженныхъ мохомъ для оленей. На берегахъ Чаунской губы чукчи перемѣняютъ своихъ утомленныхъ оленей у кочующихъ тамъ племенъ и слѣдуютъ далѣе. Посѣщая по дорогѣ ярмарки въ Анадырскѣ и Каменномъ на р. Гижигѣ, чукчи приходятъ въ Островное обыкновенно въ концѣ января или началѣ февраля. Здѣсь пробываютъ они девять или десять дней и отправляются обратно прежнимъ путемъ. Обыкновенно караванъ ихъ состоитъ изъ трехъ сотъ человѣкъ, въ томъ числѣ 100 и 150 воиновъ. Такъ проводятъ жизнь свою чукчи въ безпрерывныхъ переходахъ со всѣмъ имуществомъ и семействами. Каждый караванъ приходитъ въ Островное однажды въ два года; остальное время проводятъ чукчи въ горахъ и тундрахъ своей родины, занимаясь охотою и приготовленіями къ переходамъ. Тогда переѣзжаютъ они

на утлыхъ байдарахъ черезъ Беринговъ проливъ, пристаютъ обыкновенно для отдыха къ Гвоздевымъ островамъ, и являются въ Сѣверную Америку для мѣны на мѣха своихъ произведеній и русскихъ товаровъ. Должно удивляться смѣлости, съ какою и родъ, не имѣя понятія о судоходствѣ, совершаетъ на маленькихъ байдарахъ столь большіе переѣзды по бурному и туманному морю.

Мѣха, привозимые чукчами, состоятъ главнѣйше изъ черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, песцовъ, куницъ, выдръ и бобровъ; также привозятся медвѣжьи шкуры и моржевые ремни и клыки, и все, что чукчи вымѣниваютъ въ Америкѣ. Изъ своихъ произведеній доставляютъ они санныя полозья изъ китовыхъ ребръ, родъ мѣшковъ изъ тюленьей кожи, впрочемъ довольно грубо отдѣланной, и множество всякаго рода готоваго платья изъ оленьихъ шкуръ. Прежде привозили они также каменные топоры, ножи, оружія и американскія одежды; но какъ такіе товары худо раскупались, то и исчезли совершенно изъ оборота.

Русскіе товары состоятъ главнѣйше изъ табаку, желѣзныхъ вещей, какъ-то: котловъ, топоровъ, ножей, огнивъ, иголъ, мѣдной, жестяной, также деревянной посуды и множества разноцвѣтнаго бисера, для американцовъ и женщинъ. Гораздо охотнѣе привозили бы сюда купцы водку и вино, но, вслѣдствіе запрещенія правительства, эти предметы не являются открыто въ оборотѣ, а, вѣроятно, только тайно и въ маломъ количествѣ. Чукчи страстные любители горячихъ напитковъ, особенно хлѣбнаго вина, и рады отдать за него лучшіе свои товары. Для русскихъ потребителей доставляются сюда чай, сахаръ, матеріи, платки, и проч.

Кромѣ чукчей, собираются въ Островное всѣ сосѣднія племена изъза 1000 и 1500 верстъ. Юкагиры, ламуты, тунгусы, чуванцы, коряки пріѣзжаютъ сюда многочисленными толпами, частію на собакахъ, частію на лошадяхъ. Всѣ эти народы привозятъ для мѣны собственныя произведенія, особенно деревянные полозья для саней, которые съ выгодою сбываются чукчамъ на мѣха. Различіе одеждъ, физіономій и пріемовъ пріятно разнообразитъ и оживляетъ видъ торга.

Самый ходъ ярмарки описывается Врангелемъ слѣдующимъ образомъ.

«Февраля 10-го собрались русскіе купцы и чукотскіе старшины въ крѣпость къ коммисару прослушать правила, которыя должны быть наблюдаемы при торгѣ, и съ общаго согласія установить таксу товарамъ. Послѣднее необходимо потому, что безъ того безразсудное корыстолюбіе русскихъ купцовъ уронило бы непремѣнно цѣну русскихъ

произведеній. Послѣ многихъ споровъ, наконецъ обѣ стороны единодушно положили за два пуда табаку давать 16 лисьихъ и 20 куньихъ мѣховъ; по такому масштабу установилась цѣна и на прочіе товары. Продавшій ниже положенной цѣны обязанъ заплатить извѣстную денежную пеню и лишается права торговать въ томъ году на ярмаркѣ.

«Февраля 11-го, когда комиссаръ собралъ съ чукчей подати, впрочемъ довольно ничтожныя, за право торговли, совершилось въ часовнѣ торжественное богослуженіе и молебствіе *) о счастливомъ окончаніи торга, а потомъ подняли на башнѣ крѣпости флагъ, въ знакъ открытія ярмарки. Тогда чукчи, вооруженные копьями и стрѣлами, въ порядкѣ приближаются къ крѣпости, и на косогорѣ располагаютъ свои сани съ товарами, въ видѣ полукружія. Русскіе и другіе посѣтители помѣщаются на противной сторонѣ и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ колокольнаго звона, означающаго позволеніе начинать торгъ. Съ первымъ ударомъ колокола, кажется, какая-то сверхъ-естественная сила схватываетъ русскую сторону и бросаетъ старыхъ и молодыхъ, мужчинъ и женщинъ, шумною безпорядочною толпою, въ ряды чукчей. Каждый старается опередить другихъ, спѣшитъ первый подойдти къ санямъ, чтобы захватить тамъ лучшее и сбыть повыгоднѣе свои товары. Особенно ревностью и дѣятельностью отличаются русскіе. Обвѣшенные топорами, ножами, трубками, бисеромъ и другими товарами, таща въ одной рукѣ тяжелую кладь съ табакомъ, а въ другой желѣзные котлы, купцы перебѣгаютъ отъ однѣхъ саней къ другимъ, торгуются, клянутся, превозносятъ свои товары, и т. д. Крикъ, шумъ и толкотня выше всякаго описанія. Иной въ торопяхъ оступается и падаетъ въ снѣгъ; другіе спѣшатъ черезъ него; онъ теряетъ шапку, рукавицы, но это не мѣшаетъ; онъ тотчасъ вскакиваетъ и, съ непокрытою головою и голыми руками, не смотря на 30° мороза, бѣжитъ далѣе, стараясь усиленною дѣятельностью вознаградить потерянное время. Странную противоположность съ суетливостью русскихъ составляютъ спокойствіе и неподвижность чукчей. Они стоятъ, облокотясь на копья, у саней своихъ, и вовсе не отвѣчаютъ на неистощимое краснорѣчіе противниковъ **); если торгъ кажется имъ выгоднымъ, то молча берутъ они предлагаемые предметы и отдаютъ свои товары. Такое хладнокровіе и вообще обдуманность,

*) Къ сожалѣнію, шаманское богослуженіе чукчей по сему случаю происходило прежде моего сюда пріѣзда.

**) На Островской ярмаркѣ употребляется, можно сказать, свое особенное нарѣчіе, составленное изъ безпорядочной смѣси русскихъ, чукотскихъ, якутскихъ и другихъ словъ. Только на такомъ языкѣ объясняются между собою торгующіе.

составляющая отличительную черту характера чукчей, даетъ имъ на торгѣ большое преимущество передъ русскими, которые, въ торопяхъ, забывая таксу, отдаютъ вмѣсто одного два фунта табаку, а въ замѣнъ берутъ не соболя, а куницу, или другой мѣхъ меньшаго достоинства. Здѣсь имѣлъ я случай удивляться вѣрности, съ какою чукчи, не зная вовсе вѣсовъ, просто рукою отгадываютъ истинную тяжесть предмета и въ двухъ пудахъ замѣчаютъ недостатокъ двухъ, даже одного фунта.

«Торгъ продолжается обыкновенно три дня. Когда всѣ товары размѣнены, чукчи начинаютъ обратный путь, а русскіе и другіе посѣтители ярмарки спѣшатъ въ свои жилища. Мѣстечко снова пустѣетъ, и если черезъ нѣсколько дней послѣ торга сибирская мятель налетитъ на Островное,—оно исчезаетъ въ сугробахъ снѣговъ, и только торчащій флагштокъ крѣпости показываетъ путешественнику мѣсто, гдѣ однажды въ годъ устроивается цвѣтущій торговый городъ.»

На ярмаркѣ же въ Островномъ видѣлъ Врангель и забавы чукчей, которыя онъ описываетъ такимъ образомъ.

«Другой старшина, Макомокъ, пригласилъ меня присутствовать на народныхъ играхъ чукчей, которыя производились недалеко отъ крѣпости. На льду былъ очищенъ бѣгъ; почти всѣ посѣтители ярмарки собрались туда толпами. Для побѣдителей назначались бобровый и песцовый мѣха и два отличные моржовые клыка. По данному знаку началась скачка, причемъ равно надобно было удивляться необыкновенной быстротѣ оленя и искусству управлять симъ животнымъ и поощрять его. Кромѣ выигранныхъ наградъ, побѣдители заслужили всеобщее одобреніе и особенную похвалу своихъ соотечественниковъ, а послѣднее, казалось, было имъ всего дороже.

«Послѣ того бѣгали въ запуски—въ своемъ родѣ странное, замѣчательное зрѣлище, потому что чукчи остаются при томъ въ своей обыкновенной, тяжелой, неловкой одеждѣ, въ которой мы едва могли бы двигаться. Не смотря на то, они бѣжали по глубокому снѣгу такъ быстро и проворно, какъ наши нарядные скороходы въ легкихъ курточкахъ и тонкихъ башмакахъ. Особенно достойна удивленія неутомимость чукчей; они пробѣжали пятнадцать верстъ. Побѣдители также получили небольшіе подарки и громкое одобреніе зрителей. По окончаніи игръ началось угощеніе, состоявшее изъ вареной оленины, разрѣзанной на мелкіе кусочки. Замѣчательны спокойствіе и порядокъ, господствовавшіе въ толпѣ, не только при играхъ, но и при угощеніи; не было ни *толкотни, ни споровъ*, и каждый велъ себя тихо и благопристойно.

«На другой день большое общество чукчей, мужчинъ и женщинъ, пришло ко мнѣ на квартиру. Я предложилъ имъ чаю и леденцу, но они довольствовались леденцомъ, а чай имъ, какъ казалось, не нравился. Впрочемъ, не смотря на скудное угощеніе, нѣсколько нитокъ разноцвѣтнаго бисера развеселили моихъ гостей, и женщины вызвались плясать. Нельзя сказать, чтобы народная пляска чукчей заключала въ себѣ много пластики и граціи, но въ своемъ родѣ она необыкновенна. Представьте себѣ пятнадцать и болѣе закутанныхъ въ неуклюжія, широкія мѣховыя платья женщинъ, которыя, столпясь въ кучу, медленно передвигаютъ ноги и сильно машутъ руками. Главное достоинство состоитъ въ мимикѣ, которой я, по незнанію, не замѣтилъ. Вмѣсто музыки, нѣсколько чукчей пѣли отрывистую, довольно нескладную пѣсню. Въ заключеніе, три отличнѣйшія танцовщицы вызвались проплясать любимый народный танецъ, отъ котораго всѣ присутствовавшіе ихъ соотечественники были въ восхищеніи. Мы, непосвященные въ таинства чукотскаго вкуса, видѣли только три неповоротливыя фигуры, схватившіяся за руки. Наблюдая лица танцовщицъ, я удостовѣрился однакоже, что онѣ дѣлали, дѣйствительно, нечеловѣческія, нелѣпыя и самыя неестественныя гримасы. Общее утомленіе положило конецъ балу. По совѣту моего толмача, предложилъ я трещъ солисткамъ водки и табаку. Все общество было тѣмъ очень довольно, и чукчи со мною разстались въ наилучшемъ расположеніи духа, неоднократно пригласивъ меня посѣтить ихъ отчизну».

Многіе чукчи крещены, но и крещенные они остаются язычниками, не понимая собственно духа и смысла христіанскаго ученія. Для большей части чукчей крещеніе составляетъ только спекуляцію, посредствомъ которой они надѣются получить нѣсколько фунтовъ табаку, мѣдный котелъ, и тому подобные подарки. Отъ того нерѣдко случается, что иные добровольно вызываются вторично креститься, и явно выражаютъ свое негодованіе, когда имъ въ томъ отказываютъ. Священникъ, пріѣзжающій изъ Нижне-Колымска на время ярмарки въ Островное, обыкновенно находитъ нѣсколькихъ чукчей и ламутовъ, которые, въ надеждѣ получить подарки, согласны на крещеніе. При Врангелѣ одинъ молодой чукча объявилъ, что онъ, за нѣсколько фунтовъ черкасскаго табаку, желаетъ окреститься. Въ назначенный день собралось въ часовню множество народа и обрядъ начался. Новообращенный стоялъ смирно и благопристойно, но когда слѣдовало ему окунуться три раза въ купель съ холодною водою, онъ спокойно покачалъ головой и представилъ мно-

жество причинъ, что такое дѣйствіе вовсе не нужно. Послѣ долгихъ убѣжденій со стороны толмача, при чемъ, вѣроятно, неоднократно упоминался обѣщанный табакъ, чукча наконецъ рѣшился и съ видимымъ нехотѣніемъ вскочилъ въ купель, но тотчасъ выскочилъ и, дрожа отъ холода, началъ бѣгать по часовнѣ, крича: «Давай табакъ! Мой табакъ!» Никакія убѣжденія не могли принудить чукчу дождаться окончанія дѣйствія; онъ продолжалъ бѣгать и скакать по часовнѣ, повторяя: «Нѣтъ! болѣе не хочу, болѣе не нужно! Давай табакъ».

Этотъ случай можетъ служить образчикомъ понятій здѣшнихъ новообращенныхъ о христіанствѣ, которое впрочемъ не можетъ имѣть достаточнаго вліянія и пользы, даже и потому, что не предшествуется предварительнымъ ученіемъ. Кажется, что самое введеніе христіанства, при уединенной, бродячей жизни, еще невозможно тѣмъ болѣе, что священники, по недостаточному знанію языка, не въ состояніи удовлетворительно объяснять основныхъ понятій христіанскаго ученія. С.-Петербургское Библейское Общество, въ царствованіе Александра I, перевело на чукотскій языкъ десять заповѣдей, Отче нашъ, Символъ вѣры и часть Евангелія, напечатало русскими буквами и прислало сюда; но этотъ трудъ не принесъ большой пользы. Въ грубомъ чукотскомъ языкѣ недостаетъ словъ для выраженія новыхъ, отвлеченныхъ понятій, а русскія буквы не могутъ передать многихъ звуковъ, и потому, по свидѣтельству священника и почетнѣйшихъ чукотскихъ старшинъ, переводъ весьма неудовлетворителенъ, а иногда совершенно непонятенъ. Вообще крещеные чукчи исполняютъ только тѣ христіанскіе обряды, которые не сопряжены съ трудомъ или издержками, и могутъ принести какую нибудь пользу. Такъ наприм., не смотря на крещеніе, богатые чукчи имѣютъ по двѣ, по три и болѣе женъ, которыхъ они по произволу берутъ, оставляютъ и мѣняютъ на нѣкоторое время на другихъ. Не смотря на то, что женщины считаются здѣсь рабынями, судьба ихъ во многихъ отношеніяхъ лучше участи женщинъ другихъ дикихъ народовъ. Чукча никогда не разлучается съ своею женою, которая легко можетъ заслужить уваженіе своего мужа и нерѣдко управляетъ имъ и всѣмъ домомъ.

Вообще нравы и обычаи этого народа суровы и часто свирѣпы. Такъ напримѣръ, сохранилось у нихъ противуестественное, безчеловѣчное обыкновеніе убивать дѣтей, рождающихся съ физическими недостатками, или слишкомъ слабыми, и стариковъ, которые не въ состояніи переносить трудовъ кочевой жизни. Такъ отецъ старшины Валетки,

соскуча жизнію и чувствуя себя слабымъ, по собственному настоятельному требованію былъ зарѣзанъ своими ближайшими родственниками, которые при этомъ дѣйствіи исполнили, по ихъ мнѣнію, священную обязанность. Не смотря на старанія правительства и духовенства, этотъ ужасный обычай строго исполняется, поддерживаемый, вѣроятно, шаманами, которые вообще пріобрѣли большую власть и сильное вліяніе надъ чукчами.

Каждое племя, каждый караванъ имѣютъ своихъ, одного или нѣсколькихъ шамановъ, и ихъ мнѣніе требуется и исполняется во всѣхъ важныхъ случаяхъ. Вотъ примѣръ ужасной, неограниченной, можно сказать, власти шамановъ: въ 1814 году, между чукчами, прибывшими въ Островное, появилась заразительная болѣзнь, распространилась вскорѣ на оленей и продолжалась, не смотря на всѣ принимаемыя мѣры. Наконецъ, въ общемъ торжественномъ собраніи, всѣ шаманы объявили, что разгнѣванные духи тогда только прекратятъ заразу, когда имъ принесется на жертву Коченъ, одинъ изъ почетнѣйшихъ и богатѣйшихъ старшинъ. Коченъ былъ такъ уважаемъ и любимъ всѣмъ народомъ, что чукчи, забывъ свое привычное повиновеніе шаманскимъ изреченіямъ, отказались исполнить ихъ. Повѣтріе продолжалось; люди и олени гибли, а шаманы, не смотря на подарки, угрозы, можетъ быть и побои *), не соглашались перемѣнить приговора. Тогда самъ Коченъ второй Курцій, собралъ народъ и объявилъ, что онъ убѣдился въ непреклонности воли духовъ и рѣшается для спасенія своихъ соотечественниковъ добровольно пожертвовать жизнью. Даже и послѣ того любовь къ нему долго боролась съ необходимостью исполнить ужасный приговоръ; никто не рѣшался умертвить жертвы; наконецъ сынъ Кочена, смягченный просьбами и угрожаемый проклятіемъ, вонзилъ ножъ въ грудь отца и передалъ трупъ его шаманамъ.

Когда кочующія племена получатъ осѣдлость, и наставленія и примѣры образованныхъ сосѣдей будутъ постоянно на нихъ дѣйствовать, тогда только можетъ постепенно исчезнуть самосозданная вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ и шамановъ, тогда только можетъ быть съ успѣхомъ введено здѣсь и христіанство.

---

*) Говорятъ, что иногда пытаются побоями заставить шамана отмѣнить какой нибудь приговоръ, но такое домашнее средство рѣдко удается; по большей части шаманы остаются непреклонны и тѣмъ заслуживаютъ общее уваженіе.

G
161
.P85

ES

G 161 .P85
Putevye ocherki. C.1
Stanford University Libraries
3 6105 037 059 073

G
161
.P85

DATE DUE

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305